ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Василий ГОЛОВАЧЕВ
Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 7

ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА

Фантастический роман
в стиле action

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

ББК 84.Р7
Г 61

Художник **А. ТАРАСОВ**

Головачев В.

Г 61 Избранные произведения. Т. 7. Тень Люциферова крыла: Фантастический роман.— Нижний Новгород: Флокс, 1994.— 553: ил.

ISBN 5-87198-063-5

В седьмой том собрания сочинений Василия Головачева входит новый роман этого знаменитого писателя «Тень Люциферова крыла», написанный в стиле action. Герои романа путешествуют по вселенным, борются, страдают, побеждают. Мощь идей и масштабность созданного автором мира потрясают воображение.

Г $\frac{4702010201-017}{Д40(03)-94}$ без объявл. ББК 84.Р7

ISBN 5-87198-063-5

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1994

ТЕНЬ Люцифера КРЫЛА

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.)

А. Блок

Мир — бездна бездн!

И. Бунин

1

Никита всей грудью вдохнул прохладный вечерний воздух: самый длинный июньский день закончился, прошел дождь, смыв жару и духоту, и парк был напоен ароматами цветов и трав.

— Вздыхаешь так, будто потерял что,— заметил спутник, головой едва доставая Никите до подбородка.— Или устал? Но танцевал ты сегодня блестяще! Я бы даже сказал — на пределе. Конечно, я не эстет, но, по-моему, такой танец требует не только мастерства, но высочайшей культуры движения, исключительной пластики и координации. Ты поразил всех, в том числе и меня. Уж не прощался ли с группой?

Никита искоса глянул на товарища, освещенного рассеянным светом недалекого фонаря. Тоява Такэда, Толя — как его звали все от мала до велика. Тридцать два года, отец японец, мать русская. От отца нос пуговкой, раскосые глаза-щелочки, черные блестящие волосы, невозмутимость и сдержанность, от матери большие губы, широкие скулы и застенчивость, несколько странная для мужчины и бойца. Инженер-электронщик, кандидат технических наук. «Черный пояс» айки-дзюцу. Коллекционер старинного холодного оружия и философских трактатов древности. И рядом Никита Сухов, Ник или Кит, или просто Сухов — акробат, гимнаст, танцор-солист в труппе шоу-балета. М-да...

Никита вспомнил, как они познакомились.

Раз в неделю, по субботам, он ходил вместе с приятелем в баню-сауну на Кривоколенном. На этот раз приятель — сосед по лестничной клетке — уехал в командировку, и Сухову пришлось идти одному. Банщик, сориентировавшись, впустил кого-то из своих знакомых, и этим знакомым оказался Тоява Оямович Такэда.

Когда Никита, дважды пройдя сухую и мокрую парилки, блаженствовал в бассейне, к нему по бордюру подошел невысокий, по сравнению с акробатом, тонкий, худощавый, но весь перевитый мышцами-канатами, молодой японец, в котором явно текла и европейская кровь.

— Извините,— вежливо сказал он, опускаясь на корточки.— Меня зовут Толя.— По-русски он говорил без акцента.— А вас?

— Сухов.— Никита приоткрыл глаза, стоя в воде по грудь.— Фамилие такое. По паспорту я Никита Будимирович. Правда, все привыкли звать меня просто Сухов.

Новоявленный знакомец тихо рассмеялся.

— Да и меня в общем-то зовут иначе: Тоява Такэда. Толя — это уже русифицированный вариант. Я вас видел здесь дважды, но разглядел одну деталь только сейчас.

— Какую? — Сил у Никиты хватало только на краткие реплики.

Толя коснулся пальцем плеча Никиты: там красовались рядом четыре родинки, каждая из которых напоминала цифру «семь».

— Divini numeri.

— Что?

— С латыни — священные числа. Дело в том, что я немного увлекаюсь эзотеризмом и математикой Пифагора, а он об этих числах написал целый трактат.

— Ну и что?

Японец протянул руку вперед, и Никита увидел на предплечье три таких же, как у него, родинки, но похожие на цифру «восемь».

— Три восьмерки — это по Пифагору знак великого долга,— продолжал Толя мягко.— А ваши четыре семерки — знак ангела. Люди с таким знаком умирают в младенчестве, а если живут, то им постоянно угрожает опасность.

С Никиты слетела дрема, парень его заинтересовал.

— Насчет ангела я с вами согласен, мама говорила мне то же самое. А вот насчет опасности... Вы что же, всерьез в это верите? В мистику?

— В мистику — нет, в магию цифр — да...

Так они познакомились год назад и стали друзьями, хотя Толя был старше Никиты на шесть лет. По имени он его, как и приятели в театре, также звал редко, чаще — меченый или Сухов. А иногда, в зависимости от своего отношения к поступку Сухова, делил его имя, называя то Ником, если был доволен им, то Китом, если считал неправым...

Такэда понял взгляд товарища по-своему:

— Ты сегодня какой-то странный, Никки. Хочешь, познакомлю с красивой девушкой?

Никита покачал головой.

— По христианским представлениям женщина — источник соблазна и греха. У нас в группе их двадцать, так что с меня греха вполне достаточно.

— Знаю я, как ты грешишь, точно — ангел, недаром четыре семерки на плече носишь. Вина не пьешь, мяса не ешь, с женщинами не спишь. Или я не в курсе? Вот первый мой учитель по айкидо — тот знал толк в пяти «ма».

— Пять «ма»? Напомни.

— Объекты почитания в тантризме: мадья — вино, манса — мясо, матсья — рыба...

— Вспомнил: мадра — жареная пшеница, так? И майтхуна — это... м-м...

— Оно самое, с женщинами. Ладно, если можешь обойтись — обходись, это хороший принцип. Но я бы тебе все-таки посоветовал заняться айкидо. Или кунгфу.

— Зачем? Драться я ни с кем не собираюсь.

— Айкидо — не умение драться, это прежде всего философия, отношение к жизни, к себе, к самосовершенствованию. Это искусство и наука, а главное — культура бытия.

— Завел сказку про белого бычка. На протяжении всей своей истории человечество почему-то обожествляло бой, хотя акробатика, гимнастика и балет требуют лучшей координации и более высокой культуры движения.

Такэда погрустнел.

— Тут я с тобой согласен. Однако именно поэтому тебе и стоило бы заняться кэмпо, база у тебя отличная. Как ты сегодня танцевал! Долго тренировался?

— Долго.— Никита снова прокрутил в памяти только что прошедший вечер, да и тело еще не отошло, и сладко ныли натруженные мышцы.

В балетную труппу Коренева он попал после окончания Смирновского танц-хореографического, занимаясь одновременно гимнастикой и акробатикой в сборной команде России, имея степень мастера международного класса. Случались, конечно, накладки, когда тренировки в сборной совпадали с репетициями в балете, однако Никите как-то удавалось творить компромиссы, то есть тренироваться и работать в полную силу в течение двух лет. В отличие от друзей он не любил ходить в ночные клубы, хотя и бывал в Олимпийском, но удовольствие он получал по иным каналам. Несмотря на свой рост — сто девяносто три сантиметра и приличный вес, акробатом он был от бога — как говаривал Толя Такэда,

добавляя: врожденный дар, да еще отшлифованный. Но и в танце Сухов не знал себе равных, затмив славу самого Коренева, который основал труппу современного эстрадного шоу-балета и подгонял ее под себя. Никита был по натуре солистом, танец любил и понимал естеством, совершенно свободно, чему способствовала и атмосфера семьи: мать сама танцевала когда-то, преподавала хореографию, а отец был неплохим музыкантом-скрипачем, пока не умер внезапно, мгновенно, от разрыва сердца в одной из гастрольных поездок за границей.

Сначала Коренев ставил молодого танцора в параллельные связки, не слишком обращая внимание на рост мастерства и класса его, но потом заметил, что сам уходит на вторые роли, и для Никиты наступили трудные времена. Выделяясь из массы остальных исполнителей, он вынужден был подгонять свой темперамент, силу, возможности растяжки и пластики под общее д в и ж е н и е, потому что Коренев перестал давать ему сольные роли практически во всех программах.

Промучившись таким образом полгода, подумывая о переходе в другие труппы, в том числе классического балета — предложения были и довольно солидные,— Никита вдруг решил создать собственную программу и показать ее на конкурсном отборе среди мастеров балета. В формировании программы большую помощь оказала мама, дав несколько советов и показав видеоролик с выступлениями выдающихся фигуристов мира. Танец Толлера Крэнстона, канадского профессионала, выступавшего в семидесятые годы двадцатого века и не превзойденного позже никем из последователей в течение четверти века, произвел на Никиту огромное впечатление. Такой пластичности, красоты движения, необычности поз он еще не видел, и загорелся создать нечто подобное не на льду, а на сцене.

Тренировался он почти год, никого не посвятив в свой план, даже Такэду, а потом внезапно сорвался: оставил после репетиции труппу, сказав, что подготовил сюрприз, включил кассету с музыкой, под которую репетировал программу, и двадцать минут летал над сценой в порыве какого-то неистового вдохновения, соединив плие, пируэты, фуэте и арабески [1] в необычные и сложные комбинации. Может быть, он уже знал или предчувствовал, что нигде и никогда больше не покажет этот танец, в том числе и на конкурсе.

Танец не имел названия, он сочетал в себе элементы многих классических и эстрадных танцев с стиле рэп, брейк и монопляс, кроме того в нем присутствовали и сложнейшие па акробатических прыжков и гимнастических связок, а также придуманные

[1] Группы приседаний, вращений, поз, прыжков и вращений в балете. *(Здесь и далее прим. автора).*

танцором тончайшие пластические переходы мышечных растяжек и гибких махов, имитирующих бесподобную поступь леопарда, охоту пантеры, броски змеи и гротескный полет гиббона по деревьям.

Для увязки всего этого сложного танцевального пространства Никита использовал чистоту, благородство и пластичность языка русской школы, ритмику Хаммера, негритянского певца и танцора девяностых годов двадцатого века, и опыт индийской танцевальной культуры, насчитывающей тысячелетия. Особенно ему подошли стили школ бхарат натья и катхак — утонченной разработкой мимики и движений рук, а также своеобразной системой канонических жестов.

Когда музыка закончилась, в зале театра, оказавшемся забитым почти до отказа,— слухи о «конкурсном показе» просочились во все помещения театра, и в зал прибежали все, кто там был,— установилась абсолютная тишина. Ни скрипа, ни шороха, ни хлопка! Лишь чей-то тихий вздох. Так, в полной тишине, Никита и сошел со сцены, улыбнувшись Такэде, который молча взял его под руку.

Да, вероятно, это и было прощание. С коллективом, во всяком случае, если не с театром и студией. И все это поняли, кроме Коренева, пожалуй, который пытался что-то говорить вслед уходящим, требовать, давать распоряжения, и замолк на полуслове, потому что зал вдруг встал и стоя проводил танцора штормом аплодисментов...

— Ты домой? — Толя Такэда, щурясь, смотрел на него задумчиво и понимающе. У Никиты потеплело на душе: порой ему казалось, что друг свободно читает его мысли, сочувствуя и сопереживая при этом. Это он нашел у Бранта четверостишие:

От танцев много есть последствий,
Весьма тлетворных в младолетстве:
Заносчивость и самохвальство,
Распутство, грубость и нахальство.[1].

И добавлял: тебе не хватает лишь последнего.

— Проводить?

— Нет, пройдусь по парку, хочу побыть наедине с собой. Завтра в два обедаем у тебя в институте.

Такэда хлопнул ладонью по подставленной ладони танцора, но не успел сделать и шага, как вдруг из парка донесся странный улюлюкающий свист и гул, от которого задрожала земля. Что-то с неистовым треском взорвалось, по аллеям парка расползлось ядовитое шипение, заглушенное удаляющимся топотом. Яркие голубовато-зеленые всполохи озарили небо над северным районом массива, погасли. Наступила тишина.

— Что это? — удивленно поднял брови Сухов.

---

[1] С. Брант. Корабль дураков.

Такэда глянул на руку, на пальце которой красовался замысловатой формы перстень: в глубине черного камня горел рубиновый шестиугольник.

— О Сусаноо!..[1] Иди домой, Кит, потом поговорим. Кое-что мне здорово не нравится.

— Но ты видел? Гроза будет, что ли?

— Не знаю. Пока.— Инженер бесшумно растворился в ночи. Никита иногда шутил, что ходит он, как ниндзя, но в этой шутке была большая доля правды: Толя занимался айки-дзюцу с младенческого возраста, сначала с дедом Сокаку Такэда, который сохранил технику сосредоточения жизненной энергии школы Дайторю, а потом под руководством отца, и к своим тридцати двум годам, овладев тайнами восточных единоборств, стал мэнкё — мастером высшего класса. Что не мешало ему заниматься философией и работать в институте электроники.

Никита улыбнулся своим мыслям и, не спеша, направился по боковой аллее парка к выходу на стоянку, где стояла его машина, не придав значения необычным звукам и вспышкам. С этого момента колесо его бытия сдвинулось с наезженной колеи, увлекая к событиям странным, таинственным и страшным, к которым он абсолютно не был подготовлен.

Он успел пройти лишь треть аллеи, отметив почти полное отсутствие фонарей, как вдруг впереди и слева, за кустами черемухи, раздался вскрик, за ним глухие удары, возня, еще один вскрик и долгий мучительный стон. Затем все стихло.

Покрывшийся мурашками Никита в нерешительности остановился, вглядываясь в темноту. Свет фонаря, горевшего сзади метрах в десяти, сюда почти не доставал, и разглядеть, что делается в кустах, было невозможно. Сухов по натуре не был трусом, но и на рожон лезть не любил, предпочитая разумный компромисс открытому бою, хотя физически одарен был великолепно. Однако он занимался тем видом спорта, который не поднимает в человеке чувства неприязни и желания победить соперника насилием, в акробатике и гимнастике человек, по сути, борется с собой и лишь потом — опосредованно — с противником. Еще ни разу в жизни Никита не сталкивался с ситуацией, заставившей бы его драться за жизнь, хотя мелких стычек было достаточно, и все же судьба его хранила. Но кто знает наверняка, когда надо быть осторожным, а когда бросаться вперед, сломя голову?

Из-за кустов раздались шорохи, треск ветвей, затем шаги нескольких человек, и на асфальтовую дорожку вышли четверо мужчин в одинаковых пятнистых комбинезонах, с какими-то палками в руках и дипломатами, замки на которых и металлические

[1] Бог дождя, грозы и грома *(яп.)*.

углы светились голубым призрачным светом. Увидев Сухова, они остановились, потом один из них, огромный, широкий, как шкаф, ростом с Никиту, если не выше, тяжелой поступью двинулся к нему. То, что Сухов принял за палку, оказалось коротким копьем со светящимся, длинным и острым, как жало, наконечником.

Бежать было поздно, да и вид четверых был так необычен, что первой пришла мысль: десантники! Выбросили их здесь для тренировки, вот и все. В здравом уме никто не станет разгуливать по парку в маскировочных костюмах. А быть может это артисты, снимают какой-то экзотический боевик, пришла другая мысль, не менее успокаивающая. Тоже вариант не исключен.

— Вы не слышали? — поинтересовался Никита, на всякий случай принимая стойку.— Кто-то кричал недалеко.

Гигант подошел вплотную, наконечник его копья уперся в грудь Сухова, засветился сильней.

— Осторожнее,— недовольно буркнул танцор, отодвигаясь,— что за шутки в такое позднее...— Он не договорил, только теперь разглядев лицо незнакомца.

Оно было неестественно бледным, вернее, совершенно белым! Белки глаз светились, а зрачки, огромные, как отверстия пистолетного дула, источали угрозу и странную сосущую тоску. Губы, прямые и узкие, казались черными, а нос больше походил на треугольный клапан и мелко подрагивал, будто незнакомец принюхивался.

— Иди назад! — шелестящим голосом, без интонаций, но тяжело и угрюмо сказал «десантник».— Шагай.

Никита сглотнул, с трудом отводя взгляд от гипнотизирующих глаз незнакомца. Возмутился:

— С какой стати я должен шагать назад? Я иду домой, так короче. В чем дело?

Жало копья прокололо рубашку, вонзилось в кожу. Никита вскрикнул, отступил, в изумлении осознавая, что все это не сон и что странный десантник вовсе не собирается шутить.

— Сказано: иди назад. Быстро. Тихо. Понял?

— Понял.— Гнев поднялся в душе крутой волной. Сухов не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

Он схватил копье возле наконечника, собираясь вырвать его у шкафоподобного верзилы, и вскрикнул еще раз — от неожиданности, получив болезненный электрический разряд. Однако он был довольно упрям и не останавливался на полпути, да и вспыхнувшая злость требовала выхода, хотя странное лицо незнакомца продолжало гипнотизировать, заставляло искать объяснений.

Копье нашло Никиту, оцарапало грудь, но он уже ушел влево, поднырнул под удар дипломатом — «десантник» бил наотмашь,— схватил копье и... кубарем покатился по дорожке, не успев сгруппироваться, получив оглушающий удар током. Гигант медленно

шагнул к нему, и в это время из-за кустов вывалился и скрючился на дорожке пятый незнакомец.

Никита сел, опираясь на бордюр, потрогал гудящую голову, попытался сфокусировать зрение.

Новое действующее лицо оказалось седым стариком, одетым в нечто напоминающее изодранный окровавленный плащ неопределенного цвета. Он заскреб пальцами по асфальту, вывернул голову к Никите. Глаза у него были выколоты, по темному лицу текли слезы и кровь, рот давился немым криком, потому что язык в нем отсутствовал.

«Десантник» оглянулся на товарищей, молча и неподвижно стоявших неподалеку, не спеша подошел к старику и так же молча, не останавливаясь, проткнул его своей пикой насквозь.

— Что вы делаете?! — вскрикнул Сухов, вскакивая.

Верзила нанес еще один удар. Старик растянулся на асфальте, затих.

Никита бросился к «десантнику» и в прыжке нанес ему прямой удар в голову, одновременно отбивая сумкой выпад копья. Некоторое время они танцевали странный танец: Никита уворачивался от выпадов копья и ударов дипломата, стараясь в свою очередь достать незнакомца ногой или рукой, а тот уходил от его ударов с какой-то ленивой небрежной грацией, необычной для такого массивного и громоздкого тела, пока не задел плечо Сухова жалом копья и снова не парализовал его разрядом электричества. Впрочем, вряд ли это можно было назвать электрическим разрядом: от него тело сжималось в тугой комок напряженных, но не действующих мышц, а вокруг точки укола разливалась волна холода.

Никита упал, с бессильной яростью сквозь набежавшие слезы впиваясь взглядом в страшные зрачки «десантника».

Копье приблизилось к его глазам, поиграло возле сердца, снова уставилось в глаз, в другой, словно белолицый «нелюдь» не знал, с какого глаза начать. И тут один из троих его напарников предупреждающе пролаял что-то на неизвестном языке: по боковой аллее справа кто-то бежал.

Копье замерло. Исчезло. «Десантник» наклонился к Никите:

— Слабый. Не для Пути. Умрешь.

Голос был глухой, невыразительный, равнодушный, но полный скрытой силы и угрозы. Он давил, повелевал, предупреждал. И не принадлежал человеку. Это открытие доконало Сухова.

Кто-то тронул его за плечо, приподнял голову. Он открыл глаза и увидел лицо Такэды.

— Толя?!

— Жив, однако! Куда они пошли?

Никита вцепился в его руку, с трудом поднялся.

— Не ходи за ними, это... дьяволы, а не люди.

— Как они выглядели?

— Высокие, широкие... белолицые. В пятнистых комбинезонах... с такими короткими странными копьями...

— С копьями?! — Такэда побледнел, несмотря на всю свою выдержку. Сухов никогда прежде не видел, чтобы инженер так открыто выражал свои чувства.

— Аматэрасу! Это был отряд СС! А может быть, и ЧК!

Никита невольно засмеялся, закашлялся.

— Эсэсовцы ходили в мундирах, а чекисты — в кожаных куртках, а не в современных десант-костюмах.

— Я и не говорю, что это ЧК времен революции. ЧК значит — «черные коммандос». А СС — «свита Сатаны».

— Чепуха какая-то! Давай посмотрим, жив ли тот старик. Они его проткнули копьем.

— Я бы не советовал тебе вмешиваться. Старику уже не поможешь, а неприятности нажить...

Не отвечая, Никита подошел к лежащему ничком седоголовому мужчине, перевернул его на спину. Плащ на груди незнакомца распахнулся, и Никита невольно отшатнулся. Не раны на груди и животе человека потрясли его, а глаза! Два нормальных человеческих глаза, разве что без ресниц, на месте сосков на груди, и два под ребрами! Три из них были мутными, слепыми, полузакрытыми, неживыми, а четвертый, полный муки и боли, смотрел на Сухова пристально, изучающе и скорбно.

— Катакиути! [1] — проговорил за спиной Такэда и добавил еще несколько слов по-японски.

Никита оглянулся и снова, как зачарованный, уставился в глаз на груди старика. Впрочем, стариком этого человека назвать было нельзя, несмотря на седину и худобу, ему от силы исполнилось лет сорок, если не тридцать. И он был еще жив, хотя и получил страшные раны.

Рука его шевельнулась, согнулись и разогнулись пальцы. Хриплый клокочущий вздох выгнул грудь. Страшное лицо повернулось к людям, исказилось гримасой боли, напряглось в натуге что-то сказать, но у старика не было языка. Никита убедился в этом окончательно.

Рука незнакомца снова шевельнулась, приподнялась, словно он искал опору, и вдруг затвердела, перестала дрожать, повернулась ладонью вверх. Казалось, вся жизнь чужака, еще теплившаяся в теле, сосредоточилась сейчас в его руке. И в глазу на груди.

В центре ладони разгорелась звездочка, сияние волнами пошло от нее к пальцам и запястью. Рука приобрела оранжево-прозрачный цвет, словно выточенная из раскаленного стекла. Звезда в цент-

[1] Обычай кровной мести *(яп.)*, здесь — убийство по заказу.

ре ладони стала бледнеть, превратилась в облачко свечения, начала формироваться в какой-то геометрический знак: сначала это был круг, затем в нем проявился треугольник, круг преобразовался в квадрат, и наконец две эти фигуры слились в одну — пятиконечную звезду, выпуклую, светящуюся, словно лед под луной.

Незнакомец замычал, протягивая руку Сухову. Тот нерешительно глянул на озабоченного товарища.

— Что ему надо?

Седой снова замычал, обреченно, тоскливо, жутко. Глаз на груди его заполнился влагой, он умолял, он просил, он требовал чего-то: то ли принять дар, то ли помочь встать.

Никита решился, осторожно берясь за ладонь незнакомца. И получил знакомый леденяще-электрический удар, так что свело руку и подогнулись ноги. Вскрикнув, он выдернул руку из горячей ладони старика, отступил на шаг, хватая воздух ртом.

Рука седого упала безвольно, погасла. Знака в виде звезды на ее ладони уже не было. На лице незнакомца проступило нечто вроде улыбки, затем черты его разгладились, по лицу разлилась бледность. Глаз несколько мгновений вглядывался в людей, потом внутри него словно отключили свет — стал пустым и бледным.

— Умер! — констатировал Такэда, озабоченно поддержал Никиту под локоть.— Что с тобой?

— Не знаю,— прохрипел танцор.— Такое впечатление, будто меня трахнуло током... причем уже второй раз! Эти, которые его убили, тоже имели разрядники... копья. О господи! Башка раскалывается! И рука болит...

Он разжал кулак и взглянул на ладонь. Точно посередине линии судьбы виднелась черная отметина в виде пятиконечной звезды, словно кожа в этом месте была сожжена. Такэда хмыкнул, рассматривая ладонь друга.

— Любопытно. В эзотерике пятиконечная звезда — символ вечности и совершенства. Такая звезда была эмблемой Тота и Кецалькоатля, а также ключом Соломона. Кстати, у японцев это знак высокого положения.— Такэда спохватился, видя, что Никита побледнел и еле стоит на ногах.— Тебе плохо?! Пошли, пошли отсюда, отвезу тебя домой. Хорошо, что я пошел за тобой, интуиция подсказала.

— Его... надо... в скорую.

— Поздно, ему уже никто не поможет. Позвоним от тебя в милицию.

— Он... не человек.

— Ладно, успокойся. Обопрись о плечо.

— И те... амбалы пятнистые... тоже не люди.

Такэда не ответил, выбирая дорогу и почти волоча Никиту на себе, пока не выбрались из парка на освещенную улицу.

Сухов не помнил, как добрался домой. Перед глазами все плыло, тянуло на рвоту, рука горела и дергала, в ладони точно застрял раскаленный гвоздь, не помогли ни йод, ни мази, ни таблетки. В конце концов ему стало совсем плохо и он потерял сознание, уже не видя и не слыша, как Такэда вызывал скорую и говорил с милицией об инциденте в парке.

2

Двое суток Сухов провалялся дома с высокой температурой. Его лихорадило, бросало то в жар, то в холод, а по ночам постоянно снились кошмары: то один, то двое, а то и целый батальон «десантников» с белыми лицами мертвецов гонялись за ним по парку, дырявили копьями, выжигали на груди и руках странные клейма и гудели на все лады: «Слабый! Шагай! Умрешь!..» Снился и многоглазый старик в плаще на голое тело, тянул к нему руки и беззвучно кричал, разевая черный безъязыкий рот: «Возьми-и-и! Это ключ власти! Будешь повелевать миром!» Никита хватал с руки старика странной формы ключ, но тот превращался то в громадного жука, то в скорпиона, а однажды в гранату, осколки которой после взрыва превратили голову больного в решето...

Первые ночи у постели танцора дежурила мама; в больницу сына отправить она не разрешила, хотя врач скорой, вызванной Такэдой, настаивал на госпитализации. На третий день Никите стало легче, и Толя уговорил маму, что теперь его очередь заботиться о больном, а в случае каких-либо осложнений он тут же вызовет ее к сыну.

К вечеру лихорадка прошла окончательно, температура спала, и Сухов почувствовал себя значительно лучше. С аппетитом поужинав (заодно и пообедав), он сделал подушку повыше и с интересом принялся разглядывать свою ладонь, сняв повязку. Пятно в форме пятиконечной звезды размером с жетон метро уже посветлело, приобрело коричневый цвет и походило теперь на вдавленное в кожу родимое пятно. А главное, оно сдвинулось с центра ладони к запястью. Ладонь уже не жгло, как вначале, а лишь покалывало, причем иногда это было даже приятно. Врач, осмотрев пятно, лишь хмыкнул, когда ему сообщили о передаче звезды с ладони на ладонь. Однако мазать «родинку» не стал, ограничившись спиртовым обеззараживающим тампоном. Сказал: это не рак и не СПИД, будет болеть — выпишу УВЧ.

Допив кофе, Такэда убрал посуду и устроился возле рабочего стола Никиты, разложив на нем какой-то старинный с виду манускрипт. Разговаривал он мало, в отличие от матери, и Сухову это нравилось. Правда, после случившегося его самого тянуло к разго-

вору. Из головы не шла фраза, произнесенная гигантом-«десантником»: «Слабый. Не для Пути. Умрешь». Интуитивно Никита чувствовал, что речь шла не о физической силе, и это уязвляло и заставляло искать причины оценки.

— Толя, а сам ты что об этом думаешь?

— О чем? — Такэда не поднял головы от пожелтевшей страницы манускрипта. От его спокойного и сдержанного облика тянуло прохладой, как от колодца с ничем не замутненным зеркалом воды.

— О вс рече в парке... о старике... Ты сообщил в скорую?

— И в милицию тоже.

— Ну и?..

— Рассказал, что знал. Когда приехала скорая, он уже не дышал.— Кстати,— Такэда взглянул на Сухова поверх страницы,— глаз на его теле никаких не нашли.

— Как это не нашли? Куда же они делись?

Толя молча углубился в изучение книги. Не зная ответа, он никогда не пожимал плечами и не делал других жестов.

Никита полежал, переваривая сказанное, потом залпом выпил стакан холодного молока.

— Ты хочешь сказать, что нам все померещилось?

— Не померещилось.

— Так в чем же дело?

Такэда перелистнул страницу, любовно пригладив книгу, снова глянул на лежащего поверх стола.

— Чтобы делать какие-то выводы, информации недостаточно. Похоже, что он был человеком, вернее, человеком с какими-то добавочными органами чувств. Как, возможно, и те четверо, о которых ты говоришь. Но что дальше? Мы не знаем ни их координат, ни целей появления, ни причин ссоры... кстати, язык у него был вырван.

Никита невольно пошевелил своим, словно проверяя — на месте ли.

— О дьявол! Серьезные, видать, разборы у них были. Как ты думаешь, что он им сделал? За что они его... так?

Такэда углубился в изучение очередной страницы.

— Что ты там изучаешь? — рассердился Никита.— Напился моего чая, сел в мое кресло, за мой стол с моей лампой, да еще и не разговариваешь!

— Жлоб! — констатировал Такэда. Закрыл книгу. Улыбнулся своей обычной, сдержанной и застенчивой улыбкой.— Теперь я понимаю, почему девушки с тобой не водятся: ты заставляешь их приходить к тебе со своим чаем. Кстати, пока ты болел, они едва телефон не оборвали. А читаю я очень умную книгу: Чхве Ёнсоль. Техника «мягкого» искусства. Хапкидо.

— На японском?

— На корейском.

— О-о! Вы у нас полиглот.

— Не ругайся.

Никита засмеялся, но посерьезнел, заметив, что Такэда смотрит на его ладонь. Глянул на нее сам, потрогал звезду пальцем.

— Что же это такое? Ожог?

— Весть,— серьезно сказал Такэда.

— Что?!

— Весть. Но это ты поймешь позже.— Толя поднял руку, останавливая попытку Сухова выяснить смысл сказанного.— Я не готов ответить на твои вопросы. Как и ты — услышать правду. Отложим разговор дня на два-три.

Сухов покачал головой, с любопытством глядя на внезапно отвердевшее лицо друга, хотел что-то спросить, но передумал. Показал на стакан.

— Налей молока, плиз.

— А нетути, дорогой. Ты выдул все три литра. Но если хочешь, я позвоню, и через полчаса принесут. А мы пока посмотрим информ-программу, не возражаешь? — Инженер включил телевизор.— Звонить?

— А кто это?

— Мой друг,— уклонился от прямого ответа японец.— Живет тут неподалеку, на Соколе. Приедет, познакомлю.— Он набрал номер.— Извини, подтверждаю. Квартира двенадцать, найдешь? Ждем.— Повесил трубку.— Сейчас принесут.

Никита с недоверием взглянул в узкие непроницаемые глаза Такэды.

— Ты что же, заранее договорился?

Такэда молча увеличил громкость телевизора.

Некоторое время они слушали новости первого канала Останкино: страны Лиги Империй, как уже несколько лет негласно называли Содружество независимых государств, жили по своим законам, часто не совпадавшим с законами ближнего зарубежья, конфликтовали, все еще воевали, пытались строить экономику с помощью противоречий политики, но учились, работали, рожали детей, занимались спортом, слушали музыку, смотрели видео, а иногда спектакли вживую, увлекались сексом, наркотиками — все больше и больше,— боролись с тем и другим, митинговали — правда, все меньше и меньше, то есть творили историю.. Национализм продолжал буйствовать, неуклонно развивался терроризм, росли цены. События ближнего и дальнего зарубежья тоже не внушали особого оптимизма: становление «великих» государств — Великой Сербии, Великого Афганистана, Таджикистана и даже Карабаха — сопровождалось невиданными, дикими братоубийст-

венными войнами, геноцидом и массовым истреблением мирного населения. На этом сообщении Никита перестал воспринимать информацию, переключая поток сознания в другое русло. Этому его научил Такэда, потому что заметил: после телеинформационной программы у друга растет желание поубивать сначала националистов, потом политиков, а потом уничтожить толпу, вознесшую этих политиков на своих плечах к власти. История толпы не помнит, любил повторять отец Никиты, заставляя сына выделяться, быть личностью, пока не добился своего: сын научился вкладывать в любое дело, чем бы ни занимался, все физические и душевные силы, заряжаться на максимальный результат, что и позволило ему стать не только мастером спорта по акробатике, а также профессиональным танцором балета, но личностью с высокой степенью ответственности, как опять же говаривал его отец.

Обо всем этом вспомнил Такэда, услышав вздох друга. И вздохнул сам. Несмотря на все лестные отзывы и свое мнение о Никите, он сомневался в том, что танцор справится с предстоящей миссией. Но Вестник выбрал его!..

— Что вздыхаешь? — Толя выключил телевизор.

— Помнишь, как старик тянул руку? А ведь блямба у него на ладони формировалась сначала не пятиконечная. Ты знаток символики, пояснил бы. Весть! — передразнил Никита приятеля.— Что за «весть»? Может быть, пояснишь, какой смысл вкладываешь в это слово? Я умный, пойму.

— Позже, умник. А формировалась эта штука действительно интересно. Круг — это начало всему, знак Вечности, а треугольник в квадрате — символ соединения божественного и человеческого, небесного и земного, духовного и телесного. Вестник... м-м, старик как бы подсказал твой путь... если ты его начнешь.

— Чушь какая-то! Никуда я идти не собираюсь.

— В том-то и дело. Но, боюсь, тебя вынудят к этому. Все, все, не будем об этом больше, а то подумаешь, что я немножко свихнулся на мистике.

— Не немножко.

— Спасибо.

— Не за что.

Зазвонил дверной звонок. Такэда встал.

— Только обещай мне быть осторожным.

— В каком смысле?

— В любом. Обещай, это серьезно. Я не всегда смогу прийти на помощь. И объяснить смысл предупреждения пока не могу, так что принимай на веру.

Такэда пошел открывать входную дверь, в прихожей зазвучал женский голос.

В шоке Никита медленно натянул простыню до подбородка —

летом он спал без одеяла. Приятель, который должен был принести молоко, оказался девушкой.

Она вошла в гостиную вслед за Толей и остановилась, сказав: «Добрый вечер».

— Добрый,— просипел в ответ Сухов, убивая Такэду взглядом.

Девушка была прекрасно сложена. Не слишком высокая, но и не «карманный вариант». Черты изящные, небольшой правильной формы нос и прекрасные большие глаза, не то голубые, не то зеленые, глядящие без лишней томности и притворной робости, искренне и доверчиво. Лишь потом, часом позже, Никита разглядел, что одета она в скромный на первый взгляд летний костюм, в котором при рассмотрении угадывался изысканный вкус и утонченность. Впрочем, удивляться этому не пришлось, девушка оказалась художницей. Звали ее Ксения, Ксения Константиновна Краснова. Такэда в шутку звал ее «три К».

Никита не помнил, о чем они говорили, шок прошел только после ухода Ксении.

Обычно их разговор с Толей сопровождался шутками, ироническими репликами и пикировкой — оба понимали юмор, ценили и реагировали на него одинаково, но если бы Такэда позволил себе подобное в данной ситуации, в присутствии Ксении, Никита, наверное, пришел бы в ярость. Однако Толя тонко чувствовал состояние друга, и ему хватило ума и такта поучаствовать в беседе в качестве молчаливого предмета интерьера.

Прощались они в коридоре, пообещав «звонить, если что», и Толя увел девушку, подарившую хозяину беглую улыбку и взгляд искоса, в котором горел огонек интереса и расположения. Обалдевший Сухов обнаружил, что одет в спортивный костюм, хотя совершенно не помнил, когда он его надел, преодолел желание проводить гостей до остановки и вернулся домой.

Уснул он поздно, часа в два ночи, и спал, как убитый, без сновидений и тревог.

* * *

В среду он уже вышел на тренировку вместе с другими акробатами, учениками Вячеслава Сокола, и отработал почти полную норму, чувствуя удивительную легкость в теле и желание достичь новых ступеней совершенства. Правда, каким образом осуществить это желание, он не знал, но смутная догадка уже брезжила в голове: использовать элементы акробатики, все эти рондаты, флик-фляки и сальто, в танце, что могло усилить эстетическую его насыщенность.

В четверг утром планировалась репетиция труппы, и Сухов по-

шел на нее с протестом в душе: после воскресного своего отчаянного выступления работать с Кореневым уже не хотелось, да и вряд ли можно было что-то добавить к тому, что он сказал на сцене, на языке танца. Многие в труппе поняли его правильно, посчитав, как и Толя Такэда, этот взрыв танцевального движения прощанием. На репетиции Никита уловил в глазах товарищей легкое удивление, а на лице Коренева хмурый вопрос и недовольство.

Он не стал репетировать до конца, сошел со сцены — на сей раз занимались не в танцзале, а на сцене театра,— но не успел спуститься в костюмерную, как вдруг произошел странный случай: пол сцены провалился! Если бы Никита остался до конца, он упал бы на конструкцию поддержки пола с высоты трех с половиной метров. К счастью, участники репетиции отделались травмами и ушибами, да поломалась музыкальная аппаратура, на чем инцидент был исчерпан, однако в душе Сухова осталось сосущее чувство неудовлетворения, заноза тихого раздражения, будто он что-то забыл, упустил из виду, а что именно — вспомнить не мог.

— Бывает,— сказал Такэда, которому он позвонил на работу.— Хотя, может быть, это психоразведка.

— Опять ты за свое,— разозлился танцор.— Намеков твоих я не понимаю, или не говори загадками или молчи.

— Хорошо,— кротко согласился Толя.— Как твоя новая родинка на ладони, держится?

Никита взглянул на ладонь, буркнул:

— Держится. Но побледнела и еще сдвинулась к запястью. Только что чесалась здорово, я, по сути, из-за этого и сошел со сцены.

— Любопытно. А так не беспокоит?

— Покалывает иногда... только не надо ничего плести про Весть, психоразведку и тому подобное, я сыт мистикой по горло.

— Тогда сходи к врачу. А лучше к «три К», она тебя приглашала.

— К... когда? То есть, приглашала когда?

— Я с ней разговаривал час назад. Сходи, посмотришь на ее работы, на них стоит посмотреть.— Такэда повесил трубку. А Никита полчаса ходил по комнатам, пил молоко, просматривал газеты, смотрел телевизор, не вдумываясь в напечатанное и показываемое с экрана, пока не понял, что созрел давно. Если о происшествии в парке он думал эпизодически, то о Ксении почти все время, и — видит Бог! — думать о ней было приятно.

Громкое название «Студии художественных промыслов» носил подвал в одном из старых зданий Остоженки, мастерская Ксении Красновой занимала одно из его помещений, освещенных двумя полуокнами и самодельной люстрой на пять лампочек. Все помещение было заставлено мольбертами, стойками, холстами и рамами, картин в нем насчитывалось ровно две: пейзаж с рекой и сосновым

лесом и портрет какого-то сурового мужика с бородой и пронзительным взглядом из-под кустистых бровей.

Ксения работала над третьей картиной — нечто в стиле «Русское возрождение»: на холме по колено в траве, стоял странник с посохом в руке, с ликом святого, и смотрел на сожженное поле до горизонта, над которым на фоне креста церквушки всходило солнце. Картина была почти закончена и создавала непередаваемое чувство печали и ожидания.

Ксения, одетая в аккуратный голубой халатик, под которым явно ничего не было, почувствовала вошедшего и обернулась, глядя отрешенно, потусторонне. Волосы ее были собраны короной в огромный пук и открывали длинную загорелую шею, тонкую, чистую, красивую. Взгляд девушки прояснился, она узнала «больного», ради которого по просьбе Такэды везла молоко чуть ли не через весь город.

— Никита? Вот не чаяла видеть. Проходи, не стой у порога. Как самочувствие?

— Привет,— смущенно сказал Сухов.— Все нормально. Выжил. Вообще-то, друзья зовут меня короче — Ник. Я вас не отрываю от дел?

Ксения засмеялась, сверкнув ослепительной белизной зубов.

— Конечно, отрываете, но пару минут я вам уделить смогу. Если хотите, встретимся вечером, поговорим не торопясь.

— Идет. Я заеду за вами...

— Часов в семь, не раньше.

— Тогда покажите мне хотя бы, над чем работаете, и я удалюсь.

— Только в обмен.

— В обмен? На что?

— Толя говорил, что вы гениальный танцор, и мне хотелось бы посмотреть на одно из ваших шоу.

— Он у меня еще схлопочет за «гениального»,— пробормотал Никита.— Конечно, я достану вам билет на очередное представление, только не рассчитывайте увидеть что-то сногсшибательное: программу и сценарий составляю не я и танцую под чужую музыку.

На лице девушки отразилась гамма чувств: вопрос, удивление, улыбка, понимание, интерес. Как оказалось, Сухов плохо разглядел ее в прошлый раз, и теперь с восторгом неожиданности наверстывал упущенное, жадно отмечая те черты облика, которые слагаются в термин «красота».

Кожа у Ксении была смуглая, то ли от природы, то ли от загара (а может быть, печать татаро-монгольского нашествия?), глаза зеленые, с влажным блеском, поднимаются уголками к вискам, брови черные, тонкие, вразлет, изящный нос и тонко очерченный подбородок. И маленькие розовые уши. Шедевр, как любил говорить

о таких женщинах великий их знаток Коренев. У Никиты вдруг гулко забилось сердце: он испугался! Испугался того, что Толя познакомил его с Ксенией слишком поздно, и у нее уже есть муж или, по крайней мере, жених. Такая красота обычно не бывает в свободном полете...

— ...— сказала девушка с тихим смехом.

— Что? — очнулся Никита, краснея.— Простите, ради Бога!

— Так и будем стоять? — повторила девушка.— Картины показывать уже не нужно?

— Еще как нужно! Просто вспоминал, где я мог вас видеть? Вы, случайно, не приносили молоко одному больному?

Ксения с улыбкой пошла вперед, а Никита, как завороженный, остался стоять, глядя, с какой грацией она идет. Казалось, таких длинных и красивых ног он еще не видел. Не говоря об остальном. И снова страх морозной волной взъерошил кожу на спине: а если она и Такэда — не просто друзья?!.

— Так вы идете? — оглянулась художница, открывая дверь перегородки подвала.

Соседнее помещение оказалось галереей, вернее, складом картин, из которых лишь часть висела на стенах в простых белых или черных рамках, а остальные были составлены пачками, лежали на столах или закреплены в станках. Но и того, что увидел Сухов, было достаточно, чтобы сделать вывод: Ксения не была любителем, она была Мастером, талант которого не требовал доказательств.

Правая стена помещения держала на себе портреты: Никита узнал молодых Лермонтова и Пушкина, Петра Первого, а также современных писателей и артистов. На левой были закреплены пейзажи, не уступавшие по эмоциональному дыханию и точности рисунка пейзажам классиков этого жанра; особенно приглянулся танцору один из них: прозрачный до дна ручей, опушка леса, сосны, тропинка через ручей. Этот пейзаж напоминал родину отца под Тамбовом.

А на противоположной стене... Никита подошел и потерял дар речи. То, что было изображено на холстах, названия не имело, э т о можно было лишь обозначить словами: смешенье тьмы и света! буйство форм и красок! магия жизни и смерти! Картины не были абстрактными, хотя на первый взгляд ничего не изображали, но они имели с м ы с л, а главное — создавали определенный эмоциональный фон и впечатление. Одна звала к столу — Никите вдруг захотелось есть и пить. Вторая навевала сон. Третья заставила тоскливо сжаться сердце, четвертая — почувствовать радостный прилив сил. Пятая звала к женщине да так, что в душе зарождалось желание и неистовое волнение!

— Колдовство! — хрипло проговорил Никита, вздрогнув от прикосновения девушки к плечу; ее вопроса он снова не услышал.

— Спасибо,— серьезно ответила та, пряча лукавую усмешку в глазах; она заметила, какое воздействие оказала на гостя последняя картина.— К сожалению, ваше мнение отличается от мнения маститых, от которых зависит судьба молодых художников и их персональных выставок. За шесть лет работы, а я рисую с пятнадцати, мне разрешили сделать всего две выставки: в Рязанском соборе и в Благотворительном фонде, остальные, самодеятельные, в общежитиях и студиях, не в счет.

Сухов покачал головой, с трудом отрываясь от созерцания картин.

— Это действительно колдовство. Как вы это делаете? Я читал, что существуют какие-то методы инфравлияния на подсознание человека, используемые в рекламе на телевидении и в кино. Может быть, вы тоже шифруете в картинах нечто подобное?

— Я не знаю, как это называется, я просто ч у в с т в у ю, что должно быть изображено на холсте для создания необходимого эффекта. Мой учитель говорил, что это прорывы космической информации. Годится такое объяснение?

Никита улыбнулся.

— Я бы назвал это проще — прорывами таланта в неизведанное, но если вас это смущает, не буду повторяться. Однако вы меня поразили, Ксения, честное слово! Можно я еще раз приду сюда, полюбуюсь на картины, подумаю?

— Почему бы и нет?

— Тогда до вечера.— Никита направился вслед за художницей, оглядываясь на галерею картин и чувствуя сожаление, что не насмотрелся на них до наполнения души.— Кстати, как вы познакомились с Толей?

— На улице, вечером.— Ксения оглянулась через плечо, и Никита не успел отвести взгляд от ее ног.— У гастронома на Сенной ко мне подошли ребята... м-м, очень веселые, и Толя... уговорил их не шалить.

Никита представил, как уговаривал парней Такэда, фыркнул.

Ксения тоже засмеялась. Заметила его жест, кивнула на руку с отметиной.

— Как ладонь, не беспокоит? Очень интересная форма у ожога, вы не находите?

Сухов глянул на звезду, упорно сползающую к запястью, посерьезнел: показалось, что после вопроса девушки звезда запульсировала, послав серию уколов, добежавших по коже руки до шеи.

— По-моему, это не ожог. Толя говорит что-то странное, но не объясняет, что имеется в виду. Потом поговорим. Итак, в семь?

Художница кивнула, глядя на него исподлобья, испытующе, серьезно, без улыбки. Этот взгляд он и унес с собой, сохранив его в памяти до вечера.

Дома его ждал Такэда.

— Тебя уволили? — удивился Никита, привычно хлопая ладонью по подставленной ладони приятеля.

— Я свободный художник, хожу на работу, когда хочу. Был у «три К»?

— Слушай, не зови ты ее больше так... технически, а?

— Хорошо, не буду. Так ты был?

— Только что от нее, смотрел картины.

— В студии? Или в запаснике?

— Ну, там их было много, десятка три.

Такэда хмыкнул.

— Надо же! Ксения не всем показывает свои работы, несмотря на приветливость и наивность. Девушка это редкостная, такую встретишь одну на миллион, учти.

— Уже учел.— Никита сходил на кухню и принес запотевшую банку с квасом.— Мы с ней идем вечером в кафе на Москворечье.

— Это ты решил или она?

— Я. А что?

— Блажен, кто верует. Она не любит ходить по вечерам в кафе, рестораны и бары. Не то воспитание, не тот характер, не те устремления. Разве что в ресторан Союза художников, да и то очень редко. Она талантливый художник...

— Я это понял.

— ...и живет в своем мире,— докончил Такэда бесстрастно.— Она тебя взволновала, я вижу, но...

— Оямыч! — изумленно глянул на друга Никита.— Ты что? С чего это тебя потянуло на менторский тон? Или она — твоя девушка? Так бы сразу и сказал!

— Она мой друг.— Такэда подумал.— И ее очень легко обидеть.

Сухов сел, не сводя пытливого взгляда с безучастно-рассеянного лица Толи, глотнул квасу.

— М-да... иногда ты меня поражаешь. Тебя еще что-то беспокоит?

Такэда выпил свой квас, помолчал.

— Беспокоит. Как случилось, что у вас в театре провалился потолок?

— Сцена, а не потолок. Провалилась, и все. Наверное, поддерживающие фермы проржавели. Но я как раз ушел со сцены, надоело все, да и рука зачесалась так, что спасу нет.

Толя задумался, хмуря брови. Никита впервые увидел на лице товарища тень тревоги.

— То, что зачесалась рука — символично, Весть заговорила. Но то, что провалилась сцена... неужели Они решили подстраховаться? Ну-ка, расскажи еще раз, как действовали эти твои «десантники» в парке.

— Зачем? — Сухов снова с внутренней дрожью вспомнил ледяной взгляд гиганта в пятнистом комбинезоне, его парализующее электроразрядами копье, странный голос: «Слабый. Не для Пути. Умрешь...»

— Дело в том, что в тот вечер в парке был убит еще один человек. Тот многоглазый старик, который передал тебе Весть...— Такэда не обратил внимания на отрицательный жест товарища,— вот этот самый знак в виде звезды шел к убитому. Вестник шел к Посланнику, и их убили обоих. Не смотри на меня, как на сумасшедшего, я же сказал, в свое время я тебе все объясню, а пока пусть мои речи будут для тебя китайской грамотой.

Толя выпил еще один стакан кваса. Он был встревожен до такой степени, что обычная его невозмутимость дала трещину. И говорил он больше сам с собой, а не с приятелем, словно рассуждал вслух:

— Хорошо, что Они тебе не поверили, иначе действовали бы по-другому, но плохо, если решили перестраховаться и оставили черное заклятие.

— Что-что?! — Никита смотрел на друга во все глаза.

Такэда слабо улыбнулся.

— Вообще-то заклятие — это психологический запрет, играющий для данного района роль физического закона. А черное заклятие иногда называют «печатью зла». Боюсь, ты не поверишь, даже если я попытаюсь тебе объяснить все остальное. Ладно, поживем — увидим. Не возражаешь, если я у тебя еще посижу?

Никита не возражал. Он был сбит с толку, озадачен и не знал, что думать о загадочном поведении Такэды и об его более чем странных намеках. И словно в ответ на мысли хозяина пятно на ладони отозвалось серией тонких уколов-подергиваний, распространившихся волной по всей руке до плеча.

3

Три дня Никита выдерживал характер: Ксении не звонил, с Кореневым не скандалил, с Такэдой разговора о загадочных «печатях зла» не заводил (хотя намек на тайну его заинтересовал всерьез), зато усиленно занимался акробатикой и готовился к демонстрации своего «фирменного» танца — чтобы предстать перед Ксенией во всем блеске профессиональной подготовки. На четвертый день позвонила мама и пожаловалась на то, что ей в очередной раз не принесли пенсию.

Сухов уже не раз выяснял причины подобного отношения почтовых работников, выслушивал их вранье насчет того, что «заходили, но дома никого не застали», просил в следующий раз

звонить дольше, извинялся и шел за пенсией с матерью, но тут его терпение лопнуло. К почтальону, который разносил пенсии, он не пошел, а направился прямо к начальнику отделения связи, молодому двадцатилетнему парню. И получил хамский ответ: «Пусть сама приходит, ноги не отвалятся».

Никита, типичное дитя постсоветского общества, давно привык к тому, что новые демократические власти полностью переняли привычки старой государственной системы работать на отказ, а не на удовлетворение человеческих потребностей, однако в быту сам редко сталкивался с социальными институтами типа милиции, почты, ЖЭО, телефонной сети, ремонтных и строительных организаций. Зато и никогда не комплексовал по поводу «развитого идиотизма» чиновников, зная, что словом доказать ничего не сможет, чиновничья исполнительная рать реагировала только на звонок сверху, документ или грубую силу. На этот раз Никита озверел.

Он схватил начальника почты за ремень, приподнял и бросил на стул с такой силой, что тот рассыпался.

— В следующий раз, если снова придется идти на почту мне, разговор будет другой.

— Разговор этот произойдет раньше! — прошипел вслед белобрысый, одетый модно, в ядовито-зеленые безразмерные штаны и кожаную безрукавку начальник, но Сухов не обратил на реплику внимания. Матери он ничего не сказал, только пообещал, что все будет нормально.

— Калиюга в разгаре,— грустно сказала все понимающая мама, погладив сына по плечу.— Все изменяется к худшему, и нет лампады впереди.

— Калиюга — это что-то из индийской мифологии? — Никита повел мать к остановке трамвая.

— По представлениям древних индийцев человеческая история состоит из четырех эр: критаюги, третаюги, двапараюги и калиюги. Критаюга — благой век, длилась один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет... Тебе интересно? — Они остановились в тени тополя.

— Я когда-то читал, но забыл. Продолжай.

— Третаюга длилась один миллион двести девяносто шесть тысяч лет, и эта эпоха характеризовалась уже уменьшением справедливости, хотя религиозные каноны соблюдались, и люди радовались жизни. Во времена двапараюги начали преобладать зло и пороки, длилось это восемьсот шестьдесят четыре тысячи лет. Ну, а калиюга... сам видишь: добродетель в полном упадке, зло берет верх во всем мире, войны, процветание преступлений, насилия, злобы, лжи и алчности...— Мама содрогнулась.— Грехопадение всегда ужасно, но уж в таких масштабах... Я, наверное, опять брюзжу?

— Нет, ты говоришь справедливо.— Никита поцеловал мать в щеку.— Это все, что ты знаешь о югах?

— Почти. Все эти «юги», как ты говоришь, составляют одну махаюгу, тысяча махаюг — одну кальпу, то есть один день жизни Брахмы, а живет Брахма сто лет.

— Долго-то как!

Мать засмеялась.

— Да уж, не то, что мы.

— А потом? Ну, прожил Брахма, допустим, свои сто лет, что потом?

— Потом уничтожаются все миры, цивилизации, существа и сам Брахма. Следующие сто лет длится «божественный хаос», а затем рождается новый Брахма. Что это ты вдруг заинтересовался? Отец оставил целую библиотеку по индийской и буддистской философии, но раньше ты ею пренебрегал. Вот твой друг — японец, тот все проштудировал.

Никита взглянул на часы.

— Он фанатик подобного рода литературы, мне это не дано. Ну, я побежал, ма?

— Беги. Будь осторожен, что-то мне тревожно.

Они расстались. Машина Сухова стояла без бензина, и мать уехала на трамвае, а он сел в метро и направился на поиски Ксении. Увидеть ее захотелось непреодолимо. А еще тянуло рассказать ей историю с убийством странного старика в парке и о передаче им знака в виде пятиконечной звезды.

«Символ вечности и совершенства»... Никита привычно взглянул на ладонь, вернее, на запястье, потому что звезда, оставаясь коричнево-розовой, как заживший ожог, переместилась уже на запястье, имея явное намерение погулять по руке. Она почти не беспокоила, разве что изредка отзывалась на какие-то внешние или внутренние раздражители вибрацией тонких ледяных укольчиков, но именно этот факт и заставлял сердце Сухова сжиматься в тревоге и ждать неприятностей.

В конце концов он решил объясниться с Такэдой, а если тот не сможет помочь — пойти к косметологу и попросить свести пятно с кожи.

На Тверской, в переходе, уже недалеко от студии Ксении Красновой, Никита стал свидетелем грязной сцены: двое молодых людей, неплохо одетых — в джинсы, кроссовки «Рибок» и черные майки, выхватили у инвалида, просящего милостыню, его картуз с деньгами и, не слишком торопясь, пересекли переход, не обращая внимания на возмущенные возгласы женщин и крики инвалида.

Обычно Сухов не вмешивался в подобные конфликты, считая, что этим должны заниматься соответствующие службы, да и характер у него предпочитал компромиссы, хотя и до определенного

предела: и отец, и мать сумели дать сыну понятия долга, чести и совести. Почему вдруг его потянуло «на подвиги» именно в этот момент, он не анализировал, вероятно, сработала еще одна черта характера — нередко он подчинялся ветру настроения.

Парней он догнал на лестнице, задержал за плечо крайнего слева, белобрысого, с мясистым затылком.

— Минутку, мальчики.

Реакция юношей указывала на то, что они хорошо отработали операцию отхода: оба рванули наверх и в разные стороны, сметая людей на пути, но тут один из них вместо «родной» голубой формы разглядел костюм Никиты и свистнул. Они сошлись и, как ни в чем не бывало, двинулись навстречу Сухову, поигрывая бицепсами.

— Че надо, амбал? — спросил белобрысый, во взгляде которого невольно отразилось уважение: Никита был выше каждого из них на полголовы и шире в плечах.

— Верните деньги инвалиду,— тихо сказал танцор, чувствуя неловкость и какое-то злое смущение; он уже жалел, что ввязался в эту историю.

— Какие деньги? — вытаращился белобрысый. Его напарник, потемней, с длинными волосами, в зеркальных очках, сплюнул под ноги танцору.

— Вали своей дорогой, накатчик. Или, может быть, ты переодетый шпинтиль, сикач [1]?

Никита молча взял его за плечо, ближе к шее, нажал, как учил Такэда. Длинноволосый ойкнул, хватаясь за плечо. Его напарник молча, без размаха, ударил Сухова в лицо, потом ногой в пах. Оба удара танцор отбил, но в это время его ударили сзади, и все поплыло перед глазами, завертелась лестница, в ушах поплыл звон. Он еще успел заметить, что ударил его тот самый «инвалид», у которого воры отобрали выручку, дважды закрылся от ударов длинноволосого, но пропустил еще один удар «инвалида» и оглох.

Его били бы долго, если бы не вмешался кто-то из молча наблюдавшей за дракой толпы. Получив по удару — никто не заметил их, так быстро они были нанесены,— драчуны мгновенно ретировались с поля боя, и лишь потом Никита разглядел, что выручил его хмурый парень в костюме и с галстуком, типичный дипломат.

— Спасибо,— пробормотал Сухов, держась за затылок.

— Не за что, мы делаем одно дело,— ответил «дипломат».— Идти сможете?

— Сможет,— появился из-за его спины Такэда.— Благодарим за помощь, мы теперь сами.— Он наклонился над лежащим танцором, дотронулся до его затылка, озабоченно разглядывая окровавленную ладонь.

---

[1] Шпинтиль — милиционер, сикач — спецсотрудник *(тюремн. жарг.)*.

Сухов, напрягаясь, встал на четвереньки, и его вырвало. В толпе раздался женский голос:

— Да он пьяный...

Такэда помог Никите встать на ноги и повел по лестнице наверх, поймал такси.

— Может, тебя сразу в скорую? Голова сзади разбита.

— Домой,— вяло ворочая языком, проговорил Никита.— Ты что, следишь за мной?

Такэда промолчал.

* * *

— Ну, и зачем ты ввязался?

— Бес попутал.— Сухов потрогал забинтованную голову, покривился от боли.— Кто же знал, что они заодно? Какой в этом смысл? Делать вид, что отнимают... Или для эффекту — инвалиду после этого больше давать будут?

Такэда разглядывал свои ногти, о чем-то задумавшись. Время от времени он посматривал на хозяина и во взгляде его надежда боролась с сомнениями.

Они сидели на диване в гостиной Сухова, пили кофе, смотрели новости и перебрасывались редкими фразами.

— Ты знаешь, меня раньше никогда не били! — криво улыбнулся Никита; в голосе его прозвучало удивление.

— Ничего, это исправимо,— рассеянно ответил инженер.

Сухов хмыкнул, оценив реплику. До этого момента, то есть до драки, он жил в своем мире, высоком мире искусства и музыки, спортзалов и театров, не пересекавшемся с миром улиц и подворотен, воровства и насилия, обмана и страха. Судьба и воспитание, устойчивый круг культурных отношений, хранили его от множества «низших» миров, и, попав в переплет, растерялся, столкнувшись с неадекватной реакцией окружающих. Он вдруг осознал, что ничего не знает о жизни вокруг. И было жутко обидно, что вступился он за псевдоинвалида, выступил зря.

— Знаешь, а тот парень ничего. Хорошо бы найти его и пригласить. Посидели бы.

— Какой парень?

— Что помог мне. Странный только... по-моему, он меня с кем-то спутал, потому что сказал, что «мы делаем одно дело».

Такэда насторожился.

— Так и сказал, «одно дело»?

— Так и сказал. А потом ты подошел. Ума не приложу, как тебе удается вычислить меня.

— Если отвечу, не поверишь.

— А ты попробуй.

Такэда допил кофе, отобрал пустую чашку у Никиты и отнес поднос на кухню. Сказал, вернувшись:

— Существует система знаний, не основанная на познании и науке. Если хочешь, я один из ее адептов.

Сухов присвистнул.

— С ума сойти! А не темнишь ты, адепт? Уж не прицепил ли мне какую-нибудь электронную штучку вроде микропередатчика?

Такэда отреагировал на шутку с неожиданной серьезностью.

— Я — нет, Они — могли.

— Снова загадки? — Никита не имел намерений ссориться с Толей, поэтому спрашивал, скорее, риторически, зная, что Такэда все равно ответит лишь тогда, когда захочет.— Кто это — «они»?

— СС,— без тени усмешки ответил японец.— Я тебе уже говорил — это аббревиатура слов «свита Сатаны». Хотя, кто опасней — Они или эсэсовцы времен Отечественной войны — еще надо подумать. Я имею в виду тех самых «десантников» в пятнистых комбинезонах.

— А-а...— Никита поморщился, но язвить и высмеивать Такэду желания не имел.— Значит, по-твоему, они оставили... как ты там называл? «Печать зла»? И поэтому мне сегодня набили морду?

— Не уверен, что сегодняшний случай инспирирован ею, но не исключаю и такой возможности. Ты видел то, что не должен был видеть, и Они не могли не перестраховаться.

— А помог мне тогда кто? ЧК? НКВД? УБР? Молчишь? По-моему, все это чепуха! К тому же их главарь там, в парке, мне не поверил.

— Вот как? Ты мне ничего не говорил.

Открываться до конца Сухову не хотелось, было стыдно и обидно, слова «десантника» характеризовали его не с лучшей стороны, но Такэда никогда не смеялся над слабостями других.

— Он сказал нечто в таком духе: «Слабый. Не для пути. Умрешь». В общем, абракадабра. Что за «путь» такой, почему я не для него — осталось тайной. Может, пояснишь?

— Может быть. Не сегодня.

— Не шутишь? — Никита в изумлении оторвался от спинки дивана.— Ты знаешь, о чем речь? Эта фраза имеет смысл?!

— Эта фраза имеет страшный смысл! И в ней все правда, к сожалению. И что ты еще слаб, и что не создан для Пути, и что умрешь, попытавшись изменить реальность. Хотя... кто знает, может, не к сожалению, а к счастью? Ведь ты не собираешься никуда идти, менять образ жизни?

— Да с какой стати я должен что-то менять?! — взорвался Сухов, получил укол боли в затылок и сморщился.— Какого черта, Толя? Объяснишь ты мне все по-человечески или нет?

— Сегодня нет.— Такэда встал.— Пока не получу доказательств... того или иного. Если я прав — ты попал в очень скверную историю и выпутаться из нее будет невероятно сложно. Если же нет...— Японец улыбнулся.— На нет и суда нет, как гласит русская пословица. Но я еще раз прошу тебя быть осторожней во всех делах, особенно на тренировках, в театре, в транспорте. Остерегайся случайных знакомств и конфликтов, не затрагивающих тебя лично. О'кей?

Никита с интересом разглядывал лицо друга, ставшее вдруг твердым, напряженным и чужим.

— Психоразведка, говоришь?

Такэда в ответ не улыбнулся.

— Психоразведка.

— «Печать зла»?

— Или «след зла», как угодно. Не ухмыляйся, это очень серьезно, очень, до летального исхода. Потерпи маленько, я тебе все объясню... если вынудят обстоятельства. В настоящий момент чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Но помни: тогда в парке убили двоих. Двоих, понимаешь? Вспышки и грохот помнишь? Это убивали первого, еще до того старика. Один человек — весть, как утверждал один классик [1], два — уже вторжение. Не дай Бог попасть тебе в круг устойчивого интереса... скажем, неких темных сил. Хотя первый шаг, увы, уже сделан.— Такэда кивнул на руку Никиты с темнеющей звездой «ожога».— До завтра, Кит. Я бы тебе все-таки посоветовал заняться борьбой, кунгфу там или айкидо, в дальнейшем это может здорово пригодиться.

Хлопок ладони по ладони, и Такэда ушел. Но не успел Сухов углубиться в анализ разговора, как в прихожей прозвенел звонок. Наверное, забыл что-то, подумал танцор, считая, что вернулся Такэда. Но это была Ксения.

Изумление Никиты было таким глубоким, а радость — такой очевидной, что гостья засмеялась.

— Не ждал? Или уже слишком поздно? Я молоко принесла.— Тут Ксения заметила бинт, следы драки на лице танцора, и оборвала смех.— Что с тобой?! Попал в аварию?

— Свалился со стула,— пошутил Никита, отбирая у девушки сумку.— Проходите, Ксения Константиновна. Мы тут с Толей только что плюшками баловались и кофе пили, могу и вас напоить.

Художница, одетая в сарафан, подчеркивающий фигуру, и плетеные туфли-сандалии, впорхнула в гостиную, тревожно оглядываясь на идущего следом хозяина. Никита вспомнил индийский миф о Тилоттаме [2]. Она была так прекрасна, что, когда впервые прохо-

[1] Урсула ле Гуин.

[2] Тилоттама — одна из апсар, полубожественных женских существ, живущих преимущественно на небе.

дила перед богами, Шива сделался четырехликим, а на теле Индры проступила тысяча глаз. Ксения выглядела так же великолепно, как и Тилоттама, и снова сердце Никиты дало сбой: он еще не верил, что такая красота осталась без присмотра, и от мысли, что кто-то имеет на нее больше прав, настроение упало. Оно упало еще больше, когда по ассоциации с Индрой вспомнились глаза на теле несчастного старика, убитого «десантником» в парке. «Вестник»... Что за весть он нес? И кому? Уж не этот ли знак в виде звезды?!

Сухов невольно обхватил левой рукой запястье правой. Ксения поняла этот жест по-своему:

— Болит? Бедненький! Давай полечу. Толя говорил, что у меня задатки экстрасенса. Он не рассказывал? — Девушка усадила хозяина на диван и стала разглядывать звезду на руке, изгибая брови в недоумении; веселость ее исчезла.— На синяк не похоже... ожог? Но почему такой идеальной формы? Звезда... символ вечности и совершенства. Странно!

Никита отнял руку и отнес молоко на кухню, крикнул:

— Сейчас приготовлю кофе, посиди минуту. Вина выпьешь? У меня есть киндзмараули и миндаль.

— Не сегодня, Ник. Не обижайся, ладно? Я на минуту забежала, к бабушке надо зайти.

— Я провожу,— заверил Никита, а в ушах снова и снова звучали слова Толи: «Один человек — весть, два — уже вторжение». Кто же был тот второй, убитый в парке первым? Если второй был Вестником, то кем был первый? И почему Такэда придает этому такое значение? А главное, почему связывает те события с ним, акробатом и танцором, ни сном ни духом не помышляющем о каком-то там «пути»?..

Они пили кофе с молоком, шутили и смеялись. Ксения уже успокоилась, хотя иногда на ее чело набегало облачко задумчивости. Она рассказала Никите, что Толя вычислил по Пифагору ее священные числа — двойки, и у нее их оказалось целых три.

— Он говорит, что это знак высоких экстрасенсорных способностей и биоэнергетики,— смеясь, сказала художница.— И знаешь, я ему верю, ведь его числа — три восьмерки — видны самым натуральным образом.

— У меня тоже видны.— Никита с улыбкой оголил плечо и показал четыре маленьких родинки, похожих на цифру семь.— Как видишь, и я в свою очередь меченый, так что...— Сухов споткнулся, заметив, как побледнела Ксения.— Ты что?!

Девушка закусила губу, попыталась улыбнуться.

— Не обращай внимания. Но этот знак...

— Знак ангела, если верить Оямычу.

— Странно...

— Что странно? Не хватало, чтобы и ты тоже говорила загад-

ками. Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Ты, кстати, обещала нарисовать мой портрет.

Девушка продолжала смотреть на него с сомнением, что-то решая про себя, но так ничего и не решила.

— Завтра приходи в студию, если свободен.— Она встала.— Чао, меченый, береги себя.

— Я провожу.

— Куда ты с такой головой?

В словах гостьи таился некий иной смысл, Никита уловил его, прищурился.

— Вот тут ты права, голова — мое слабое место, к тому же чуть-чуть бо-бо. И все же я тебя провожу.

Ксения уехала на троллейбусе, отказавшись ехать на такси. Никита медленно пошел домой, размышляя над ее поведением, словами, жестами, испугом, имеющим какой-то конкретный смысл, но темный пока для него. Думал об этом он и когда ложился спать, пока не позвонили сразу трое, один за другим — мать, Такэда и Ксения — с одним и тем же вопросом: все ли у него в порядке? Сначала он разозлился, потом развеселился, обозвал всех троих перестраховщиками и уснул в полной уверенности, что утро вечера мудренее.

* * *

На следующий день Никита не пошел с утра на репетицию, позвонив Кореневу и сказавшись больным. Выслушивать неискренние соболезнования балетмейстера не стал, отрубив: «Всего доброго». Мысль уйти из труппы, принять предложение Ванфельда — балетмейстера классического балета — поучаствовать в конкурсе с выходом на Большой театр, завладела им целиком. Но облегчения эта мысль не принесла. Что-то мешало Никите жить просто, как он жил до событий в парке, дышать свободно и легко и не заботиться о последствиях своих шагов.

Неприятный осадок от вчерашних событий, а также намеков Такэды, не проходил, бередил душу, торчал в памяти занозой дискомфорта.

Позанимавшись без особой охоты со снарядами в спортивном углу спальни, Сухов принялся разглядывать сползшую за ночь ближе к локтю звезду, гадая, что она такое. Предположение, что это пресловутая «печать зла» — со слов Такэды, едва ли было верным, и все же в звезде крылась какая-то зловещая тайна, тем более, что появилась она совершенно необычным способом. «Весть»,— сказал Толя. Что за «весть»? От кого? Кому? О чем?..

— О чем? — повторил Сухов вслух, дотрагиваясь до коричне-

во-розового пятна на коже. И получил ощутимый — не электрический, хотя и близкий по воздействию, ледяной парализующий разряд, пронзивший руку до плеча, проникший дальше в шею, а оттуда — в голову. Рука занемела, а в голове долго не утихало гулкое бронзово-бархатное эхо, словно она послужила неким колоколом, по которому ударили деревянным молотом.

— Разрази меня гром! — пробормотал Никита, озадаченно глядя на звезду.— Лучше тебя не трогать.

Подумал, надо посоветоваться с врачом. Может, действительно, пойти к косметологу и срезать? Или сначала посоветоваться с Оямычем?

Проделав обычные водные процедуры, позавтракав, сходив в магазин, Никита продолжал ощущать в груди какое-то стеснение. Тревога не проходила, пока не переросла в панику. Ничего подобного танцор никогда не ощущал, вины за собой никакой не видел, причин тревоги найти не мог, и в конце концов решил, не откладывая в долгий ящик, проконсультироваться по данному поводу с психиатром, маминым приятелем; когда-то они дружили семьями. Правда, тут же пришла другая идея: съездить в Кунцево, купить кое-что из деталей к машине в местном автоцентре. Там

работал приятель, который всегда ремонтировал Суховский «аппарат», как он выражался.

Сняв с головы повязку и пощупав здоровенную гулю на затылке (чем это он меня саданул?! Гантелью, что ли?), Никита переоделся во все черное — черные костюмы и рубашки ему шли — и вывел из гаража машину: у него была ВАЗовская «сотка».

До разъезда на Кунцево добрался за полчаса: сдерживали не столько светофоры и ремонты дороги, сколько собственные думы. В машине дышалось легче, тревога отступила, хотя странное ощущение неуюта осталось. Впечатление было такое, будто кто-то невидимый сидел в машине, на заднем сидении, и дышал в затылок. Сухов даже оглянулся дважды, с трудом заставив себя сосредоточиться и «думать о приятном».

А на выезде с кольцевой на Кунцевскую трассу у машины лопнуло правое заднее колесо.

Руль Никита почти удержал, хотя машину со страшной силой повело влево — на скорости под восемьдесят километров в час, но от столкновения это его не спасло: следовавший по соседней полосе со скоростью сто двадцать километров «Форд» ударил «сотку» в левую скулу и выбросил ее в крайний правый ряд, где на нее аккуратно наехал старенький джип с компанией веселящихся парней.

«Форд» не стал останавливаться, лишь увеличил скорость и скрылся на подъеме, а компания в джипе живо напомнила о себе, посчитав виновником столкновения Сухова. То ли они не видели, что произошло перед этим, то ли были подогреты зельем в баре.

Не успел Никита сообразить, в чем дело, порадоваться, что остался жив, и ужаснуться тому, что случилось, как двое парней выволокли его из кабины с криком и ругательствами и принялись избивать. Оглушенный двойным столкновением танцор не сразу пришел в себя, и ему крепко накостыляли по спине и незажившей голове, пока он не начал инстинктивно сопротивляться. Один раз очень удачно прошел бросок через бедро — усатый недоросль с воплем свалился под откос, в другой раз сильный толчок Никиты опрокинул коротко стриженного здоровяка, но все же досталось ему крепко — в основном, когда били в спину и по ногам.

Затем ураган ударов стих и хор криков умолк: трое драчунов покатились в разные стороны, словно их раскидал ураган. Никита, щуря заплывший левый глаз, сквозь кровавый туман разглядел неожиданных защитников.

Трое молодых людей, очень сильно смахивающих на бандитов, бежавших из колонии усиленного режима, делали свое дело — били обидчиков танцора — умело и быстро. Закончив, переглянулись и направились к своей машине, старой «Волге» с побитыми стеклами. Один из них оглянулся, и Никите показалось, что он чуть подмигнул.

«Волга» отъехала, и в тот же момент подкатил на чьей-то «Таврии» Такэда. Никита хмыкнул.

— Ты как тут оказался, Абдулла?

— Стреляли...— мрачно отозвался Толя, провожая взглядом удалявшуюся «Волгу». Потом оглядел растерзанную физиономию танцора.— Эк они тебя! Говорил же — займись кэмпо... Что тут произошло?

Сориентировавшиеся драчуны полезли было в бой снова, благо добровольные защитники Сухова исчезли, однако Толя быстро утихомирил их, уложив штабелем у дверцы автомобиля, которую открыл шофер джипа; вступиться за приятелей парень не решился.

— Ну? Рассказывай.

Никита сел на бордюр, ноги его не держали, и коротко рассказал историю столкновения. Перестав массировать глаз, взглянул на Такэду, который дважды обошел «сотку», заглянул под машину.

— Что, опять твоя пресловутая «печать зла»?

— Поехали домой.

— А колесо поставишь? Но надо же... милицию дождаться... ГАИ.

— Поехали, ничего мы им не докажем.— Такэда подошел к водителю джипа.— Убирайтесь отсюда, и побыстрее, если не хотите платить штраф и лишиться прав.

— Конечно, конечно,— засуетился водитель, худой, тонкий, суетливый от страха.— Я что, я могу и деньги дать, я же не... в общем, не успел.

— Проваливайте.

Джип, дребезжа и стреляя глушителем, укатил. И пока длилось все это действо, на трассе остановилась лишь машина, в которой ехали бандитоподобные защитники танцора, остальные равнодушно проскакивали мимо.

Такэда отослал «Таврию», сменил проколотое колесо, сел за руль «сотки», включил двигатель, и они тихо поехали обратно к центру города.

— Можешь верить или не верить,— нарушил молчание инженер, загоняя помятый автомобиль в гараж,— но «печать зла» увеличивает вероятность неблагоприятного исхода любых действий того, на кого она поставлена. Если бы ты вчера меня послушал...

Никита жестом прервал Толю.

— Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Хватит об этом. Обещаю тщательно рассчитывать каждый свой шаг. Доволен? И на борьбу пойду, если найдешь хорошего тренера.

Такэда посмотрел на него недоверчиво и заинтересованно. Качнул головой.

— Видать, сильно тебя долбанули, если ты и на тренинг согласен.

— Просто не люблю, когда меня лупит разная шпана. Идем кофе пить и лечиться. Массаж сделаешь?

Толя молча пошел вперед. Он думал, что время тренинга для Никиты еще не пришло. Пусть разведка (психоразведка, точнее) убедится, что ее подопечный ни о чем таком, вроде Пути, не думает, продолжая жить так же, как и до встречи с Вестником. Пусть «печать зла» разрядится на мелкие дела и ловушки, а тогда можно будет подумать о большем. Если только танцор согласится принять Путь. И если у императивцентра СС не достанет ума перестраховаться еще каким-нибудь образом...

4

Каждое утро Такэда начинал с отработки дыхания и тао — повторения комбинаций из нескольких десятков движений, присущих технике айкидзюцу. Он знал около шестидесяти тао, но упорно тренировал новые, планируя довести счет до сотни комбинаций: именно столько должен знать мэнкё — мастер высшего класса, если хочет быть не просто сэмпаем — старшим инструктором, но и организовать свою школу.

В свои тридцать два года Такэда успел овладеть не только айкидо и кунгфу, отметив свой путь борца званиями чемпиона Европы, России и Азиатских Игр, но и уникальными приемами боя ниндзюцу, о чем знал только его отец, сам в прошлом великолепный боец, да те немногочисленные поклонники «чистых рас», пытавшиеся вколотить в голову Тоявы свою науку. Однако занятия борьбой не стали для него самоцелью и главным делом жизни, его больше влекла психология и философия древних цивилизаций: тибетской, индийской, китайской,— и Такэда отдался увлечению со всем пылом нерастраченной души, решив пройти путь Дао до конца. Но, будучи сыном своего века и своей страны, коей стала для него Россия, Такэда родился и жил, как и все его друзья других национальностей, приняв российский уклад, быт и законы, не потеряв при этом и самобытные черты характера японца: трудолюбие, выдержку, организованность, дисциплину,— и его понятия о чести, родстве, любви, эстетических чувствах и готовности к подчинению.

Закончив технический университет имени Баумана, имея блестящие математические способности, Такэда не поддался торгово-сделочному безумию, характеризующему социум страны, хотя мог бы выйти в преуспевающие бизнесмены. Имея твердое убеждение, что познание само по себе намного интереснее и важнее признания, он устроился в Институт электроники и стал инженером-исследователем, дважды отказываясь от повышения: личную свободу он ценил выше, чем возможность руководить другими.

Посланник Соборной Души Веера Миров — как он себя назвал — вышел на Такэду, когда тому исполнилось тридцать лет. Видимо, уже тогда инженер был достаточно подготовлен, чтобы поверить Посланнику и принять его предложение. С тех пор он стал НСИ — Наблюдателем статистических изменений, находя в этом занятии истинное удовольствие и... испытывая глубокую тревогу, потому что его научили видеть — к чему идет история Земли. А также история Вселенной, в которой Земля родилась как планета, и которая представляла собой одну из колоссального количества пластин-слоев Веера Миров...

Знал бы об этом Сухов, мельком подумал Такэда, растираясь полотенцем перед зеркалом после душа. Усмехнулся — дрогнул уголками губ, стер усмешку. Знал бы танцор, в какую смертоносную историю встрял!

Тогда в парке функционеры СС, рядовые оруженосцы Сатаны, исполнители воли Синклита Четырех, убили сначала Посланника, а потом Вестника, и не вмешайся Никита... Не вмешайся меченый Сухов, неизвестно, чем бы все это обернулось. Но, видимо — судьба! Весть теперь у него. У обычного человека, физически сильного, не неумелого, духовно незащищенного, в меру смелого, но привыкшего жить по стандарту... и не желавшего менять образ жизни. Да, он не создан для Пути Посланника, это заметно. Хотя... кто знает? Может быть, не все так безнадежно? Силу духа можно ведь и укрепить, а способности развить, если знать — как. Во всяком случае, задатки у него есть, такого танцора днем с огнем не сыскать! А что нужно еще, чтобы стать Мастером, кроме предельного совершенства в своем деле? Пусть даже дело это — танец...

Позавтракав — тэмпура, рис моти-гомэ, охаги [1] и кофе,— Такэда привычно включил в рабочей комнате, она же гостиная — жил он в двухкомнатной квартире в районе Останкино, на двенадцатом этаже,— персональный комп и выбил на клавиатуре: «Привет, Айбиэм-сан».

По экрану дисплея поползли строчки проснувшегося компьютера (фирма JBM, пятьсот мегабайт): «Доброе утро, Наблюдатель. Какие новости?»

— Плохие,— буркнул Такэда, устраиваясь в кресле.

Полчаса он работал на компьютере, включенном в общую информационную сеть технических институтов и ВУЗов, пока не убедился во вчерашнем выводе, что поле искажений социума медленно, но неотвратимо увеличивается. Негативные изменения из сфер социальных отношений — рост преступности и наркомании,— политики — войны, конфликты, национальное обособление — и

[1] Тэмпура — мясо и овощи, жаренные в тесте; моти-гомэ — сорт риса; охаги — колобок из вареного риса, покрытый сладкой пастой из вареных бобов.

экономики — падение жизненного уровня во всех без исключения странах, даже самых развитых,— переползли в сферы медицины — СПИД, генетические заболевания, раковые, психические принимали все больший масштаб,— и культуры, где теле- и киноэкраны захлестнул поток порновидео и сцен насилия, оттеснив редкие талантливые произведения, достигшие высот искусства.

— Ясно,— пробурчал Такэда, сбрасывая файл.— Видимо, дружище, только мы с тобой и следим за Процессом Падения на Земле, никому до него больше нет дела, все живут одним днем.

Инженер ошибался. За Процессом Падения, как он говорил, или за процессом регрессии в данном хроноквантовом слое Веера Миров, следило множество глаз, в том числе не принадлежащих людям. Многие из этих существ анализировали происходящее точнее, шире и глубже, чем это делал Такэда, и не только делали выводы, но и принимали соответствующие меры.

— Ну, а как там наш танцор?

Компьютер получил новые данные о происшествиях с Никитой Суховым, две минуты «думал», наконец, изрек:

— Ситуация под контролем, причем двойным. Намечаются слабые тенденции к с п о л з а н и ю. Прогноз негативной линии — один к пяти.

И на том спасибо, подумал Такэда. Я тоже понял уже, что кто-то его подстраховывает помимо меня. Неужели Собор заинтересовался его личностью? Или он просто отрабатывает мое сообщение?

Толя включил рацию, и в комнате тихо засвистел сигнал маяка, микропередатчики которого в виде незаметных иголочек были вколоты в одежду танцора. Компьютер, запрограммированный специально на поиск местонахождения Сухова по карте Москвы, всегда мог с точностью до десятка метров сообщить, где находится его подопечный. В данный момент Никита ехал в машине по центру города в направлении телецентра.

— Будь внимательнее,— выбил инженер на клавиатуре, хотя комп и так делал все, что зависело от программы. Он уже дважды давал сигнал опасности, в результате чего Такэда успевал к месту очередного происшествия через считанные минуты. Правда, все-таки позже неизвестных благодетелей, успевавших прийти на помощь Сухову с удивительной точностью, раньше милиции.

Пора было заниматься ханами [1] и собираться на работу, но Тоява медлил. Что-то ему не нравилось. Появилось неприятное чувство забытой обязанности, томление, желание оглянуться. И еще показалось, что в комнате что-то изменилось.

Внутренне собираясь, Такэда скользнул взглядом по обстановке комнаты: стол, четыре стула, два кресла, книжные полки, шкаф,

[1] Ханами — любование цветами, ритуал, почти обязательный для японца.

компьютер, принтер, сейф... две картины в стиле сэйкаку на стене, календарь... зеркало... все на месте... Зеркало!

Такэда стремительно прыгнул к шкафу, выхватил нунчаки, со свистом провел вокруг себя два круга защиты, зажал нунчаки подмышками, медленно подошел к зеркалу, в котором отражалось все, кроме самого хозяина. Зеркало слепо смотрело на инженера, и было в этом «взгляде» нечто, отчего Такэда покрылся холодным потом. Инстинкт сработал раньше, чем он сам понял, в чем дело.

Взметнулись нунчаки: правый сбил на лету выплюнутый зеркалом острый зазубренный кусок стекла, левый врезался в зеркало, еще до удара зазмеившееся трещинами. Звон, грохот, стон... стон! Осколки стекла, кривые, как ятаганы, посыпались на пол, крепления зеркала вылетели из гнезд, рама треснула и разлетелась в щепы!

Обессиленный, чувствуя, как по телу бегут струйки пота, Такэда стоял над кучей стекла и разбитых деревянных планок и... в голове вертелось только одно слово: нашли!..

Но как, почему, с чьей подачи? Или он прав — психоразведка? Подстраховочная кампания СС? Скорее всего, так оно и есть: «печать зла» действует на все объекты, попавшие в поле зрения заклятия, наложенного на объект опеки. Поскольку объектом опеки в данном случае является Никита Сухов, это означает, что все его друзья, родные, знакомые находятся в «кругу устойчивого интереса» «печати». То есть всем им грозит опасность. И Ксении тоже...

— Набил тут стекла,— сказал с осуждением Такэда и сам же себе ответил.— Гомэн кудасай [1].

В дверь позвонили.

Тоява оценивающе глянул на нунчаки, кивнул, успокаиваясь. Внедрения готовятся заранее, вряд ли два спланированы сразу одно за другим.

За дверью стоял Сухов с заклеенной пластырем физиономией.

— Ты что, тренировался? — поинтересовался танцор, глядя на то, что минуту назад было зеркалом. Взгляд Никиты скользнул по нунчакам, потом по лицу хозяина.— Что случилось, Оямыч? У тебя вид, будто ты ждал налоговую инспекцию.

— Собираюсь на работу,— буркнул Такэда, отступил в прихожую. То, что поизошло, называлось внедрением, но Сухову знать это пока не нужно. Если СС вцепилась, уйти от следующего «появления души» у мертвых предметов будет труднее. Как правило, никто не ждет никаких каверз от знакомых с детства вещей...

— Не обращай внимания,— добавил Толя.— Я случайно зацепил нунчаками зеркало. Сейчас умоюсь, и ты отвезешь меня в институт.

---

[1] Извините, пожалуйста *(яп.)*.

— Отвезу... а откуда ты знаешь, что я на машине?

— Бензином воняешь.

Такэда ушел умываться, а Никита, сказав ему в спину: «Да?» — прошел в комнату с компьютером, разглядывая груду зеркального стекла на полу. Один из осколков мерцал голубовато-льдистым светом и выглядел угрожающе живым, но пока танцор протирал глаза, свет исчез, осколок выпал из общей кучи и рассыпался в пыль.

Показалось, подумал Никита, озираясь.

Гостиная Такэды недвусмысленно говорила о национальности владельца квартиры: циновки-татами на полу; холодное оружие вместо традиционных кукол на всех полках, шкафах, телевизоре, компьютере, на столе и на стенах; эстампы с видами Фудзи и поединками самураев; цветы вдоль стен в специальных длинных ящичках. И множество книжных полок, повешенных на стенах таким образом, чтобы создавались традиционные японские токонома — ниши, в которых также лежали ножи, стилеты и кинжалы. В глубине одной из ниш висел свиток с японскими иероглифами — какэмоно.

Все это Никита знал давно и тем не менее, попадая в дом Такэды, не мог не полюбоваться его убранством, своеобразной эстетикой и чистотой.

— Я есть хочу,— заявил он подошедшему сзади Толе.— И пить. И музыку послушать, твою любимую — с шумом ветра. У тебя найдется, что перекусить?

— Обойдешься. Я всегда считал, что ты воспитан не по формуле: «хочу все сразу и сейчас». К тому же я тороплюсь.

— А я нет.

— Надо же! — голос Такэды сделался неприятным.— Оказывается, есть люди, которые никуда не спешат.

Никита внимательно посмотрел на него.

— Да что произошло, Толя? Ты явно не в себе.

— Извини.— Такэда взял себя в руки.— Поехали, по дороге расскажу.

Но в машине он молчал и думал о своем. Сухов не приставал с расспросами, это позволяло заниматься самоанализом и не раздражало. Высаживая Такэду на проспекте Черепанова, танцор сказал с неуверенностью:

— Знаешь, я решил радикально изменить ритм жизни.

Такэда оглянулся через плечо, не спеша захлопывать дверцу, ожидая продолжения.

— Хочу попробовать себя в классическом балете. Как ты думаешь, я смогу там чего-то достичь?

— Сможешь. Только это не есть радикальное изменение жизни. Я тебе советовал, что делать.

— Я сам могу решить, что мне делать,— с прорвавшимся высокомерием произнес Никита.— И в советах не нуждаюсь. Мне, между прочим, двадцать шесть лет, и ты мне в няньки не годишься.

— Ну-ну,— сказал Такэда, все еще медля.— И куда же ты сейчас направляешься, если не секрет?

— Мой день принадлежит мне.— Сухова несло дальше, хотя едва ли он сам понимал, почему и на кого злится.

Такэда покачал головой, лицо у него погрустнело.

— Твой день послезавтрашний, меченый. И хорошо если бы ты до него дожил. Как рука? Звезда не беспокоит?

Никита, на которого будто вылили ушат холодной воды, опомнился, глянул на правую руку: коричневый «ожог» в форме пятиконечной звезды переместился уже на предплечье. Вспомнился «удар холодом», которым ответила звезда на прикосновение, душу на мгновение защемил страх.

— Что все-таки это такое? Скажешь ты наконец или нет?

— «Зарытый» в шумах сигнал,— Толя усмехнулся,— говоря научным языком. А вообще — Весть. Когда-нибудь проявится. А может быть, и нет. Терпи. И не показывай ее никому без надобности. Вот еще что.— Такэда поднял руку, предупреждая возражение танцора.— Бери Ксению и уезжай с ней на юг, недели на две, все равно куда. «Печать зла» действует и на нее, пока ты жив. Думаю, за тысячи километров от столицы она потеряет силу. Не могу же я все время подстраховывать обоих сразу. Звони.

Он ушел. А Никита остался сидеть в машине с ощущением, будто ему врезали по больному глазу.

* * *

В два часа дня он с недоумением разглядывал повестку в милицию, только что вынутую из почтового ящика. Прочитал еще раз: «В случае неявки взимается штраф в размере двух тысяч рублей». Хмыкнул. Такой суммой можно было бы и пренебречь, но Сухов был законопослушным гражданином своей страны и конфликтовать с властью не хотел.

В два сорок он подкатил в райотдел милиции, осведомился у дежурного, где комната под номером одиннадцать, и зашел.

Комната оказалась небольшой, уютной, со стенами, окрашенными голубой масляной краской, по которым были развешаны плакаты с рекламой боевого самбо и фото машин производства АЗЛК. Стол, шесть стульев, сейф и книжный шкаф радовали глаз чистотой и простотой линий. Портрет Феликса Эдмундовича завершал эстетику кабинета.

За столом с работающим вентилятором сидел лысый мужчина средних лет, с лицом бледным и болезненным. Губы на этом лице почти не выделялись, зато нос поражал величиной и формой. Покатые плечи, пухлые руки, штатский костюм (пиджак — в такую жару?!), зеленая рубашка со сползшим галстуком. Господи, в какую эпоху я попал, с недоумением думал Никита. Но вслух сказал:

— Я по поводу повестки. Видимо, здесь какая-то ошибка...

Хозяин кабинета молча взял повестку, поискал что-то в куче бумаг, вытащил три серых листа с каким-то текстом, прочитал и поднял на Никиту водянистые, без выражения, глаза. Голос у него оказался хриплым и мокрым, будто он вот-вот начнет отхаркиваться.

— Документы?

Никита протянул паспорт.

Лысый мельком взглянул на портрет владельца документа, отложил паспорт в сторону.

— Вы обвиняетесь в дебоширстве, учинении драки в уличном переходе, столкновении с машиной известного дипломата, наезде на автомашину коммерческого объединения «Валга» и нанесении побоев двум его работникам.

— Что?! — Никита не поверил своим ушам.

— Хватит на то, чтобы сесть по двум статьям на срок от трех до пяти лет. У вас есть смягчающие вину обстоятельства?

— Но это неправда! — возмутился Сухов, справившись с изумлением.— Причем тут моя вина? Я ни в чем не виноват.

— Да? — удивился сотрудник райотдела и вдруг, побагровев, заорал:— Ты мне здесь невиноватика не строй! Знаем мы таких тихих! Балетчик! Привык, небось, плевать на закон. Каждый день новая баба, машина, бары, рестораны, коньяк... Нет, скажешь? Я вас всех, танцоров, знаю, как облупленных. Живете, не считаясь...

Бац! Ладонь Никиты хлестко ударила по столу. Лысый отшатнулся, мгновенно замолчав, тупо глянул на стол, потом на руку Сухова, оценив ее размеры, мышцы. Потянулся было к кнопке звонка, но передумал.

— Прекратите истерику,— проговорил Никита тихо.— Ни фига вы не знаете, как живут танцоры. Это первое. Ни в чем я не виноват, это второе. Разговаривать я с вами буду только в присутствии адвоката, это третье. Достаточно?

— Вполне,— как ни в чем не бывало ответил лысый.— Садитесь. Уточним... э-э, некоторые детали.

Никита невольно засмеялся, махнул рукой и сел.

Дальнейший разговор протекал без инцидентов, криков и угроз, хотя старший оперуполномоченный не отличался ни умом, ни эрудицией, ни другими качествами интеллигентного человека. Был

он дуб-дубом и хорошо знал только уголовный кодекс и бандитскую среду. В заключение он, перейдя на «вы», доверительно сообщил:

— Но если обвинения в ваш адрес подтвердятся, мы вас и под землей найдем. А тем более, если вы снова отмочите какой-нибудь фокус вроде драки. Так что сушите сухари.

Никита вышел молча, хотя его душил гнев, и горячее словцо готово было сорваться с губ. Однако, выйдя из райотдела, он поразмыслил и сделал вывод, что легко отделался. По рассказам бывалых людей, попать в милицию было легко, а вот выйти — очень непросто. Что-то здесь было не так. Такие обвинения и угрозы не произносят зря, а объявив — добиваются признания факта, чтобы завести уголовное дело. Найди они свидетелей — Сухову очень трудно было бы оправдаться. Но... что-то не склеилось. Или наоборот, все прошло, как надо, его решили попугать, и это удалось. Но зачем? Зачем его пугать?

Стоп!

Сухов замедлил шаг, глядя сквозь прохожих остановившимся взглядом. Уж не является ли этот странный вызов без последствий отголоском «печати зла»?!

Никита качнул головой, отгоняя наваждение, обозвал себя в душе слабохарактерным и впечатлительным мистиком, и поспешил к метро. Через полчаса он входил в мастерскую Ксении.

Сердце вдруг забилось часто и сильно, будто он бежал. А при виде склонившейся над мольбертом художницы — она работала над пейзажем — пришло странное двойственное ощущение: его ждали и не хотели видеть одновременно! Чувство это все чаще приходило к Никите, и он даже как-то задумался о причине этой странности, но мастерская Красновой не способствовала самоанализу, мысли свернули в иное русло.

Он тихонько прошел за ее спиной в угол, где стояли столик, два кожаных кресла и вешалка, сел в кресло и принялся разглядывать профиль девушки.

На ее лицо в момент работы хотелось смотреть, не отрываясь, как на огонь костра или дождь. Когда она работала, превращалась из феи приветливой доверчивости в фею милой сосредоточенности, и по лицу ее тихо бродили отголоски мыслей и чувств, переживаемых ею в данный момент. Наблюдая за ней, Никита терял счет времени, и был готов убить всякого, кто посягнет на это существо, способное превращать безотрадное в красивое, серость в яркую многоцветность...

Одета Ксения была в голубой комбинезон, не скрывающий блистательных форм тела. Волосы она заплела в косу, которая тяжелой короной лежала на голове, открывая длинную шею с серебряной цепочкой. В мочках ушей поблескивали серебряные сережки с сердоликом в форме листочка березы. На среднем пальце левой

руки — перстень с таким же камнем. Неброско, просто, но в этой простоте крылись изысканность и утонченность, подвластные только истинному художнику — не в смысле профессии, в смысле свойств натуры.

— И долго ты намерен так сидеть? — раздался низкий голос девушки.

— А? Д-да...— промямлил застигнутый врасплох Никита.

Ксения оглянулась. В глазах улыбка, лукавые искры, приветливость и готовность выслушать любое предложение. Повинуясь зову интуиции, Никита подошел к ней и молча поцеловал в полураскрытие пунцовые губы, ответившие на поцелуй с неожиданной нежной силой. Минута длилась долго, а тишина в мастерской была такая, что слышалось кипение крови, собравшейся в губах, сердце и руках, сжимавших девичьи плечи. Затем, снова повинуясь властному зову интуиции, Никита разжал объятия, оторвался от Ксении и отступил на шаг. Девушка смотрела на него без улыбки. Глаза ее стали огромными, глубокими, и радость в них боролась с сомнениями.

Никита стиснул зубы, отступил еще на шаг. Снова это загадочное сомнение, что и в глазах Толи Такэды. Ах, друзья мои, приятели, в чем же вы сомневаетесь? Что вы такого видите во мне, что позволяет вам сомневаться?

— Надо же,— все тем же спокойным низким голосом произнесла девушка,— на двадцать седьмой день знакомства ты наконец соизволил поцеловать меня. Я думала, ты смелей.

— Ну что ты, я такой неуклюжий и робкий,— пробормотал Никита.

Девушка засмеялась, и напряжение схлынуло, разрядившись смехом. Но вкус поцелуя остался на губах и в памяти. Сравнить его было не с чем, ничего подобного Никита не переживал никогда, хотя и целовал девушек прежде. Как сказал бы Толя Такэда: счастье выпадает тому, кто его не ждет.

— Я пришел жаловаться,— продолжал танцор, с жадной радостью впитывая смех девушки и свет, исходивший от ее лица.— Понимаешь, вокруг меня что-то происходит, какие-то скрытые силы жонглируют событиями, а я лишь изредка ощущаю их присутствие. Плюс вот это.— Танцор кивнул на руку, закатав рукав рубашки над локтем, где красовалась звезда.— Подарок судьбы. Весть, как выражается Толя.

— Болит, мешает?

— Не мешает, но... действует на нервы.— Никита вспомнил реакцию звезды.— А стоит на нее надавить и...

Знакомый холодный разряд проколол руку от звезды до шеи, вонзился в затылок, растекся парализующим холодом по всему телу, заставил дрожать пальцы и губы. Чей-то грохочуще-гулкий

голос раздался, показалось, в костях тела, позвоночника, в черепе, произнес фразу на тарабарском языке, стих. И все прошло. Осталась только слабость в коленях и затихающий звон в голове.

— Что с тобой? — Никита увидел у лица испуганные глаза Ксении и обнаружил, что сидит в кресле.— Тебе плохо?

— Н-нет... все нормально... сейчас пройдет.

Ксения упорхнула куда-то и тут же принесла чашку холодного кофе.

— Пей, это взбодрит.— Посмотрела, как он пьет, отобрала чашку, положила одну ладонь на его затылок, вторую на лоб.— Теперь сиди тихо и думай о приятном.

Ладони у нее были мягкие, ласковые и в то же время сильные. От них исходила какая-то успокаивающая, живая прохлада и приятная бодрость. Через несколько минут Никита почувствовал себя полностью окрепшим, восстановленным, отдохнувшим. Легкая нервная дрожь вокруг пятна звезды — словно по коже бродила «гусиная пупырчатость» — прошла. Страх в душе почти растаял, хотя Сухов знал, что он еще вернется. Загадка звезды угнетала, снова родилась идея сходить к косметологу и срезать участок кожи вместе со звездой. Если ты только была гарантия, что это поможет.

— К врачу не обращался? — поинтересовалась Ксения.

Танцор отрицательно качнул головой, криво улыбнулся.

— Тебе Толя рассказывал, как она появилась?

Ксения опустила глаза, потом прямо посмотрела на него.

— Рассказывал.

— И что ты об этом думаешь?

Девушка отвернулась, прошлась по мастерской, остановилась у мольберта с пейзажем. Сказала, не глядя на гостя:

— Ник, ты попал под колесо истории, хочешь ты этого или не хочешь. С появлением Вестника мир вокруг изменился и... и многое зависит от тебя лично. Многое,— подчеркнула она, искоса глянув на Никиту,— если не все. Если захочешь, в свое время ты узнаешь подробности. Но возврата к прежней жизни не будет. И ты — в большой опасности, в очень большой.

— Значит, ты все знаешь? — задумчиво проговорил Сухов, чувствуя, как впереди разверзается бездна.

— Не все, только то, что сказала. Тебе предстоит пройти Путь, вернее, три Пути...

— Целых три? — Никита постарался, чтобы в тоне вопроса было как можно больше иронии, но Ксения не прореагировала на это.

— Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Если только...— она помолчала,— если тебе хватит...

— Смелости? Ну что ты, я трус.

— Великодушия,— закончила девушка.

Чувствуя, как запылали щеки, Никита встал и, не попрощавшись, вышел из мастерской. Он был взбешен, раздосадован и обижен, словно ему отвесили пощечину, хотя в глубине души сознавал, что Ксения не хотела его обижать. И все же было чертовски обидно, что в нем, таком положительном во всех отношениях, имевшем сотню великолепных качеств, нашли вдруг изъян. Великодушия, видите ли, ему не достает! Откуда это видно? И зачем оно для того Пути, или трех Путей? Путнику больше требуются сила и выносливость, а не великодушие... если, конечно, он вообще собирается куда-то идти...

Никита пожал плечами. Никуда идти он не собирался. Но от этого на душе не становилось спокойнее. Ксения знала, что он не из путешественников, вот почему во взгляде ее сквозило сомнение. Знала она и то, что он откажется от Пути, вернее, от трех Путей. Отсюда печаль и дистанция, которую она установила сама; поцелуй не в счет. Или как раз наоборот, поцелуй — шаг вперед?

Путь Меча...

Никита нахмурился.

Пахнет кровью. Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Но звучит! Как это влекуще и жутко звучит... упаси меня Боже от соблазна!

5

Целых два дня он общался только с соседями, с мамой и приятелями на тренировках. В театр пошел лишь затем, чтобы сообщить Кореневу окончательное решение: он переходит в балетную труппу Малого академического.

Так как и ему никто из друзей не досаждал, Никита, разозлившись, решил устроить себе отдых и уехать в Подмосковье, на турбазу, минимум на неделю. А поскольку для этого нужны были деньги, пришлось идти в банк и снимать со счета.

Машина стояла в ремонте на станции техобслуживания, поэтому все вояжи приходилось выполнять или на такси, или общественным транспортом.

Сухов, вообще говоря, особых трудностей в жизни не испытывал, воспитывался в основном дедом и бабушкой и жил в достатке. Денег он никогда не считал, ни в детстве, ни во время учебы, ни потом, устроившись на работу, поэтому был в известной мере избалован, чтобы почти никогда и ни в чем себе не отказывать. В такси он сел, не задумываясь, хотя на троллейбусе до районного сбербанка можно было добраться за двадцать минут. А когда подошло время расплачиваться (пятьсот рублей за пять км?!), обнаружилось, что танцор забыл деньги дома: злую шутку сыграла привычка ездить на машине.

Водитель, угрюмый здоровяк с лысиной на полчерепа, шутки этой не понял.

— Крутой? — буркнул он сипло.— Тогда плати штуку, я тоже крутой.— И он взялся за монтировку.

Напрасно Никита клялся, что забыл портмоне, просил подождать, пока он получит в банке деньги, предлагал в залог часы: водитель только отфыркивался и выжидательно глядел исподлобья. Наконец Сухов выдохся и прошипел, сдерживая бешенство:

— Вези обратно, олух!

— Я тебе ща отвезу,— пообещал водитель, разворачиваясь.— Я тебя в милицию отвезу.

При слове «милиция» в мозгу танцора что-то щелкнуло. Он вспомнил вызов и разговор с инспектором, как две капли воды похожим на шофера такси. Не есть ли это звенья одной цепи? Не сработала ли снова «печать зла», усиливающая, по словам Толи, вероятность неблагоприятного исхода любых действий Сухова.

— Стоп! — сказал он.— Я плачу.

Но водитель словно не расслышал, продолжал гнать машину в обратном направлении. И тогда Никита что есть силы дернул вверх рукоятку ручного тормоза. Машину занесло. Взвыв, заглох мотор. Шофер тупо глянул на тормоз, на пассажира, брови его полезли вверх, но Никита не дал ему времени опомниться: рванул ручку дверцы и выскочил из такси.

Квартал он бежал так, словно сдавал стометровку, ожидая криков и ругани в спину, но все было тихо. Уехал ли таксист сразу или простоял час, Никита так и не узнал. А, вбежав в здание банка, оказался свидетелем его ограбления. «Печать зла», видимо, продолжал действовать.

Четверо молодых людей в масках из чулок в «лучших» традициях голливудских боевиков уложили посетителей банка на пол и набивали деньгами сумки. Судя по ярости их главаря, добыча не была стоящей. Вооружены они были пистолетами, а черноволосый главарь — автоматом «узи», что превращало любой акт сопротивления в акт самоубийства.

Никита еще ничего не успел сообразить, как получил по скуле рукоятью пистолета и, оглушенный, упал на колени.

До этого он ни разу не встречался с вооруженными бандитами, не считая случая в парке. Конечно, рэкетиры, мафия, воры в законе, коррумпированные чиновники были на слуху, об их «успехах» не раз писали газеты, но для танцора все это происходило как бы в других измерениях и его не касалось. Но вот на карту судьбы ему поставили «печать зла», и неприятные открытия посыпались, как из рога изобилия.

— Лечь! — услышал он над собой, получил удар по затылку, но

продолжал стоять на коленях, с усилием соображая, что делать дальше, и как он оказался в таком беспомощном положении. Его ударили еще раз, и Сухов — долго потом вспоминалось это со стыдом и горечью — вскрикнул от боли и поспешно лег лицом вниз, хотя в момент удара — это он тоже осознал и запомнил — мог перехватить руку бандита и вырвать пистолет.

Грабители умчались через несколько минут, выстрелив для острастки пару раз в потолок. А еще через минуту вместе с блюстителями порядка в помещение сбербанка ворвался Такэда. Помог Никите подняться, повел на улицу. Их остановили, потребовали описания событий и преступников, но Сухов соображал плохо, а помнил все и того хуже. Презирал он себя в данный момент люто.

— Ты появляешься, как чертик из коробки,— сказал он инженеру, когда тот привез его домой и стал лечить ссадину на скуле и шишки на темени.— Как тебе это удается?

Такэда молча продолжал свое дело.

Никита подождал ответа, заговорил снова:

— Ладно, я еще с тобой разберусь... охранник. Что или кто меня прищучил на этот раз? Психоразведка? Молодчики СС? Как ты там говорил: «свита Сатаны»?

— Если появятся функционеры «свиты», тебе несдобровать. Я уже говорил: не ввязывайся в конфликты, поменьше бывай вне дома или займись боевой подготовкой. Хотя бы для выживания. Сейчас тебя можно ликвидировать шутя, хотя ты и здоров на вид.

Никита обиделся.

— Между прочим, я делаю стойку на двух пальцах! Отжимаюсь на одной руке... да и сальто кручу тройное... Попробуй, и посмотрим, что получится.

— Этого мало, Кит.— Инженер сел напротив, сгорбился.— Ты абсолютно не готов морально и не подготовлен технически к схватке, не ждешь опасности и не умеешь реагировать на нее вовремя. Тебе нужен не просто тренер айкидо, дзюдо или тхэквондо, но инструктор по выживанию.

— Зачем?

— Да,— тихо сказал Толя.— Я тоже часто задаю себе этот вопрос: зачем тебе лишние хлопоты? И не нахожу ответа.

Никита поискал обидный смысл в словах друга, не нашел и, решительно оттолкнув подушку, сел на кровати в тренировочном костюме.

— Рассказывай все.

Такэда покачал головой.

— Все еще рано. Пока есть шанс тихо просидеть в кустах и не поднимать шума. Может быть, Они снимут заклятье и уйдут... тогда и начинать ничего не надо. Хотя вряд ли, ничего Они не делают наполовину. Странно все-таки, что Они тебя отпустили.

Никита покраснел. Он еще помнил слова «десантника» в парке: «Слабый. Не для Пути...» Чтобы скрыть замешательство, буркнул:

— Ну хорошо, допустим, я согласен...— Сухов заторопился, увидев, что на губах Толи появилась усмешка.— Что ты лыбишься, метис несчастный?

— «Допустим» здесь не проходит, Кит. Я понимаю, очень трудно, почти невозможно поменять образ жизни, но делать это придется. Хотя ты еще не решил. Это в тебе говорит «эго», самолюбие, а не разум и сила.

— Где же их взять? — проворчал примирительно Никита.— Тупо сковано — не наточишь, глупо рожено — не научишь.

Такэда поморщил лоб, раздвинул губы, беззвучно рассмеялся.

— Браво, гимнаст, ты самокритичен.

Засмеялся и Сухов, но тут же осекся.

— Я серьезно — что согласен. Только не делай далеко идущих выводов, просто я не люблю, когда меня бьют.

— А я думал, тебе нравится.

— Не издевайся. Сведи меня с тренером, попробую овладеть твоим тхэквондом. Или айкидом. Кстати, какую систму борьбы посоветуешь?

— Если искать здоровья, душевного равновесия, то лучше восточных единоборств: кунгфу, пенчака, тайинга, айкидо, каратэ, тхэквондо или вьет-во-дао — не найти; но если хочешь получить практический боевой эффект, причем достаточно быстро, то лучше росс дао школы Д ничего не существует. Я сведу тебя с моим знакомым, он инструктор в одной закрытой конторе.

Такэда помолчал, сходил в ванную и вымыл руки. Вернулся, походил из угла в угол. Сухов молча наблюдал за ним, потом не выдержал:

— Ходун напал? Опять что-то случилось? Или с Ксенией что?!

— Пока ничего.— Инженер поколебался и достал из сумки, с которой пришел, тонкий и острый, с замысловатой рукоятью, трехгранный кинжал — стилет.— Помнишь, где он у меня лежал?

— На полке у кровати, рядом с кортиком. Только ручка, по-моему, у него была другая.

— Гляди-ка, усек. Дело в том, что я утром обнаружил его торчащим в кровати; спал я на диване.

У Никиты перехватило дыхание.

— «Печать зла»?!

— Но самое интересное,— ровным голосом продолжал Толя,— что изменилась не только форма стилета, но и материал. Он был сделан из легированной стали, а теперь — из редчайшего изотопа тантала, на Земле практически не встречающегося. Я проверил в лаборатории.

— Ну и что?

— Это похоже на С-профилактику. А может быть, и не только. В связи с чем хочу тебя предупредить: будь внимателен к самым обыденным домашним вещам. Некоторые из них могут... оживать. И называется сия метаморфоза в н е д р е н и е м.

Не дав Никите и рта раскрыть, инженер быстро засобирался и ушел, оставив того с гудящей от обилия впечатлений и предчувствий головой.

* * *

Вопрос отдыха решился сам собой: Сухов попал в состав сборной России по акробатике и должен был через три дня выехать на двухнедельные сборы в Крым, на турбазу олимпийской подготовки «Дагомыс».

Ксения поехать с ним на весь срок отказалась по причине «творческой незавершенности», но обещала подъехать на три-четыре дня в начале августа. Сухова это устраивало по всем параметрам, а Такэде он пообещал не вмешиваться ни в какие инциденты и спать с газовым пистолетом под подушкой.

Перед отъездом они сходили к приятелю Толи, как оказалось, инструктору одной из закрытых школ спецподготовки сотрудников главного разведуправления. Приятелю шел тридцатый год, был он почти одного роста с Никитой, но узкоплеч и тонок, и особого уважения не вызывал. Такэда понял мимику лица Сухова, наметил улыбку уголком рта, первым протянул руку инструктору:

— Привет, Роман.

— Салют, мастер. Давно тебя не видел. Перестал выступать? — Хозяин отступил, пропуская гостей в тренерскую.— Проходите.

Комната была заставлена кубками, вазами, спортивными снарядами, стены ее были увешаны календарями с видами борцов всех стилей, таблицами и схемами.

— Проходите, садитесь.

— Познакомься,— кивнул Такэда на танцора.— Никита Сухов. Акробат, гимнаст, солист балета. А это сэмпай Роман, пятая категория россдао.

«Сэмпай» Роман окинул Никиту оценивающим взглядом, кивнул с удовлетворением.

— Подготовочка дай Бог! Мне бы такую стать, а Толя?

— Ты и так не обижен, мастер.— Такэда вдруг нанес три быстрых удара: кулак и локоть правой руки — ребро ладони левой,— и все три оказались блокированы Романом. Сделал он это без усилий, как само собой разумеющееся, но добавил и кое-что свое: последний блок одновременно был и контрударом. Правда, в последнее мгновение инструктор движение остановил.

— Сэн-о-сэн [1],— сказал Такэда.— Ты хорошо держишь форму.

— Не жалуюсь.— Голос Романа остался безразлично спокойным. Он отбил нападение, даже не глядя на неожиданного противника, продолжая оценивать Никиту, и была в этом безукоризненном автоматизме такая пластика, что Сухов восхитился в душе.

— Итак, милостивые судари, что вас привело ко мне?

— Возьми его к себе в команду.

Зазвонил телефон, Роман поднял трубку, буркнул: «Да, они у меня»,— положил трубку. Школа была режимной, и всех ее посетителей проверяли.

— Я мог бы поработать с ним и в айкидо, но для восточных единоборств его стать не шибко подходит. К тому же ему надо пройти подготовку достаточно быстро.

— О причинах не спрашиваю.— Роман задумался.— Но в команду я взять его не смогу — все ученики на виду.

— Тогда займись индивидуально. С таким материалом ты еще не работал. Главное, что ему не надо тренировать базовые навыки: равновесие, четкость, ритмику, растяжку и так далее. Встань, Ник, сделай пару своих пируэтов. Сделай, сделай.

— Здесь мало места...— нерешительно поднялся Никита.

— Вот именно. Оцени пространство и давай.

Сухов прикинул расположение столов, стульев, стоек и шкафов комнаты и сделал спираль Карозо со сменой en dexhors b en dedans[2], *ухитрившись ничего не задеть и не сбить. Его странное — в условиях* тесного помещения — па было полно грации, гибкости и силы, каждое движение как бы перетекало в следующее, вычертив безупречную трассу положений тела без разрывов и остановок.

Роман цокнул языком.

— Впечатляет! Хорошо, я могу взяться за него...

Такэда, подмигнув, вдруг локтем сбил стакан с водой со стола, но инструктор быстрым, изумительно точным и плавным движением поймал его и поставил на стол, не прерывая речи:

— ...если он готов заниматься всерьез, по пять-шесть часов в день. У парня действительно имеется уникальная возможность достичь высокого мастерства в короткие сроки. Скажем, за два-три года. Годится такой вариант?

Никита, восхищенный мастерством инструктора, кивнул. Он был согласен на все, забыв и о собственных тренировках в сборной, и о переходе в другой театр, и о «печати зла».

— Тогда прошу выслушать пару сентенций. Первая: человек — это одушевленное универсальное оружие многопланового действия.

---

[1] Синхронный контрудар (*яп.*).

[2] En dexors — движение вовнутрь, en dedans — движение наружу в классическом балетном танце.

— Оямыч говорит иначе,— кивнул на Такэду Никита, не выдержав.— Человек — биосистема с ограниченной способностью к изменениям.

Инструктор нахмурился.

— Во-первых, никогда не перебивайте говорящего. Иначе мы расстанемся еще до начала учебы. Во-вторых, сказано это, скорее, о биохимии, чем о физике тела человека. Не так ли, господин инженер?

Толя, пряча улыбку в глазах, кивнул.

— И последнее. Россдао — это развитие традиций боевого искусства славянских корней, так называемого «русского стиля» рукопашного боя, впитавшего обширнейший арсенал приемов борьбы во всем многообразии национальных видов, направлений, стилей и школ. Господин Такэда может подтвердить: многие приемы россдао уникальны и рассчитаны в идеале на людей с таким телосложением, как ваше. И еще: профессионал-родер не уступит ни одному профессионалу Востока.

Никита посмотрел на Тояву: тот снова кивнул, предпочитая обходиться минимумом жестов. Встал.

— Спасибо, Роман. Когда начнете?

Инструктор тоже встал, глянул на календарь.

— Через две недели, после сборов. Вот телефон, позвоните мне двадцать восьмого.

Никита попрощался, пожав крепкую руку тренера, вышел первым, Такэда задержался:

— Два года — слишком мало, чтобы из человека танца сделать человека боя, но слишком много, когда тому угрожает опасность. Подготовь его в максимально короткий срок, даже если придется работать по двадцать четыре часа в сутки.

Роман, хмуря брови, подошел к инженеру.

— Что за опасность? Зачем этому парню менять квалификацию? Если он акробат — в добрый путь к славе!

— У него другой... Путь. Я ничего пока не могу тебе рассказать, но Ник вообще-то действительно в опасности. Хорошо, если бы ты начал заниматься с ним прямо с завтрашнего дня, но если это невозможно, пусть будет через две недели.— Такэда шагнул из комнаты.— Если он останется жив.

— Погоди... мистика какая-то! Это что — так серьезно?

— Сверхсерьезно.

— Почему же ты сам не начнешь с ним работать?

— Потому что моя компания для него увеличивает опасность появления... скажем, неких сил, с которыми даже я не смогу справиться. Нужен совершенно посторонний человек, учитель. Только учти: та сила, которая заинтересована в гибели Никиты, может обратить внимание и на тебя.

— Что за чушь! Не пугай меня своими фантазиями. Я подумаю. Если завтра удастся отвертеться от сборов, я начну с ним работать завтра. Жди звонка.

* * *

Два события одно за другим сорвали планы Сухова на отдых, торжественную церемонию встречи Ксении и кайф на берегу моря. Первое произошло вечером, после похода Сухова в новый театр и разговора с балетмейстером труппы Суходольским.

В хорошем расположении духа Никита принял дома душ, переоделся и только собрался позвонить Ксении и пригласить ее в ресторан, как вдруг ожил телефон. То есть по-настоящему ожил! Его трубка из голубого пластика почернела, изогнулась, выпустив лапы с когтями, и уселась на так же почерневший корпус телефона, глянув на остолбеневшего танцора бусинами глаз. Взгляд ее был тяжел и злобен, он давил, угрожал, приказывал; казалось, ожившая трубка вот-вот заговорит или, по крайней мере, каркнет, как ворон Эдгара По. Никита даже замахнулся на нее:

— Кыш отсюда!

Трубка открыла пасть — таково было впечатление, хотя рта у нее не было и не могло быть,— и зашипела.

Сухов отшатнулся, и в то же мгновение трубка прыгнула на него, разматывая на лету шнур. Благодаря тому, что танцор опередил ее на мгновение, трубка не долетела до лица и вцепилась лапами в предплечье, как раз в том месте, где на коже сидела звезда, то есть Весть, если верить Толе.

Никита получил сильнейший нервный укол в руку, обжигающая боль ударила огненной спиралью через плечо, шею и ухо в голову, оглушила. Вскрикнув, он смахнул с локтя озверевшую телефонную трубку и та, не долетев до стены, взорвалась. Телефон вспыхнул, загорелся зеленым пламенем и горел до тех пор, пока не рассыпался в прах. Тумбочка под ним при этом даже не потемнела.

Оглушенный разрядом, парализовавшим правую руку, Никита дотащился до кухни, открыл пластмассовую бутыль с колой, жадно припал к горлышку. Рука дрожала, напиток проливался на воротник, шею, грудь, но он пил, пока не осушил полуторалитровую бутыль. Не почувствовав вкуса.

С час сидел в гостиной на диване, прислушивался к руке, по которой бегали тонюсенькие иголочки, и прикидывал, не позвонить ли Такэде от соседей. Но рука наконец обрела чувствительность и подвижность, и Никита решил никому ничего не говорить. Как объяснить случившееся, он не знал. Галлюцинацией здесь не пахло, телефон действительно сгорел, а трубка рассыпалась в пыль, это он

видел собственными глазами. Доказательством реальности происшествия был уцелевший телефонный шнур, однако вряд ли он мог рассказать правду. Единственным объяснением, ничего, по сути, не объяснявшим, было загадочное в н е д р е н и е, о котором предупреждал Такэда. Кто-то или что-то внедрялось в какую-нибудь вещь, причем — опасную вещь, и та начинала вести себя самостоятельно, как живая.

Пахло колдовством, в которое Сухов не верил с детства, мистикой и дьявольщиной, а также чем-то безмерно чужим и далеким, спрятанным в глубинах причин и явлений, недоступных обыкновенному человеку. Пахло жутковатой тайной, влияющей на судьбу рядового жителя Земли по имени Никита Сухов. Пахло неведомой, нечеловеческой волей, управляющей событиями, свидетелем которых он случайно оказался...

К вечеру Сухов пришел в себя настолько, что почти не верил в историю с телефоном. Неизвестность перестала пугать его, а поскольку он был человеком, который быстро забывал неприятное, то решил не обращать внимания на всякие там «психоразведки», «печати зла» и «внедрения». Как-никак его ждал отдых — тренировки на сборах не в счет,— море и Ксения, и жизнь продолжалась. Правда, в ресторан он не пошел.

Утром, забрав машину из ремонта, Никита принялся набивать ее необходимыми вещами от одежды до палатки и спальника, заправился на ближайшей станции бензозаправки, принадлежащей какой-то частной фирме, и выехал за город. А уже через полчаса после съезда с кольцевой подоспело второе происшествие, поставившее танцора перед дилеммой: рисковать ли и ехать дальше или вернуться под опеку Такэды и всерьез заняться борьбой с инструктором-грузчиком [1].

Сначала спустило правое заднее колесо.

Никита остановился у щита: «Кемпинг «Илья». 5 км.», снял колесо, но поставить запасное в спокойной обстановке не успел. С грохотом, ревом, воплями и песнями лихо подкатила кавалькада рокеров и устроила привал. Вокруг в синих дымах закружились «хонды», «блэндховеры», «харлеи», «дайхатсу» и «навахо», замелькали кожаные куртки, штаны, юбки, металлические цепи, кресты, бляхи, молнии. На траву посыпались банки из-под пива и кока-колы, бутылки, свертки, тряпки и другой мусор. Одна из бутылок угодила в колесо машины Сухова, но он стерпел, тихо зверея.

Лексикон гонщиков не претерпел изменений с момента появления на свет этих любителей грохота и ветра, состоял он из трех-четырех десятков нормальных слов, двух десятков стандартных жаргонных выражений, десяти фонем и мата. Слушать их было

[1] От ГРУ — Главное разведывательное управление Минобороны.

мучением, но Сухов помнил наставления Такэды и терпел, скрипя зубами. За любое из выражений, с которыми обращались рокеры к своим подругам, он не задумываясь набил бы морду... если бы не видел, что «герлам» это нравится. И все же он не сдержался.

— Смотри, куда кидаешь! — рявкнул он, когда о кузов «сотки» ударилась пустая банка.

Тот, к кому он обращался, улыбаясь, швырнул в машину недопитую банку, пиво потекло по стеклу, обрызгало Никиту. Он молча стряхнул брызги, шагнул к детине — смуглое небритое лицо, тонкий горбатый нос, блестящие глаза, длинные волосы,— сидевшему на высоком седле мотоцикла, и, перехватив руку, готовую метнуть еще одну банку, сжал ее с такой силой, что ладонь парня смяла банку в лепешку. Рокер взвыл тонким голосом, головы его приятелей повернулись в их сторону.

— Извини,— сказал танцор, поворачиваясь спиной к парню, считая, что инцидент исчерпан, но это было его ошибкой. Рокеры не знали, что такое этика и честь, ими правили другие законы, законы стаи и толпы, и Сухова ударили сзади — бутылкой по голове, причем сделала это юная «богиня», цеплявшаяся за талию своего господина.

Пока танцор соображал, за что его ударили и кто, сосед длинноволосого наехал на него сбоку и сбил, проехав колесом по ноге.

Что было потом, Никита помнил смутно. Кажется, он свалил мотоцикл с наглецом, кого-то бил, кто-то бил его, сбивал с ног корпусом мотоцикла, бросал в него бутылки, камни, банки. Один из «кожаных» бандитов даже облил его джинсы бензином, но поджечь не успел: рядом остановились сразу три машины, из кабин выскочили крепкие ребята в спортивных костюмах, и в мгновение ока все изменилось.

Троим рокерам, особенно рьяно избивавшим танцора, скрутили руки, а остальные, повинуясь инстинкту, рванули за длинноволосым главарем.

Сухов не удивился, увидев подходящего Такэду. Сплюнув кровь — ему разбили губу,— уселся на обочину дороги, рядом с машиной, у которой уцелело только заднее стекло. Сказал хрипло, не поворачивая головы:

— Сгинь, нечистая сила!

— Чистая,— сказал Толя, усаживаясь рядом.

— Создается впечатление, что эти драки провоцируешь ты, чтобы подтолкнуть меня на твой «путь»...

Такэда подтянул брюки, стряхнул с них пыль.

— Если бы все было так просто.

— Ну так объясни мне, чтобы я понял. Почему вся эта гадость случается именно со мной? Почему я оказался в «круге устойчивого интереса»... так ты говорил? Интереса кого? СС? То бишь

«свиты Сатаны»? Что за «свита»? Что я ей сделал, почему она устроила охоту на меня? Что за «весть» я получил и почему эта звезда движется по коже? И куда? К голове? Зачем? Что будет, когда она дойдет до цели?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Кит.

— Но тебе придется ответить! Я хочу все знать!

— А поездка? Ты же собрался на юг.

— Откладывается. Уговори своего знакомого, Романа, чтобы он занялся со мной немедленно. К черту все дела и отдых, если меня постоянно лупят.— Никита оскалился в яростной усмешке.— Причем все время бьют в спину. Но прежде ты все мне расскажешь. Все! Понял?

— Рано,— упрямо сказал Такэда.— Пока все, что с тобой происходит — лишь комплекс профилактических мер, предпринятых статистической службой СС, а если я начну давать тебе опасную информацию, опасную не только для тебя, но главным образом для них, вот тогда они возьмутся за тебя всерьез. И не поможет никто, ни Бог, ни царь и не герой. В том числе и я. Ты этого хочешь?

— Ерунда! — слабо отмахнулся Сухов, задирая штанину и созерцая лиловый синяк на голени и содранную кожу.— Каким образом они узнают о том, что ты мне расскажешь?

— Э-э, мой милый, слово не просто сотрясение воздуха, это еще и сотрясение вакуума, которое передается мгновенно и на колоссальное расстояние. Так что утаить в нашем мире какую-то важную информацию практически нельзя.

Никита воззрился на Такэду в немом удивлении. Тот обозначил свою обычную улыбку — уголком рта.

— Ладно, не пугайся, это я преувеличил. Хотя... кто знает? Ты по-прежнему считаешь, что я обязан ответить на твои вопросы? Учти, едва ли ты от этого станешь счастливее.

Сухов, не отвечая, стиснул голову руками, уставясь в землю. Такэда сочувственно разглядывал его измученное лицо, по которому бродили отзвуки борьбы с самим собой.

Помощники инженера, оказавшиеся сотрудниками спецгруппы по борьбе с бандитскими формированиями, увезли задержанных и их мотоциклы. Наступила тишина.

6

До вечера Никита не находил себе места.

Упрямый Такэда так и не начал объяснения, буркнув, что «все образуется». А если нет — вот тогда и возникнет необходимость «ввода танцора в реальность Веера Миров». Что он этим хотел

сказать, Сухов не понял, но, зная упорный характер Толи, не рассчитывал получить необходимые сведения до окончания «информационного моратория», наложенного инженером.

Толя обещал прийти вечером и велел Никите сидеть и никуда не выходить. Машину танцора он отправил на ремонт в автоцентр сам. Если бы он знал, что Сухов уже был свидетелем в н е д р е н и я, вряд ли Такэда оставил бы его одного.

К восьми часам вечера у Никиты окончательно сформировалось ощущение, что он дома не один, и за ним исподтишка наблюдают чьи-то глаза. Помня случай с телефоном — он поставил запасной, старенький, без кнопок,— Сухов, посмеиваясь в душе над своими страхами и одновременно ожидая появления новых непрошеных гостей, внимательно оглядел гостиную, спальню, кухню. Глаз он ничьих не обнаружил, но ощущение подглядывания от этого не исчезло. Наоборот, оно крепло и усиливалось, пока не переросло в тихую панику.

— Кто здесь? — позвал Никита вполголоса, покрываясь холодным потом, и на всякий случай достал из шкафа нунчаки. Такэда подарил их почти год назад, и Сухов владел ими с достаточной сноровкой.

На мгновение воздух комнаты остекленел, стал твердым. Никита почувствовал себя муравьем, вплавленным в янтарь, инстинктивно дернулся: воздух отпустил его, но движение получилось неловким, и правый нунчак нечаянно задел плечо, куда уже сместилась звезда Вести.

Боль пронизала руку, шею, голову, в глазах потемнело, а в голове, где-то в глубинах черепных костей, раздался знакомый гулкий бас:

— Элиф! Лам!! Мим!!!

— Что?! — пролепетал Никита.

Гул и голос в голове утихли, зато что-то произошло с глазами: предметы в комнате обрели светящийся ореол всех оттенков желтого цвета, и лишь один из них засиял тревожным алым светом — керамическая ваза для цветов, стилизованная под древнегреческую амфору. Что-то сдвинулось в сознании Сухова, словно упал занавес сцены, и он увидел то, что скрывалось за плотным покрывалом. В следующее мгновение не реакция, инстинкт швырнул его на пол.

Ваза взорвалась, как граната!

Если бы Никита остался стоять, его изрешетило бы осколками, а так только два из них пробороздили спину, разорвав рубашку и кожу, да упавший стул ударил его по шее.

В дверь позвонили, потом начали стучать.

Сухов, с трудом встав, доковылял до прихожей.

— Что вы там делаете? — запричитала соседка, полная, с жидкими крашеными волосами.— Пушку что ли испытываете? У меня картина со стены упала!

— Ваза разбилась,— сказал Никита осоловело.— Извините.— Закрыл дверь, отрезав бушующий вулкан праведного гнева:

— То музыку включает во всю ивановскую, то железяки роняет, то гостей каких-то подозрительных приводит...

Вернувшись в гостиную, танцор собрал осколки вазы и стекла — разбились дверцы книжного шкафа, поставил на место упавшую настольную лампу и стулья, потом забрался в ванную, содрал с себя рубашку и попытался остановить кровь, сочившуюся из порезов на спине. За этим занятием его и застал Такэда. Присвистнул, оглядев спину:

— Ты что, с котами дрался?

— С вазой.— Ступор Сухова еще не совсем прошел, и рассказывал он о происшествии с философским спокойствием.

Глаза Толи превратились в щелочки.

— Я так и думал. В н е д р е н и е! А это означает, что я ошибался: в покое тебя не оставили и не оставят, узнаешь ты правду или нет. Каким манером тебе удалось у в и д е т ь опасность? Я имею в виду — красный ореол.

— Это нечто вроде... темного внутреннего зова,— нашел эпитет Никита.— Причем слышал я его второй раз, и оба — после прикосновения к звезде. А на пол меня бросил инстинкт, я ничего не успел сообразить.

— И все же Весть дает о себе знать. А ведь она не разговаривает с тем, кому не предназначена. Неужели твой душевный камертон начинает под нее подстраиваться?

— Да, вот еще что: сначала я услышал дикую фразу,— вспомнил Сухов.— «Элиф, лам, мим». Что это такое? Что за абракадабра?

— Это коран. А еще Бунин.— Такэда полузакрыл глаза и медленно, растягивая слова, гортанно, так что у Никиты по спине мурашки побежали, процитировал:

«Во имя Бога и пророка.
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим.»

Никита суеверно сплюнул через плечо.

— Ну и что сие означает?

— Не знаю,— слабо улыбнулся Такэда.— Я не большой знаток корана.

— Тогда зачем твоя Весть процитировала мне именно эту фразу из корана? Смысл?

— Смысл ты должен найти сам, а когда найдешь — тогда и начнется настоящее приобщение к Пути, хочешь ты этого или не хо-

чешь. Пока же прими совет: прислушивайся к голосу Вести почаще, это поможет тебе избежать многих опасностей.

— Значит, тот старик вручил мне настоящий волшебный дар?

Такэда отрицательно качнул головой.

— Это не дар, это почти проклятие! Дай тебе Бог выдержать его тяжесть, не сломаться и преодолеть все невзгоды!

Никита, бледнея, невольно глянул на коричнево-розовую звезду, добравшуюся на плече до четырех родинок в форме семерок.

Такэда понимающе вздохнул.

— Ты и после этого будешь требовать, чтобы я тебе все рассказал?

Танцор сглотнул вязкую слюну, сильно сдавил пальцами переносицу, но когда поднял глаза на друга, взгляд его был тверд. Скорее всего, в нем заговорило самолюбие, но Толя хорошо знал, что и оно — большая сила для увлекающихся натур.

— Говори все. Лучше с умным потерять, чем с глупым найти.

— Спасибо,— серьезно кивнул инженер.— Но ты все-таки эгоист, Кит.

— Почему?

— Потому что я уже говорил: информация, которую ты услышишь, увеличивает опасность существования не только для тебя, но и для твоих друзей и близких. А о Ксении ты даже не вспомнил. И о маме тоже.

— Что... что с ними?!

— Пока ничего. Но многое в дальнейшем будет зависеть от тебя, от того, насколько правильно ты будешь действовать. О Ксении не беспокойся, она уехала, далеко, и, по сути, вырвалась за пределы круга устойчивого интереса... м-м, злых чар, к тому же она экстрасенс. А вот маме ты должен больше уделять внимания.

Никита, к лицу которого прихлынула кровь, отвернулся. Через минуту, справившись с гневом и стыдом, глухо проговорил:

— Где она?

— Она сама даст о себе знать. И вы встретитесь... если ты сможешь стать властелином обстоятельств. Но дорога трудна, далека и опасна.

— Путь?

— Нет, всего лишь дорога к Пути.

Помолчали. Сомнения в душе обоих — хотя и по разным причинам — вспыхнули с новой силой, но оба постарались скрыть их друг от друга. Никита перевел разговор на прежнюю тему, хотя думал о Ксении. Она уехала, ничего ему не сказав!

— Значит, Весть — это какое-то сообщение?

— Закодированная информация, которой нет цены! Как для тебя, так и для тех, кто за ней охотится. Если научишься не только слышать ее, но и расшифровывать...

— То что? — не выдержал Никита, видя, что Толя не собирается продолжать.

— А не знаю,— наконец ответил инженер.— Может быть, станешь колдуном, магом, может быть, сумасшедшим. Подходит такая судьба? Собирайся.

— Куда? — растерялся танцор.

— Ко мне. Здесь рассказывать ничего не буду, а дома у меня есть кое-какие приспособления, позволяющие сохранить разговор в тайне.

— А спина? Может, перевяжешь?

— Засохнет. Одевайся и пошли.

* * *

Такэда не торопился, затеяв тяною — чайную церемонию; как и все японцы, он боготворил ритуалы.

Никита тоже любил пить чай, однако еле выдержал на этот раз, снедаемый любопытством.

В одиннадцать часов вечера они наконец перешли в рабочий кабинет инженера, и Толя включил компьютер, коротко бросив:

— Генератор шума.

Никита не понял, и Толя терпеливо пояснил:

— Он создает электромагнитные помехи в широком диапазоне, так что нас не подслушаешь даже с помощью лазерного звукоснимателя.

Уселись в низкие удобные кресла для гостей, расписанные драконами. Никита вдруг почувствовал страх, как перед прыжком с тройным сальто на твердом полу. Такэда понял его чувства, кивнул.

— Да, Никки, мне тоже не по себе, но можно ведь и не начинать исповедь. Кто знает, может быть, все образуется само собой?

— Не тяни душу,— хрипло ответствовал Никита.— И так белый свет не мил. Хуже не будет.

— В том все и дело, что будет. Но коли сказал «а», пора говорить и «б». Начну издалека. Будет что непонятно, спрашивай сразу.

Итак, ты, наверное, знаешь, что наша Вселенная по современным представлениям родилась около двенадцати-пятнадцати миллиардов лет назад в так называемом Большом Взрыве. Ученые-космологи теоретически доказали, что взрыв этот проходил две стадии: инфляционную — эру сверхбыстрого раздувания — и экспоненциальную, после фазового перехода вакуума, в результате чего Вселенная теперь напоминает мыльную пену, где каждый «пузырек» — ученые называют их доменами — гигантская область пространства со своими свойствами и набором физических констант. Наша Земля и Сол-

нечная система вместе с другими звездами и галактиками торчит где-то в одном из таких доменов, занимая ничтожную часть его объема. Успеваешь схватывать?

Никита отмахнулся. В свое время, в юности, он начитался популярных брошюр по космологии — его всегда прельщали большие масштабы — и хорошо разбирался в терминологии.

— Тогда идем дальше. На самом деле наша Вселенная выглядит несколько иначе: все ее «мыльные пузырьки» сидят один в другом, как матрешки, а не взаимодействуют между собой по той простой причине, что время в каждом «пузырьке»-домене течет «под углом» ко времени в соседнем. Образовался своеобразный объемный веер, каждая пластина которого есть слой Вселенной со своим временем, и называется этот многослойный конгломерат — Веер Миров.

Такэда участливо глянул в помутневшие глаза танцора.

— Тяжело? Или поехали дальше? Андреева ты явно не читал.

— Продолжай,— с усилием выдавил Никита.— А насчет Даниила Андреева — каждый любит читать то, что любит.

— Резонно. Итак, Веер Миров раскрылся, и в каждом из его пластин-слоев или хронов началась своя эволюция, согласуясь с теми законами физики, которые определялись наборами физических констант. Во многих Мирах появилась жизнь, не во всех, но во многих, а в некоторых эволюция разума достигла такой стадии, когда носители интеллекта стали, по сути, Богами в своем хроне, ну или, скажем, сверхтворцами; я привык к термину — Владыки.

Никита шевельнулся.

— Я не понимаю, причем тут...

— Не торопись, поймешь, я еще не дошел до сути. И вот в одном из Миров Веера возник некто, сверхмогучее существо, могущество которого было настолько велико, что он нашел способы преодоления потенциального барьера, отделяющего слой от слоя, хрон-Мир от другого хрон-Мира, и мог путешествовать по Мирам, исследовать Веер. Все было бы ничего, если бы он, выражая свободу выбора, присущую каждому интеллекту, не преступил законов бытия Веера, выработанных Собором Владык. Отвергнув принципы, о которых я знаю только, что они более совершенны, чем земные добро и любовь, он вздумал вдруг изменить условия существования одного из хронов. Мир этот был пуст, то есть не имел живых существ, но... наш сверхинтеллект решил создать не что-нибудь, а... хаос! С большой буквы. То есть Абсолютный Хаос. Понимаешь, о чем речь?

Никита нерешительно пошевелил рукой.

— Ну, хаос — это... беспорядочность? Что-то, связанное с энтропией, так? По Библии все родилось из хаоса... и все к нему опять вернется.

— Поразительная осведомленность! — Ирония в голосе Такэды не была обидной.— Ученые твердят, что хаос — конечная, тупиковая стадия эволюции сложных систем. Но это не так. Хаос — состояние материи, являющееся источником высших форм порядка, основа для формирования практически неограниченного многообразия упорядоченных структур сколь угодно сложной и высокой организации. Я не буду углубляться в дебри науки, скажу только, что Библия права. Но это наше сверхсущество, Владыка одного из хронов, решило создать именно с о в е р ш е н н ы й Хаос, абсолютный во всех отношениях, хотя Владыки других Миров и предупреждали, что это опасно. Причем опасно не только для того Мира-хрона, но и для всего Веера. Он не послушался...

— Постой-ка,— медленно произнес Никита.— Уж не о Люцифере ли идет речь?

— О нем,— просто ответил Такэда.— Падение Люцифера, или по-русски Денницы, не миф. Как и то, что все, помогавшие ему, утратили свое «я». Но я не закончил. Что такое абсолютный хаос? Это полиструктура, в которую входят физический, математический, экономический, политический, наконец, и любой другой хаос, и в которой невозможны никакие упорядоченные процессы. Да, Денница — действительно великий ум и великий конструктор, он создал Хаос! Но и он не смог спрогнозировать последствия.

— Зачем он это сделал?

— Может быть, из чисто научного любопытства, может, по другим причинам, я не знаю. Нет, он не тот дьявол, каким его окрестила религия, он не есть изначальное воплощение Зла, но и не падший ангел. Это существо чистого, холодного интеллекта, лишенное каких бы то ни было эмоций. Воплотив свой замысел, он занялся другим экспериментом, каким — неизвестно, однако то, что он создал — то есть Абсолютную Смерть! — не удержалось в границах того обреченного Мира, и начало просачиваться сквозь потенциальный барьер хрона в другие Миры-слои Веера. Кстати, в наш хрон-вселенную тоже. Даже на Земле открылись прямые каналы просачивания Хаоса, пример — Чернобыль. Ну, а когда над всем Веером нависла угроза уничтожения — свертки, тогда в дело вмешались другие Владыки...

— И низвергли Люцифера в ад!

— Их было семеро, и только все вместе, хотя каждый из них был великим магом, они смогли остановить распад Веера и ограничить интервенцию Хаоса. Но этим инцидент не исчерпан. Люцифер-Денница нашел путь в Болото Смерти — так теперь называется зона с распавшимися хронами — и проделал еще один эксперимент по выбросу Хаоса в Большую Вселенную, в «горячем» вакууме которой рождаются и гибнут мириады вселенных, подобных нашей. Ему это почти удалось, почти... И снова пришлось вмешать-

ся Семерым. Веер не схлопнулся сам в себе, не превратился в сверхплотную точку, сингулярность, как говорят ученые, только по счастливой случайности.

— Короче,философ.

— Короче, и в третий раз собирались Семеро, чтобы сохранить Веер, причем пришлось объявить войну приспешникам Люцифера, вернее, сторонникам Санклита Четырех Демонов, которые готовы были заплатить любую цену за освобождение Люцифера вплоть до гибели Веера со всеми его обитателями. Было это примерно с тысячу лет назад по нашему летоисчислению. И в этой последней битве Тьмы и Света, Закона и Анархии, Порядка и Хаоса, Гармонии и Безобразия, Люцифер был изолирован в одном из хронов, Хаос заперт «по соседству», Синклит Четырех ограничен в своем волеизъявлении, наступила тишь да гладь, да божья благодать... если бы не новые попытки отступника вырваться из «клетки». Есть основания полагать, что он вот-вот вырвется на волю, и уцелеет ли Веер со всеми своими Мирами, неизвестно. Вот почему Соборная Душа Веера приняла решение собрать новую Семерку, и Посланник уже начал заниматься поиском магов, когда его убили.

— Великолепную семерку, значит,— хмыкнул Никита.— А я, значит, должен заменить Посланника, так?

— Не должен,— тихо сказал Такэда.— Но боевики «свиты Сатаны» убрали Посланника и Вестника, и место Посланника вакантно. Может быть, Собор найдет другого Посланника, может, им станешь ты. Не уверен. Но у Люцифера... не люблю я это имя, привык к Деннице. Так вот, у Денницы слишком много исполнителей, главные из которых образуют СД — Синклит Четырех Демонов, и действуют эти демоны весьма эффективно. Я как-нибудь расскажу о них подробней. Их слуг ты и встретил в парке. В нашем хроне, Мире Земли и Солнца, законы М-физики, физики волшебных превращений не реализуются в полной мере, и молодчики СС вынуждены действовать в согласии с законами нашей физики, но дыхание Хаоса, как я уже говорил, сказывается и на Земле: жизнь человечества пошла вразнос, примеров хоть отбавляй. А ведь это лишь слабый, еле ощутимый ветерок Смерти!

— Ну хорошо.— Сухов попытался собраться с мыслями, но не смог, информации было слишком много.— Пусть все это существует... Денница твой, СД, СС, ЧК... сам аббревиатуры выдумывал?

— А что, не подходит? «Чекисты», кстати,— профессионалы-охотники на разумных существ, пробующих вмешаться в конфликт против Денницы.

— Хорошо, верю. Но спрашиваю в третий раз: меня с какого боку все это касается? Кой я к черту Посланник, если даже не знал о существовании Веера!

— Вестник нес информацию Посланнику о принципах отбо-

ра Семерых магов, а тот должен был найти их, зная, в каком из хронов кто из них обитает. Теперь оба убиты. А Весть — у тебя...

Никита побледнел, хотел дотронуться до плеча со звездой, однако вовремя остановился.

— Что и требовалось доказать. Выходит, я теперь... Посланник?

— Пока никто. Для Пути ты слаб, прав был командир отряда СС. Но шанс у тебя есть. Тебе плохо?! — Такэда вскочил.— Давай-ка приляг.

Никита отвел его руку, глубоко вздохнул, с минуту молчал, откинувшись в кресле. Под глазами его обозначились темные круги. Он поверил.

Конечно, в глубине души еще теплилась надежда, что все это — театральная постановка, фантазия инженера, но, с другой стороны, он слишком хорошо знал Толю, чтобы надеяться на розыгрыш.

— Я останусь у тебя, не возражаешь? Надо переварить.

Такэда молча стал разбирать кресло-кровать.

Уснуть не удалось ни через час, ни через два. Не спал и Толя, потому что ответил на вопрос Сухова тотчас же:

— Я не все понял насчет Посланника...

— Его звали Симарглом, и был он как бы офицером связи, вернее, «богом» связи между другими Владыками.

— А разве он путешествовал в одиночку, без подстраховки?

— Магу не нужна подстраховка...

— Ну да, чего же его тогда подловили и убили?

Толя долго молчал, потом нехотя проговорил:

— Я пока не знаю конкретных деталей, но, по косвенным данным, Посланник попал в ловушку из-за предательства. Удар был слишком внезапен.

Снова тишина овладела комнатой. Стали слышны какие-то шелесты и попискивания в электронном нутре компьютера, да изредка долетали звонки трамвая и скрип шин тормозящих автомобилей.

— И что я должен буду делать, если стану Посланником?

— Главной его задачей являлся поиск Владык, то есть магов высшего класса, способных при воссоединении образовать Принцип-регулятор, играющий роль физического закона для всего Веера, выполняющий волю Соборной Души Веера, а главное — превышающий возможности Денницы.

— Ты произносишь слово «маги», как «боги».

— В принципе, это одно и то же, если под магией понимать надежное и глубокое познание тайн природы. Но твоя задача сейчас поскромней: довести до совершенства свои естественные способ-

ности и лишь потом выйти на лестницу предельных возможностей.

— Предел — это мощь мага?— усмехнулся в темноте Никита.

— Маг, творец — всего лишь ступень эволюции мыслящего существа, пределов же не ведает никто. Если ты решишься заменить Посланника, тебя ожидает столько опасных поворотов, что я советую еще раз подумать — стоит ли? Начинать надо с нуля, а впереди ждет кэндо, синто и дао: Путь Меча — овладение искусством выживания в любых условиях, Путь богов или Путь Мысли, и путь Духа. И каждый из них невероятно труден, практически за пределами человеческих возможностей.

— А я всего лишь танцор.

— Ты тоже мастер, творец пластики, гармонии движения, гибкости, ритма, идеала человеческого совершенства, это немало. Кстати, другие Владыки тоже являются яркими творческими личностями. Один из них скульптор, вернее, архитектор, второй — резчик по камню, третий — воин, четвертый — мастер высших гармоний, невыразимых человеческим языком. Да, чуть не забыл: лишь четверо из них — люди, ну, или скажем, гуманоиды, остальные трое — существа иных порядков. Это все, что я знаю, остальное тебе должна донести Весть.

Никита молчал. Мозг достиг пределов насыщения удивительным и не реагировал на другие, не менее удивительные вещи. Масштабы картины, нарисованной Такэдой, не только потрясали, поражали воображение, но и будили в душе атавистические страхи перед темным, тайным, непонятным, загадочным.

— А почему твои друзья — или кто они тебе?— не предложили Путь тебе? Ты же мастер кэмпо, инженер-исследователь и всегда доводишь дело до конца.

— Я не подхожу,— спокойно ответил Такэда.— Для такого Пути нужны не просто высокоответственные индивидуалы, но яркие, творческие личности. Ты в этом смысле подходишь больше. А я... я просто наблюдатель, посвященный лишь в самые тривиальные тайны бытия. Единственное, с чем я справлюсь — сопровождать Посланника, в данном случае, наверное, тебя, до момента, когда ты сможешь обойтись без моей помощи или когда силы мои полностью иссякнут.

— И ты... готов идти со мной?— Никита привстал на локте, удивленный и обрадованный.

Лица Такэды в темноте не было видно, однако чувствовалось, что он улыбается.

— Это мой долг, Ник. Недаром же я отмечен тремя восьмерками — знаком высокого долга.

— Это меняет дело,— пробормотал Сухов, внезапно успокаиваясь, и его сразу потянуло ко сну.— Завтра договорим.

Такэда не ответил. Сомнения все еще не оставили его: выта-

щив друга из созданного им уютного, достаточно комфортабельного мирка, он мог предложить взамен лишь страх, боль, опасность, жестокие испытания, а выдержит ли Никита — не знал.

7

Ни на следующий день, ни через день Сухов у Такэды не появился. Сбежав утром с рассеянно-задумчивым видом, он занялся какими-то делами, из дома почти не выходил, сделав лишь походы в магазин и в библиотеку. Что искал там танцор, осталось невыясненным, хотя Толя и догадывался, но терпеливо ждал исхода размышлений Никиты, прекрасно понимая, как трудно поверить в рассказанную им легенду.

Сходил Никита и в мастерскую Ксении, не застав там, естественно, никого. А потом в его квартире случился пожар: загорелся телевизор. К счастью, хозяин был дома и пожар потушил сам, ценой куртки и разбитого чайного сервиза, к тому же его тряхнуло током, пока он отключал телевизор от сети. Это происшествие подтолкнуло его к принятию окончательного решения, и на третий день отсидки Сухов заявился наконец к приятелю, признавшись:

— Может быть, я псих, что поверил во всю эту галиматью с Денницей-Люцифером, но мучиться неизвестностью дальше не намерен. Поехали к твоему тренеру. Но прежде ты ответишь на пару вопросов.

Такэда, одетый в шелковый халат-кимоно, пропустил Никиту в рабочий кабинет, принес на подносе чай и хрустящие тосты, которые жарил сам, поставил на чайный столик:

— Пей и спрашивай.

— У меня случился пожар...

— Я знаю.

Сухов было вскинулся, потом сник.

— Ах да... ты же «наблюдатель». Техника оттуда или наша, отечественная? Впрочем, это несущественно. Так вот, что такое «печать зла»; я усвоил. Пожар, наверное, тоже спровоцирован ею. Ну, а что если в дело вмешаются «десантники» СС? Или профессионалы, о которых ты говорил? Кто они на самом деле?

— ЧК? «Черные коммандос»? Как тебе сказать... я ведь с ними лично не сталкивался, просто меня предупредили. Если ребятки из СС — просто равнодушные исполнители воли пославших их существ, знаешь, вроде роботов без эмоций и колебаний, и без злобы, то боевики ЧК — натуральные носители зла! Охота на людей и других разумных существ доставляет им удовольствие. Такие или подобные им твари есть и среди людей. Вспомни хотя бы добровольцев-снайперов из нашей недавней истории, стрелявших по стари-

кам, женщинам и детям. С таких, как они, на Земле и начинается дьяволочеловечество! Правда, повторюсь, в условиях нашего хронавселенной, с Землей и Солнцем, и остальными галактиками, сила «черных» ограничена законами нашей природы, но в других Мирах они почти всемогущи.

— Успокоил,— хмуро улыбнулся Никита, сделав глоток обжигающе вкусного чая.— Значит, кроме СС нам будут противостоять еще и дьяволы ЧК?

— Если бы только они,— пригорюнился Такэда.— Но кроме «свиты», а в ней ровно сорок «десантников», и «черных коммандос», которых тоже сорок — поистине роковое число! — еще есть четверо их начальников-демонов, или дивов, или дьяволов, можешь называть их как угодно, существ с мощным и холодным интеллектом, наделенных колоссальной властью и силой. СС и ЧК подчинены непосредственно этим четверым, помощникам Денницы. А уж прямой выход на каждого из них — это считай кранты, и не только для нас с тобой, но и для более могучих существ. Кроме, наверное, Владык.

— Звучит весьма оптимистично.

— Ну и наконец сам Денница,— закончил Такэда.— Постичь его сущность нам не дано, да и вряд ли мы встретим его на Пути, ибо, по сути, он — Предел интеллектуального развития Веера Миров, так сказать, Абсолют почти во всех смыслах, олицетворение жадного и безжалостного стремления к...

— Власти!

— Нет, не к власти — к истине! Что гораздо опаснее. Дай ему душу, частицу добра и любви, он стал бы самым великим творцом-созидателем вселенной Веера. А так мы имеем то, что имеем: сверх-дьявола, способного, может быть, к страданию, но не к состраданию. Еще чаю?

— Нет, спасибо.— Никита поиграл ложечкой для сахара.— Красивая и страшная сказка...

Такэда мельком взглянул на него.

— Ты воспринимаешь это как сказку?

Сухов очнулся, виновато кивнул:

— И да, и нет. Что-то мешает мне воспринимать твой рассказ как реальность. Но тем не менее я готов встать на Путь... в тридесятое царство.— Никита улыбнулся.— С таким гидом мне не страшен и Люцифер. Но мне еще не все ясно...

Такэда вытянул вперед ладонь, останавливая гостя.

— Не все сразу, мастер. Остальное — по мере твоего д в и ж е н и я к цели. А идти нам далеко и долго.

— То есть ты мне не веришь.

Инженер ушел на кухню и вернулся уже переодетый в свой обычный костюм: серая рубашка, такие же брюки и туфли-кунгфуйки.

— Пошли, «посланник». Путь в тысячу ли начинается с первого шага, как говорят китайцы. Костюм захватил?

— Ты не ответил.

— Ответь себе сам — действием. Размышлять, анализировать и делать выводы никогда не вредно, однако этого мало. Чтобы чего-то достичь, надо действовать. Ты ведь даже еще не ученик — новичок, ничего не смыслящий в предстоящем деле.

Никита, будучи о себе высокого мнения, по привычке хотел возмутиться, но Такэда уже вышел, прихватив с собой дипломат с нунчаками. Танцору ничего не оставалось, как последовать за ним с сумкой, в которой лежал тренировочный костюм.

* * *

Роман ждал их в небольшом спортивном зале, переделанном из подвала в доме, где он жил сам, неподалеку от метро Кузьминки.

Правда, ждал своеобразно, не теряя ни минуты для собственного тренинга. Когда Такэда открыл дверь с кодовым замком, зная код, и они вошли в зал, инструктор занимался с мечом. Увидев входящих, Роман прыгнул к ним и сделал одно сложное, по-змеиному гибкое движение, и Никите показалось, что Роман оплетен мечом во всех сторон!

— Хаппо ундо [1],— сказал Такэда, покосившись на танцора с понимающей усмешкой.— В защитном исполнении с мечом.

Никита неплохо знал терминологию восточных единоборств, инженер не раз тренировался при нем, объясняя на ходу свои действия, но исполнение приема в таком стиле, с мечом, в небывалом темпе и с небывалым мастерством, видел впервые. И был буквально околдован. Он всегда уважал профессионализм в любом его проявлении.

— Переодевайся,— сказал Роман, оглядев фигуру танцора; дышал он легко и тихо, будто не прогнал только что часовой курс спецтренинга.— Я сейчас.— Он вышел.

Пришедшие переглянулись.

— У меня кюдан [2],— сказал Такэда,— а у него пятая категория россдао, но я против него не выстою. А мастера шестой категории вообще «достать» невозможно.

— Даже из автомата?

— Разве что, да и то я не уверен. Позанимаешься годик, сам проверишь.

---

[1] Хаппо ундо — движение на восемь сторон света, прием, тренирующий мгновенную реакцию на любую опасность в любом направлении.

[2] Кюдан — девятый дан.

Никита не обратил внимания на обмолвку Толи — «годик», он уже видел себя на татами.

Роман вернулся без меча, Такэда отозвал его в сторонку:

— Мне нужен боец. И не через два-три года, а через два-три месяца.

— Невозможно, Оямыч, и ты это знаешь.

— Не знаю. Он в прекрасной физической форме, входит в сборную России по акробатике, суплес развит, растяжка великолепная...

— Согласен, база неплохая, но даже гению не под силу усвоить все приемы россдао, чтобы стать мастером за — какие-нибудь два-три месяца.

— Ты еще не работал с ним, увидишь. К тому же, я немножко поднатаскал его по концентрации [1], хотя и не научил пользоваться ею.

— Посмотрим. Все?

— Ему очень понадобится кэндо [2]: меч, сабля, шпага, особенно меч. Научи его сече Радогора.

Роман покачал головой.

— Темнишь ты что-то, Оямыч. Кэндо, а тем более сеча — искусство прошлого, в нашей жизни оно ему не понадобится. Вот знать приемы защиты против пистолета и автомата, а также ножа — это да, этого у нас сколько угодно.

— Кто знает, что ему может пригодиться,— философски заключил Такэда.— И еще одна просьба, пусть она тебя не удивляет: после тренировок посмотри за ним тихонько, чтобы он не заметил, пока не дойдет до дому.

Инструктор хмыкнул, прищурился.

— Я в эти «контрразведные» игры не играю.

Такэда остался серьезным.

— Ему угрожает опасность, Рома. Трижды он влипал в инциденты, чудом выкарабкиваясь живым. Я не могу раскрыть тебе всего, прими на веру.

Роман ощупал лицо инженера серыми неулыбчивыми глазами и хлопнул ладонью по подставленной ладони.

Такэда подошел к сгорающему от любопытства танцору:

— Волнуешься? Хочешь наставление?

— Валяй.

Время не трать даром —
молод ты или стар,
Учись ударом
отвечать на удар.

---

[1] Имеется в виду концентрация внутренней энергии.

[2] Здесь: фехтование, дословно — путь меча (*яп.*).

Пусть крепче булатной стали
будет твоя рука,
Чтобы зря враги уповали
на мощь стального клинка.

— Это из трактата по Окинава-тэ, восемнадцатый век.

— Не сбивай его с толку,— проворчал Роман, испытывающе глядя на Никиту, который был чуть выше его, но в два раза шире.— Россдао не требует набивки рук до крепости «булатной стали». Прежде, чем мы начнем, юноша, извольте выслушать несколько общих замечаний. Первое: родер никогда не нападает первым. Второе: ученик должен практиковаться без перерыва. Есть, где заниматься самостоятельно?

— Есть.

— Третье: борьбу использовать только для законной самозащиты.

— В отношении к учителю и старшим ученик должен проявлять учтивость и благоразумие,— подхватил Никита и залился краской, заметив явное недовольство инструктора.— Извините, я, кажется...

— Надо было первой заповедью сделать принцип: не перебивать старших,— мрачно ответил Роман.— Что ж, раз ты хорошо знаешь кодекс [1], повторяться не буду. Последнее замечание самое главное: столкновение с препятствием чуждо высшим уровням искусства, а я причисляю к ним и россдао. К мастеру-родеру н и к т о н е п р и с т а н е т. В любой толпе он и заметен и незаметен одновременно.

— Кажется, я понимаю,— медленно произнес Никита.— Незаметен, как и любой человек, идущий по своим делам и занятый своими проблемами, и заметен для тех, кто захотел бы напасть на него. Так?

Роман улыбнулся.

— Соображаешь. Что ж, начнем, маэстро...

* * *

Месяц пролетел незаметно.

Сухов занимался с Романом почти ежедневно по два-три часа и кроме этого самостоятельно по четыре-пять часов каждый день, преодолев тягу к акробатике — тренер сборной ничего не понял из его невразумительного объяснения и пригрозил отчислить из команды, если он не выкинет блажь из головы. Тянуло и на сцену, потанцевать и просто пообщаться с коллегами по искусству, окунуться в привычный мир закулисных историй, приятельских вечеринок

[1] Имеется в виду кодекс кэмпо, насчитывающий двенадцать заповедей, которым должен следовать ученик.

и даже ссор. Но времени не хватало, и Никита лишь раз побывал в Малом театре, побеседовал с балетмейстером и уговорил его дать отпуск до середины сентября. Балетмейстер был человеком умным, к тому же, он знал мать танцора и отказывать Сухову не стал несмотря на то, что хороших молодых исполнителей, ждущих вакансий в театре, было немало.

С легкой душой Никита отдался тренировкам с Романом, овладевая россдао с такой скоростью, что удивил даже Такэду, не рассчитывавшего на особо быстрый успех. Портило общее настроение только отсутствие Ксении, приславшей откуда-то из-за Урала открытку с видом на сопки и словами: «Желаю удачи в сюгэн-до. Встретимся, если тебе это понадобится».

Тон письма показался Никите сухим, холодным, он разозлился и приказал себе забыть о Ксении, не понимая и не желая понять причин ее отъезда. О предупреждении Такэды, что «печать зла» действует и на друзей «меченого», он забыл. К тому же, его бесило знание Ксенией японских терминов и умелое их применение. Сюгэн-до, например, означало — путь приобретения могущества. По мнению Никиты, желая ему удачи в сюгэн-до, Ксения как бы намекала на его слабость.

Такэда на заявление Никиты о «разрыве с Ксенией и всеми художниками заодно» лишь заметил:

— В одну упряжку впречь неможно осла и трепетную лань.

И Сухов, поразмышляв, признал, что «погорячился».

Дважды за месяц срабатывала «печать зла»: сначала рухнула крыша гаража, когда танцор полез в подвал за полиролем для машины, а потом на кухне упал навесной шкаф с посудой. Ни в том, ни в другом случае Никита не пострадал — спасала какая-нибудь случайность, но и видимых причин происшествий он не обнаружил. Изломы балок крыши гаража, сделанных из бруса, указывали на их прочность, гниением здесь не пахло, и тем не менее они не выдержали веса крыши. Шкаф на кухне когда-то ему помогал крепить Такэда, всегда делавший все основательно, не торопясь, на совесть, и все же кирпичная стена вдруг выщербилась в местах установки деревянных втулок с винтами, причем именно в тот момент, когда танцор полез в шкаф за тарелкой.

Кроме этих событий Сухову трижды пришлось отбиваться от хулиганских шаек, о чем он не любил вспоминать, ибо каждый раз встревал в разборки между членами банд с ошибочной меркой «помочь».

Такэда на сообщения Сухова о происшествиях лишь пожимал плечами, отказавшись их комментировать, зато стал чаще ночевать у танцора или оставлять его у себя дома. Последнее нравилось Никите больше, потому что у него появлялся прекрасный спарринг-партнер и учитель.

В одно из посещений квартиры Сухова Такэда застал его танцующим.

— Я не могу не танцевать,— смутился Никита.— Все время тянет на сцену.

— Я бы удивился, если бы не тянуло. Танец — творческий акт, требующий вдохновения и чувства эстетического удовлетворения, и без него ты — спортсмен-середняк, так что находи время и на танцевальный тренинг. Что вы сегодня проходили?

Никита пошел в душ и оттуда уже сообщил:

— Прыжок с колен и удар.

— Один из приемов иаи-дзюцу. Я же говорил: россдао впитывает все лучшее, что было известно в мировой практике единоборств. Но в айкидо этот прием изучается обычно на третьем году обучения. Не спешит ли Роман?

Никита не ответил, отфыркиваясь под струями душа.

— Что еще вы проходите?

— Контратаку при защите, передвижение, блоки и расчет дистанции и подходящего момента для защиты или нападения.— Сухов появился из ванной с мокрыми волосами, на ходу вытираясь полотенцем.

— До-ай и ма-ай [1],— пробормотал Такэда.— Или я ничего не смыслю в борьбе, или Роман спешит. Или ты гений.

— Что ты там бормочешь?

— Я вижу, русский стиль очень многое взял из айкидо.

— Почему это тебя удивляет? Россдао, как и айкидо,— этически относится к защите против неспровоцированного нападения, и работают мастера-родеры на уровне рефлексов.

— В том все и дело, Ник. Мастера айкидо никогда серьезно не ранят нападающего, особенно более низкого уровня. А для этого в первую очередь требуются навыки концентрации внутренней энергии и колоссальная психологическая и психическая подготовка — рефлекс-прием должен быть адекватен нападению.

— Почему ты думаешь, что мы это не тренируем? Мы начали с концентрации. Я, например, уже могу добиваться эффекта «несгибаемой руки». Хочешь проверить?

— Потом как-нибудь, в спарринге.— Такэда был ошеломлен, и лишь привычка сдерживаться не позволила ему выразить удивление вслух.— Я рад, что у тебя получается. Но не обольщайся быстрыми успехами, это может сыграть злую шутку.

Никита сделал обиженный вид.

— Ясумэ [2], Толя, все идет нормально. Пару вопросов можно? Зачем мне знание кэндо, вернее, фехтования? Мне что, придет-

[1] До-ай — всякая защита одновременно является и контратакой; ма-ай — сочетание оптимальной дистанции и подходящего момента для тех или иных действий.

[2] Ясуме — расслабься! *(яп.)*.

ся с кем-то драться на мечах? Роман у меня спросил то же самое, а ответа я не знаю.

— И я не знаю,— спокойно сказал Такэда.— Однако без этого знания Пути тебе не осилить стопроцентно. Твой противник усечет это сразу.

Никита задумался, устраиваясь на диване в позе размышления, потом встрепенулся.

— Ты говорил, что нам придется путешествовать из... э-э, хрона в хрон, да? Из одного Мира в другой. Каким образом? Ведь Миры отделены друг от друга твоим потенциальным порогом, иначе давно перемешались бы.

— Во- первых, не порогом, а барьером, а во-вторых, он не мой — это физическая реальность Веера. А вопрос хорош. Помнишь, я тебе говорил, что Люцифер-Денница нашел способы проникновения в соседние хроны? Так вот, по тем сведениям, которые у меня есть, его дороги — тоннели, червоточины, скважины — называй, как угодно,— сохранились. Владыкам-магам они в общем-то не нужны, маги сами способны преодолевать барьер, просачиваться в другой хрон, а вот волшебникам рангом пониже, и тем более, простым смертным, «скважины» Люцифера нужны. В том числе и боевикам СС, ЧК и другим слугам СД. Есть два варианта поиска входа в сеть этих «хроноскважин». Первый: найти древнюю Книгу Бездн, в которой зашифрована нужная информация.

— Что еще за книга?

— В разные века ее называли по-разному: Влесова Книга, Черная, Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Астромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы врата, Мистериум. Существует легенда, что она была спрятана в стенах Сухаревой башни в Москве, которую взорвали еще до Отечественной войны. Так что найти ее теперь проблематично.

— Так, ясно. Дохлый номер. А второй вариант?

— Второй — проследить за одним из «десантников» СС при их следующем появлении.

— Вариант дохлей первого. Ты думаешь, они появятся?

— Непременно. Дай Бог, чтобы попозже и чтобы мы вовремя заметили! Сам понимаешь, оба варианта из разряда никудышных, но больше у меня ничего нет. Может быть, Весть проснется раньше и ты узнаешь все, что необходимо, сам? Не знаю. Кстати, она тебя не беспокоит?

Никита посмотрел на плечо: коричневая звезда Вести накрыла собой две родинки в форме семерок, и те были едва видны.

— Если о ней не думать — почти не беспокоит, а к ощущению тяжести — знаешь, будто гиря висит на плече,— я уже привык. Но иногда она начинает «вибрировать», особенно если ее задеть, и тогда я получаю весьма ощутимый нервный укол, сопровождаемый фей-

ерверком странных видений, голосов и музыкальных отрывков. Звезда говорит со мной, но я ее не понимаю. Зато смотри.— Никита напрягся, глядя на звезду, и родинки, еле видимые на коричневом фоне, вдруг изменили форму: из семерок они превратились в девятки, держались так несколько секунд и снова стали прежними.

— Любопытно,— сказал Такэда. Глаза его загорелись и погасли.— Ладно, я пошел, мне еще нужно устроить кое-какие личные дела.

— Ты видел? Девятки. Что там говорит математика-мистика Пифагора насчет девяток?

— Потом расскажу, сейчас некогда. Но приятного в этом мало.

Никита проводил инженера удивленным взглядом, не ожидая такой реакции.

А Такэда на протяжении всего пути домой думал об увиденном. В магию цифр он поверил давно, еще до «вербовки» его Посланником, и за полтора года наблюдений за «отмеченными» людьми убедился в справедливости законов, выведенных Пифагором. Но девятки среди других цифр занимали особую позицию, их обладатель, в зависимости от их количества, был отмечен особыми качествами: остротой ума или скрытой жестокостью. Выходило, что звезда Вести предупреждала хозяина об этом, и ей не нравился такой вариант событий.

— Посмотрим,— сказал Такэда сам себе.— Если предупреждение повторится, придется корректировать учебу, а без Ксюши это невозможно. Но и возвращать ее сюда — безумие!

* * *

Несмотря на очищающие контакты мира людей с толкователями универсальных законов справедливости и толерантности, а также с исполнителями их реалий в форме Принципа-регулятора вроде Посланника или Великих посвященных, мир этот продолжал сползать в пучину распада. Медленно, исподволь, с задержками на время вспышек устойчивого сотрудничества, но неотвратимо. Хаос — субстанция «идеальной смерти», разъедал не только пространство и время, физические основы мира, но и его социальную ткань. Дестабилизационные процессы на Земле, утихая на короткие периоды всеобщего мира, все же продолжали развиваться, свидетельством чему был и недавний распад одного из самых могучих тоталитарных государств — СССР, и усиливающиеся националистические конфликты, и возникновение неофашистских режимов — в странах Балтии, Ближнего и Дальнего Востока, Южной Америки, и увеличение числа локальных войн, и все учащающиеся вспышки терроризма и наркобизнеса. Несмотря на флер «демократизации» об-

щества, в сложнейшей социальной структуре Земли продолжал развиваться жуткий принцип психологической кабалы: государство — все, человек — ничто! В большинстве самых развитых стран, была создана криминальная пирамида власти: чиновники плюс мафия, плюс сплотившиеся «воры в законе»,— и ни одна политическая или общественная сила в этих странах не в состоянии была обуздать эту власть.

Все это недвусмысленно указывало на проникновение ударной волны зла во все миры Веера... о чем знали только Наблюдатели вроде Такэды и «статистическая служба информации Сатаны», доступ к материалам которой надежно охранялся «слугами дьявола» — вторым эшелоном «свиты».

Сделав вывод, Такэда записал его на кассету, положил кассету в хрустальную складную пепельницу в виде бабочки, раскрывшей крылья, и долго сидел за столом неподвижно, привычно продолжая уточнять формулировки и думать о своих друзьях, волею судьбы вынужденных вступать в борьбу с неведомым противником. Думал он и о том, что человек в этой борьбе, будучи жестоко противоречивым,— не самое главное и совершенное существо. Тысячи лет назад, в последней битве Тьмы и Света, если под Тьмой подразумевать силы зла, а под Светом — силы добра и справедливости, семеро Владык предвидели возникновение агрессивного разумного вида — человека, и, уходя в свои Миры, изменили константы хрона Земли таким образом, что развитие человеческого мозга не стало максимально вероятным событием. Если бы не этот запрет, человечество, потенциально могучее интеллектуальное племя, в силу изначально заложенного в него эволюционного закона, основанного на агрессии, властолюбии, любопытстве и обмане, давно присоединилось бы к силам Тьмы, и Веер неминуемо погиб бы. Как ни горько было признавать этот факт, Такэда пережил стыд и муку, включившись в борьбу на самой низкой ступени, понимая, что никто наверняка не поймет его, не поверит и не оценит. Кроме, может быть, самого Веера Миров, существование которого зависело и от самых малых движений души и ума населяющих его существ.

— Плоть не вечна в этом мире.

Наша жизнь — роса,[1] —пробормотал Такэда.

Зазвонил телефон.

Инженер очнулся, сложил крылья бабочки-пепельницы, раскрыл — кассеты внутри уже не было. Тогда он снял трубку. Звонил Роман:

— Оямыч, мне кое-что непонятно, можешь зайти поговорить?

— Что случилось?

---

[1] Фуси-напевы. Песня, открывающая мир грез.

— Да, в общем... странно все это. По твоей просьбе я четырежды сопровождал нашего подопечного домой, и трижды он втюхивался в какие-то неприятные истории. Один раз, ну два, допустить такое можно, но три — это уже закономерность.

— Что за истории?

— Пытался спасать от хулиганья девиц, которые потом оказывались той же породы. Естественно, ему бы крепко доставалось, если бы не какая-нибудь случайность: то милиция подоспеет, то довольно умелые парни, так что мне и вмешиваться не приходилось. Но каждый раз сценарий развития событий типичен до удивления, будто писан одним сценаристом и разыгран одним режиссером. Что за ерунда? Ты об этой опасности намекал? Рассказал бы толком.

— Как-нибудь расскажу. Инциденты на улицах — не самое страшное, и пока он не научится владеть собой, нам с тобой придется его подстраховывать. Понимаешь?

— Слишком мудрено, по-моему. Парень он неплохой, не злой, сильный, схватывает все быстро, но относится к учению слишком утилитарно. Россдао — не просто техника приемов самозащиты, это прежде всего особая философия жизни, где нет места воинственным настроениям, агрессивности, алчности, хвастовству.

— Он поймет это, я знаю его лучше, не дави ему на психику. Что касается техники, то в первую очередь его надо обучить управлению жизненной энергией организма, это по-настоящему абсолютное оружие. Если Ник сможет концентрировать волю на развитии интуитивного, сверхчувственного восприятия действий противника, он добьется любой цели.

— Задатки у него есть, но их проявление — в его воле, а не в моей. Чтобы развить их, надо заниматься двадцать четыре часа в сутки, и не месяц, а годы, тут ты меня не переубедишь. Заходи, потолкуем. Заниматься с твоим акробатом интересно, однако я хочу знать, ради чего все это затевается.

Такэда повесил трубку, и в это время на пульте компьютера замигал красный огонек, задребезжал звонок и под картой города на дисплее побежали строки: «Уровень два — татакинаоси [1]».

Инженер не раздумывал ни секунды: взгляд на карту — где Сухов? (Лебяжий переулок. Что там? Библиотека, столовая, ЖЭО... Зачем его туда понесло?). Прыжок к шкафу — забрать сумку с нунчаками и мечом,— вон из квартиры. Термином «татакинаоси» он зашифровал возможное пришествие «десантников» СС — либо в качестве профилактики, либо для конкретного дела, то есть акции по обезвреживанию потенциальной угрозы,— если им стало известно о попытке вступления танцора на Путь. Компьютер мог и ошибаться, но, как правило, его прогнозы сбывались.

---

[1] Татакинаоси — исправление наказанием *(яп.)*.

* * *

Лебяжий переулок начинался от Северного рынка и был достаточно коротким — метров двести, не более. Такэда пробежал его почти весь за минуту, поглядывая на черный камень индикатора, впаянный в перстень из сизо-голубого металла. Возле двухэтажного здания библиотеки камень стал мутно-прозрачным, и внутри него зажегся крохотный контур рогатого чертика.

На входной деревянной двери, прятавшейся в нише за двумя колоннами (зданию было лет шестьдесят с гаком), висела табличка: «Ремонт». Но Такэда обратил внимание на свежую краску — надпись даже не просохла как следует, и ему все стало ясно.

Дверь оказалась незапертой.

Инженер, выхватив из сумки нунчаки, а саму сумку повесив на шею, бесшумно пробежался по коридору первого этажа, пробуя двери. Ремонтом здесь не пахло, и все двери были закрыты на замок. Зато на втором этаже возились трое угрюмых мужчин в касках и оранжевых жилетах дорожных рабочих, заделывая кирпичом торец читального зала. Строители такие жилеты не носили.

В с е л е н и е ! — понял Такэда. Они привлекли оперативников «бархатного вмешательства». Хорошо, что не ЧК!

Под в с е л е н и е м инженер понимал внедрение психоматрицы конкретного субъекта, в данном случае оперативного работника из технической группы СС, в мозг нормального человека, который начинал действовать по приказу в с е л ё н н о г о. Дорожные рабочие попались «эсэсовцам» случайно, им было все равно, кто выполнит задание по нейтрализации угрозы в лице Сухова.

Увидев Такэду, «дорожники» прекратили работу, переглянулись, двое двинулись к нему, а третий принялся доделывать начатое. Когда до инженера, ждавшего «рабочих» на верхней ступеньке лестницы, осталось метра три, в руках незнакомцев появились короткие, мерцающие голубым огнем копья.

Инженер прыгнул им навстречу, начиная первым. Он знал, с кем имеет дело. Взметнулись нунчаки, и копья вылетели из рук «рабочих», врезались в стену коридора, пронзив их, как бумажные. Второй выпад оружия Толи пришелся по каске первого «рабочего» и по челюсти второго. Последний беззвучно лег, но первый, весь какой-то серый, пыльный, перекошенный, успел перехватить гладкую дубинку нунчака, змеистый зеленый огонь стек с его руки на дубинку, достиг бечевы, связывающей обе палки нунчаков и... сорвался на пол, потому что Такэда выпустил нунчаки из рук. В следующее мгновение он вытащил меч.

Тускло блеснуло лезвие, проделав зигзаг и вонзившись в широкое запястье «рабочего». Убивать инженер не хотел, потому что ему противостояли обычные люди, не понимающие, что творят. В с е -

л ё н н ы е уйдут, а они снова станут людьми. Но остановить их было необходимо.

На кисти руки «рабочего» заалела глубокая царапина, он вскрикнул и отшатнулся, глядя на ручеек крови, стекающий на пол из пореза. Такэда сделал угрожающее движение — «рабочий» поспешно отступил. Но прыгнул Толя не к нему, а к третьему члену группы, который доставал из-под жилета знакомое копье. Бросить не успел: меч инженера коснулся его лица, проделав борозду от лба к подбородку, минуя глаз. «Рабочий» взвыл, инстинктивно поднимая руку к лицу, и нарвался на синюю молнию сработавшего копья. Это не был разряд электричества или плазменный выстрел — повеяло ледяным ветром, как из гигантского морозильника, и полголовы «рабочего» будто срезало бритвой: она исчезла, растаяла, испарилась! Боевик еще падал, когда Такэда прыгнул назад, к тому из «рабочих», которому досталось по челюсти. Но не успел. «Рабочий» выстрелил в него сгустком зеленого огня, сорвавшегося, как показалось инженеру, с костяшек пальцев левой руки.

Он по-кошачьи извернулся в воздухе, одновременно защищая грудь мечом, и это его спасло: сгусток огня в форме когтистой медвежьей лапы врезался в лезвие меча, срикошетировал и пропахал плечо лезвием жуткого холода. В голове Толи взорвалась ледяная глыба, и на какое-то мгновение он потерял способность видеть и чувствовать, упав за одно из кресел возле лестницы, а когда очнулся, увидел заключительный акт драмы.

«Рабочий», стрелявший в него огнем, засовывал в портфель типа «дипломат» или атташе-кейс черного цвета копья и предметы, похожие на черные кастеты. Затем коснулся «дипломата» головой и упал рядом навзничь. «Дипломат» свернулся в шар, прочертил черную линию в воздухе и исчез через окно. «Рабочие» лежали, не шевелясь: двое без сознания, третий был мертв. В с е л е н и е закончилось. На стене, требующей побелки, остался след от копий — два пыльных кольца и дыры в форме черных клякс.

Не чувствуя плеча, Такэда дотащился до стены, потрогал ее кончиком меча — твердая. Огляделся. Вздохнув, поплелся дальше по коридору, заглянув в читальный зал. Два тела на полу у полок — юноша и девушка, и третье — старушки-библиотекарши за столом — уронила голову на книги. Живы, дышат. Слава Богу! Но где же танцор?

Такэда вернулся в коридор и внимательно оглядел свежую кирпичную стену, в которой осталось заделать лишь три верхних ряда. Поискал глазами что-нибудь тяжелое, нашел молоток и стал методично разрушать стену, вытаскивая кирпичи: раствор еще не схватился и кирпичи выпадали легко. Никиту он нашел лежащим в нише, образованной пустой пожарной камерой, между старой и новой стенами. Сухов был жив, но в себя не приходил, парализован-

ный, видимо, холодным разрядом копий или «кастетов» десанта СС. Позвонив в скорую и в милицию, Толя потащил тело друга вниз, чтобы успеть до приезда тревожных служб.

Сухов пришел в себя уже дома, на кровати. Долго глядел на инженера, не узнавая, потом отвернулся к стене, как бы давая понять, что обвиняет в случившемся именно приятеля. Толя, понимая его чувства, не торопился оправдываться. Приготовив тонизирующее снадобье: чай, отвар шиповника и женьшеневый настой,— заставил танцора выпить. Потом сел рядом и начал читать книгу.

Никита не выдержал первым. Жаловаться однако не стал, пересилил себя. Сказал с горечью:

— Взяли меня, как цыпленка! Эй, интеллектуал, говорят, пособи-ка подвинуть лестницу. Ну и я помог... «Свита Сатаны»? Или ЧК?

— Обычные люди, соотечественники.

— То есть какие еще соотечественники?!

— Боевики в них вселились, в их мозг. Это называется п с и х о в с е л е н и е м .

Никита немного поразмышлял.

— Я думал, такие трюки возможны только в литературе. А почему же тогда в меня никто не вселился? Насколько проще убрать меня таким образом: влез в мозги, приказал броситься вниз с высотного дома, и дело с концом.

— Психоматрица не всесильна, подать приказ телу выполнить акт самоубийства она не может, организм сопротивляется на уровне инстинктов, на уровне подсознания. А вот убить другого — пожалуйста.

Никита снова немного поразмышлял.

— Скоты! Зачем я только ввязался в это дело! Или еще не поздно выйти из игры?

Такэда молчал.

— Ясно,— вздохнул Никита,— значит, поздно. Но ведь я ничего еще не сделал, почему они решили меня убрать?

— Скорее всего, это профилактическая проверка работы «печати зла». Но могут быть верными и другие варианты. Скажем, у них здесь есть свои наблюдатели. Или же «печать зла» обладает обратной реакцией, сигнализируя хозяевам о тщетности заклятия. Факт, что они послали малый патруль «бархатного вмешательства».

— А что, есть и большой?

— Бывает малый, специальный и достаточный патрули. В малом — трое боевиков, в специальном — пятеро, ну а достаточный — это прайд СС, уйти от него, наверное, невозможно. Как и от десанта ЧК. Хорошо, что в нашем случае малый патруль был в с е л ё н н ы м .— Такэда помедлил.— Тебе надо исчезнуть, Кит.

— Как это — исчезнуть?— повернул к нему голову Сухов.— Куда исчезнуть?

— Совсем. Из города. Из страны. Надо инсценировать твою смерть. Похороны.

— Ты с ума сошел! А мама? Ты о ней подумал? Ксения тоже... У меня же куча родственников, друзей...

— Маму мы на некоторое время отправим куда-нибудь подальше, к родственникам, пока ты будешь овладевать собой. А с Ксюшей... тоже что-нибудь придумаем. Или у тебя есть другие идеи?

Никита отвернулся, несколько минут молчал.

— А я куда денусь? Буду жить под псевдонимом?

— Вместе со мной. Мне тоже придется «погибнуть». У японцев есть такой обычай — дзюнси: вассал следует в могилу вслед за своим господином, сюзереном.

Никита сел на кровати, бледный до синевы, грустно улыбнулся.

— Ну и судьбу ты мне накаркал... вассал.

— Старый ворон не каркнет даром. Ну что? Решено?

— Мне надо попрощаться с... Ксенией.— Имя девушки Сухов выговорил с трудом.— Понимаешь? Или нельзя?

В прихожей раздался звонок. Никита подскочил, с испугом глянув на друга, который рассматривал перстень, подмигивающий зеленым зрачком.

— Иди, прощайся,— вздохнул Толя.— Видимо, вы с ней одного поля ягоды. Это Ксения.

Никита вихрем промчался по комнате, открыл дверь и встретил улыбку художницы, одетой по-дорожному. У ног ее стояла огромная сумка.

— Вот и я,— сказала она певуче.— Не выдержала. Толя будет ругаться...

Больше она ничего не успела сказать, потому что Никита уже целовал ее в губы.

1

Похоронная процессия была не очень большой и шла недолго: от подъезда дома, в котором жил погибший, до автобуса-катафалка с черной траурной лентой насчитывалось всего полсотни шагов. Хоронили двоих: молодого парня, бывшего акробата и танцора, и его друга, бывшего инженера-электронщика. Одному едва исполнилось двадцать шесть лет, второму тридцать два. Правда, увидеть, какими они были, не представлялось возможным: хоронили их останки, завернутые в белое полотно. Оба погибли в автокатастрофе — их машина врезалась на повороте в дерево и загорелась, так что опознать их по лицам было невозможно, разве что по личным вещам, да мать более молодого узнала сына по родинкам на плече.

На кладбище, пока произносили прощальные речи представители делегаций театра, в котором выступал танцор, спортивного комитета и Института электроники, где работал инженер, к одному из рабочих похоронной команды подошел пожилой лысоватый мужчина с брюшком; он бродил среди могил, когда привезли погибших.

— Кого хоронят?

Рабочий, молодой, загорелый, в черной рубашке, разматывающий длинное полотенце, оглянулся.

— Говорят, какого-то мастера спорта по акробатике и его друга-японца.

— Молодые?

— Да кто их знает, отец. Говорят, молодые, разбились на машине и сгорели.

— А как их опознали?

Рабочий пожал плечами.

— Что за интерес, отец? Опознали, иначе не хоронили бы. Да и кто мог ехать в машине спортсмена, кроме него самого?

— Ну, угнал кто-то...

— А ты часом не из милиции, папаша? Так их спецы уже провели расследование.— Парень отошел к гробам, возле которых стояли родственники погибших, человек двадцать.

Пожилой мужчина проводил его взглядом, долго смотрел на гробы, на которых заколачивались крышки, и тихонько отошел к деревьям у прохода. К нему подошел еще один мужчина, совсем старик, они поговорили о чем-то, а затем вдруг начали оглядываться в недоумении, будто не понимая, как и зачем сюда попали. Они приходили в себя долго, в течение всей церемонии, и по их лицам было видно, насколько они удивлены и напуганы. Правда, за ними никто не наблюдал.

Похороны закончились. Гробы закопали, на холмиках установили обелиски с крестами, обнесли оградой. Близкие родственники погибших сели в микроавтобус и уехали, за ними потянулись автобусы с похоронной делегацией. Кладбище в этом неуютном уголке, с готовыми ямами для очередных умерших, опустело. А затем к свежим могилам подошел человек в странном зелено-сером с разводами комбинезоне, огромный, широкий, с бледным лицом и бездонно-черными глазами. Постоял в задумчивости у могил, пристально глядя на обелиски с фотографиями похороненных, и тяжело, но бесшумно, канул в заросли за оградой. На свежей земле у ограды остался отпечаток его ботинка: рифленая подошва и в центре вдавленный трезубец.

Через час после окончания похорон в квартиру к матери более молодого из погибших Никиты Сухова позвонил тот же человек в пятнистом комбинезоне, с черным чемоданчиком в руках. Ему открыл один из родственников Сухова, его дядя по материнской линии Федор Тихонович Симагин.

— Извините, здесь проживает гражданка Сухова Мария Ильинична?

— Проходите,— посторонился Симагин, круглый, потный, в костюме, несмотря на жару.— У нас тут похороны, помянете ее сына. А что вы хотели?

— Я не знал, извините. Газ-служба, обычная профилактика. Я зайду в следующий раз. А что случилось?

— Погиб ее сын.— Симагин вытер лоб платком, поморщился.— Несчастный случай, разбился с другом на машине, она загорелась...— Федор Тихонович махнул рукой с платком.— В общем, еле узнали, да и то по родинкам на плече.

Гость сожалеюще поцокал языком.

— Да, это неприятно.— Увидев удивленный взгляд родственника, заторопился.— Извините, у меня еще много заказов.

— Ничего себе — «неприятно»! — пробормотал Симагин, провожая его взглядом, но тут же забыл об этом, возвращаясь в квартиру, где царила тягостная атмосфера воспоминаний и последних тостов вослед безвременно ушедшему.

* * *

Самолет взлетел в девять часов вечера из Быково, и Сухов с каким-то новым для себя чувством потери глянул на город сверху: скопление рукотворных холмов из бетона, кирпича, стали, стекла и асфальта, среди которых сновали металлические жуки — автомобили и ползали мураши-люди. На душе скребли кошки, было муторно и тоскливо, и до боли в желудке хотелось проснуться и зажить прежней, расписанной по мелочам жизнью. Но танцор знал, что это невозможно, возврата к прежней жизни не было, как бы ни повернулось колесо судьбы. И все же сердце жаждало успокоения, а не борьбы. Все еще помнились глаза матери, растерянные, ничего не понимающие, не умеющие лгать, и сжималось сердце в тревоге за нее: сможет ли она сыграть убитую горем мать, если кому-то из неведомых далей и времен вздумается проверить, умер ее сын на самом деле или нет.

На свои похороны Никита не пошел, вернее, его не пустил Такэда, предпочевший не рисковать. Ксения присутствовала на кладбище и должна была рассказать все подробности, хотя и месяцем позже, когда все поутихнет. Как и мать, она знала правду, но роль свою сыграла вполне искренне, понимая, что от ее поведения зависят последствия «похорон».

Улетали «погибшие» без нее, девушка даже не знала — куда, но готова была ждать весточки и прилететь по первому же зову.

Такэда, сидевший рядом, искоса поглядывал на друга, но молчал, понимая его состояние. Сухов отрезал свои длинные волосы, волной падавшие на шею, отрастил бородку и усы и теперь походил на коммерсанта, спешащего по делам на край света — в Хабаровск. Такэда тоже отрастил усики «а ля Чарли Чаплин» и превратился в типичного экранного мафиози, связываться с которым не стоило никому.

Операцию с «похоронами» они разрабатывали почти месяц, а осуществили в середине сентября, когда подвернулся случай.

Во всем мире существовала практика негласной перевозки и похорон трупов из полиции или милиции, «прошедших опознание, но не опознанных». Чаще всего такими становились одиночки, уехавшие из родных мест и погибшие на чужбине, в авариях, катастрофах, а зачастую и от ножа бандитов. На этот раз милицейский «ворон» перевозил в Москву из Реутово десять молодых парней, целую команду «самоубийц», путешествующую по стране на велосипедах и не имевшую никаких документов: все они, перепившись, спали на сеновале в одной из деревень и сгорели в одно мгновение, не успев сообразить, что случилось, когда одному из них захотелось покурить.

Машина с останками слетела с шоссе в овраг ночью — лопнуло переднее колесо, и водитель не смог удержать холодильник на дороге: к счастью, сам он остался жив, как и сопровождающие мертвый груз. Правда, этим повезло меньше, оба милиционера получили сотрясение мозга.

Сообщение об аварии пришло в центральное городское ГАИ в первом часу, и тотчас же это стало известно Такэде, компьютер которого давно «дежурил» в сети компьютеров всех тревожных служб Москвы. На место происшествия инженер приехал с Никитой через полчаса, опередив гаишников и милицию. Еще через несколько минут два полуобгоревших трупа, завернутых в гардины, лежали в кабине «сотки» Сухова, а остальное было делом техники. Водитель возился с потерявшими сознание милиционерами и ничего не заметил. Выяснили ли милицейские чины пропажу останков двух человек, друзья так и не узнали.

Самым трудным делом оказалось воспроизведение на плече одного из трупов, соответствующего по габаритам и мускулатуре Сухову, наколки, имитирующей родинки-«семерки», но в конце концов Такэда, специально консультировавшийся по данному вопросу, справился и с этим. Все их действия так психологически измотали танцора, что он едва не сорвался, крича шепотом, что плевать он хотел на все эти СС и ЧК, что хочет жить, как все люди, пойдет в госбезопасность и во всем признается, и будь, что будет, Такэда не возражал, продолжая начатое, и пыл Сухова иссяк, хотя потом он признался, насколько все это ему противно.

День они готовились к «операции отхода», а пятнадцатого сентября вывели ранним утром машину, выехали за город и удачно разбили ее на повороте о ствол огромного тополя, уложили подготовленные трупы надлежащим образом внутри и возле машины и подожгли ее. Похороны состоялись через два дня...

Самолет набрал высоту, стюардесса разнесла напитки, но Сухова сон не брал, несмотря на то, что в последние сутки нервы его

напряглись до предела, а сейчас наступило расслабление. Не спал и Толя, делая вид, что читает. Устал и он, взяв на себя на этом этапе всю тяжесть путешествия. В отличие от Никиты, все еще сомневающегося в верности их действий и реальности происходящего, инженер точно знал, что опасность смертельна и возврата к прежней жизни не будет. И только он один ведал, куда они летят и зачем.

В Хабаровске еще лет десять назад был создан Центр русского боевого искусства — ЦРБИ, инструктором-наставником которого стал учитель Романа, мастер шестой категории россдао, ученик знаменитого Деда, Иван Григорьевич Красильников. Такэда надеялся договориться с ним обучать Никиту, с успехом начавшего путь бойца у Романа.

— Он просто талант! — вспомнил инженер слова инструктора.— За два месяца обогнал моих орлов, которые занимаются уже по году-полтора! Если так пойдет и дальше, он и меня обгонит через год.— Через год, повторил про себя Толя. В том-то и дело, что года в запасе у него нет. Главное, чтобы в ходе занятий он осознал две истины: важна победа не над противником, а над собой, это раз, и два — побеждает не борющийся против чего-то, побеждает борющийся за что-то...

— А как было все здорово! — сказал вдруг с тоской Никита, не отрывая взгляда от иллюминатора, словно разговаривая сам с собой.

— Ты что?— покосился на него Толя.— Машину жалко, что ли?

Сухов на шутку не ответил и продолжать не стал, но Такэда и так понял его мысль: танцор до вмешательства в его жизнь темных сил жил в своем мире, удобном во всех отношениях, созданном для таких же, как и он, людей искусства и спорта, и потому оторванном от остальных миров, в которых на разных уровнях достатка и бытовых условий жили другие люди, от безработных до президентов, членов банд и мафиозных кланов. Оказавшись за бортом своего достаточно прочного ковчега, столкнувшись с чужим миром жестокости, насилия и страха, поняв, что теперь необходимо жить иначе, решать все самому и отвечать за последствия каждого шага, Никита Сухов, чемпион России по акробатике, серебряный призер чемпионата мира, великолепный танцор — растерялся. Умом он понимал, что спокойное течение бытия закончилось, но душа все еще жаждала возвращения. А почва под ногами была зыбкой, неверной, колеблющейся, как слой торфа на болоте...

— Наверное, я просто невезучий,— закончил Сухов разговор с самим собой.

— Не плачь, меченый,— сухо сказал Такэда.— Тебе еще повезло: ведь боевики СС могли тебя убить еще тогда в парке. Вожак тебя просто пожалел.

Никита оторвался от созерцания иллюминатора, глянул на товарища, криво улыбнулся, щеки его порозовели.

— Кого милует Бог, того жалует царь. Непонятно только, что за царь и где его искать.

— Главное, чтобы он был в голове. Знаешь пословицу: без царя в голове царем не станешь?

— Ты говорил, существовала какая-то книга, в которой якобы указан вход в тоннель, связывающий Миры Веера.

— Книга Бездн. По легенде она связана Страшным проклятием на десять тысяч лет. Была заточена в стенах Сухаревой башни, которая стояла между Сретенкой и Мещанской, ее строили в эпоху Петра I. Но после разрушения башни Книга исчезла.— Такэда помолчал.— Я ищу ее уже почти полтора года.

— Ну и?

— Есть кое-какие следы... слабые. Мне придется в связи с поисками помотаться по свету, так что побудешь один. Я оставлю тебе Даосскую книгу, она хоть и не Книга Бездн, но скрасит твое одиночество. Хочешь изречение из нее?

— Валяй, учитель.— В голосе Никиты прозвучала ирония, но инженер не обижался на такие вещи.

— Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо и невозмутим, как тишина [1].

Разговор на время прервался. Ровно гудели двигатели самолета, некоторые пассажиры шуршали газетами, другие разговаривали или спали. Уплывала назад Европа, дом, уют, уплывало прошлое. Потом Никита подвинулся ближе, сказал мрачно:

— Совет неплохой, да опоздал. Ну-ка, расскажи мне про Веер еще раз, поподробней.

— Что именно?

— Как он возник, я понял, а какие вселенные реализовал? С какими условиями?

— На эту тему можно говорить долго, но я постараюсь покороче. Спектр миров, реализованных Веером, практически необъятен, хотя и не бесконечен. Есть миры, совсем не отражающие земных представлений о пространстве, времени и жизни, но есть и вполне земноподобные, то есть имеющие планеты, звезды, галактики, черные дыры, сверхновые звезды и даже саму Землю. Правда, обитатели тех «земель» не всегда называют ее Землей, но существуют и почти идентичные миры, отличающиеся лишь деталями. Интересно, что такие Миры Веера создают своеобразные «пакеты», в которых спектр условий проходит предельные варианты, скажем, от Порядка до Хаоса, или от Добра до Зла.

Такэда остановился.

---

[1] Гуань Инь-цзы. Даосская книга.

— Нет, так я тебя запутаю.

— Продолжай, я пока соображаю.

— Хорошо. В качестве примера: наша родная Земля находится в середине такого «пакета». «Ниже», то есть ближе к моменту начала Веера, реализуется М-физика, магическая физика, дающая возможность изменять мир с помощью волевого усилия, волшебства — по нашим понятиям, конечно. «Выше» идут Миры, в которых есть Земли и где реализуется уже Т-физика, технологическая, счетно-анализаторная. Не спрашивай только, как все это выглядит, я не путешествовал по Мирам Веера. Может, с тобой повезет?

Никита не отреагировал на вопрос, и Толя продолжал:

— Иерархия Веера довольно проста — она включает всего пять ступеней, каждая из которых имеет свой спектр вариантов. Первая ступень: верны все классические законы физики. Пример: наша Земля и ее «двойники» в соседних хронах. Вторая ступень: работают законы относительности: в нашем хроне они соблюдаются частично. Третья ступень: хозяева — законы энергоинформационного обмена, это уже подходы к магическому воздействию. Четвертая: властвуют законы изменения структуры волевым усилием. И наконец пятая: абсолютная власть над материей, формой и сущностью, над жизнью и смертью — у сил, названий которых мы не знаем. И вряд ли узнаем. С этими силами могут соперничать только Владыки, да и то не всегда индивидуально, а лишь соединяясь в нечто вроде коллективного разума типа Соборной Души нашего Веера. Известно только одно: существуют ступени развития материи более высокие, чем разум в человеческом понятии, и принципы, более совершенные, чем добро, и более желаемые, чем блаженство. А также системы знаний, не основанные на познании и науке. Но это уже тема для отдельного разговора. Денница, кстати, родился в одном из таких миров, Такэда задумчиво пососал палец,— хотя и не реализовал все эти перечисленные мной постулаты. Правда, я сам не все здесь понимаю...— Он осекся.

Сухов спал. Лицо у него было бледное, осунувшееся, измученное. И Такэда впервые остро пожалел, что случай вовлек парня в эту дикую, непонятную, непредсказуемую, невероятную авантюру.

Но дороги назад действительно не было.

* * *

Иван Григорьевич Красильников, инструктор россдао, о котором говорил Роман, бывший его ученик, оказался почти таким же молодым, как и сам Роман: шел ему тридцать первый год. На вид нескладный, долговязый, слегка сутулый, не имеющий особо развитой мускулатуры, он не оставлял впечатления сильного человека и опытного бойца, но глаза — серые, цепкие, умные — выдавали

его сразу. В них за блеском иронического внимания таилась скрытая сила и предупреждение, вызывающие невольное уважение у любого, кто встречался с Красильниковым.

Никита помнил слова Такэды, что мастера шестой категории россдао «достать» невозможно, однако убедился в справедливости сказанного только в ЦРБИ, в котором Красильников работал инструктором-наставником. На первой же тренировке наставник провел учебный бой сразу с шестнадцатью учениками, нападавшими со всех сторон, и, не получив ни одного прямого удара, уложил их всех в течение трех минут. И это несмотря на то, что многие из ребят занимались россдао по пять-шесть лет и сами были инструкторами в других школах!

Никите Иван Григорьевич — все звали его только по имени и отчеству — понравился. Он не любил много говорить, зато много показывал, и жесты его были красноречивее слов. Сухову он после показательного боя задал только один вопрос:

— Как, по-вашему, можно сформулировать цель мастера россдао в схватке с многочисленным противником?

Никита, застигнутый вопросом врасплох, промямлил:

— Ну... наверное, использовать неизбежную сумятицу... вести бой в манере защита-контратака...

— Основная цель — вывести из строя противника наиболее эффективным методом и с наименьшей затратой сил.— Красильников внимательно оглядел Никиту снизу вверх.— Хотя и вы, конечно, в чем-то правы.— Повернулся к молчавшему Такэде.— Рекомендации Романа мне вполне достаточно, да и материал неплохой, будем работать. Но и вам придется позаниматься с ним, если хотите достичь максимального результата.

На этом и закончился «цикл вводных лекций» Красильникова, отбирающего учеников только по ему одному известным качествам.

Занятия отвлекали от горестных дум и тягостных ожиданий, и Никита, сменивший имя и фамилию на Владимира Петрова, с головой ушел в борьбу, занимаясь по двенадцать часов в сутки.

Они сняли квартиру на северной окраине Хабаровска, разбросанной по сопкам, у пожилой четы Ивлевых, пенсионеров, подрабатывающих в летнее время сбором облепихи, грибов и ягод. Хозяев звали Федором Полуяновичем и Марией Кирилловной, и были они тихими, неразговорчивыми, стесняющимися и добрыми людьми, прожившими в тайге полжизни и лишь к старости получившими квартиру в городе, да и то по настоянию детей. Сын женился на белоруске и уехал в Гомель, благо в славянских странах еще не дошло до визового обмена, дочь тоже уехала — на Сахалин, выйдя замуж за капитана рыболовного сейнера, и старики остались одни. Как вышел на них Такэда, Никита не знал, но был рад, что может

уединится в комнате и заниматься своими делами, никому не мешая: комната Толи находилась напротив. Сами же хозяева жили в третьей комнате, в конце коридора, за общей гостиной, где стояли телевизор, старенькое пианино и сервант.

Комната Сухова была по-спартански голой: стол, кровать, стул, шкаф. Зато хватало места и на обработку като — комплекса упражнений, и на занятия со снарядами, в основном — гантелями, поясным эспандером и подвесным турником.

Такэда побыл в Хабаровске с неделю и уехал, взяв слово с танцора, что тот не сорвет «режим подводной лодки, лежащей в засаде на грунте». Инженер все еще не терял надежды найти пресловутую Книгу Бездн.

Первое время Никита свято соблюдал «режим»: ходил только на тренировки, а все остальное время проводил дома, занимаясь повторением пройденного или читая книги, в том числе оставленные Толей философские труды Лосева, Андреева, Бердяева, Шульгина и других. Но тоска по Ксении скоро превратилась в физическое недомогание, и Сухов стал искать способы отвлечения от этой напасти, самым привычным из которых был ночной клуб или бар; в Хабаровске их хватало. Слать письмо Ксении он побоялся, да и Такэда пообещал привезти весточку от нее или хотя бы открытку.

День шел за днем, «печать зла» о себе не напоминала, звезда на плече молчала, и Никита поневоле втянулся в ритм ежедневных тренировок, не забывая об акробатике. Так он однажды поразил товарищей по группе тройным сальто и рондадом [1] с переходом на шпагат. Тоска по танцу тоже давала о себе знать, но он терпел, мечтая когда-нибудь «показать класс». В доме Ивлевых он тоже не мог танцевать открыто, да и комната для балетной танцевальной программы не подходила.

Затем его озарило, и после недолгих колебаний он предложил свои услуги в качестве солиста в казино «Бомонд», забыв об осторожности, и вспоминая случившееся в Москве, за тысячи километров отсюда, чуть ли не как миф. Уговорил он себя тем, что запас денег, заработанных в прежней жизни, был не вечным.

Танцевал Никита в казино три раза в неделю, по вечерам, но слава о танцоре разлетелась по городу быстро, и в дни его выступлений «Бомонд» заполнялся до отказа. Никита повеселел: после длительного перерыва он наконец-то нашел свою стихию, помогавшую скрасить жизнь. Но спустя два месяца, в течение которых от Такэды не было ни слуху, ни духу, ситуация изменилась.

Во-первых, пришло письмо от Ксении (Толя все же нашел ее и дал адрес), прочитав которое Никита едва не сорвался с места и не помчался в Москву. Во-вторых, Красильников узнал о ночной жизни

[1] Прыжок с переворотом вперед и с поворотом с разбега со стойки на руках.

подопечного и потребовал ее прекратить, обратив внимание на усталость последнего, мешающую работать в полную силу. На инструкции Такэды он ссылаться не стал, но аккуратно провожал ученика с тренировок до дома, оставаясь незамеченным. В-третьих, Сухов почувствовал д у н о в е н и е посторонней силы. В результате интенсивных занятий по концентрации внутренней энергии внимание и чувствительность его обострились, и ему показалось, что кто-то начал следить за ним — слепо, не видя, на уровне психического контакта. Точку поставило происшествие в казино.

В этот вечер начала ноября, холодный и дождливый, в казино заявились воротилы местного бизнеса: президент Дальневосточного филиала Инкомбанка, директор колбасной фабрики, сопрезидент японо-российской коммерческой фирмы «Хацюмэ», и с ними три десятка «крутых» парней — телохранители, приятели, девицы. Перед публикой Никита выступать не любил, но платили ему хорошо, и делать было нечего, приходилось танцевать. К двенадцати ночи он вымотался, танцуя по заказам: «Генацвале, держи.— Кто-нибудь из свиты бизнесменов совал ему десятитысячную банкноту.— Танцуй хараппу». И Никита танцевал.

Но без четверти двенадцать он решительно отодвинул ведущего и заявил в микрофон, что просит уважаемых гостей «не гнать лошадей», программа закончена. Однако гости, подогретые обильными возлияниями, продолжали кричать «бис» и совать деньги, требуя продолжения. Сухов пожал плечами и сошел со сцены, и наткнулся на коренастого крепыша в светлом костюме с гвоздикой в петлице. Это был один из друзей Шавеля, президента Инкомбанка, а может, не друзей, а компаньонов.

— Танцуй, малый,— сказал он хрипло, протягивая пачку долларов.— Плачу «зелеными». Но уйдешь по моему сигналу.

Никита побагровел: в таком тоне с ним еще не разговаривали. Однако сдержался.

— Прошу прощения, мистер, но программа закончена.

Сбоку подсунулся владелец казино Голдман, рыхлый, вечно потеющий, лысый, как колено.

— Володя, не ерепенься, попрыгай еще полчасика. Гости просят, нельзя отказывать.

Сухов заколебался было, но коренастый повел себя в прежней манере:

— Куда он денется? Еще не родился такой оригинал, который отказал бы Щавелю. И мне.

— Этот оригинал я.— Никита сбросил с локтя пухлую руку Голдмана и направился к двери за стойкой бара.

За спиной раздался злой хрип коренастого, тенорок владельца казино, еще чьи-то голоса, но танцора никто не остановил. Зато его встретили за дверью казино, в переулке.

Никита ощутил толчок в сердце: вспомнились прежние столкновения, инициированные «печатью зла». Неужели она снова нашла его? Несмотря на все ухищрения скрыться, замаскироваться, выйти из «круга устойчивого интереса» парней СС? Или все объясняется вполне прозаически: местные мафиози решили наказать строптивого танцоришку?..

Итак, трое... нет, больше. Сухов привычно собрался, концентрируя внимание. Он уже научился пользоваться резервами внутренней энергии организма, но применять свое знание еще не приходилось.

Значит, трое — впереди, еще двое — за кустами, справа. Эти наиболее опасны, потому что вооружены. И все же это не засада «свиты Сатаны», а тем более не ЧК.

— Ты что возомнил о себе, танцор?— пренебрежительно сказал один из троих, самый высокий; одеты все трое были в одинаковые серые плащи и шляпы.— Мало платят? Что за капризы? Шеф остался очень недоволен, а за это наказывают.

— Что ты с ним церемонишься, Жердь,— вмешался второй, пониже, с волосами до бровей.— Он думает, если накачал мускулы, значит имеет право хамить. Он нуль, и пусть знает, что нуль!

Волна гнева ударила в голову, затмила сознание, и Никита едва удержался от ответа, вовремя вспомнив наставление Красильникова: «Злость должна быть чисто спортивной и направлена на себя, но ни в коем случае на противника. Это — верный путь к поражению».

Видимо, трое приняли его колебания за проявление малодушия, потому что третий член группы презрительно сплюнул, едва не попав на брюки Сухова.

— Наложил в штаны, танцор? Мы тебя побьем не сильно, для профилактики, чтобы знал, как отвечать шефу, и чтоб другим неповадно было.

Высокий тут же ударил Никиту в грудь, вернее, в то место, где он только что стоял. И ойкнул, получив хлесткую пощечину, от которой у него посыпались искры из глаз. Второй «экзекутор» тоже махнул рукой — у него был кастет, и заработал удар по ушам, который вывел его из строя на несколько минут. Третий, самый низкорослый, но быстрый и подвижный, знал каратэ — судя по его прыжку и удару ногой, но и его замах не нашел цель: Никита ушел в сторону и добавил прыгуну пинка, увеличившему его скорость.

— Все?— буднично спросил Сухов высокого.— Я могу идти?

Сам он в это время думал о тех двоих, что готовились его встретить у выхода из переулка. Но заниматься ими ему не пришлось. На свет фонаря вышла фигура в спортивной куртке с капюшоном, поманила танцора рукой:

— Кит, побыстрей.

У Никиты едва не выскочило от радости сердце — это был Такэда собственной персоной.

Трое нападавших не стали продолжать «урок», ворча и ругаясь, убрались прочь.

— А остальные?— спросил Никита.

Такэда оглянулся на кусты, махнул рукой.

— Ими занимался Красильников, все нормально.

— Иван Григорьевич?!

— Для подстраховки. Извини, я не предупредил. Но и ты, я гляжу, кое-чему научился, а?

— Ситуация была не очень сложной.— Изумление Сухова прошло не сразу.— Ну ты и даешь, Оямыч! И Красильников согласился?

— У меня осечек не бывает. Идем, сейчас дождь пойдет, а я без зонтика.

Никита поспешил за другом, даже не пытаясь скрыть радость: появление Толи означало не только свежую информацию, но и перемену хода событий.

* * *

Они проговорили часа два и спать легли только в половине третьего ночи. Но Сухов не смог уснуть и заявился к Такэде через пятнадцать минут. Постучал.

— Извини, не спишь? У меня пара вопросов.

— Спи, завтра задашь... вернее, сегодня утром. Подъем в семь.— Толя задумчиво оглядел стоящего в халате танцора.— Плохо контролируешь нервы. Что вы проходите с Красильниковым?

— Блоки. То есть это не те блоки, а комплексы приемов...

— Мне можешь не пояснять.

— Прошли блоки сидя, лежа, против уличной толпы, сейчас доводим блок «работы с хода». Но этих блоков еще — пруд пруди: против всех видов захватов, в ограниченном пространстве, против профессионалов каратэ... и айкидо, кстати, против вооруженных банд... Не отвлекай, Оямыч, а то не слезу с тебя до утра. Как ты думаешь, этот сегодняшний случай связан с «печатью зла»?

— Не знаю,— тихо ответил Такэда, подвинул повыше подушку и лег.— Мы с тобой вроде бы как умерли... но для полного отрицания, как говорят мудрецы, самоубийства недостаточно. «Свита Сатаны» умеет доводить дело до конца и не остановится, пока не проверит подлинность нашего ухода в мир иной.

Никита хмыкнул. Они уже поговорили о маме, о Ксении, о ситуации в Москве, о квартирах. Жалко, что квартира Такэды отошла в госпользование (книги, кое-какие личные вещи и картины Толя

все-таки увез), и все же душа Сухова была неспокойна. Хотелось лично убедиться в безопасности мамы, родственников и Ксении, которая переслала через Толю письмо в десять страниц.

— Как ты умеешь успокаивать,— произнес наконец Никита недовольно.— А если они все-таки появятся здесь?

— Все зависит от тебя. Ты должен успеть обрести свою силу и найти свое оружие, только тогда появится шанс уйти от преследования и вступить на Путь.

— Путь Меча? Никак не пойму, почему нельзя сразу начать с другого Пути — Ума, например.

— Потому что тебя будут стремиться уничтожить всеми средствами, доступными СС, ЧК и магам — помощника Люцифера, и ты должен в ы ж и т ь, чтобы вступить на синто — Путь Мысли. Самое трудное — выйти на первого Владыку, первого мага. Он поможет дальше.

Никита беззвучно выговорил ругательство.

— Отличная перспектива! Жутко оптимистичная. Тогда следующий вопрос. Ты говорил, что Семеро уже собирались дважды — или трижды?— чтобы справиться с Люцифером, а теперь их надо собирать снова. Но неужели они так долго живут?

Такэда покачал головой.

— Хоть время в Мирах Веера течет по-разному, никто, конечно, в пределах всего Веера не вечен, даже Владыка любого из хронов, но дело в том, что защита Веера — прерогатива молодости! Состарившиеся Владыки, как правило, уходят в такую творческую деятельность, ни цели которой, ни способов их достижения, ни масштабов нам не понять. А может быть, они вообще уходят из Веера, создают свои вселенные. Никто этого не знает. Точнее, я не осведомлен. Факт, что Семеро каждый раз собирались вновь. Время от времени в Мирах Веера рождаются маги, начинающие с малого, проходящие этапы роста, в том числе и этап борьбы с Денницей.

Такэда улыбнулся, глянув на ошеломленного танцора.

— Все, иди спать. Тебе есть теперь о чем размышлять до утра, хотя я советую делать это завтра.

Никита послушно направился к себе, но уже открыв дверь, остановился:

— Толя, а почему его... ну, Люцифера... не убили? Это же проще, чем каждый раз потом...

— Молодец,— печально сказал инженер.— Я тоже когда-то задал такой вопрос и получил ответ, над которым размышляю до сих пор: во-первых, мага класса Денницы невозможно ни победить, ни уничтожить, он практически неуязвим. Ни одна из Семерок магов не нашла способа его умертвить. Впрочем, как мне известно, не очень-то они и искали. А во-вторых, смерть не является абсолютно правильным решением. Ты все понял?

— Ни фига! — честно признался Никита.
— Вот иди и думай, созревай.
Уснул Сухов, придя к себе, мгновенно.

2

Красильников, как и Роман, в свое время тоже был удивлен успехами ученика, вернее, не столько удивлен, сколько озадачен.

— Он схватывает все на лету,— сказал инструктор при встрече с Такэдой.— Так тренинг «амортизатора» [1] требует не менее полугода занятий, а он овладел им за месяц. Если будет заниматься и расти в том же темпе, через год догонит меня. Но...— Красильников замялся.— Странный он какой-то, неуравновешенный, то бесшабашно веселый, то угрюмый, ожесточенный.

— У него есть на это причины. Просьбу свою о его подстраховке снимаю, он и сам теперь постоит за себя. А вот кэндо уделите как можно больше внимания, это ему пригодится в первую очередь.

— Где это ему пригодится?— нахмурился инструктор.

Такэда неопределенно ткнул пальцем вверх.

— Там, в других сферах. Я не шучу, Иван Григорьевич, но и объяснить внятно не смогу.

— Темните вы что-то, уважаемый Тоява Оямович. Уж не контрразведчика ли будущего вы мне подсунули? Или разведчика? Роман-то в этой организации работает. Впрочем, меня это не касается, тем более, что заниматься с таким парнем — одно удовольствие. Не поверите, но он усовершенствовал два приема в комбинациях импоссибл [2]. Творчество — дар необыкновенный, подвластный только избранникам, и ваш Петров далеко пойдет, если будет этот дар развивать и дальше.

Они сидели в комнате наставника на втором этаже здания ЦРБИ и пили чай. Такэда больше молчал, слушая инструктора, и лишь иногда вставлял реплики. Отвечая на последние слова Красильникова, заметил:

— Вы даже не представляете, насколько правы — насчет избранника. Хотя известный философ Даниил Андреев с вами был бы не согласен. Он говорил, что творчество, как и любовь, не есть исключительный дар, ведомый только избранникам. Избранникам ведомы праведность и святость, героизм и мудрость, гениальность и талант.

— Я читал Андреева. С ним можно спорить, потому что в его утверждениях кроются парадоксы, но я не буду. Скажу только, что

---

[1] «Амортизатор» — прием, позволяющий сокращением мышц тушить удар.
[2] Импоссибл — вид приемов из самых неудобных и невозможных положений.

у Петрова — фамилия, небось, подставная?— есть и талант, и творческая жилка, а остальное придет. Что касается занятий с мечами, то они впереди. Я не считаю себя великим знатоком кэндо, дам, что смогу, а потом сведу его с одним своим знакомым. Вот он — мастер высшего класса по бою на мечах, владеющий даже «сечей Радогора».

— Годится. Иван Григорьевич, сегодня вы меня не видели и вообще не знаете. Договорились? Так надо. Во-вторых, я снова уеду на некоторое время...

— Понял, подстрахую.

— Нет, дело в другом. Ник... Владимир Петров — не только акробат, но и танцор, причем неординарный.

— Уже видел. Он связался с казино, хотя я и не советовал.

— Спасибо, что вмешались в прошлый раз, я мог бы не успеть. Ему надо бы дать возможность где-то репетировать, танцевать, хотя бы раз в неделю, иначе он затоскует. В каком-нибудь интеллигентном молодежном клубе, но не в заведении типа казино.

— Хорошо, я поищу. И все же было бы лучше, если бы вы рассказали мне о нем побольше. Такое впечатление, что он вспоминает забытое умение боя, а это заставляет меня сомневаться в правильности планов.

— Когда ты изучаешь, ты лишь открываешь, что давно уже знаешь,— философски промолвил Такэда.— Это не я сказал.— Встал.— Спасибо за прием.

После встречи с Красильниковым инженер зашел на главпочтамт и спросил корреспонденцию «до востребования» на имя Кусуноки Ёсисада — под этим псевдонимом он поселился в Хабаровске. Писем не было, но пришла телеграмма из Москвы, от Романа: «Творится странное. Прилетай». Думал Толя недолго. Он знал инструктора давно и не верил, что тот может запаниковать. Уж если он дал телеграмму, значит, действительно не мог разобраться с возникшей проблемой.

Инженер нашел Сухова в ЦРБИ и сообщил, что улетает на неделю. Не дав ему опомниться, поспешил из центра, на ходу предупредив Красильникова об отъезде. Спустя сутки он звонил Роману из аэропорта Быково, а когда тот поднял трубку, сказал только несколько слов: «Это я. Вариант один подходит?»

— Подходит,— глуховатым голосом ответил Роман.

— О'кей.

Для подстраховки Такэда разработал три варианта встреч с Романом. В первом они встречались в Переделкино, недалеко от писательского дома творчества, у знаменитого кладбища, где было похоронено немало именитых писателей.

---

[1] Ричард Бах, амер. социолог.

Роман прибыл первым, окликнул инженера, когда тот поднимался по ступенькам на холм.

Как всегда, в конце ноября уже выпал снег, было холодно, и одет инструктор был в зеленое финское пальто, в отличие от Такэды, предпочитавшего куртки на меху.

Вечерело. Лицо Романа казалось серым, холодным и страдающим, но голос не изменился.

— Быстро ты добрался.

— Хорошо, что существуют частные авиакомпании.

Они пожали друг другу руки, и Роман кивнул на скамеечку возле одной из огороженных могил.

— Присядем. Я здесь все осмотрел, вроде никого нет.

— Ксению видел?

— Вчера вечером. Как и договаривались, я ее провожаю домой... негласно. Какие-то типы подходили пару раз, но инцидентов не было. А вот у меня дома... и на работе...— Роман хмыкнул. Он хорошо контролировал свои чувства, но по некоторой суетливости Такэда видел, что приятель взволнован.

— Сначала позвонили по телефону: «Никита Сухов не у вас? Дайте ему трубочку». Я говорю: «Девушка, он погиб и давно похоронен...»

— Звонила девушка?

— Женский голос, приятный такой, мурлыкающий. Положила трубку. Ни «извините», ни «до свидания». Потом через неделю зашел некто в штатском, представился сотрудником милиции, книжечку показал, все чин-чином, и тоже о Сухове: как погиб, когда, с кем, где похоронен. Я ответил, а потом спрашиваю, в чем дело? И ты знаешь, что он ответил? Начал вдруг оглядываться, да с такой изумленной рожей, будто не понимает, где находится и как сюда попал, да и говорит: «Кажется, я заблудился».

— В с е л е н и е ,— глухо сказал Такэда.

— Что?

— Ничего, продолжай.

— Ну вот. Через день после прихода этого ненормального на меня с плиты упал бак с кипятком. Еле увернулся! И ведь точно помню, что стоял он в центре плиты, прочно. А завалился — будто подтолкнул кто. Дальше — больше. Загорелся стол, когда я писал отчет! Ни с чего. Сгорел почти весь, зеленым пламенем. Телефон вдруг начал... стрелять! Звонок. Беру трубку, говорю: «Алло»,— а динамик в ухе чуть ли не взрывается. От одного такого «выстрела» я оглох на два дня. И это еще не все...

— Короче, Роман.

Инструктор умолк, слегка обидевшись, но пересилил раздражение.

— Длится эта кутерьма уже месяц. Каждый день жду новой

каверзы. А позавчера... меня встретили. Вышел из школы, повернул к остановке, а навстречу человек пять, все в пятнистых комбинезонах, без шапок...

Такэда молча встал, потом сел. Роман смотрел на него удивленно, потом неуверенно продолжил:

— Я подумал, что это или омоновцы или спецгруппа нашего учреждения. Командиры из «высших» соображений вполне могли устроить тренировку, не ставя меня в известность, как уже было один раз. Так и не понял, кто это был. Один из них, настоящий Геракл, подошел и тихо так, но внятно: «Ты работал с Суховым? Больше не вмешивайся. Умрешь». А я ему так же тихо отвечаю: «А пошел бы ты в известном направлении». Он внимательно на меня посмотрел, а взгляд у него — б-р-р! — как у мертвеца, просипел:«Второго предупреждения не будет». И они все вместе не спеша удалились.

Такэда выдохнул сквозь стиснутые зубы, отвернулся.

— Может быть, тебе уехать на время?

Роман повернул его к себе.

— Что все это означает, Толя? Какие секреты вы скрываете с Суховым? За что вас преследуют и кто?

— Длинная история... и невероятная. Да и ни к чему тебе знать все, Рома. Не обижайся. Сухов в опасности, а от него очень многое зависит в будущем, очень многое. Если не все.

— Кто он? Сверхсекретный агент? Террорист? Главарь мафии, укравший миллиард и скрывающийся от своих?

— Не гадай, Рома, он... скажем так, Тэнгу, сказочный герой, вынужденный до поры до времени скрываться и — и тайно копить свою силу.

— Темно. Мне было бы легче, если бы ты кое-что рассказал.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Эти «омоновцы» — боевики СС, и они не отстанут, пока не найдут Сухова. Ах, наму-мёхорэнгэкё! Я думал, что у нас больше времени...

— Что еще за СС?

— «Свита Сатаны». Их задача — нейтрализовать Посла... э-э, в общем, уничтожить Сухова.

Роман покачал головой.

— Веселенькое дельце.— Помолчал.— Как дела у Никиты?

— Нормально, Красильников доволен. Но времени у него на серьезную подготовку мало, в конце концов СС выйдут на след. Рома, не связывайся с этими... «омоновцами», если они встретят еще раз, даже тебе с ними не справиться. Если уж такое случится, скажешь им, что мы уехали на Дальний Восток, это даст нам еще пару месяцев форы. Договорились?

— Посмотрим.

— А за Ксенией посмотри еще некоторое время. Она предупреж-

дена, но подстраховка не помешает. Хотя, опять же, если и на нее выйдут люди «свиты»...

— Понял, не беспокойся, я приму кое-какие меры.

Такэда молча сжал плечо инструктора.

Расстались они через полчаса, не заметив и не встретив ни одного человека. Стемнело. Тучи заволокли небосвод, и пошел мелкий снег.

* * *

В Хабаровск Такэда вернулся через трое суток, повидав Ксению — с такими же предосторожностями, как и при встрече с Романом,— и посетив кое-какие учреждения для пополнения информации. Очень не доставало выхода в компьютерную сеть, приходилось изворачиваться.

Поиски Книги Бездн не то чтобы зашли в тупик, но не дали ощутимых результатов. Такэда объехал все древние монастыри, церкви и пустыни, как работающие, так и заброшенные, разрушенные, хоть как-то завязанные легендами в предполагаемый путь Книги по Руси, однако ни в одном не нашел достаточно реального, достоверного следа, за который можно было бы уцепиться. Оставался единственный шанс — Сухарева башня. Надо было либо вскрывать асфальт, под которым покоился фундамент башни, и попытаться разобрать фундамент, что было практически невыполнимо, либо искать свидетелей взрыва башни, которые помнили какие-нибудь необычные факты. Этим поиском и занимался инженер в последнее время, используя свои старые связи и каналы госбезопасности, нащупанные им с помощью компьютера.

Конечно, он искал выход в Веер и другим способом, не через Книгу Бездн,— с помощью хрустальной пепельницы в форме бабочки — рации, имеющей связь с информационной службой Собора. Толя упорно клал в нее записки с вопросом: где вход? Но ответа пока так и не получил.

Свидетелей, оставшихся в живых из обширного списка всех причастных к акту вандализма — разрушению Сухаревки, он обнаружил четырех, причем один из них непосредственно участвовал в подготовке и проведении взрыва, но возраст их не позволял надеяться на успех: самому младшему исполнилось девяносто шесть лет, а старший дышал на ладан, неизвестно как ухитрившись дожить до ста с лишним. Этим старшим и был взрывник — Кирилл Мефодиевич Неплюев, живший в настоящий момент в поселке Грозодухово, в ста сорока километрах от Хабаровска. Визит к нему Такэда наметил нанести вместе с Суховым, тем более, что по пути можно было показать танцору одну интересную вещь — «прогиб Мира».

Никита был рад и возвращению друга и возможности отвлечься, сменить обстановку. Однако у него появились сомнения, и он честно высказал их вслух:

— По-моему, искать твою Книгу Бездн — похуже, чем искать иголку в стоге сена.

— Ты был бы прав, если бы речь шла о книге обычной,— возразил Такэда.— Но Книга Бездн — не книга вовсе, это свод магических формул и сведений, закодированных неизвестным способом, нечто вроде генетически запрограммированного зародыша, информационной программы, готовой открыться только магу.

— Но ты же говорил, что это Книга... и она связана страшным проклятием на десять тысяч лет...

— Язык человеческий беден для адекватного отражения свойств Книги, и, говоря о Страшном Проклятии, я подразумевал команду маскировки, а также защиты Книги, которую подал ее последний владелец. И пришла эта книга к нам, очевидно, из другого хрона, где законы физики несколько иные и допускают магические преобразования. Но, и будучи у нас, эта Книга натворила дел, изменяя вариабельность бытия и стабильность материальных основ.

— Жуть! — вполне искренне сказал Сухов.— Я ничего такого не предполагал. Есть над чем задуматься.

— Тебе еще придется поломать голову всерьез, отдыхай, пока Книгой занимаюсь я.

Сухов откинул спинку сидения и закрыл глаза.

Чтобы подстраховаться, он по совету (по сути — приказу) Такэды уволился из казино, сказав, что уезжает во Владивосток. Красильников уже на следующий день после разговора с Толей нашел молодежный клуб, где танцор мог бы показать свое умение, но Никита решил не спешить с «гастролями», пока тяга к танцу не станет непреодолимой. Он еще не оценил по достоинству все сделанное для него Тоявой, но чувствовал, что давно был бы на том свете, не будь рядом инженера.

В Грозодухово можно было добраться самолетом, поездом или автобусом, но путешественники решили отправиться на автобусе, договорившись действовать по обстоятельствам.

Выехали в девятом часу утра, приодевшись потеплей: зимние холода наступили еще в начале ноября и держались на уровне минус пятнадцати-двадцати градусов.

Пока автобус выбирался по заснеженным улицам города на шоссе Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре, молчали. Потом Никита, одетый в такую же куртку, что и Такэда, с капюшоном и пуховой подбивкой, только серого цвета, высвободили подбородок из пухового белого шарфа:

— Не спишь?

Инженер приоткрыл один глаз, не отвечая.

— Ты хорошо знаешь Красильникова?

Ни звука в ответ. Это означало, что Толя ответил положительно. Никита давно привык к манере его разговора и знал, когда можно продолжать беседу, а когда нет.

— Это правда, что Иван может вести бой с меняющимся противником двое суток подряд?

— Правда. Он может и больше, я его пределов не знаю. В истории единоборств такие примеры уже были. Мастер кёкусинкай каратэ Масутацу Ояма вел бой с меняющимся противником в течение трех суток и победил сто человек.

— Ничего себе!

— Ты тоже сможешь, если захочешь.

— Я хочу.

Такэда промолчал. Некоторое время ехали, погруженные каждый в свои думы. Сухов перевел разговор на другую, более интересующую его тему.

— Допустим, я дойду до нужной кондиции и начну Путь. Каким образом я отыщу нужных людей? Я имею в виду магов. Ведь Миров много. На Земле — и то непросто найти нужного человека, а тут — огромное количество вселенных! Не планет, не звездных систем — вселенных!

— Во-первых, Миры Веера в некотором смысле напоминают жесткие пластины веера-прообраза, так как время в одном из них течет «под углом» ко времени в другом, а хроноскважины, соединяющие их, жестко привязаны к одному моменту в каждом. И не только к моменту, но и пространственно — в точке с координатами, соответствующими положению Земли — в нашем хроне, и другим обитаемым планетам-двойникам — в других хронах. Во-вторых, искать мы будем не просто людей, а Владык, магов, которых легко выделить из толпы и вообще в пространстве по их ауре, то есть по так называемой магауре. Каждый из них излучает в «магическом диапазоне» — это целый набор био, пси, электромагнитных и еще неизвестных нам волн.

— Более или менее понятно. Однако я не обладаю способностью видеть эту... магауру.

— На первом этапе придется обходиться кое-какими... локаторами, приборами одним словом, если говорить нашим языком, хотя на самом деле это нечто вроде магических вещей из волшебных сказок.

— Типа волшебной палочки и сапог-скороходов?

— Не ерничай, ты угодил в самую точку.

— И где же мы их найдем, в каком сундуке?

Такэда заворочался, полез в грудной карман куртки и достал стеклянную или, скорее, хрустальную вещицу величиной с ладонь в виде крылышка бабочки в серебряной оправе. Открыл — пусто.

— Портсигар, что ли?— спросил Никита.

— Рация. Точнее — М-передатчик и еще что-то, о чем я не имею ни малейшего представления. Мне его вручил ангел, после посвящения.

— Кто?!

— А-а... разве ты не знаешь, что ангел с греческого — вестник?

— В греческом не силен. Ну и что дальше? Как эта штука работает?

— Я передаю с ее помощью информацию в те Миры, где ждут моих сообщений. Надиктовываю кассету, кладу сюда, закрываю и... кассета исчезает. Правда, ответа дождался за все это время только один раз, когда меня предупредили, чтобы я ждал Вестника.— Такэда спрятал портсигар-пепельницу.— Это было в тот день, когда ты наткнулся на мальчиков СС.

— Все? У тебя больше ничего нет?— В голосе Сухова послышалось разочарование.— А где волшебная палочка?

— Палочки нет.— Такэда вытянул левую руку, растопырил пальцы: на среднем был надет перстень из голубовато-сизого металла с невзрачным мутно-черным камешком.— М-индикатор. Может засечь и «наших» магов и «чужих», в том числе функционеров СС и ЧК. На первое время сгодятся они, а потом...

Молчание длилось больше трех минут, так что Никита не выдержал:

— Что потом?

— А потом должна заговорить Весть.— Такэда кивком показал на плечо танцора.

— А если не заговорит?

— В таком случае ты не тот человек, который может пройти Путь. Но ведь она уже подавала сигналы?

Никита вспомнил свои ощущения, когда он нечаянно задевал «родинку»-звезду, помрачнел.

— Подавала... как дубиной по голове!

— Ничего, значит, не безнадежен. Но если она заговорит, у тебя появится шанс самому стать магом. Весть может разбудить резервы твоей психики, экстравозможности, глубокую родовую память, только понравься ей.

Никита хмыкнул, искоса глянул на неподвижно-спокойное лицо друга. Хотел произнести фразу: «Легко сказать — понравься...» — но передумал. Вместо этого пробормотал:

— Как во сне все это! — Виновато шмыгнул носом.— Не то, чтобы не верю, но...

— Понимаю,— кивнул Такэда.— Пусть будет все, что будет. Выкарабкаемся.

Никита вдруг успокоился, откинулся на спинку сидения, закрыл глаза и не заметил, как заснул.

Квартиру Неплюева удалось найти почти сразу, жил он в центре Грозодухова, в новой девятиэтажке. Жил — в прошедшем времени. Потому что нежданные гости прибыли прямо на похороны. Кирилл Мефодиевич Неплюев, бывший сапер, бывший минер, бывший рядовой штрафбата, заключенный, конюх, скотник, бригадир, партработник, пенсионер — умер на сто шестом году жизни.

Прибывшие потолкались в толпе родственников и знакомых покойного, побывали в квартире, поглазели на гроб, в котором лежал Неплюев — высохший, как скелет, вышли во двор, где уже готовились к траурной процессии. Такэда остановил пожилого мужчину с белой повязкой на рукаве:

— Отчего он умер, отец?

Мужчина снял шапку, вытер парящую лысину, надел.

— Несчастный случай — лифт оборвался. Жил бы еще, да жил. С ним вообще в последнее время творились чудеса: то в ванной кипяток пойдет — чуть не сварился, то стул под ним рассыплется, то перецепится за что — упадет. А позавчера газ на кухне взорвался.

— Семеныч,— окликнули мужчину. Тот кивнул и отошел.

Друзья переглянулись.

— Все это сильно смахивает...— начал Сухов.

— На внедрение,— закончил Такэда.— Кто-то очень не хочет, чтобы Книга Бездн была найдена. А это значит, что она не пропала бесследно, существует и находится где-то на Земле. Неплюев наверняка кое-что знал об этом. История сохранила легенду о «чудесах», творившихся во время уничтожения Сухаревой башни. Буду продолжать поиски. Правда, я свои возможности почти исчерпал.

Они вышли со двора и побрели к остановке автобуса.

— А почему бы тебе не спросить у т е х, кто принимает твою информацию, где находится вход в... м-м, в хроноскважину?— вслух подумал Никита.

— Сто раз спрашивал, не отвечают. Может быть, считают, что еще не время, может, надеются, что мы отыщем сами.

Сухов хмыкнул и замолчал.

На автовокзале они перекусили в буфете, подошли к расписанию.

— Куда теперь?

— Домой. По пути я тебе кое-что покажу.

Не доезжая до Хабаровска километров тридцать, сошли во время остановки в маленьком поселке со смешным названием Тревердень.

— Прогуляемся, пока не стемнело. Уедем следующим рейсом.— Такэда повел танцора по накатанной дороге в обход поселка, к сопкам. Обескураженный Сухов только головой покачал, не понимая, зачем и куда они идут.

Дорога, по которой изредка проплывали грузовые «Кразы», нырнула в елово-пихтовый лес, потом поднялась на сопку, и Такэда сошел с нее, направляясь по целине в просвет между расступившимся дубняком. Через несколько минут выбрались к обрыву: сопка здесь оголяла вертикальную стену, падавшую в долину, которую заполняла лиственничная марь. В конце долины возвышалась странной формы сопка, даже не сопка — каменный горб, голый, в редких куртинах низкого кустарника, с крутыми боками.

Такэда кивнул на этот горб.

— Видишь?

Никита еще раз оглядел сопку.

— Скала, как скала... форма, конечно, интересная...

Очертаниями сопка напоминала не то буйвола, уткнувшего морду в землю, не то медведя, закрывшего лапами голову.

— Это убу-гами, дословно с японского — «священное тело бога». На самом деле это «прогиб нашего хрона», реальный след, вернее, отражение в нашем мире былой войны сил Света и Тьмы, Владык и воинства Люцифера. Война шла, конечно, «за много» хронов от нашего, но колебания Миров Веера были столь значительными, что в каждом хроне рождались о т р а ж е н и я реально существовавших магов, демонов и их слуг. В данном случае эта скала — о т р а ж е н и е кентавроподобного монстра, «коня», созданного Денницей для магов, помогавших ему. Таких скал на Земле я знаю четыре: Медведь — так зовут эту сопку здесь, остров Петрова в Японском море, гора Айерс-Рок в Австралии и Ай-Петри у нас в Крыму.

Сухов снял перчатку, зачерпнул ладонью снег, пожевал.

— Впечатление достаточно мрачное. А он не оживет?

— Я же сказал — это о т р а ж е н и е, подчиняющееся лишь принципу формы. Где-то в других хронах оно постепенно уплотняется, приобретает и другие свойства, пока не становится идентичным самому «коню». Мертвому, конечно. Хотя при определенных обстоятельствах он может и ожить. Останки этих монстров могут сохраняться чуть ли не вечность.

Никита приставил ладонь ко лбу козырьком.

— Представляю...— Поежился.— Пошли отсюда, зябко. Или ты хотел дойти до сопки?

— Можно было бы и дойти, но лучше этого не делать.— Такэда первым зашагал обратно, потом остановился, протянул Сухову перстень, внутри которого пульсировал алый чертик.— Видишь? Здесь пространство нашего хрона «прогибается», индикатор чувствует это. Возможно, именно в таких местах и прячется вход в хроноскважину, соединяющую миры.

В Хабаровск они приехали поздним вечером, а в комнате Сухова их ждала Ксения.

3

Художница пробыла в гостях три дня, успев понравиться хозяевам, вызвав у Сухова душевный подъем и заставив Такэду утроить расход нервной энергии. Виду он не показал, хотя окончательно понял, что его надежды на семейную жизнь с этой девушкой — он любил ее давно — рухнули с приездом Ксении в Хабаровск. Прибыла она сюда не ради него, а ради Никиты, слегка обалдевшего от свалившегося счастья. Правда, тень идеала, который создала Ксения не без влияния Такэды, все еще стояла между ней и танцором.

Неизвестно, дала ли она почувствовать это Сухову, но после ее отъезда он с такой яростной энергией продолжил тренировки, что удивил даже инженера, с которым все чаще проводил спарринг.

Красильников сдержал слово и познакомил Никиту с мастером фехтования, который несколько лет назад основал Ассоциацию профессионалов риска. Мастера звали Виктором Борисовичем Зленским, шел ему сорок шестой год, он и выглядел на все свои сорок шесть, если не больше — огромный рыжий детина, широкий, пузатый, с руками-лопатами, заросший бородой чуть ли не по глаза,— но, в бою он преображался, прибавляя к гигантской силе невиданную гибкость, ловкость и грацию барса. Никиту он поразил тем, что мог вести бой с завязанными глазами, хотя чудом было уже и владение всеми видами холодного оружия от кинжала и шпаги до сабли и меча. Клинок при этом казался естественным продолжением его руки.

Никита начал уставать, хотя и не признавался никому, упорно уделяя тренировкам по двенадцать часов в день. Однако Такэда не стал требовать сокращения объема тренировок, интуитивно чувствуя, что их свободе вот-вот придет конец. В конце ноября он снова уехал, строго-настрого приказав Сухову соблюдать все меры предосторожности и быть готовым к появлению эффектов внедрения или вселения.

Сухов, слегка осунувшийся и побледневший в последнее время, только кивнул. Сомнения в целесообразности их действий охватили его с новой силой, хотелось бросить тренировки ко всем чертям, рвануть в Москву и зажить нормальной человеческой жизнью. Но в глубине души он понимал, что будет выглядеть предателем в глазах Такэды и слабаком в глазах Ксении, и, стиснув зубы, продолжал заниматься у Красильникова и Зленского, возвращаясь домой к ночи и уходя из дома ранним утром.

И все же, несмотря на все ухищрения и осторожное поведение, в субботу, четвертого декабря, произошел инцидент в булочной, пробудивший знакомое чувство подглядывания и преследования.

Булочная находилась недалеко от дома, в одноэтажном здании, и Никита обычно перед обедом забегал в нее, брал батон белого и

лепешку черного хлеба — на день хватало и ему, и старикам. Иногда случались перебои со снабжением, тогда возникала очередь, как и на этот раз. Сухов сначала заколебался — стоять ли, но потом все-таки занял очередь, подумав, что хозяевам будет нелегко тащиться по морозу и выстаивать полчаса-час.

В этот момент в булочную ввалилась компания молодцов лет по восемнадцать-двадцать, человек пять. Не обращая внимания на возмущенных людей, отпуская шутки, огрызаясь, они бесцеремонно растолкали толпу у лотков, взяли по два батона и подошли к кассе. У Никиты вспотели ладони от желания одернуть грубиянов, но он помнил наказ Толи и сдержался. Однако события продолжали развиваться по нарастающей.

Проходя мимо кассы, первый с хохотом указал на приятеля:

— Он заплатит.

Тот в свою очередь передал эстафету следующему, потом третьему и четвертому, а пятый, вывернул карманы, сказав, что забыл деньги дома и сейчас принесет, попытался миновать кассу, но молоденькая кассирша, пытавшаяся увещевать хулиганов, вцепилась в его рукав со слезами:

— Платите сейчас же! Что же это делается? Мужчины, помогите же...

В очереди поднялся ропот — осуждали юнцов в основном пожилые женщины да старушки, но мужчины молчали. Никита вышел из толпы и преградил путь упивавшемуся собственной смелостью и находчивостью парню, который оторвал от себя руки кассирши и собирался последовать за друзьями.

— Плати.

Четверо у двери перестали бросать издевательские реплики, очередь притихла, а юнец с батонами захлопал ресницами.

— Ты чо, кореш? Чо тебе надо? Ты еще не понял? Откуда у нас такие деньги?

— Плати,— шепотом повторил Сухов. Не поворачивая головы бросил остальным:— Мальчики, у нас проблема — надо заплатить за хлеб. Девушка ждет.

— Ах ты... морда! — прорезался голос у парня, одетого, как и приятели, в меховую шубу, но без шапки.— А ну, вали отсюда, пока не...

Никита точным движением взял его за ухо и едва не приподнял, так что тот взвыл не своим голосом, пытаясь освободиться.

— Ой-ой-ой! Отпусти, амбал, убью! Отпусти-и-и...

Сухов отобрал батоны, передал кассирше, повернулся к остальным, продолжая держать извивающегося, не оставлявшего попытки достать его ногой, юнца за ухо.

— Мальчики, или платите, или кладите хлеб обратно, а то я вас сильно огорчу.

Двое было двинулись с батонами обратно, но у черноволосого, со шрамом на губе, вожака проснулась «гордость». Он бросил батоны на пол и вынул нож. Его телохранитель щелкнул вторым. Очередь подалась назад, закричали женщины. Никита кивнул на рыдавшего от боли и злости «заложника»:

— Не жалко? Я ему ухо оторву.

Вожак заколебался, потом сделал жест друзьям — уходим, мол. Сверкнул глазами:

— Ну погоди, паскуда, мы тебя встретим!

Компания удалилась с шумом и бранью, едва не сорвав дверь с петель. Кассирша лепетала слова благодарности, вытирая слезы, очередь шумела, восхищалась, осуждала и спорила. Никита взял хлеб и вышел из булочной. Компания ждала его у соседнего дома. Сухов направился прямо к ней, чувствуя, как напряглись мышцы живота и в звезде на плече запульсировало холодное пламя. И столько в его решительной походке было целеустремленной ярости, что пятеро не отважились затевать драку, поспешили перейти на другую сторону улицы.

Опомнился Никита только у ворот во двор дома. Прислушался к ощущениям: плечо дергала тонкая, как укол ледяного шприца, боль. Звезда пыталась языком боли что-то сказать владельцу, но тот ее не понимал. В Хабаровске она заговорила впервые.

Как ни берегся Сухов, как ни осторожничал, все же во время тренировок не раз получал удары по плечу с пятном Вести, однако она на это никак не реагировала, словно понимая, что «беспокоят» ее случайно, не целенаправленно. И вот Весть проснулась, проснулась в тот момент, когда Сухову понадобилась концентрация психической энергии и воли. Не это ли шаг к диалогу? Нельзя ли попытаться воздействовать на нее предельным напряжением сил и мысленного приказа?

Никита даже остановился, оценив идею, но по зрелому размышлению решил повременить с экспериментом. Риск был велик и следовало застраховаться от неожиданностей: подождать Толю и разбудить звезду под его наблюдением.

Федор Полуянович был дома один, сказав, что жена ушла к соседке: они дружили семьями уже лет десять. Полюбопытствовал:

— Володя, мы тут со старухой гадаем: вы террористы или спортсмены? Если первые — значит, готовитесь что-то взорвать в Хабаровске, хотя ума не приложу, что у нас можно взрывать, кроме казино «Бомонд». Если спортсмены — значит, тренируетесь к чемпионату мира по каратэ.

— Террористы, — улыбнулся Никита.

Федор Полуянович улыбнулся в ответ. Постояльцев своих он уже знал достаточно хорошо, чтобы составить о них свое мнение, но любопытства все же пересилить не смог.

— То-то, я вижу, вы какие-то странные приемы изучаете... А серьезно, Володя?

— Долго объяснять, дядя Федя.— Сухов разделся и прошел в свою комнату.— Вообще-то я акробат, а борьба — это хобби.

Федор Полуянович с уважением посмотрел на атлетическую фигуру постояльца.

— То-то я вижу, мышцы накачаны не по-борцовски. А ваш друг сказал, что вы танцор.

— И это правда — танцевал в балете.— Никита пригласил хозяина в комнату.— Проходите, дядя Федя.

— Да нет, это я со скуки,— замахал руками Федор Полуянович.— Надоело с книгой на диване валяться. А ваш друг кто?

— Инженер, электронщик.

Хозяин поцокал языком.

— Я думал — художник. Станет иногда и по часу картины разглядывает. Или вот давеча на снег смотрел.

— Это в традициях япон...— Сухов остановился. Не то, чтобы он побоялся проговориться, хотя они с Такэдой и решили поменьше говорить о себе, но вопросы Ивлева вдруг перестали ему нравиться. Вспомнился термин Толи — в с е л е н и е . Уж не вселился ли в старика кто-нибудь из т е х , из группы СС? Впрочем, ерунда! Старик действительно заскучал.

— Созерцание картин требует ума и вкуса,— добавил Никита, искусно меняя тему разговора. «Как и танец»,— добавил он мысленно.

— Да это уж конечно,— пробормотал Федор Полуянович.— Извините, что напал так сразу, с порога. В шахматишки не перекинемся?

— С удовольствием.— Никита собирался лечь спать пораньше, но отказать старику не решился. В зеркале прихожей отразилась его физиономия, и танцор задержал на ней взгляд. Твердые губы, сосредоточенный взгляд — лицо человека озабоченного и сильного. Надо же, как изменили его обстоятельства!

Отражение вдруг заколебалось, кивнуло и снова успокоилось. Никита даже глаза вытаращил, потом качнул головой — привиделось. Но заноза в душе осталась: подсознание сработало не зря, что-то изменилось в окружающем мире, сдвинулись невидимые колеса судьбы, и над будущим Сухова нависла т е н ь ...

Несколько дней он старался никуда в свободное время не ходить, даже в магазины, проверял надежность своих ощущений. И, как оказалось, не напрасно.

Сначала в дом Ивлевых заявился некий незнакомец, представившийся другом Сухова. Поскольку танцор остановился у Ивлевых

под именем Петрова, Федор Полуянович ответил, что Суховых у них отродясь не проживало, и осведомился, с кем имеет дело.

Мужчина — лет пятьдесят — вдруг сделал вид, что не понимает, как сюда попал, начал озираться с изумленным видом, бормотать что-то насчет головной боли и, извинившись десяток раз, ушел в полной растерянности. Федор Полуянович передал Сухову этот разговор в лицах, с юмором, и Никита даже посмеялся вместе с ним, хотя в душе у него все сжалось. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы определить в с е л е н и е. Функционеры СС вышли на Хабаровск, а это означало, что они не поверили в гибель танцора и его друга и включили свои поисковые системы.

Стиснув зубы, Никита продолжал ходить на тренировки, утроил осторожность, заставил работать интуицию и нервную систему сверх нормы. И — о чудо! — утомляться он стал меньше. Словно сами собой подключились резервы организма, при обычной жизни дремлющие в неподдающихся сознательному управлению «аккумуляторах».

Ни молодежных шаек, ни бандитских групп, ни профессионалов преступного мира, работающих в одиночку, Сухов уже не боялся, поверив в свои силы, может быть, чересчур рано и с изрядной долей самоуверенности. Но тем не менее, эта уверенность отразилась и в его облике: фигура танцора стала внушать уважение, скрытую силу, так что многие инциденты удавалось тушить просто взглядом. Преобразилась и его походка. Если раньше он ходил, как танцор и гимнаст, чуть ли не на пуантах, привыкнув к мелкому шагу с вытянутым вперед носком, то теперь шаг его стал широк, стремителен, упруг и гибок, так что даже по снегу он шел почти бесшумно и ловко, словно собираясь прыгнуть в любой момент.

Второй «звонок» прозвучал в четверг двадцать девятого ноября, когда Сухов возвращался поздно из АПР, где занимался фехтованием под руководством Зленского. Автобус шестого маршрута был почти пуст, ехали всего человек шесть: две женщины, старик, пара — юноша и девушка, и сам Сухов. И вот в автобус ввалилась веселая компания парней — танцор насчитал восемь душ — и согнала с передних сидений женщин, предложив и парочке поискать другие места.

Парень не стал рисковать, встал, чтобы пересесть, но кто-то из компании толкнул девушку на сидение.

— А она посидит с нами.

Драка началась мгновенно и так же мгновенно закончилась: парню врезали по затылку дубинкой, и он упал. Девушка закричала, бросилась к нему, но ее схватили и силой усадили на место, со смехом пригрозив:

— Сиди, не то и тебе достанется. Полежит и очухается, нечка кулаками-то махать.

И в это время в действие вмешался Сухов.

— Отпустите их.

— А ты кто такой?— огрызнулся тот, что был с резиновой милицейской дубинкой.— Родственник? Или переодетый омоновец?

Никита молча подошел к лежащему ничком парню, потрогал затылок под шапкой, контролируя боковым зрением все движения группы, выпрямился.

— Вы же ему чуть голову не проломили, шутники.

Он действовал так уверенно и спокойно, что это подействовало на ребят отрезвляюще, и все закончилось бы хорошо, если бы не девица, приятельница лежащего без сознания юноши. Она сорвалась с места и бросилась с кулаками на парня с дубинкой:

— Гад! Убийца! Подонок! Ты его убил...

Дубинка поднялась и опустилась, Никита не успел перехватить удар, так как не верил, что кто-то может ударить девушку. Та упала, замолчав на полуслове.

— Ты тоже хочешь получить?— хрипло сказал парень, крутанув дубинку в руке. Было видно, что он владеет ею вполне профессионально.

— Подонок,— сказал Сухов одними губами и выхватил из сумки за плечами бамбуковую палку, которую использовал на тренировках в качестве меча.

Компания бросилась на него вся разом... и откатилась с воплями. Двое получили удары по рукам, еще двое — по лицу. И лишь парень с дубинкой остался на ногах, отбив удар. Оскалив зубы, он стоял в позиции защиты и медленно вращал дубинку. Глаза его светились.

Сухов вздрогнул, встретив этот горящий взгляд. Вспомнился вожак «десантников» СС в парке: у того тоже был такой взгляд — полный угрозы и силы. Неужели это «свита Сатаны»?! Непохоже, хлипки больно. Скорее, снова в с е л е н и е . Но тогда как точно выбран момент!

Парень прыгнул вперед, дубинка в его руке превратилась в черный веер, Никита с трудом парировал несколько быстрых и точных выпадов, понимая, что в мастерстве фехтования уступает этому дьяволу с глазами убийцы. И в это время водитель автобуса решил вмешаться в схватку. Он резко затормозил, так что вся компания попадала между сидениями и в проходе, и выскочил из кабины с монтировкой в руках.

— А ну прекратите! Головы посшибаю!

И сорвиголовы прекратили бузу. Глаза вооруженного дубинкой погасли, он схватился за голову, с недоумением глянул вокруг, но его потянули за рукав, и компания сунулась к выходу. Никита со вздохом облегчения опустил свой бамбуковый «меч», только теперь ощутив боль в местах, где по телу прошлась дубинка в с е л ё н н о г о .

— Спасибо вам,— проговорил юноша, держась за голову. Девушка помогла ему подняться, хотя ей досталось не меньше, бросила благодарный взгляд на спасителя. Набросилась на приятеля:

— Говорила, давай останемся, нет же, не послушался, пока голову не проломили. Это же телохранители Дадуева, не понял, что ли? Я узнала двоих, а тот, с дубиной, и вообще милиционер, он тоже с ними...

Они сошли.

Напряжение спало.

— Спасибо и вам,— пробормотал Сухов водителю.

— Не за что,— ответил тот, мордатый, несимпатичный с виду.— Мы делаем одно дело.

Сухов доехал до своей остановки, сошел и долго смотрел вслед автобусу, вспоминая лицо и тон водителя, с которым тот говорил «мы делаем одно дело». Кто же это был?

Еще с полчаса Никита смотрел на звезды, ни о чем особом не думая, пока не стала отчётливой мыслью догадка: их нашли!

Такэда приехал второго декабря, похудевший и усталый, но все такой же невозмутимый и обманчиво флегматичный. Однако, узнав о стычках танцора с неизвестными «бандформированиями», помрачнел.

— Они запустили ЦРУ.

Никита невольно усмехнулся, переодеваясь после душа; Толя нашел его в раздевалке ЦРБИ после тренировки.

— Ну и зверинец! Сплошной фашизм: СС, ЧК, СД, теперь ЦРУ. Что еще нас ожидает?

— ЦРУ — это почти то же самое, что и ЦРУ в Штатах: центральное разведуправление, то есть система разведки и слежки. Подручные Денницы запускают ее в потенциально опасных для них хронах, чтобы выяснить количество магов. В нашем хроне ЦРУ до сих пор не работала. Земля не считалась опасной для замыслов Люцифера, скорее, наоборот. В общем, меченый, пора уходить отсюда.

Никита застыл, вдев руки в рукава рубашки.

— Куда уходить? На Луну, что ли? Ты серьезно?

— Нет, пошутил.

— Только-только начало что-то получаться — и снова в бега... Может быть, обойдется?

— Не обойдется, Кит. И ты еще не готов.

Никита оделся, и они вышли на улицу. Было два часа дня, но казалось, будто уже наступил вечер: серая пелена туч опустилась на город, не пропуская солнечный свет. Мело. Редкие прохожие торопились по своим делам, и никто не обращал внимания на друзей.

— Где был на сей раз?

— Где меня не ждали,— туманно ответил Такэда.— В том числе и в Москве.

— Ксению видел?!

— Нет... нельзя было, за ней тоже пущена ЦРУ, так что я не рискнул связываться с ней. Поискал Книгу Бездн и смылся.

Никита погас.

— Ты уверен, что она существует? А если мы ее все равно не найдем?

— Я уже говорил о вариантах. Один из них — первыми напасть на след СС и выяснить, как они попадают в наш хрон. Конечно, лучше бы найти Книгу, риска в сотни раз меньше.

Пару остановок решили пройти пешком, поговорить без свидетелей, а потом зайти в кафе пообедать.

— И все-таки как она выглядит, Книга? Ты что-то говорил, но я не понял.

— Она может выглядеть, как угодно: книгой, кассетой, кристаллом, камнем, любым предметом. Главное, что она содержит информацию о входе в хроноскважину.— Такэда помолчал.— И не только о входе. Но не каждый сможет ее прочитать. Есть мнение, что Книга за время скитаний по Земле потеряла большую часть информации, рассеялась по другим книгам черной магии.

Никита хмыкнул.

— Тогда зачем ты ее ищешь?

— Потому что у меня другое мнение. Я думаю, что срок в десять тысяч лет, на который она была заколдована «страшным проклятием», уже истек, и Книга начала свободное хождение, расшатывая стабильность нашего хрона. Где она появляется — начинаются национал-фашистские конфликты, войны, геноцид, массовые болезни, разгул терроризма и бандитизма, низменных страстей и религиозного фанатизма. К сожалению, я не успел закончить всесторонний компьютерный анализ, но кое-что посчитал: Книга сейчас находится у нас, на территории Лиги, а точнее — или на границе Афганистан-Таджикистан, или в Карабахе, там снова неспокойно, или в Чечне. А путь по бывшему СССР она прошла быстро: начала с Москвы, через страны Балтии и Югославию пришла в Молдову, потом в Абхазию, Карабах, Грузию, Таджикистан. Вероятнее всего, там она и застряла.

Никита скептически скривил губы.

— Это не более, чем твои предположения. Не может же Книга передвигаться сама.

— Кто знает,— пожал плечами Такэда.— Может быть, у нее есть владелец, а может, она способна передвигаться.

Сухов от неожиданности поскользнулся, но, сделав пируэт, удержался от падения.

— Шутишь!

— Если бы.

Кафе называлось «Веселый Роджер», и кормили здесь прилично. Никита съел харчо и отбивные, Такэда — буайбесс [1] и жареную рыбу. За столом разговаривали мало, больше смотрели за входящими посетителями. Одеваясь, Сухов спросил:

— Что, прямо сейчас и поедем?

— Дня через два.

— А может, отобьемся?

Инженер поднял на друга скептический взгляд.

— Чем, бамбуковыми мечами? Тебе повезло в автобусе, что в с е л ё н н ы й имел при себе лишь дубинку, а не настоящий меч или пистолет. Применил бы, не задумываясь.

Никита зябко передернул плечами.

— Таких инструкторов, как Иван, мы уже не найдем. Зленский вообще уникум. Видел бы ты, что он делает с холодным оружием! Он владеет всем, что колет, режет или рубит, не говоря о мечах и саблях.

— Тут ты, к сожалению, прав, Зленского я тебе не заменю. «Сечей Радогора» владеет только он. Придется просить его дать на время свод приемов и правил, отреставрированных и доработанных еще его учителем — историком Бельцовым. Кстати, тоже великим фехтовальщиком. Но Зленский его превзошел. Он уже определил параметры твоего личного меча?

— Нет... не знаю... мне он ничего не говорил. Что за параметры? И что такое «сеча Радогора»? Слышу второй раз.

— Вечером расскажу. Я пошел по делам, а ты поглядывай по сторонам, не расслабляйся. ЦРУ не ошибается дважды.

Такэда заявился домой в двенадцатом часу ночи, и Никита едва сдержал нетерпение, чтобы не атаковать инженера вопросами с порога.

Обстоятельный Такэда хотя и заметил горящий в глазах танцора огонь любопытства, но к беседе приступил, лишь приведя себя в порядок и насладившись горячим чаем с малиновым вареньем, которым угостила его хозяйка. Переодевшись в халат, инженер сделал себе еще чаю и с чашкой уселся в кресле, рядом с торшером.

— Давно такого кайфа не испытывал! — Покосился на устроившегося рядом Сухова.— Как плечо? Все по-прежнему? — Он имел в виду звезду.

Никита выпростал из-под халата руку. Пятиконечная «родинка» Вести переместилась на самый верх плеча, «съев» три из четырех

[1] Рыбный суп.

родинок в форме цифры семь. На ее фоне семерки стали зеленоватыми, еле заметными, и походили больше на девятки.

Такэда покачал головой, задумываясь о своем.

— Что, плохо? — поинтересовался Никита.

— Как тебе сказать... Весть словно намекает на что-то. Видишь, семерки твои вроде бы уже не семерки, а девятки. А цифра девять по Пифагору — не только символ высокого знания, но и символ равнодушия. Если звезда накроет и четвертую родинку, последствия могут быть самыми плачевными.

— Для кого?

— Для тебя... меня... для всех. Человеку, отмеченному четырьмя девятками, откроется истина, но сам он при этом станет немилосердным, жестоким и презирающим всех остальных людей.

— Со мной этого не произойдет.

— Кто знает? Хотя с другой стороны, может, действительно, как говорят японцы, дайгэн дзёдзю-но ками нарэ ни ари?

— Переведи.

— Божество великой мощи в тебе самом.

— Да что ты, право,— обиделся Сухов.— Сбиваешься на какие-то траурные речи. Что будет, то и будет. Ты обещал рассказать о «сече Радогора» и о мечах.

— «Сеча Радогора» — это всего-навсего комплекс боевых приемов с мечом, которым владел легендарный славянский богатырь Радогор. Славяноведы раскопали несколько эпизодов в исторических хрониках, в которых описывается бой Радогора с превосходящим по численности противником, а потом этим занялись основатели русских воинских искусств. Руки бойца с мечами в технике «сечи» движутся по сложным траекториям и почти каждое движение — удар! А если учесть, что классный боец наносит от четырех до десяти взмахов за секунду...

— Здорово! — выдохнул Никита; у него горели глаза.

Такэда кивнул.

— Это точно. Ну, а мечи... ты читал саги, сказания, былины или чей-нибудь богатырский эпос?

— В глубоком детстве, хотя люблю их и по сей день.

— Тогда вспомни — у каждого героя был свой меч. Например, у короля Артура — Экскалибур, у Фергуса — это уже исландские саги — Каладболг. Известен меч Мухаммеда, обладающий магической силой, меч Нуаду — один из талисманов ирландских племен богини Дану, мечи Зигфрида и бога Сусаноо. Упоминаются в сказаниях мечи истинной веры, разящие, и даже мечи, предотвращающие столкновение. Но самый уникальный — меч древнерусского богатыря Святогора. Едва вытащенный из ножен, он уже колеблет пространство, словно дает знать: берегитесь! По легенде он может удлиняться чуть ли не на много верст, раздваиваться и даже раз-

множаться, корректировать силу и точность удара...— Такэда прервал речь, отхлебнув чая. Потом сказал, будто ни к кому не обращаясь.— Найти бы этот меч...

Никита глубоко вздохнул и засмеялся.

— С таким мечом нам и СС не страшна. Только где его взять?

Инженер не ответил, продолжая изучать чашку с чаем и поглядывая при этом украдкой на перстень с черным камнем, внутри которого загорался и гас желтый чертик. Перстень предупреждал, что по их следу идут слуги мрака, и ждать их материального воплощения осталось недолго.

4

Вожаки «свиты Сатаны» оказались хитрее, чем думал Такэда. Он был прав — здесь, на Земле, боевики СС, да и любой другой команды, вынуждены были следовать законам данного хрона, не позволявшим в широкой степени пользоваться силой магии, но они вполне могли обойтись и тем, чем владели: в с е л е н и е м или в н е д р е н и е м, особенно если знали, кого и где искать.

Прибежище беглецов они вычислили уже через два месяца, а затем, пользуясь доступом к каналам российского министерства безопасности, подкинули РОМБ — региональному отделению министерства безопасности «легенду» о шпионах некоей иностранной державы Сухове и Такэде, работавших в Москве и переехавших в Хабаровск, чтобы замести следы.

Поскольку информация исходила сверху, из столицы, ей поверили, к тому же проверка установила, что характеристики «погибших» в Москве танцора и инженера совпадают с приметами поселившихся в Хабаровске господ Петрова и Ёсисады, и отдел контрразведки местного РОМБ решил не ждать команды и захватить шпионов своими силами.

Их взяли на рассвете, тихо, быстро, без шума, профессионально. Спящие в дальней комнате Федор Полуянович и Мария Ильинична ничего не услышали. Так же тихо был произведен и обыск, который, конечно, ничего не дал.

Обвинение в «государственной измене» зачитали Никите сразу же по прибытии в контору РОМБ на Краснофлотской, на что он, переживший двойной стресс: сначала подумал, СС! накрыли!.. потом увидел под дулом пистолета удостоверение сотрудника безопасности,— пробормотал равнодушно:

— А на большее фантазии у вас не хватает?

Его допрашивали час, выложив все козыри с похоронами двойников, частыми поездками Такэды и поспешным бегством, а Сухов все никак не мог решить, рассказывать правду или нет.

Через час в кабинет, где допрашивали танцора, вошел тучный здоровяк с погонами подполковника, кивнул вставшим сотрудникам, обошел стул, на котором сидел Сухов, разглядывая его заплывшими глазками.

— Молчит?

— Как партизан.

— А второй наплел там с три короба.— Подполковник глянул на встрепенувшегося Никиту.— Будто бы им угрожает смертельная опасность от какой-то террористической организации — СС... и будто бы уже были жертвы, эти «эсэсовцы» убили двоих...

— Только фашистов нам не хватало,— улыбнулся старший из сотрудников, блондин с выгоревшими бровями.— Надо же — эсэсовцы в наше время!

— Так что, танцор? — обратился подполковник к Сухову.— Как же это тебя угораздило? Говорят, ты и акробат, и балетный солист, зарабатывал неплохо, и вдруг вербуешься иностранным разведчиком! Захотелось приключений? Или хорошей жизни по японскому образцу?

— Толя... Тоява рассказал вам правду,— угрюмо буркнул Никита, чувствуя облегчение, что не надо врать и изворачиваться.— Только СС — это не фашисты, а похуже, это аббревиатура организации под названием «свита Сатаны».

Трое сотрудников засмеялись, подполковник продолжал изучать лицо танцора. Бугристое лицо его ничего не выражало.

— А каратэ ты занялся, конечно же, для защиты от этих... из «свиты», так?

— Да,— кивнул Никита.— Только не каратэ — россдао.

— Ну да, ты же патриот,— кивнул здоровяк.

Безопасники снова засмеялись.

— Смешно,— скривил губы Сухов.— Честно говоря, я был лучшего мнения об умственных способностях эмбистов. Ведь вам ничего не стоит проверить факты, и все станет на свои места. Я мог бы рассказать то же, что и Оямыч, но позволю себе лишь один вопрос, зачем вражескому агенту, инженеру-электронщику, вербовать акробата и танцора? Какие тайны он может выведать с его помощью? Военные? Экономические? Политические? Спортивные? Или хореографические? Бредятина!

— Разберемся.— Подполковник снова обошел стул Никиты.— Хватит на сегодня. Его — к напарнику, в сундук.

— Но ведь они...— запротестовал было блондин.

— Посидят до вечера вместе,— отрезал подполковник и оглянулся на пороге.

Никиту мороз продрал по коже — во взгляде начальника контрразведки сверкнул злой огонь, как выстрел из темноты. Такой взгляд мог быть только у боевика СС.

— Поздравляю,— прохрипел Сухов, глядя на закрывающуюся дверь.— Вы, ребята, еще не знаете, что такое в с е л е н и е? В скором времени узнаете... когда будете судить начальника.

Сотрудники отдела переглянулись.

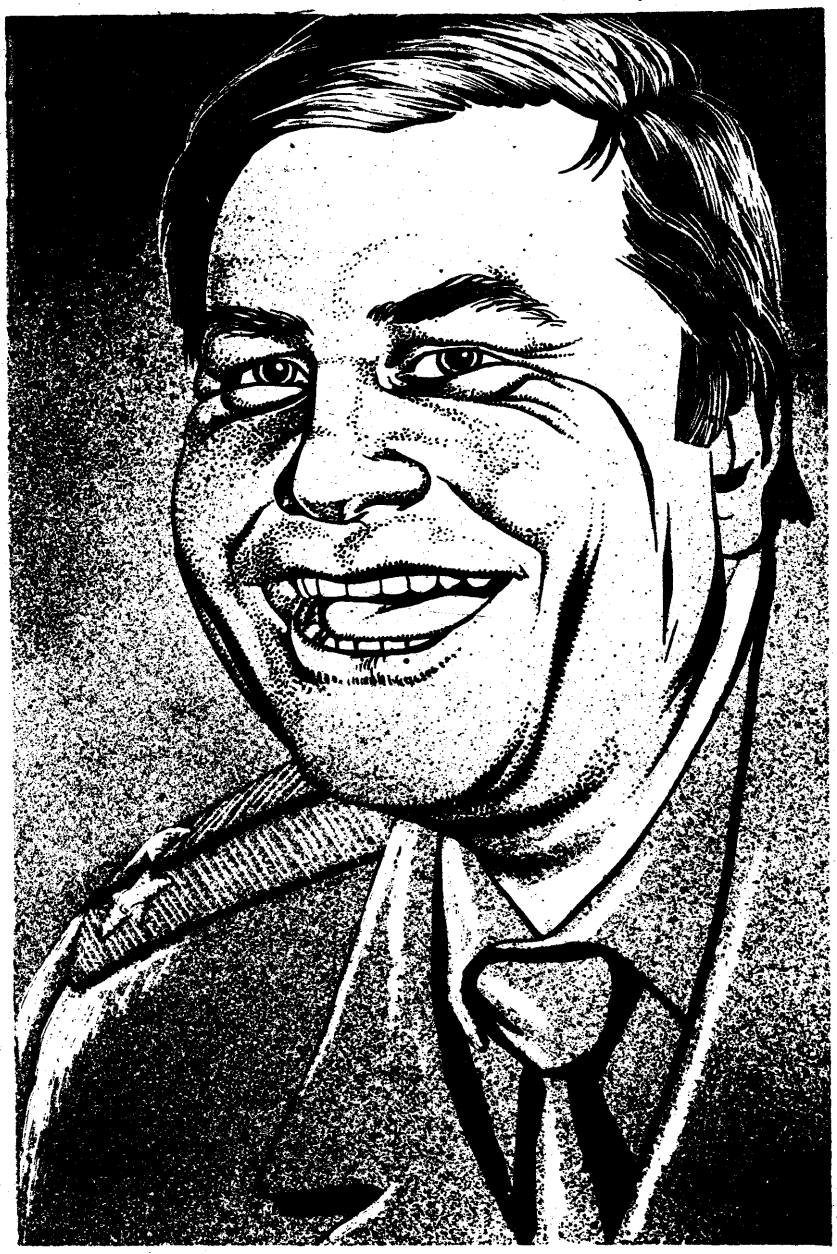
— Странный ты шпион, Сухов,— задумчиво проговорил блондин.— Или очень хитрый или...

— Второе,— вздохнул Никита.

«Сундук», в который отвели Сухова, оказался нормальной комнатой с душем и санузлом, разве что без особой мебели — две кровати одна над другой, два стула, стол, полка с десятком книг — да с зарешеченным окном. Такэда уже находился там, сидел со скрещенными ногами на стуле и созерцал стену с репродукцией Айвазовского: море, гора, парусники.

— Позиция номер один — синсокан [1],— прокомментировал Никита.— Угадал? Или ты занимаешься медитацией?

[1] Синсокан — поза созерцания *(яп.)*.



Такэда не ответил, продолжая сидеть в такой позе еще минуту, потом соскочил на пол гибким кошачьим движением, оглядел танцора.

— Били?

— Что? — растерялся Сухов.

— Обычно интеллигентов бьют, и те раскалываются.

— А-а... тебе, значит, это испытание не грозило. Ну и что будем делать, стратег? Положение совершенно идиотское.

Такэда быстро нанес три удара один за другим: рукой-ногой-рукой,— и Никита так же быстро их заблокировал, продолжая разговаривать и оставаясь с виду рассеянным и ленивым.

— Суй-но-ката,— пробормотал инженер.— Ты добрался уже и до Воды [1]? Молодец.

— Стараюсь.

— Как ты думаешь, зачем нас поместили вместе?

Никита вспомнил взгляд подполковника, изменился в лице.

— Что? — Такэда был внимателен.— Показалось что-то?

— Начальник — такой широкий и выпуклый со всех сторон бугай — в с е л ё н н ы й!

Инженер сел, задумался, кивнул.

— Вот и ответ. Тем, кто нас подставил, нет нужды собирать компромат, разворачивать следствие, проверки и анализ, им надо нас просто убрать. Физически. Они в с е л я т с я в тюремщиков и придут по наши души. Может быть, уже сегодня.

От этих простых слов, сказанных хладнокровно и уверенно, спину Сухова охватил ледяной озноб. Однако он уже научился сдерживать порывы и эмоции, сказывался физический и психический тренинг.

— Мы с ними справимся?

— Не знаю. С одним, в крайнем случае, с двумя.

— А если попробовать «разбудить» Весть?

Такэда покачал головой, глянув на плечо танцора, заколебался, снова покачал головой.

— Рано. Не выдержишь.

— Я уже...

— Ийе,— твердо сказал Толя, и Никита опустил голову, хорошо зная этот тон. Ийе означало «нет».

Через минуту он вдруг вспомнил.

— Толя, а твои вещи при тебе? Не отобрали?

Такэда понял.

— Индикатор и рацию? — Он показал перстень — внутри камня подрагивал оранжевый пятиугольник — и достал из кармана портсигар.

---

[1] Суй-но-ката — ускользание от атак (способ Воды) (*яп.*).

— А что если дать знать этим твоим друзьям, что мы в опасности?

— Вряд ли это что-то даст. Рация по-моему не имеет связи с другими хронами, она работает в пределах нашего хрона, как ретранслятор...

— Откуда ты знаешь? А если нет?

— Я все же немножко копенгаген в таких вещах. Для преодоления потенциального барьера между хронами требуется огромная энергия, а объем портсигара слишком мал для нужной концентрации.

— А наши приятели из СС тоже пользуются такими рациями?

— Может быть. Во всяком случае, связь они должны иметь. Плюс контейнеры для ношения оружия. Помнишь дипломаты десантников?

— А оружие — те самые копья, стреляющие холодом?

— Не холодом.— Такэда подумал и улегся на кровать.— Это какое-то физическое поле, высасывающее энергию атомных и молекулярных связей.

— Черт с ним, наши пистолеты не менее надежны. У меня идея.— Сухов понизил голос.— Если ты прав, и дипломаты — всего лишь контейнеры для ношения оружия, то парни СС должны знать выход в наш хрон. Что если захватить сейчас в с е л ё н н о г о, когда они придут за нами, и выведать у него, где выход?

Такэда засмеялся, тихо и мелко. Никита всего второй раз в жизни видел, как смеется инженер.

— Чего ржешь? — рассердился он.— Это единственный шанс.

Такэда еще некоторое время смотрел на него, улыбаясь, и во взгляде его читались одобрение и надежда.

— А ты воин, однако.— Помолчал.— Донесение о нашем положении я отправил. Но не уверен, что получу ответ.

— Так какого рожна издеваешься? Должен быть выход и из этого положения.

— Единственный выход там, где для человеческого ума нет выхода.— Инженер снова улыбнулся, заметив растерянность друга.— Это не я сказал, известный философ.[1] Но он как в воду глядел. Садись, отдохни, индикатор покажет, когда начнется кутерьма.

Никита пожал плечами, походил из угла в угол камеры и залез на вторую койку. Его порыв к борьбе почти угас, навалились усталость, отчаяние и чувство безнадежности. Такэда подал голос спустя четверть часа, словно разговаривая сам с собой:

— Добро и зло... древняя формула бытия человеческого... Добро обычно спит, а Зло действует, действует, действует, пока не переходит какой-то предел, способный разбудить социум, и тогда появ-

[1] А. Шестов.

ляются люди, борющиеся со Злом активно... люди боя. Они никогда не приближаются в достаточной мере к стороне, на которой сражаются, они всегда посередине, и от того вдвойне несчастны. Ибо зачастую презираемы теми, за кого воюют, и ненавидимы теми, против кого воюют.

Никита промолчал. Через минуту Такэда заговорил снова:

— Вот бы выяснить, кто или что и когда положили на Земле начало Злу и Предательству? Или такими нас создала природа?

— Не всех,— не удержался от реплики Сухов.

— Не всех,— согласился Такэда.— Но слишком многих. Добро и зло... и мы посередине... не боишься?

— Быть презираемым? Не боюсь. Кто нужно, тот оценит.— Никита подумал о Ксении. Он не верил, что уже через час-два может умереть.— Помнишь притчу Конфуция? «Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости».

— Конфуций был прав, а может быть, знал, что справедливость — один из двух высших законов Веера.

— А каков второй закон?

— Толерантность.

— А-а... терпимость, что ли?

— Да, если понимать его упрощенно. Но ты растешь, мастер, ты хороший ученик. Жаль только, что учиться нам уже некогда.

— Ничего, учиться можно вечно и в любых условиях.

— Вечно... Ничто не вечно в нашем мире, кроме, может быть, дружбы.

— Разве этого мало? — Никита переборол отчаяние и чувствовал себя лучше. Пришло ощущение чьей-то огромной теплой ладони, погладившей спину, плечо, голову, словно кто-то невидимый одобрял его мысли. Весть? Проснулась Весть?

Он прислушался к себе, но плечо молчало, лишь мурашки теплой струйкой вершавили кожу от плеча до шеи. И все же это был сигнал Вести...

За ними пришли в час ночи. Хозяева были так уверены в себе, что пришли вдвоем: здоровяк-подполковник и его заместитель в штатском, чернявый, горбоносый, со спортивной выправкой. В руках подполковник нес черный дипломат.

Арестованные переглянулись; оба уже встали и расположились по обе стороны стола.

— Не вмешиваться,— приказал подполковник охраннику в коридоре, закрывая дверь.

В тот же момент Такэда метнулся к нему, а Никита в подкате —

к чернявому: они решили начать первыми, так было больше шансов уцелеть.

Конечно, их противниками были уже не просто люди, знающие свое дело, тренированные и готовые к непредвиденным осложнениям, память и знание вселённых подняли их профессионализм на порядок выше, но все же их физическая оболочка осталась прежней, как и реакция, и сила, и психофизические кондиции. Вселённый в подполковника ответил на прыжок соперника мгновенно, однако тело подполковника отреагировало с запозданием; ему было уже за пятьдесят пять, сказывался и возраст, и отсутствие должного тренинга, и лишний вес. Такэда выбил из рук здоровяка дипломат и тут же без замаха снова ударил...

Чернявый зам был проворней шефа и успел вытащить пистолет, но и он не был в прежней жизни достаточно натаскан на оперативную схватку, и полусекундного его колебания хватило Никите на проведение приема.

Радиус поражения подката — три метра, от него почти нет спасения, уйти можно только высоким прыжком или встречным падением. Но, во-первых, бой происходил в помещении, а во-вторых, заместитель не встречался с родером как профессионал-оперативник. Никита достал его с первого же подхвата.

И все же это был не конец.

В обычном бою от таких ударов, какие нанесли Такэда и Сухов, противник давно отключился бы, но вселённые имели возможность заставить тела хозяев работать на пределе черного шлейфа, то есть на пределе физико-биологических возможностей, не считаясь с риском автотравмы, и превратили тела безопасников в роботоподобные, не боящиеся боли, накаченные чудовищной силой машины. Вселённым не надо было заботиться о последствиях такого боя, им был важен результат, а что станет с теми, в кого они вселились, не имело значения.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Вот когда Никите понадобился опыт россдао, позволявший сражаться с любым противником, использовать не только свою силу, но и его промахи. Танцор сражался яростно и вдохновенно, вдруг осознав, что борется за жизнь не только свою, но и Толину, и Ксении, и мамы, и других людей, не подозревающих, что творится на свете. И шансов отыграться он чернявому не дал, выбив пистолет и раз за разом посылая его на пол.

У Такэды была другая задача. Он понимал, что долго они не продержатся, и маневрировал так, чтобы завладеть дипломатом, где наверняка находилось оружие гостей, с помощью которого можно было превратить пленников в ничто, в облачко газа. И он достиг своей цели, свалив подполковника под стол, так что тот не мог выбраться оттуда сразу.

Дипломат не открылся. Он не открывался ни на щелчки пряжками, ни после нажатия кнопки на замке, ни от ударов — тяжелый, мягкий, теплый наощупь, кажущийся живым. В нем угадывались мощь и угроза. Казалось, внутри прячется кто-то живой и вот-вот выскочит, превращаясь в монстра...

Сухов понял затруднения друга почти сразу. Крикнул:

— Отвлеки их, я попробую!

Такэда бросил ему дипломат и «принял» обоих, заметался между ними, как молния. Он знал, что если пустить в ход пистолеты эмбистов, значит тяжело их ранить, если не убить, а им и так придется несладко после ухода в с е л ё н н ы х.

Никита целых две секунды стоял над дипломатом, вслушиваясь в себя, в грохот сердца и гул крови, а потом резко ткнул плечом в лоснящуюся шкуру кейса, прокричав натужно в н у т р ь звезды:

— Открывай!

Ответом была бесшумная белая вспышка, резанувшая по глазам — и з н у т р и глаз — и отозвавшаяся болью во всем теле: показалось, что всю кожу от ушей до пят ошпарили кипятком! Но сознание Сухов не потерял. Время как бы застыло, замедлилось в тысячи раз, и застыли сражавшиеся рядом, все трое — в падении, из них лишь Такэда — в контролируемом. В следующее мгновение Сухов знал, как открыть дипломат, вернее, транскоф, трансфизический кокон, как и то, что в нем находится.

Охранник, прислушивающийся к шуму в камере с заключенными, выдержал несколько минут, потом, после особо сильных ударов, треска и звона, дал тревогу и открыл дверь. Его взору открылась устрашающая картина разрушения и беспорядка.

Стол и стулья были разломаны, верхняя койка сброшена на пол и покорежена, санузел разгромлен, а на месте окна с решеткой зиял провал без единого осколка стекла, в который ветер задувал космы снега с улицы.

Начальник отдела подполковник Суржиков лежал ничком у окна и со стонами порывался встать. Его заместитель майор Кендадзе стоял, шатаясь, возле кровати и непослушной рукой пытался выстрелить в окно из табельного пистолета. Судя по их состоянию, можно было подумать, что они попали под горный обвал. Остолбенев, охранник смотрел на разгром безумными глазами, пока не прибежала тревожная смена. «Шпионы», взятые прошлой ночью, ушли...

Профессиональные разведчики или преступники никогда не вернулись бы домой после побега из тюрьмы, однако Такэда и Сухов были дилетантами и поэтому надеялись, что погоня ринется сразу на вокзал и в аэропорт, а не по их домашнему адресу, и не обманулись в ожиданиях.

Пробежав в одних костюмах, без пальто и шапок, в пургу, два километра, они остановили какого-то сумасшедшего частника, не побоявшегося взять раздетых пассажиров, и тот подвез их к дому за четверть часа. Еще столько же ушло на сборы и объяснения с хозяевами, а потом наступил черед «аллюра три креста» в неизвестном направлении, пока Такэда не объяснил начавшему терять терпение Сухову, куда они бегут. Путь их лежал к Виктору Борисовичу Зленскому, у которого была машина — бежевая «сотка», как у Никиты когда-то. Черный дипломат-транскоф Сухов нес сам.

Зленский их появлению в половине третьего ночи не удивился, как не удивился и просьбе одолжить машину на пару дней. Красильникову он верил, а тот верил Такэде, следовательно, все было в порядке вещей.

В три часа ночи беглецы выехали по юго-восточной магистрали в сторону Советской Гавани, понимая, что если объявлен их розыск, дороги могут быть уже перекрыты. Но что-то не сработало у РОМБ, а может быть, эмбисты не захотели привлекать милицию и ГАИ к своим делам: последний пост автоинспекции на выезде из города машину беглецов не остановил.

И с этого момента началась для них жизнь, состоящая из переездов, перелетов, коротких остановок, стычек с разного рода группами, многие из которых, наверное, не имели никакого отношения к СС, зализывания ран, заметания следов и бегства в ночь.

Новый год встречали на Сахалине, январь и февраль провели на Камчатке, март и апрель — в Энмелене, на Чукотке. Но ЦРУ засекла их и здесь, и тогда Такэда предложил бежать в Японию, тем более, что у него там были родственники и друзья по отцу. Никита, ни на день не прекращавший тренировок, неистово изучавший приемы россдао по книге, которую дал Красильников, а искусство фехтования по трактату Зленского, не возражал, и в мае они бежали в Японию, воспользовавшись безвизовым проездом из свободной экономической зоны Хоккайдо-Кунаширо.

Однако и в Японии они не задержались: по их следу шли уже не техники ЦРУ и не в с е л ё н н ы е, за ними вел охоту один из прайдов «свиты Сатаны», уйти от которого на Земле было невозможно. Встреча беглецов и охотников лишь оттягивалась, но это не могло длиться вечно.

Из Японии их маршрут вел на Тайвань, оттуда на Филиппины, потом в Индонезию и Бирму. Каким образом им удавалось перебираться из страны в страну без международных ооновских паспортов, Никита не задумывался, переложив эту заботу на плечи Такэды, поэтому лишь Толя знал, что им кто-то помогает. Кто именно — не имел понятия и он сам.

В Бирме Никите повезло: в одной из частных школ тайбо в Читтагонге, где они остановились — спасало знание английского — он

три месяца занимался под руководством замечательного мастера Тхе Квотаи, усвоив ранее не дававшиеся общие тонкости боя — четкий ритм, чувство дистанции, чувство времени, правильное дыхание, а главное — правильное распределение энергии ци, внутренней энергии организма.

Из Бирмы «свита Сатаны» погнала их через Индию в Оман и Саудовскую Аравию, потом в Египет — всего на две недели,— затем пришлось переплыть Средиземное море и путешествовать по Европе, отменившей границы. И наконец спустя почти год, устав от постоянного напряжения и бешеной гонки, от постоянных тренировок и забот о хлебе насущном — приходилось подрабатывать, где придется,— прибыв в Финляндию, Никита взбунтовался.

Они остановились в Котке, на берегу Финского залива, в гостинице «Киттиля», и, стоя у окон номера, выходящих к заливу, Сухов сказал Такэде, вытиравшему волосы после душа:

— Все!

— Что все? — осведомился инженер, по-отечески любуясь поджарой могучей фигурой танцора.

— Все, хватит.— Никита повернулся к другу.— Бегство наше закончено. Я и так, не стремясь к этому, объехал полмира, дальнейшее путешествие в том же темпе — излишне.

— Но нас догонят и убьют!

— Может, да, а может, и нет.— Сухов выдержал пытливый взгляд инженера абсолютно спокойно.— Во-первых, я постиг главного: цель любого учения — преодоление себя и лишь потом обстоятельств. Во-вторых, у нас есть транскоф... дипломат СС, полный тайн. Кстати, мне кажется, именно он наводит на нас нюхачей «свиты», излучая нечто, некое поле, по которому нас пеленгуют.

Никита умолчал о том, что несколько раз пытался открыть дипломат, но у него ничего не вышло. Видимо, открывался он только при определенной комбинации мысленного «крика» или при преодолении некоего порога мощности биоизлучения, для чего требовалось предельное напряжение организма. Могло быть и так, что открывался транскоф лишь с помощью Вести, ее тонкой и неощутимой сознанию подсказки.

— Мне тоже так кажется,— ответил Такэда.

— В-третьих, я готов к расшифровке информации Вести. Не очень физически, быть может, зато морально. Один раз она мне уже помогла, значит, есть надежда на полную передачу. Поскольку поиски Книги Бездн вряд ли осуществимы, действовать придется по второму варианту — через функционеров СС.

— Этот вариант почти стопроцентно гарантирует нам загробную жизнь. Да и вряд ли кто-нибудь из боевиков СС скажет, где находится вход в Веер, даже если нам удастся его выловить. Да и выследить их — проблема, слежку они почуют наверняка. Нет,

мой друг, надо все-таки попытаться найти Книгу. Я ведь еще раз был у Неплюева... вернее, у него дома, кое-что узнал. Оказывается, он очень сильно болел в свое время, как раз перед войной, а потом к нему стал наведываться знахарь, и в один прекрасный день Неплюев встал с постели весел и здоров. И прожил, как горец, более ста лет. Это тебе ни о чем не говорит?

Никита прошелся по комнате, теребя подбородок.

— Ты хочешь сказать, что Книга была у него? А потом кто-то забрал ее, и Неплюев выздоровел.

— Молодец, соображаешь. Только у Неплюева была не вся Книга, а фрагмент. Как и у трех других свидетелей взрыва Сухаревой башни. Книга Бездн неуничтожима, она уцелела во всех катаклизмах в течение многих столетий и нашла способ уцелеть и при взрыве Башни. А теперь она в руках некоего таинственного типа, кочующего по Земле в своих интересах. Кто он, я не знаю. Но не из «свиты Сатаны», и не из стана наших друзей. Если бы СС завладела Книгой, она бы ее уже унесла в Миры Синклита. Итак, попытаемся?

Никита скептически хмыкнул.

— Честное слово, не очень-то верится в существование Книги. Все расплывчато, туманно, неконкретно... как во сне. Но если нет других путей, почему бы не попытаться? Удача — награда за смелость, а не за трусливую дрожь в коленках.

— Речь не мальчика, но мужа.— Такэда придвинул к себе дипломат.— Как бы нам его открыть еще раз?

— Я думаю, открыть его может только человек, доведенный до стрессового состояния. Так что придется ждать, когда нас вынудят действовать на пределе.— Сухов помолчал.— Толя, если я... мы... представляем такую опасность для Люцифера, то почему он не пошлет более подготовленных ребят? «Черных коммандос», например, джиннов каких-нибудь...

— На этом этапе было бы достаточно «бархатного вмешательства»... если бы тебе не помогали. Да и вряд ли сам Денница знает о нашем существовании, как и Синклит четырех. Нами пока занимаются его клевреты рангом пониже, на уровне шепота, без лишнего шума. Ведь если вмешается кто-то из магов свиты, всколыхнется весь Веер, и деятельность Люцифера станет известна... скажем так, общественности, Собору Веера.

— Ясно. Значит, впереди у нас встречи поопаснее встреч с ЦРУ, СС и ЧК? Это нормально. Ну, и куда мы теперь?

— В Турцию. Оттуда в Афганистан. Тот, у кого Книга Бездн, крутится в том районе, у границ Таджикистана. Там мы и попробуем разбудить твою Весть.

Никита невольно коснулся плеча пальцами, и ему показалось, что у ног его раскрывается бездна.

— А если я предложу другой маршрут?
— Какой?
— Москва — Таджикистан?
— В Москве нас наверняка ждут.
— Вот именно.
Такэда покачал головой.
— Я имею в виду СС.
— А я Ксению. Я ее почти год не видел, понимаешь? Впрочем, если хочешь, двигай своим маршрутом, а я своим. Встретимся на границе.
Такэда поднял брови. Он видел, что Сухов готов настоять на своем, и не знал, радоваться этой его решимости или нет.

5

В Россию они вернулись накануне нового года, попытавшись изменить внешность. Такэда настаивал даже на пластической операции, но Сухов его не поддержал. Он снова отрастил длинные волосы, падающие на шею, а также бороду и усы. Толя наоборот свои родные усы сбрил и стал носить накладные, рыжие, под цвет парика.
В Петербурге, куда прибыл поезд из Хельсинки, задерживаться не стали, и через день экспресс «Новая эра» доставил их в Москву.
Целый час друзья, ошалев от шума и воздуха родины, гуляли по столице, толкались в толпе москвичей и гостей города, любовались набережной и пили квас на Тверской. Такэда очнулся первым, эмоциям он был подвержен меньше, чем артистическая натура танцора.
— Предлагаю разделиться. Я пойду поищу Романа, а ты Ксюшу. Встречаемся в двенадцать у Никитских ворот.
— А кейс куда? Может быть, сдадим в камеру хранения на вокзале? Таскать неохота.
— Возьми пока с собой, оставлять его опасно, потом решим, что с ним делать. Об осторожности, надеюсь, предупреждать не надо? Если в Москве оставлена сеть ЦРУ, то все наши знакомые находятся «под колпаком». Вот тебе на всякий случай эрцхаор... э-э, индикатор.— Толя снял перстень с камнем.— Видишь, мигает оранжевый пятиугольник? Это означает, что в городе повышен «демонический фон». А это в свою очередь говорит о том, что ЦРУ здесь. Или прикрытие «свиты». Если форма знака и цвет изменится на алый полумесяц, значит кто-то из них рядом.
Никита отодвинул руку Толи.
— Тебе он больше пригодится. У меня обострилось восприятие... после включения Вести. Я и так почую неладное.

Такэда не стал настаивать, постепенно свыкаясь с ролью ведомого. Инициатива постепенно переходила в руки танцора, что говорило об изменении его характера. Год тренинга россдао, изматывающие душу попытки бегства от смерти закалили Сухова, заставили собраться, сделали более решительным и жестким. Он все больше убеждался в исключительной важности своей роли, сумев при этом не скатиться до высокомерия, апломба и зазнайства, и не потерять честолюбия, толкающего творческие личности на риск и подвиги.

Студия оказалась закрытой, несмотря на обычный рабочий день — четверг. На двери висел клок бумаги с двумя буквами: «Не...» — остальное оторвали. Чувствуя, как тревожно забилось сердце, Никита незаметно огляделся, никого не обнаружил, отошел в раздумьи: что же означает это «Не»?

На углу Малого Козихинского он позвонил Ксении домой и долго вслушивался в длинные гудки. К трубке так никто и не подошел. Что делать дальше, Сухов не знал, но потом, поразмыслив, решил довести дело до конца.

Сначала он съездил на Леваневского, в Союз художников, и час потратил на выяснение — знает ли кто из завсегдатаев Дома художников Ксению Краснову и когда ее видели в последний раз. Кое-кто из молодых художников, не отличающихся от Никиты «одухотворенностью» — то есть наличием бород и усов,— Ксению знал, но ни один не смог ответить на вопрос, когда встречал ее в последний раз. «С месяц назад» — вот и вся информация.

Тогда Сухов поехал к девушке домой, начиная тревожиться всерьез. Правда, мелькнула в голове мысль, что Ксения именно в этот момент куда-то уехала, может быть, и на их поиски, но Никита отогнал эту мысль: они дали о себе знать еще с Камчатки, и Ксения не могла помчаться в белый свет, как в копеечку, искать их след. А в метро танцор вдруг понял, что его «ведут»: Ощущение было острым, как укол в ягодицу, и Никита чуть было не запаниковал, с великим трудом заставив себя не вертеть головой во все стороны. Украдкой оглядел вагон — никто в его сторону не смотрел. Но заноза чужого взгляда осталась. С ней он вышел из метро, ехал в троллейбусе и шел через мост над железнодорожными путями. Лишь у самого дома Ксении ощущение исчезло, будто где-то выключили телекамеру. Никита вздохнул с облегчением, хотя тут же подумал, что наблюдатели поняли, куда он идет, и просто передали его другой смене. Напряжение вернулось.

Замедлив шаг, Никита перешел на глубокое дыхание, сконцентрировал психику на немедленный ответ на любое внешнее воздействие и «проиграл» встречу с СС в квартире Ксении или около нее. Пришла уверенность в своих силах и спокойствие сжатой пружины — он был готов. Никита усмехнулся в душе: он был готов к дейст-

вию в гораздо большей степени, чем думал Такэда, а тем более, чем знали парни из «свиты Сатаны».

В сумке за плечом шевельнулся дипломат. Вернее, так показалось Никите. Все же транскоф реагировал на его состояние, и он это чувствовал. Плечо со звездой Вести покрылось пупырышками, словно от холода. И оно в свою очередь реагировало на мысли и эмоции хозяина, на состояние его психики, и снова Сухову почудилось, будто стоит он у крутого обрыва в глубокую пропасть. Еще один шаг — и откроется дно ада... или истина!

— Рано! — сказал сам себе Никита, покрываясь испариной.— Погоди чуток. Вот найдешь Ксению...

Квартира художницы была заперта, на звонки никто не отвечал, но Сухов нажимал кнопку звонка до тех пор, пока не щелкнул замок соседской квартиры и на пороге возникла сухонькая старушка. Никита знал ее, старушку звали Анна Павловна, шел ей восемьдесят пятый год, но бодрости ее можно было позавидовать и молодым.

— Добрый день,— поздоровался Никита, хотел было добавить «Анна Павловна», но вовремя прикусил язык: вряд ли соседка узнает его в этом обличье.— Вы не знаете, где Ксения... э-э, Константиновна? На работе ее нет, дома тоже.

— А уехала она, мил человек,— певуче ответила старушка.— Приезжали к ней какие-то хлопцы, суровые больно, а глаза у них нехорошие такие. Я как раз-от мусор выносила, а они идут. И молчат все. Только когда выходили они, Ксения вроде бы всплакнула...

— Когда?! — Никита внезапно охрип.— Когда они приходили?

— Да с месяц назад, мил человек. А вы кто ей будете? Где-то я вас видела.

«Глазастая бабуля,— подумал Сухов, а в голове вертелась одна мысль: — здесь была «свита Сатаны»... здесь была «свита Сатаны»...

— Она ничего вам не сказала, не передавала?

— Ничего, сынок, только поглядела так искоса, сквозь слезы... а может, то и не слезы были, я ведь подслеповата чуток. Только главный из их компании, с тебя ростом, но посолиднее, пробурчал что-то. Мне послышалось: «Никуда не денется...»

У Никиты, наверное, изменилось лицо, потому что старушка заволновалась, всплеснув руками:

— Ай случилось что с нашей Ксеньюшкой?

— Не знаю,— прохрипел Сухов непослушными губами.— Ключ... у вас есть ключ от ее квартиры?

— Да откуда ж, мил человек? Ксения — девушка самостоятельная, строгая, живность не водит, а стало быть, и присматривать не за кем, случись отлучка. А вы кто ей будете, ежели не секрет?

— Родственник... брат двоюродный,— сказал Никита первое, что пришло в голову. Опомнился.— Извините, что побеспокоил.— Повернулся, чтобы уйти.

— Ах подождите, молодой человек.

Никита обернулся. Старушка смотрела на него ясными, живыми, проницательными глазами.

— Запамятовала я, ключик-то оставила Ксюша, еще до этих... угрюмых. Сейчас принесу. Но вы уж со мной к ней пройдете. Хоть и не тать, видно, а все ж я как в ответственности за квартиру.

Сухов только кивнул, сглатывая комок в горле.

В квартире Ксении он бывал раз пять и ориентировался в ней хорошо. Маленькая передняя, такая же кухня, гостиная и спальня. Везде чистота, уют, продуманность интерьера — ничего лишнего, но и не аскетизм. И ни одной картины! Имеется в виду — своей. Ксения не любила выставлять напоказ свое мастерство в бытовой обстановке. Хотя картины — современных художников — на стенах висели: два пейзажа Селиванова в гостиной и сказочный сюжет Мегрели в спальне.

Никита обошел комнаты, кухню — нигде ничего, ни следа борьбы или поспешного бегства, лишь тонкий слой пыли на книжных полках и серванте говорит о долгом отсутствии хозяйки. Вернулся в спальню — соседка следила за ним, склонив сухонькую седую головку на плечо,— заглянул в шкаф, а потом вдруг приподнял книгу, брошенную на тахту. Интуиция его не подвела: клочок бумаги и на нем три торопливых слова: «Не ищи — погибнешь!» И все.

Никита ощутил в груди холод и пустоту. В голове больно запульсировала жилка, лопнула с тихим звоном, словно стеклянная, и под черепом прозвучал знакомый гулкий шепот:

— Саммай...

— Что? — От растерянности Сухов заговорил вслух, хотя хорошо понимал, что слышит «голос» Вести.

— Саммай...— Шепот втянулся в кости черепа, стих.

Никита хотел выругаться — он не понял, чего от него хотели,— и вспомнил: саммай — состояние просветления в философии Дао, и Весть напомнила ему о единственной формуле, способной помочь.

Больше в квартире Ксении делать было нечего, и Сухов поспешил уйти, поблагодарив соседку за доверие. В памяти остался ее жест — она перекрестила его тихонько, но танцор не придал этому значения.

В двенадцать часов пополудни они встретились с Такэдой у Никитских ворот и зашли в кафе: на улице было холодно. Первым информацией поделился Толя:

— Роман в больнице. Месяц назад на него напали, попал в реанимацию, но выжил. Сломаны два ребра и обе руки.

— О черт! СС?!

— Без сомнения. К сожалению, Роман не учел, что против него действовала не обычная молодежная банда и даже не боевики-

профессионалы мафии. Ни чести, ни совести не имеют ни те, ни другие, ни третьи, но «свита Сатаны» применяет кроме всего прочего оружие, против которого нет защиты.

— Излучатель холода?

Никита имел в виду короткое копье со светящимся наконечником, с помощью которого они ушли год назад из камеры РОМБ в Хабаровске. Картина странного боя встала перед глазами.

Дипломат, отобранный у подполковника, открылся тогда только после вспышки ярости и гнева, которую пережил Сухов, надеясь, что заговорит Весть. Она и заговорила — удар по сознанию был настолько силен, что танцор на мгновение отключился, а когда пришел в себя — дипломат транскофа был уже открыт. Оставалось сунуть туда руку и вытащить... что? Почему он тогда вытащил именно копье — вардзуни, как оно называлось на самом деле? Потому что думал о таком оружии?..

Остальное произошло в течение двух-трех секунд: Никита направил острие копья на решетку окна и... оно сработало само! Синий-синий сноп прозрачного огня, вызвавшего волну острого холода, вонзился в окно, решетка и стекло исчезли беззвучно, испарились, осталось лишь выпрыгнуть наружу, что и сделали арестанты.

— Слава Богу, что Роман жив! Пусть только попробуют сунуться к нам!.. Толя, я чувствую слежку. Надо срочно будить Весть и... искать Ксению.— Никита скупо рассказал о своих поисках девушки.— И теперь она у них.

Такэда перестал есть и некоторое время сидел, сгорбившись, прикрыв глаза ладонью. Глухо произнес:

— Это я виноват... надо было учесть все шаги «свиты»... Мы их здорово разозлили, отобрав транскоф, и они не остановятся ни перед чем, чтобы оправдаться... вернуть транскоф и уничтожить нас. А заодно и всех свидетелей.

— Я одного не понимаю.— Никита скатал из хлеба шарик и щелчком послал его по столу, сбив наглого таракана.— Ксения, как таковая, «свите» не нужна, им нужен я, почему же тогда похитители не оставили мне записку: мол, ищи ее там-то и там-то, иначе — секир-башка заложнице?

Инженер продолжал сидеть в той же позе, казня себя жестоко и больно.

— Надо было сразу лететь в Москву, как только мы вырвались из РОМБ Хабаровска. Они же на уши встали из-за потери транскофа... Что ты сказал?

Сухов терпеливо повторил вопрос.

— Я их логику не анализировал,— ответил Такэда.— Может быть, они, как и все маги или демоны, владеют футурпрогнозом. Просчитали, что ты так или иначе появишься на Пути, вот и ждут тебя у входа в хроноскважину, в засаде.

— Проще было бы устроить засаду в квартире Ксении.

— Проще для тебя, как землянина, для человека вообще, но не для них. Они не люди и мыслят не человеческими категориями. Ты прав в одном: пора выходить в Путь.

— Как?

— Есть только один вариант — Весть. Пора ее будить всерьез. И дай Бог тебе выдержать!

Никита поежился, но не дал голосу дрогнуть.

— Выдержу.

Они вышли из кафе, и сразу же у Никиты заныли зубы.

— О черт!

— Что? — покосился на него Такэда.

— Снова это проклятое ощущение: кто-то глядит сверху и вот-вот шарахнет по голове!

— У тебя заработала экстрасенсорная система, поздравляю. Привыкай. Но рядом никого нет, я имею в виду СС или ЧК, иначе у меня сработал бы инди...— Такэда замолк, глядя на пульсирующий алым светом полумесяц в камне.— Не может быть! — Глаза инженера остекленели, лоб покрылся испариной.

— Что с тобой? — Сухов поддержал друга под локоть, оглядываясь, куда бы усадить его, и решая, не нужно ли звать на помощь. Они стояли возле арки длинного желтого здания, в котором размещалось кафе и магазин «Оптика». Народу было мало, все торопились по своим делам, кутаясь в пальто и шубы, и никому не было дела до двух остановившихся мужчин.

— Пошли.— Такэда, пошатываясь, толчками, зашагал в арку. Было видно, что внутри него происходит какая-то непонятная борьба.

Никита, недоумевая, направился за ним. Что у него сработало, какое чувство — «шестое» или «седьмое», он не понял, но на внезапный удар Толи среагировал точно.

Это был ин бран — удар кулаком между бровями в стиле леопарда, и, попади Такэда, Сухов вряд ли скоро очнулся бы, но включенный интуицией рефлекс и знание приемов россдао — блок работы «с хода» — спасли его от смерти.

— Ты что, с ума сошел?! — возмутился он, отскакивая, и язык прилип к гортани. Взгляд инженера сказал ему все: это был взгляд «десантника» СС, пустой, равнодушный и в то же время беспощадный, полный угрозы и силы.

Такэда прыгнул, целя в голову, в горло и одновременно пытаясь выбить дипломат из рук танцора. Защищаясь, Никита вынужден был пустить в ход обе руки, поэтому транскоф он отбросил в сторону, за урну с мусором, чтобы его не достал Толя. Тот сразу начал строить бой таким образом, чтобы оттеснить Сухова от дипломата. Никита сам понимал, что если это произойдет — он покойник,

и дрался отчаянно, призвав все свое умение и навыки, полученные им у Романа и Красильникова.

Это был не очень красивый, вязкий — мешала зимняя одежда — но быстрый бой, и закончился он неожиданно: на какое-то неуловимое мгновение Такэда смог освободиться от в с е л ё н н о г о, чуть промедлил, и Сухов не смог удержать удар; дрался он на рефлексах, почти без участия сознания, во всяком случае — без обдумывания тактики боя.

В арку заглянула какая-то парочка и шарахнулась прочь, только каблуки застучали. Никита постоял, опустив руки, приходя в себя, ни о чем не думая. В голове стоял звон и хрип, и гул, и чей-то лепет... Потом сердце перестало гнать кровь в темпе силовой отдачи, гулы и звон из головы ушли и стал слышен голос второго «я» Сухова:

— Как ты мог?! Это же твой друг! Как ты мог воспользоваться его промашкой? А тем более, он сделал это специально...

— Заткнись! — огрызнулся Никита. Нагнулся над лежащим на боку Толей, приподнял голову.

Такэда заворочался, ощупал челюсть, нос, лоб, зашипел от боли.

— Кто?.. Что это? Такое впечатление, что на меня упала стена.

Никита молча помог ему подняться, вгляделся в лицо, ища взгляд, с облегчением вздохнул и отыскал лежащий в стороне дипломат.

— Это ты меня, что ли? — продолжал Такэда. Хмыкнул, посипел немного сквозь зубы.— Ты первый, кто меня «вырубил».

— С твоей помощью. Ты на долю секунды отключил в с е л ё н н о г о, и я этим воспользовался.

— Да? Ничего не помню.— Толя подошел к сгорбившемуся Сухову.— Никогда не думал, что им удастся вселить в меня боевика СС. А должен был подумать! Извини.

— Ничего.— Никиту вдруг затрясло, с минуту он унимал дрожь, наконец глубоко вздохнул.— Забыли. Но это было... страшно!

— Наверное,— кивнул инженер, морщась.— Саданул ты меня крепко. Феномен! За год с небольшим овладеть россдао — это мощно!

— Не преувеличивай, мне еще тренироваться и тренироваться. С мечом, например, у меня не очень-то получается. Куда теперь?

— К Роману домой. Он дал мне ключ. Отдохнем.

— Отдыхать будем потом, первым делом попробуем поработать с Вестью.

Такэда сквозь пелену в глазах глянул на ожесточенное, осунувшееся, похудевшее лицо танцора, хотел что-то сказать, но передумал. Удар, которым его послал в нокаут Сухов, еще давал о себе знать, но вместе с болью и головокружением в душе зрело и другое

чувство — восхищение. А вместе с ним и уверенность в завтрашнем дне. Хотя Тоява и понимал всю сложность их положения, как и то, что трудности и мытарства, ожидающие их впереди, не идут ни в какое сравнение с земным.

* * *

К эксперименту с «включением» Вести они готовились два дня. Отдыхали, спали, выходили из квартиры Романа, расположенной на Кузнецком мосту, лишь для покупки необходимого, слушали новости по телевизору, и почти не разговаривали. О Ксении не было сказано ни слова, хотя о ней они думали больше, чем обо всем остальном. Такэда еще раз навестил ее квартиру и студию, но никаких следов, ни одного намека на ее местопребывание, не нашел. И все же они верили, что девушка жива.

В среду утром, сразу после завтрака, Никита с решительным видом разделся до пояса, некоторое время разглядывал «родимое пятно» Вести, не потерявшем своей формы, буркнул Такэде:

— Поехали, чего тянуть.

— Садись в кресло. Ничего такого не чувствуешь?

— Никаких ощущений... кроме мандража. Боюсь, конечно, чего уж там, но и на попятную идти — себя не уважать. Давай лучше попрощаемся на всякий случай. Кто знает, что может случиться...

— Если не уверен — не начинай.— Такэда украдкой глянул на перстень: оранжевый пятиугольник пульсировал с нарастающей частотой. Вокруг незримо концентрировались силы мрака, настойчиво ища двух человек, несущих угрозу существованию Системы. Системы вседозволенности, насилия и страха, которую создали добровольные помощники грозного Денницы-Люцифера. Да, он имел право быть недовольным своим положением, так же, как имел право называть себя Владыкой, величайшим из вершителей судеб Веера Миров. Но создателем, творцом назвать его было нельзя. Понимал ли он сам, что является величайшим разрушителем, когда-либо существовавшим во Вселенной? Или только людям доступны муки морального обоснования того или иного поступка разумного существа, муки нравственного оправдания?..

— Что застыл? — осведомился Никита.

— Я тоже боюсь,— вздохнул Такэда.— Больше, чем ты. Но времени у нас нет. Они могут объявиться здесь в любую минуту. Если готов — начинай.

— Как?

Толя походил в задумчивости вокруг кресла, в которое сел Сухов, подергал себя за вихор.

— Понимаешь, я, как и ты, считаю, что просто так Весть не за-

говорит, нужен эмоциональный взрыв, стресс, как в прошлый раз.

— Я попробую.— Сухов сосредоточился, прислушался к своим ощущениям. Что-то сдвинулось внутри, словно открылась форточка в сплошной стене и кто-то выглянул оттуда, угрюмый и опасный. Но сама «стена» осталась монолитной и неприступной. Не помогли ни внутренние призывы к Вести открыться, ни болезненные напряжения всех мышц. Весть молчала. Лишь один раз удалось ощутить тонкий укол холода в плечо — во время «открывания форточки в стене», затем «форточка захлопнулась», холодная сыпь перестала играть кожей плеча, и ощущение бездны у ног исчезло.

— Все! — выдохнул Сухов, мокрый от пота. Расслабился, вытер лоб, виновато глянул на бесстрастного Такэду.— Не получается. Она меня слышит, я чувствую, но отвечать не хочет.

— Я же говорил...— начал было Толя, и в этот момент какой-то звук у входной двери заставил его замереть.— Т-с-с-с...

Никита мгновенно вскочил, напрягся, все еще думая о звезде Вести, и почувствовал бесшумный толчок в голову, перед глазами все поплыло, будто при нокдауне или после стакана спирта, а затем сильнейший «электрический» разряд пронизал плечо, шею, висок, вонзился в голову, и на некоторое время парализовал тело. Сухов не упал только потому, что длился этот паралич мгновение. И тут же все изменилось.

Визуальное восприятие предметов перестроилось, как и ощущение пространства, времени, веса, объема тела. Казалось, Никита размножился, внедрился в каждую вещь, в стены комнаты, всего дома, ощущая их, как части своего тела. Все предметы стали полупрозрачными, неплотными, оставаясь в то же время твердыми и материально ощутимыми. Никита видел их и снаружи, и изнутри, абсолютно точно зная состав каждого, характеристики и возможности. Он мог бы при желании изменить параметры любого из них, вылепить новую форму и придать другие свойства. Он мог бы свободно пройти сквозь любую стену, оставив ее целой и невредимой, мог бы проделать в ней отверстие любого размера практически без применения энергии, бесшумно, мог бы...

Пространство снова изменилось вокруг: состояние всемогущества длилось три удара сердца, как и состояние паралича. Вернулось ощущение своего конкретного тела, готового к физическому действию, основанному на законах бытия этого мира. Ушло в с е з н а н и е и в с е у м е н и е, исчезло чувство колоссальных возможностей, а с ним и тысяча других чувств, непередаваемых человеческим языком. Но кое-что осталось — частичка з н а н и я, медленно проступающего в голове, как маленькая крупинка золота сквозь мутную воду на дне лотка золотоискателя.

В комнате ничего не изменилось, вся гамма состояний Никиты действительно длилась не более секунды, поэтому Такэда ничего

не заметил, вслушиваясь в шорохи за дверью. Перстень на его пальце пылал, как осколок алой звезды.

— Их пятеро,— прошептал Никита.— Есть лишь один вариант спасения...

Инженер поднял брови, показывая пальцем на дипломат. Сухов отрицательно качнул головой.

— Пожар.

Такэде не надо было пояснять мысль: выбор был — жизнь за обстановку квартиры товарища, и вряд ли Роман протестовал бы, знай этот расклад.

Жил он один в однокомнатной квартире, по-спартански голой: шкаф, стол, кровать, два кресла, гимнастическая стенка, шкафчик для спортивных снарядов,— единственной по-настоящему ценной вещью была полка с книгами. В кладовой, располагавшейся в нише прихожей, Никита нашел пластмассовую трехлитровую канистру с бензином для очистки загрязненных поверхностей, плеснул на пол прихожей и на дверь. За дверью почему-то медлили, хотя и не уходили: обострившимся чутьем Никита буквально видел сочившееся в щели зло и угрозу. Однако нерешительность гостей дала им несколько секунд форы, и беглецы успели выполнить свой план.

Сухов бросил спичку, взметнулось пламя. За дверью затихли, затем тишину взорвал хор восклицаний. Тяжелый удар едва не сорвал с петель дверь, замок крякнул и вылез из лунки. В образовавшуюся щель рвануло пламя, охватив чье-то лицо. В тот же момент Такэда разбил окно в комнате — со звоном разлетелось стекло — и завопил, будто они собирались бежать этим путем:

— Прыгай!

Вслед за криком раздался приглушенный удар — Толя выбросил в окно гирю.

В дверь ударили еще раз, так что она распахнулась во всю ширь, и пламя загудело веселее, не давая пришельцам ворваться в квартиру. Сквозь треск и шипение послышался еще один хлопок снаружи — Такэда выбросил в окно гантели. И гости подумали, что их жертвы сиганули в окно с пятого этажа. Послышался топот — все пятеро бросились вниз по лестнице, лифта в этом доме не было.

Как только лестничная площадка очистилась, Никита прыгнул сквозь пламя в прихожей, загородив рукавом лицо. За ним выскочил Толя, более осторожный и внимательный, чем танцор. Он рассчитывал на худший вариант и не ошибся: на площадке пролетом ниже их ждал еще один чужак — профессионалы «свиты» знали толк в подстраховке.

Такэда появился на площадке в тот момент, когда Сухов, пропустив удар, падал на пол, а громадный парень в сером комбинезоне со множеством кармашков и молний, отводил назад руку с коротким

светящимся копьем. На прыжок инженера он отреагировал тотчас же, но запнулся о выставленную ногу Никиты — тот успел среагировать, будучи в полубессознательном состоянии! — и нунчак Толи, позаимствованный у Романа, с глухим треском врезался прищельцу в переносицу. Это был страшный удар, способный проломить череп быку, но боевик СС лишь откинул голову с разбитым носом назад, снова нацеливая свое копье. И все же он был потрясен, потому что пропустил еще два удара — по руке с оружием и по челюсти. Копье выстрелило, уже вылетев из руки гиганта. Разряд неведомой энергии, сопровождаемый волной холода, погасил пламя, рвущееся из квартиры Романа и проделал в стене лестничной клетки глубокий, метровой длины шрам.

Такэда подхватил копье, едва не заорав от неожиданной боли — рука онемела, как от тока,— но не выпустил его, сделав угрожающее движение в сторону гиганта в сером, упавшего на колено. Наклонился над Суховым, протягивая руку с нунчаком.

— Жив? Идти можешь?

— Могу.— Никита с трудом встал, глаза его стали осмысленными.— Чем это он меня?

— Хорошо, что не вард... э-э, копьем. Вперед, пока он не очухался.

И они побежали наверх, на шестой этаж, не обращая внимания на ошеломленные лица соседей Романа, выглядывавших из квартир.

На крышу вылезать не стали, только открыли люк и затаились на чердаке: дом был старый, с чердаком и двускатной крышей. А потом спустились вниз в толпе возбужденных пожарников, милиционеров, врачей скорой и соседей, делящихся впечатлениями о случившемся.

«Десантников» СС на улице не было, но они находились где-то рядом: индикатор Такэды продолжал высвечивать тревожную оранжево-алую гамму.

Спрятав копье, неприятно холодившее тело, под пальто, Толя выскочил через арку на Кузнецкий мост и остановил частника. Через полчаса они были на аэровокзале и успели к посадке на аэробус, отправлявшийся в Душанбе. Этот маршрут выбрал Никита, и Толя ему не перечил: было видно, что танцор знает, куда им следует податься.

Самолет взлетел по расписанию, и только после старта беглецы, не веря своему счастью, ошеломленные происшедшим, вздохнули с облегчением. До этой минуты они не позволяли себе расслабиться ни на миг, напряженно вглядываясь в толпы людей в аэропорту и при посадке в самолет. Но «свита Сатаны» так и не появилась. Причины этой осечки беглецы выяснили позже, а пока глядели друг на друга и думали об одном: ушли!

Прости, Рома, добавил Такэда мысленно.

Копье в аэропорту пришлось выбросить — с ним не удалось бы пройти контроль, а дипломат прошел рентгеновскую установку нормально: контролер не увидел на экране ничего, кроме двух прямоугольников, похожих на книги.

— Они, конечно, найдут нас быстро,— сказал Такэда.— Мы опережаем их на несколько часов, до следующего рейса.

— Успеем,— ответил Никита, закрывая глаза. Он не знал, куда и к кому обратиться за помощью, но был уверен, что помощь получит.

6

Им никого не пришлось искать, в аэропорту Душанбе их ждали: Никита сразу выделил в толпе встречающих троих-четверых человек, отвечающих стандартам десанта СС. Но кроме боевиков «свиты Сатаны» их встречал еще один мужчина, высокий, сутулый, одетый в легкий зеленоватый плащ. Наткнувшись на его взгляд, Никита уверенно подвел ничего не понимающего Такэду к этому человеку. Боевики «свиты» молча смотрели на них, сбившись в группу чуть в стороне.

— Добрый день,— сказал Никита, коснувшись шапки.— Вы — Хранитель?

— У вас точный глаз,— звучным голосом ответил мужчина.— Да, я Хранитель. А вы новый офицер связи, так сказать, рыцарь Пути?

Никите послышалось именно «рыцарь», а Такэде «самурай», но смысл оба поняли правильно.

— Похоже, что так. Меня зовут Никита Сухов, а моего друга Тоява Такэда, Толя.

— Оруженосец,— улыбнулся Хранитель тонкими губами. И снова друзья услышали разное: «оруженосец» — Сухов, «телохранитель» — Такэда.

Никита покосился на инженера.

— Он мой друг и учитель, а также...

— Наблюдатель,— закончил Хранитель.— Я знаю. Идемте к машине.— Он повернулся и зашагал к стоянке автотранспорта, не заботясь, идут прилетевшие следом или нет. Оба с чувством глубокого изумления смотрели на его спину: Хранитель был не просто сутул, а горбат! Но горб его не казался уродством, он был естественен, как бывает естественна горбинка носа.

Сухов и Такэда переглянулись, заспешили следом. Четверо «десантников» СС провожали их взглядами до тех пор, пока они не сели в старую «шестерку».

— Вы видели? — кивнул на окно «жигуленка» Никита.

Хранитель глянул на него через зеркальце заднего вида.

— Вы имеете в виду тех крепышей в сером? Не волнуйтесь, пока вы мои гости, они не подойдут.

Машина обогнула троллейбусы, стадо других легковых автомошин и выехала на аллею. Некоторое время ехали молча, потом Такэда спросил тихо и вежливо:

— А вы Хранитель чего, э?

— Хранитель Книги Бездн.— Сухов развеселился, прочитав на лице друга озадаченность.— Ты так хотел ее разыскать, что я решил помочь.

Толя принял прежний бесстрастный вид.

— Не зазнавайся, самурай. Как ты его вычислил? Весть сработала?

— Сработала, да не все удалось удержать в памяти. Сведения о Хранителе — это уже след, эхо той информации. Ты был прав: Книга Бездн здесь, в Таджикистане.

— Не вся,— откликнулся водитель, обладавший отличным слухом,— только фрагмент. Целиком собрать ее в этом веке проблематично. Но потерпите, друзья, разговор об этом впереди. А чтобы не возникало неудобств в общении, зовите меня Вуккубом. Или Иблисом. Подходит также Демон. Хотя можно и просто Хранитель.

Пассажиры снова переглянулись. В другое время Сухов не преминул бы пошутить, но он знал, что Хранитель далек от шутливого тона.

Немного удалившись от города, машина свернула с Орджоникидзебадского шоссе на каменистую проселочную дорогу, утрамбованную танковыми гусеницами. Особого напряжения не чувствовалось, хотя то и дело «шестерка» обгоняла бронетранспортеры и отдельные машины с солдатами или группами вооруженных лиц в гражданском. Лишь однажды машину остановил пост ГАИ и тут же отпустил, стоило Хранителю глянуть на инспектора.

Температура держалась в районе плюс пяти градусов, но из-за выпавшего мокрого снега казалось холодней, хотя для гостей и это была жара — по сравнению с минус восемнадцатью в Москве.

Хранитель жил на окраине, в глинобитном домике с чистым двором и тремя пристройками-сараями, в которых блеяли овцы. Прямо за глиняной стеной двора начинались траншеи, в которых росли корявые низкорослые деревца — лимоны. Кроме них возле дома росли апельсины, мандарины и громадное тутовое дерево.

— Я живу здесь более ста лет,— сказал Вуккуб, перехватив взгляд Никиты.— В основном наездами. У меня есть свои дома практически в каждой стране.— Он поставил машину в гараж-сарай, пригласил гостей в дом.

Прежде чем войти, Такэда выглянул из ворот и поймал за домами блеск стекла: к поселку медленно ползли две легковушки. Это

могли быть и машины «свиты». Толя тихо поделился своими наблюдениями с танцором, но хозяин услышал.

— Еще раз повторяю: пока вы мои гости, бояться нечего, джентльмены. Душ с дороги, ванну?

Никита, вошедший первым вслед за хозяином, таращился на современный интерьер дома, совершенно не соответствующий его внешнему виду.

Большой холл с плитой под мрамор, сверкающая кафелем и никелем кухня, большая ванная, также сверкающая пластиком, стеклом и хромированным металлом, зал-гостиная с удобными креслами, журнальным столиком, книжным комплексом на две стены и сервантом с великолепным баром. В доме были еще комнаты, но хозяин их не показал.

Гости разделись, сняли обувь, прошли в зал, утопая по щиколотку в толстом ворсистом ковре, выполненном под шкуру неизвестного науке зверя. Сели, оглядывая убранство гостиной. Их внимание привлекли три вещи: странная светящаяся игрушка в форме большой оплывшей свечи — в нише над столиком, какой-то отблескивающий матовыми и зеркальными поверхностями аппарат зализанных, эстетически совершенных форм — в углу, и бесшумно летающая под потолком модель не то планера, не то самолета в форме летучей мыши. Она то делала круги по комнате, гибко и плавно шевеля крыльями серебристого цвета, то замирала на месте, словно разглядывая гостей бусинами глаз-фар. Мотора, заставляющего модель летать, гости не заметили.

Вуккуб появился в гостиной в домашнем халате из верблюжьей шерсти, скрывающем горб, за ним следовала низкая стойка-тележка с бокалами, фруктами, бутербродами и сифоном. Хранитель достал из бара длинную бутылку темного стекла, на этикетке которой красовался берег Крыма, виноградная гроздь и надпись: «Черный доктор». Разлил вино по бокалам.

— Спасибо,— пробормотал Никита.

Хранитель остро глянул на него, понял, кивнул.

— Да, эта встреча не была, по правде сказать, необходимой, но меня разобрало любопытство — кто это пытается заменить Симаргла? Поэтому вы здесь.

— Не думал, что все произойдет так просто,— подал голос Такэда, пригубив вино.— Был готов к долгому поиску, неудачам, разочарованиям...

— Недооценил,— вставил Сухов.

— Ну тебя-то уж точно.

— Его тоже. Ты еще не понял, кто он? У твоего Денницы были помощники...

— Я — его правая рука,— блеснул насмешливыми глазами Хранитель. Лицо его, моложавое на вид, принадлежащее мужчине

сорока пяти лет, гладкое, почти без морщин, с хищным носом, узкими губами и черными глазами, с мощными «демоническими» бровями, властное, надменно-суровое, вдруг на мгновение утратило человеческие черты, и на друзей глянул дьявол! Нечеловек!

Такэда едва не подавился, утратив невозмутимость, Никиту пробрала холодная дрожь, хотя он и ожидал чего-то подобного, и прошло время, прежде чем они справились с чувствами. Сухов ощетинился: показалось, что кто-то пытается проникнуть в его мысли, но Вуккуб сделал вид, что ничего не произошло.

— Итак, насколько я понял, вы храните Книгу Бездн,— начал Толя, поблагодарив за угощение.

— Не так. Я пытаюсь с о б р а т ь Книгу Бездн, рассыпанную по свету. На две трети мне это удалось. Ее фрагменты появляются в самых неожиданных местах и зачастую известные вам силы находят их раньше. Кстати, в Сухаревой башне также хранился фрагмент книги... который во время ее взрыва трансформировался...

— В осколок камня? — подался вперед Такэда.— Во что-то материальное?

— О нет, в поток чистой информации, осевший в глубинах психики тех, кто находился в пределах сферы влияния.

Такэда пошипел сквозь зубы, что означало сильнейшее волнение, проговорил негромко:

— Я догадывался... Мозг человека — лучшее хранилище любой информации, неподвластное владельцу. Но зачем это вам? Собирать Книгу... хранить...

Хранитель улыбнулся, но в улыбке его крылись холод, жестокость и горечь, а во взгляде блеснула сдерживаемая ярость.

— Вариант «вечного жида».— Вуккуб поднял свой бокал. В тоне, каким были произнесены эти слова, проскользнули нотки злобной насмешливости.— Я тоже наказан за непомерную гордыню и сослан сюда, на Землю, планету одного из самых неперспективных Миров Веера, во искупление грехов.

— Не слишком понятно... извините.

— Толя, ты потерял форму,— сочувственно сказал Никита, хрустя яблоком.— Вуккуб же сказал, что он — правая рука Денницы... был. Не понимаешь? Ты же сам рассказывал мне, что после битвы Мрака и Света Люцифер был... м-м, изолирован в одном из хронов, ну а Вуккуба сослали сюда. Книга Бездн писалась не на Земле, вернее, на землеподобной планете местного «пакета», и после битвы и бегства воинства Люцифера оказалась у нас. И было это около тысячи лет назад. Так? — обратился Никита к Хранителю.

— Совершенно верно,— кивнул Вуккуб, в глазах которого тлел костер превосходства, задавленного гнева и надменной насмешливости.

Ему тесно на Земле, внезапно понял Никита, сразу прощая

Хранителю его иронию и насмешку. Он — маг в клетке, хотя клетка и достаточно велика — хрон, целая вселенная!

Глаза Хранителя погасли. Вероятно, он свободно читал мысли гостей, какие блоки они бы ни ставили.

— Тысяча лет,— пробормотал Такэда.— А на вид вам сорок пять... Как же вы живете все это время? Впрочем, извините, вопрос риторический. Книга сейчас у вас? Ну то, что удалось собрать.

— Хотите взглянуть? — Вуккуб встал и одним движением скинул халат. Спереди его тело казалось нормальным человеческим телом, в меру мускулистым, без единой жировой складки, но кожа блестела, как металлическая, и по ней ползли, перекрещиваясь, сливаясь друг с другом, разбиваясь на отдельные ручейки, преобразуясь и тая, потоки непонятных иероглифов, знаков и символов. Хранитель повернулся спиной, поднял халат, не обнажая однако горба, а слова неизвестного языка все ползли и ползли по коже, говоря сами с собой, укладываясь в тексты древнейшей истории и магические формулы, жили своей жизнью и хранили секреты чьего-то былого могущества, добра и зла, жизни и смерти...

Хранитель запахнул халат, сел на место, усмехнулся.

— На самом деле выглядит Книга иначе, каждый видит ее по-своему, в меру воображения и духовных представлений, но она — со мной. И когда-нибудь...— Он замолчал, прикрыв глаза веками.

Когда-нибудь Книга будет собрана, понял недосказанное Никита. И тогда кончится срок заключения мага и он освободится от заклятия. На чью же сторону он встанет?..

Ответом был пугающе огненный взгляд, в котором плавилась Бездна! Хранитель з н а л, на чьей стороне он выступит, но не хотел доверять эту тайну слабому человеческому существу. «Слаб. Не для Пути...» — вспомнил Сухов, и упрямо сжал губы. Посмотрим! Интересно, при каких обстоятельствах был захвачен Вуккуб? За что его приговорили к длительному заключению, за какие грехи?

Во взгляде Хранителя мелькнуло одобрение, но Сухов этого не заметил.

— А вы не боитесь этих парней? — нарушил молчание Такэда.

— Тех, что гоняются за вами — нет.— Вуккуб вышел, увозя тележку с пустыми бокалами и бутылкой.

— Он был одним из главных магов-помощников Денницы,— тихо сказал Сухов.— Я не знаю, как его брали и за что, но класс его намного выше, чем у СС. Ты знаешь, мне показалось, что он страдает! Да-да, несмотря на показное равнодушие ко всему, и к своему положению тоже, не смирился он.

— И все же странно, что он вдруг вмешался. Он не должен был вмешиваться ни во что, ни в какие события, ни на стороне сил Закона, ни на стороне сил Хаоса.

— С чего ты это взял?

— Мне рассказывали, хотя и без определения имен и конкретных условий: приговоренный Семерыми не имеет права ввязываться в споры Добра и Зла, это закон.

— Какого ж рожна ты его расспрашивал, раз все знаешь?

— Я уточнял. У меня же нет такого источника информации, как твоя Весть. Ты не боишься, что он нас выгонит прямо к мальчикам «свиты»?

Никита перестал сверлить друга взглядом, отвернулся.

— Не боюсь. Я вообще считаю, что эта ситуация давным-давно просчитана прошлой семеркой магов, и наша встреча с Хранителем предопределена всем ходом истории Земли.

— Очень интересная мысль,— раздался голос Хранителя из кухни. Он появился в дверях, по локоть погрузив руки в карманы халата.— Вижу, что Вестник не ошибся, передав вам карт-бланш Симаргла. Хотя, с другой стороны, человеку Путь Посланника почти неподвластен, и преодолевать вам предстоит непреодолимое. Не сломаетесь?

Никита встал.

— Пока живу — нет!

— Что ж, попытайтесь. Может быть, у вас и получится. Чем могу быть полезен?

Такэда тоже встал, ловя себя на мысли, что хочет встать на цыпочки: оба собеседника были выше его на голову.

— Нам нужен выход в систему хроноскважин, соединяющих хроны. Мне известно, что его координаты зашифрованы в Книге Бездн, поэтому я и гонялся за ней по всему свету. Вы знаете их?

— Знаю. Эту информацию может дать и Весть.

— Но...— Никита замялся, краснея.— Я не очень хорошо контачу с ней... на пределе эмоций.

— Научитесь. Если она вас признала, все образуется со временем. Но я вам помогу.— Хранитель шагнул к танцору и положил ладонь ему на плечо со звездой Вести.

Казалось, кожу прожег язык пламени — боль была невыносимой! Но Никита, выдерживая все тот же насмешливый взгляд Вуккуба, даже не отшатнулся, лишь сжал зубы.

Огонь проник в плечо, и оно взорвалось болью, выстрелившей в голову, в живот, в руки и ноги. Шею свело от парализующего холода, сознание начало гаснуть, однако Никита продолжал бороться, призвав на помощь все свои навыки бойца россдао и душевные силы. Слабость и боль отступили!

Голова прояснилась. Словно порыв свежего ветра прошел по телу, вынося дым, угар и шлаки из организма. Прилив сил был мощным, как после допинга, и требовал каких-то немедленных действий. Но не это было главным: Никита буквально ощущал поток информации — как вязь арабских письмен,— текущий из

плеча в голову и вспыхивающий там сполохами озарений, открытий и видений...

Хранитель отнял руку, и Сухов едва не упал от нахлынувшей слабости. Поток знаний прекратился. Тело стало рыхлым, словно губка, наполненная водой, мышцы отказывались повиноваться, сказочная легкость и сила уступили место усталости и безволию.

— Еще,— просипел танцор, борясь с головокружением.

— Хватит,— покачал головой Хранитель.— Может быть, ты получил и меньше, чем рассчитывал, но больше, чем заслуживаешь. Уходи в другой хрон, где ты сможешь достичь кондиции, необходимой для вступления на Путь.

— Но как? — осведомился Такэда, с тревогой поглядывающий на Сухова.— Книга Бездн открыта вам, а не нам.

— Он знает.

Никита кивнул.

— Идем, Толя.— Шагнул к выходу и остановился, колеблясь. Было видно, что в его душе идет борьба. Такэда догадался, что хотел спросить Сухов. Оглянулся на Хранителя.

— СС увели нашего друга... девушку.

— Знаю. Она жива, и вы ее найдете. Хотя вернуть ее будет очень непросто.

Глаза Никиты вспыхнули, он выпрямился, обрадованный и огорченный одновременно: хотелось более конкретных указаний. Но и просто известие о Ксении уже было утешением.

— Спасибо, Вуккуб.

— Не за что. Когда-нибудь и вы поможете мне. Прощайте, сеньоры.

Такэда поклонился, хотел напомнить хозяину, что их на улице караулят боевики СС, но вместо этого сказал:

— Желаю скорейшей свободы, сэнсэй. Мне кажется, выход в Веер для вас не закрыт.

— Что ж, спасибо на добром слове,— усмехнулся Вуккуб.— Может, еще свидимся.

— А куда вы теперь, если не секрет?

— Фрагменты Книги дали о себе знать в двух местах, на Кавказе и на Ближнем Востоке. Барьер в этих зонах не столь прочен из-за огромной массы человеческого зла, невежества и жестокости. Здесь, в Таджикистане, все нормализуется, я вышел на Книгу вовремя, там же весь хаос впереди.

— Удачи вам.

— Взаимно.— Хранитель вывел их из дома, высокий, худой, нахохлившийся, с лицом, озаряемым внутренней борьбой с самим собой, постоял секунду у ворот и исчез, унося на себе глыбу горба.

— Интересно, как мы доберемся до аэропорта, минуя наших приятелей? — Такэда кивнул на машины «свиты» на дороге.

— Нам туда не надо,— тихо сказал Никита, думая о своем.— Кстати, знаешь, что такое на самом деле твоя Книга Бездн? То бишь шестокрыл... или как там еще... Это всего-навсего канал обычной утечки информации из хронов с большим психоэнергетическим давлением, материализовавшийся в нашем хроне в виде Книги. И до сих пор хаос-информация продолжает просачиваться через этот канал в наш мир.

— Я начал догадываться.

— И былины, и мифы на Земле возникали примерно так же: на подвиги реальных героев накладывалась просачивающаяся из других хронов информация о действиях настоящих, реальных существ. От бабы Яги и всяческой нежити до великанов, троллей, драконов, злых и добрых волшебников.

— И об этом я догадывался. Лучше давай решим, как отсюда убраться живыми. Не ожидал, что этот... Хранитель просто выгонит нас из дома.

Никита отбросил задумчивость, глаза его блеснули мрачным удовлетворением.

— Он и так дал нам больше, чем хотел. К тому же он — нечеловек, просто вынужден жить среди людей. И он мне понятен не до конца... Что же касается наших приятелей из СС...— Сухов сплюнул под ноги.— Пока мы здесь, в поселке, нас не тронут, они его боятся. Пошли поищем укромное место.— Ничего больше не объясняя, он зашагал к центру поселка.

Такэда вынужден был подчиниться.

«Укромное место» отыскалось возле хлебного магазина в «торговой зоне» поселка. Центральная площадь, окруженная двухэтажными домиками, была, по сути, рынком, где торговали всем, чем только можно, в том числе оружием и «заморскими» товарами — американской «кока-кокой» душанбинского разлива и российской водкой. Здесь же располагались магазины: хлебный, молочный и промтоварный — чайхона «Малик».

Никита, пройдя чайхону насквозь — «десантники» СС вели их, но близко не подходили,— вышел во дворик, заставленный горами ящиков и огромных корзин. Зайдя за штабель ящиков так, что их нельзя было увидеть из окон кухни и со двора, Сухов снял один из ящиков и утвердил на нем дипломат-транскоф.

— Вот наш транспорт.

Танцор ожидал какой-то реакции удивления, но Толя обескураженным не выглядел.

— И об этом я догадывался. Вход в хроноскважину — станция хроносдвига, по сути,— должен быть стационарным, хорошо защищенным, но пути к нему должны быть универсальными, удоб-

ными, переносными, как свернутая веревочная лестница, и легкодоступными... для тех, кто их знает. Транскоф — именно такая «лестница». Вернее, передатчик материи, а не просто сумка с оружием.

Никита с уважением глянул на друга.

— Что значит инженерное образование! Не зря тебя взяли в Наблюдатели. Все правильно — транскоф действительно масспередатчик, хотя может выполнять и другие функции, в том числе и окна выдачи вещей из многомерного склада, вернее, камеры хранения, имеющейся у каждой станции хроносдвига. Ну что, готов?

— Погоди.— Такэда высунулся из-за штабеля, осмотрел двор.— Мне кажется, мы спешим. Если эти наши преследователи сюда и не сунутся, то они вполне могут ждать нас там, в устье хроноскважины.

Никита пренебрежительно скривил губы.

— СС — игроки низшего уровня, с ними-то уж мы как-нибудь справимся.

— Во-первых, если так будешь относиться к противнику,— хладнокровно парировал Толя,— то с игроками высшего уровня можешь не встретиться вообще. По причине ранних похорон. Во-вторых, СС — это профессионалы диверсионно-террористической службы, а не мальчики для битья.

— Что ж они до сих пор не могут нас взять? — буркнул несколько потускневший Сухов.

— А ты думал — нашими стараниями? Сначала нам попросту везло, потом тебя начал подстраховывать «омон» СДВ. Помнишь парней — «мы делаем одно дело»? А после Хабаровска вмешался Хранитель, Вуккуб. Странное имя, гулкое. Недаром говорят, что имя — вибрация космоса... м-да.

— Не отвлекайся. С чего ты взял, что он стал помогать нам?

— Вероятно, он следил за тобой с того самого момента, как ты получил Весть. Ведь, в принципе, такая передача — акт магический, она должна быть слышна магами. Не знаю, что на него повлияло, почему он стал исподволь, на самом тонком уровне, помогать нам, будучи адептом абсолютного равнодушия... но налицо факт — мы живы. И живы во многом благодаря ему. Так что не зазнавайся, Кит. Для танцора ты дерешься неплохо, но для воина Пути, а тем паче офицера связи Собора Веера, совсем слабо.

Никита молчал, покачивая головой в такт своим мыслям. Сбычившись, посмотрел в глаза Такэды.

— Откуда ты все это знаешь? О вмешательстве Хранителя.

Инженер достал из кармана пальто знакомый портсигар в форме стеклянной бабочки, раскрыл и достал тонкий белый цилиндрик, тут же развернувшийся в рулон не то бумаги, не то фольги.

— Что это?

— Послание. Второе после событий в Москве. Впрямую здесь о Хранителе не говорится, но сказано достаточно, чтобы понять, о ком идет речь.

Такэда развернул рулончик фольги, и тот вдруг с тонким стеклянным звоном рассыпался в пепел. Никита вздрогнул:

— Дьявольщина!

— Всего лишь сообщение о дьяволе... Хотя мне тоже непонятно, почему он помог нам.

— Видимо, его развеселили твои попытки найти Книгу Бездн, дай, думает, гляну на этого кретина. Что будем делать?

— Прежде всего вооружимся. Можешь вытащить из этого чемодана какое-нибудь оружие? Копья, например, или что-либо помощней.

Никита безмолвно наклонился над транскофом, положил на него руки, напрягся, полузакрыв глаза. На лбу его выступили бисеринки пота.

Что-то шевельнулось в дипломате... или так показалось Такэде. Порыв теплого ветра сдул пыль с ящиков, что-то скрипнуло, и транскоф открылся. Сухов сунул руку в образовавшуюся щель, пошарил там, вытащил короткое копье со светящимся льдисто-голубым наконечником, передал Толе. Еще раз залез внутрь, долго возился там и наконец вынул необычной формы приспособление, напоминающее ножовку, полотно которой образовывал ряд длинных черных игл. Особым образом изогнутая рукоять «ножовки» удобно легла в ладонь, но никаких дополнительных выступов и кнопок на ней не было и ничто не говорило о предназначении устройства.

— Шпага, что ли? — предположил озадаченный Сухов.— Я думал о чем-нибудь помощней.

— Потом разберемся.— Такэда с тревогой смотрел на часто мигающий алым пятиугольником перстень.— У «свиты» кончилось терпение, пора уходить.

Никита снова положил руки на черную «кожаную» крышку дипломата, застыл. Стоял так с минуту, шевеля губами, словно читая молитву.

Во дворе раздался шум, звук шагов нескольких человек. Толя вскинул копье, не решаясь торопить друга, и в этот момент транскоф развернулся в черный плоский прямоугольник размером в полтора человеческих роста. Спустя секунду прямоугольник этот превратился в зеркало, потом в слой стекла и как бы провалился в себя, образовав неведомой глубины тоннель.

— Прыгай,— сдавленным голосом произнес Никита.

— А ты?

— Я за тобой. Прыгай!

Такэда прыгнул, ухитрившись повернуться в прыжке и посмотреть назад. Он увидел, как из-за ящиков выбежали пятеро в знако-

мых комбинезонах «десантников», Сухов отмахнулся от них «ножовкой», прыгнул в тоннель следом, и наступила тьма...

7

Уцелели они только благодаря вмешательству Вуккуба, о чем, конечно, догадались не скоро; не помогла бы и предусмотрительность Такэды, появись они в приемном зале станции хроносдвига. Но Хранитель переориентировал выход транскофа на «склад» станции, и это позволило беглецам избежать засады и дало время прийти в себя после транспортировки по «струне» мгновенной передачи.

Встряска получилась не слишком сильной, но необычной, словно люди получили удар изнутри, перемешавший в кучу легкие, желудок, кишки и сердце, и прошло несколько минут, пока беглецы сообразили, где они находятся.

Соты! Они вывалились из объятий невидимого тугого мешка на круглую площадку, окруженную янтарно светящимися сотами. Правда, величина каждой шестигранной ячейки, закрытой крышкой, превышала пчелиную раз в сто, в нее свободно мог бы влезть человек. Но светились далеко не все ячейки, многие были серо-коричневыми, с узором трещин, словно по ним стреляли.

Никита, озираясь, встал.

— Куда это мы попали?

— А куда ты хотел?

— Ясно куда — на станцию...— Сухов растерянно огляделся еще раз.— Ничего не понимаю! Может быть, это... склад? — Никита протянул руку к одной из светящихся закрытых ячеек.

Тотчас же крышка ячейки выгнулась пузырем, лопнула цветком тюльпана, и в образовавшееся отверстие в руку танцора скользнул продолговатый белый брусок, напоминающий пенал, с мигающей зеленой звездочкой на торце.

Ячейка погасла, лепестки крышки сошлись, образовав знакомый узор трещин, как и на других несветящихся ячейках.

— Ты не очень-то самовольничай,— пробурчал Такэда.— Мало ли что хранит этот склад.

Никита засмеялся, щелкнул ногтем по «пеналу», и тот вытолкнул из себя желтый брикетик: ни-дать, ни взять — кусочек масла. Однако «масло» оказалось чем-то вроде надувного шара. Брикетик упал на пол и бесшумно вспенился, превратившись в метровый шар из губчатого, в дырках и кавернах, материала. Запахло озоном.

— Здорово! — сказал Такэда.— Прямо-таки волшебство. Осталось теперь узнать, что это такое.

Сухов почесал затылок.

— Мне казалось, что я подумал о еде... Между прочим, эта

штука пахнет сыром.— Он отколупнул кусок ноздреватой массы, понюхал, лизнул и съел.— Точно, сыр! Понял? Это, наверное, нечто вроде НЗ с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию. То-то пенал такой тяжелый. Не бойся, ешь, я сейчас и попить чего-нибудь достану оттуда.

— Потом, некогда. Надо выбираться отсюда, «свита» не станет ждать и скоро заявится сюда. Где мы? То есть, где находится склад? Ориентируешься? Мы можем попасть из него в устройство хронопередачи? Да не трогай ты здесь ничего!

Но было уже поздно. Уверовавший в свои силы и знания Никита протянул руку еще к одной светящейся ячейке, и раскрывшийся «ящик» вытолкнул из себя что-то чешуйчато-пластинчатое, свернутое в спираль, похожее на клубок змей, спеленутых перепонками. Оно со звоном упало на пол — Никита отдернул руку — и начало разворачиваться, вытягиваться, расти, пока не превратилось в двухметровую жуткую тварь, напоминавшую богомола и летучую мышь одновременно, с змееобразными конечностями.

— Бежим! — прошипел Такэда, пятясь, выставив перед собой копье излучателя.

Никита тоже попятился, лихорадочно прокручивая в памяти информацию Вести. Чудовище неторопливо расправило складки и кожисто-металлические перепонки своего тела, вытянуло вверх крючкастые лапы, заурчало, на его голове вспыхнули два фасеточных глаза... и Сухов больше не размышлял.

Выход сработал, как только кулак танцора ударил в светящееся окно ячейки с оранжевой вертикальной нитью внутри. Стена в этом месте треснула щелью по краям ячеек и разошлась. В эту щель и вывалились путешественники, хотя богомоло-мышистый монстр, похоже, не думал их преследовать.

Они оказались в слабо освещенном тоннеле с черным полом и мглистыми, жидкими на вид, стенами. Казалось, идеально прямой тоннель уходит в бесконечность, смыкаясь в точку на пределе видимости, однако это было иллюзией, как и «жидкий» вид стен. Беглецы сделали всего по три шага, как без всякого перехода выскочили в огромное помещение, заставленное решетчатыми фермами, колоннами и ажурными мостами. Света в помещении не было, но удивительным образом люди в и д е л и все предметы и друг друга. Никита остановился, глянул назад.

— Зря бежали. Я вспомнил... это был диморфант, причем неактивированный.

— Кто? — Такэда тоже оглянулся.

В стене помещения чернела быстро расплывающаяся клякса. Ни одного намека на дверь.

— Знаешь, когда мы сматывались, мне показалось, что кто-то рассмеялся...

— Да? Интересно. Мне тоже показалось...

Они поглядели друг на друга.

— Что это было? — осведомился Толя.

— Если ты о смехе, то не знаю. А диморфант — это скафандр. Точнее, существо-скафандр с почти неограниченными возможностями по защите. Живут они в симбиозе с другими существами в каком-то из хронов.

— А сейчас мы где? Конструкции какие-то... Завод, что ли?

— Это все иллюзии, наш мозг так реагирует на обстановку. Мы в энергозале темпорала, станции хроносдвига, а сама она находится в Гималаях, в недрах одной из гор. Помнишь легенды о Шамбале? Они созданы не без помощи станции, ее влияния на наш мир. Но впереди нас кто-то ждет, я чувствую...

— СС, кто же еще? Будем прорываться. На нашей стороне эффект внезапности.

— Сомневаюсь. Но делать нечего, надо идти до конца. К тому же, Ксения может находится и здесь.

Они углубились в «лес» ферм и колонн, шагая по черному, твердому и гладкому полу совершенно бесшумно, как по слою ваты. Оба понимали свое положение и были готовы применить навыки хаппо ундо — движения «на восемь сторон света», то есть мгновенно отреагировать на любую опасность в любом направлении. Наконечник копья в руке Такэды светился голубым и был похож на острый кусок льда. Никита свое копье держал в левой руке, а в правой нес «ножовку», направив ее лезвие из острых штырей вперед.

Обстановка изменилась внезапно, словно они продавили непрозрачную пленку, отделявшую помещение с колоннами от другого — высокого цилиндра с молочно-голубыми стенами, заполненного дымным голубоватым сиянием. В диаметре цилиндр не превышал размеров волейбольной площадки, но высота его была не меньше двенадцатиэтажного дома. Казалось, люди вышли на дно громадного колодца и увидели небо над ним, голубое и безоблачное.

На дне колодца стояло какое-то сложное сооружение, похожее на металлическую черепаху, окруженную строительными лесами. Из-под панциря «черепахи» высовывалась гофрированная, отсвечивающая тусклым металлом, шея, которая заканчивалась плоской змеиной головой. Голова лежала на полу, глаза ее светились, пасть была раскрыта, а внутри виднелось нечто вроде языка, освещенного тусклым багровым светом. В эту пасть свободно мог бы пройти слон. И прямо на нижней губе головы стояли пять неподвижных мрачных фигур, похожих на тот самый диморфант, оживший скафандр, который напугал Сухова на складе. Только в этих скафандрах находились их владельцы, не то группа СС, не то и вовсе ЧК. Они ждали.

Если бы беглецы сразу появились здесь по «струне» транскофа,

их убили бы мгновенно, не дав ни секунды на анализ ситуации, но они вынырнули не из кокона масстранспорта, а из внутренних помещений станции темпорала, и были вооружены и готовы ко всему.

Такэда первым шагнул к «черепахе», загораживая спиной Никиту и поднимая копье.

— Прочь с дороги!

Голос его прозвучал неожиданно гулко и громко, заставив вздрогнуть танцора, но существ в насекомозмееподобных скафандрах он не испугал. Крайний справа и крайний слева соскочили с возвышения, за которым начинался вход в строение в виде черепахи, и двинулись в разные стороны, заходя людям за спину. Рук или лап у них было по четыре, и в каждой светилось копье.

— Стойте! — сказал Никита, отодвигая Такэду, и вытянув вперед руку с «ножовкой». С кончиков игл ее лезвия вдруг сорвались алые искры, и весь огромный объем цилиндра с «черепахой» в центре заметно качнуло с боку на бок.

Жуткие фигуры замерли. Видимо, они хорошо знали действие «ножовки». Затем от тех, кто стоял впереди, отделился черно-зеленый «богомол», сделал два полупрыжка-полушага и опустился перед беглецами на передние лапы.

— Чего вы хотите? — Голос существа напоминал шипение выпускаемого из клапанов пара.

— Пройти,— смело двинулся к нему Никита, взмахнув «ножовкой» так, что помещение передернула судорога. Такэда еле устоял на ногах, с изумлением глядя на танцора.

— Дайте пройти, или я разнесу темпорал в пыль! Мне терять нечего.

— Вы делаете ошибку...

Новый взмах «ножовки» — и еще одна встряска всего здания и всех, кто находился внутри.

«Богомол» попятился, зашипев по-змеиному.

— Бросьте оружие! Быстро!

Копья всех пятерых полетели на пол.

— А теперь вылезайте из скаф... из диморфантов. Ну!

Такэда округлившимися глазами смотрел, как «богомолы», пощелкивая и потрескивая, вытягивались вверх, а из них вылезали широкие, уродливые, в черных комбинезонах, фигуры. Из них лишь двое казались людьми, трое же, имея человеческие туловища, ноги и руки, людьми, тем не менее, не были. Их головы, не то птичьи, не то черепашьи, фиолетово-зеленые, с кольцами ярко-оранжевого пуха вокруг щелевидных глаз, говорили сами за себя.

— Бредятина! — дрогнувшим голосом произнес Никита. Опомнился, потянул Такэду за рукав.— Пошли, Оямыч, таможня дает добро.

— Вы не уйдете далеко,— сказал им в спину тот, кто командовал пятеркой, имевший человеческий облик.

Никита, пятившийся к раскрытому зеву «черепахи», остановился. Он узнал вожака «десантников», который в парке говорил ему: «Слабый. Не для Пути...» Подошел к нему на расстояние прыжка, раздвинул губы в подобие улыбки:

— Слабый, говоришь?

«Десантник» глянул исподлобья. На лице его не было страха, и в какой-то миг Никите даже показалось, что в лице этого неземлянина проступили черты... Вуккуба, Хранителя Книги Бездн. Но тут же стерлись.

— Слабый,— кивнул гигант.— Все еще не для Пути.

— Ну, это мы посмотрим,— заносчиво бросил Никита.— Знаешь, что это такое? — Танцор направил в грудь чужаку свою грозную «ножовку».

— Знаю.— В глазах предводителя «свиты» мелькнула насмешка; он почему-то уже не боялся оружия в руках противника.— Не ошибись. Спесь и гонор — не главные козыри в руках воина.

Никита хотел ответить презрительной фразой, но в лице чужака снова проступили черты Хранителя, и сбитый с толку танцор прикусил язык. Буркнул:

— Спасибо, учту...

Оглянулся, шагнув на язык «черепахи» — вход в главную камеру станции, открывающей дверь в хроноскважину. Десять монстров — пять живых, во плоти и крови, и пять полуживых, биомеханических, смотрели им вслед, и было в их молчании жуткое обещание встречи.

Никита зябко передернул плечами, поманил Такэду. Показалось, кто-то опять негромко рассмеялся за спиной, хотя из патруля СС явно никто этого не делал.

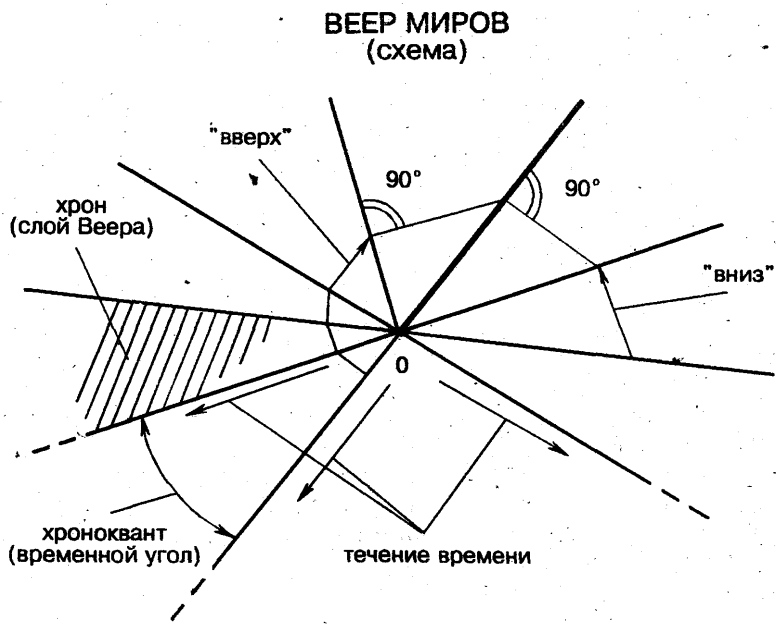
Коридор, идущий из головы «черепахи» через шею в ее чрево, осязаемо материальный, по виду сделанный из грубо обработанных каменных блоков со следами рубил, с орнаментом из буддистской символики (солнце — круг с лучами, сложные завитки растения в виде хвоща) закончился у выпуклой каменной двери с горельефом из драконов, кусающих себя за хвост. Никита вдруг остановился, оглянувшись.

— Ты что?! — Такэда стремительно обернулся, вскидывая копье.

— Ничего.— Сухов посмотрел на тускло мерцавшую в руке «ножовку» и отшвырнул ее прочь.— Это, наверное, был он...

— Кто? Зачем ты выбросил эту штуку? Они же ее боятся.

— Это всего-навсего муляж, копия. Ты был прав, Хранитель помогал нам. Тот парень... в нем проскальзывали черты Вуккуба, а я думал — мерещится.



— Допустим, и я это заметил, хотя и не поверил. Но ведь «ножовка» действовала.

Сухов болезненно усмехнулся.

— Эта «ножовка» — шиххиртх, арбалет одного из Великих игв, вернее, копия шиххиртха, метателя игл-стрел с очень широким спектром разрушительных свойств. Таких арбалетов во всем Веере всего четыре штуки. Если бы у меня в руках оказался настоящий шиххиртх, я ничего не смог бы им сделать: он не подпустил бы к себе никого, кроме мага. Хранитель просто пустил охране станции пыль в глаза...

Такэда посмотрел вглубь коридора, похлопал Никиту по спине.

— Не переживай, у тебя все еще впереди. Главное, что они поверили. Надеюсь, путь свободен?

Сухов вздохнул, качнул головой, освобождаясь от дум, и коснулся двери пальцами. Раздался удар в гонг, на двери неторопливо вылепилась надпись на русском и японском языках: «Добро пожаловать на лестницу Шаданакара». Никита махнул рукой, приглашая друга за собой, несильно толкнул дверь, с гулом ушедшую назад и в сторону, шагнул в проем. Такэда пожал плечами и вошел следом.

Они оказались в тесном помещении в форме склепа, сложенного из неровных, плохо отесанных каменных глыб. «Склеп» был запол-

нен светящимся, слоистым, сиреневым туманом. В этом тумане глохли все звуки, а собственное тело казалось желеобразным, полупрозрачным, колеблющимся.

— А ты сможешь им управлять? — спросил Такэда. Голос его был едва слышен.

— Темпорал должен нас слышать,— ответил Никита таким же невыразительным тихим голосом.— Особых навыков управления им не требуется. Итак, внизу нас ждут. Я имею в виду раруггов: всех этих «эсэсовцев», «чекистов», «црушников» и других прислужников Синклита демонов. Понимаешь, о чем речь?

Такэда кивнул.

— А я еще действительно слаб, чтобы пройти Путь объединения,— продолжал Сухов.— Мне нужен хотя бы год тренинга и концентрации экстрарезерва. Вниз по лестнице Шаданакара мы не пойдем, пойдем вверх, в будущее.

Такэда снова кивнул. Он знал, что темпорал соединяет Миры Веера таким образом, что из «угла» в «угол» при движении «вниз» скважина идет по перпендикуляру, то есть по кратчайшему пути, как бы по закручивающейся спирали, к началу времени, а при движении вверх — по раскручивающейся, в будущее.

— А если нас ждут и там?

— Они не всесильны и не могут перекрыть все выходы сразу. А для ориентации у нас есть компас.— Никита показал на перстень Такэды.— Когда-то я отказался от него, но теперь дай его мне, я знаю, как им пользоваться. Мы сойдем с «лестницы», как только путь будет свободен, а горизонт чист. Ты готов?

Такэда пристально вгляделся в лицо танцора, сиренево-голубое, с черными глазами и губами, как у мертвеца.

— Ты не все мне сказал, Кит.

Сухов криво улыбнулся.

— Какой ты чувствительный, Оямыч. Да, я хочу сначала поискать Ксению. Ты не возражаешь?

— Возражаю,— твердо сказал Толя.— Лучше бы ты подумал о маме. Почему я вместо тебя должен давать ей телеграммы, что у нас все в порядке? Ксения подождет. Потому что, во-первых, ты еще не в той кондиции, чтобы сражаться на равных со «свитой», а тем более с «черными коммандос». Во-вторых, ты... мы ничем ей не поможем, а наша гибель — не решение проблемы. И, в-третьих, СС или те, у кого сейчас Ксения, сами найдут нас, чтобы предложить обмен: жизнь Ксении на... твою. Это обыкновенный этический стандарт, если его можно назвать этическим, вечной борьбы и зла.

Никита хотел было возразить, и в этот миг перстень, который он вертел в руках, полыхнул кроваво-красной вспышкой.

— Они рядом, Кит, бежим! И если ты все-таки решишь по-сво-

ему — я за тобой пойду, но с твоей стороны это будет предательством.

— Что? — Сухов изумленно вскинул брови.

Перстень мигнул дважды — пятиугольником и полумесяцем.

— Вперед! — рявкнул Толя.— Включай «лестницу», быстрее!

— Ладно, я с тобой потом поговорю,— угрожающе проговорил Никита.— На этот раз я тебя послушаю, пойдем «вверх», но...

Перстень мигнул трижды — пятиугольником, квадратом, полумесяцем. Сухов замолчал и заставил себя сосредоточиться. Тоскливо ныло сердце, и хотелось проснуться в привычной обстановке.

Свет в камере-«склепе» погас. Наступившая тьма была живой, бормочущей, шевелящейся, глядящей на людей тысячью глаз, желавшей им удачи и смерти, победы и поражения и ждущей героев и жертв...

1

Они с гулом, свистом и грохотом неслись по тоннелю, стены которого казались то каменными, то металлическими, стеклянными или огненно-дымными. Неслись долго, час, два, сутки, неделю, а тоннель все разворачивался, изгибаясь влево-вправо, вверх-вниз, и вел все дальше и дальше, в глубины неизведанных пространств и времен. Хотя на самом деле он не имел измерений длины, высоты и ширины, как и времени. Потому что, когда он наконец закончился, оказалось, что путешественники стоят в той же камере неопределенных форм со стенами из цветных дымов, и времени с момента их входа в камеру «лестницы Шаданакара» прошло всего-навсего — секунда! Прислушиваясь к ощущениям — ничего не болело, не кололо, не жгло,— Никита первым делом глянул на перстень, внутри полупрозрачного, дымчато-черного камня сонно помаргивала голубая окружность.

— Голубая! — сказал Сухов обескураженно. Повернулся к Толе.— Ты что-нибудь понимаешь? Голубая окружность — это к чему?

— К дождю,— буркнул Такэда.— Все в порядке, можем выходить, никто нас не ждет. Кстати, где мы? В соседнем хроне?

— Гораздо дальше... или глубже, не знаю, как правильно выразиться. Точного количества пройденных хронов не назову, меня не учили ни считать их, ни ориентироваться. Выходим.

— Погоди, прежде всего надо решить одну небольшую проблемку, о которой я только что подумал.

— Какую? Одежды, еды, питья, оружия?

— Нет, проблему языка, общения. Не зная языка, везде будем чужими, и никакие умные размышления тут не помогут.

— Ты, как всегда, прав, сэнсэй. Но фандзэра оссимадис пикта мургис.— Никита прищурился в лукавой успешке.

— Чего?— не понял Толя.

— Это язык кхарохтхи, на котором говорят в одном из Миров Веера. Хранитель толкнул Весть в лингвозону, я теперь знаю около двух десятков основных языков Шаданакара. Плюс японский.

— Ага.— Такэда успокоился.— Когасира[1] ты наша. А что ты сказал? Фазенда осел...

— Фандзэра оссимадис пикта мургис, почти по Вовенаргу: ум не заменяет знания.

— Ух ты, здорово! Так чего мы стоим?

Никита засмеялся и, повернувшись, шагнул в стену камеры сзади себя, рискуя разбить лоб. Но это был уже не камень, а иллюзия камня, и отверстие выхода в стене появилось мгновенно, как только нога Сухова коснулась ее.

Коридор, в который они вышли, обоих насторожил.

Гофрированные его стены были металлическими, со множеством грубых заклепок, потолок прятался в паутине проводов и ферм, а пол был залит какой-то маслянисто-коричневой жидкостью и завален металлическим хламом и каменным крошевом. Запахи в коридоре витали прогорклые и кисло-чесночные, среди которых узнавались бензино-нефтяные и ментоловые. Дышать здесь не хотелось.

— М-да, высоким уровнем цивилизации не пахнет,— сказал Сухов, зажимая нос платком. Оглянулся.

На двери, из которой они вышли, в потеках и пятнах, красовалась серая табличка с коричневатыми буквами неизвестного языка. В памяти всплыли сами собой значения слов и перевод: «Могильник радиоактивных отходов».

Сухов присвистнул.

— Веселые тут люди обитают! Знаешь, откуда мы вышли? Из могильника радионуклидов.

— Ничего удивительного, вход в темпорал и должен быть замаскирован так, чтобы в него ненароком никто чужой не сунулся.

Инженер, обходя кучи мусора и лужи нефти, углубился в коридор, который через два десятка метров вывел их на пересечение трех таких же коридоров, освещенных лишь просачивающимся откуда-то мутным светом дня. Так как никаких ориентиров на стенах коридоров не было, решили проверить каждый из коридоров, но

[1] Когасира — голова *(яп.)*.

первый же — левый — вывел их на открытую площадку, расположенную на самом верху здания огромной высоты — не менее трехсот метров. Здание, по сути, было круглой серой башней не то из бетона, не то из металла, и возвышалось над городом, представлявшим собой дикое скопление асимметричных угрюмых зданий из того же серого материала — камня ли, металла или бетона,— а также из щелевидных окон ржаво-оранжевого цвета. Город гудел, ревел, грохотал и звенел, то есть жил, и двое с высоты башни долго смотрели на мрачный урбанистический пейзаж без единого признака зелени садов или парков, на реки транспортных средств, похожих и непохожих на трамваи, автобусы и автомобили разных форм и размеров, текущие по улицам-ущельям, на безрадостное мглистое небо в хлопьях дымов и серых облаков. Такэда опомнился первым:

— Вряд ли здесь мы будем в безопасности. И я очень сомневаюсь, что в таком мире отыщутся чистое место и хороший тренер.

— Тренер мне без особой надобности, а вот экологически чистый уголок не помешал бы.— Никита сморщился.— Ну и запахи! Уж если здесь, на такой высоте, трудно дышится, то, представь, каково внизу, на улицах.

Помолчали, снова вглядываясь в громады зданий и глубины улиц. Пешеходов почти не было видно и разглядеть их с такой высоты подробно не удалось, но Сухову все они представлялись одетыми в серые балахоны, сапоги и даже в противогазы, скрывающие болезненные, бледные, опухшие лица.

— Не думал, что попадем в мир, каким представляли будущее Земли в романах,— сказал наконец Такэда.— Вероятно, мы не прошли «пакет» Земель с технологическим циклом развития, а в этом, видимо, «завоевание» природы доведено до абсурда.

— Вы ошибаетесь,— раздался сзади хрипловатый бас.

Друзья, подскочив, обернулись, схватившись за оружие. На дальнем конце балкона высилась странная черная фигура, одетая в балахон и шлем, напоминавший танковый. В руках существо держало какое-то громоздкое устройство в решетчатом кожухе с двумя тускло блестевшими стволами и гофрированным шлангом, уходящим за спину. Лицо существа было вполне человеческим, земным. Заросшее щетиной, землистого цвета (как точно я их представил, подумал Сухов не без удивления), скуластое и бровастое, оно вполне могло принадлежать местному бродяге или бандиту. Да и аппарат в его руках будил мрачные ассоциации, явно принадлежа к классу оружия, а не мирных орудий труда.

До Сухова вдруг дошло, что заговорил незнакомец на русском языке. Танцор опустил свое копье.

— Кто вы?

Незнакомец явно удивился, аппарат в его руках дрогнул и стволы его глянули на гостей.

— Вы спрашиваете, кто я?! А кто, в таком случае, вы?

— Посланник,— ответил за Никиту Толя.— Разве вас не предупреждали? Ведь вы Наблюдатель, не так ли?

Незнакомец заколебался.

— Посланцы не спрашивают, кто перед ними. Конечно, меня предупредили, но я не думал...

— Он — не совсем обычный Посланник,— улыбнулся Такэда.— Он лишь готовится им стать и не посвящен в тайны Пути.

— А вы кто?

— Я такой же Наблюдатель в своем хроне, как и вы, разве что с некоторыми добавочными функциями.

— Мне передали, что возможно появление Посланца и Проводника.

В таком случае, я Проводник, хотя и на первом этапе, в своем мире. В ваш хрон нас забросило случайно.

— Это только кажется, что Посланец может быть заброшен Веером в случайное место и в случайное время. Владыки не ошибаются.— Наблюдатель этого хмурого мира все еще сомневался, верить пришельцам или нет.— Но с другой стороны на раруггов вы не похожи. Идемте отсюда, у Четырех везде есть глаза и уши, а, узнав, что вы здесь, они выбросят десант.

— Как вас называть?

— Мое имя достаточно просто — Мамард-дю-Шиез Ва, но можете звать меня короче — Машив.

— А Землю... как называют планету?

Наблюдатель приблизился, шагая тяжело, неуклюже, но широко.

— На моем языке планета называется Тадзана. Какие странные на вас одежды.

Только сейчас беглецы осознали, что одеты они по-зимнему, в пальто, шапки и теплые ботинки, в то время как здесь, в этом негостеприимном безрадостном мире, царила летняя температура — градусов двадцать пять по Цельсию.

— Вы тоже одеваетесь своеобразно,— ответил Сухов, снимая шапку.— Ну и парилка!.. Плюс запахи. Плюс полное отсутствие кислорода.

— Ну, не совсем полное,— возразил Такэда, с любопытством разглядывая нового знакомого,— но для дыхания землянина маловато.— Обратился к Машиву: — Что, ситуация на планете пиковая?

Наблюдатель не понял слова «пиковая», но значение ухватил верное.

— Отвратительная! Природа агонизирует, и жить нам осталось, наверное, немного, лет пять-семь. Если не произойдет чего-нибудь сверхъестественного. Но Хаос вторгся не только в наши дома, но и в души. Впрочем, поговорим об этом в другом месте.

Однако они не успели выйти из башни незаметно. Несколько верхних этажей преодолели по лестнице, а у лифта их ждала засада. Индикатор на пальце Никиты сработал вовремя, но они этого не заметили, слепо доверившись проводнику. Правда, причина выяснилась потом, а в момент нападения Сухов успел лишь плохо подумать о Машиве (предатель?!). Затем началось действие.

Такэда, в отличие от друга, осторожности не потерял, хотя его тоже неприятно поразило отношение здешнего Наблюдателя к происходящему: как только из коридоров на площадку лифта вывалила толпа одетых в пластинчатые доспехи фигур, Машив отступил в нишу коридора и с любопытством и недоверием стал наблюдать за поведением новоявленных Посланника и Проводника.

По-видимому, у нападавших был приказ захватить беглецов живыми, так как они не воспользовались своим оружием сродни тому, что было у здешнего Наблюдателя: двуствольные самопалы в дырчатых кожухах. Поэтому стрелять они начали только после второго отката атаки: Никита и Толя встретили их отлично, хотя на каждого приходилось человек по шесть. Третья попытка захвата началась со стрельбы поверх голов и резкого окрика командира отряда:

— Сдавайтесь, иначе сделаем из каждого решето!

Говорил он, конечно, на местном наречии, которого Такэда не понял, но в памяти Никиты уже всплыл этот язык, «записанный» Вестью, и он поверил руководителю засады сразу. И опустил копье. Хотя потом долго вспоминал о своей секундной слабости со стыдом и чувством вины.

Такэда понял его состояние раньше врагов. Копье его исторгло извилистый ручей голубого пламени, в котором исчезла голова командира засадников. Но второй раз выстрелить инженер не смог — руку парализовало от кончиков пальцев до шеи. Выронив копье, которое называлось вардзуни, Толя однако не стал ждать, пока бронированные существа откроют огонь на поражение, и, крикнув: «Проснись, танцор!»— прыгнул на крайнего справа.

Сухов очнулся, но было уже поздно: стволы девяти самопалов повернулись к нему, в то время как десятый искал Такэду, упавшего на пол и боровшегося со здоровенным оперативником.

Если бы беглецы могли во время боя наблюдать за сменой выражений лица Наблюдателя, это их позабавило бы. Сначала он наблюдал за боем с любопытством, затем любопытство сменилось озадаченностью, недоверием, изумлением и даже враждебным недоумением. Какое-то время Машив колебался, все еще ожидая чего-то, сомнения снова вернулись к нему, и по мере развития событий он все больше мрачнел и чесал в затылке, прикидывая путь отступления, но прыжок Такэды склонил чашу весов его колебаний в пользу прибывших. Наблюдатель открыл огонь в самый нужный

момент, отделявший жизнь от смерти двух людей, взваливших на свои плечи ответственность за судьбы Веера Миров.

Двойная очередь багровых вспышек — пули взрывались от прикасания к любому предмету, даже к одежде — перечеркнула двухствольные автоматы в руках нападавших, половину выбив из рук, а другую — повредив или сбив прицел. Открыть огонь смогли лишь трое из десяти, да и то в воздух, не прицельно, а потом в бой вмешался Сухов, яростно целеустремленный и свирепый, как джин, вырвавшийся из бутылки. Он раскидал троих, затем еще троих, успевших подхватить свое оружие, схватил на руки оглушенного Такэду и рванул вслед за Наблюдателем, на бегу огрызавшимся длинными очередями из своего жуткого «пушко-автомата».

Им удалось спуститься на два этажа ниже и найти работающий лифт, который доставил беглецов на сотый горизонт гигантского здания, где, как оказалось, Машив прятал аппарат, похожий на геликоптер и трактор одновременно. Парализованная разрядом копья рука Такэды начала потихоньку отходить, и усаживался в кабину аппарата он уже сам.

Через минуту они были в воздухе, а еще через четверть часа страшной тряски, грохота и свиста распарываемого воздуха приземлились за городом на крышу одного из невысоких зданий без окон и дверей, похожих на гигантские пакгаузы из гофрированного серо-зеленого материала. Никто их не преследовал.

С высоты здания — метров десять, не больше — Сухов еще раз оглядел горизонт и поразился бедности ландшафта: взгляд везде натыкался лишь на плоскости, изломы и опухоли зданий, сооружений, мостов, виадуков, башен, шпилей и громад непонятных форм и назначений, да на черные ленты дорог и плеши площадей и пустошей. Город отличался от пригорода разве что высотой и скученностью строений, да отсутствием мусорных свалок. И — ничего похожего на деревья, кустарники, цветущие поля и луга.

Оглянувшийся Машив понял мимику танцора, сверкнул зубами голубоватого цвета, что не прибавило ни доброты, ни красоты его угрюмому лицу.

— У вас не так?

— Наша природа еще не агонизирует, хотя процесс распада уже запущен.

Наблюдатель повернулся и скрылся за дверью небольшой башенки наподобие пристройки для лифта. Переглянувшиеся беглецы последовали за ним, кинув последний взгляд на мрачные геометрически четкие горы города на горизонте. Погони не было, и это настораживало.

Жилище Машива представляло собой отгороженную клетушку в углу «пакгауза», оказавшегося складом пластиковых труб и контейнеров. Воняло в нем не так остро, как на «свежем» воздухе, но

дышать было все же трудно, пока гости не притерпелись. Половину «квартиры» занимала громадная и высокая кровать, накрытая горой пушистых пледов. Кроме нее здесь стояли стол, два мощных, похожих на троны стула, круглая желто-коричневая тумба со множеством ручек, оказавшаяся шкафом, и прямоугольный агрегат с квадратными отверстиями, выступами, раструбами и панелью с десятком рукояток. Агрегат оказался кухонной плитой.

На стене, отгораживающей жилище от остальных помещений склада, висела квадратная рама из толстых брусьев, отлитых на первый взгляд из бронзы. На полу лежал ковер, больше напоминающий двухслойное татами. Вот и вся обстановка.

Хозяин усадил гостей на стулья-троны, а сам принялся колдовать у плиты, добавившей несколько запахов к устоявшимся ароматам жилища. Вскоре он поставил на стол квадратные тарелки с янтарным бульоном, в котором плавали ломтики зеленовато-черного цвета. Запах бульона не был неприятным, но Сухов не отважился отведать его первым. И снова Наблюдатель вытаращил глаза, глядя на колебания новоявленных приятелей.

— Странные вы все-таки ходоки Пути. Не знаете самых элементарных вещей. Боитесь — проверьте еду, у вас же есть эрцхаор... определитель полезности... индикатор.

— Индикатор?— Сухов показал перстень.

— Да, индикатор ирф-мирф... э-э, свой-чужой... Неужели вас не научили, как им пользоваться?

— А разве он определяет такие вещи?

— Он определяет все.— Машив вытянул вперед свою руку с четырьмя пальцами и оттопыренным когтем вместо пятого пальца: на самом длинном красовался точно такой же перстень, как и у Никиты.

— Мы не профессиональные ходоки Пути,— вмешался Такэда.— Путь позвал нас, но не сразу дал все необходимые инструкции.— Он зачерпнул квадратной ложкой бульон и осторожно проглотил. Прищелкнул языком.— Годится. Не трепанги, конечно, однако есть можно. Биохимия-то у нас одинаковая.

— Скорее всего,— кивнул Машив.— Несмотря на некоторые физиологические различия. Вы, простите, у себя на родине кто?

— Инженер-исследователь.

— Философ,— добавил Сухов,— и мастер единоборств. А вы?

— Итерние,— блеснул зубами Наблюдатель,— кладовщик по-вашему, с дипломом фахцеимагине — сопрягателя культурных менталитетов.— Он совсем по-человечески пошевелил пальцами, подбирая выражение.— Ну, это нечто вроде искусствоведа. Ешьте, если ваши организмы переварят мою стряпню.

Гости начали медленно поглощать бульон с чесноком и перцем. Машив наблюдал, как они едят, и качал головой.

— М-да, никогда не думал, что доживу до появления Посланника. И все-таки что-то в вас есть неправильное. Деретесь вы без оружия неплохо, но настоящий Посланник действовал бы не так.

— Вы поэтому не вмешались в схватку сразу?

— Почему же еще?

— А кто это был? Похоже, они нас ждали.

— У Четырех в каждом из Миров Веера есть глаза и уши, и даже исполнители варианта прикидки. Дрались вы с полицией, которая получила приказ ждать появления преступников, как и я — друзей, и выполняла его без рассуждений. Но это не «серые исполнители».

— Мы их называем иначе — «свита Сатаны».

Никиту вдруг потянуло в сон. Наблюдатель заметил его состояние, развернул пледы на кровати, махнул рукой:

— Ложитесь, отдыхайте, поговорим позже.

— Если не возражаете, я бы задал вам несколько вопросов,— вежливо сказал Толя.— А ты спи, Кит, пока мы будем беседовать.

Уснул Сухов сразу, едва голова коснулась подушки.

* * *

Лишь на третий день они более или менее адаптировались к воздуху этого неблагополучного со многих точек зрения мира. Никите это далось с большим трудом, чем более закаленному Такэде, но и Толя дышал, как рыба, вытащенная из воды. В здешнем воздухе было слишком много примесей, отсутствующих на Земле, от окислов серы, сурьмы и фосфора до радиоактивных радикалов, да и изотопный состав воздуха отличался от земного. Долго оставаться здесь было нельзя. Но и уйти в другой хрон они пока не могли: как выяснил Машив, в башне, где находилась станция хронопереходa, все время толклись вильеры, местные полицейские. Вряд ли они знали местонахождение станции, да и вход в нее открывался не всем, но пройти незаметно к двери станции представлялось проблематичным.

Беглецам показалось, что станция хроносдвига расположена не в самом удачном месте, и Машив пояснил:

— Раньше на этом месте был холм, его срыли и построили памятник Вождю, простоявший почти сто лет. Затем во время переворота памятник взорвали, а на его месте возвели Башню Славы. Следующий переворот башню оставил, но всю «Славу» уничтожили, а внутри обосновались коммерческие структуры и вычислительные центры. Ну, а когда наступил Кризис, башня вымерла. Выносить же старое оборудование и заменять его новым оказалось слишком дорого. Так и стоит теперь башня пустой и не пустой одновременно. И простоит еще долго, строили ее из материалов очень стойких и

прочных. А станция хроносдвига — темпорал все это время маскируется внутри под какой-нибудь запасник с хламьем. В башне таких мертвых помещений множество.

— Кладбище,— проворчал Сухов.

Машив понял.

— Весь наш мир — большое кладбище. Процесс дезинтеграции природы уже не остановить никакими средствами, а вместе с экологией умрет и население планеты. Не сразу, конечно, пройдет какой-то период дробления культуры, хирения и деградации, затем период Слабого Хаоса, а потом — полный распад. Кстати, если вы пойдете «вверх», то минуете несколько погибших миров, похожих на наш, особенно техникой.

Сухов иронически взглянул на грозную двустволку у ноги Наблюдателя. Машив поймал его взгляд, улыбнулся, оскалясь:

— Что, не укладывается в теорию прогресса технологии? Да, наша техника далека от совершенства, даже по сравнению с вашей, хотя цивилизация нашего хрона старше на несколько тысяч лет, но это не моя вина. Во впадине эволюционной гиперболы вы увидите миры, где технологические цепочки доведены до гротеска и даже абсурда. Эволюция машин пошла там по пути увеличения органов с небольшим количеством степеней свободы. То есть по пути упрощения конструкции и усложнения эксплуатации.

— Ретроэволюция,— кивнул Такэда.

— Вриэссо? Э-э, что? А-а... да. Они создавали потрясающие по масштабам, сложности и одновременно примитивные машины, в том числе и звездолеты, напоминающие ваши паровозы, но в сотни раз больше.

— А откуда вы знаете? Вы что же, путешествуете по хронам?

— К сожалению, я лишен удовольствия путешествовать по Мирам Веера.— Наблюдатель достал из обширных складок своего плаща-комбинезона прозрачно-стеклянную плоскую квадратную коробочку, живо напомнившую портсигар-бабочку Такэды.— Но у меня есть рация, а я любопытен. Те, кому я посылаю донесения, платят мне информацией.

Толя в ответ достал свою рацию.

— У меня тоже имеется такая штука, но действует на прием она очень редко.

Машив только покрутил лохматой головой, исчерпав запасы удивления и недоверия. О странностях своих новых знакомых говорить он перестал, но нет-нет, да в глазах его и протаивала подозрительность.

— Интересно было бы взглянуть на Землю в середине впадины эволюционной гиперболы,— задумчиво проговорил Такэда.— Выходит, Земля нашего хрона — еще не самый глухой тупик технологических стадий цивилизаций?

— Вы на склоне «пакета». Я же говорил, что «на дне» гиперболы располагаются миры с чудовищно гипертрофированными режимами, сильно подверженными дыханию Хаоса. Лишь на подъеме гиперболы начинаются миры, достигшие начальных стадий магии знания. И заканчивается земной «пакет» цивилизацией колоссального взлета с высочайшим уровнем абстракции, которой почти не страшно вторжение Индрагора.

— Люцифера,— механически поправил Такэда.

Машив не возразил.

Разговор этот произошел на второй день пребывания Сухова и Такэды в мире Машива, когда он вернулся из вылазки в башню и в город, носивший название Танннербериоз-асав. К вечеру они прогулялись вокруг квартала пакгаузов и складов, надышались выхлопными газами немилосердно дымящих автопоездов, размеры которых потрясали, оглохли от рева и грохота, дважды прятались от полицейских патрулей, запакованных в броню и кожу динозавроподобных животных, и решили без надобности больше не выходить. Тем более, что многое об этом мире можно было узнать по видеотелеграфу — системе, аналогичной телевизору Земли середины двадцатого века; это была та самая рама из толстых брусьев, висящая на стене дома Наблюдателя.

Изображение возникало в раме, как живая картина с глубиной и перспективой, но поскольку угол зрения людей не совпадал с тем, под каким глядели на мир существа этой вселенной, а частота кадров была иной, то смотреть «телевизор» Машива, в котором не было ничего, что напоминало бы транзистор, микросхему или лампу, было очень трудно. К концу своего пребывания у него ни Такэда, ни Сухов так и не привыкли к особенностям восприятия телепередач, хотя многое все-таки смогли узнать и понять.

Цивилизация Наблюдателя мало отличалась от цивилизации Земли, разве что гротескным сочетанием примитивно-высокой техники — в том смысле, что если довести до максимума совершенства прогресс паровозов и пароходов, вместо того, чтобы сменить их более экономичными и эстетически продуманными техническими средствами, то как раз и получится реализованный вариант,— и сложнейших социальных отношений, базирующихся на этнически-клановых связях и конфликтах. Правда, Машив сказал, что Веером реализованы еще более абсурдные отношения между разумными существами.

Разговор о Мирах Веера продолжался с перерывами два длинных вечера и сопровождался распитием напитка, который хозяин называл варрес, а Такэда — чай с коньяком, хотя напиток настаивался на каких-то местных травах, произраставших где-то высоко в горах. Лишь там сохранилась жалкая часть некогда великолепной, дикой природы планеты, уходящей в небытие.

Машив научил Никиту пользоваться перстнем, как индикатором ядовитых веществ, и таким образом они наконец избавились от проблемы пищи, испытывая ее на себе методом проб и ошибок, любая из которых грозила летальным исходом. Варрес по вкусу и запаху действительно напоминал чай с коньяком и по отзыву перстня не имел противопоказаний для организмов людей, живших в другом хроне.

— Как вы уже знаете,— говорил Машив, удобно лежа на своей громадной кровати, где умещались и Сухов с Толей,— сходные по условиям Миры рождались «пакетами», до миллиарда в «пакете». Именно столько реализовалось миров с планетами, подобными вашей Земле или нашей Тадзане. Но и в каждом «пакете» Миры расположены не хаотично, а «пачками», причем неблагополучных с точки зрения нашей морали, с высоким уровнем злобы и ненависти, как правило, больше.

— Например?— заинтересовался Никита.— Что вы хотите сказать?

— Например, Земель, на которых родились деспоты, апостолы человеконенавистничества типа Чингисхана, Сталина, Гитлера, фанатиков веры, насчитывается шестьсот шестьдесят шесть, а Земель с режимами социального равенства в десять раз меньше. Если бы вы знали, как интересно сравнивать два мира, два соседних хрона, сдвинутых по времени на один хроноквантовый угол! Различия бывают или очень тонкими или разительными, хотя физические константы могут отличаться на неуловимо малые величины. Поистине, Шаданакар — удивительнейшее из творений Мироздания, фантазия которого безгранична! Во всяком случае, мы не представляем даже ничтожной доли того, что реализовано Веером. Допустимы любые фантазии — с единственной оговоркой: условия существования Мира должны быть непротиворечивы.

Сухов хмыкнул.

— Значит, где-то есть мир, в котором реализованы гоблины, тролли, хоббиты, черти и другая нечисть?

— Вполне возможно, что для них «нечисть» — мы,— задумчиво сказал Такэда, который имел удовольствие беседовать с Машивом чаще.— Веером реализованы все системы мифов всех народов, населяющих Миры, от языческих русских, индо-аккадских, до китайских, египетских и африканских. Нам еще придется убедиться в этом на практике.

— Если сможете вырваться из лап «свиты»,— заметил скептически настроенный Машив.— Возможности ваши, как я вижу, невелики. Тем более, что вы можете выйти в агонизирующих Мирах, подчиненных ритму войн и катаклизмов. Например, я узнал недавно о существовании слоя фанатических исламских империй, не терпящих инакомыслия, где идет глобальная война всех против всех.

А чем лучше мир, в котором победил Гитлер? Или где ваш Сталин жил до ста двух лет? Или где татаро-монгольское иго захлестнуло всю Землю?

Сухов глянул на Такэду, в глазах которого тлел хищный огонь любопытства.

— Да, в таких мирах жить не очень уютно.

— Зато интересно,— произнесли Машив и Толя в один голос.

Никита засмеялся, привычно прикрыв рот ладонью — чтобы не перехватило дыхание. Оба Наблюдателя сходились фанатической тягой к новому знанию, жадностью к информации, и те, кто отбирал кандидатуры для постов Наблюдателей, не ошиблись в выборе.

Машив знал о жизни Веера гораздо больше, чем Такэда, хотя инженера это не задевало, а, скорее, стимулировало, как он признался Сухову. Рассказы о Мирах Веера он мог слушать вечно, и Машив платил ему той же монетой, преображаясь во время бесед из хмуро-недовольного, бандитского вида субъекта в интеллектуального и корректного собеседника, хорошо знавшего тему разговора.

Сухова тоже интересовала жизнь Веера, хотя к любопытству его примешивалась изрядная доля сомнений и страха: он не знал, что ждет их впереди, чем закончится Путь и кем он станет в финале. К этим чувствам примешивались и переживания за судьбу Ксении, поэтому Никита был нетерпелив, слушал обоих вполуха и через силу заставлял себя тренироваться. Однако и его увлекали красочные описания Машивом Миров Веера. Видимо, Такэда был прав, когда предположил, что Наблюдатель на Тадзане был не только Наблюдателем, но и Посвященным.

По его словам, существовал Мир, где вовсе не было Сталина, но был Гитлер, хотя и носил другое имя. Существовали миры эллинистического типа, скифского, монгольского или индейского. Миры, где люди ушли от техники, развив экстрасенсорные способности, избрав биологический путь развития. Суперкомпьютерные миры, обозначавшие тупики технологического развития, как и Мир Машива. Миры, где цивилизации погибли, оставив «великолепные», долго сохранявшиеся развалины. Мир, близкий Земле, но с более высоким уровнем пси-обмена, отзывающийся на Земле утечками информации; Атлантида и Шамбала — это мифы, созданные под влиянием подобных утечек. Миры, где в Солнечной системе существовал Фаэтон, у Земли не было Луны, Юпитер был второй звездой системы, кроме Земли не было планет, а лишь кометно-метеорные кольца, планет было гораздо больше, и так далее, и тому подобное. И, наконец, существовали вселенные-хроны, настолько отличные от вселенной Земли, что с трудом верилось в их реальность. Если в цивилизации разумных динозавров, слонов, насекомых — пчел или

шмелей, дельфинов и даже гигантских питонов, Никита еще мог как-то поверить, то миры с разумной жизнью на основе электронных концентраций в массивах желеобразных полупроводников представить было трудно.

Машив закурил. Дым его сигары для людей оказался приятным открытием, потому что имел запах мяты и озона, хотя на самого хозяина он производил почти наркотическое действие.

Сухов перестал прислушиваться к разговору. Голоса обоих Наблюдателей слились для него в неясный гул, и он задремал. Снились ему рогатые динозавры, змееподобные твари с коронами на головах, чудовищные твари в черных панцирях и гигантские облака газа размером с галактику, разговаривающие с ним на чистом русском языке и называющие танцора своим «желеобразным другом»...

2

На четвертые сутки [1] пребывания на Тадзане беглецов с Земли Машив нашел способ проникнуть в башню незаметно и вывести землян к станции хроносдвига.

Пробирались к башне они под землей, по коллекторам и тоннелям городской канализации, ничем не отличающейся от подобной сети любого крупного города Земли. Машив вывел группу точно под башню, в колодец сквозной вентиляции, пронизывающий здание по всей высоте. Остановился, осветив фонариком зал с насосами, продолжавшими гнать засасываемый сверху воздух по трубам во все коридоры здания. Грохот здесь стоял страшный, приходилось напрягать глотку, чтобы докричаться до соседа.

— Я, конечно, понимаю, что вам надо бежать, искать более спокойные хроны, но я еще не встречал хомбре... человека, который избежал бы опасности, убегая от нее.

Никита похлопал Наблюдателя по плечу: тот почти дословно повторил известный земной афоризм, но главное, что он был прав. И все же танцору был необходим какой-то период спокойного бытия, чтобы привести в порядок душу и сердце и потренироваться с экстрарезервом, пробуждая Весть, а через нее — пси-запас.

Машив похлопал его в ответ по спине, понимая молчание Сухова не хуже, чем объяснения. Такэда под влиянием минуты рассказал ему всю их историю, и, хотя Машив относительно их планов был настроен скептически, помочь не отказался.

— На вашем месте я вернулся бы домой, где вас сейчас не ждут.

---

[1] Сутки на Тадзане насчитывали двадцать шесть часов с минутами, а сам час был почти равен двум земным.

В вашем мире, причем на вашей родине, жил один ученый, вернее, инженер-исследователь и писатель Владимир Савченко, который открыл универсальную связь причин и явлений, применимую во всех без исключения Мирах Веера. Он опубликовал свою работу под названием «Антифизика для всех» и... никого из землян своего... вашего времени не заинтересовал.

— Нет пророка в своем отечестве.— Сухов повернулся к Такэдэ, одетому, как и он, в комбинезон и шлем вильера — полицейского Тадзаны. Костюмы вильеров достал Машив, не сообщив, чего это ему стоило.— Ты читал эту «Антифизику»?

— К стыду своему, нет. Я знаю, что писатель такой существовал, жил в Киеве, но он уже лет пять, как умер... хотя книги его переиздаются до сих пор. «Антифизику» я не читал.

Машив, как и Сухов, похлопал Такэду по спине.

— Вам бы знать это следовало, коллега. Савченко теоретически обосновал взаимосвязь мировых констант для каждого хрона: первичны события, которые задают размеры и длительность состояний Мира. И что существует прямое знание-действие, возможность самоконцентрации в миллионы раз выше, чем реализуют люди.

— Ну и о чем это говорит?— пожал плечами Никита.

— Концентрация энергии вакуума, в том числе и внутри любого существа, огромна! Если овладеть ею с помощью формул Савченко, можно стать магом.

— Если бы это было возможно, все Миры Веера были бы заполнены магами, волшебниками.

— Овладение С-процессом — так его назвали на вашей Земле много лет спустя — подвластно лишь творчески одаренным личностям, да и то не всем. И все же это шанс.

— Поглядим. Спасибо за заботу.

Машив поднял руку жестом одобрения и повел людей за собой к стене подвала, на которой чернели скобы, поднимающиеся к потолку и дальше по стене колодца вверх. Один за другим они полезли по скобам, закинув за спины ранцы-рюкзаки местного производства с провизией и оружием. Машив свой громоздкий пулемет лишь сдвинул на бок, чтобы иметь возможность открыть огонь тотчас же, ему было труднее всех.

Подъем на трехсотметровую высоту и по лестнице невероятно труден, а подниматься, цепляясь за скобы, многие из которых едва держатся в стене, еще труднее. И хотя им никто не мешал, добрались до верха они только через полтора часа, выбившись из сил.

Отдыхали полчаса, приводя дыхание и сердцебиение в норму. Потом Наблюдатель знаком приказал им ждать, и, расстреляв замок, запирающий выходную решетку, выбрался на крышу башни. Звуки стрельбы ушли вниз, к отчетливо слышимому гулу вентиля-

торов, породив дребезжащее эхо, но вряд ли стрельбу можно было услышать из колодца внутри здания.

Повисев на скобах минут пятнадцать, Никита осторожно выглянул наружу.

Была ночь. Колпак вентиляционной шахты венчал крышу здания, обнесенную металлическими перилами. Над шахтой вздымался трехметровый штырь с алой лампой, ничего не освещавшей под ней. Машива нигде не было видно. Сухов вылез на крышу, достал из ранца копье вардзуни, подождал немного и позвал Такэду. Вдвоем они обследовали крышу здания, оказавшуюся крышей центрального выступа башни, вся крыша которой была по площади раз в тридцать больше и находилась ниже метров на десять, на высоту трехэтажного дома. Люка они не нашли, зато обнаружили металлическую лесенку, опускавшуюся на основную крышу.

— Что будем делать?— прошептал Никита.

— Ждать,— так же шепотом отозвался Толя. Он был вооружен двухствольным автоматом того же типа, что и Машив, свое копье он оставил во время последнего боя с вильерами, выронив после выстрела.

Ждали долго — минут сорок, час, полтора,— разглядывая с высоты плохо освещенный город. Даже в темноте было видно, что он накрыт коричнево-серой дымкой смога. Наконец и Такэда стал проявлять признаки нетерпения.

— Что-то случилось. Надо искать станцию и уходить самим.

— Прежде надо отыскать Машива.

— А если он попал в засаду? Нет, Кит, тебе рисковать нельзя, нарвешься на случайный выстрел...

— Типун тебе на язык! — Никита глянул на перстень, в камне помаргивал желтый крестик.— «Свитой Сатаны» здесь пока не пахнет, а с вильерами мы с божьей помощью справимся.

— Тогда я иду первым.

Такэда перекинул ногу за перила и стал спускаться по лестнице на нижнюю крышу, покрытую каким-то темным материалом вроде засохшего клея.

Вскоре они нашли невысокую пирамиду выхода на крышу с открытой дверью. Из глубины здания просачивались сюда тихие отголоски чужой жизни и тусклый желтый свет.

— Там нас ждут,— уверенно сказал Толя на ухо танцору.— Слышишь звуки? Кто-то ходит и разговаривает.

— Смутный шорох тысячи смертей,— прошептал в ответ Сухов.

— Что?! Ты о чем?

— Ни о чем, это Заболоцкий. Другого пути вниз все равно нет.

Толя проверил готовность своей доисторической «двухстволки» к бою и бесшумно нырнул в пирамидальную будку, нащупывая ступени. Никита глубоко вздохнул, чувствуя возбуждение, нетер-

пение и дрожь в руках, перехватил удобнее вардзуни и последовал за инженером.

Лестница закручивалась спиралью, и по мере их продвижения делалось все светлей, пока наконец не показался участок коридора с грязно-зелеными, в пятнах копоти, стенами и черным блестящим полом, в котором отражался светильник в форме трезубца. Такэда поднял руку, Сухов замер. Он тоже разглядел то, что увидел Толя: в полу отражалась часть другого коридора и неподвижная фигура в глянцево-синих доспехах за углом. Судя по всему, здесь был пост вильеров из двух человек; было слышно, как они изредка переговариваются. Некоторое время Никита прислушивался, потом приблизил губы к уху инженера вплотную:

— Их двое всего, нас не ждут. Машив захвачен, но нас не выдал.

Такэда ткнул пальцем вниз и погладил свой автомат.

Никита отрицательно качнул головой, взвесив в руке вардзуни.

— Твоя пушка наделает грохота, а копье работает бесшумно. Прикроешь, если что.

Последние ступеньки Сухов преодолел в два прыжка, соскочил на пол — блестящая поверхность оказалась пленкой какой-то жидкости,— мгновенно оценил ситуацию и выстрелил. Голубой извилистый ручей разряда прошелся по рукам одного вильера и уничтожил автомат другого. Руку Сухова свело, но вардзуни он не выпустил.

Первый вильер повалился на пол без звука, а второй заорал было, и Такэде пришлось заехать ему прикладом по шлему, после чего наступила тишина.

Коридор уходил в обе стороны, закругляясь по радиусу, и был весь залит жидкостью, напоминавшей нефть. Второй коридор, узкий и темный, уходил вглубь здания и заканчивался тупиком, вернее, клеткой с тремя дверями. Такэда посветил фонарем и еле слышно присвистнул: на одной из дверей красовалась знакомая надпись на тадзанийском языке — «Могильник радиоактивных отходов».

— Или нам невероятно повезло, или станция способна перемещаться.

— Есть и другое объяснение: таких могильников здесь много.— Никита толкнул дверь, и в лицо ему ударил сиренево-синий свет «предбанника» станции хроносдвига. Это и в самом деле был выход.

— Ничего не понимаю!

— Может быть, она реагирует на наши... твои мысли? Ведь что ни говори, но ты — Посланник.

Сухов хмыкнул.

— Я, конечно, думал о станции, но... Впрочем, все к лучшему. Теперь мы знаем, где она, и всегда сможем добраться. Пошли искать нашего приятеля, попробуем вызволить.

— Ты с ума сошел, танцор! Он в своем мире, как-нибудь оправдается, а мы только дров наломаем, да и сами можем попасться. Что тогда?

— Можешь подождать меня здесь.— Никита голоса не повысил, но в его тоне прозвучали доселе незнакомые нотки, властные, упрямые и уверенные.

— Тогда пошли,— невозмутимо ответил Такэда.

Через двадцать минут поисков они вышли на стык двух коридоров, похожий на тот, первый, попавшийся им после выхода из станции хроносдвига. Здесь же была и лестничная площадка, и коробка лифта с ограждением из ржавых металлических прутьев. Никто из вильеров не повстречался, не было их и на лестничной клетке, но Сухов первым обратил внимание на звуки речи, доносившиеся из шахты лифта. Отогнув полосы ограждения, они с трудом сдвинули тяжелую дверь и заглянули в шахту.

Коробка лифта виднелась этажом ниже, и оттуда же доносились голоса разговаривающих людей, среди которых ясно различался хриплый бас Машива. Вероятно, он понимал, что гости будут его искать, и поднимал скандал, своим рыком давая понять, где он и что с ним.

— Странно, что его держат здесь, в здании, столько времени,— выдохнул Такэда.— Знают, что он не один, и ждут остальных? Или пытаются выяснить на месте, что он тут делает?

Жест Сухова был красноречив: какая разница?

Решили спуститься по шахте до крыши лифта, проанализировать ситуацию, определить количество и силу противника и лишь потом действовать.

Спуститься удалось, цепляясь за огромные металлические рейки с зубьями, за которые цеплялись шестерни кабины лифта; местные лифты были устроены не так, как земные — без тросов, и мотор в них находился на крыше лифта. Нашелся и люк в кабину, снабженный обыкновенной защелкой без замка, к тому же и сорванной. Приоткрыв люк, диверсанты убедились в том, что кабина пуста, и бесшумно спустились на пол, готовые к любой неожиданности. Никита сразу же осмотрел панель управления, утыканную рукоятками и тумблерами; до кнопок и сенсоров цивилизация Тадзаны почему-то не дошла, хотя ее кое-какие технические решения могли бы составить конкуренцию и на Земле.

Дверь лифта открывалась наружу, снабженная изнутри мощной задвижкой. Пришлось попотеть, чтобы сдвинуть задвижку без шума. В щели запора была видна часть лестничной клетки, груда ящиков и коридор. Вильеров здесь находилось человек восемь. Они сидели на ящиках, возились у какого-то гудящего и мигающего устройства, похожего на спортивного коня, бесцельно бродили по коридору. Двое допрашивали Машива, не попадавшего в поле зре-

ния, и один из этих двоих вильером не был. Высокий, сутулый, одетый в серый пятнистый балахон со множеством металлических блях, он сразу не понравился Сухову. А через минуту Никита понял, что это в с е л ё н н ы й — по косому взгляду, брошенному на дверь лифта.

Танцор отшатнулся, сдавленно пробормотал Толе:

— Попались! Моджахед в сером — в с е л ё н н ы й! Посмотри.

Такэда на секунду приник глазом к щели.

— Ты прав. Но пути назад нет. Атакуем, пока они не опомнились, иначе нас снимут в шахте, пока будем подниматься.

Никита молча ударил в дверь ногой... которая открылась лишь наполовину, уткнувшись в низкий металлический барьер, невидимый из щели. Если бы люди тотчас же бросились вперед, они неминуемо споткнулись бы, столкнулись и упали, попадая под огонь дюжины автоматов. Спасла их только реакция, да выдержка Такэды. И все же сцена была достаточно красноречивой: вильеры оглянулись на хлопнувшую дверь, Машив поднял голову, привязанный к еще одному гудящему устройству, которое напоминало пыточный стол и детектор лжи, Никита занес ногу через барьер, Такэда выставил автомат, монстр в сером сунул голову в аппарат с окулярами, наставляя его на людей; в руке он держал такое же копье, что и Никита; и все застыли на мгновение. И все же на долю секунды люди начали первыми, потому что готовились к худшему, да и никто из лифта их не ждал.

Длинная двойная очередь прошлась по группе полицейских, сбивая их с ног, а голубая молния вардзуни вонзилась в руку человека в сером, держащего такой же лучемет. Выстрелить он тем не менее успел — факел голубого пламени вонзился в дверь лифта — но ни Сухова, ни Такэды там уже не было: они успели выбраться из кабины и старались перемещаться как можно быстрее. Вторая очередь Толи пришлась на гудящего «коня», и тот взорвался желтым электрическим огнем и дымом, на время приковав к себе внимание оставшихся на ногах вильеров.

Никита подскочил к Машиву, глядевшему на них с веселым изумлением и недоверием, сунул острый наконечник копья под путы на руках и ногах, рванул дважды, и Наблюдатель оказался на свободе, сразу бросаясь в схватку; подобрав чей-то автомат, он принялся стрелять по мелькавшим в коридоре фигурам. И все это время человек в камуфляжном комбинезоне стоял в стороне — без руки! не падая и не крича от боли! — и пристально наблюдал за Суховым, не обращая внимания на суету вокруг, выстрелы, крики, команды. Взгляд его был страшен! Если бы Никита встретил этот взгляд, ему не помогли бы ни воля, ни сила, ни оружие. Но танцор не глядел по сторонам, подчинив себя главной цели — освобождению Машива.

Через минуту бой закончился. Машив увлек своих освободителей за собой и через некоторое время — бежали со всех ног! — вывел их по коридорам и лестницам к еще одной двери с надписью: «Могильник радиоактивных отходов». Это был не тот коридор и не та дверь, что обнаружили час назад беглецы, но Сухов сразу почувствовал — станция хроносдвига здесь! Она действительно могла перемещаться, менять местоположение: либо по каким-то командам подсознания путешественников, либо по программе, составленной миллионы лет назад кем-то из магов, отвечающим за Посланника.

Мысль мелькнула и исчезла. Никита коснулся двери ладонью, открывая вход. Оглянулся, пробормотав:

— Укажи мне прямые пути,
И в какую мне тварь низойти [1].

— Прощайте,— сказал Машив, все еще не пришедший в себя.— Почему вы не ушли сами?

— Потому что мы друзей в беде не бросаем,— вежливо ответил Такэда.— Удачи, Наблюдатель. Может, еще свидимся?

— Вряд ли.— Машив добавил несколько слов по-тадзанийски. Сухов улыбнулся, но не перевел. Протянул руку.

— Уходите, пока вильеры не устроили облаву.

— Я дома, чего мне бояться. Вы заметили того чужака в сером? Он з н а л о вас все. Но это не бханг... вы называете их эсэсами... он не из «свиты».

— Он двойной, в него вселили кого-то из тех, кто охотится за нами. Вполне вероятно, что когда-нибудь я встречусь с ним воочию.

— Побереги вас Бог! Может быть, вы и уцелеете, начинаю верить в это. Воспользуйтесь вашим перстнем-индикатором, он выведет в любой хрон, в том числе и в такой, где вас долгое время никто не потревожит. Существует закон: успех дела — это хорошо поставленная информация и хороший исполнитель. Вам не хватает информации.

— Спасибо, я понял.

— Но у вас в руках, вернее, на плече — ценнейший кладезь информации, заставьте его говорить.

— Я попытаюсь...— Никита споткнулся, твердо взглянул в глаза Наблюдателя, в которых недоверие боролось с надеждой.— Я заставлю ее говорить!

Думал Сухов в это время о Ксении.

Машив хлопнул его по спине, потом Такэду, поднял руки в прощальном жесте и сгинул в темноте коридора. Двое смотрели во тьму, пока не смолкло эхо шагов, потом ступили в сиреневый полумрак, и дверь станции хроносдвига закрылась за ними.

---

[1] И. Бунин.

* * *

Ложное чувство легкости, с которой они ушли из мира Машива, сыграло с ними скверную шутку, усыпив даже врожденную осторожность Такэды. Правда, времени на анализ событий у них не было, но Толя должен был задуматься — почему им так везет. Однако и он поддался настроению Никиты, опьяненного победой и собственной смелостью, когда тот предложил «поиграть пластинками веера», то есть посмотреть Миры Веера, пощупать их руками — хотя бы те, где их не ждала засада «свиты Сатаны».

Таким образом они, пользуясь наведением перстня-эрцхаора, ступили на зыбкую почву хроноскважины, соединяющей Миры с разным ходом времен и разными физическими законами, не зная, что любое перемещение по «струне» хроноскважины встряхивает всю паутину «струн», и что наблюдатели из обоих лагерей — Хаоса и Закона уже получили сигнал: кто-то грубо, не соблюдая никаких правил маскировки и демпфирования колебаний «лестницы Шаданакара», открыл Путь.

Индикатор выдал «добро» (воздух нового мира годился для дыхания, вода — для питья, боевики СС на выходе не ждали), и они вышли в мире, о котором рассказывал Машив: упрощение технологий и увеличение числа рабочих органов машин довели науку этой цивилизации до патологического состояния, рождающего технических монстров. Инженерная мысль этого дряхлого мира зашла в тупик, не способная на смену идей, продолжая «совершенствовать» те идеи, которые были открыты еще сотни и тысячи лет назад.

По гигантским автострадам — железных дорог здесь не создали — ползли чудовищные допотопные паровые автопоезда, топившиеся углем. По улицам продымлённых городов с невысокими, но громадными по площади зданиями, с грохотом сновали в чаду и дыму жуткие пародии на автомобили, об эстетике форм которых говорить не приходилось. В небе летали настоящие многокрылые и многомоторные крепости размерами с половину земного аэропорта. Моторы крутились в них электроэнергией, вырабатываемой атомными реакторами, которые управлялись такими доисторическими методами — с помощью систем замедляющих реакцию стержней, что волосы вставали дыбом, настолько ненадежным было такое управление.

Были в этом мире и звездолеты — гигантские горы из металла, бетона и керамических материалов, вызывающие тошноту от одного взгляда на них. Источниками энергии в них тоже служили атомные реакторы, подобные земным пятидесятых годов, разве что размерами в сотни раз больше. Но они летали!

Земля в этом хроне-вселенной носила название Удургумрууб, у нее было две луны — Буррумуб и Гурруб, а в солнечной системе

насчитывалось одиннадцать планет, около трех сотен спутников и пять кометно-пылевых колец, и почти все они были исследованы с помощью атомных планетолетов, без предварительного зондирования. Автоматики и компьютерной техники цивилизация Удургумрууба не знала. Как не знала она и технологий переработки отходов и устаревших технических устройств — Никита и Толя вышли из станции хроносдвига в центре гигантской свалки, приняв ее сначала за город.

Впрочем, свалка и была своеобразным городом, где жили тысячи отвергнутых цивилизацией нищих, бездомных, калек и мерзавцев всех мастей, сбившихся в шайки. Одна из таких шаек попыталась ограбить новеньких, вооруженная ножами и громадными одноствольными ружьями, которые напоминали старинные мушкеты. Одеты они были на удивление хорошо, почти как рок-металлисты Земли, но взгляд на их лица, безволосые, по-волчьи злобные и жестокие, отбивал всякую охоту знакомства и обмена информацией.

Путешественникам удалось отбиться довольно легко, нападавшие понятия не имели о принципах воинского искусства и самозащите без оружия, после чего пришельцев уже не трогали. В костюмах вильеров, полицейских Тадзаны — земные пальто и шапки пришлось оставить в доме Машива,— они практически не отличались от жителей Удрумба — так называли свою планету сами аборигены.

С трудом добыв завтрак и с еще большим трудом заставив себя его съесть, путешественники не стали задерживаться на Удрумбе, Земле «середины пакета» «хреновых хронов», как сказал Такэда, соответствующей самому дну эволюционной параболы для данного пакета.

Следующая остановка настолько была похожа на предыдущую, что Никита засомневался, сработала ли станция: вышли они на холме, окруженном точно такой же свалкой. Но это был уже другой мир, с другими красками и особенностями. Цивилизация на нем была представлена одним городом-гигантом, перемещавшимся в сторону новостроек, оставлявшим сзади «хвост» развалин и мусорных свалок. Имя планеты осталось неизвестным, друзья не стали останавливаться здесь.

Затем они вышли в середине пакета мусульманских империй, оплота фанатиков исламской веры, выдержав полчаса и будучи едва не схваченными контрразведкой той страны, где располагалась станция хроносдвига. Но и получасового наблюдения за исступленно молящейся толпой, устроившей после молитвы поголовную резню, было достаточно для впечатлительных землян. Этот пакет хронов был античеловечен и антиинтеллектуален, следуя закону развития по нисходящим ветвям, быстро ведущим к одичанию и духовной смерти, за которой следовал полный распад цивилизации.

Прошли пакеты миров, на которых господствовали империи, захватившие практически всю планету. Некоторым из империй можно было найти аналоги в земной жизни: Соединенные Штаты Америки, Япония, Китай, арийская Германия, монголо-индейская раса, союзы черных африканцев, Египет. Добрались и до России, вернее, Руси времен будущего, от десятков до тысяч лет. Первую остановку сделали в начале русского пакета.

Планета называлась Соацера, а страна, соответствующая Руси на Земле — Осенеаза. Несколько часов бродили по лесу, во многом напоминающему земной умеренного пояса, с лиственными и хвойными деревьями, кустарником и цветущими травами, и не могли надышаться. Небо здесь было зеленоватого оттенка, дышалось легко, тишина располагала к отдыху и умиротворению.

Вышли к реке, за которой расстилалась травяная равнина с блестящими мачтами ветряков. На горизонте отсверкивала бело-голубая стена города, людей нигде не было видно, да и дорог тоже, лишь вдоль реки вилась тропка, указывающая на то, что пешеходы в этом мире не перевелись. И все же останавливаться здесь тоже не стали, жажда увидеть мир мечты погнала их дальше.

А на Земле середины пакета с высокой технологией, обеспечи-

вающей свободу любых творческих начинаний, с демократическими режимами, развитой экономикой, позволяющей безбедное существование всем живущим, путешественников догнала погоня.

Станция хроносдвига пряталась здесь в пещере, выходившей прямо в стене гигантского каньона необыкновенной дикой красоты и величия. Спуска вниз не оказалось, но путешественники не очень огорчились, пораженные открывшейся панорамой. Очнулись они от мрачного предчувствия — оба подспудно ожидали опасности и расслабиться полностью не успели. Никита взглянул на перстень: камень пульсировал алым полумесяцем, выстреливая длинные оранжевые искры в глубь пещеры, из которой они вышли.

— СС! — выдохнул Сухов, судорожно выдергивая из ранца копье вардзуни.

— Ждали нас?

— Нет, шли за нами. Они еще внутри станции, но скоро выйдут. Давай искать спуск вниз.

Но было уже поздно. Сиреневое сияние обозначило дверь в дальнем конце пещеры, и на ее пол выпрыгнули пять фигур в черных комбинезонах.

3

Вожак «свиты» был уже знаком: тот же гигант, что встретил Сухова в парке и на станции хроносдвига. Только на этот раз он был одет в другой комбинезон и вооружен вместо вардзуни трезубцем, каждый зуб которого светился, как раскаленный кусок металла. Хабуб, всплыло в памяти название трезубца. Это был «младший брат» шиххиртха, метатель стрел, обладающих огромной пробивной и взрывной силой.

Главарь выступил вперед. Лицо его не выражало ни гнева, ни удивления, ни ненависти, оно было равнодушно-угрюмым и высокомерным, как и в тех первых встречах, но в глазах его отражались ум и угроза, помноженные на уверенность и невероятную силу, и Никиту невольно охватил озноб страха.

— Третья встреча — последняя,— проговорил вожак низким баритоном.— Я же предупреждал, что далеко вам не уйти. И еще я предупреждал, что простому смертному Путь не по зубам. Жаль, что вы этого не поняли.

— Это мы еще посмотрим,— сквозь зубы сказал Сухов, направляя острие вардзуни в грудь великана.

Тот глянул на копье, качнул головой.

— Воин Пути не имеет права носить чужое оружие. А тем более сражаться им.

— Он еще не посвящен,— тихо обронил Такэда, готовый от-

крыть огонь из своего устрашающего двухствольного автомата.

Вожак перевел оценивающий взгляд на инженера, дернул уголком рта, обозначая улыбку.

— Оруженосец не имеет права вмешиваться в разговор хозяев.

— Во-первых, он не оруженосец и не слуга, а мой друг,— сдерживаясь, отрезал Никита.

— А во-вторых, я не воин Пути,— продолжил Толя все так же тихо и любезно,— и могу сражаться любым оружием.— Он дал короткую очередь, взбившую пыль у ног вожака.

Четверо СС при этом не сделали ни одного жеста, и это их молчаливое презрение к смерти, ощутимая тень превосходства снова наполнили страхом душу Сухова.

— Он прав,— выговорил Никита занемевшими губами.— Я встал на Путь и действительно не имею права воспользоваться не своим оружием.

Вожак снова улыбнулся уголком рта.

— Закон Пути есть закон. Но я могу предложить выбор: вы идете с нами добровольно или... поговорим один на один. Идет?

Никита оглянулся на Такэду, тот отрицательно покачал головой:

— Давай это сделаю я.

— Н-нет.— Сухов глубоко вздохнул и вдруг словно освободил внутри себя запертое до поры, до времени чувство долга. И уверенности. И веселой злости. Передал вардзуни Толе.

— Держи, оно еще нам пригодится.

Вожак опустил свой трезубец и вдруг без замаха, движением одной кисти, бросил его в стену пещеры. Трезубец вонзился в стену бесшумно, выбив приличную яму, но так, что скалы вздрогнули и загудели. Никита снял шлем и очки, отстегнул нагрудник полицейского, оставив только пластину, защищавшую живот, встал в нужную стойку.

— Прежде, чем мы начнем... где вы держите Ксению?

— Кого?— Казалось, командир группы СС был удивлен.

— Мою девушку.

— Нигде. Моя команда не получала задания захватить вашу девушку.

Никита растерянно опустил руки.

— Но если не вы, то кто? Другая группа? «Черные коммандос»?

— Не знаю. Время вопросов истекло.— Вожак прыгнул, и не успевший с блоком танцор кубарем покатился по каменистому полу пещеры.— Не начинай дело, если не умеешь хотеть настолько, чтобы мочь.— Больше «эсэсовец» не произнес ни слова.

Он был шире танцора и тяжелее, но двигался так быстро, что иногда размазывался в движении. Сухов явно уступал ему в скоро-

сти и в реакции, да и в знании приемов, хотя и отбил две последующие атаки, едва не сломавшие ему руку.

Вожак СС изменил тактику, наращивая темп, буквально выстреливая комбинации приемов защиты и нападения. Он мастерски владел кен-тай итиё — принципом максимальной свободы движений и раскрепощенности в бою, используя в качестве оружия любую часть тела, и сила его ударов превосходила возможности защиты Сухова, получившего пару нокдаунов и множество ушибов — там, где его блоки не смогли остановить выпады соперника.

— Суй-но-ката! — не удержался от совета Такэда.

Никита услышал, но у него уже не осталось ни сил, ни ловкости, чтобы последовать совету. К тому же, он пропустил удар в голову и на несколько секунд перестал воспринимать действительность. А когда очнулся, увидел близко лицо вожака «свиты Сатаны», его локоть, приближающийся к голове как в замедленном киноповторе, ладонь второй руки в замахе; время почти остановилось, словно медля в нерешительности — не быстро ли приблизился финал? И тут Никита снова встретил взгляд главаря: в нем не было сомнений, но из черных глубин равнодушия явно проглядывали торжество превосходства и пренебрежение. Именно пренебрежение и заставило сработать подсознание танцора.

Голову из-под локтя он убрать успел, и удар пришелся на плечо, прямо в пятно-звезду Вести. Сухову показалось, что произошел взрыв, даже два: первый — в плече, второй — в голове! На несколько долей секунды он перестал ощущать что бы то ни было; не отключился совсем, не потерял сознания, но и думать ни о чем не мог. Затем голова прояснилась, будто с нее сдернули мешковину, тело буквально зазвенело от прихлынувших сил, произошло странное внутреннее изменение всего организма, в результате которого он стал видеть в других диапазонах спектра и каждый предмет — объемно, будто глядел на него сразу со всех сторон. Изменилось и ощущение силы тяжести и давления воздуха на кожу, появилась аналгезия — полная нечувствительность к боли. А еще Никите явилась вдруг в сознании точная схема боя с вожаком СС, уязвимые места, способы нейтрализации ударов и — еще глубже — понимание собственных резервов (на серию ответных агрессивных атак не хватит, только на блокирование и уход!) и знание странных приемов боя, неизвестных ему ранее...

Мгновение озарения прошло.

Ребро ладони вожака опустилось на шею Никиты, встретив возникший внезапно бугор мышц — уйти из-под удара танцор не успевал, тело само решило проблему защиты. В следующий миг он ответил.

Удар с выплеском энергии был страшен! Он потряс даже самого Сухова, представляющего в данный момент единую жесткую меха-

ническую систему, каждый элемент которой участвовал в движении одновременно со всеми, вбирая силу и опираясь на их массу, прочность, инерцию.

Вожак «свиты», несмотря на вес, превышающий вес Никиты в два раза, пролетел по воздуху четыре метра и врезался головой в стену пещеры. Любой человек, получивший такой удар, был бы неминуемо убит, но вожак н е б ы л человеком. Он испытал шок — на время двух вздохов Сухова — и был явно потрясен, но не выведен из строя. Он даже сознания не потерял, лишь на несколько секунд замер на полу на четвереньках, и тут же встал, встряхнув головой. Глаза его загорелись мрачным огнем.

Неизвестно, чем закончился бы этот бой, скорее всего, поражением Никиты, землянина, не познавшего еще свои возможности и не успевшего довести до нужной кондиции мастерство борца росс дао. Не спасла бы его, наверное, и помощь Вести, раскрывшей тайники информации о том существе, которого звали Хуббат и с которым ему пришлось столкнуться, и сработавшая на мгновение глубокая родовая память, до поры до времени сохранявшая секреты воинских искусств предков Сухова, знаменитых русских воинов. Среди них был и легендарный Радогор, чье искусство сражения на мечах было даже воспето в былинах, дружинник, а потом сотник в войске князя Владимира, сражавшегося с татаро-монгольскими ордами.

В тот момент, когда Хуббат сделал шаг вперед, собираясь продолжать схватку, сработала станция хроносдвига. Фигура, появившаяся в проеме двери, лишь очертаниями напоминала человеческую. У нее была голова — бугром, руки — длинные, до колен, как лапы гориллы, ноги — толстые, с расплющенными ступнями; и все тело прикрывала не то кожа, не то броня малахитово-зеленого цвета, напоминающая крупную рыбью чешую. Глаз у существа не было видно, как ушей и рта. Оно взмахнуло рукой, и четверо помощников Хуббата без звука повалились на пол пещеры. Сам Хуббат сориентировался мгновенно, прыгнул к стене, в которой торчали его «вилы», но существо тоже не дремало: новый взмах лапой — и между застывшими людьми и вожаком СС вспухло облако черного дыма.

— В темпорал, быстрее,— прозвучал холодный металлический голос.

Никита растерянно глянул на Такэду, не опустившего своего оружия. Потом понял, что существо назвало темпоралом станцию хроносдвига. Впрочем, в памяти уже давно сидело это название, просто понятным оно стало только сейчас.

— Быстрее! — повторило существо без рта; казалось, голос исходил от всей его фигуры.— Или вы хотите продолжить «честный» бой?

— Но он предложил...

— Не будь дураком, пошли.— Такэда опустил автомат, подтолкнул танцора ко входу в станцию, спросил на ходу.— Кто вы?

— Истуутука,— ответило существо.— В данный момент ваш проводник, не более того.

— Но я бы хотел...— оглянулся Сухов на редеющее черное облако, сквозь которое уже начала проступать гигантская фигура Хуббата, застывшего, как статуя.

— Вперед! Вам еще рано состязаться с младшим братом Вуккуба, да и вообще с раруггами.

Никита спотнулся.

— С кем?!

Но проводник не стал продолжать разговор, он просто втолкнул танцора вслед за Толей в сиреневый полумрак входа в темпорал и шагнул следом.

Дверь уже закрылась за ними, когда Хуббат наконец освободился от «дыма» — парализующей движение Черной Паутины — и метнул трезубец вглубь пещеры. Но дверь станции хроносдвига, рассчитанной на функционирование даже внутри звезд, выдержала.

* * *

«Полет» в тоннеле хроноскважины длился год — по ощущениям беглецов, пока они наконец не вышли, пошатываясь от избытка впечатлений из камеры хроносдвига в коридор темпорала, а потом наружу. И только войдя за дверь станции, Сухов почувствовал, как болит избитое тело: ныли ребра, стреляло в спине, с толчками крови вонзались в локти и плечи иголки пульсирующей боли, разламывалась голова.

Видимо, проводник почувствовал его состояние, потому что жестом велел Такэде подойти к другу, а сам быстро свернул за угол узкого каменного ущелья, в которое они вышли из темпорала. Небо высоко вверху над ущельем светилось дымным фосфором, и было непонятно — ночь это или день.

Дышалось в этом мире легко, сила тяжести равнялась земной, и все же запахи, краски, звуки говорили о том, что это не Земля.

— Как себя чувствуешь?— Такэда поддержал Сухова под локоть.

— Спать хочу,— сонным голосом ответил Никита. Подумав, снял с себя остальные доспехи вильера, потом рубашку и стал изучать торс, усеянный синяками и царапинами. Плечо со звездой Вести вспухло и болезненно пульсировало. Звезда вобрала в себя все четыре «семерки»-родинки, изменив цвет на фиолетово-красный. Казалось, кожа в этом месте воспалилась и вот-вот лопнет, обна-

жив злокачественную опухоль. Покачав головой, Никита надел рубашку, присел на каменную полку в стене ущелья. Внимательно наблюдавший за ним Толя сел рядом.

— Что случилось? Я думал, он тебя добьет, хотел вмешаться... но ты словно обрел второе дыхание. Ох, как ты ему врезал! — Такэда хихикнул.— Любо-дорого было смотреть!

— Снова сработала Весть... и кое-что еще... по-моему, открылась родовая память. Я не разобрался. Но этот... проводник наш прав — я еще слаб. Ты слышал? Он назвал моего противника Хуббатом, младшим братом Вуккуба, Хранителя Книги Бездн!

— Слышал. Интересный винегрет получается. Вуккуб спасает тебя от СС, а его братец стремится убрать во что бы то ни стало.

— Чего-то мы еще не понимаем. Они могли сто раз убить меня из-за угла или на расстоянии, с помощью винтовки с оптическим прицелом. Неужели понятие о чести имеется и у них?

— Не имеется.— Проводник вывернулся из-за поворота — странное жуткое существо в отливающей зеленью и перламутром чешуевидной броне.— Во-первых, вас недооценили по достоинству и преследовали малыми силами. Во-вторых, вам помогали. И, в-третьих, существует Закон Пути, нарушить который невозможно, ибо нарушение карается лишением свободы. Закон этот гласит: «Воин Пути имеет право защищаться в каждом хроне Веера только с в о и м оружием, отвечающим особенностям данного хрона».

— Ну и что означает эта тавтология?— подумав, осведомился Никита, с трудом справлявшийся с накатывающими волнами слабости и безразличия.

— Это означает, что вы, как и любой другой маг, должны найти свое оружие — оно может передаваться по наследству или храниться в определенном месте — и лишь потом, овладев им, начинать Путь.

— Я не маг...

Проводник помолчал. У него не было глаз, подобных человеческим, и все же он разглядывал людей, задумчиво и оценивающе.

— Не мне судить, но лестница Шаданакара не открыла бы дверь не магу. Правда, по ней нельзя подниматься и спускаться так неосмотрительно, как это делаете вы. Но к делу. Это мой мир, я в нем — Наблюдатель и получил задание послужить проводником и предложить два варианта. Первый: еще не поздно вернуться. Я заберу Весть, а те силы, которые заинтересованы в миссии Посланника, мага связи, сделают так, что «свита Сатаны» потеряет к вам интерес.

Проводник вытянул вперед длинную лапу с пятью толстыми пальцами без когтей и ногтей и едва не коснулся плеча Никиты, но тот увернулся, едва не свалившись на каменистую поверхность ущелья. Проводник опустил лапу.

— Второй вариант — Путь. Но вы забыли цель. Просто любопытному на Пути делать нечего. И если вы все-таки решите продолжать Путь, вам придется во многом себя ограничить. И учтите: моя помощь — последний подарок Пути, дальше вам придется идти одним, используя лишь свои силы, интуицию и упорство. Правда,— создалось впечатление, что Проводник улыбается,— совсем без помощи вы не останетесь, ведь у вас есть эрцхаор и хохха.

Никита невольно взглянул на перстень индикатора «полезности».

— И Весть,— добавил Проводник.— Итак, что вы решаете?

— Нам нужно отдохнуть,— сказал Такэда.

Сухов вздернул голову, сжав губы так, что они побелели.

— Нет! Мы идем. Разрешите лишь два вопроса и... не удивляйтесь, хорошо? Мое личное оружие... что оно из себя представляет?

— Меч.— Проводник, наверное, все равно удивился, но тактично не подал виду.— Это меч Святогора, былинного богатыря... существовавшего тем не менее в другом хроне. Святогор — ваша инкарнация в одном из Миров Веера, ветви ваших предков параллельны. Вы не знали?

— Н-нет...

— Странно, у вас же есть хохха... свисток, который «свистит» в любой хрон.

Такэда достал хрустальную бабочку хронорации.

— Наверное, я просто не умею владеть ей.

— Я научу.

— Второй вопрос.— Никита покраснел, отводя глаза, потом побледнел.— У меня... моя подруга, Ксения... она исчезла... Если верить Хуббату, он не получал задания захватить ее. Вы не знаете, где она?

— Не знаю. Но повторяю, у вас есть хохха, система связи и доставки информации, воспользуйтесь ею.

Сухов сделал движение к руке Такэды, в которой сверкал портсигар рации, но с видимым усилием остановил свой порыв. Потом, побледнев еще больше, упал с полки. Толя нагнулся к нему, пошлепал по щекам, пояснил застывшему Проводнику:

— Обморок. Переутомился. Может быть, мы отдохнем у вас какое-то время?

— Вам нельзя здесь долго оставаться, Хуббат быстро вычислит, из какого хрона пришла помощь. Я воспользовался парализующей Черной Паутиной, которая создается только на Элитейе, в соседнем мире.

— Но ему нужен отдых, хотя бы час-два, а потом мы уйдем.

Проводник махнул рукой-лапой.

— Хорошо, семь бед — один ответ.

— О! — Удивленный Такэда разогнулся; Сухов уже приходил в себя.— Вы очень хорошо знаете земные пословицы и язык.

— Не я — лингвер, толмач то есть, киб-переводчик. Я представитель цивилизации, опирающейся на совершенные технологии и запас научных знаний. Человеческая цивилизация достигнет этих высот не скоро. Если достигнет, конечно.

— А как вы... простите... значит, вы не человек? Это ваш настоящий облик или скафандр?

Передняя часть бугра головы Проводника вдруг стала полупрозрачной и исчезла совсем. На людей взглянуло темно-серое, обрамленное седыми или, скорее, серебристыми волосами — ёжик на голове, бакенбарды по щекам,— смышленое личико с огромными, бездонно-черными, выпуклыми глазами, с красными пухлыми губками и носом обезьяны-гамадрила. Губы шевельнулись, произнося фразу тонким голоском, и тут же раздался прежний голос — машины-переводчика:

— Надеюсь, я вас не разочаровал?

— Лемуры! — пробормотал Такэда.

— Совершенно верно, представитель лемурообразных разумных. Чешуя на мне — скафандр, выгляжу я несколько иначе. Ваш товарищ может идти? Нельзя терять времени.

Толя спохватился, помог бормочущему извинения Сухову встать.

Проводник без слов поковылял вперед, беглецы поплелись следом, каждый со своими переживаниями, но с одинаковым чувством ожидания чудес.

* * *

Темпорал или станция хроносдвига на Аримойе, двойнике Земли, пряталась в одном из скальных массивов, торчащих, как разрушенные замки, по всей громадной площади рега — пустынной равнины, покрытой крупным и мелким гравием. Цвета на равнине преобладали зеленоватые, тускло-желтые, серые, коричневатые: ни одного яркого, насыщенного, спектрально-чистого — полутона, оттенки.

В зеленовато-жемчужном небе парили облака черных точек — то ли стаи птиц, то ли тучи насекомых. И больше ничего. Будто мир этот был пуст, не обжит разумными существами, не знал ни самолетов, ни ракет, ни другой техники.

Выйдя из незаметной издали щели в стене скал, люди остановились, гадая, куда идти. Проводника нигде не было видно. Однако стоило им сделать несколько неуверенных шагов по скрипучему гравию равнины, как огромный валун неподалеку, сросшийся боком со скалой, вдруг потек, меняя форму, засиял перламутром, будто

покрытый пленкой жидких кристаллов, превратился в удивительно красивый аппарат, зализанный по строгим формулам обтекаемости и эстетики. В нем протаяло отверстие, и показавшийся внутри Проводник подозвал беглецов нетерпеливым жестом.

Внутри аппарата властвовали запахи озона и неведомых трав. Кресла сами подстроились под форму тел седоков, хотя сделали это на пределе возможностей, рассчитанные по формулам своих конструкторов под другие формы и объемы. Однако надежды пассажиров на созерцание природы Аримойи с высоты птичьего полета не сбылись: аппарат подпрыгнул вверх сразу на десяток метров,— причем люди не испытали никаких ощущений, в том числе и удара ускорения,— застыл на мгновение и... проявился уже в другом месте, на фоне иного пейзажа, над городом Проводника. Никита вспомнил наконец его имя — Истуутука. Во все глаза танцор смотрел на панораму города, созданного разумными лемурами.

Ни одного здания выше двух этажей! Ни одного здания прямоугольной формы — мягкие линии, округлые, подчиненные геометрии парабол, гипербол, овалов, винтовых поверхностей. Здания переходили друг в друга, создавая удивительную вязь конструкций, вписанных в рельеф с невиданным мастерством. Лишь одна из этих конструкций возвышалась над всеми, не жилое здание и не технологический центр — скульптура, которая могла бы служить памятником Сальвадору Дали: гигантская голова лемура, образованная висящими в воздухе без видимых опор брусьями, полосами, каплевидными натеками и шарами. Издали она смотрелась своеобразно, создавая впечатление ажурной легкости и мощи одновременно.

Цвета в городе царили палево-голубые, шафрановые, зеленовато-малахитовые и белые, с матовым, не режущим глаз, блеском. И еще гости отметили отсутствие каких-либо толп между зданиями — улиц как таковых не было — и вообще какого-либо движения. Город словно вымер, лишь изредка над каким-нибудь зданием проявлялась капля аппарата, наподобие перенесшего их сюда, и тут же исчезала.

Проводник счел знакомство гостей с городом законченным, и аппарат провалился куда-то в желтовато-розовый полумрак, не то в подвал-гараж, не то прямо внутрь дома. Открыл двери. Пассажиры вышли на гладкий, отливающий желтизной пол, напрягая зрение, чтобы разглядеть помещение. Видимо, для хозяина света хватало, хотя по человеческим меркам освещение соответствовало скорее интимной обстановке ресторана Земли. Чмокая плоскими подошвами, словно присосками, он повел их за собой.

У Никиты закружилась голова — интерьер помещения все время изменялся, плыл, будто работал калейдоскоп,— и если бы не поддержка Такэды, он упал бы.

— Мы уже почти пришли,— обернулся проводник,— потерпите.

Он остановился, но какая-то сила продолжала нести их по коридорам с закругленными углами, зеркальными стенами и переливающимся узорами свечения потолком, вынесла в небольшое помещение, напоминающее раковину с хрустально-перламутровыми стенами, и оставила посередине.

— Приветствую Посланника в моей келье,— сказал Истуутука.

Никита хотел ответить и не смог, силы окончательно покинули его. Он уже не видел, как Такэда раздевал его и укладывал на сформировавшееся в полу ложе-гнездо.

4

Сухов спал уже третий час, а Такэда все продолжал беседу с лемуром Истуутукой, Наблюдателем мира Аримойи, отказавшись от угощения и отдыха. В свою очередь и хозяин не проявил нетерпения и недовольства, увлеченный беседой. Видимо, все Наблюдатели Собора Веера сходились характерами и непреодолимой тягой к знаниям.

Хозяин снял скафандр, переоделся в голубовато-серое «трико» с блестками каких-то устройств и превратился в гибкую обезьянку в серебристой шерстке не выше земного подростка двенадцати лет. Лишь лицо его не заросло шерстью да узкие розовые ладони с длинными тонкими пальцами. Пальцев было четыре, и Такэда обратил на это внимание.

— А скафандр был пятипалый, э?

— Необходимая предосторожность.— Речь Истуутуки напоминала птичий щебет, но лингвистическая аппаратура продолжала работать и без скафандра, отвечая баритоном на чистом русском языке.— Скафандр и ловушка, которыми я пользовался, из другого хрона, так что погоня пойдет по ложному следу. Но запас времени не особенно велик, часа четыре.

Такэда глянул на свои часы.

— Через час мы уйдем. Как высоко расположен ваш хрон, вернее, цивилизация, на эволюционной гиперболе?

— Вы знаете геометрию закона развития?

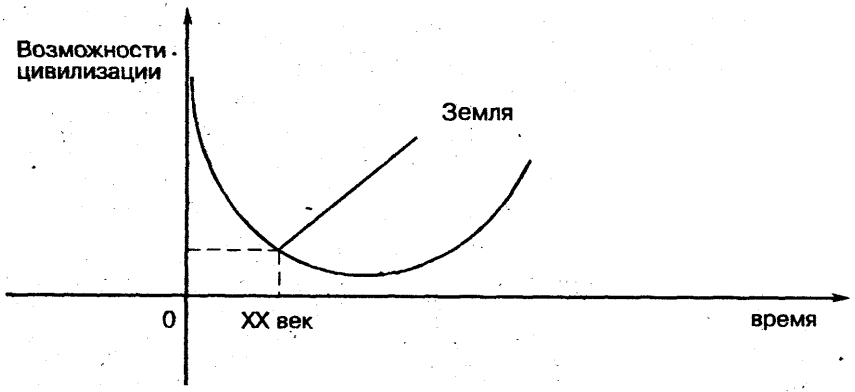
Толя достал записную книжку, набросал на листке чертеж и протянул Истуутуке.

— Так? Закон универсален и применим для каждого «пакета» миров Веера.

Истуутука глянул на чертеж, лицо его исказила гримаса, которая обозначала улыбку.

— На самом деле кривая закона сложнее.

Из стены на тонкой нити отделилась капля «смолы», приблизилась к сидящим в креслах-гнездах, на руку хозяина упал плоский



квадратик перламутра. Истуутука поводил пальцем по его поверхности и подал гостю. Такэда с интересом глянул на проступивший из глубины квадрата чертеж. Все надписи на нем были сделаны на русском языке.

Истуутука дал гостю несколько минут на созерцание рисунка, снова улыбнулся, смешно сморщив нос.

— У вас еще будет время разобраться с этим, оставьте у себя.

— Провал «эго»,— пробормотал Такэда.— Видимо, имеется в виду способность разумных существ, руководствующихся только личными интересами, заводить цивилизации в экологические и технологические тупики?

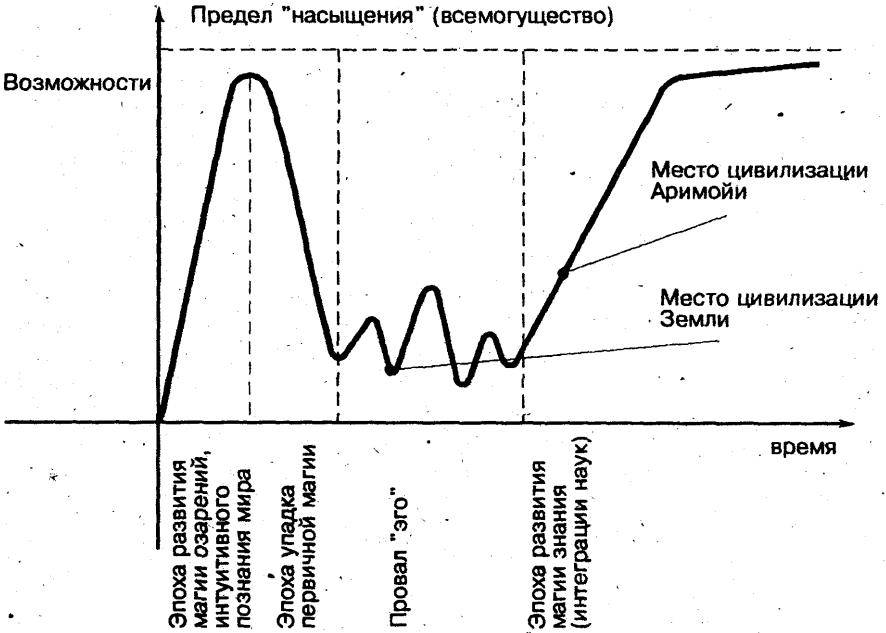
— Нечто в этом роде. Поговорим теперь о вас.— Истуутука шевельнул пальцем, и снова из стены вылетела опаловая капля на сверкающей нити, развернулась в широкую пиалу, упала в подставленную руку хозяина. А другая капля — с потолка, наполнила пиалу пушисто-маслянистой пеной. Проводник лизнул пену длинным розовым язычком, потом за два глотка осушил пиалу и бросил в стену, где она растворилась без следа.

— Да, техника у вас на высоте! — Такэда облизнул губы, обнаружив, что хочет пить.

— Высокая,— согласился Истуутука, явно мрачнея.— Но дыхание Хаоса коснулось и нашего хрона. Вы заметили отсутствие жителей в городе? Еще год назад он был намного оживленней и праздничней. Так вот, нас постигла беда худшая, чем экологическая катастрофа. Название беды — потеря интереса: к творчеству, созиданию, познанию, к жизни вообще. Вот почему, получив Весть, я не отказался помочь вам, хотя меньше всего хотел бы помогать человеку.

— Почему?

— Потому что из всех известных мне разумных существ человек наиболее жесток и противоречив. Кроме разве что хаббардиан-



цев. Шаданакар в опасности, и мы должны бороться. Но...— хозяин замялся, глянув на спящего напарника Такэды.— Но я не думал, что Посланник столь беспомощен. Не то, чтобы я сожалею, что вмешался, но и не очень верю в успех вашей миссии. Стать махасиддхой [1] вашему другу уже не удастся, не хватит времени. Путь не ждет.

— У него есть задатки экстрасенса.

— Блажен, кто верует. Впрочем, кто знает, каким путем достигается вершина магического искусства? Достичь прямого знания-действия может далеко не каждый, большую роль играет масштаб личности, размах устремлений, запас духовных сил и веры. Будите своего... Посланника, пора идти.

Пока Такэда будил Сухова, Истуутука исчез и вернулся уже с двумя плавающими в воздухе вогнутыми листами в форме подносов. На одном вместе с копьем вардзуни лежали незнакомые предметы, на другом — предметы, явно относящиеся к продуктам питания.

— Ешьте,— кивнул на этот поднос Истуутука.— Наша пища не содержит мяса убитых животных, мы вегетарианцы, и почти все местные фрукты и овощи съедобны и для вас, я проверил.

[1] Махасиддха — лицо, достигшее совершенства путем йогической практики.

Гости набросились на еду, даже не пытаясь попробовать ее сначала на вкус. Проводник понаблюдал за ними, склонив голову к плечу, потом подвинул к себе второй поднос.

— Возьмите с собой кое-что в дорогу. Это аквablок, сгущенная вода, хватит обоим на неделю.— Он показал на белый кубик с колечком на одной из граней.— Это НЗ: еда подвергнута субмолекулярному сжатию. Рассчитан примерно на десять земных дней.— Палец хозяина коснулся белой коробки с пятью цветными кнопками по всей ее длине.— А это оружие.

Сухов перестал есть, взял одно из эстетически совершенных, отблескивающих металлом, но хищных на вид устройств.

— Красивая машинка.

— Это нервайлер, аппарат, создающий наводки в нервных окончаниях. Любое существо, имеющее нервную систему, попадая под разряд нервайлера, будет в шоке.

— В спутников Хуббата вы стреляли из него?

— Нет, на них нервайлер не подействует. Они не люди, да и, к тому же, хорошо защищены. Я нейтрализовал их особым ядом. Второй аппарат — хардсан, широкодиапазонный лазер.

— Как раз для меня.— Такэда взвесил в руке золотисто отсвечивающий пистолет с толстым чешуйчатым стволом.— Я не воин Пути и могу не стесняться в выборе оружия. Да и нервайлер пусть будет у меня.

— А мне, значит, меч,— сердито фыркнул Никита.— Ничего себе, равноценная замена.

— Вы просто не знаете, о чем идет речь,— прощебетал Истуутука, насмешливо блеснув глазами.— Меч мага — самое совершенное оружие в Мирах Веера. Таких мечей существует...

— Знаю, Толя рассказывал.— Никита махнул рукой и снова фыркнул.— По одному из наших земных мифов Зу-л-Факар, меч Мухаммеда, якобы тоже обладал волшебной силой, но как это выглядело — миф не говорит. Видимо, создателю мифа не хватило фантазии. Меч — он меч и есть — большой ножик.

— Вы не правы...

— Не обращайте внимания,— перебил Такэда хозяина,— он капризничает от недостатка информации. Tantum possumus, quantum scimus.

— Что?— не понял Истуутука, выслушав своего киб-переводчика.— На каком языке вы это сказали? У лингвера нет аналога.

— На одном из древнейших земных — латинском.— И Толя перевел: — Столько можем, сколько знаем.

Лемур сморщил нос, но продолжать в том же духе не стал. Бросил гостям два свертка.

— Переодевайтесь, это костюмы с терморегуляцией и удалением кожных выделений.

Костюмы оказались удобными, подстраивающимися под форму тел и похожими на спортивные из толстой, упругой, прочной и одновременно мягкой ткани. Карманов у них не было, но к поясу на специальных липучках крепилось что угодно, в том числе и коробки НЗ, «фляги» аквablоков и оружие — кроме вардзуни. Такэда вынужден был сунуть его в заплечный ранец. Оглядев друг друга, гости остались довольны.

— Теперь примите пару советов,— произнес Истуутука с некоторым сомнением, и в то же время с восхищением, глядя на Сухова снизу вверх; он едва доставал головой танцору до пояса.— Лестницу Шаданакара нельзя использовать бесконечное число раз. Во-первых, это небезопасно для здоровья, а во-вторых, вас просто перехватят слуги Четырех.

— Мы называем их боевиками «свиты Сатаны».

— Неважно. Я выведу вас в любой хрон, в том числе и домой...— Проводник сделал паузу, но гости молчали,— куда захотите, но, если решите продолжать Путь, не бегайте по «лестнице» вверх-вниз. А еще лучше, если бы вы отыскали устройства, способные преодолевать хронобарьеры между Мирами Веера самостоятельно.

— Мы знаем только одно такое устройство — жругр,— сказал Никита.— Но им пользовались только демономаги, игвы.

— Подобные были и у магов-творцов, но можно воспользоваться и жруграми. Эти гиганты рождены демономатематикой, живыми их назвать нельзя, но и чисто механическими тоже.

Никите вспомнилась сопка Медведь, показанная Толей во время вояжа к Неплюеву. Он глянул на Такэду и встретил его ответный взгляд: оба поняли, о чем речь.

— Не все они были уничтожены во время последнего сражения сил Семерых и Синклита Четырех,— продолжал хозяин,— попробуйте найти хотя бы одного из них. Тогда вы станете почти неуязвимы.— Истуутука помолчал.— Если, конечно, сможете оживить жругра и подчинить своей воле. Вы готовы?

Никита и Толя молча кивнули.

Через пять минут они уже выходили из каплевидного аппарата у знакомых скал. Сухов тайком взглянул на перстень — желтый крестик горел спокойно.

— Вы обещали рассказать, как работает перстень... эрцхаор и рация, то есть хохха.

— Пока ты спал, я все узнал,— успокоил товарища Такэда.

— Тогда вперед, самурай, нас ждут великие дела! Мне нужен год, чтобы я смог спокойно тренироваться, и тогда...

— Боюсь, года у нас не будет,— тихо сказал инженер.

Сухов сбился.

— Почему?

— У вас нет даже месяца на «спокойные» тренировки,— вста-

вил Истуутука, уже одетый в свой чешуйчатый скафандр.— Шаданакар разрушается, Хаос поглощает хрон за хроном, и цена каждого дня неимоверно велика.

— Если вы тот, за кого себя выдаете,— голос киб-переводчика Истуутуки стал суше,— если вы Посланник, вам должны подчиняться все формы гиперчувствительности и гипервоздействия. Сможете разбудить в себе эти силы, активизировать нужные формы психики — достигнете цели.

Проводник не сказал, что произойдет в противном случае, но это и так было понятно.

Никита задумался. В душе происходила борьба между «да» и «нет», между отвагой и нерешительностью, свободой и ограниченностью. У него вдруг проснулось чувство незавершенности собственных намерений, но никто не мог ему помочь, ни советом, ни примером.

— Мне нужно подумать.— Никита, чувствуя прилив крови к щекам, с трудом заставил себя взглянуть прямо в глаза Проводника.— Дня два-три. Если есть место, где нас не достанет команда СС, доставьте нас туда. Дальше я пойду один... или не пойду вовсе.

— Что ж,— поразмыслив, сказал лемур,— по крайней мере, честно и откровенно. Возьмите еще вот это.— Он протянул Сухову две пары маленьких дисков, соединенных спиралькой.— Лингверы. В их памяти хранится большинство основных языков Шаданакара. На первых порах они вам помогут. Следуйте за мной.

Спустя минуту дверь темпорала закрылась за ними, станция сдвинула время на определенное количество «хроноквантовых градусов», следуя приказу Истуутуки, и они вышли в другой мир Веера.

* * *

Проводник-Наблюдатель Истуутука покинул их сразу же, как только они огляделись на новом месте. «Посланник» и его спутник остались одни, чувствуя непривычную робость и ожидая появления чудес, жутких и опасных или приятных и добрых. Однако ничего не происходило. Вне стен кокона темпорала шел дождь, и за его пеленой ничего нельзя было рассмотреть даже в трех десятках шагов.

— Где мы?— осведомился Сухов, попятившись под козырек какого-то каменного строения, из которого они вышли.

Такэда покосился на стену строения, сложенную из крупных каменных блоков, когда-то хорошо обработанных и гладких, а сейчас в оспинах и шрамах эрозии.

— На нейтральной полосе. В этом хроне с давних пор никто не бывает. Это мертвый мир, никого в нем не осталось, я имею в

виду — разумных существ. Цивилизация погибла, остались одни развалины.

— От чего она погибла?

— Вирус, выращенный в военных лабораториях, нечто вроде нашего СПИДа.

— Хорошенькое дело! И проводник хорош! А если мы подхватим этот вирус?

— Не подхватим. Хрон изолирован уже около тысячи лет, вирус давно сдох, но изоляцию не сняли. Просто Проводник имеет доступ к тайнам подобного рода.

— Он что, маг?

— В некотором роде. Маг научного знания. В своем мире он большой ученый.

— Ну, раз вирус исчез, остановимся здесь. А как далеко от Земли мы ушли по лестнице Шаданакара? Вверх или вниз?

— Шли мы вниз, но по отношению к цивилизации Земли этот мир хоть и не намного, но старше. И принадлежит он «пакету» Земель, где властвуют военные диктатуры, суперкомпьютеризированные системы и полное пренебрежение к судьбе личности.— Такэда помолчал.— Нашу Землю, вероятно, ждет то же самое.

— Не каркай.— Никита помрачнел, вспомнив все перипетии их бегства.— Пошли поищем сухое помещение. Я все еще хочу спать, к тому же, мне надо... кое о чем подумать, поразмышлять.

— Думай. Дюма говорил, что «размышлять — высшее счастье для людей действия, единственный отдых, который они себе позволяют».

Побродив по огромному, хорошо сохранившемуся зданию, напоминавшему замок и административный центр одновременно, они набрели на относительно чистую комнату с единственным окном, стеклом в котором служил полупрозрачный лист какого-то сверхпрочного материала, выдержавшего тысячелетие. В комнате сохранились остатки камина и стола да встроенные в стены шкафы.

Поворошив пыль в шкафах, Никита очистил угол помещения, снял с пояса снаряжение и улегся прямо на голом каменном полу.

— Разбудишь, когда закончится дождь.

— Ты же собирался размышлять.

— Не хватай за язык, зануда.

Такэда смел слой пыли в другом углу, нажал на поясе на ряд металлических полосок, и «спортивный костюм» на нем раздулся, приобрел сходство со старинным водолазным скафандром, а из воротника вырос такой же раздутый капюшон. Толя плюхнулся на пол, поправил под головой капюшон и закрыл глаза. Наблюдавший за ним Сухов хмыкнул.

— Как интересно! А мой почему-то не трансформируется. Или Посланнику не положено спать в комфортных условиях?

— Посланник должен был спросить, как работает врученная ему одежда и техника.— Толя встал и коснулся пластинок на поясе танцора в нужной последовательности.— Мыслитель.

Костюм Сухова бесшумно превратился в пневмоматрац.

— Спасибо,— сказал он в спину Толе.— Метис.

— От такого слышу,— парировал Такэда, лег и мгновенно уснул. В отличие от приятеля он не отдыхал уже вторые сутки.

Зато Никита долго не мог уснуть, несмотря на мягкие объятия костюма-скафандра. В конце концов сон сморил и его.

Проспали они часов пять.

Первым проснулся Такэда, выпустил из костюма воздух, откупорил «флягу» с водой — то есть включил механизм понижения плотности акваблока — и напился воды. Подумал: чайку бы сейчас, горяченького!.. Затем сделал зарядку и разбудил Сухова.

— Дождь кончился, вставай. Что-нибудь надумал?

Никита вскочил. Он был бодр и весел, тяжелые мысли ушли, хотелось двигаться, что-то делать, к чему-то стремиться и... танцевать. Он даже сделал несколько па из своего «фирменного» танца, но опомнился и занялся зарядкой. Потом позвал Толю, и они почти час вели полуконтактный бой, забыв обо всем, подняв тучу пыли. Костюмы на них поистине были волшебными. Они впитывали пот и принимали любые удары, не пропуская их к телу. Сухов первым опустил руки, отвесил поклон:

— Ясумэ, Тоява-сан.

Они умылись, перекусили какой-то зеленовато-коричневой массой, в которой похрустывали орешки и которая по вкусу напоминала халву, но прежде, чем выйти из здания, проверили экипировку.

У них были акваблоки — полные «фляги» воды; почти неначатые коробки НЗ; «свисток», который «свистел» в соседние хроны — хохха; эрцхаор — перстень-индикатор и он же программатор станции хроносдвига, а из оружия — вардзуни, нервайлер и хардсан, один вид которого придавал уверенности больше, чем все остальное.

— Отобьемся, в случае чего,— повеселел Сухов.

Такэда не был столь наивен, однако промолчал.

— Что будем делать дальше?

— Сначала осмотримся, куда мы попали. Дышится здесь неплохо, гравитация нормальная, и если никого агрессивного поблизости не окажется, можно будет немного пожить на природе. Потом я сообщу тебе свой план.

— Ого, у нас уже есть план?

— Не ерничай.— Никита вдруг о чем-то вспомнил, нахмурился.— А ну-ка, доставай хохху. Давай, давай, пошевеливайся. Прежде всего, выясним, где Ксения.

Такэда вытащил из-за пазухи завернутую в платок бабочку-портсигар хронорации, вопросительно глянул на друга.

— На чем будем писать? Бумаги у меня нет.

— Истуутука дал тебе пластиковый лист...

— Только не на нем! Этому материалу, равно как и чертежу, цены нет. Лучше я вырву лист из записной книжки. Но не уверен, что сообщение дойдет. Раньше я наговаривал текст на аудиокассету, и она исчезала.

— Ничего, дойдет и так. Попробуем сформулировать.

Полчаса они мучились, составляя текст запроса, пока наконец не родили две фразы: «Посланнику требуется полная информация о местонахождении земной девушки Ксении Красновой, художницы, возраст — двадцать один год, проживающей в г. Москве по улице Королева, 5. Запрос весьма срочен».

Такэда сложил листок с надписью, аккуратно поместил в углубление портсигара и закрыл с тихим щелчком. Через минуту открыл хохху вновь, и друзья убедились, что листок исчез.

— Слава Богу! — вздохнул с облегчением Сухов.— Я боялся, что они не примут запрос в таком виде.

— Ты хоть представляешь, кто — «они»?

Никита запнулся.

— А действительно, кто? Маги, которых я должен отыскать?— Он подозрительно глянул в узкие спокойные глаза Толи.— Оямыч, не темни, ты обязан это знать. Ты же говорил что-то об информационной службе Собора Веера.

— Я не Посланник.— Такэда попятился, выставив вперед ладонь, глядя, как Никита наливается кровью.— Вижу, Весть отдает тебе свою информацию порциями. Связью через хохху и анализом сообщений, и вообще информацией, занимаются всего-навсего Наблюдатели, а это обыкновенные люди, вроде меня. Правда, в своей среде они выделяются по некоторым признакам...

— По каким же? Только не говори, что по уму.

— По любознательности и таланту обобщений. Не задирайся, воин, гони свой план.

— А разве мы не подождем ответа?

— Хохха сама даст знать.

Никита прошелся по комнате, попытался выглянуть в окно, но сквозь серо-белое «стекло» ничего нельзя было разглядеть, кроме того, что на улице — день.

— Что-то мне не очень хочется выходить... не идут из головы слова Истуутуки: Хуббат — брат Вуккуба! То-то мне все время казалось, что они похожи. Знаешь, во всей этой истории кроется какой-то парадокс. Если им, то есть боевикам СС, удалось убить Симаргла, Посланника, якобы обладающего магическим и телесным могуществом, то почему они с той же легкостью не убрали меня?

— Симаргла убрали вовсе не они — кто-то из Четырех, лично. Может быть, даже сам Гагтунгр... или Даймон. А «свита Сатаны» просто страховала убийцу. Ты подвернулся случайно... в чем я уже не уверен.

Никита постучал по пластинке окна, вслушиваясь в сухой костяной стук, затем молча направился к выходу.

Снаружи царил тихий, безветренный, неяркий, солнечный день. Но вместо солнца потрясенные путешественники обнаружили в небе гигантскую золотистую дугу, похожую на радугу. Именно она и давала свет, почти не уступающий по силе солнечному земному. Но самого солнца здесь не было.

— Что за ерунда?— опомнился Никита.

— Одно из двух: либо это пылевое кольцо вокруг Земли, либо кометно-пылевое вокруг солнца. И то, и другое вполне могло существовать в этом мире изначально.

Сухов некоторое время не сводил глаз с небосвода, потом огляделся.

Замок, вернее, его развалины, окружала серебрящаяся, посверкивающая кристалликами соли или какого-то другого минерала, пустыня с редкими группами изъеденных временем скал. А может быть, построек наподобие замка, в котором прятался темпорал. Слева от здания пустыня переходила в холмистое предгорье, за которым сверкала изумрудным огнем цепь далеких гор, а справа начиналась цепочка нешироких и мелких с виду озер-луж молочно-белого цвета с лежащими в них ежастыми валунами.

Путешественники обошли замок с тыла и обнаружили неподалеку, за низкими холмами, в которых угадывались разрушенные постройки, самое настоящее кладбище каких-то механических конструкций-чудовищ, выглядевших даже с большого расстояния функционально завершенными.

— М-да,— сказал Никита, разглядывая кладбище из-под козырька руки,— что-то они мне напоминают.

— Ракеты, космодром,— предположил Такэда,— или звездолеты, если этот термин предпочтительнее.

— Давай сходим?

Такэда нагнулся, взял на ладонь несколько кристалликов серебристо-белого цвета, растер и понюхал.

— Гипс. Видимо, после исчезновения разума здесь образовалось озеро, а потом высохло и превратилось в мерайя [1]. Сходить мы туда сходим, к этим чудищам, но ты что-то там говорил о плане.

— Потом, потом, дай отдохнуть хоть пару минут.— Никита двинулся было к холмам, с хрустом давя кристаллы гипса, но Толя остался на месте. Сказал тихо, но так, что Сухов услышал:

---

[1] Мерайя — высохшие гипсовые или соляные озера.

— Aut non tentaris, aut perfice.

Никита обернулся.

— Что ты бурчишь, как старый дед, да еще на латинском? Я не помню этого выражения, переведи.

— Или не берись, или доводи до конца.

— Ну, эта песня мне знакома,— беспечно махнул рукой Никита, потом присмотрелся к лицу друга внимательней и посерьезнел.— А ты все-таки зануда, Оямыч. Хорошо, вот тебе мой план. Первое: постоянный тренинг, везде и всегда, в том числе и здесь. Второе: в моей памяти сохранилось любопытное утверждение Вести, что где-то в Мирах Веера, то есть на лестнице Шаданакара, обитает «первый меч всех времен и народов». Хотелось бы найти его и научиться махать мечом, раз уж мне на роду написано владеть им. Кстати, один из магов Семерки тоже живет в «пакете» тех миров. Может быть, это он и есть?

Такэда хотел возразить, потому что он точно знал: искусство владения мечом не есть искусство творческое, созидающее,— но промолчал.

— Затем я начну эксперименты с Вестью,— продолжал Никита.— Пора наконец иметь в сознании всю информацию, а не носить ее на плече. Впрочем, эксперименты я начну уже здесь, через пару часов. Сходим к тем сооружениям, потренируемся и — с Богом! Четвертый пункт моего плана — поиск собственно меча. Очень меня заинтересовала шутка нашего друга Истуутуки о необычайных секретах меча Святогора, м о е г о меча, как он сказал.

— Это не шутка. Как и то, что ты — параллельный родственник Святогора. Вестник вычислил тебя правильно.

— Тем более. Пятое: поскольку по системе хронострун путешествовать опасно, воспользуемся советом того же Истуутуки — попытаемся найти живого или хотя бы полуживого жругра, способного преодолевать хронобарьеры между Мирами. Тогда мы станем независимы от темпорала, пусть «эсэсовцы» потом попрыгают, разыскивая нас. И в-шестых... собственно, это все.

— Разве?— удивился Такэда.

— Я имел в виду предварительную работу. Если выживем — продолжаем Путь, ищем всех магов, объединяемся, бьем морду Люциферу и возвращаемся домой в зените славы. Ура! Или ты имел в виду... Ксению?

Такэда отвернулся.

— Я уже испугался, что ты забудешь о ней.

Никита молча повернулся и зашагал прочь от здания. Такэда с улыбкой в глазах глядел ему вслед. И вдруг Сухов остановился, вскинув руку к лицу. По его напряженной спине Толя догадался, что произошло нечто непредвиденное планом.

— Что застрял?— подошел он с подчеркнутым спокойствием.

Никита, не оглядываясь, протянул ему руку с перстнем. Камень высвечивал последовательность фигур разного цвета: желтый крестик—оранжевый пятиугольник—алый полумесяц. Как завороженный, Толя несколько секунд смотрел на мигающий перстень и молчал.

Ничего особенного в общем-то не произошло, перстень предупреждал их лишь о повышении М-фона, о появлении всплеска магического поля без его идентификации, и все же сердце тревожно сжалось.

Инженер оглянулся. Показалось, будто из развалин за спиной выглянул черный человек, тут же скрылся, и людей накрыла холодная угрюмая тень.

5

Два часа они потратили на поиск неизвестного носителя магического поля и на исследование кладбища колоссальных сооружений, оказавшихся и в самом деле космическими кораблями, вернее, их остатками.

Никого не обнаружив, путешественники немного успокоились и уже без особой опаски обошли гигантское поле с наполовину погруженными в почву скелетами звездолетов. Прошла тысяча лет с тех пор, как они перестали бороздить космос, но сделаны они были так добротно и из таких материалов, не поддающихся быстрому разрушению, что люди, ощущая себя пигмеями, только диву давались — почему такая умная раса позволила себя уничтожить какому-то ничтожному вирусу.

Форма кораблей почти у всех была одинакова — усеченный конус, разделенный тремя щелями шириной в полсотни метров на три части — до центрального цилиндра диаметром в двести метров, что соответствовало диаметру верхнего среза конуса. И почти все они имели одинаковые разрушения: внутри — холмы пыли и вещества, похожего на серо-зеленую смолу, ставшие хрупкими системы трубопроводов, тоннели и шахты, изъеденные коррозией, баки, контейнеры — все пустое, и ни одного намека на двигатели и централь управления. Зато нашелся еще один космический корабль, меньших размеров, но сохранившийся лучше. Вернее, с виду он был так же пуст и стар, погружен в почву на треть корпуса, мертв и тих, однако на самом деле его «древность» была лишь комуфляжем. Корабль оказался вполне современным, живым, действующим, и внутри, на взгляд землянина, представлял собой чудо техники.

Внешняя его форма — параллелепипед — сначала не заинтересовала экскурсантов: барак не барак, но какое-то вспомогательное строение, металлическое, с гофрированными серыми стенами. Но поскольку треугольный люк в торце «барака» был открыт, наши

герои заглянули в него... и оказались в царстве современной технологии, почти не отличимой от земной.

Загорались на сухих и теплых, перламутровых стенах коридоров какие-то знаки и надписи, бесшумно открывались впереди и закрывались позади перегородки и заслонки, бесчисленные люки в помещения, напоминающие залы вычислительных центров, спальни и бары. Эскалаторы начинали двигаться, как только люди появлялись на лестничных площадках, лифты в виде прозрачных пирамид услужливо распахивали двери, в комнатах загорались огни, светились потолки и полы, начиналась таинственная электронно-механическая жизнь.

Путешественники бродили по кораблю с час, не зная еще, что это звездолет, пока не набрели на рубку или зал управления с двумя рядами кресел перед необычной формы — ряд янтарных долек лимона — пультом, над которым нависла наклонная серая плита экрана в два человеческих роста. Стоило им войти в зал, как одна из секций пульта засветилась изнутри тающим золотистым сиянием, из нее выдвинулось нечто вроде козьих рогов с огоньками на концах, и следом раздался вежливый голос, произнесший с вопросительной интонацией короткую фразу на неизвестном языке.

Быстро соображавший Такэда надел на уши лингвер, Никита сделал то же самое, и когда голос повторил вопрос, компьютер аппарата перевел:

— Кто вы? Жители планеты?

Люди переглянулись.

— Я думал, что здание принадлежит аборигенам и просто хорошо сохранилось,— буркнул Сухов.— Оказывается, это новая постройка. Чья?

— Сейчас узнаем.

В результате переговоров с автоматом, впустившим их, путешественники и выяснили, что находятся на борту космического корабля, прилетевшего сюда из иной звездной системы. Кто привел его, куда делся экипаж и был ли он вообще, или старт и посадка проводились автоматически, электронный хозяин корабля не сообщил. На все вопросы, касающиеся судеб экипажа, родной планеты, ее жителей, социального устройства, экономики и политики, он только зажигал алую полосу над пультом и отвечал лишь на вопросы жизнеобеспечения экипажа, поэтому вскоре гости отчаялись что-либо узнать. Но явное миролюбие и гостеприимство хозяев звездолета не могло быть прелюдией к рассчитанной ловушке и коварным планам, и путешественники решили отдохнуть здесь, дождаться хозяев и объясниться.

— Ни раругги, ни тем более игвы, наверняка не пользуются таким средством передвижения,— закончил мысль Сухов.— У них должны быть другие возможности. А космонавты нам не страшны,

тем более, что мы похожи на них, если судить по форме кресел и антропоморфному убранству помещений.

— Но М-фон здесь повышен,— напомнил Такэда.

Никита глянул на перстень индикатора, играющий желто-оранжево-красную гамму, пожал плечами.

— Это либо след кого-то из наших недругов, либо предостережение, чтобы мы не теряли бдительности.

Толя не думал, что эрцхаор будет призывать к бдительности, он был запрограммирован на более серьезные вещи, однако говорить танцору об этом не стоило.

Спустя пять минут они нашли двухместную каюту, обследовали вырастающие прямо из поля мягкие лежаки, стены и пол на предмет неожиданных сюрпризов, напились воды и улеглись спать, не снимая костюмов, к которым успели привыкнуть, словно ко второй коже. И в этот момент хохха Такэды подала сигнал: мышцы на боку, которого касалось «крылышко бабочки», свела приятная судорога.

Толя достал хрустальную коробочку, открыл, и подскочивший Никита вырвал у него из руки тонкий, размером с сигарету, белый рулончик, развернул, жадно шаря глазами по ленте. Но на матовой полоске неведомого материала о Ксении было сказано всего несколько слов, смысл остального сообщения сводился к предупреждению о близкой погоне и о невозможности помощи в случае их захвата. Никита, шевеля губами, дважды перечитал сообщение и выронил рулончик из пальцев. Такэда нагнулся, развернул ленту и прочитал: «Сведений о Ксении Красновой, художнице, наблюдатели Шаданакара не имеют. Более глубокий поиск требует чрезвычайных мер и времени. Подтвердите необходимость». Дальше шел текст предупреждения.

— Куда же они могли ее запрятать?— как бы про себя проговорил Никита. Закрыл глаза, лег, утонув в кровати по грудь. Добавил, не открывая глаз.— Подтверди запрос.

Такэда молча написал просьбу на другой стороне сообщения, вложил в футляр, закрыл, потом убедился, что запрос ушел, и лег сам. Сказал тихо:

— Еще не все потеряно, служба информации и у нас поставлена хорошо.

Никита не ответил.

* * *

Проснулся он от неприятного ощущения, что на него кто-то смотрит. Полежал, не шевелясь, прислушиваясь к тишине.

В каюте было темно, однако ощущение наблюдателя, третьего —

не Толи — не уходило. Никита открыл глаза и, когда вспыхнул свет — от движения ресниц, скатился на пол, выставляя в сторону двери копье вардзуни.

На него, округлив глаза, смотрела очень похожая на Ксению девушка в отливающем зеленью комбинезоне. Она была высокой, тонкой в талии, с великолепной фигурой богини и полудетским, с пухлыми губами и бровями-крыльями, лицом. Именно этой детскостью, да еще серьезным взглядом без тени испуга, она и походила на Ксению.

Сухов загнал разочарование в глубь души, завозился, поднимаясь. Украдкой взглянул на эрцхаор — перстень все так же гнал гамму предупреждения, разве что чуть чаще, чем раньше. Фон магиполя все еще был повышен, однако, похоже, гостья к этому не имела отношения. Гостья ли? Может быть, хозяйка?

— Доброе утро,— поклонился Никита.

На соседней кровати зашевелился Такэда, глянул на девушку и сел.

— Ага, вот наконец и хозяева заявились. Здрасьте.

Незнакомка перевела взгляд на него, потом снова стала разглядывать Сухова, не отвечая Толе.

— Кто вы?— Танцор тоже оглядел девушку, отметив, что то, что он принял за золотистый шлем, всего лишь плотная замысловатая прическа. Девушка была сказочно красива, и красота ее была тревожна, заставляя сердце сожалеть о чем-то и биться сильней.

— Заавель,— назвалась наконец гостья, удовлетворившись осмотром. Голос ее переливался и журчал, как ручей.— А вы — Никита Сухов и Тоява Такэда, жители сто сорок четвертого хрона Шаданакара. Сухов — кандидат в Посланники, Такэда — Наблюдатель хрона. Чего еще я не знаю?

Путешественники онемели. С ними говорили, конечно, не на языке Земли, но лингвер не мог сам выдумать то, что было произнесено.

— Кто вы?— повторил вопрос Сухов, подразумевая поле деятельности, а не имя.

— Наблюдатель этого хрона,— последовал ответ.

— Но... ведь... цивилизация погибла... планета мертва...

— Я не являюсь жителем этой планеты. Вернее, мои предки жили на ней более тысячи лет назад.

— Переселенцы?— догадался Такэда.— Вы успели спастись, переселиться на другую планету? Я имею в виду ваших предков.

— Для Наблюдателя вы достаточно сообразительны,— отрезала Заавель. Ответ прозвучал слишком резко, но Никита был так зачарован красотой девушки, что не заметил этого. Такэда же, хоть и удивился, но виду не показал. Отступив, он дал возможность танцору проявить самостоятельность.

— И вы летели сюда специально для встречи с нами?— сказал Сухов, выпрямляясь. Он вдруг обнаружил, что Заавель не просто высокая — одного с ним роста!

— По моей личной инициативе.— Лицо Наблюдателя ни разу не озарилось улыбкой, а глаза... огромные, черные, оценивающие, проникали в мозг, в тело, что-то измеряли, сравнивали, сомневались, удивлялись и прятали насмешку.

Никита встряхнулся, сбрасывая чары.

— Разве нам угрожает опасность? Тот, кто нас сюда доставил, уверял, что этот мир заблокирован.

— Именно поэтому я здесь. Собор Шаданакара предлагает обдумать степень вашего участия в предстоящем деле. Кое-какие ваши характеристики заставляют сомневаться в успехе... вашего Пути.

— Мы... я его еще, по сути, не начинал.

— Ошибаетесь. Вы вступили на Путь, получив бинер.

— Что? Может быть, вы имеете в виду Весть?

— Почему весть?

— Запас информации.

— Кажется, мы говорим о разных вещах. Но пусть будет запас информации... метафизического созерцания древних посвященных. Но вы до сих пор не смогли им воспользоваться. Не так ли?

Настроение Никиты испортилось. Покраснев, он сказал хмуро:

— Во-первых, уже пользовался и собираюсь вывести всю информацию на уровень сознания. Собственно, поэтому мы и выбрали этот пустой мир. А во-вторых, мы живы, несмотря на все усилия «свиты Сатаны».

Брови девушки изогнулись, придав лицу ироническое выражение.

— Вы уцелели благодаря лишь самонадеянности хаббардианца Хуббата и благосклонности его братца Вуккуба.

— Хаббардианца? Не раругга?

— Раругги — это военная каста, элита охраны игв, а не раса, и родился Хуббат на Хаббарде, «Земле» середины пакета гуманоидных, но н е ч е л о в е ч е с к и х миров. Если бы он сообщил о вас «по начальству», его шеф задействовал бы в с ю систему охранных мер — разведку, техническую, магифизическую и агентурную, наружное наблюдение, группу анализа и целенаведения, и наконец группу захвата... или уничтожения и группу подстраховки.— Заавель помолчала, оценивая, какое впечатление произвели ее слова на землянина.— «Свита Сатаны»— это лишь группа подстраховки. А для вашего поиска Хуббат из всего арсенала подключил только разведку.

— То есть ЦРУ. А «чекистов»?

— ЧК — это группа нейтрализации: захват, блокирование,

ограничение свободы... и физическое уничтожение. Итак, землянин... Посланник, так сказать, вы все еще колеблетесь?

Никита хотел ответить резкостью, но передумал. Улыбнулся сквозь мрачные раздумья, повел плечами. Красота собеседницы не давала сосредоточиться, возбуждала, заставляла напрягать ум, играть мускулами и делать храбрый вид.

— Мне надо подумать... посоветоваться.

— Если вы не в состоянии решить задачу сами — советуйтесь. Зачем работать на пределе? Можете оставаться у меня, сколько пожелаете, здесь вам никто не помешает.— Девушка повернулась одним гибким движением, шагнула за порог.

— Извините,— сказал Такэда ей вслед,— почему вы назвали Весть бинером? Насколько я помню, бинер — это совокупность двух противоположностей типа холод—тепло, свет—мрак...

— Добро—зло,— добавила Заавель, оглядываясь.— Жизнь—смерть. Именно так, джентльмены.— Исчезла.

— Не нравится она мне,— тихо сказал Такэда.— А тебя, вижу, задело, воин?

— Нет, она очень красивая,— не слушая, задумчиво произнес Сухов,— очень! Что ж, есть смысл ей кое-что доказать. Спать мы будем, наверное, здесь, а все остальное... необходимо поискать место. Она насмехалась над нами, вернее, надо мной, тонко и умело, но она права: мы отвыкли работать на пределе, а добивается успехов лишь тот, кто умеет заставить себя пройти «красный коридор».

Такэда кивнул, как спортсмен, отлично понимая смысл термина. «Красный коридор» означал порог включения биоэнергетического потенциала, резерва психических сил, когда у спортсмена уже не осталось сил физических. Но пройти «коридор» мог далеко не каждый человек.

— На твоем месте я бы не стал ей ничего доказывать,— посоветовал инженер.— Если и стоит что-то кому-то доказывать, то лишь самому себе.

Никита упрямо свел брови в одну линию.

— Не зуди, Оямыч, пошли лучше выполнять план.

Такэда безмолвно повиновался.

Место для тренировок они нашли неподалеку — достаточно большую и ровную площадку посреди разрушенных временем скал, образовывающих высокую зубчатую стену вокруг. Там же обнаружился и коридор-тупичок, где Никита надеялся поэкспериментировать с Вестью, полный решимости добиться «взаимности».

Тренировка длилась два с половиной часа, пока Такэда не изнемог и не сдался, вытянув ладонь вперед.

— Довольно, Посланник, не расходуй пыл зря. Я только что подумал: не слишком ли мы с тобой беспечны?

— Что ты имеешь в виду?— Сухов облил себя водой — зани-

мались они, сняв костюмы-скафандры — и насухо вытерся губкой из снаряжения костюма, заменяющей полотенце.

— Надо было взять в темпорале дипломат, то есть транскоф. И может быть, выбрать чего-нибудь еще из его оружейного арсенала.

— О транскофе я не подумал. Ты прав, сейчас схо...— слово замерло у Никиты на губах.

Что-то произошло вокруг. Они не сразу догадались, что изменилось освещение. К золотистому, не дающему теней, свету гигантской дуги в небе добавился янтарный оттенок. Не сговариваясь, путешественники взобрались на скалу и увидели восход солнца, вернее, звезды, его заменяющей. Диск светила был больше солнечного, но не столь ярок и, казалось, по небу взбирается огромная капля расплавленного янтаря.

— Доброе утро,— пробормотал Такэда.

Никита недоумевающе глянул на него и понял. Появление светила означало утро, хотя ночь в этом мире почти ничем не отличалась ото дня.

* * *

Первый же эксперимент с «родимым пятном» Вести едва не закончился плачевно: Сухов уже через несколько секунд потерял сознание и не приходил в себя больше часа, перепугав Такэду до смерти.

Привела танцора в чувство Заавель, вызванная Толей в «лабораторию»— на площадку в скалах. Что она подумала о Сухове, неизвестно, лицо ее как всегда оставалось серьезным и непроницаемым, но танцор потом чувствовал себя, как нашкодивший щенок. Чувство стыда погнало его прочь, в пустыню, где он пробродил до заката местного светила, вспоминая встречи с Хуббатом, Вуккубом, Истуутукой, другими наблюдателями из соседних хронов, анализируя причины неудачи. Уверенность его в удачном исходе дела была поколеблена в очередной раз, однако в душе танцора бушевал ураган, разбуженный самолюбием и опирающийся на уже полученную информацию, и просто так сдаться он уже не мог.

Вернулся на корабль он за минуту до ежевечернего дождя, поужинал и снова занялся тренингом, изредка заглядывая в книгу инструкций россдао, сохраненную им во время странствий.

Такэда не мешал другу, понимая его состояние, и то и дело пытался разговорить Заавель, которая почему-то не желала беседовать, на вопросы отвечала неохотно и коротко, или не отвечала совсем, но тон ее по отношению к инженеру оставался тем же — вежливо-высокомерным, с резкими ироничными выпадами. Прав-

да, его это не задевало, держать себя в руках Толя умел с детства. Девушка оставалась для него загадкой, будучи лишь с виду по-детски открытой и наивной, на самом же деле таила в себе огромные скрытые резервы сюрпризов и знаний, недоступных простым смертным. Такэда чувствовал ее глубину каким-то «седьмым» чувством и уже не раз хотел заговорить с Никитой на эту тему, но тот ничего не замечал, увлеченный внешним проявлением красоты, и надо было ждать подходящего момента, накапливая аргументы. Пока же Такэда мог только мрачно наблюдать за развитием событий, видя, что Сухов проводит с девушкой все больше времени и не торопится выполнять свой «гениальный» план.

Неделя прошла с тем же результатом.

Сухов продолжал тренироваться, но с иссякшим пылом. Разговоры его с Такэдой сводились к обмену мнениями о погоде, красотах пейзажа и невероятном уме Заавель, с чем Толя был вполне согласен. Хохха ничего о Ксении не сообщала, да и сам Сухов все реже вспоминал о ней, пока не произошло событие, резко изменившее ситуацию.

Инженера давно мучило ощущение скрытого наблюдения, возникшее сразу после того, как они заметили увеличение магического фона. Сначала он принял гипотезу «магического следа»: кто-то из свиты Люцифера побывал в этом мире незадолго до появления беглецов и оставил свой след. Однако после встречи с Заавель и долгих размышлений Толя начал склоняться к другому мнению, приняв к разработке две версии повышения фона. По первой служители Хаоса вполне могли посетить этот мир и оставить где-то следящее устройство, по второй фон повысила сама Заавель. Последний случай был наименее вероятен, но и наиболее нежелателен, ибо заставлял предполагать худшее: либо Заавель была в с е л ё н н о й, либо работала на СД — Синклит Четырех Демонов, будучи «двойным агентом».

Приняв в качестве рабочей первую гипотезу, Такэда сделал запрос через хохху о личном деле Заавель и несколько дней лазил по скалам и остаткам зданий разрушенного города, разыскивая следящее устройство с индикатором, одолженным у Сухова. Однако эрцхаор работал, как миноискатель, отмечая писком в наушниках присутствие металла, поэтому Толя бросил это занятие, обыскав напоследок кокон темпорала и забрал оттуда дипломат мгновенной масстраспортировки. Тогда он переключился на изучение корабля Заавель и его компьютера, надеясь каким-то образом подключиться к файлу секретных данных. Последнее казалось невыполнимым, но Такэда не был бы инженером, если бы не умел решать такие задачи.

Изучив принципы управленческого комплекса по ответам охотно разговаривающего с ним компьютера и визуальным наблюде-

ниям, Толя улучил момент, когда Заавель и Никита улетели на катере, и с помощью хардсана вскрыл панель центральной «дольки лимона» — секции пульта. И не поверил глазам: она была пуста!

Кто-то негромко рассмеялся за спиной. Такеда мгновенно повернулся, хватаясь за рукоять лазера... и обнаружил, что лежит на камнях, слабый и беспомощный, словно пролежал здесь месяц без воды и пищи. Рядом лежал Никита, бледный, исхудавший, заросший, с тенями под глазами, такой же беспомощный и бессильный.

Кто-то стоял над ними, загораживая полнеба. Огромная туша, не похожая ни на что живое, зловещая, тяжелая, как гора, но гора металлическая и функционально законченная. Глаза слезились, Такэда протер их, но продолжал видеть все так же смутно, как сквозь грязное стекло.

Кто-то снова рассмеялся над головой. Смех был женским, и от него веяло холодом. Такэда с трудом повернул голову и увидел Заавель, только одетую иначе — в черный комбинезон со светящимися алыми зигзагами по рукам и ногам.

— Ты довольно хитер, Наблюдатель,— произнесла девушка, с лица которой исчезло выражение детской незащищенности,— но недостаточно проворен.— Перевела взгляд на не верившего своим глазам Сухова.— Прощай, Посланник, воин Пути. Впрочем, Посланником ты уже никогда не станешь — слаб.

По губам Заавели скользнула презрительная усмешка, отчего Никита дернулся, как от пощечины.

— До меня дошли слухи о новом Посланнике, ухитряющемся водить за нос Хуббата целый год, и я решила проверить.— Она вдруг приблизила к лицу Сухова свое лицо, черты которого поплыли, пережив быструю трансформацию, сменив множество лиц — от человеческих, в том числе и мужских, до жутких морд, не поддающихся описанию,— пока снова не вернулся прежний облик сверхъестественно красивой земной женщины.— Ты был бы интересен мне, танцор, лишь в качестве неплохого образчика человеческой породы, но ни на что не годишься. Даже на службе мне. Слабых не любит никто, в том числе и Путь. Поэтому я оставляю вас в живых, давая шанс постичь хотя бы малую часть себя. Выживешь — мы встретимся. Хотя я в это не верю.

Заавель выпрямилась, стала расти, вытягиваться, увеличиваться в размерах, пока не сравнялась по росту с металлической горой рядом, села на нее верхом.

— Удачи, воин,— раздался с небес громовой насмешливый голос, и гора с чудовищным существом, которое уже нельзя было назвать женщиной, исчезла с резким хлопком, от которого едва не лопнули барабанные перепонки. Для Такэды этот хлопок был лишним доказательством реальности происшедшего — с таким звуком воздух заполняет сосуд с вакуумом.

— Оямыч, я не сплю?— слабым голосом сказал Никита.

— Спал. Мы спали оба, хотя видели один и тот же сон. Хорошо еще, что проснулись живыми. Она действительно пожалела нас.

— Ты о чем?

— Как ты себя чувствуешь?

— Будто после месячной голодовки.

— Не месячной, всего лишь двух- или трехдневной, но голодовки. Нас заставили пережить сложную, подстраивающуюся, отлично наведенную галлюцинацию, воздействующую на все органы чувств.

— Кто заставил? Заавель?

Никита с трудом сел, с недоверием глядя на исхудавшего приятеля.

— Господи, ты как из концлагеря сбежал!

— Ты выглядишь не лучше.

— Так кто это был, по-твоему?

— А ты не понял? Заавель... за-Авель...

— То есть... Каин?!

— Она и здесь посмеялась над нами. Гиибель — ее настоящее имя, или его — одного из Великих игв, единственного, кто имеет черты женщины. Хотя это лишь малая часть ее истинной сути.

— Мы попались, как пацаны! — прошептал Никита, пряча лицо в ладонях.

Такэда мог бы возразить, он-то как раз попался в последнюю очередь, уступив инициативу Сухову, но говорить об этом вслух не стоило. Никита и так был растерян и унижен в достаточной степени. Кряхтя, Толя встал, огляделся.

Они находились неподалеку от разрушенного замка с коконом темпорала. Гипсовая пустыня уходила вдаль и во все стороны, сверкая в свете пылевой дуги, пересекающей небосвод, и была она почти пуста из конца в конец. Лишь несколько песчаных холмов, из которых вырастали обломки зданий исчезнувшего в веках города, напоминали о погибшей цивилизации, да кладбище звездолетов в гигантском разломе. Оно все-таки не было рождено гипноиндукционным излучением Гиибели, как подумал было Такэда.

— Значит, нас списали,— раздался сзади скрипучий голос поднявшегося Сухова.

Толя обернулся. Глаза танцора лихорадочно блестели, но с лицом произошла перемена: растерянность и подавленность с него испарились, скулы выступили резче, а губы отвердели.

— Тем лучше,— продолжал Никита, улыбнувшись так, что у Толи заныло сердце.— Ты хорошо разглядел эту гору, на которой умчалась Заавель? То есть твоя Гиибель?

— Не очень, но по-моему, это...

— Жругр! Тот самый механокентавр, или как там его можно назвать, который нужен и нам.

— Но Истуутука предупреждал, что обычный человек не может им управлять.

— Так то обычный,— оскалился Никита, повысил голос, так что лицо пошло пятнами,— а я — не совсем обычный, и с этим им придется считаться! — Он вдруг с криком ударил себя по плечу со звездой Вести.— Проснись, бинер, судьба моя!

По пустыне прокатилось странное грохочущее и звенящее эхо.

6

На сей раз ему удалось продержаться несколько минут, прежде чем сработал подсознательный «выключатель напряжения» и не прервал поток удивительных, странных, в большинстве своём непонятных видений. Снова он пережил целый комплекс необычных состояний и ощущений, сбивающих поступающий «текст»: изменилось не только визуальное восприятие пространства — он как бы видел все предметы снаружи и изнутри, но и ощущение собственного тела, вобравшего в себя чудесным образом мир вокруг на десятки, если не сотни километров. Все формы этого мира струились, колебались, текли сквозь тело, он понимал их суть, в и д е л взаимодействие частей вплоть до атомов, мог рассчитать любое их изменение в будущем и читать прошлое, хотя человеческая оболочка сильно мешала и хотелось освободиться от нее, выйти за пределы, жить в космосе более свободно и мощно...

Такэда наблюдал за Никитой с растущей тревогой, а потом со страхом, видя, как изменяется лицо танцора, ведущего какую-то страшную внутреннюю борьбу. Дважды Толя пытался остановить друга, достучаться до его сознания, и оба раза Сухов оставался глухим, едва не сломав Толе руку, когда тот попытался потрясти его за плечи. Закончилась борьба внезапно — внутри Никиты, если судить по вспыхнувшему взгляду, произошел взрыв, исказивший черты лица до неузнаваемости, а затем Сухов обмяк и потерял сознание.

Однако его беспамятство, зловещее и глубокое — до потери пульса, длилось всего четверть часа, и очнулся он сам, практически без помощи суетившегося Толи, который пытался сквозь костюм делать ему массаж грудной клетки и шиацу активных точек головы и шеи. Улыбнулся вздохнувшему с облегчением инженеру, провел рукой по заострившемуся лицу и сел, ослабевший, дрожащий от холода и потери энергии, но бодрый и довольный.

— Испугался?

— Испугаешься тут! Как самочувствие?

— Не знаю, пережевнуть бы чего-нибудь нашего, родного... борща, например, свининки жареной... а потом соснуть минуток шестьсот...

— О борще забудь, ешь, что Бог послал... то бишь лемур Истуутука. И спи. Потом поговорим. Я тут похожу рядом, поохраняю. Кстати, индикатор-то все равно нервничает.

Никита глянул на камень перстня, внутри которого тлел желто-оранжевый крестик — знак потревоженного магического фона.

— Не волнуйся, он регистрирует вибрацию Веера, колебания сети темпорала, которые затихают медленно. В принципе, мне он в этом качестве уже не нужен, я и сам теперь могу вычислить в толпе магически вооруженного.

— Весть выдала порцию информации?

— Весть выдает в с ю информацию, да я не в состоянии ее принять. Кое-что, правда, удалось, но до полного объема далеко. Эх, если бы удалось разбудить экстрарезерв!

— Тебе это уже удавалось. Помнишь, ты говорил, что во время схватки с Хуббатом сработала родовая память и ты вспомнил приемы боя предков?

— Да, но потом я все забыл!

— Главное — почин сделан. Вспомнил раз, вспомнишь и другой. Согласно гипотезе ученого-биолога Медникова вместе с набором безусловных рефлексов по наследству передается целый пакет использованных ранее предками программ, в том числе и навыков и методов выживания. И если ты вспомнил воинские приемы, значит, у тебя в роду были великолепные бойцы, витязи.

Сухов покачал головой, молча достал коробку с НЗ и сотворил пласт розово-фиолетового желе, утоляющего жажду не хуже родниковой воды. Откусил и пробурчал с полным ртом:

— Почему же все-таки индикатор не сработал на Гиибели, не предупредил об опасности?

— Я думал об этом. Либо она заблокировала его, либо заэкранировала себя, что вероятнее. Учти, игвы — многомерные существа, маги высокого класса, им подвластны любые силы и законы.

Сухов кончил жевать, лег, подложив под голову дипломат-транскоф, закрыл глаза.

— Она забавлялась нами... в ее власти было просто прочитать наши мысли.

— Мысли — да, но не эмоции, духовные порывы и цели, запасы добра и зла, возможности и способности. А выяснить все это можно было, лишь устроив спектакль.

— Не убежден. Она могла поступить проще: внушить нам любую мысль, сотворить псевдореальность, в результате чего мы либо сошли бы с ума, либо умерли от истощения.

— Ну, не знаю я, что у нее за план в голове был,— философски заключил Такэда.— Может быть, ты ей понравился.

Легкая краска легла на щеки Сухова, но он нашел в себе силы сказать то, что думал:

— Если бы понравился, она не назвала бы меня ничтожеством и не бросила здесь, как ненужную игрушку.

Толя не нашелся, что ответить.

Спал Никита больше семи часов и проснулся свежим и бодрым, а также голодным. Умылся, посетовав, что негде искупаться, проглотил два блюда из НЗ, по вкусу напоминавших соленые грибы и консервированные помидоры, и обвел взглядом горизонт.

Приближался «вечер», судя по высоте светила над цепью холмов, с противоположной стороны небосвод закрывала сизая пелена туч, несущих дождь, сверкающая равнина из конца в конец была все так же пуста и мертва, и даже ветер не поднимал на ней пыли.

— Все тихо?

— Ты же сам говорил, что чувствуешь магифон. Аль во время сна потерял способность?

— Поехали.

— Куда?

— Туда, где Макар телят не пас. Нам нужно сделать несколько хронпереходов.

— Нас перехватят уже на втором переходе.— Такэда встретил взгляд Сухова, помолчал.— Если это необходимо — вперед.

— Другого выхода просто не существует. Чтобы начать поиски жругра, необходимо прежде закончить воинское образование, разобраться с Вестью, выяснить свои возможности, кое-что приобрести, сообщить маме, что я жив, найти Ксению... в общем, план мой несколько меняется. Сейчас мы сделаем переход в мир, где обитает «первый меч всех времен и народов». Любопытно посмотреть на его мастерство и научиться самому.

— Кто бы возражал.— Такэда поднял транскоф, стряхнул с его черного «кожаного» бока прилипшие комочки гипса.— Ты мне так и не сказал, что тебе выдала Весть.

— Пленка еще проявляется,— сказал Никита, улыбнулся в ответ на удивленный взгляд Толи.— Это если говорить образно. Многое застряло в подсознании и просачивается оттуда постепенно. Испытываешь такое удивительное ощущение, когда в сознании всплывает вдруг з н а н и е предмета или явления!

— Саммай.[1]

— Что? А-а, да, но не одно — целая цепочка саммай. Наверное, мозг научился регулировать потоки информации на уровне рефлексов.

Сухов приблизил руку с перстнем к лицу, пристально глядя на переставший светиться камень, глаза его сузились.

[1] Саммай — состояние просветления.

Камень эрцхаора на мгновение стал прозрачным, внутри него мелькнули черные точки, исчезли, и тут же камень полыхнул серией вспышек, сыграв целую гамму от зеленого и желтого к вишневому и фиолетовому цвету. Никита удовлетворенно кивнул.

— Все нормально, путь свободен.

— Что ты с ним сделал?

— Запрограммировал на поиск нужного хрона, он будет наводить нас на цель. А заодно проверил, не ждет ли где в засаде «свита Сатаны». Горизонт чист.

— Значит, Гиибель не стала сообщать наши координаты.

— На таком низком уровне она играть не должна.

Сухов повернулся и направился к развалинам замка, ухитряясь ступать почти бесшумно, не трещать россыпями кристаллов. Вскоре кокон темпорала распахнул перед ними двери, и путешественники нырнули в сиреневый свет поворачивающей время на квантовый угол камеры хроносдвига. Поход по лестнице Шаданакара «вниз», к М-физике, начался.

* * *

Выход из темпорала в этом мире пришелся на раннее утро. Кокон станции хроносдвига был замаскирован под гигантскую каменную голову высотой метра четыре, и путешественники, спустившись по ее языку и выйдя через рот, попали в заросли акации. С трудом преодолев эту колючую преграду, они оказались в лиственном лесу, живо напомнившем Никите леса Подмосковья ранней осенью. Березы здесь чередовались с кленами и буками, сменялись полосами осин и ясеня, кое-где встречались более темные лиственницы и сосны, но стоило Сухову подойти к дереву поближе, как тут же становилось ясно, что он не на Земле. Листья «березы» при внимательном рассмотрении имели другую форму, хотя ствол ее вполне отвечал земным «березовым стандартам». Точно так же и кленовый лист выглядел иначе, более вычурный, резной и красивый. И длинные листья-иглы местной «сосны» заканчивались пушистыми венчиками, а не остриями, как земные, хотя издали их вряд ли можно было различить. И еще в этом лесу не хватало травы и птиц: тишина стояла, как после пожара.

— Эрцхаор,— шепнул Такэда, вертя во все стороны головой.

Никита понял, кивнув: он глянул на перстень еще при выходе из темпорала, но индикатор тревоги не поднял, только отметил наличие повышенного фона магического поля.

— Все спокойно. Хотя мы теперь проходим хроны, где начинают работать законы магифизики. В этом мире могут быть и колдуны, и заклинатели, и волшебники.

— Где мы?

— Наш герой, «первый меч»— индеец, мы в его мире. Это все, что я пока знаю. Необходимо найти местного Наблюдателя, он даст нужные сведения.

— Как?

— Позвонить ему.

— В рельс, что ли? Или здесь есть телефоны, а у тебя — его номер?

— Через хохху,— коротко ответил Сухов без обычного язвительного тона.

Такэда прикусил язык, сообразив, что у них действительно есть рация, через которую можно держать связь с любым Наблюдателем.

— Извини, не подумал.

Никита, не отвечая, направился по лесу туда, где виднелся просвет, и через полсотни шагов вышел на край огромного ровного поля, усеянного такими же гигантскими каменными головами, как и та, из которой они только что вылезли. Их было не менее трех тысяч, и еще многие головы прятались в кустарнике и в лесу.

— Что это?— осведомился Сухов, пытаясь сосчитать количество голов, тип лиц которых указывал на их индейское происхождение.

— Скорее всего кладбище,— сказал Такэда.— На Земле встречалось нечто подобное в Месоамерике. Головы делали каменотесы еще при жизни царей, после смерти тела царей сжигали, а прах помещали в голове.

— Здесь их несколько тысяч! Неужели все цари?

— Плюс знатные вельможи, воины, герои. Этому кладбищу, наверное, исполнилась не одна сотня лет. Странно, что нигде не видать охраны. Земные индейцы относились к предкам с большим пиететом и обычно сторожили усыпальницы, дабы их не разграбили.

— Кажется, и местные индейцы имеют те же обычаи.

Такэда завертел головой и в полукилометре от них обнаружил неподвижную фигуру с длинным копьем, одетую во что-то золотисто-коричневое. Через мгновение фигура исчезла, но не приходилось сомневаться, что пришельцев заметили.

— Что будем делать? Бежать в лес, сражаться, ждать?

Сухов взвесил в руке вардзуни, с сожалением покачал головой.

— Оружие придется оставить. Стоит нам применить хардсан или суперкопье в этом мире, как нас тут же засекут техники ЦРУ, служба наблюдения. Давай-ка быстренько закопаем все наше снаряжение возле этой головы и заметем следы. Оставим при себе только лингверы, авось, никто не обнаружит их в волосах.

— И хохху.

— Правильно, рацию тоже, вряд ли они догадаются, что это такое.— Никита быстро написал несколько слов на клочке пленки — запрос на связь с Наблюдателем данного хрона, вложил внутрь хрустальной бабочки и спрятал ее на груди.

В тот же момент из леса бесшумно вынырнула цепь золотисто-коричневых фигур с длинными копьями, взяла путешественников в кольцо, а из-за их спин вперед выступил прекрасно сложенный молодой человек с типично индейским лицом, которому была присуща особая, свирепая красота. Смуглое, скуластое, с большим, но не чрезмерно, хищным носом и узкими черными глазами, с прямыми губами, гордое, бесстрастное и сильное, лицо этого воина было столь красноречиво, что хотелось встать по стойке «смирно» и ждать приказаний.

Одет индеец был так же, как и его соплеменники, в коричневый кожаный костюм, расшитый золотой бахромой, сидевший на нем, как вторая кожа, но, во-первых, костюм его был украшен перьями, а на груди красовался очень красивый мозаичный ромб из перьев, видимо, знак власти. Во-вторых, из-за спины у него высовывался край щита, а в-третьих, в отличие от своих подчиненных, бритых, с золотыми лентами вокруг голов, он имел прическу — прекрасную львиную гриву соломенного цвета и головной убор в виде короны из перьев какой-то птицы. Кроме того, на поясе у него висели изогнутые ножны, разукрашенные золотыми инкрустациями, из которых выглядывала сверкающая рукоять длинного, похожего на ятаган, меча. Индеец молчал, как и воины команды, и по лицу его невозможно было понять, о чем он думает.

— Мир вам,— слегка поклонился Никита. Его киб-переводчик смолчал, потому что не знал, на какой язык переводить. Индейцы не проронили ни слова, наставив на приятелей удивительно длинные, с длинными же и тонкими наконечниками, копья. Пауза затянулась.

Сухов оглянулся на Толю. Тот тихонько качнул головой:

— Не суетись.

Как бы удовлетворившись осмотром, предводитель отряда махнул вперед рукой, сжав два пальца и растопырив остальные три, отступил в сторону, так и не издав ни звука. Никита не сразу сообразил, что означает этот жест, и едва не прозевал бросок копья, стоявшего чуть сбоку воина. Копье срикошетировало от плеча — ткань костюма была непробиваема — и оцарапало шею. Второе копье прошло в сантиметре от головы, но Сухов увернулся, ощутив затылком ветерок смерти. Третье вонзилось в то место, где он только что стоял. Их убивали, буквально расстреливали, молча и деловито, без лишних расспросов и рассуждений, и была в этой деловитости такая убежденность в праве распоряжаться чужой судьбой, что Никита испытал приступ страха. Правда, длился приступ всего

секунду-две. Бросив взгляд влево, Сухов увидел, как хладнокровно сражается Такэда, разломав копье на две части и превратив их в нунчаки, и это придало ему уверенности и мобилизовало прилив сил. Дальнейший бой продолжался уже под их диктовку, так как индейцы понятия не имели об искусстве самозащиты без оружия.

Поскольку Никита не был столь силен в искусстве юби-дзюцу [1], как Такэда, хотя и тренировал с ним комплекс атэ-ми [2], он решил действовать не столько эффективно, сколько эффектно, что всегда действует на психику противника. Дважды удачно развернув блокирующую спираль — любой бьющий предмет, в том числе и копье, попадая в охватывающую спираль блока, соскальзывает,— Никита в ответных ударах для достижения эффекта цепа использовал не только руки и ноги, но и весь корпус, что усиливало удар даже в ближнем бою с малых дистанций, после чего нападавшие улетали — уже без оружия — на три, четыре, пять метров.

Бой временно прервался. Семеро индейцев лишились копий, трое из них потеряли сознание — это поработал Такэда, остальные отползали в сторону, глядя на двух дьяволов если и не с ужасом, то с должным уважением. Оставшиеся четверо копья бросать не решались, ожидая команды вожака. Тот раздумывал всего мгновение, потом что-то крикнул высоким звенящим голосом, прыгнул к Никите и нанес ему удар мечом; когда он его выхватил из ножен — танцор не заметил.

Спас его Такэда, метнувшись между ними и бросив в лицо индейца горсть песка. Лезвие меча миновало голову Сухова, отскочило от ключицы — ткань костюма защитила его и на этот раз, и в то же мгновение Никита рванул на себя чужую руку, автоматически провел прием «в локоть»— санли и завладел мечом. Выпрямился, угрожая врагу уколом в грудь.

— Размахался!.. Спасибо, Оямыч, как-нибудь сочтемся.— Крикнул остальным: — Стоять!

Индейцы замерли, поняв смысл сказанного по интонации. Их командир, упавший на колени, медленно встал, не сводя горящего взгляда с Никиты, ответившего ему таким же взглядом. Подошел Такэда с копьем, взвесил в руке.

— Отличная вещь, легкая и хорошо сбалансированная. Спроси его что-нибудь, разговори, а то лингвер не разберется в языке.

— Кто вы?— Никита опустил меч, ткнул себя пальцем в грудь.— Сухов.— Указал на Толю.— Такэда.— Протянул руку к индейцу.— Ты?

— Уэ-Уэтеотль.— Индеец гордо выпрямился, складывая руки на груди.— Текутли панатиско им велиавел шочик.

---

[1] Юби-дзюцу — поражение болевых точек тела пальцами.

[2] Атэ-ми — комплекс шоковых и парализующих точечных ударов.

Лингвер замешкался на мгновение и перевел:

— Нам приказано вас убить.

Друзья переглянулись.

— Хорошенький прием, теплый,— пробормотал Сухов.

— Наверное, здесь побывали слуги ЦРУ, предупредив о возможном нашем появлении местные власти. Что предпримем? Судя по красоте нагрудной пекторали, этот воин — важная персона. Давай отведем его к правителю и обменяем на свою жизнь.

— Вряд ли он согласится. К тому же, я не уверен в его знатности — обычный исполнитель в ранге сержанта.

— Но держится он независимо, не по-сержантски. Звание, положение?— обратился Толя к индейцу.

— Саагун тикуй-рикуки тлатоани,— ответил тот высокомерно, не удивляясь тому, что к нему обращаются на двух языках и разными голосами.

— Начальник глаз и ушей Повелителя,— перевел лингвер, шепот которого был слышен только хозяину, добавил: — Вероятно, соответствует чину капитана разведки. Кстати, имя Уэ-Уэтеотль — это, скорей, кличка, переводится как «Ягуароподобный дракон».

— Ох и любят они цветастые имена и клички. Да, Оямыч. А меч, наверное, из бронзы, до того легок. И удобен. И красив.

— Срубил бы он твою буйную голову, тогда бы ты его оценил иначе,— проворчал Такэда.— Командуй.

Никита еще раз взглянул на перстень, поигрывающий оранжевым квадратиком — фон магиполя был достаточно плотен, чтобы подозревать о существовании в этом мире адептов магической физики, но дело свое надо было доводить до конца.

— Держи.— Сухов протянул меч владельцу вперед рукоятью.— Веди нас к Повелителю. Только не вздумай снова начать «игру в бойню». Усек?

Индеец, озадаченный таким поворотом событий, потерял от изумления свой неприступный, независимый вид, открыл рот, потом с видимым усилием справился с собой.

— Уэ-Уэтеотль отведет вас к Повелителю: пусть тот решает вашу судьбу сам.

— Ну и отлично. Кстати, кто отдал приказ убить нас? И по какой причине?

— Приказ отдал чичим Сипактональ Уиштотли, главный сборщик дани, правая рука тлатоани Тлауискальпантекутли, Первый Меч империи.

Никита присвистнул.

— Вот-те бабушка и Юрьев день! Тот, кого мы ищем, и отдал приказ о нашем уничтожении. Чичим... что такое чичим?

— Имеющий право убивать без разрешения Повелителя,— отозвался лингвер.

— А тлатоани Тлауискальпан... чего там еще? Имя?

— Тлатоани — правитель, а Тлауискальпантекутли переводится как Повелитель Дома Утренней Зари.

— Что ж, звучит красиво. Пошли знакомиться, Оямыч. Интересно взглянуть на правителя с таким поэтическим именем, да и на его «правую руку» Сипактоналя Уиштотли, имеющего право убивать без суда и следствия. Неужто я что-то перепутал, и он не маг, а демон?

Сухов махнул рукой не потерявшему гордую осанку предводителю отряда.

— Веди, Саагун.

Индеец поднял вверх руку, и в ту же секунду двое индейцев исчезли в кустах, чтобы через минуту привести лошадей. Такэда забрался в высокое седло с ловкостью завзятого жокея, а Никита, которому на родине отца удалось в свое время покататься на лошадях с объездчиком Ефремычем, прыгнул в седло, не пользуясь стременем, что, впрочем, не произвело на индейцев никакого впечатления.

Поскакали рысью — один за другим, миновали кладбище с головами и вскоре выехали из леса на мощенную каменными плитами дорогу, прямую, как стрела, упирающуюся в скалистые холмы километрах в десяти отсюда.

В холмах дорога разветвилась, стала шире, по ее сторонам стали появляться ступенчатые пирамиды, не то здания, не то храмовые сооружения, охраняемые непременными каменными ягуарами или орлами. Дважды проезжали по висячим мостам, пересекающим реки, и выехали наконец на край долины, утопающей в зелени, окруженной красивейшими каменными стенами и скалами.

— Чикама,— обернулся на скаку Уэ-Уэтеотль.

Лингвер никак не прокомментировал слово, и Никита понял, что Чикама — название долины или каньона. Дорога вильнула за скалы, вывела всадников к необычной арке: две гигантские человеческие сплетенные руки, высеченные из камня с непревзойденным мастерством. За аркой справа поднималась пирамидальная постройка с треугольными бойницами, напоминающая крепость. Впрочем, это и была крепость, стерегущая вход в долину, потому что реплику проводника: «Пукара»,— лингвер перевел как «сторожевой пост». Двое индейцев, неподвижно стоящих на крыше пукары, проводили кавалькаду взглядами.

Никита обратил внимание на сложные устройства в их руках, из которых выглядывали наконечники копий, и сообразил, что это ручные копьеметательные машины. В земной истории аналогов таких машин не существовало.

За поворотом открылся изумительно красивый вид на долину: геометрически совершенные террасные поля, лесополосы, группы

скал и среди них — замки в виде террасных пирамид и стены, сложенные из громадных каменных блоков, пересекающие долину из конца в конец. Проезжая мимо одной из них, высотой в двадцать— двадцать пять метров, индеец приостановил коня.

— Истаксиуатль по пачанка. Ли гарама тооли Тлауиска.

— Великая индейская Стена,— перевел лингвер.— Пересекает всю Империю Дома Утренней Зари.

— Оказывается, не только китайцы строили такие стены,— тихонько сказал Такэда.

Стена тянулась километров на двадцать, скрываясь в скалах за краем долины, а дальний ее конец скрывал за собой город.

— Халиско,— показал на него проводник.— Тлалока.

— Столица Империи Халиско,— шепнул лингвер, хотя Никита понял это и без перевода.

Въехали в город спустя час. Проводник снова сдержал коней, чтобы гости могли осмотреться и оценить своеобразную красоту столицы, в которой искусство каменной кладки было доведено до совершенства. Как и искусство глиптики, резьбы по камню.

Ни одно здание не повторяло соседнее, хотя в основе своей они имели одну форму — пирамиды. И тем не менее, разнообразие поражало. Здесь были здания в форме ладони, растущей из пирамиды, и в форме человеческой головы. Встречались постройки в форме топора, гигантской арки, ярма для быка, и в форме дерева или початков кукурузы. Все они были одно-, двухэтажные, реже трехэтажные, не выше и лишь башни, похожие на минареты, в форме копья, возвышались над городом на добрые полсотни метров, да дворец Правителя высотой в двести с лишним метров.

Дворец-Чолула, как важно назвал его Уэ-Уэтеотль, представлял собой строгую пирамиду с двадцатью одной террасой, сложенную из белого камня, и являл собой образец совершенства кладки, внедрения в быт геометрических пропорций и возведения в ранг абсолюта монументального искусства скульптуры и барельефа.

Никита не считал себя знатоком архитектуры древних цивилизаций (в данный момент они как бы перенеслись в прошлое Земли), хотя интересовался историей всегда, но эстетика строений этого индейского архитектурного шедевра могла увлечь и менее романтическую натуру.

Фасад дворца был украшен барельефами с изображениями извивающихся пернатых змей и клыкастых ягуароподобных лиц, а также резными многоцветными колоннами и башенками. Вход во дворец напоминал музейную экспозицию со скульптурными группами, резными вертикальными панелями — таблеро, в отделке которых использовалось серебро и золото, и ступенчатым сводом.

Проводник остановил процессию — с лошадей они слезли еще за сто метров от дворца — напротив цепи стражи: воины все были,

как на подбор, рослые, мускулистые, с пышными прическами в виде корон и взбитых султанов, украшенных перьями, со щитами из панцирей черепах и длинными копьями с пучками перьев. Одеты они были в черные с золотом костюмы, расшитые бисером и бахромой. Уэ-Уэтеотль что-то сказал начальнику стражи, имевшему на груди знак отличия в виде ромба из перьев, выслушал ответ и сделал приглашающий жест. Цепь стражей расступилась, пропуская во дворец троих: людей и сопровождающего их. Отряд саагуна остался снаружи, построившись в маленький квадрат.

Никита не очень внимательно следил за тем, куда их ведут, поглощенный созерцанием фресок, горельефов, колонн, панелей, ковров из перьев и прочих красот дворца в причудливом свете лампад и свечных люстр, поэтому он скоро запутался в лестницах, переходах, мостиках и галереях, создающих внутри здания впечатление непроходимого лабиринта. Лишь Такэда, не терявший бдительности, знал, что от входа они ушли недалеко, дважды обойдя святилище с группой ягуаровидных божеств и алтарь, сверкающий золотом. Наконец индеец остановился у входа в зал, занимающий, наверное, чуть ли не треть объема дворца, бросил за спину:

— Калькулли.

— Мы пришли,— отреагировал лингвер.

Уэ-Уэтеотль шагнул в зал и преклонил колено перед возникшим из темноты человеком в черно-золотом костюме на голову ниже его.

— Кого ты привел, Уэтль?— раздался отрывистый, резкий, неприятный голос.

— Чужеземцев, чичим.

— Мы же велели принести их в жертву богу Уицилопочтли.

— Они не захотели, чичим.— В голосе Уэ-Уэтеотля сквозь смирение и высокомерие прозвучала насмешка.

— И ты не смог с ними справиться, саагун?! С двумя?!

— Они колдуны, чичим, и владеют мбоа.

— Мбоа владеют только Богоизбранные и Повелитель.

— Наверное, это вид воинского искусства,— предположил лингвер,— в моем лексиконе нет такого слова, но по ряду признаков мбоа — аналог земного каратэ.

— Доложи Повелителю, чичим, у меня есть что сказать ему.

— Ты будешь наказан, саагун.

— Это решит Повелитель.

Дальнейшую перепалку, тихую, сдержанную, но полную внутреннего напряжения и ненависти, прервал гулкий гонг и вслед за тем голос:

— Проводи их ко мне, Ситаль.

Человек в черном поклонился — жест был чисто ритуальным, автоматическим, и повел рукой в глубину зала. Уэ-Уэтеотль проследовал мимо, гордо подняв голову.

По-видимому, разведка и стража Повелителя не слишком симпатизируют друг другу, подумал Никита, и в это время увидел Тлауискальпантекутли, Повелителя Дома Утренней Зари.

7

Если на Земле Колумба Америка была поделена между отдельными индейскими племенами, а каждое племя делилось на роды, которые в свою очередь дробились, и на всем пространстве Американских материков шло взаимное истребление краснокожих, то здесь, в этом хроне, на аналоге Земли, имеющем название Астаамтотль, индейцы смогли понять грозящую им опасность в результате вторжения белых и соединиться для совместного отпора общему врагу. В результате первые колонии европейцев были уничтожены, и вся Америка досталась индейцам. Правда, потом они все же не удержались в объединении и образовали около сотни государств, воюющих друг с другом, но то были индейские государства: сиу, могикан, арапаха, ацтеков, майя, кечуа, аймара, сапотеков, тольтеков, ольмеков и других племен, разве что назывались они иначе. А когда в силу местных географических условий снова образовался сухопутный мост — перешеек между Аляской Америки и Азией — Берингия, индейцы начали завоевание Азии, изменившее судьбы этой части света.

Завоевание длилось не одну сотню лет, после чего образовались Лиги — мощные союзы государств: Такуба — Восточно-Азиатский, Астлан — Евроазиатский, Сандиакловис — Северо-Американский и Фолсом — Южно-Американский. Австралия тоже склонилась перед натиском краснокожих, где выросло однородовое государство Пуррон со столицей Омейокан на месте Земной Канберры.

И лишь африканский материк, имеющий по сравнению с земным несколько иные очертания, остался незавоеванным индейцами, сохранив древнее, данное аборигенами, название Мыср. И ни амбиции, ни жажда славы, кипящие в крови индейцев, одни из главных побудительных причин их войн, не смогли помочь им покорить черный материк.

Халиско был столицей Срединного хааба — района-государства с шестидесятимиллионным населением, где правил Тлауискальпантекутли — Повелитель Дома Утренней Зари, и стоял город примерно на месте современного земного Харькова. Естественно, никаких украинских городов, равно как и русских, арийских и любых других в этом мире не существовало, индейская экспансия началась на Астаамтотле раньше, чем на Земле исход ариев из Индостана вверх, на север и запад.

Правитель — тлатоани на местном наречии был по национально-

сти участок, а его «правая рука», сборщик дани, первый меч империи чичим Сипактональ происходил из рода чоль-чорти, самого свирепого и воинственного из всех Азиатских племен, и лишь благодаря ему власть тлатоани ни разу не была поколеблена, хотя попыток ее свержения от «оппозиционных» племен было предостаточно. Именно на этого человека и хотел выйти Сухов, полагая, что Сипактональ не только воин, объединитель народов, но и маг, тот самый искусник, который им нужен для продолжения Пути. Но он ошибся. Сведения же о стране, в которую они попали, дошли до них с неожиданной стороны.

Правитель интересовался ими недолго.

Это был высокий, сухой и костлявый старик с узким лицом, похожим на лезвие топора. Одетый в зелено-фиолетовый плащ, разукрашенный перьями, он не производил впечатление сильного и умного человека, но властолюбие проступало во всех его чертах. Как и в обстановке зала церемоний, предназначенной подавлять и поражать всех гостей или послов других хаабов. Все предметы этого огромного зала, от трона Повелителя до скульптур, скамеек, стел, панно и стенных скосов, были гипертрофированы: либо увеличены, либо искажены, но сделано это было с таким искусством и вкусом, что внушало не ужас и отвращение, а изумление и суеверный восторг.

— И эти люди оказали тебе достойное сопротивление, Уэтль?— спросил звучным голосом Правитель.

— Да, мой Ягуар,— поклонился саагун.— Меня предупреждали, что они не обычные воины, но я не поверил. Они знают мбоа.

— Он лжет,— холодно процедил стоящий сзади Сипактональ; перед троном, склонив голову, стоял Уэ-Уэтеотль, за ним Такэда с Суховым.— Мбоа могут владеть только Богоизбранные, жрецы Науатль.

— Вот и проверь это, чичим. Пусть они сегодня живут, а завтра устроим представление и жертвоприношение Уицилопочтли. Что касается тебя, Уэтль, то я начинаю думать, что ошибся, возвысив тебя над толпой, переведя из архитектора в командира тикуй-рикуки. Завтра будешь сражаться вместе с этими чужестранцами против мбоа. Остальное — во власти Ягуара.

Уэ-Уэтеотль молча склонился до пола, резко повернулся и вышел из зала. Чичим Сипактональ проводил его торжествующим взглядом, хлопнул в ладоши. Из-за скульптур бесшумно выступили рослые воины в черном, с копьями и мечами.

— В темницу их.

— Похоже, наше мнение никого не интересует,— пробормотал Никита.— Может быть, попытаемся объясниться?

Но в этот момент в зале появилось еще одно действующее лицо — женщина, одетая в золотые доспехи, с золотой маской на лице и

с огромной вычурной прической, похожей на султан, с перьями в волосах. За ней бесшумно, как тени, следовали два гиганта в золоченой коже, вооруженные лишь короткими кинжалами.

— Я забираю их в Храм, Повелитель,— сказала она низким голосом, смело подходя к трону.— Богоизбранные, мои воины и жрецы, хотят посмотреть на пришельцев и выяснить, кто они, откуда, зачем появились здесь и что знают. А завтра они продемонстрируют вам свое искусство.

— Пусть будет так,— ответил коротко тлатоани, сверкнув глазами.

Сипактональ с неохотой дал знак своим стражам, и те снова исчезли в нишах зала. Женщина в золотом наряде больше ничего не произнесла и вышла первой. Ее сопровождающие молча вывели следом путешественников, так и не проронивших ни слова.

Вели их недолго. Женщина сразу же после выхода из дворца-пирамиды правителя села в паланкин, и четверо таких же великанов, как и те, что вели друзей, умчали ее рысью прочь, а провожатые свернули с площади перед дворцом в проход между зданиями в форме топора и оказались у коновязи, где их ждал десяток индейцев с лошадьми. Усадив «бледнолицых» на одного коня, провожатые погнали отряд по широким улицам Халиско, не обращая внимания на прохожих. Впрочем, прохожие, в большинстве своем женщины, одетые в цветные, длинные, до пят, юбки и накидки, а также кофты, с невероятно сложными прическами, тоже практически не глазели на кавалькаду, во всем подражая мужчинам, в том числе и в невозмутимости.

Индейцы-сопровождающие, все атлеты, словно собранные из тюрем Земли преступники, которым больше нечем заниматься, кроме как качать мышцы, вооружены были не копьями, а, как заметил Такэда, духовыми ружьями и кинжалами. Меч был лишь у одного из них, вероятно, старшего по званию, управлявшего своим отрядом знаками. И по слаженности действий, ленивой грации, уверенности в себе и физической силе Такэда угадал в них профессионалов, людей войны. Как видно, власть женщины в золотом, поддерживаемая такой личной гвардией, была достаточно велика, если даже Правитель не хотел с ней спорить.

— Мбоа,— сказал Такэда на ухо Сухову, кивая на сопровождающих. Никита промолчал. Он уже догадался, что эти воины и есть те самые «Богоизбранные», с которыми им предстояло сражаться не на жизнь, а на смерть.

Проскакали почти до окраины Халиско и остановились у пирамидального здания со множеством террас. Здание хотя и уступало по высоте Чолуле, дворцу правителя, но было не менее величественным, гармоничным, красивым, увенчанное чешуйчатой башней, похожей на вставшего на хвост дракона.

— Матлашкочитль,— разразился наконец речью предводитель отряда, спешиваясь.

Лингвер перевода слову не дал, это было имя собственное, название здания.

— Тликоуацин Науатль,— продолжил индеец, жестом приказав спутникам следовать за ним, но повел людей не в здание-пирамиду, а в красивый белый дом напротив в форме уснувшего зверя, не то ягуара, не то дракона.

— Храм... богини Науатль,— прошептал лингвер, запнувшись.— Науатль — ягуароподобный дракон.

— Вот оно в чем дело,— вполголоса заметил Такэда.— Эта дама, что забрала нас у мясника-чичима, наверняка жрица храма, верховная жрица. А это ее дом.

— Интересно, чего ей от нас надо?— нахмурился Сухов.

— Сейчас узнаем.

Их провели в дом и оставили в роскошной прихожей со сводчатым потолком и стенами, увешанными коврами из искусно переплетенных, отливающих всеми цветами радуги, птичьих перьев. Эти ковры висели везде, но в доме встречались комнаты, стены которых были затканы перьями сплошь, вызывая удивительный эстетический эффект. Практичный Такэда подумал, правда, о пыли: как здесь ее убирают?— но восхищался красотой убранства комнат не меньше Сухова. Однако самое большое потрясение ждало гостей впереди.

Через несколько минут ожидания в прихожую вошла наполовину обнаженная девушка с безупречной фигурой. Из одежды на ней была только юбка из перьев да сандалии из белой кожи. Сложная прическа в форме двух пересекающихся кубов, венчала голову, в ушах подрагивали длинные золотые серьги в виде человеческих ладоней, на руках и ногах сверкали браслеты. Она сделала приглашающий жест и скользнула в проход между двумя белокаменными, украшенными резьбой, панелями. Заинтригованные гости последовали за ней. Короткий коридор вывел их в светлый зал, затканный все теми же перьями и паутинно-прозрачными драпировками, с резным деревянным троном в дальнем конце, у стены, по которой распростерлось тремя извивами тело драконоподобной, с головой и когтями ягуара, твари. На троне сидела давешняя золотодоспешная женщина, одетая, правда, на сей раз иначе, почти так же, как и ее служанка: в юбку, но не из перьев, а из какой-то ткани, отливающей зеленью, в невероятной красоты сандалии, с виду — из золота, и прозрачно-золотистую накидку, не скрывающую ни высокой груди, ни длинной шеи, ни тонкой талии. Прическа у нее осталась той же, как и золотая маска на лице, изображавшая полуженщину-полуягуара.

Но не это поразило гостей. На безымянном пальце ее правой

руки сверкал знакомый перстень — эрцхаор, подмигивающий то изумрудным, то желтым крестиком.

— Вот так сюрприз! — хладнокровно заметил Такэда.— Жрица-то наша — Наблюдатель!

— Проходите,— раздался низкий и властный голос; говорила она по-индейски, и общаться с ней пришлось через лингверы.— Посланник и проводник, не так ли?

— А вы — Наблюдатель?— ответил Никита, поклонившись.

— Зовите меня Тааль. Я верховная жрица богини Науатль.

— Вы знали, что мы появимся здесь?

— Нет. Но пришел запрос, и я приняла меры.

— Нас пытались убить...

— Приказ тикуй-рикуки отдал Сипактональ, я не знала о вашем появлении, пока не пришло сообщение по хохха-связи. Но разве вы не воины? Разве Посланник не в состоянии отбиться от простых смертных?— В голосе Тааль прозвучала насмешка.— Для чего вам понадобилось демонстрировать мбоа Уэтлю с его дружиной? Достаточно было п р и к а з а т ь ему привести вас ко мне.

Сухов покосился на Толю, пожал плечами, и тот вежливо пояснил:

— Мы новички и многому еще учимся. Я — Наблюдатель своего хрона, как и вы, а он... он Посланник, но не посвящен Пути.

Жрица покачала головой так, что качнулись груди, притягивающие взор, задумчиво произнесла:

— Да, вы странная пара... Ситаль не выпустит вас живыми, если узнает, что Посланник не посвящен. Тем более, что он тоже получил задание — от Синклита четырех уничтожить вас, если вы появитесь здесь. Чудо, что он не вмешался, когда решался вопрос, кого посылать для встречи — его воинов или тикуй-рикуки.

Гости переглянулись.

— А ты хотел поучиться у него бою на мечах,— сказал Такэда ехидно.

— Но он первый меч империи!

— О да, Сипактональ — первый меч империи,— кивнула Тааль,— но Уэтль — первый меч Астаамтотля! О чем не знает никто, хотя Ситаль и догадывается. Вот у саагуна есть чему поучиться.

Сухов и Такэда снова переглянулись. Они еще не забыли бой у кладбища с каменными головами, и у обоих мелькнула одна и та же мысль: уж если Уэ-Уэтеотль там не показал ничего примечательного, то чего стоит его слава «первого меча» планеты? Жрица поняла их молчание правильно.

— Уэтль — мой третий муж, я знаю его возможности хорошо. Вероятно, он инсценировал бой, иначе в живых вы бы не остались. К сожалению, и в его отряде есть глаза и уши Ситаля, поэтому он знает правду.

— Зачем же Повелитель отдал саагуна на заклание, зная, что он такой большой воин?

— Повелитель — не первое лицо государства, это во-первых. И, во-вторых, почти никто не знает о способностях Уэтля, он их не афиширует. А настоящий тлатоани в нашем государстве — Сипактональ Уистотли, брат Мишкоасацина, зять Уэмака, главный сборщик дани и... агент — осведомитель ЦРУ. Если завтра вы останетесь живы — а он самолюбив и хочет убить вас сам, не прибегая к помощи раруггов,— в Шаданакар пойдет сигнал о вашем пребывании здесь, и тогда встреча с Хуббатом неизбежна.

— Вы и об этом знаете?

— Слухом земля полнится. Если не верите в свои силы — уходите, я дам вам такую возможность.

Молчание длилось всего несколько секунд, Такэда стоял ни жив, ни мертв, ожидая, что скажет Сухов, но тот сказал всего два слова: «Я — Посланник»,— и тон его речи подействовал даже на жрицу с фигурой богини молодости.

— Хорошо, отдыхайте, вас проводят. Пока вы у меня, вы в безопасности. Все ваши желания будут исполнены.

— Найдите Уэ... э-э, саагуна.

— Уэтля? Зачем?

— Я хотел бы поговорить с ним... кое о чем.— Сухов преодолел желание скрыть правду и твердо глянул в прорези золотой маски.— Если он согласится, я хотел бы получить пару уроков до завтрашнего дня.

— Хорошо,— после недолгого размышления сказала жрица; по ее мнению, Посланник должен был обладать большим могуществом, чем дает знание приемов боя на мечах, но скрывать удивление она умела.— А ваше желание, Наблюдатель?

— Поговорить с вами как Наблюдатель с Наблюдателем,— учтиво произнес Такэда.— Нет большего наслаждения, чем обмен информацией.

— И это выполнимо,— кивнула Тааль. Хлопнула в ладоши и сказала, когда из-за какого-то ковра выскользнула служанка.— Проводи воина в додзё.

— Тренировочный зал,— перевел лингвер.

Но зал оказался внутренним двориком со специальным кольцом для игры в мяч и настоящей гимнастической стенкой. Показав его, служанка отвела Сухова в длинную прямоугольную комнату с узкими окнами в стенах и на потолке, с гладким деревянным полом и стенами, обитыми деревянными панелями.

— Можете заниматься здесь, господин, или во дворе.

Сухов задержал служанку:

— А почему твоя госпожа носит маску?

Девушка бросила испуганный взгляд на дверь, прошептала:

— Артхурон,— и исчезла.

— Заклятие,— отозвался лингвер и после паузы добавил: — Болезнь наговора.

Никита машинально взглянул на эрцхаор: перстень подмигивал оранжевым пятиугольником, отмечая появление всплеска магического поля. Где-то недалеко, может быть, даже в пределах города, появился некто, колдун или знахарь, магически вооруженный Вестник, или слуга Хаоса, добрый или злой. Кто именно, индикатор определить не мог. Слабо дернулась жилка на плече, там, где темнела звезда.

— Слышу,— усмехнулся Никита.

* * *

Вечером они встретились сначала в трапезной, потом в комнате отдыха, отведенной им в качестве опочивальни: Никита — после трах часов тренинга и лаконичных разговоров с Уэ-Уэтеотлем, а также после купания в бассейне с горячей водой, Такэда — после беседы с Тааль и прогулки вокруг дома и храма богини Науатль.

Кормили их отдельно от слуг и других обитателей дома, изредка мелькавших в глубине коридоров. Вино называлось майяуэль и приготовлялось, по словам Такэды, из меда, каких-то трав и корней растения магеи. Оно прекрасно утоляло жажду и создавало тонизирующий эффект. Подавалось вино в глиняной бутыли в форме быка, рога которого служили горлышками. Затем в горшках-тикоматес подали эмпанадас — блюдо из маисовой муки и дичи, а на небольших подносах — накатамалес, маисовые лепешки, смазанные жиром. Заканчивал ужин поданный в широких чашках-пиалах напиток из шоколада с хрустящими воздушными шариками из сладкой кукурузы.

В комнате отдыха, пушистой от обилия ковров из птичьих перьев и хлопковых подушек по стенам, где стояла одна широкая кровать, сложенная из высоких — по колено — мягких и упругих кубов (как оказалось, из каучука), Никита сразу бросился на кровать, а Такэда присел рядом, пребывая в возбуждении, что мог бы увидеть и не слишком внимательный человек. Он и впечатлениями начал делиться первым, не дождавшись от Сухова традиционного «ну, как?»

— Никогда не думал, что Наблюдателем может стать женщина с таким ярко выраженным эгоистическим и жестоким характером!

— Почему жестоким?— лениво полюбопытствовал Никита.— Откуда это видно? Она властолюбива, это заметно... зато красива, но попробовала бы жрица храма Науатль быть нерешительной и доброй. О морали индейцев я наслышан, так что давай о чем-нибудь другом.

— Мы беседовали в основном об истории создания индейских государств и об их общественно-политическом устройстве. Тебе это интересно?

— Валяй, пока я в созерцательном настроении.

Такэда помолчал немного, но так как новые знания переполняли его, как горячая каша — горшок, следовало «выпустить пар». Начал он с истории создания индейских поселений в Америке, Австралии и на Евро-Азиатском материке, подыскивая формулировки и подолгу замолкая, затем увлекся сам и увлек Никиту. Рассказ длился больше часа, память у Толи была великолепная, он запоминал даже мелкие детали, подчеркивающие основную мысль, но он не был бы Такэдой, если бы не начинал анализировать услышанное им и уходить в философские обобщения.

— Понимаешь,— продолжал он ровным голосом, не замечая осоловелости собеседника,— большого разнообразия в государственном устройстве на материке не наблюдается, всюду господствуют кальпульи — патрилинейные кланы с императорами — тлатоани, основанные на военных орденах Орла, Ягуара, Волка, Медведя и так далее. И общество у них резко классовое: знать, жречество и масехуали — простолюдины. Так что нам, считай, повезло, что каста жрецов здесь достаточно влиятельна, иначе нас фиг бы выпустил из лап Сипактональ. Индейцы вообще — люди с мифологическим сознанием. Им свойственно целостное видение мира. Религиозные их желания просты и утилитарны: урожая, удачи на охоте, в войне, полноценного потомства, а практические действия, причем, даже повседневные, священны. Каждое действие, по сути,— магический акт, который по всеобщей связи всего со всем отзывается и отражается на всех уровнях мироздания. И если на Земле подобное — лишь психологическое преувеличение, то здесь все так и есть, потому что этот хрон гораздо ближе к Болоту Смерти, миру Хаоса, обиталищу Люцифера. Потому и приказ уничтожить нас, то есть пришельцев, угрожающих стабильности государственной власти, а может, и шпионов, не удивил ни рядовых исполнителей, ни самого правителя.

— П-почему они остались краснокожими? — спросил сонно Никита,— ведь пришли они сюда, в среднюю полосу, сотни лет назад, могли бы и посветлеть.

— Не думал,— буркнул Такэда, порыв которого иссякал.— Сотен лет для генетических изменений мало. Кризис охоты, вызванный гибелью длинношерстных животных наподобие наших мамонтов, а также сопутствующей флоры и фауны, заставил индейцев заняться земледелием и выращиванием особой флоры — низких деревьев с быстрым созреванием плодов, а в местные сезонные холода — строительством капитальных жилищ со всеми удобствами.

— В этом они преуспели. Разве что удобств маловато, да техника еще не на высоте. Ты знаешь, где у них туалет?

Такэда хлопнул ладонью по ноге приятеля и принялся стаскивать с себя голубое «трико». Сказал глухо, застряв головой в рукаве:

— Удобная вещь, но я все же привык к более простой одежде. Ну а ты чем занимался?

— Тренировался... Этот парень, Уэ... Уэтль... что за имена!.. оказался нормальным мужиком, хотя и не без амбиций. Кстати, он не всегда был тикуй-рикуки, по профессии он уакульани — строитель и архитектор. А правитель приблизил его к себе после того, как Уэтль сотворил ему Чолулу.

Такэда медленно вытащил голову из костюма, уставился на Сухова.

— Тебе не кажется это символичным? Если он такой большой мастер... да еще боец... Впрочем, поговорим об этом потом. На индикатор ты поглядываешь? Ничего не изменилось?

Никита выпростал руку из-под головы, глянул на камень эрцхаора:

— Темнит он что-то, наш путеуказатель. То показывает всплеск магиполя, то успокаивает — все тихо.

— Странно.— Толя остался в одних плавках, поискал одеяло.— А, вот оно. Похоже на пончо, мягкое. Подвинься, разлегся, как господин.

— Слушай, может, сходишь, попросишь раскладушку? По-моему, это спальное устройство, предназначено для одного.

Толя не ответил, лег навзничь и затих. Длинные свечи по углам комнаты продолжали гореть ровным голубоватым пламенем, практически без дыма и запаха, отражаясь в перламутровых зернах бисера и в чешуе драпировок.

— Интересный момент,— сказал Такэда тихо.— Вселенная индейцев, Пача, делится на много уровней от верхнего — Ханан пача, до нижнего — Уку пача, а соединяют их Пакарины — тоннели, пещеры, шахты. Понимаешь, о чем речь? Индейцы знают о существовании Веера Миров, и космогоническая мифология их отражает реальное положение вещей. Но ты не дорассказал мне о своих открытиях.

— Мой диалог с Уэтлем был не столь информативен, парень не очень разговорчив. Но кое-что он мне рассказал. И показал. Мечи ты их уже видел — по форме они близки к ятагану или сабле, отсюда и оригинальнейшие приемы. А главное, он показал мне твое любимое рёто-дзукаи [1] и великолепное иаи-дзюцу [2]. Я до такого еще не дошел. Было бы время...— Сухов сумрачно вздохнул.

---

[1] Рето-дзукаи — фехтование двумя руками.

[2] Иаи-дзюцу — искусство мгновенного обнажения меча с последующим ударом.

— А еще?

— Что еще? Рассказал он мне об их оружии. Копьеметалки называются атл-атл, ручные метают копья на полсотни метров, передвижные метров на двести, а стационарные лупят на два километра! Духовые ружья тоже неплохо стреляют, метров на сто, причем, очень точно, называются кантаками. Есть и дротикометалки — чарруа, те вообще идеальны и по форме, и по точности выстрела. Помнишь, у тех ребят, которые отвели нас сюда, были кинжалы в таких странных ножнах? Так вот это и есть чарруа. Выстрелил, зарядил, снова выстрелил. Темп стрельбы может быть очень высоким, в зависимости от опыта — до двадцати пяти выстрелов в минуту.

— То-то форма у них действительно необычная. А луков у них, наверное, нет, ни у кого не видать. Не додумались?

— Пошли по другому пути, совершенствуя копья и дротики. А мечи у них, между прочим, из бериллиевой бронзы, легкие и прочные.— Никита подумал.— Требуют не столько силы, сколько быстроты, скорости удара.

— А защита какая-то есть? Или только щиты?

— Щиты у них делаются из панцирей черепах, которых специально выращивают, их, наверное, и пулей не пробьешь, но есть и латы, хотя, скорее, церемониального назначения. Основная же защита — костюмы из специально обработанных буйволовых кож. Дротики их не пробивают, только копья, хотя на вид костюм как костюм, внутри даже мягкий.

Помолчали. Потом Сухов добавил рассеянно:

— Да, придется завтра попотеть...

Такэда открыл глаза, внимательно присмотрелся к его лицу.

— Мы можем сбежать отсюда. Я знаю, где у них лошади стоят, да и дорогу запомнил. Доберемся до транскофа — и поминай как звали.

— Да не можем мы сбежать! — Никита поморщился, стукнул кулаком по кровати; лицо его побледнело, губы сжались.— Отныне и навсегда гон закончен! Мы — не дичь, и пусть те, кто гнал нас, убедятся в этом.

Такэда крякнул, но сказать ничего не успел, в дверь ударил молоточек предупреждения. Через несколько секунд в комнату скользнула служанка Тааль, поклонилась Сухову, в отличие от Толи и не думавшему прятаться под покрывалом:

— Вас требует верховная жрица.

Друзья переглянулись.

— Интересно, что ей нужно,— пробормотал Никита недоуменно.

— Может быть, этим вызовом объясняется отсутствие в этой комнате второй кровати.

— Не очень-то рассчитывай.— Никита натянул свой голубой комбинезон и вышел за служанкой.

Тааль ждала его в своей спальне, почти ничем не отличавшейся от комнаты отдыха, в которую поместили гостей-заложников. Разве что драпировок, ковров и подушек в ней было больше, да кровать гораздо шире, плюс удивительно тонкой работы бронзовые зеркала с подставками в виде различных зверей.

Жрица и раньше носила весьма условный женский наряд, а теперь и вовсе предстала перед потрясенным танцором во всей красоте обнаженного женского тела, безупречного во всех линиях и изгибах. Кисейно-прозрачную накидку можно было в счет не брать. Волосы Тааль распустила водопадом по плечам, сломав сложнейшую прическу знатной дамы, и лишь одна деталь ее наряда не изменилась: золотая маска.

— Ты получил все, что хотел, Посланник,— раздался ее низкий, гортанный голос.— Теперь моя очередь. Сними свою кольчугу, она тебе не понадобится до утра.

Кровь бросилась в лицо Никиты. Раскрепощенное дитя своего времени, он не был ханжой и понимал свободу отношений между мужчиной и женщиной так же, как и его современники и сверстники, но и воспитан он все же был, хотя и в театральной среде, но не без романтики и веры в чистоту и святость. К тому же, урок Гиибели не пропал даром: ему дали звонкую пощечину, и «звук» ее до сих пор стоял — не в ушах — в сердце. Но главным обстоятельством, сквозь призму которого он пытался смотреть на события вокруг, было — Ксения. И все же... и все же он не мог просто сказать «нет» и уйти. Простота отношений полов в этом мире была подготовлена тысячелетием морального раскрепощения, основанием которому служила этика жестокого патриархата, и отказ мужчины высокородной даме, да еще жрице, воспринимался здесь как смертельное оскорбление. Отказ этот следовало готовить исподволь, с одновременной попыткой объяснить положение.

— У нас разные системы восприятия,— хрипло сказал Никита, невольно раздевая глазами женщину... хотя что тут было раздевать? — И разные системы ответственности.

Тааль склонила голову к плечу.

— Да, ты тоже колдун, как и твой слуга, я слышу два голоса.

— Он не слуга — мой друг. Можешь называть его оруженосцем или лучше Наблюдателем.

— Поясни, что ты имел в виду — насчет систем ответственности. Впрочем, не надо, ты слишком много говоришь, Посланник. Раздевайся, пока я не приказала тебя раздеть.

— Вряд ли это удастся, если я не захочу.

— А ты не хочешь?— В голосе женщины прозвучали ирония, удивление и гнев.

— Не могу,— коротко ответил Никита.— У меня есть девушка... я люблю ее. А по нашим земным понятиям то, что может между нами произойти — предательство по отношению к ней.

— Ты лжешь, Посланник! — Не голос — лед.— Я кое-что знаю о морали землян, иначе не была бы Наблюдателем. Земной мужчина может любить двоих, и троих, много. Ты смеешься надо мной? Или причиной отказа служит маска?— Тааль вдруг щелкнула застежкой и сорвала маску с лица. На Сухова глянуло странное, прекрасное и одновременно страшное лицо: одна половина его, белая, чистая, идеально красивая, все же напоминала маску — мраморную, безжизненную, с застывшим глазом, а вторая была багрово-синей, сведенной судорогой, с пылающим черным глазом, полным гнева и тоски, презрения и ярости.

Сухов невольно отшатнулся.

Тааль засмеялась сквозь рыдание, но тут же взяла себя в руки, захлопнула маску, сказала с презрением:

— Я так и знала: ты такой же, как и все. Иди. Завтра вы умрете... если не поможет Ягуар. Ты не Посланник, ты его бледная тень.

Никита вспыхнул, хотел ответить резкостью, потом решил извиниться, утешить женщину, попытаться сказать что-то в свое оправдание, но все слова были бы лишними сейчас, и он промолчал, повернувшись, чтобы уйти.

— Подожди,— повелительно окликнула его жрица.— Возьми для своей девушки... если она существует. Это муиски.

Никита подошел к Тааль на ставших ватными ногах, принял из ее руки красивую, изумительно тонкой работы, золотую заколку в виде крокодильчика с четырьмя глазами-изумрудами. Рука женщины дрогнула, Сухов почувствовал ее порыв, и страть, и сердцебиение, поцеловал руку.

— Вы очень красивая, Тааль!

— Я знаю,— снова рассмеялась жрица с горечью и гневом.— Но ты отказал мне!

— Я отказал себе! И когда-нибудь я вернусь, чтобы вылечить тебя. Артхурон, то есть заклятие и наговор снимается, кто бы его ни сотворил.

— Только не заклятие Семерых!

Никита вздрогнул.

— Так заклятие... сотворила... Семерка магов?! За что?

Тааль отступила в глубину комнаты, сделала отталкивающий жест.

— Мой первый муж — Вуккуб, я ему помогала во всем. А теперь уходи!

Никита постоял немного, туго соображая, что к чему, помотал головой, упрямо набычился.

— Тогда я приду с другой Семеркой. Жди.

Он, как слепой, повернулся и вышел в коридор, где его поддержала рука служанки. Он не помнил, как дошел до своей спальни, которую в тревоге мерил шагами Такэда. Не отвечая на вопросительно-озабоченные взгляды, Сухов разделся и лег, даже не глянув на эрцхаор, тускло мерцавший вишневым огнем. В голове царил сумбур, мысли разбежались, а из чувств преобладало чувство безмерного удивления и растерянность. Лишь через минуту до Никиты дошло, что Толя трясет его за плечо и что-то спрашивает. Тогда он выслушал вопрос и убил Такэду одной фразой:

— Она — бывшая жена Вуккуба!

1

Никита спал уже вторые сутки — после боя с индейскими профессионалами мбоа — мастерами единоборств и бегства в темпорал.

Уснул он мгновенно, как только они вывалились из кокона станции хроносдвига в новом мире и нашли пристанище. Сначала лицо его было измученным и бледным, к тому же бородка и усы состарили танцора, прибавив ему лет двадцать, но потом, сутки спустя, лицо Сухова разгладилось, успокоилось, порозовело, сны перестали отражаться на нем, как облака на водной глади, и Такэда, не отходивший от временной постели друга почти ни на минуту, позволил себе расслабиться.

Поразмыслив, он сделал вывод: и на этот раз кто-то помог им спастись. Бой был дик и непредсказуем, но они не получили ни одной царапины! Разве что дошли до той степени изнеможения, когда организм начинает расходовать биоэнергетику, сжигая себя. Правда, именно этот режим, имеющий в спортивной медицине название «красный коридор», и помог им выжить. «Коридор» включил резерв сверхмобилизации Сухова, а тот в свою очередь — родовую память и Весть. И все сразу изменилось...

Такэда еще раз глянул на заросшее спокойное лицо Никиты, лицо типичного молодого росса, и вышел из хижины, построенной неизвестно кем и неизвестно когда.

Хижина стояла на острове, окруженном гигантским болотом.

Таких болот инженер еще не видел, хотя и знал об их существовании: тысячи квадратных километров грязи, кочек, редких мшистых островков, луж и бездонных трясин, тысячи соленых пятен, пузырящихся газом колодцев, странная флора всех оттенков синего и зеленого цветов, и неизвестная фауна. Себхра. Болото-океан до горизонта и за ним. Остров на нем казался противоестественным образованием, а хижина — и вовсе подарком судьбы. Сложенная из желтых пористых брусьев, без окон, с единственной дверью, она вызывала недоверие и желание попробовать материал ее стен на вкус, однако внутри нее было сухо и тепло, а постели из мха и длинных сухих водорослей делали ее по-домашнему уютной, и беглецы не стали искать другого пристанища.

— Может быть, это жилище еще одного беглеца по хронам,— предположил Такэда, когда они вышли из темпорала. Сухов ничего в ответ не сказал, ему было все равно.

Такэда глянул на холм невдалеке, внутри которого скрывался темпорал. Холм как холм с виду, и все же что-то в нем было не так. Форма? Порода, из которой он сложен? Странное дерево наверху, похожее на сросток антенн? Не менее странные камни? Да, наверное... хотя и не очевидно. Что еще?

Толя покачал головой, досадуя на бедность фантазии, и присел на камень у хижины. Мысли снова вернулись к последним событиям суточной давности...

Утром пятеро воинов-гигантов отвели их в трапезную, где гости отведали блюдо из кумара — сладкого картофеля и запили каким-то хмельным напитком, от которого у обоих закружилась голова и задрожали ноги. На вопрос Сухова: «Что это за отрава?»— девушка-прислужница коротко ответила: «Хаома»,— и Такэда успокоил танцора:

— Это напиток бессмертия, если верить Тааль. Еще его называют напитком неуязвимости. Приготавливается из плодов лианы асавати, которая плодоносит один раз в семь лет.

— Ничего себе «неузявимость»— ноги разъезжаются, и глаза в кучу!

— Сейчас пройдет.

И верно, отрицательные ощущения вскоре прошли, Никита почувствовал необыкновенную легкость во всем теле и прилив сил.

После завтрака те же бесстрастные воины повели пленников по улицам города пешком, словно затем, чтобы те могли в последний раз полюбоваться архитектурой, ее великолепными барельефами, скульптурами и каменными стелами с цветными изображениями воинских и охотничьих сцен. Но свернули не ко дворцу Повелителя Дома Утренней Зари, а к реке, спускавшейся в долину уступами. Верховная жрица храма Науатль так и не появилась.

Дома вскоре кончились, мощенная плитами дорога шла между

двумя стенами, и вскоре стал слышен какой-то мерный шум, принятый пленниками сначала за шум реки. Но вот дорога повернула очередной раз и вывела процессию на площадь, похожую на стадион.

Овальная чаша площади с трех сторон была окружена широкими ступенями, на которых стояли тысячи индейцев, мужчин и женщин, а четвертая обрывалась уступом в реку. Тихий говор множества людей и приняли пленники за шум реки. В центре овала, выложенного шершавыми каменными плитами кирпичного цвета, неподвижно и грозно стоял ровный квадрат индейских воинов, одетых в блещущие золотом доспехи, такие же, какие были на Тааль, когда она забирала пленников, и Никита почувствовал, как екнуло сердце. Наверное, это и были профессионалы мбоа, Богоизбранные, с которыми предстояло сражаться.

Еще одна группа воинов — в черных костюмах, под командованием «первого меча империи» Сипактоналя — стояла на другом конце поля, а вся площадь была окружена цепью этих бесстрастных гигантов, внушающих трепет, страх и мрачное ощущение обреченности.

— Миккаотли,— сказал один из воинов, конвоирующих пленников, отступил в сторону.— Кан мао.

— Площадь мертвых,— перевел лингвер,— ждет вас.

Сухов замешкался, и его подтолкнули копьем в спину. Пришлось поторопиться. Они начали спускаться по пологому пандусу к центру площади.

— Интересно, где наш друг Уэтль?— проговорил Никита, ища взглядом Тааль. Через секунду он нашел ее рядом с правителем сидящей на троне, как и тлатоани. Троны стояли на возвышении на первой из ступеней, и рослые индейцы держали над ними не то гигантские опахала, не то зонтики из перьев.

Шум голосов стих, наступила поразительная тишина, совершенно не свойственная по земным понятиям огромным толпам людей, в том числе и стадионам. Сипактональ с двумя воинами покинул треугольник своих подчиненных, остановился напротив пленников. Губы его искривила недобрая усмешка, тут же исчезла.

— Пришельцы, вина ваша доказана.— Он вскинул руку, и двое сопровождавших его воинов свалили на землю вещи пленников, закопанные ими в песке: хардсан, вардзуни, коробку НЗ, «флягу» с водой.— Это дьявольские вещи! Мой воин поплатился жизнью, когда брал в руки заколдованное вами копье. Обычно колдунов сжигают, и вы тоже будете сожжены, но сначала покажете свое умение без этих волшебных предметов и заклятий. Посмотрим, так ли уж вы хороши без них.

— Как это должно выглядеть?— кротко сказал Такэда.

— Сначала точтли — бой-танец с копьями. Вы будете биться с четырьмя моими янаконами, в то время как остальные будут бро-

сать в вас копья. Справитесь, наступит очередь мбоа-мбоа, слуг верховной жрицы. У нее шесть вокуа — мастеров-убийц высшего класса,— и вы будете биться со всеми по очереди. Если и после этого вы останетесь живы — в чем я сомневаюсь, несмотря на неведомые мне колдовские приемы,— умрете от моей руки.

— Годится,— ответил Сухов с иронией, которую Сипактональ не понял, но понял Такэда: чичим готовил себе легкую победу над пришельцами, которые будут измотаны предыдущими поединками.

«Первый меч империи» отошел к своему отряду, потом пересек площадь и наклонился к уху Повелителя.

— Крутой мужик этот чичим,— продолжал Никита тем же тоном, не глядя на Такэду.— Эх и доберусь же я до него!

Толя понял, что танцор под бравадой прячет неуверенность и возбуждение. Успеет ли сработать Весть, когда они начнут? Включится ли память предков, благодаря которой Сухов выходил до сих пор сухим из воды?

— Дай Ши Шуань,— произнес Толя медленно, чеканя слог, и, когда Никита отвлекся от своих дум, вопросительно глянув на друга, перевел: — Божество Великой Вершины в тебе самом, Ник.

Сухов расслабился, задумчиво кивнул, потом с улыбкой хлопнул ладонью по подставленной ладони инженера, выпрямился и минуту оставался неподвижным, отрешившись от всего земного, пройдя, как его учили, все этапы подготовки к бою. Самыми долгими — по двадцать секунд — были этапы познания собственных сил и оценки потенциала противника (психического и биоэнергетического; чувствовал он его как стену с дырами, брешами и мягким кое-где каркасом), остальные этапы заняли несколько секунд: расчет времени, изучение местности и условий боя с учетом возможных неожиданностей. Когда квадрига воинов в золоте распалась, окружив приговоренных, а двое индейцев в черном бросились на них с копьями, Никита был уже готов к схватке.

Первую пару они одолели сравнительно легко. Такэда снова применил атэ-ми ута — прием из комплекса шоковых и парализующих точечных ударов, которым он владел в совершенстве,— а Сухов «вырубил» своего противника после трех выпадов копья, проведя молниеносный захват руки и удар в шею. С двумя следующими воинами-янаконами Сипактоналя пришлось повозиться. Во-первых, метатели копий удвоили темп бросков, а во-вторых, бойцы стоили званий мастеров и нагрудных знаков — апанекайотлей, отличающих их от рядовых воинов. Такэде достался огромный индеец с гипертрофированными мускулами, пробить мышечную броню которого было непросто, а Никите наоборот — ниже на полголовы, но жилистый и ловкий. Он вьюном вился вокруг танцора, нанося ему десятки быстрых ударов копьем, половина которых была нео-

жиданна, и наносил он их из самых невероятных позиций и положений. «Взять» его на прием удалось только раз — в подкатке, после чего брошенное кем-то из оцепления копье, предназначенное Никите, попало индейцу в бедро и вывело его из строя. Такэда как раз в этот момент с прыжка нокаутировал своего врага ударом ноги в подбородок.

Передышка длилась ровно минуту, а затем в схватку вступили вокуа, профессионалы мбоа из личной гвардии жрицы Тааль, и это были уже воины посерьезней. Сражались они без оружия, хотя у каждого на поясе висела кинжаловидная машинка для метания дротиков, и знали приемы, которых не было в арсенале россдао. Впрочем, и они не владели всей палитрой рукопашного боя, свойственной русскому стилю и кунг-фу.

В первую же минуту Никита пропустил сокрушительный удар в ухо, едва не стоивший ему жизни, смягченный лишь инстинктивным движением головы. На некоторое время он оглох, потерял ориентацию и пропустил еще один удар в солнечное сплетение, сбивший стандартную комбинацию приемов защиты и нападения. Крик Такэды: «Кит, фу-но-ката [1]!»— немного подстегнул танцора и позволил ему отдышаться. Через минуту он собрался и начал отвечать воину, удачно используя его же собственные выпады. Уложил он вокуа просто, бросив его через бедро и добавив ускорения длинным нырком. Толя, справившийся с противником раньше, показал большой палец. Трибуны (ступени заменяли ряды сидений) ответили на очередную победу колдунов сдержанным гулом.

Вторая пара вокуа владела искусством рукопашного боя примерно на уровне ситидана или хатидана [2], и землянам удалось справиться с ними довольно быстро. Никита уже полностью овладел собой, все чувства его обострились, реакция достигла скорости рефлекса, хотя до «предела насыщения»— экстрареакции — было еще далеко, а это позволяло ему компенсировать недостаточную тренированность некоторых сложных приемов. Такэда же, не уступая индейцам в хладнокровии, превосходил их в знании приемов и в точности и быстроте их проведения.

Бой с третьей парой был самым трудным, потому что эти вокуа были не просто воинами, они были жрецами и колдунами, способными влиять на психику противника. Никита прочувствовал их мастерство тотчас же, застыв на мгновение из-за раздавшейся в голове команды «стой!» и пропустив в результате изумительный по точности и силе удар в переносицу. На какое-то мгновение он отключился, бессознательно закрывшись в «глухой защите»; хитрость приема за-

[1] Фу-но-ката — прилипание (способ Ветра), преследование противника, повторение всех его движений.

[2] Седьмого или восьмого дана.

ключалась в том, что открывался живот и бока бойца, то есть печень и почки, но Сухов был специально тренирован и имел отличный мышечный каркас, пробить который индейцу не удалось.

Очнувшись, Никита поймал взгляд вокуа, в котором отразились удивление и озабоченность, и это подстегнуло его к демонстрации особого способа защиты и передвижений — хиккими, по терминологии каратистов, и «тающий дым» — по терминологии россдао. Около двух минут он просто уклонялся от ударов, ускользал, танцевал, опустив руки и работая ногами и корпусом. Индеец ни разу не смог поймать его в петлю захвата или провести свой «коронный» выпад рукой, имитирующий укол копьем, после чего рассвирепел, что было непростительной ошибкой для такого мастера, как он. Дважды попытавшись внушить противнику остановиться или хотя бы закрыть глаза, вокуа успеха не добился, удвоил темп, потерял всякую осторожность и не успел удивиться, когда Никита «достал» его с большого расстояния, использовав эффект кистеня, когда в ударе участвуют все суставы, корпус, бедра и руки.

Спасибо, мужики, подумал Никита, вспоминая своих учителей россдао в Москве и Хабаровске. Что бы я смог сделать без вас!

Опустил руки и только теперь ощутил, как гудят мышцы и болит все тело. Однако бой еще не кончился. К арене, на которой было повержено десять лучших индейских борцов, приближался чичим Сипактональ. Снова тишина завладела стадионом, тишина враждебная и грозная, и холодок страха ручейком протек вдоль позвоночника: индейцы-зрители не сомневались, что колдуны будут убиты, как не сомневались и в праве своих предводителей убивать кого бы то ни было без суда и следствия.

Двое воинов в черном протянули Никите и Толе мечи, легкие, смертоносные, изогнутые, красивые, зловеще-совершенные в своей красоте.

— Ты будешь биться с моим слугой,— сказал пренебрежительно Сипактональ Такэде, повернулся к Сухову.— А ты, колдун, умрешь от моей руки.

— Не спеши, спесивый индюк,— тихо произнес Никита, чувствуя поднимавшуюся изнутри ненависть.— Не то я тебя сильно огорчу. Уэтля ты приберег себе на закуску? Или уже казнил?

«Главный воин империи» побледнел, вернее, полиловел — бронзово-медная кожа не могла бледнеть, как кожа белого человека,— а глаза его вспыхнули угрозой и злобой. Правда, на мимике это не отразилось, как и на речи.

— Хорошая мысль, чужак. Пусть сотник тикуй-рикуки покажет свое мастерство в бою с тобой. А потом вами обоими займусь я.— Чичим щелкнул пальцами, и вскоре из-за кубического здания с барельефом во всю стену вывели Уэ-Уэтеотля в коричнево-золотом костюме. На лице саагуна читалось непробиваемое спокойствие.

Меч его был при нем. Он остановился возле друзей, не ответив на их приветствие, и стал глядеть на центральную трибуну с тронами. Сипактоналя он словно не заметил.

— Уэтль, Сын Мишкоамасацина, зодчий Халиско, сотник тикуйрикуки Повелителя Дома Утренней Зари,— сказал Сипактональ негромко, но так, что его услышал весь стадион,— ты подозреваешься в сговоре с колдунами из чужой страны и должен кровью смыть подозрение, убив их. Если ты не сможешь этого сделать, умри, и я закончу жертвоприношение храму Науатль.

Цепь воинов отступила назад и снова застыла. Сипактональ выждал эффектную паузу, ткнул кулаком себя в грудь — таков был сигнал начинать бой,— и в то же мгновение Уэ-Уэтеотль выхватил меч из ножен и одновременно нанес удар — так, как он когда-то проделал этот финт на поле с каменными головами. Однако на сей раз Никита был готов к атаке. Его меч взлетел сам собой и отразил удар, тут же сменив плоскость взмаха, чтобы встретить еще один удар — нэкодэ, по терминологии кэмпо. В комбинации таких ударов было пять, что соответствовало количеству когтей кошачьей лапы. Если бы не встреча Сухова с Уэ-Уэтеотлем в доме Тааль, где тот продемонстрировал танцору несколько таких комбинаций, вряд ли Никита смог бы отразить все пять ударов.

Клинки встретились вновь, разошлись. По трибунам прокатился шелест: индейцы суеверно отгоняли злого духа, дотрагиваясь до висящих на шее ожерелий с амулетами из перьев. Еще комбинация и еще. Сухов держался, но чувствовал при этом не возбуждение и удовольствие, а стеснение и тревогу. Он не успевал за атаками, Уэ-Уэтеотль по неизвестным причинам щадил его.

Мечи выбили снопы искр друг из друга, трижды пересекаясь между противниками в точке равновесия. Оба наносили удары без замаха, но Никита при этом тратил больше времени и сил. И тут у него возникла идея.

Последующая атака саагуна наткнулась на хорошо подготовленный блок и удар ногой по руке с мечом. Как ни был хорошо подготовлен индеец, земным кэмпо он не владел, и меч вылетел из его руки. Сухов коршуном кинулся к мечу, чтобы Сипактональ не успел что-либо предпринять, и быстро подал меч сотнику разведчиков Повелителя, шепнув:

— Сделай так, чтобы последний твой удар пришелся на левое плечо.

На лице Уэтля ничего не отразилось, ни гнева, ни досады, лишь в глубине глаз мелькнула улыбка, а в следующее мгновение они уже снова скрестили клинки.

— Достаточно! — донесся до них голос поздно спохватившегося Сипактоналя.— Сотник, я убедился, что ты предатель! Ты не можешь их убить. Или не хочешь, что вернее. И будешь прине-

сен в жертву богине Науатль.— «Первый меч империи» повернулся к тронам правителя и жрицы.— Я жду повеления.

Правитель выслушал, что ему сказала Тааль, и его скрипучий голос поземкой пронесся по площади:

— Богиня Науатль принимает жертву. Но Уэ-Уэтеотль должен погибнуть, как подобает воину, с мечом в руках.

Сипактональ вскинул сжатую в кулак руку, повернулся к бойцам, продолжавшим фехтовать, и в этот момент меч индейца врезался в левое плечо Никиты, точно в «родимое пятно» Вести.

Сухов пропустил, что говорил и делал дальше главный военачальник Дома Утренней Зари, на некоторое время он оглох и ослеп, погруженный в кипящий котел боли, барахтаясь изо всех сил, чтобы не захлебнуться. Выплыл! Удивительное ощущение распахнувшейся бездны охватило его, и череда призраков вдруг вынырнула из этой бездны и вошла в его плоть, и с каждым погружением сила его росла, голова свежела, тело освобождалось от оков утомления, пока наконец боль не схлынула совсем, оставив человека на берегу океана под названием Память, переполненного энергией и з н а н и е м.

— Ункулункулу,— донесся чей-то шипящий голос.

— Готовься к смерти,— понял Никита и без перевода, быстро огляделся.

Сипактональ стоял перед ним, скрестив руки на груди. Против Такэды были выставлены два воина, а Уэ-Уэтеотля окружили шестеро.

— Держись, Ник,— быстро проговорил Такэда.— В случае чего я помогу.

Даже в такой момент он думал не о себе и пытался подбодрить друга.

Уэ-Уэтеотль, вылепленный из мускулов, надменности и высокомерия, великолепной осанкой напоминавший памятник, внушавший откровенное презрение к разыгранному спектаклю, вдруг глянул на танцора и подмигнул. Никита такого подарка не ожидал и не поверил глазам, но анализировать поведение сотника не было времени, бой начался.

Сипактональ выхватил два меча, демонстрируя рёто-дзукаи — фехтование двумя клинками,— и первое время теснил Сухова, приноравливавшегося к манере боя врага и к собственным знаниям. Кто-то из предков Сухова безусловно был великим воином, и эта его память превратила потомка в мастера, равных которому не было, пожалуй, и в этом мире.

Никита не думал о блоках, отражении атак, нападении, характере местности, препятствиях, он действовал, жил боем, ощущая оружие как естественное продолжение тела. А изучив противника, достигнув максимальной свободы движений и раскрепощенности, чему

помогли и навыки акробата и гимнаста, стал теснить Сипактоналя, явно озадаченного таким поворотом дела, уязвленного, начавшего допускать промахи.

Такэда фехтовал спокойно, успевая поглядывать на общую картину боя, изредка применяя приемы из обширного арсенала айкидо, отчего противники его падали или теряли ориентацию.

Уэ-Уэтеотль, превратившись в вихрь, сражался молча и хладнокровно, двигаясь так быстро, что иногда «размазывался» от скорости. Два его недруга в черном уже вышли из строя, получив раны, не позволившие им принять участие в схватке, но на смену им вышли еще двое: приказ Сипактоналя был ясен — убить саагуна, во что бы то ни стало принести его в жертву богине Науатль. Другой такой случай властолюбивому чичиму, метившему на престол, мог не представиться, а сотник был серьезным противником.

Никита отбил серию мгновенных ударов двух мечей — справа, слева, в трех плоскостях сразу,— колющие и рубящие: шесть смертоносных бликов, шесть певуче-звонких щелчков металла о металл, выбил один меч у Сипактоналя, отшатнувшегося в испуге, и в этот момент все переменилось. Град ударов чичима стих, он застыл на мгновение с вытянутым вперед мечом, глаза вспыхнули жестоко и угрожающе, и даже лицо его изменилось, вытянулось, отяжелело, набрякло кровью — и силой.

— Берегись! — крикнул Такэда, осознавший, что случилось, раньше танцора.

Если бы Сухов глянул на перстень индикатора, он тоже понял бы причину преображения Сипактоналя, но лишь с трудом отбив атаку, сообразил: в с е л е н и е! Сипактональ застраховал себя и с этой стороны, подав сигнал бедствия, и в него вселили кого-то из раруггов, блестящих воинов и профессиональных убийц.

Единственное, что спасало — память рода, знание приемов боя, о которых раругги не имели полного представления. Однако силы были уже на исходе. Никита понял, что долго не продержится, он уже перешел предел физической выносливости, держась на биоэнергетике, сжигая себя, нырнув в «красный коридор» стресса и неконтролируемых чувств. Но ему не дали упасть. Сначала Такэда, а потом Уэ-Уэтеотль вмешались в схватку, отвлекая чичима, превратившегося в почти неуязвимую машину убийства, на себя. Индейцы-соперники тоже оказались вовлеченными в общую свалку, увеличивая неразбериху, невольно помогая жертвам, и в этом шуме раздался чей-то голос, чистый, гортанный, звонкий:

— Бегите, я задержу их! За стеной река, копьеметалок нет, за городом в лесу — кони.

Голос мог принадлежать только Уэ-Уэтеотлю, но слова были произнесены... на русском языке! Впрочем, Никита не удивился, не было сил. Все же двухсекундная передышка позволила ему сосре-

доточиться на внутренних резервах, прийти в себя. Кровавая пелена перед глазами рассеялась, он оценил положение дерущихся, по кивку Такэды понял, что и тот слышал голос, и кинулся в схватку, выбирая момент, чтобы схватить валявшиеся на арене вещи: нервайлер, хардсан, вардзуни, транскоф. Еще через минуту ему это удалось, и в то же мгновение они с Такэдой бросились к двухметровой стене, отгораживающей стадион от реки, без труда перемахнули ее и прыгнули в воду с высоты десятиэтажного дома. Уже на лету они услышали тот же четкий и даже веселый голос:

— Увидимся, Посланник!

Но и Сипактональ, вернее, в с е л е н н ы й в него, подал свой голос, полный жуткой уверенности в неотвратимости возмездия:

— У пок ти чаан кан мао кинтун!

Эту фразу они услышали, когда вынырнули в ста метрах от городской стены. Вода кипела от дротиков и копий, которые метали в беглецов сотни индейских воинов, но ни один из них не попал. Копья не долетали, а дротики почему-то отклонялись от цели, словно сносимые ураганным ветром.

Им не надо было плыть за город и ловить коней, у них был с собой транскоф, и беглецы воспользовались им, как только переплыли реку и укрылись в кустах, не дожидаясь погони. Чем руководствовался Никита, настраивая эрцхаор, Такэда не знал, но индикатор вывел их в мир гигантского болота, где не было засады, а это было главное...

Толя очнулся, оглядываясь. На пороге хижины стоял заспанный Сухов, поглаживающий усы и бородку, и с сомнением глядел на болото. Изрек, встретив взгляд Толи:

— И пошел Иван-дурак счастья искать...— Вспушил баки.— Никак не привыкну к бороде — чешется, проклятая, спасу нет. Чем бы побриться?

— Хардсаном,— предложил Такэда.

— Остришь? Остри, если больше ничего не умеешь. Я поел бы чего-нибудь и кофейку бы попил.

— Ни того, ни другого. НЗ ты просто забыл у индейцев, а флягу утопил в реке.

— У меня не шесть рук, а там плыть надо было. Долго я спал?

— Сутки и три часа. Ладно, иди умывайся перед завтраком, я тут кое-какой живности наловил и поджарил лазером.

— Надеюсь, это съедобно.

Такэда не ответил, а также не стал говорить, что «живностью» были четыре лягушки, похожие на огромных головастиков с жабрами. Сам он уже отведал блюдо, изготовив его старинным способом: закатал «головастиков» в толстый слой мокрой глины и подержал «пироги» под огнем лазера. Первый «пирог» он сжег, зато остальные удались на славу. Про себя он вздохнул, НЗ сейчас пригодился бы.

2

— Почему он нам помог?

Этот вопрос задал Такэда, когда они позавтракали — или пообедали? — и прогулялись к недалекой пузырящейся поверхности болота.

— Только не по просьбе Тааль,— сам же инженер и ответил.— Конечно, натура у нее двойственная, лед и пламя, но она и так много нам дала.

— Много — для жены Вуккуба и мало — для Наблюдателя, сторонника Собора Веера.— Никита достал из кармана подаренную жрицей заколку — муиски из золота в виде четырехглазого аллигатора, полюбовался и спрятал.— Хохха у тебя?

— Ничего,— покачал головой Толя, поняв смысл вопроса: Никита интересовался, нет ли вестей о Ксении.

Сухов сгорбился помрачнел, ушел мыслями в себя.

— Если через пару дней вестей не будет, вернемся домой. Может быть, она уже на Земле.

Вряд ли, подумал Такэда, но вместо этого сказал:

— Как ты думаешь, Уэтль жив? И что он имел в виду, крикнув, что мы встретимся? Кстати, на русском языке.

— Это было прямое мысленное сообщение. Скорее всего, наш сотник и есть тот самый маг, которого мы искали, иначе трудно объяснить все его действия и слова.

Такэда помолчал, переваривая услышанное, кивнул на плечо Никиты:

— Это она тебе сообщила?

— Она включила экстрарезерв, остальное — мои догадки. К сожалению, память и экстравозможности пробуждаются только на короткое время, а потом многое забывается. Слава Богу, не все. А Уэтль вывернется, я думаю, он теневой властитель империи, так, видать, ему сподручней работать.

— Значит, уровень информированности Вести имеет модальность. Она включает стресс на полную катушку, но освобождает память постепенно, шаг за шагом, иначе ты не выдержал бы. Полный выплеск знания Вести равнозначен взрыву, что грозит сумасшествием.

Никита оглянулся на их веселую цветом хижину, глаза его приобрели осмысленность.

— Шалаш выглядит, как новый, и строили его недавно, буквально перед нашим приходом. Кто?

— На острове никого нет, зато похоже, он когда-то соединялся то ли с материком, то ли с другим островом: там, за холмом, видны остатки моста.

— Пойдем посмотрим. Надо определиться и подумать.

— План прежний? У тебя был план, если не забыл.

— План меняется. Во-первых, я теперь знаю примерный адрес одного из Семерых магов и очень надеюсь, что он поможет мне справиться с Вестью. Во-вторых, нам понадобятся скафандры.

— А эти чем плохи?

— Нам придется прогуляться по таким местам, где все пропитано смертью, а то, что мы носим — всего лишь компенсационные комбинезоны.

— Тогда поехали к Истуутуке, он подберет любые скафандры.

— Таких в мире Истуутуки не изобрели. Скафандры, которые нам нужны, водятся только на одной из планет — двойников Земли.

— Как это водятся?

— Это нечто вроде живых кибернетических систем, способных охранять хозяина. Жили когда-то в симбиозе с разумными существами... которые выступили на стороне Люцифера и погибли. Но все же малая популяция этих «скафандров» сохранилась. Кстати, десантники СС щеголяют именно в таких «скафандрах», я их принял сначала за омоновскую форму. Насколько я знаю, вернее, насколько достоверна информация Вести, они — почти абсолютная защита. Во всяком случае, от мечей и лазеров защитить смогут.

С минуту шагали молча, обходя холм с коконом темпорала по россыпи огромных желто-сиреневых кочек мха. Такэда размышлял.

— Кангаэте окимас,— изрек он наконец.— Шибко думай надо. Нас уже предупреждали, что ЦРУ способно уловить любое перемещение по хронотоннелям темпорала. Риск засады на выходе при этом увеличивается.— Толя взглянул на друга.— Но если надо...

Никита не ответил, пристально разглядывая поверхность сопящего болота невдалеке. С возвышенности, на которой они стояли, хорошо была видна темная полоса под водой, распадавшаяся к берегу на отдельные, геометрически правильные пятна и плиты. Полоса уходила далеко к горизонту, и в километре отсюда начинала прорастать сквозь стоячие окна воды, грязи и слой водорослей гнутыми столбами и решетками, словно там утонул скелет громадного зверя.

— Да, это мост,— кивнул Сухов,— и очень длинный, не меньше пятнадцати километров. Придется нам с тобой проверить, куда он ведет.

— Зачем? Ты же хотел поискать скафандры.

— Эрцхаор не включается без цели. Если он выбрал этот хрон, значит, нас здесь ждут. Поищем того, кто ждет, а заодно и определимся, «выше» или «ниже» Земли нас забросило по времени.

— Тогда забираем пожитки и вперед.— Такэда вернулся в хижину и вскоре принес вещи, которые удалось унести из мира индейских империй: копье, транскоф, лазер и нервайлер.

— Это тебе.

Сухов взял вардзуни, взвесил в руке пистолет, воздействующий на нервную систему, вздохнул и сунул за пояс.

— Жаль, что не удалось сохранить мечи, было бы что показать детям.

Инженер, закреплявший на поясе хардсан, только усмехнулся. Сухов бодрился, но было видно, что на душе у него кошки скребут.

— Ну что, поползли потихоньку? Всю жизнь боялся трясин и омутов, где водится всякая нечисть. Бр-р-р! Того и гляди, черти полезут! Или их тут нет?

— Было бы болото, а черти будут. Но индикатор пока ни гу-гу.

Один за другим они полезли в болото, нащупывая конструкции рухнувшего и утонувшего моста.

До первого уцелевшего пролета добрались за сорок минут. Посидели на краю балки, сделанной из какого-то серо-желтого пористого материала, не похожего ни на металл, ни на камень, ни на дерево. Такэда бросил в серые, с зеленой и сиреневой накипью разводы обломок настила, и оба отшатнулись, когда из мрачной глубины трясины вынырнула осклизлая тварь с метровой пастью, похожая на тех головастиков, которых они съели на завтрак.

— Еще не черт, но явно из дьявольского окружения,— прокомментировал Такэда, опуская хардсан.

Никита заметил его движение, сказал хмуро:

— Не очень-то размахивай этой дубинкой. ЦРУ может запеленговать нас и по лазерному импульсу, а то, что их служба сидит и здесь, я уверен.

— А если верен, какого черта мы тогда рискуем, уходя от темпорала?

— Меня кто-то зовет.— Сухов не стал пояснять, что он имеет в виду, и быстро пошел вперед. Такэда вынужден был поторопиться, привыкнув к недомолвкам танцора. Инициатива давно была в руках Никиты, и Толя спокойно отнесся к своему положению «оруженосца» и «слуги».

Мост шагал через болото, поначалу падая то одной, то другой опорой, выставляя напоказ обломки ферм и консолей, торчащие во все стороны, как сломанные кости исполинского динозавра, но вскоре разрушения сошли на нет, настил моста приобрел веселый желтый цвет, а балки — ярко оранжевый. Идти стало гораздо легче...

— Вот оказывается из чего построен наш уютный шалаш на острове,— кивнул под ноги Такэда, с трудом поспевавший за длинноногим Суховым. Тот покосился на друга и сбавил темп.

Они прошли уже километров семь, а мост и не думал заканчиваться, пересекая пустынно-мшистое, с редкими кочками и группами хилых растений, болото, все так же сходясь в точку на горизонте.

Светило, весьма схожее с солнцем, переместилось с левой стороны небосвода на правую, готовясь к ночи.

— Дойдем до вечера?— поинтересовался Толя.

— Дойдем,— отозвался Никита рассеянно,— осталось километров двенадцать, не больше.

Он снова увеличил скорость движения, то и дело поглядывая на замерцавший перстень. Однако пересечь болото спокойно не удалось.

Такэда первым обратил внимание на изменение цвета болота под мостом: поверхность его стала сизой, одноцветной, словно покрылась инеем, закурилась струйками испарений, хотя температура воздуха не изменилась, а потом почти в одно мгновение поднялся туман, скрыв и болото, и мост, и небо над головой. Он был так плотен, что Такэда с трудом видел в метре от себя фигуру Сухова.

Путешественники вынуждены были замедлить ход, а потом и вовсе остановиться.

— Что за чертовщина?— Голос Никиты прозвучал глухо, как в сыром подвале с толстыми стенами.

— Тише! — прошептал Толя, потянув его за рукав.— Слышишь?

Где-то далеко зародился странный шум: позвякивание, тихие голоса, ржание коней, скрипы и шорохи,— будто к мосту приближалась конница. Шум этот постепенно усиливался, и вдруг на людей накатилась волна звуков: вопли, удары, шум борьбы, визг и грохот. Казалось, вот-вот их растопчет лавина всадников, сражающихся друг с другом. Такэда невольно отступил к перилам моста, но Сухов остался на месте, вслушиваясь в неистовый шум невидимого сражения.

— Дай-ка лазер,— попросил он спустя минуту.

Толя протянул хардсан, и Никита выстрелил вдоль моста. Зелено-голубая нить разряда унеслась в туман, и в то же мгновение звуки боя стихли. Под мостом с шумом плеснула трясина, словно кто-то свалился в воду, дважды проверещала какая-то тварь, и все стихло. Через минуту рассеялся и туман, открыв взору пустынную гладь болота.

— Пошли,— буркнул Сухов, протягивая оружие Толе.

— Что это было?

— Наваждение.— Никита прошел с десяток шагов, не оглядываясь, потом добавил: — Нас пытались задержать. Похоже, этот хрон лежит «недалеко» от мира с индейцами, причем, ниже по лестнице Шаданакара. Физика здесь больше подчиняется магическим формулам.

— Но мы никого не встретили... и не увидели.

— Зато нас видят хорошо. Я чувствую, что за нами пошла психоразведка, но как скоро она перейдет к действию, не знаю.

— Разве эрцхаор не работает?

— Работает, но отмечает только повышенный магифон. А может, я его не понимаю.

— Если бы здесь был кто-то из наших недругов, то есть из «свиты Сатаны»,— сказал Толя после размышлений,— индикатор это показал бы.

Сухов внезапно остановился, заглядывая под мост, присвистнул:

— Гляди-ка, река!

Действительно, под тем пролетом, на котором они стояли, по болоту текла медленная, с прозрачно-голубой водой, широкая и глубокая на вид река. Однако, приглядевшись, Такэда присвистнул тоже:

— Феноменально! Река-то не одна!

— Точно, две!

Но рек оказалось три: две из них — голубая и серая — текли параллельно друг другу, не смешиваясь, в противоположные стороны, а третья — желтая — пересекала их под острым углом, не внося никаких турбулентных завихрений, и также не смешивая воды.

— Странное место!

— Привыкай, то ли еще будет. Поспешим, не то придется ночевать на мосту.

Они снова пошли вперед, поглядывая на загадочное болото, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Изредка встречались разрушенные участки моста, замедлявшие движение, а иногда он взмывал гигантскими дугами над топью, словно был рассчитан на проплывание под ним гигантских морских кораблей, и тогда горизонт отодвигался, открывая все те же маслянисто-синие, серые, коричнево-желтые, сизые пространства колоссального болота.

Через час ходьбы ландшафт по обе стороны моста несколько изменился, появились россыпи остроконечных кочек, постепенно выраставших в высоту и превращавшихся в угрюмые черно-серые скалы, похожие на клыки дракона. Вскоре они усеяли всю поверхность болота насколько хватало глаз, внушая страх и тревогу. Но не это заставило Никиту замедлить шаги. На горизонте выросла мрачная двугорбая гора, окруженная частоколом «драконьих зубов», мост упирался в нее. Это и был остров или материк, куда они стремились попасть. Было в нем что-то жуткое, настораживающее, внушающее такую же тревогу, как и скалы вокруг, почти достающие по высоте настила моста.

Тишина здесь стояла такая, что невольно хотелось идти на цыпочках и говорить только шепотом. Наконец, когда до острова осталось километра три, Никита остановился.

— Ничего не видишь?

Такэда сглотнул ставшую вязкой слюну.

— Бог ты мой! Мертвый жругр!

— Вот именно, Оямыч. Но не совсем мертвый, иначе здесь не было бы моста.

— Ты хочешь сказать...

— Тот, кто строил мост от темпорала к жругру, знал, что его можно оживить. В связи с чем возникает вопрос: кто навел нас на этот хрон?

Такэда задумался, не отрывая взгляда от громады «острова», сказал уверенно:

— Ты сам, Сухов. Идея найти живого жругра для перехода из хрона в хрон, минуя сеть темпорала, принадлежит тебе, а разбуженная Весть приняла ее за команду помимо твоей воли, вернее, сознания. Видимо, ты влияешь на эрцхаор неосознанно, и — слава Сусаноо! — в нужном направлении.

Никита покачал головой, но возражать не стал, в свою очередь разглядывая лежащего среди клыкастых скал монстра. С этого расстояния было ясно видно, что это не природное образование, а живое существо или в крайнем случае искусственное сооружение. Оно походило на двухкилометровой длины динозавра, уронившего голову с роговыми наростами в болото. У него не было лап в обычном понимании этого слова, а лишь намеки на лапы или какие-то шлангообразные бугры, уходящие в трясину, и геометрически правильные наросты на боках, похожие на фасеточные глаза. Самый высокий горб оказался крупом, покрытым крупной, отливающей тусклым серебром, чешуей, горб поменьше — холкой с муаровым рисунком складок, а между холкой и крупом крепилась какая-то сложная конструкция из черного материала, похожая, скорее, не на седло, а на высокочастотную радиоантенну размером с футбольное поле.

— А он не оживет сам?— бесстрастно осведомился Такэда.

Сухов очнулся, беззаботно махнул рукой.

— Вряд ли. Не боись, Оямыч, чтобы он ожил, его кто-то должен включить, а этот «кто-то» в данный момент далеко отсюда.

— Знаешь, я бы на твоем месте туда не ходил,— так же бесстрастно посоветовал Толя.— У меня такое впечатление, будто нас ждут неприятности. Тебе не кажется, что за нами следят?

— Не кажется, я знаю это совершенно точно. А вот и он, кто следит.— Никита кивнул головой вперед.

Такэда поднял бровь. В том месте, где мост утыкался в «берег», виднелась маленькая фигурка в светящейся одежде. Только что ее там не было.

— А вдруг это засада?

— Вот сейчас и выясним.

На краю моста их ждал старик в ярко-желтом балахоне со мно-

жеством слоев и бахромчатых складок, а также в головном уборе, напоминавшем чалму. Балахон и чалма превращали его в клоуна, однако, лицо старика, морщинистое, бугристое, коричневое, угрюмое, лицом клоуна не было. В руках он держал посох, странным образом напоминавший копье вардзуни и трезубец-хабуб.

— Я жду вас два лишних дня,— сказал он вместо приветствия, недовольно, хриплым раскатистым голосом и на чистом русском языке,— вместо того, чтобы заниматься делом. Или Посланник никуда не торопится?

— Кто вы?— полюбопытствовал Никита.

— Вероятно, Наблюдатель,— вставил слово Такэда.

Старик мрачно покосился на него, в глазах его сверкнула молния.

— Вы невероятно догадливы, Тоява Оямович.

— Очень приятно, что я оценен правильно. Мне всегда везло на вежливых собеседников. Разрешите задать несколько вопросов?

— Боюсь, для беседы у нас нет времени, но на пару вопросов отвечу.

— Спасибо. Что означает эта болотно-горная архитектура?— Такэда повел рукой, подразумевая причину появления скал такой формы.

— Он достаточно здесь н а з л е д и л,— усмехнулся чужак, подчеркивая слово «он» и букву «з».

— Он — это Люцифер?

Старик в ироническом восхищении хлопнул два раза в ладоши.

— Отдаю должное вашей проницательности. Еще вопрос?

Ирония в голосе собеседника никак не подействовала на Такэду, терпение которого не знало пределов, особенно если он чего-нибудь добивался.

— Где-то посредине пути поднялся плотный туман и послышались странные звуки...

— Эта планета — остатки прекрасного мира, исчезнувшего во время последней битвы Семерых и Люциферова воинства. Ткань пространства продолжает распадаться, рвутся информационно-энергетические связи, и прошлое здесь часто пересекается с будущим. Вы слышали слабые отзвуки битвы. Кстати, каким вам видится это сооружение?

— Мост? Н-ну, обычный мост, каких много на Земле, разве что построен из необычного материала.

— М-да, человеческие глаза слабы... То, что вы принимаете за мост — на самом деле стоячая волна здравого смысла. Пояснять, что это такое, мне недосуг. А каким вы видите ландшафт?

— Болото! — в один голос произнесли друзья.

— Трясина, грязь, кочки,— добавил Толя простодушно.

— Болото,— задумчиво повторил старик.— Может быть, вы и

правы. Хотя в действительности это поверхность Парето [1], а кочки — компромиссы Парето. Инженеру, наверное, объяснять термин не нужно?

Такэда кивнул.

— Объясни мне,— буркнул Никита.

— Данное знание ничего не даст вам, Посланник, кроме головной боли. Не забивайте голову бесполезной информацией. Вся планета, по сути,— большая иллюзия, математическая формула.

— А скалы?— рискнул спросить Толя.

— Тоже реализация некоторых формул топологии. Единственное, что более или менее реально в этом мире — жругр. Хочу заметить, что ваше пребывание в этом мире чревато последствиями. Несмотря на богатый арсенал.— В голосе старика послышалась насмешка.— Я бы даже осмелился посоветовать вам побыстрее покинуть сей неуютный мир... если уже не поздно. Тем более, что жругр, который вас заинтересовал, недееспособен. Оживить его, наверное, уже не удастся ни вам, ни хозяевам.

— А разве вы не звали меня?— тихо спросил Никита.

— Звал, но пока вы добирались сюда, кое-что изменилось. Тааль вам ничего не дарила?

Сухов с изумлением глянул в непроницаемые глаза старика, поколебался немного, покачал головой:

— Вы не Наблюдатель!

Стрик пропустил слова танцора мимо ушей.

— Значит, дарила.— По губам его скользнула усмешка.— Кольцо? Диадему? Серьги?

Никита молча достал золотую заколку для волос в форме аллигатора с четырьмя глазами.

— Муиски. Я предполагал нечто подобное. Она не меняется. А ты смелый парень, если отказал ей.— Старик подбросил заколку вверх, взмахнул посохом, и золотой крокодильчик вспыхнул ярко-алым пламенем, исчез.

— Зачем вы это сделали?!

— Это нужно было сделать раньше.— Старик сгорбился, опираясь на посох, с виду немощный и больной.— Тааль дала вам маячок, и он сработал.— Посох незнакомца указал на мост.— Это за вами.

Путешественники одновременно оглянулись и увидели на горизонте, в точке, где сходился мост, какое-то посверкивание. Никита рванул руку вверх и тихо выругался: камень индикатора часто-часто мигал алым полумесяцем.

[1] Термин из теории многокритериальной оптимизации. Поверхностью Парето называется информационное поле, увеличение одного из критериев которого сопряжено с уменьшением значений других. Точки, лежащие на поверхности Парето, называются компромиссами.

— СС?— спросил Такэда, с демонстративным спокойствием вытягивая хардсан.

— Но почему?— Сухов не закончил фразы, обернувшись к старику в желтом: тот исчез.

— Что слу...— Такэда тоже осекся, оглянувшись.

Они поглядели друг на друга.

— Сбежал, помощничек! Попробуем потягаться? Или тоже сбежим? Хорошо, что догадались взять транскоф.

Никита сжал губы так, что они побелели. Сказал сквозь зубы:

— Я уже говорил — гон закончен!

— Ты уверен, что это правильное решение?

Танцор повернулся к приближающемуся сверканию лицом, расставил ноги шире, сбычился, направил вардзуни в настил моста. Такэда, хмыкнув, занял позицию рядом, отобрав у Сухова нервайлер. С двумя пистолетами разной формы он выглядел грозно, как американский ковбой, хотя предпочел бы рукопашный бой без оружия.

Сверкающее облако в теснине моста распалось на несколько отдельных бликов, и вскоре стало видно, что это едут велосипедисты. Такэда насчитал пять фигур.

— Точно, спецпатруль СС.

— Лопухи! — взорвался вдруг Никита. Толя недоуменно глянул на него, и танцор пояснил.— Мы с тобой лопухи. Могли бы взять транспорт в темпорале, хотя бы те же велосипеды, вместо того, чтобы топать пешком. Мальчики СС оказались догадливей.

— Но если они взялись нас догонять, значит, у темпорала засада. Стоит ли уходить через транскоф?

— Сухов не ответил.

Пятеро парней на велосипедах приблизились, а когда расстояние между ними и беглецами сократилось до двух сотен метров, Сухов выстрелил из вардзуни. Голубовато-зеленая молния разряда вонзилась точно перед колесом одной из машин, проделав метровую брешь, и велосипедист кувыркнулся через руль на всей скорости. Остальные затормозили, остановились, оценив лаконичность предупреждения. Но испугать их было невозможно. Одеты они были в пятнистые комбинезоны, бросающие зеркальные зайчики по сторонам от каких-то блях и нашивок. Один из них, громадный с массивной головой, вышел вперед, и Никита узнал Хуббата.

— Оставь эту штуку, Посланник. Во-первых, ты нарушаешь закон, а во-вторых, копье тебе не поможет.

— Подойди, хаббардианец,— тихо и хрипло сказал Никита.

Хуббат, не колеблясь ни секунды, молча двинулся к людям, остановился в трех шагах от Сухова. На его квадратном неподвижном лице, как и всегда, не отражалось ничего, кроме угрюмой, непробиваемой никакими эмоциями уверенности.

— Я еще не посвящен Пути,— все так же тихо проговорил Никита,— и волен защищаться любыми средствами. И не вам говорить о законах. Мы пробьемся.

Вожак отряда СС качнул головой.

— Ты многому научился за это время, землянин, но лучше бы ты остался танцором и ни во что не вмешивался. Ты — всего лишь человек, а я — раругг! Улавливаешь разницу?

— Еще бы.— Сухов мрачно улыбнулся.— Один из Великих игв, вернее, одна — Гиибель,— констатировала, что тебя подводит самоуверенность. Похоже, она права.

Глаза Хуббата впились в лицо Никиты.

— Ты знаком с Гиибелью?! Не может быть! Она не могла отпуститьь тебя... впрочем, не имеет значения. Сегодняшняя наша встреча — последняя.

— Это уже не самоуверенность,— не выдержал Такэда,— это спесь и хубрис — непомерная гордыня! Раругг, ведь ты тоже смертен.

— Моя смерть не в ваших руках.— Хуббат шевельнул пальцем, и в транскоф, стоявший сзади людей, вонзилась дымная фиолетовая молния: один из подчиненных Хуббата метнул зуб хабуба.

Дипломат не взорвался, как ожидалось, он превратился в черный непрозрачный прямоугольник, который за несколько мгновений сложился в гармошку, в тонкую пластинку, в точку, исчез! Никита тупо смотрел на то место, где он только что стоял. Медленно перевел взгляд на предводителя «свиты Сатаны». Неведомо откуда появившийся в руке Хуббата трезубец хабуба смотрел ему в лицо.

— Конец фильма,— сказал Хуббат равнодушно.— Прощай, Посланник.

Острые наконечники трезубца засветились желтым и голубым светом, и в этот момент между людьми и раруггом возник старик в желтом шутовском одеянии.

— Уж больно ты спешишь, братец,— проворчал он, спокойно, без усилий отбирая у Хуббата трезубец и бросая его в болото. В небо с шипением ударил тугой смерч пара, пронизанный сеткой молний.— Сегодня этот парень уйдет живым.

Хуббат покачал головой, не выказывая ни гнева, ни злости, ни ненависти.

— То-то я никак не мог понять, чей это з а п а х. Я тебя не понимаю, брат. Ты вмешался в его судьбу на Земле, помог бежать, допустил утечку информации... зачем тебе это, раруггу? Срок твоего заключения истек, ты снова с нами...

— Я сам по себе, Хубби, заруби это на носу. Этот парень мне нравится, и, к тому же, я его приглашал сюда. Пока он мой гость, ему ничего не грозит.

— Ты стареешь, брат. Жизнь среди людей не пошла тебе на

пользу. Неужели тебе надо напоминать формулу: если ты не с нами, ты против нас? Очень сожалею, но я вынужден...— Хуббат снова двинул пальцем, подавая сигнал.

Фиолетовая молния хабуба метнулась через мост, целя в грудь Никиты, но за мгновение до этого перед танцором возник тонкий зеркальный прямоугольник, вобрал в себя разряд хабуба, стянулся в линию, растаял.

Никита опомнился, направляя вардзуни в сторону группы СС, но выстрелить не успел, как и Такэда из лазера. Старик в желтом вдруг вырвал у Толи нервайлер и нажал на спуск.

Мост вздрогнул. По поверхности болота прошло колебание, породившее гул, треск и стоны. Сразу в нескольких местах взорвались скалы, выбросив фонтаны осколков на «остров»— тело жругра. Шевельнулся и сам жругр, но тут же замер. Замерли и все, кто стоял на мосту, в том числе и люди: им хватило и отраженного от моста импульса.

Старик коснулся плеч Никиты и Толи посохом, и странная скованность покинула их. Оба во все глаза смотрели на старика, в лице которого проступили знакомые черты.

— Вуккуб! — запинаясь, выговорил Сухов.

— Вуккуб, Вуккуб,— проворчал старик.— Кажется, на этот раз я действительно превысил полномочия. Но что сделано, то свято. Бегите, в вашем распоряжении полчаса, не больше.

— А... они?

— Нервайлер хорош только для лемуров из мира Истуутуки, да для людей, пожалуй. На раруггов он почти не действует. Мне пришлось усилить разряд... но убивать соотечественников я не стану. Силы мои не беспередельны, вряд ли я смогу помогать вам и дальше. Возьмите.— Вуккуб протянул Никите три вполне земных предмета: свисток, грецкий орех и округлый кусок янтаря с насекомым внутри.— Свисток поможет вам перебраться через разводья и трясины, а остальные вещи... бросьте их сзади себя, если вас будут догонять.

— Сказки,— улыбнулся Такэда.

Вуккуб улыбнулся в ответ. Улыбка превратила его в лукавого старичка-лесовичка, грозного на вид, но доброго внутри. Но лишь на миг.

— Да, ситуация встречается в русских сказках. И, кто знает, не ваше ли бегство явится аналогом для них, просочившись на Землю в виде легенды?

— Спасибо!

— Идите, идите, не теряйте времени. Ни пуха...

— К черту! — в один голос ответили беглецы.

Отобрав велосипеды у застывших функционеров СС, они прыгнули в седла, и педали сами нашли их ноги. Когда через минуту они

оглянулись, старика в желтом на мосту уже не было, лишь фигуры Хуббата и его подчиненных торчали на глади настила, напоминая пугала.

3

Их достали через сорок минут, хотя там, где позволяла гладь моста, гнали они километров под шестьдесят, а велосипеды являли собой чудо света — обтекаемые, зализанные, с удивительно удобной рулевой вилкой, выраставшей прямо из колеса (!), с еще более удобным седлом, также выраставшим из заднего колеса, с педалями, цеплявшимися за ноги, и с цепью, не похожей на цепь, входящей прямо в оба дисковидных колеса. Такэда оглянулся как раз в тот момент, когда сзади в ущелье моста появилось бликующее облачко, из которого вырвалась синяя молния и вонзилась в перила моста слева, испарив часть конструкций и настила на протяжении полусотни метров.

— Зело рассвирепел Хуббат,— хладнокровно констатировал Такэда, увеличивая скорость.— Хотел бы я знать, на чем они нас преследуют. Не бегом же? Бросай что-нибудь из подарков его братца, не то следующий выстрел — наш.

— Мне казалось, Хуббат — джентльмен. Он давно мог убрать меня издалека, с помощью вардзуни или хабуба, а то и обыкновенной винтовки.

— Не будь наивным, для Хуббата ты не человек, вернее, не разумное существо, достойное поединка, а просто препятствие вроде камня или пня.

— Но один раз он же удостоил меня драки? Значит, уважает?

— Он уважает только себя, а дрался с тобой, чтобы унизить, доказать, что ты — ноль!

Словно в подтверждение слов Такэды, новый сине-фиолетовый высверк уничтожил кусок дороги перед беглецами, так что они едва не сковырнулись в провал, обминув его по узкой тридцатисантиметровой полосе у ограждения справа. Никита достал одну из «гранат» Вуккуба — грецкий орех — и бросил назад. Орех ударился в желтое покрытие, подскочил, как мячик, и запрыгал по настилу, как живой, пока не упал в проделанную разрядом дыру. В то же мгновение страшный удар потряс мост, и в дыру просунулось бородавчато-чешуйчатое рыло какого-то гигантского зверя, взламывая настил и фермы моста метров на двести.

Велосипедисты едва не попадали со своих машин, хотя успели отъехать от монстра на порядочное расстояние.А зверь, с плеском скрывшись из глаз, через секунду снова вынырнул из болота, расширяя провал, довершая разрушение пролета моста, пока не рухнул и второй пролет.

— Жми на педали! — севшим голосом проскрипел Такэда, и беглецы помчались дальше, то и дело ощущая сотрясения дороги: неизвестная тварь продолжала молча трудиться над уничтожением моста — «стоячей волны здравого смысла».

Они были уже близко от острова с коконом темпорала, когда спецпатруль «свиты» догнал их снова. Однако теперь Никита был настороже и не стал ждать выстрела в спину, метнув назад окатыш янтаря. Оглянувшись через несколько секунд, он увидел такое, что тут же затормозил. Остановился и Такэда. Вдвоем они молча взирали на метаморфозы янтаря с мошкой внутри.

Медово отсвечивающий камень превратился в клуб дыма, потом в метровый пушистый шар и наконец в гигантское облако, состоящее из каких-то движущихся зерен. Одно из зерен вырвалось из облака, и люди невольно отшатнулись, когда оно с гудением и звоном сделало круг над их головами: это был огромный комар!

Он опустился ниже, ворочая хоботком величиной с иглу хорошего шприца, и вернулся к сородичам. Рой с тугим гудением подался в противоположную сторону, навстречу приближающимся преследователям.

Беглецы не стали ждать, чем закончится столкновение роя и «свиты Сатаны», потрясенные, они продолжили путь. Через несколько минут подъехали к разрушенному участку, с сомнением глянули на поверхность болота, под которой лежал рухнувший пролет. Вода необычного сиренево-молочного цвета была спокойна, но она стала непрозрачной!

— Что бы это значило?— пробормотал Никита, начиная спускаться к воде, но Толя удержал его за руку.

— У нас еще есть свисток.

Никита достал последний подарок Вуккуба, пожал плечами и свистнул, вернее, подул в свисток, из которого не вырвалось ни звука. Но «свисток» действовал. По воде вдруг побежала рябь, и сквозь радужные разводы и пленку сизо-белой накипи проступил овальный бугор, похожий на панцирь черепахи. Впрочем, это и в самом деле была гигантская черепаха! Она вытянула змеино-птичью с загнутым клювом голову из грязи, глянула вверх, на застывших людей, и снова уронила голову в воду. В тот же момент всплыло еще множество панцирей, соединяясь в цепочку и образуя своеобразный мост до самого берега.

— Чудеса! — недоверчиво промолвил Сухов, но на черепаху полез первым.

Через несколько минут они выбрались на берег и припустили к холму, внутри которого рос кокон темпорала. Черепахи скрылись под водой тотчас же, как только выполнили свою миссию, но беглецы понимали, что открытое болото не задержит преследователей надолго.

Уже стоя на холме перед зияющей дырой входа в пещеру с темпоралом, Сухов оглянулся. На срезе уцелевшего пролета моста вспыхнула синяя искра, понеслась к берегу, вонзилась в основание холма, с грохотом подняла веер взрыва.

— Привет на привет,— проговорил Никита, с силой бросая в сторону моста копье вардзуни. На торце моста вспыхнул серебристый язычок, исчез. Часть желтой фермы беззвучно сложилась и соскользнула в болото.

— Попал! — с удовлетворением произнес Такэда.— Хорошо бы с ними больше не встречаться. Но я не верю, что Хуббат успокоится.

— Если встреча произойдет, она действительно станет для него последней,— сказал Никита глухо.— Но мы должны быть ему благодарны: мы живы лишь благодаря его самонадеянности и... как ты там говорил? Хубрус?

— Хубрис, беспримерная гордыня, надменность.

— И благодаря его невероятному высокомерию и мании величия.

Такэда вдруг ткнул друга в плечо и показал вверх. Над островом парила какая-то гигантская птица, рогатая и четырехлапая.

— Вуккуб?

— Не уверен,— сказал Никита, понаблюдав за полетом птицы, и полез в нору темпорала. Вопреки ожиданию Такэды Хуббат засады у станции хроносдвига не оставил.

* * *

Толя не спросил, куда они направляются на этот раз, только дружески похлопал Сухова по спине, подчеркивая свое расположение, и Никита почувствовал вдруг мимолетное раскаяние и благодарность к этому человеку, идущему в неизвестность с верой в товарища. Никто не заставлял его следовать за Посланником в преисподнюю, в опасный поиск, никто не уполномочивал его быть проводником и защитником, но он не мог жить иначе, для себя, исповедуя странный для нормальных людей принцип: если тебе плохо, найди того, кому хуже, и помоги ему. Сколько раз Толя пытался удержать неподготовленного друга от пути, который может выдержать далеко не каждый маг? Сколько раз он уже спасал ему жизнь?

— Ты отрицаешь всякую покорность...— пробормотал Никита, борясь с желанием обнять Толю.

— Что?— не понял тот.

— Ничего, это стихи.— Никита поискал камень и сел лицом к выходу из пещеры, откуда просачивался в подземелье тусклый желтоватый свет.

Они уже прошли темпорал, вынырнув в другом хроне, но, в каком именно, Толя не знал, Сел рядом, спросил:

— Ты все еще хочешь найти тренера, учителя?

— Учитель находится сам, если готов ученик,— ответил Никита с отсутствующим видом.— Если я прав, он ждет меня здесь. Давай-ка, прежде чем мы направимся на его поиски, определимся, кто нам противостоит. Составим, так сказать, иерархию врагов.

— Если память мне не изменяет, Гиибель уже однажды проговорилась. Разведка, техническая служба наблюдения...

— Короче — ЦРУ. Это второй уровень. Первый — обыкновенные люди, в силу черных свойств души перешедшие на сторону Сатаны. Тот же Сипактональ, например. Потом «следящие демоны», самый низкий уровень в системе магически одаренных существ. Потом группа целенаведения, ГПУ.

— Название сам придумал?

— А чем плохо? ГПУ — аббревиатура слов «группа преступного управления». Затем ЧК — группа захвата и уничтожения, охотники и ликвидаторы. Этому же уровню соответствуют и раругги СС, группа подстраховки с Хуббатом во главе. Кто еще?

— Резерв.

— Что еще за резерв?

— «Маги запаса» вроде Тааль, жены Вуккуба, второстепенные демоны. Они рассеяны почти по всем хронам и составляют внушительную силу.

— Что-то у меня о них нет никаких сведений. Но пусть будут «демоны запаса». И последними в нашей табели о рангах идут Великие игвы, демоны холодного интеллекта, и один из них — женщина. Правда, у меня есть сомнение в том, что нас посетила сама Гиибель. Скорее, это ее «проекция» на тот хрон, одна из трехмерных ипостасей. Игвы — многомерные существа. И, наконец, Денница-Люцифер.

Такэда суеверно сплюнул через плечо, но Никиту его реакция не рассмешила.

— Что ж, идем?— встал он с камня.— Возьми оружие, а я возьму транскоф.

— Хорошо бы перекусить чего-нибудь,— проворчал Толя, следуя за ним.— Плохо, что на складе этого темпорала нет еды. Меня больше всего мучает вопрос: что мы ели на острове, если болото на самом деле — математическая абстракция? Не мог же я ловить и жарить формулы?

— Мы ели «чистую информацию». Если реальная пища сигнализирует в мозг при прохождении пищевода и желудка, то болотные гловастики, которых ты «жарил», воздействовали прямо на мозг, создавая иллюзию насыщения. Но вообще-то, болото — не совсем иллюзия, оно имеет материальную основу.

В это время они вышли из пещеры в новый мир. В лицо пахнуло зноем, пылью и незнакомыми запахами.

Темпорал был установлен внутри столбообразной скалы, а вокруг расстилался удивительный ландшафт, напоминавший город: скалы самых причудливых форм, с плоскими вершинами, слоистые, изъеденные крупными порами, составляли живописные «кварталы», окруженные пустыней с россыпями камней, редкими зарослями кустарника, колючек и деревьев, похожих на громадных, застывших на щупальцах, осьминогов.

— Эолов город [1],— сказал Такэда со знанием дела.— Такие области в Африке называются «ньика», опустыненная саванна. Ты уверен, что мы попали туда, куда надо?

— Это хрон Афруа,— сказал Никита, поправляя под волосами усики лингвера,— и здесь живет тот, кто мне нужен.— Он показал Толе перстень: камень позеленел, внутри него загоралась и гасла изумрудная пятиконечная звездочка.

— Маг? Один из Семерых?

— Может быть.

— Это меняет дело. Веди. Я, например, не знаю, куда идти.

Никита глянул на высоко стоящее в густо синем небе солнце, вполне земное, но менее ласковое, и увидел рядом с солнцем яркую звезду. Произнес уверенно:

— Да, эрцхаор не подвел, мы на месте. Видишь рядом со светилом звезду?

— Я думал, показалось.

— Эта звезда доказывает, что мы приблизились к граничным хронам с доминирующим хаосом. То есть к Болоту Смерти.

— То есть, мы находимся в верхней части эволюционной кривой с преобладанием законов магической физики. Так?

— Вуккуб оценил тебя правильно,— усмехнулся Никита.— Ты догадлив и любопытен.

— Я такой,— скромно потупил глаза Такэда.— А звезда — планета?

— Звезда есть звезда — такое же светило, как и солнце, разве что массой поменьше, и крутится она между орбитами Марса и Юпитера, если взять за аналогию Солнечную систему.

— Фаэтон,— сказал Такэда.— На Земле о нем придумано множество легенд и гипотез. В некоторых он назван... Люцифером.

— Символично.

Они отошли от скалы с темпоралом и двинулись вниз, к руслу высохшей реки, заметному по синевато-зеленой полосе колючек. Если бы не голубые костюмы-«трико», все еще продолжавшие ра-

---

[1] Результат выветривания и избирательного разрушения непрочных горных пород.

ботать — спасибо Истуутуке и высочайшей технологии его мира! — путешественники тут же начали бы таять от жары, исходить потом, но зной и так давал о себе знать, превратив головы в тлеющие головешки.

Какой-то звук коснулся слуха Никиты. Он остановился, предостерегающе придержав инженера. Через несколько секунд тихое шуршание услышал и Толя. Оно усиливалось, превратилось в дробный топот, между скал возник пыльный хвост, проскользнул между людьми и исчез за поворотом русла. Никита успел разглядеть фигурку существа метровой высоты, похожего на гнома с головой-огурцом. Он мог бы поклясться, что у существа глаза торчат на лысой макушке, но скорость движений бегуна была столь велика, что можно было и ошибиться.

— Зверь или человек?— спросил Такэда.

— По-моему, человек.

— Не может быть, он шпарил километров под сто в час!

— Значит, это был не человек.

Они пересекли сухое русло и направились на запад, таща за собой короткие тени. Скала с темпоралом затерялась среди таких же скал эолова города, но путешественников это не трогало, у них имелся транскоф.

Спустя полчаса ландшафт начал меняться. Скалы приобрели геометрические, осмысленные формы, теперь они и в самом деле напоминали разрушенные временем, оплывшие и сгоревшие здания необычных пропорций. Почва почернела, кое-где она покрылась пятнами глазури и ржавчины. А потом взору землян открылся гигантский котлован диаметром в добрых два десятка километров, на дне которого застыли две фигуры: жуткая, отблескивающая перламутром и оплавленная металлом, черная, с фиолетовым отливом, вплавленная в камень, туша, и погруженный в почву по пояс, закованный в латы великан с мечом, проткнувшим монстра. Высотой он был не меньше трехсот метров, и все пропорции, очертания фигуры, конструкция лат, говорили о его неземном происхождении, не говоря уже о размерах. А туша у его ног, разрубленная почти пополам, принадлежала, несомненно, жругру.

— Похоже, мы прибыли прямо на место последней битвы Семерых и Люцифера,— тихо сказал Такэда.

Никита покачал головой.

— Это один из граничных миров, где происходили единичные схватки, а в Болото Смерти — хроны, где происходила основная битва, и сунуться нельзя, это мертвые миры.

— Сколько же здесь прошло лет с момента битвы?

— Не меньше тысячи.

— А выглядят они так, будто закончили бой только что. Кто этот исполин?

— Не знаю.— Сухов смотрел на одну из скал на краю котлована, похожую на покосившуюся башню в форме креста.— А ну, подойдем поближе.

Обходя огромные ямы, продолговатые, похожие на шрамы, заполненные рыжей и черной сажей, поднимая облачка пахнущей железом и серой пыли, они обошли котлован и приблизились к башне.

— Лопни мои глаза! — прошептал Такэда.

То, что они приняли за башню, оказалось высохшей, как мумия, фигурой какого-то существа с раскинутыми в стороны руками и утонувшего в почве по колени. Голова у него казалась просто продолжением шеи и прикрывалась грибообразной шляпой, а лицо напоминало сморщенный картофельный клубень. Нос на нем отсутствовал, рот был разинут и застыл в немом крике. Узкие вертикальные глаза без зрачков фосфорно светились, и в них стыл ужас и безумство. Одет высохший великан был в складчатый серо-сизый балахон, хотя это могла быть и кожа, приставшая к костяку.

— Как они его!..— пробормотал Сухов, никого конкретно под словом «они» не подразумевая.— Лихие тут были ребята.

Он поднялся на возвышенность, оглядел пустынно-«городской» пейзаж, но пятидесятиметровых гигантов, подобных «мумии», не увидел. Россыпи камней создавали довольно правильную мозаику и были похожи на японские иероглифы.

— Сад камней,— кивнул на них Сухов.— Может, в этих рисунках есть смысл?

Такэда оторвался от созерцания «мумии», критически оглядел россыпи, хмыкнул.

— Смысл японского сада камней — воплощение идеи бесконечности мира и бесконечности процесса познания [1]. Но ты прав: этот «сад» необычен. Не говоря уже об остальном.

Никита вытянул руку к горизонту. На севере, справа от места битвы колоссов, он заметил несколько треугольных силуэтов, подрагивающих в мареве раскаленного воздуха. Это были пирамиды. Ни слова не говоря, путешественники направились в ту сторону, одновременно оглянувшись на «мумию». Та провожала их безумным взглядом, словно предупреждая о чем-то.

Слоистые скалы и почерневшие, оплывшие, как свечи, башни, не то каменные останцы, не то здания некогда существовавшего города, постепенно ушли назад. Жаркое море дюн и долин, полузасыпанных обломков скал и необычайно ровных прямоугольных плит, венчающих некоторые скалы, легло перед путешественниками почти до горизонта. За этим морем вырастали из струящегося

[1] Ни с какого места традиционного японского сада камней нельзя увидеть сразу все камни, составляющие композицию, часть всегда прячется за другими.

марева зыбкие силуэты пирамид и тонких шпилей. Вероятно, это был настоящий — не мертвый город.

Однако уже через час пути ландшафт изменился. Друзья начали спуск в широкую низину, испятнанную круглыми черными воронками, окруженными серыми кольцами солей и коричнево-зелеными колючек. Это были высохшие водоемы, соединенные самыми настоящими каналами в облицовке из глазурованных каменных плит. Еще через некоторое время полоса мертвых озер сменилась системой идеально круглых водных зеркал, появились кустарники и деревья, сначала по большей части засохшие, корявые, вызывающие впечатление застывших скелетов, а потом живые, с желто-оранжевыми стволами и темно-зеленой листвой. В одной из рощ, созданных толстопузыми, похожими на баобабы, деревьями самых неожиданных форм, со светло-желтой корой и пушистыми метелками вместо листьев, путешественники остановились на отдых, предварительно попробовав воду ближайшего озера: вода оказалась солоноватой и горькой и жажду не утоляла. Зато стало ясно, что сеть озер создана искусственно и очень давно, хотя система каналов, питающих озера, еще действует.

Никита прилег на взгорке с жесткой и очень густой коричневой травой, попытался проанализировать свои решения, прикинуть соответствие желаний и возможностей, но что-то мешало ему, как бормотание зрителя над ухом рыбака. Он насторожился, прислушался к тишине рощи, и атмосфера таинственного подсознательного шепота и застарелой тоски, подспудное ощущение чьего-то незримого присутствия, заставили его вскочить и оглянуться.

— Ты что?— вскинулся Такэда.

— Показалось...

Но ощущение дискомфорта не исчезло. Кто-то невидимый продолжал смотреть на них со всех сторон, безмолвно жаловаться на судьбу и ждать неизбежного конца...

— Ф-фу! — Никита выдохнул и сел.— Это лес.

— Что — лес?

— Я его чувствую, вернее, чувствую внешнее психологическое давление. Не могу сказать, что эти деревья мыслят, но то, что у них есть развитая нервная система — точно. Пошли отсюда, неизвестно, на что они способны.

Путешественники вышли из рощи на берег ближайшего озера диаметром всего около сотни метров и замерли. На противоположном берегу гигантский дракон лакал воду длинным раздвоенным языком. Он был похож на древнего динозавра-стенеозавра, предка современных крокодилов,— но с головой другого хищного ящера — тираннозавра. Пластинчатая броня его отбрасывала множество ярких цветных зайчиков, как гора драгоценных камней. В холке высотой он был с пятиэтажный дом и мог, наверное, перейти озеро

вброд, не замочив брюха. Напившись, он утерся пятипалой лапой, совершенно как человек, посмотрел на стоящих в столбняке людей умными, ярко-желтыми, щелевидными глазами, кивнул, будто поздоровался, и бесшумно уполз в рощу за холмом позади озера.

— По-моему, он тебя знает,— хладнокровно заметил Такэда, пряча хардсан.— И у меня создалось впечатление, что он разумен.

— Во всяком случае, не дурак.— Никита машинально глянул на мигающий камень индикатора, пожал плечами.— Это мир магифизики, у него свои законы.

Динозавра они так больше и не увидели, обогнув рощу приличным крюком. Зато наткнулись на знакомого бегуна, несущегося с неимоверной скоростью напрямик через барханы, скалы, каменные россыпи, заросли кустарника и водоемы. На сей раз Сухову удалось разглядеть его сквозь пыльный хвост более детально.

Это было тщедушное существо ростом с ребенка четырех-пяти лет, со вполне человеческими ручками и ножками, с головой огурцом и сдвинутыми буквально на макушку глазами. Оно было закутано в пушистый коричневый свитер до колен, хотя «свитер» мог оказаться собственной шерстью.

Человечек вломился в заросли колючек, пропахал в них борозду, едва не столкнулся с людьми, не обратив, впрочем, на них никакого внимания, и нырнул в рощу, в которой скрылся желтоглазый крокодило-тираннозавр.

— Быстрый парень,— сказал Никита, проводив его глазами.— Может быть, это местный маленький Мук в сапогах-скороходах?

— Скорее, местный псих, сбежавший из лечебницы,— предложил свою гипотезу Толя.— Он очень напоминает Ба — демона засухи из древнекитайской мифологии. Там, где появляется Ба, начинается жара, засуха, мор. То, что мы и наблюдаем.

Никита остановился, приставил ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь в небо. Потом глянул на приблизившуюся цепь пирамид.

— Это город, Оямыч, но и он мертв, хотя не так разрушен, как тот, что мы прошли.

— Я думал, ты точно знаешь, куда мы направляемся.

Сухов закрыл глаза, сосредоточился. Волосы его вдруг встали дыбом, заискрились, с пальцев опущенной руки сорвалась в песок длинная белая искра. Длилось это недолго, через минуту танцор перестал испускать электрическое сияние и стал прежним Суховым.

— Он где-то близко... и здесь еще есть люди, я чую.

Такэда, на которого метаморфозы друга произвели впечатление, лишь легонько сжал его локоть, давая понять, что полностью ему доверяет.

Спустя час они вышли к поясу скал, в окружении которых лежал город, некоторое время любовались пирамидами и многоколонными зданиями необычной архитектуры — готической, но со своеоб-

разными нарушениями, возводящими асимметрию в ранг совершенства,— и молчали.

— Гоппурам,— сказал наконец Такэда, показывая на шпиль одной из башен,— и в то же время готическая базилика, чрезмерно вытянутая по вертикали.

— Я не специалист,— отозвался Никита рассеянно.— Посмотри лучше сюда. Здание за храмом видишь?

Такэда послушно глянул в указанном направлении и увидел пирамиду, словно разрубленную надвое каким-то огромным лезвием, застрявшим в ее основании. Впрочем, она и в самом деле была разрублена — мечом наподобие того, что держал в руке великан, убивший жругра.

— Если битва гигантов происходила и здесь,— помолчав, сказал Толя,— то почему так мало разрушений?

Никита молча повернул в обход скалы и вдруг остановился, сделав предостерегающий жест. В небольшой впадине за грудой скальных обломков скопилось небольшое озерцо прозрачной воды. Из-под скалы бил родник, и над этим озерцом девушка поразительной красоты с волосами, распущенными во все стороны, как черное пламя, держала ладони, шепча что-то про себя. Смуглая, гораздо смуглее, чем бронзовокожие индейцы, она тем не менее не была черной, как негры. Гордая посадка головы, великолепная, почти обнаженная фигура, каждый жест ее подчеркивал красоту дикую, грозную и одновременно пугливую. Ее миндалевидные, буквально светящиеся глаза поднимались к вискам, брови летели по высокому лбу в хищном изгибе, нос начинался прямо со лба, прямой и тонкий, идеально вырезанные губы дополняли портрет, и смотреть на это лицо хотелось, не отрываясь.

На девушке была короткая юбка из чего-то напоминающего перья павлина, а на ногах золотые сандалии с ремешком, охватывающим лодыжку. Рядом, на плоском камне, стоял кувшин с узким горлышком и лежала свернутая кольцом плеть из кожи с колючим узлом на конце. Плеть не очень вязалась с мирным видом незнакомки, но уже через минуту наблюдатели поняли, для чего она смуглянке с лицом Нефертити.

Оказалось, не только они прятались в камнях, подсматривая за девицей. В тот момент, когда Никита собрался выйти к роднику и представиться, из-за груды валунов на противоположной стороне выскочили с десяток существ, которых можно было назвать людьми лишь с большой натяжкой.

Голые смуглые тела, состоящие, казалось, ий одних жил, лоснились, будто смазанные жиром, набедренные повязки держались на них чудом. Руки и ноги были у существ человеческими, а головы — почти лошадиными, с намеком на лицо, но не больше.

— Кинноры! — прошептал сзади Такэда.— Кентавры-наоборот!

Девушка вскочила, метнулась к камню, и плеть свистнула в ее руке, встретив первого «антикентавра». С визгом тот рухнул на камни, схватившись за морду: колючий шар плети выбил ему глаз. Еще и еще раз свистнула плеть, останавливая киннноров, высоких — не менее двух метров — и гибких, бросающихся на девушку молча, без кличей и криков. Но их было слишком много.

Плеть незнакомки казалась живой и вездесущей, опоясывая ее со всех сторон и раздавая удары независимо от положения руки. Смуглянка успела уложить пятерых полулюдей-полуконей, но один из них всех же ухитрился схватить ее сзади. И в этот момент в действие вступил Сухов.

Кентавры-наоборот были вооружены пращами и короткими палками с утолщениями на концах, похожими на берцовые кости какого-то животного, их можно было легко уложить с помощью нервайлера, например, но у Сухова были свои резоны.

Три киннора улетели за камни и не поднялись, четвертый успел нанести танцору удар своей палкой по спине и получил ответный удар ногой в лошадиный нос, а пятый, держащий девушку, оказался самым догадливым: бросив добычу, он мгновенно скрылся за скалами, куда уползли и побитые соплеменники.

Девушка живо схватила свою плеть, прочертившую смертоносную кривую вокруг руки, отступила на шаг, исподлобья разглядывая освободителя. Так же внимательно оглядела Такэду, выступившего из-за камня с улыбкой на лице.

— Хет ка?

Голос у нее был низкий, бархатного тембра, такой же красивый и глубокий, как у Ксении, и у Никиты перехватило дыхание. Она и смотрела, как художница, исподлобья, без тени смущения или страха, внимательно и серьезно. Сухов глубоко вздохнул, мотнул головой, избавляясь от наваждения.

— Хет ка?— повторила вопрос девушка.

— Кто вы?— с запинкой перевел лингвер.— Это такемтский диалект языка мыср. Планета называется Айгюптос, страна — Риангомбе.

— Как риддхи?— продолжала незнакомка, в голосе которой прозвучали удивление и нетерпение.— Ка птах маинсс?

— Вы маги или духи умерших?— добавил лингвер.

— Мы люди,— ответил Никита, показывая ладони дружеским жестом,— и не причиним вам зла. Меня зовут... м-м, Сухов, а его — Такэда. А вас?

— Селкит,— назвала свое имя девушка, гордо вздергивая подбородок, и волосы волной цунами взметнулись над ее головой.— Чего вы хотите?

— Мы ищем пристанища, а также человека, который мог бы нам помочь.

— Тогда идите за мной.— Девушка ничуть не удивилась, услышав двойную речь собеседника: прямую хозяина и перевод лингвера. Она взяла кувшин с водой, с удивлением взглянула на Толю, предложившего помощь, но кувшин не отдала.— Поспешите, хемуу могут вернуться.

Грациозно изгибаясь с кувшином на плече, она, не оглядываясь, заскользила по тропке между камней, а друзья смотрели ей вслед.

— Ты был великолепен,— пробормотал Такэда,— но на нее, похоже, это не произвело впечатления. Она даже не поблагодарила. Как настоящая богиня! Селкит... Красивое имя и, по-моему, встречается в земном фольклоре. Ну что стал, идем?

Никита безмолвно двинулся вслед за Селкит.

4

Город, странный, сказочно-громадный, со следами жуткой древности, потрясал красотой и необычной гармонией, строящейся на асимметрии, геометрических контрастах, на отличных от земных законах зодчества. Архитектуру его сооружений можно было бы отнести к готическому стилю Земли, если бы не «египетский» силуэт, «исламский» колорит башен, асимметричная завивка и сложнейшая скульптурная обработка порталов и фасадов зданий. Город стоял пустым более тысячи лет, никто в нем не селился, кроме кинноров-хемуу и всякой нечисти, никто не поддерживал чистоту и порядок, не ухаживал за строениями, и все же он был почти цел, рука разрушения коснулась лишь кое-каких жилищ на окраине да акведука, некогда подводящего воду из высокогорного озера.

Полдня пришельцы провели на улицах и площадях Соут-Хорра — так назывался город — и не заметили этого. Сопровождала их Селкит, одетая в тонкую красную тунику с узором паутины и перехваченная в талии золотым пояском. На руках и ногах девушки позванивали золотые браслеты необычайно тонкой работы, на шее блестел обруч, а в ушах покачивались и сверкали рубинами огромные красивые серьги в форме свернутой в спираль змеи.

Такэда некоторое время шел рядом, вслушиваясь в гортанно-низкий голос Селкит, рассказывающий о достопримечательностях, потом отстал, с каким-то внутренним сожалением оценив, насколько Никита и Селкит подходят друг другу. Оба были высокими, гибкими, сильными и красивыми, разве что тип красоты у них был разный, да уровень знаний. Зато примат чувств над разумом одинаков, подумал Толя неодобрительно. Характер? Или влияние среды? Толя имел в виду Никиту.

Очередная площадь легла перед ними шахматной доской с «толпой» фигур-скульптур и колонн. Затем слева потянулось гигантское

здание — Лабиринт, по словам Селкит, пантеон бесчисленного множества богов страны, среди которых были не только человекоподобные существа, но и киннори, «кентавры-наоборот», и другие монстры, полулюди-ползувери-полуптицы, выраженные галереей скульптурных шедевров, созданных неведомыми скульпторами.

Справа открылась аллея своеобразных сфинксов — динозавров с человеческими головами, размеры которых по мере продвижения увеличивались, росли, пока не превзошли размеры зданий за ними. Последний сфинкс высотой с небоскреб казался живым, а формой больше всего походил на... жругра! Он смотрел вниз, на людей-букашек, с насмешливым презрением и улыбался, и от этой улыбки по коже ползли мурашки.

— Это мавзолей Ахтоя, последнего кемтарха Риангомбе,— сказала притихшая Селкит.— Он пришел с юга с армией хемуу, победил Хаттусилиса и возвел эту часть города.

— Видимо, строителями у него были недобрые люди,— тихо проговорил Никита, поднимая голову: показалось, что сверху на них упала холодная зловещая тень. Оглянулся.

Сзади город был творением умелых зодчих и художников, выражением их эстетического идеала, пусть его пропорции и казались странными для людей Земли, впереди же город преображался, становился иным, более грубым и тяжелым, подавляющим психику и воображение. Ухищрениями архитекторов и строителей человек здесь низводился до уровня песчинки, теряя остатки воли и превращаясь в послушного чужому приказу исполнителя. Главными элементами этой архитектуры были гигантские пирамиды, видимые издалека, за десятки километров от города, и «зиккураты»— витые асимметричные башни с колючими шпилями.

— Там живут хемуу,— кивнула на пирамиды Селкит,— а также зимба, тиесс нисут и другие твари. Кроме того, иногда пробуждается Ме, а это очень опасная укву, справиться с ней невозможно. Вы сильные маги, но я не советовала бы идти туда.

— Я тоже,— сказал Такэда, задирая голову на «сфинкса».— Вылитый жругр, а?

Никита, стоящий в тени здания, кивнул, разглядывая город впереди. За «сфинксами» площадь уступами спускалась к реке Лойянгалани, через которую переползали тяжелые и угрюмые мосты. Идти через реку не хотелось.

— А почему вы не живете в городе? — спросил Сухов, решая задачу — идти или не идти.

— Я же говорила — Ме,— коротко ответила Селкит, веселость которой улетучилась без остатка.

— А что такое Ме?— деликатно спросил Такэда.

— Могучая таинственная сила, управляющая миром. Иногда она приходит в образе богини-воительницы Найт, но чаще безлика,

хотя и вездесуща. От нее все наши беды. Если бы она выходила чаще, наш народ давно исчез бы.

— И как часто она выходит?

— Раз в пятьдесят лет. Прошло уже сорок семь.

Такэда подошел к Сухову, сказал вполголоса:

— Уж не наша ли знакомая Гиибель — эта «богиня-воительница» Найт? Здешний мир явно под контролем игв.

— Если бы он был под контролем игв, мы были бы уже мертвы. Идемте,— решил наконец Никита; эрцхаор не показывал присутствие «князей тьмы» из свиты Люцифера, к тому же, для демонов свиты расстояния не служили препятствием. Если бы они захотели нанести удар, они нашли бы Посланника везде.

Такэда снова поплелся сзади беседующей пары, остро осознавая свою ненужность и вспоминая их появление в доме отца Селкит, номарха провинции, колдуна и мага, воителя и врачевателя со звучным именем Зу-л-Кифл...

Путь от родника к селению, где жили Селкит и ее родичи, оказался достаточно коротким, не более двух километров. Селение — десятка три квадратных башен, окруженное оградой из огромных, наклоненных наружу, острых копий, пряталось в скалах, на плоскогорье с отвесными стенами, поднятом над равниной на высоту в триста-четыреста метров. Добраться до него можно было только по висячему мосту или с помощью подъемника, которые охранялись могучими воинами, вооруженными пиками, короткими мечами, скорее всего, бронзовыми, и кистенями — тяжелыми колючими шарами на цепях. Начальник стражи, молодой, скуластый, энергичный, был, к тому же, вооружен плетью наподобие плети Селкит. Пропустил гостей он только после повторного приказа девушки, вспыхнувшей под взглядами Никиты и Толи.

Ни дети, ни старики и женщины на улицах селения не появлялись, лишь изредка проходили одетые в длинные рубахи до пят мужчины с грузом на плечах или на тележках, да группы обнаженных по пояс воинов. На пришельцев они смотрели косо и лишь присутствие Селкит заставляло их сдерживать любопытство.

«Мэр» селения, он же номарх, то есть правитель области нома Кемет, оказался отцом Селкит. Звали его Зу-л-Кифл, и выглядел он, как вылитый египетский фараон из земной истории. Он вышел из «дворца»— такой же башни, как и все остальные, разве что украшенной барельефами,— в ослепительно белой галабии — то ли рубахе, то ли плаще, с красным шарфом на шее и красным поясом, обутый в золотые сандалии. В ушах его качались такие же серьги, как и у Селкит, а голову украшала необычная шапочка, сплетенная из золотых нитей.

У него было длинное, надменно-усталое лицо с тяжелым скошенным подбородком и полузакрытыми глазами, и седые волосы, но стариком он не был. В каждом его движении чувствовалась сдержанная сила, шаг был легок, а под галабией угадывалась атлетическая фигура если не юноши, то зрелого мужчины. Никита, даже не глянув на индикатор, понял, что перед ним тот, кого он искал, маг и хозяин хрона. Перстень отреагировал на появление номарха зеленой вспышкой, и тотчас же Никите показалось, что кто-то открыл дверцу в голове, заглянул, увидел, что надо, улыбнулся и закрыл. Лицо Зу-л-Кифла при этом осталось неподвижным, но в глазах мелькнул веселый огонек.

— Привет, Посланник,— сказал он звучным и глубоким голосом.— Будь моим гостем. Привет и тебе, Наблюдатель.

— Э-э...— сказал в ответ Такэда.

— Привет, один из Семи,— уверенно произнес Никита.

— Не торопитесь, Посланник,— улыбнулся Зу-л-Кифл, отступил в сторону.— Селкит, проведи гостей ко мне. Прошу простить меня, я вернусь вечером,— обратился он к землянам,— появились неотложные дела. Отдыхайте, здесь вы в безопасности.

— Отец, они спасли меня от хемуу.

— Ты, как всегда, уходишь без охраны и когда-нибудь будешь наказана.

Селкит фыркнула, высокомерно подняла подбородок и прошествовала в дом.

— Оказывается, и дети магов не слушаются родителей,— проявил сочувствие Такэда, реабилитируя себя за растерянность во время знакомства.

— Такова реальность.— Зу-л-Кифл снова улыбнулся и... исчез!

Друзья невольно оглянулись, но хозяин действительно испарился. Им ничего не оставалось делать, как войти в никем с виду не охраняемую резиденцию номарха.

Селкит они увидели через два часа, только после того, как их искупали в огромных чанах юные обнаженные девушки, похожие друг на друга, как сестры, и после вечерней трапезы. Для путешественников это был завтрак, обед и ужин одновременно.

Зал-столовая находился на первом этаже дома, две стены его были прозрачными, как и потолок, и поэтому казалось, что едоки сидят на открытой веранде, но оба точно знали, что извне стены владения номарха кажутся каменными, а потолок сделан из толстых каменных перекрытий и прозрачным быть не может.

Были поданы салаты из бобов и трав, а также из какого-то растения, напоминавшего цветную капусту, но со вкусом сладкого перца. Потом вынесли кашу из проса, овсяные лепешки и мясо, на вид телячий язык под белым соусом. «Язык» оказался мясом ка-

меланда, животного, соединявшего в себе признаки верблюда и кенгуру. И завершало обед сладкое: нечто, напоминавшее по вкусу финики и сок бангеро — местной разновидности кактуса, коричневый, тягучий, как сироп, но прекрасно утоляющий жажду, бодрящий и вкусный. Ничего похожего на вино и другие алкогольные напитки подано не было, а когда Такэда ради любопытства спросил об этом служанку, та его не поняла.

Тот же самый вопрос он задал и Селкит, которая после раздумий сообщила, что существует такой священный гриб — теонанакатл,— поев которого человек ощущает опьянение, эйфорию, становится на некоторое время неуязвим для любого оружия, но потом теряет рассудок и память.

— Но употребление гриба запрещено законом, а более ничего подобного народ не ест и не пьет.

Селкит вывела их на плоскую крышу здания, и они с интересом посмотрели заход солнца: краски были иными, чем на Земле, но зрелище от этого своего великолепия не потеряло.

Затем Никита, переодетый, как и Толя, в такой же белый халат — галабию, принялся расспрашивать девушку о местных обычаях, разговор перескочил на развлечения молодежи в обоих мирах, и Селкит, пораженная рассказом танцора, слушала его, забыв обо всем, в том числе и о своей роли хозяйки и дочери главы государства. Оживилась она лишь тогда, когда Сухов проговорился, что он профессиональный танцор. Оказалось, что Селкит — победительница кемтессий — ежегодного праздника-состязания танцоров, собирающихся со всех концов страны в бывшей ее столице Соут-Хорре.

— Послезавтра как раз начало очередных кемтессий.— Селкит оценивающе глянула на Никиту.— Что если ты будешь моим партнером?— Глаза ее загорелись, она даже захлопала в ладоши.— Если ты «великий искусник» (так переводилось на местный язык слово «профессионал»), то мы наверняка станем победителями. Не возражай! Превращу в аазы или в биняо!

— А что это такое?— Никита с удовольствием смотрел на лицо Селкит, воодушевленное идеей, свежее и прекрасное.

— Аазы — наш посыльный.— Палец девушки показал на пересекающий пустыню, приближающийся к селению хвостик пыли.

— Такой маленький бегун с глазами на макушке? Мы его встречали. А биняо?

— Утка с одним крылом. Чтобы летать, ей надо соединиться с другой уткой — мужского пола.

— Ну, если второй половиной будешь ты...

К дальнейшему разговору юной пары Такэда не прислушивался, ему стало скучно, и выручило его лишь появление у дома посыльного Зу-л-Кифла.

Бегун и в самом деле оказался человечком, вернее, пародией на него, с тонкими ручками и длинными, кузнечикообразными ногами, а также с головой огурцом, с которой смотрели во все стороны не два, а целых пять глаз: три по бокам и два на макушке! Он принес сообщение от номарха, в котором тот извинялся за задержку, обещал быть завтра к обеду и просил Селкит показать им утром город.

Пожелав всем спокойной ночи, Такэда ушел спать, а утром они направились в Соут Хорр, в бывшую столицу Риангомбе...

— Уснул, что ли?— донесся голос Никиты.

Такэда встряхнулся, подхватил транскоф («Вы всегда с этим ходите?— поинтересовалась Селкит утром.— У вас там спрятаны сокровища?» «Жизнь»,— серьезно ответил Толя), и с готовностью затрусил вслед за Суховым и Селкит, уже вступившими на мост. Идти на ту сторону все так же не хотелось, но Толя никогда не спорил с тем, кого сам же определил в лидеры. Догнав молодежь, он спросил:

— А почему все-таки город стоит так долго, не разрушаясь?

— Он законсервирован,— ответил Никита, понимающе подмигивая инженеру.

— Кем и для чего?

— Хорошо, что ты не спрашиваешь — как,— засмеялся Сухов, повернув голову к Селкит.— Что скажете, принцесса?

— На город наложено страшное заклятие,— понизила голос девушка.— Он будет стоять таким до конца вселенной, как напоминание о Предательстве, и даже Хаос не сможет разрушить его.

— Что за предательство?

— Номарх Маунглай позволил воинству Сахаб-Бассо-Нарока, правой руке Люцифера, спрятаться в городе и ударить силам Закона в спину. Из-за этого Предательства погиб один из Семерых магов. Если вы шли через Черные Земли, вы должны были его видеть.

— Великан в латах с мечом, разрубившим... м-м, чудовище?

— Это чудовище — искусственное существо, Конь Великих игв. Справиться с ним может только один из Семерых.

— Что же тогда говорить о всаднике?— пробормотал Такэда.— Если его конь-робот способен уничтожить полпланеты.

Никита вдруг насторожился: ему снова показалось, что сверху на них упала холодная мрачная тень. Но это был лишь отзвук его экстрасенсорного восприятия. Кто-то следил за ними, угрюмый, сосредоточенный в себе, тяжелый, как горы, и смертельно опасный. Он следил и решал, что ему делать с пришельцами.

Ме, вспомнил Сухов слова Селкит, таинственная и могущественная сила. Что за сила? Добрая или злая? И почему она дремлет здесь, в городе, красота которого принадлежит вечности? Или это и есть — Заклятие Семерых?

Селкит, ушедшая вперед, нетерпеливо оглянулась.

— Поторопитесь, Посланник, нас уже ждет отец. Я покажу вам только мбори, и мы вернемся.

— Мбори?— переспросил заинтересованный Такэда, потому что лингвер не дал перевода слова.

— Увидите.

Девушка вывела их на площадь, мощенную булыжником, по-углам которой стояли четыре пирамиды, сложенные из какого-то слоистого камня. Каждая пирамида достигала стометровой высоты, имела лестницу для подъема на вершину и входной портал со множеством колонн. И у каждой стоял свой «сфинкс»— динозавровидное чудовище с человеческим лицом. Лица были разные, видимо, строились пирамиды разными властителями, но одинаковые в выражении презрительного высокомерия.

— Династия Птахоттепа,— сказала Селкит.— Это усыпальницы кемтархов Шешонка, Снофру, Хасехема и Птахоттепа.

Где-то вдруг послышался шум и высокие пронзительные крики. Стихли. Селкит поморщилась, сказала с отвращением:

— Сонгайхай... хемуу развлекаются. Идемте, нам осталось немного.

— Я бы хотел посмотреть, как развлекаются хемуу,— сказал Никита.

Селкит удивленно вскинула брови, но перечить не стала, дернула плечиком.

— Это не очень интересное зрелище.

— А если они нападут?— корректно вмешался Толя.

— Во время сонгайхай хемуу беспечны. Но ведь вы — риддхи, неужели не справитесь?

Возражать было нечего, и Такэда снял с пояса нервайлер. Никита только усмехнулся в ответ.

Сонгайхай оказался «театром страуса», аналогичным тому, что существовал у африканских племен на Земле: страусам, а то и двум и трем сразу, отрубали головы и смотрели, как они мечутся по арене. Только вместо страусов здешние «театралы» кентавры-наоборот использовали странных животных, совмещавших в себе несколько земных. У них были по две длинных и сухих ноги лошади, торс медведя, длинные шеи жирафа и узкие змеиные головы с огромными, зонтикообразными, переливающимися всеми цветами радуги, ушами.

Толпа киннноров выла, ревела и визжала при каждом «удачном» прыжке безголового «страуса», люди-лошади колотили палками по спинам соседей, производя небывалый шум, и ничего не слышали и не видели по сторонам.

— Флоэры,— назвала Селкит животных,— они собирают насекомых, которые садятся им на уши, принимая их за цветы.

Понаблюдав за реакцией киннороз, Никита сделал знак, и они поспешно обошли «театр» стороной, снова выбираясь к пирамидам. Через несколько минут дочь Зу-л-Кифла вывела их к колодцу. Правда, размеры колодца потрясали: в землю уходило каменное кольцо диаметром в километр, если не больше, возвышаясь над землей метра на полтора. Толщина кольца тоже действовала на воображение — метров десять, и собрано оно было из многотонных каменных блоков по пять метров в поперечнике каждый.

Никита и Такэда, заинтересованные, влезли на кольцо, подошли к краю колодца, огромного, как вулканическое жерло, и заглянули внутрь. И отпрянули! Из глубины провала на них злобно посмотрел некто, наделенный ужасающей силой и мощью, настроенный враждебно, внушающий страх и желание бежать отсюда со всех ног.

Заглядывать в колодец больше не хотелось, но, преодолевая отвращение, зябкое чувство страха и ожидания выстрела в лицо, мобилизовав силы, Никита заставил себя еще раз наклониться над провалом.

В колодце никого не было! Но стены его экранировали какое-то явление, физическая сущность которого не поддавалась анализу человеческого мозга. И все же в голове Сухова загорелся огонек догадки, словно кто-то шепнул ему верные слова: пересечение времен!

— Это узел пересечения хронов,— сказал он, отступив и встретив восхищенный взгляд Селкит.— И колодец — защита окружающей среды от последствий. Так?

— Ты настоящий Посланник! — сказала девушка восторженно.— Там, очень глубоко, находится источник Хаоса, замкнутый еще одним страшным заклятием. Отец говорил, что там проникают друг в друга множество миров с разными временами.

Такэда деликатно кашлянул.

— Очень интересно! Значит, стены колодца или весь он и есть реализованная формула заклятия?

Селкит беспомощно оглянулась на Сухова.

— Не понимаю,— он произносит слова, которых я не знаю.

— Он всегда так говорит,— меланхолически заметил Сухов.— Не обращай внимания. А твоя таинственная Ме не здесь проживает?

— Не шути так,— сдвинула брови Селкит.— Она все слышит и видит...— девушка не договорила.

Где-то в загадочных недрах колодца раздался гулкий рыдающий стон, и над его срезом вознеслась исполинская полупрозрачная фигура неведомого существа, неимоверно сложного, с тысячью пересекающихся друг в друге форм и конструкций, выступов, впадин и деталей, светящихся пятен и линий, но тем не менее фигура,

карикатурно повторяющая тело человека с конусовидной головой, руками-крыльями и безобразно раздутыми ногами. Конус головы существа повернулся из стороны в сторону и наклонился вниз, на людей глянули два черных провала-глаза с плавающими в них огнями.

Селкит закричала, спрыгивая с кольца, Такэда последовал за ней, выхватывая из-под плаща хардсан, однако Сухов остался стоять, словно завороженный глядя вверх, на лицо-маску чудовища, соединявшего в себе признаки робота и старухи в капюшоне в образе Смерти.

Длилось это противостояние несколько секунд, в течение которых Никита с нарастающей яростью боролся с наплывом слабости и гипноволной, внушающей ему приказ сделать шаг и прыгнуть вниз, в бездну колодца. Потом опомнившийся Такэда выстрелил из лазера — сиреневый всплеск света пронзил фигуру, не причинив ей вреда, а Сухов наконец смог мобилизовать волю и включить на короткое время экстрарезерв.

Монстр отшатнулся, получив всплеск пси-энергии — отражение собственного импульса от защитного блока Сухова,— переломился пополам и с тем же стоном провалился в колодец. На дрожащих ногах Никита спрыгнул с обреза колодца на камни, подошел к девушке, бледной, глядящей на него с недоверием и испугом.

— Что это было?

— Бахр-дар асмэтра! — Селкит сделала жест, словно отгоняя нечистого.— Ты настоящий маг, Сух! Ты смог выдержать взгляд Морока!

Селкит произнесла другое слово, но лингвер перевел его как «Морок», и Такэда, во всем любивший точность, вспомнив земную мофилогию, не удержался от вопроса:

— Вы сказали — Морок, любезная Селкит? Кто он? Один из ваших богов? Или демонов?

— Морок — одно из воплощений Веб-Шабель, то есть Того, Кто Заперт. Олицетворение Мрака, Темноты, Бездны, Смерти.

Такэда кивнул.

— Я так и думал.— Повернулся к Сухову.— Это была тень Люцифера, Кит. Призрак Люцифера, если быть точнее, живущий самостоятельно. А может быть, нечто вроде голографической проекции с эффектом сенсорного присутствия, память среды.

— Что он говорит?— требовательно обратилась к Сухову Селкит.— Я не понимаю.

— Если бы он сам понимал,— буркнул Никита.— Но он Наблюдатель и много знает, больше, чем я.

— Я тоже Наблюдатель,— гордо сказала девушка.— Отец был Наблюдателем много лет, а потом, когда стал врачевателем, посвятил меня в тайну Страшного Заклятия.

— Так он — врач?

— Сейчас он — нормарх, правитель Лойянгалани, хотя продолжает заниматься врачеванием.

— И что же он лечит, какие болезни?

— Он лечит не болезни — весь наш мир. Он никого не боится, как и Посланник Сух, даже Найт и Веб-Шабель, потому что он маг. И я тоже когда-нибудь буду магом.

Назад через мост они шли быстро, почти не разговаривая, думая каждый о своем. Возле «сфинкса» с лицом последнего кемтарха Риангомбе им навстречу высыпала группа кинноров, понукающая ползущую тварь, помесь черепахи и крокодила, но Никита спокойно направился прямо на кентавров-наоборот, расстроив их ряды. Никто из них не решился напасть на маленькую группу людей.

У гигантского храма с тысячью колонн путешественников ждала странная повозка, без колес, висящая в воздухе без опор, запряженная в уже знакомых животных, «пустынных кенгуру». Селкит запрыгнула в нее без удивления, с видимым удовлетворением, Никита тоже сел без вопросов, и лишь Такэда не удержался от попытки объяснения феномена:

— Антигравитационная тележка. Странно, что без мотора...

Селкит уничтожающим взглядом смерила его с головы до ног, и Толя умолк.

Уже подъезжая к отвесным стенам плоскогорья, они увидели на краю обрыва белую фигуру — Зу-л-Кифл ждал своих гостей.

5

Они проговорили с хозяином до вечера.

После обеденной церемонии Зу-л-Кифл пригласил гостей на открытую с виду веранду, выходящую опять же с виду на квадратный двор, мощенный красивыми цветными плитками, с небольшим бассейном в центре и рощицей светлокорых деревьев, похожих на те, что путешественники встретили при переходе через пустыню. «Двор» мог быть только иллюзией, по мнению Такэды, так как они находились все там же, в квадратной башне — резиденции нормарха, в которой таким пространствам не было места. Но Зу-л-Кифл рассеял его недоумение, обойдя двор и выпустив из клетки в противоположной стене птицу, похожую на рогатого сокола. Птица долбанула нормарха клювом в подбородок, посмотрела в глаза, словно что-то спрашивая, и, подброшенная в воздух, мгновенно исчезла в сизо-зеленом, с желтым отливом, небе. Видимо, изнутри здание было гораздо сложнее, чем выглядело снаружи.

Кресла, в которые хозяин усадил гостей, с резными спинками, гнутыми ножками, со множеством завитков и инкрустаций, напо-

минающие по стилю земное барокко, были удобны и очень красивы, как и столик с напитками, и земляне обратили на них внимание.

— Восьмое чудо света,— учтиво указал на столик Такэда.— Я такое видел только в музее.

— Ну, если каждый шедевр искусства называть чудом света,— улыбнулся Зу-л-Кифл, отчего его властное, высокомерно-усталое лицо совершенно преобразилось,— то чудес света гораздо больше, чем семь, как принято считать у вас на Земле.

Говорил номарх как-будто на русском языке, однако Никита иногда ловил себя на ощущении, что слова речи мага звучат прямо в его голове. Очевидно, имело место прямое мысленное общение, но чтобы не ранить чувства гостей, номарх создал иллюзию звукового разговора.

— Традиция,— сказал Такэда.— На Земле к чудесам света причисляли египетские пирамиды, висячие сады Семирамиды в Вавилоне, храм Артемиды Эфесской, статую Зевса в Олимпии, Колосс Родосский — статую Гелиоса,— Мавзолей в Геликарнасе и Александрийский маяк в дельте Нила, на Фаросе, высотой в сто двадцать метров.

— Но и у вас на Земле чудес — творений рук человеческих было гораздо больше, да и сейчас есть. Тот же Московский Кремль, Эйфелева башня, собор Нотр Дам, статуя Зевса в Таренте, римский Колизей, Великая китайская стена длиной в две тысячи семьсот километров, гробница Тадж-Махал в Индии, дворец гренадских халифов Альгамбра... перечислять можно долго. Подобных чудес — неисчислимое количество во всех Мирах Веера. Талантливых творцов, зодчих, архитекторов, скульпторов и художников Вселенная рождает вне зависимости от условий жизни.

— И танцоров,— тихонько добавил Такэда.

Сухов незаметно показал ему кулак. Зу-л-Кифл посмотрел на инженера из-под тяжелых век, кивнул понимающе:

— И танцоров. Я слышал от дочери, что вы собираетесь принять участие в коемтессиях?

Никита покраснел, не зная, как объяснить свое желание.

— Не стесняйтесь,— сказал номарх.— Искусство танца — редкое искусство, и владющий им — волшебник образа и прямого эстетического удовлетворения.— Зу-л-Кифл поймал взгляд Сухова, украдкой брошенный на перстень эрцхаора, снова улыбнулся.— И не переживайте о погоне, вы здесь в безопасности, несмотря на Ме, Веб-Шабель, киннноров, Мороков и прочих монстров.

— Значит, это благодаря вам мы добрались до города без особых приключений?— догадался Никита.

— Я хозяин и обязан оберегать гостей. Но и вы, насколько я наслышан, можете постоять за себя. Впрочем, удивляться нечему, Посланник всегда был Воином Пути.

Сухов помрачнел, сказал через силу:

— Я еще не посвящен... да и многого не знаю и не умею... хотя и встал на Путь. Из-за этого я, по сути, и пришел к вам: мне нужна помощь, помощь мага и врача. Кроме того, я пришел к вам, конечно, и как Посланник с предложением стать одним из Семи.

Зу-л-Кифл некоторое время о чем-то размышлял, поглядывая то на Толю, то на Сухова, отчего они почувствовали неловкость и стеснение.

— Что ж, я знаю вашу историю, давайте расставим точки над «i»,— произнес наконец номарх.— Вы назвали меня одним из Семерых. Благодарю за честь, но, боюсь, вы ошибаетесь в оценке ситуации. Я — маг, и только. Тех Семи, которые воевали с Люцифером и устраняли последствия его экспериментов, уже нет. Вернее, они есть, но исчерпали себя. На новую битву, я бы назвал ее Хирургической Операцией — почему, вы поймете позже,— они не способны. Вам надо искать другую Семерку.

Никита почувствовал в груди холодную пустоту, желудок сжал неприятный спазм. Подтверждения словам Такэды из уст мага он услышать не ожидал. Как и Такэда, оставшийся с виду бесстрастным.

— В-вы хотите сказать... вы... отказываетесь?!

— Я этого не говорил.— Зу-л-Кифл на мгновение сделался полупрозрачным, как глыба стекла, оделся в сетку фиолетовых молний и тут же стал самим собой.— Извините, я живу несколько иначе по сравнению с людьми, и не всегда контролирую все свои «я».

— И много их у вас?— спросил Такэда, чтобы поддержать разговор, потому что Никита не сразу вышел из ступора.

— Много,— сознался номарх.— Маги — многомерные существа.

— Я думал, это касается только демонов... игв...

— Они тоже маги, разве что поддались влиянию Веб-Шабель... или Люцифера и поставили перед собой цели, недостойные талантливых творцов, проигнорировав закон: ни одно из живых существ в данной Вселенной не может проявить абсолютной воли. Даже гений из гениев, даже такой мощнейший интеллект, как Люцифер.

— Почему?

— Потому что и в рамках существующих законов остается достаточно простора для проявления воли настоящего Творца.

— У моего народа,— Такэда пошипел сквозь зубы, как истый японец,— существует поговорка: хи-ри-хо-кэн-тэн,— что переводится как: несправедливость—справедливость—закон—власть—небо. То есть несправедливость подвластна справедливости, та — закону, закон — власти, а власть — закону Неба.

— Хорошая поговорка, со смыслом. Но Люцифер не желает считаться с ...э, законом Неба, экспериментируя с самым страшным

из объектов-категорий абсолюта Хаосом. Абсолютный Хаос — больше, чем мрак.

— Но тогда закон Неба, или Вселенной,— больше, чем свет! Я имею в виду универсальный закон Шаданакара.

Зу-л-Кифл снова стал прозрачным, поголубел, стряхнул облачко молний на пол, извинился, задумчиво разглядывая инженера.

— Я понял, о чем вы говорите. Но не понимаете вы сами. Дело в том, что человеческие законы, законы нравственности, на макро и микроуровнях не действуют. Несправедливы. Задумайтесь над этим. Вселенной в общем-то нет дела до ее структурных составляющих, не способных объять мыслью всю Вселенную.

Толя помолчал.

— Вы хотите сказать, что для вселенных типа Шаданакара, Веера Миров, существуют другие универсальные законы? Не Добра и Зла?

— И даже не толерантности и справедливости. Ведь и эти законы созданы живым и для живого. Надеюсь, вы поймете. Вы хороший собеседник, Тоява Оямович. А также весьма проницательный Наблюдатель. И неоценимый спутник... м-м. Посланника.

— Благодарю,— поклонился Толя.

Номарх повернулся к Никите.

— Итак, Посланник, чем я могу быть вам полезен?

Сухов уже пришел в себя, но продолжал к чему-то прислушиваться, поглядывая при этом на Зу-л-Кифла.

— Вестник передал мне Весть, некий запас информации, закодированный таким образом, что я не могу читать его в спокойной обстановке. Весть включается, только если я нахожусь в стрессовом состоянии, в состоянии крайнего напряжения. Помогите мне перевести Весть из подсознания в оперативную память.

Тяжелые веки Зу-л-Кифла дрогнули, прикрывая глаза, пряча в их глубине не то насмешку, не то разочарование.

— У вас неверное представление о... Вести, Посланник. Весть — это не запись информации на молекулярном или атомарном уровне, это канал информации, по которому вы можете при соответствующем запросе получить любые сведения? Понимаете? Разумными существами Шаданакара, обитающими во всех хронах, создано универсальное поле информации, ментал или эйдос, как его называют у вас на Земле, и Весть — канал связи с этим полем. Вам надо научиться им пользоваться, после чего многие проблемы решатся сами собой.

На сей раз ответ мага выбил Сухова из колеи ненадолго, хотя и произвел сильное впечатление.

— Чего-то такого я и ожидал. Но один я не справлюсь с управлением Вестью... каналом.

— Справитесь, только нужен тренинг. Вы ведь не совсем обычный человек, Сухов, вы паранорм, и у вас уже заработала парапсихика, экстрасенсорная система. Дело за малым — разбудить запас «спящих», мобильно-депрегированных генов и подготовить себя к восприятию глубинных свойств мира, овладеть всеми формами гиперчувствительности и гипервоздействия.

— Телепатией, что ли? И телекинезом?

— Телепатия — не совсем верный термин, скорее — парасвязь, и не телекинез, а психокинез. Впрочем, не суть важно. Это лишь малая часть того, чему вам следует научиться.

— Малая часть?! Разве этого мало?

Зу-л-Кифл покачал головой. Никита шестым чувством ощутил, что маг потерял интерес: если не к нему, то к разговору. Но танцор не все еще выяснил, что хотел.

— Выход в эйдос даст вам возможности, о которых вы и не подозреваете,— добавил номарх.— Ясновидение. Прохождение сквозь предметы трехмерного мира. Полет по воздуху без крыльев и опор. Мгновенное преодоление огромных расстояний. Духовный слух и зрение, глубинную родовую память.

— Кажется, память уже начинает подчиняться мне.

— Значит, вы на верном пути. Но кроме перечисленного мной вы сможете овладеть способностью к раздвоению, то есть к многомерному копированию, к произвольному отделению психофизической матрицы от плоти, к общению с магами без помощи рации типа хоххи, а также способностью ощущать космические панорамы и перспективы.

— Хороший перечень,— с бледной улыбкой сказал Никита.— Но не потеряю ли я при этом человеческую сущность?

— Мне кажется, все будет зависеть от вас. Я еще не все перечислил, Посланник. В перспективе маг может овладеть творчеством высших гармоний, описать которые человеческим языком невозможно.

— Маг — может быть, но не человек.

— Вы ошибаетесь. Я ведь тоже принадлежу роду хомо, Человека Шаданакара, однако могу многое из того, что рекламировал. Конечно, все это непросто, но человека можно представить как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, излучений и сил. Кстати, в Шаданакаре существуют на много порядков более сложные суперпозиции, как разумных объектов или систем, так и не обладающих интеллектом и волей.

Сухов напрягся, снова прислушиваясь к чему-то, потом расслабился, вопросительно глянув на хозяина. Такэда заметил, что он то и дело замирает, как бы «выпадая» из разговора, но по мелькавшим в эти моменты огонькам в глазах Зу-л-Кифла, Толя понял, что Никита пытается общаться с магом напрямую.

— И как долго вы... тренировались, чтоб овладеть... всем этим?— Сухов неопределенно пошевелил пальцами.

— Магией? Двести лет,— спокойно ответил номарх.— Но я хочу подчеркнуть: я владею многим, но далеко не всем. Я еще достаточно молод и еще учусь.

Никита, ошеломленный услышанным, некоторое время собирался с мыслями. Двести лет тренинга его морально уничтожили. Он не был готов тренироваться столь долгий срок. Зу-л-Кифл понял чувства Посланника, но пояснять, что он имел в виду духовный тренинг, не стал. В свое время Сухов поймет это сам.

— Значит, вы мне не поможете.

— Я этого не говорил.

Никита недоверчиво посмотрел на мага, по губам которого скользнула улыбка.

— Вы хотите сказать... я могу надеяться? Хотя бы на половину?— Сухов имел в виду «половину» своего желания: если маг отказался бы от роли Седьмого, то хотя бы помог открыть канал Вести.

— Скорее да, чем нет.— Номарх снова спрятал глаза под веками.— Не обижайтесь. Мне придется испытать вас, и только после того...

— Я понял.— Сухов потемнел.— Бой? Без оружия, на мечах, на лазерах? Или нечто более изощренное? Скажем, голодовка, схима, испытание болью? Пытки?

— Кит,— одернул друга Такэда, видя, что танцор закипает.

— Отстань! — зло огрызнулся Никита.— Мне ставят условия! Кому нужны эти испытания? Формула стара, как мир: можешь помочь — помоги, а на нет и суда нет. Пойдем отсюда.— Он встал.— Мы и так опутаны условиями с ног до головы. Путь Меча, Путь Мысли, Духа... Почему я должен обязательно проходить Путь Меча? Кому это необходимо? Вееру? Люциферу? Мифическому Собору Веера?

— Прежде всего, вам,— тихо обронил Зу-л-Кифл.— Сядьте, Посланник, и выслушайте. Ко всем прочим уловиям добавьте еще одно — научитесь сдерживать себя. Кроме того, примите совет: научитесь радоваться препятствиям, научитесь выбирать более сильного противника и более умного собеседника, только тогда сможете подняться выше по лестнице совершенства. Что касается голодовки и пыток... В вашем мире жил человек по имени Бодхидхарма.

— Будда,— тихо сказал Такэда.— Под этим именем он известен больше.

— Ему принадлежит великолепное высказывание: «Если бы можно было достичь совершенства и освобождения от уз, привязывающих человека к земле, только отказом от мясной пищи и человеческих условий, то слон и корова давно достигли бы его».

Никита подумал и с красными ушами сел на место.

— Теперь поговорим о путях достижения совершенства,— продолжал маг, словно не заметив.— Путь Меча — это не просто красивая иносказательная формулировка достижения воинского профессионализма, это прежде всего путь приобретения уверенности и твердости духа, необходимых для достижения цели. Вы поставили перед собой цель, Посланник? Ведь уцелеть в схватке с СС и ЧК — не цель. Собрать семерку магов и выиграть очередную битву — тоже не цель. Нет, целью, достойной мага — и Бога! — может быть только спасение Вселенной! Ни больше, ни меньше. Под силу это вам, Посланник?

Никита не двигался, опустив голову. Уши и щеки его пылали.

— Поразмыслите на досуге,— Зу-л-Кифл вдруг подмигнул Такэде,— после того, как в вас перекипят злость и обида, вот тогда и поговорим о наших общих делах. Да и о судьбах тоже, вашей и моей.

Сухов молчал долго, никто его не торопил, потом резко поднял голову. Глаза его блестели веселой злостью, губы слегка улыбались.

— А ведь вы уже решили, маг... Вы будете Одним из Семерых. Или я ошибаюсь?

Зу-л-Кифл добродушно рассмеялся, махнул рукой и исчез. Из ниоткуда раздался его голос:

— Мы поговорим об этом позже.

Двое землян в изумлении дивились на пустое кресло.

— Иногда мне хочется тебя отшлепать,— обрел наконец дар речи Такэда.— Ведешь себя, как мальчишка.

— Нельзя,— проворчал Никита.— Я Посланник.

Селкит, появившаяся на вернаде, с недоумением обвела взглядом хохочущих гостей.

* * *

На время кемтессий половина Соут-Хорра вплоть до моста в старый город с пирамидами-усыпальницами охранялась кемтурами-воинами, призванными под знамена Закона и Мира. И еще ни разу со времен Падения, как называли на Айгюптосе битву сил Тьмы и Света, кемтессии не были отменены из-за каких-либо серьезных «партизанских» действий оставшихся в живых слуг демонов-игв вроде кинноров, призрачной нежити — Мороков, мбори, получерепах-полукрокодилов, и невидимок-баку, «сосудов Сатаны», находящихся с раруггами.

Все это сообщила Никите Селкит перед открытием праздника, но тот и без ее успокоения не чувствовал тревоги, уйдя с головой в репетиции (танцевал он один, без свидетелей, не впустив в ком-

нату, выделенную Зу-л-Кифлом, даже Такэду) и пытаясь решить проблему звукового сопровождения своего танца. Никогда раньше он не чувствовал такого подъема, желания выступить на пределе, изумить местных «театралов» и... покорить воображение Селкит. Своеобразная красота девушки будоражила кровь, опьяняла, кружила голову и звала к подвигам. О том, что будет с ним завтра, как повернутся события, Сухов не задумывался. Самое интересное, что воспоминания о Ксении, остужающие разгоряченное сердце, порождающие глухую досаду неизвестно на кого, раздвоенность и плохое настроение, вспыхивали именно от встреч с Селкит, хотя Никита старался не анализировать причин их появления. Но то и дело в памяти всплывал образ Ксении: от случайного ли жеста Селкит, от ее низкого, с бархатным тембром, смеха или от взлета бровей, когда она удивлялась чему-то. И душа бежала сама от себя, исходя странной тоской и бесформенными желаниями счастья...

Танцевальный конкурс кемтессий завершал праздник, следуя за состязаниями борцов и конкурсом певцов. Никита вознамерился было поучаствовать и в борьбе, показать класс, по ироническому замечанию Такэды, но Толе хотя и с трудом удалось уговорить друга не делать этого.

— Если ты победишь — в этом не будет ничего удивительно-

го,— привел он решающий аргумент.— Благодаря Селкит о тебе и так уже идет слава мастера единоборств. А вот если ты победишь в танце, сыграв на контрастах силы и гибкости, о тебе будут слагать легенды.

— Убедил,— кивнул Никита, с озабоченным видом.— Единственный прокол — музыка. Под рокот тамтамов мой танец не будет смотреться как должно.

Такэда промолчал, однако, улучив момент, поговорил на эту тему с Зу-л-Кифлом, и маг к вечеру принес откуда-то самый настоящий плейер с записью той самой мелодии, под которую танцевал Сухов перед встречей с Вестником.

— Как вам это удалось?! — Изумлению танцора не было предела.

Номарх в ответ только рассмеялся, исчезая по обыкновению, а Такэда, повертев плейер, философски заметил:

— Пути и дела мага неисповедимы. Мне кажется, что эта штучка только видится нам плейером, на самом деле Зу-л-Кифл мог прозондировать твой мозг и вытащить оттуда музыку, оформив ее под привычный нам аппарат.

Никита не возражал, довольный тем, что его проблема разрешилась.

Танцевальная часть кемтессий проходила на площади, окруженной «сфинксами», перед гигантским мавзолеем последнего кемтарха Риангомбе. Четыре «улицы»-аллеи спускались к площади уступами, образовав своеобразный амфитеатр, заполненный зрителями до отказа. Зрители располагались на террасах-ступенях амфитеатра стоя, что живо напомнило землянам их последний «конкурс» на выживание в мире индейской цивилизации.

Женщины выступали раньше, танцуя под «оркестр», состоящий из шести разнокалиберных барабанов и двух длинных, полуметрового диаметра, труб с отверстиями, издававших при шлепке по ним ладонью звуки, которые напоминали свист и кваканье одновременно. Танцевали поодиночке и парами, и целыми группами, и даже Такэда, никогда не реагировавший на женскую красоту, был заворожен ритмом, пластикой почти обнаженных женских тел, красотой и отточенностью их движений и поз, общим настроем легкости, грациозности, жизнеутверждающей силы и радости.

Селкит, танцевавшая в кисейной накидке и юбке из переливающихся всеми цветами радуги змеиных шкур, с прической в стиле «голова Нефертити», как назвал ее для себя Толя, победила дважды: в танцах индивидуальных и в паре с девушкой, похожей на нее, как сестра-близнец. Радостная, возбужденная, невероятно красивая, увенчанная короной и венками из огромных белых цветов, похожих на улыбающееся человеческое лицо, она нашла Такэду «на трибуне» рядом с отцом, и Толя, ревниво следивший

за Никитой, с грустью подумал, что винить Сухова не в чем: такая сказочная красота могла бы увлечь и Будду.

Наступил черед мужчин, среди которых единственным представителем белой расы был Сухов. Он выступал седьмым, практически после основных конкурентов, достоинства которых прокомментировала Селкит. Танцевали они великолепно, продемонстрировав каскад фигур и движений, отточенных поколениями искусных меднокожих «балетмейстеров», базирующихся на чувстве ритма и врожденной пластике, но Такэда видел выступление Сухова на Земле и ждал чуда, испытывая самый настоящий «мандраж», как перед выступлением на татами.

Никита вышел в центр площади, одетый в парео черного цвета и фиолетовую кисейную накидку с золотыми блестками. Замер, держа одну руку на сердце, другую вытянув вперед. Сложен он был ничуть не хуже предыдущих конкурсантов, и среди зрителей начался ропот, прекратившийся с первым же звуковым аккордом из включенного плейера. Огромная площадь замерла, пораженная тихой, но отчетливо слышимой мелодией, а потом Никита начал свой танец.

Впрочем, это был не просто танец, а целое представление, аллегорически передающее смысл термина «жизнь». Во всяком случае, так это понял Такэда.

Танцор начал в замедленном ритме, с плавных и гибких, буквально змеиных движений, перевернувших у Толи, да наверное и у большинства зрителей, все представления о пластике человеческого тела. Казалось, он лишился костей и переливается из позы в позу, как пластилин под пальцами мастера, как поток ртути, как слиток полужидкого металла, застывая иногда на миг в неожиданном повороте или немыслимой — буквально на одном пальце, как бы на взлете — позе.

Затем темп танца начал ускоряться, и танцор превратился в хищное многорукое и многоногое существо, подстерегающее и убивающее добычу. Но и разыгрывая представление об «охоте», Никита не забыл о ритме и красоте д в и ж е н и я, хотя и добавил гротеска в фиксацию скульптурно выразительных «хищных» поз, мастерски показывая то бесшумный полет орла, то мощный бег тигра, то стремительный бросок удава.

Последняя фаза танца, в основе своей русская плясовая, с абсолютно неожиданными поворотами, удивительно точными прыжками, внезапными аритмичными остановками, действующими на зрителей подобно удару грома, с акробатическими элементами вроде двойного сальто, и наконец с поразительным, приводящим в ужас и восторг, мистическим с к о л ь ж е н и е м по каменным плитам площади, как по льду, заставила всех оцепенеть. Даже Зу-л-Кифл выглядел завороженным, не спуская с танцора внимательных

оценивающих глаз. Что касается чувств Такэды, то он испытал непередаваемое эстетическое наслаждение, от которого хотелось плакать и смеяться одновременно.

Последний прыжок был самым высоким: Никита взлетел на добрых два с половиной метра и «ласточкой» нырнул вниз с этой высоты, раскинув руки в длинном и плавном — гораздо длиннее, чем это смог бы сделать нормальный человек, будь он даже спортсмен экстракласса,— полете. Танцор коснулся телом плиты, замер. Музыка оборвалась. Наступила полная, звенящая, ошеломляющая тишина... взорвавшаяся мгновением позже бурей восторженных криков.

Такэда обнаружил, что по щеке у него катится слеза. Глянул украдкой на Селкит: девушка тоже плакала! В глазах ее плескались восхищение и обожание. Зу-л-Кифл о чем-то задумался, глядя поверх моря голов зрителей. Проворчал, словно про себя:

— Похоже, человек все-таки эволюционирует.

Перехватив взгляд Такэды, добавил:

— Надеюсь, вы не обидчивы?

— Почти,— растянул губы в улыбке Толя.— У нас на Земле считается, что, став на общественный путь развития, человек перестал развиваться морфологически. Но ведь, наверное, не зря природа запрограммировала ему колоссальный запас нейронов мозга, который он использует пока на два-три процента, и резерв так называемых «спящих» генов?

— Не зря,— кивнул номарх, как бы заново оценивая собеседника.— Ваш друг — одна из «ласточек» нового вида — хомо паранорм. Если захочет, он поднимется до высот Вселенной очень быстро, тем более, что ему удалось сохранить канал Вести и подняться на второй уровень сознания.

— А сколько их всего... уровней?

— Семь.

Такэда пошипел сквозь зубы, выказывая тем самым свой скепсис, но сказать ничего не успел, сквозь толпу возбужденных «театралов» и судей к ним проталкивался довольный, чуть улыбающийся, но совсем не смущенный и не выглядевший усталым, Сухов.

— Поздравляю,— сказал Зу-л-Кифл.— Вы наверняка выиграли состязание.

Он оказался прав. Двух следующих танцоров никто почти не смотрел и не оценивал, все еще находились под впечатлением танца — и музыки — белого конкурсанта. Ему и был вручен «лавровый» венок победителя из метельчатых растений и тончайшей работы золотая чаша в форме обнаженной женской фигурки, держащей над головой сосуд.

— Я почти жалею, что втравил тебя в историю с Вестником,— шепнул Сухову Такэда, поймав момент.— Тебе надо танцевать,

а не мыкаться по лестнице Шаданакара в роли офицера связи. Кстати, как тебе удается выглядеть свежим после такой нагрузки?

— Пустяки,— равнодушно ответил Никита.— Экспресс-восстановление — и никакого мошенничества.

В сопровождении сияющей Селкит он направился во дворец номарха, Зу-л-Кифл и Такэда последовали за ними. Толя обратил внимание, что не ощущает жары, как прежде, хотя солнце стояло в зените, а повернув голову к магу, увидел, как тот кивнул, прочитав его мысль и ответив на нее: погода в этом регионе тоже подчинялась ему, как и люди.

А у моста, соединявшего плато селения с холмистой пустыней, их встретила группа молчаливых людей из трех человек исполинского роста. Стоящий впереди, чернобородый и черноусый, не смуглый, а какой-то синевато-сиреневый, одетый в черный плащ-тихон с откинутым капюшоном, был выше Никиты, да и Зу-л-Кифла, чуть не на целую голову.

Заметив, как напряглась спина остановившегося Сухова, Такэда взялся под одеждой за рукоять хардсана, но Зу-л-Кифл легонько тронул его за руку, останавливая, шагнул вперед, загораживая танцора и Селкит. Сказал тихо и приветливо:

— Добро пожаловать в наш мир, странники.

Чернобородый не ответил, глядя на Сухова прицеливающимся, холодным и темным взглядом. Голоса возвращавшихся с кемтессий зрителей смолкли, наступила гулкая тишина, нарушаемая лишь далеким звоном шадуфа, подающего на плато воду. Время словно остановилось, заставив окаменеть все живое.

Дуэль взглядов длилась не больше нескольких секунд, или вечность, по внутренней оценке Такэды. Троица, не сказав ни слова, повернулась и зашагала прочь, в пустыню. Но шаг ее был странен и ужасающ: каждым шагом они удалялись метров на сто, пока не исчезли за цепочкой скал.

С облегчением вздохнула Селкит, засмеялась, что-то говоря отцу. Задвигались и заговорили и остальные риангомбцы.

Толя обнаружил, что по спине его течет ручеек пота. Подошел к задумчиво глядящему вслед черным странникам магу.

— Кто это был?

Ответил вместо Зу-л-Кифла Сухов, и голос его был ровен и зловещ:

— Охотники, Оямыч, ЧК...

6

Визит «чекистов», охотников за головами из службы ликвидации СД, не только не выбил Никиту из колеи, но наоборот заставил

яростней взяться за тренировки и решиться на эксперименты с включением канала Вести, а также готовиться к Посвящению. Он окончательно осознал, проанализировав свое душевное состояние, что возврата к прежней жизни действительно не будет. В этом вопросе, если бы даже он захотел, ему не помог бы и Зу-л-Кифл. И Сухов начал готовиться к своей миссии Посланника всерьез.

— Почему «чекисты» не напали? — спросил его Такэда после празднования финала кемтессий, когда они остались в спальне одни.— И почему не сработал эрцхаор?

— Он сработал,— ответил Никита, укладываясь спать.

— И ты не сказал?!

— А зачем? Что бы это изменило? Зу-л-Кифл тоже знал о прибытии охотников... и естественно не дал им необходимой свободы.

— Но они будут ждать нас в темпорале.

— Пусть ждут.— Никита остался спокоен.

Такэда понаблюдал за ним немного, хмыкнул, лег тоже.

— Ты становишься воином, что равняется трети Посланника.

— Почему трети?

— Первая треть — творец, но эту «степень» ты уже подтвердил, как великий танцор, победитель кемтессий Риангомбе. Я не преувеличиваю. Вторая треть — великий воин, этой вершины ты еще не достиг, но идешь в правильном направлении.

— А последняя треть? — заинтересовался Никита, не дождавшись продолжения.

Вместо ответа Такэда повернулся к стене, помолчал и спросил с наигранным простодушием:

— А что-то сегодня ты так рано спать ложишься? Поссорился с Селкит?

Сухов пристально посмотрел на приятеля, словно пытаясь разглядеть его мысли, откинулся на подушки из меха камеланда. Признался:

— Меня тянет к ней, Оямыч. Селкит — не только красивая девушка, она... может быть, и не маг, но дочь мага, колдунья, так сказать, и очень неординарный человек.

— Как Ксения? — хотел спросить Толя, но прикусил язык, потому что Никита уловил его желание и добавил с неожиданной злостью:

— И в то же время она часто заставляет меня вспоминать Ксению. Прямо мистика какая-то!

Толя снова промолчал. Разговор о «трех составляющих» души Посланника увял. Такэда в силу своей врожденной тактичности не стал говорить в лоб, что третьим необходимым «ингридиентом» личности Посланника был романтизм, вернее, способность к «великой любви» в самом широком смысле этого слова, но Сухов должен был догадаться об этом сам.

Наутро после полуторачасовой зарядки-тренировки и завтрака зашел к гостям Зу-л-Кифл и повел их в пустыню, но не в «черные земли» со следами битвы воинства демонов и магов, а в другую сторону, к недалекой горной цепи. Уже через три километра песчаные дюны закончились, и с холма путешественникам открылся вид на оазис исключительной красоты, скрывавшийся в гигантском рифтовом разломе.

Глубина почти отвесных слоистых стен разлома достигала не менее двух километров. По его дну текла довольно широкая река серебристого цвета, берега которой поросли лесом знакомых светлокорых, с зонтичными кронами и листьями-метелками, деревьев. Кое-где сквозь заросли проглядывали сверкающие зеркала озер, красивые группы скал, искрящиеся слюдой оранжево-желтые языки и россыпи камней, а среди скал бродили гигантские бронированные звери, похожие на динозавров из мезозоя Земли, но отличные от них явным налетом осмысленной деятельности. Звери... строили пирамиду! Точно такого же гиганта Сухов и Такэда встретили на водопое после выхода из темпорала.

— Нгана-Суубха,— сказал Зу-л-Кифл, оглядывая долину из-под козырька руки. Найдя то, что нужно, он вытянул руку вперед, сжав ее в кулак. С костяшек пальцев сорвалась ярко-зеленая молния и унеслась в долину. Не говоря больше ни слова, маг жестом пригласил землян следовать за ним.

Спуск в долину длился всего полчаса: тропа явно была создана искусственно, превращаясь иногда в широкую лестницу из ступеней-террас.

Такэда, размышлявший над последними словами мага «Нгана-Суубха» — лингвер перевел их как «Древние» или «Предтечи»,— все-таки решился выяснить их значение, и Зу-л-Кифл, отвечая на вопрос, пояснил:

— В отличие от Земли на нашей планете существуют целых три ветви разума, причем Суубха — те самые бронезавры в долине — более древняя, чем человеческая. К сожалению, миллион лет назад они выступили на стороне первого Синклита Четырех, то есть на стороне Хаоса, что отбросило их эволюционно на сотни тысяч лет назад. Но среди них есть и гиганты мысли, опередившие собратьев на многие тысячи лет.

— Вы... симпатизируете им?

Зу-л-Кифл покосился на невозмутимую физиономию инженера.

— Дети не отвечают за преступления родителей, не так ли? Это этическая норма, почти универсальная. К тому же новая волна Суубха живет и мыслит по-новому. Они — мои друзья и помощники, как и Нгана.

—Э-э? — сказал Толя.

— Нгана — это растительная форма разума, рощи из «мысля-

щих» деревьев с зонтичной кроной. На Айгюптосе они появились сотни миллионов лет назад, гораздо раньше бронезавров Суубха.

— Мы заходили в одну из таких рощ,— сказал Никита,— но испугались пси-давления на мозг. Кстати, Суубха, которого мы встретили, уполз в рощу. Они живут в симбиозе?

— Не совсем, вернее, симбиоз односторонен: деревьям Суубха нужнее, а те вообще могут обойтись без Нгана, потому что питаются минералами.

— Мы идем к ним в гости?

— Каждая цивилизация во всех хронах имеет мыслителей высокого класса, опережающих соплеменников по уровню развития. Мы идем к такому мыслителю.

— Зачем?

— Я не всесилен. Для того, чтобы помочь вам, мне необходима консультация. Да и не только.

Зу-у-Кифл вдруг замедлил шаг, назмурился, глядя вверх.

— Мне это начинает надоедать! Придется заняться ими всерьез.

Никита быстро глянул на перстень — в камне светилась перевернутая пентаграмма, «знак дьявола» — и перевел взгляд на скалу. На краю обрыва неподвижно высились три черные фигуры. Исчезли, словно удостоверившись в том, что их заметили.

— Выходит, они не ушли,— произнес Такэда, сжимая рукоять лазера. Как истый оруженосец он продолжал носить с собой оружие «рыцаря»: хардсан, нервайлер, вардзуни и транскоф,— хотя покровительство мага в этом мире было надежнее любого оружия.

Зу-л-Кифл продолжил путь.

Вскоре они достигли первых деревьев, вблизи которых Никита начинал слышать странный «шепот», повернули вдоль реки, не обращая внимания на встречающихся «бронезавров», провожающих их взглядами, и вышли к одной из пирамид, оказавшейся почти прозрачной, словно собранной из стеклянных кирпичей.

Шесть или семь особей Суубха, обступивших пирамиду, не обратили на людей никакого внимания. Они всматривались в прозрачную глубину, пребывая в странном гипнотическом трансе, напоминая группу курильщиков опиума.

Зу-л-Кифл обогнул пирамиду, вывел спутников к холму с живописной грудой камней, похожих на древние развалины, и жестом предложил сесть на обломки скал. Через некоторое время из рощи Нгана у подножия холма донесся шелест, из-за деревьев показалась апокалиптическая фигура ящера Суубха, одетая в чешуйчатую, зеркальную броню. Над сидящими людьми нависла кошмарная, рогатая, со множеством наростов и светящихся деталей, но с умными, пронзительно желтыми глазами, морда зверя. Впрочем, после встречи с его глазами зверем эту громадину назвать уже не поворачивался язык.

— Суубха Сеттутеп приветствует Посланника,— раздался в голове Никиты тихий дружелюбный голос.

«Посланник приветствует Суубха Сеттутепа»,— хотел ответить Сухов, но у него вдруг так сильно и болезненно задергало плечо со звездой Вести, что он забыл приготовленную фразу и схватился за плечо. В следующую секунду удивительная пронзительная ясность хлынула в голову, поразительная глубина понимания с у т и происходящего открылась перед в н у т р е н н и м взором Никиты, Вселенная вошла в его распухшее тело, и сам он превратился во Вселенную, ощущая ее колоссальную протяженность во времени и пространстве, изменчивость, пульсацию энергий и многомерных информационных потоков...

Длилось это состояние недолго, буквально доли секунды, затем жаркий вихрь боли очистил тело от чувств, а голову от мыслей, оборвал сознание... также на доли секунды, и Сухов ощутил себя стоящим на ватных ногах рядом с Зу-л-Кифлом; маг поддерживал его под локоть.

Пока он приходил в себя, между Суубха Сеттутепом и Зу-л-Кифлом произошел пси-разговор.

— Он слаб,— сказал мысленно «бронезавр».

— Он способный ученик, и у него большой потенциал,— возразил маг.

— Человек по натуре эгоистичен и властолюбив. Вся история земного человечества подтверждает формулу: кто вкусил власти — никогда добровольно ее не отдаст. Если ваш гость найдет выход в эйдосферу, он обретет власть.

— Вы пессимист, Сетту. Земляне действительно двойственны по природе, как и хаббардианцы, однако они талантливые творцы и способны на великие деяния.

— Они подвержены резонансам: ненависти, злобе, страху, лжи...

— ...симпатии и любви.

— Я не одобряю вашего решения, архонт... но помогу ему.

— Я это знал.

— Да и я тоже. Он мне сразу понравился. Да и нельзя лишать человека шанса. Пусть попробует.

Разговор этот длился четверть секунды. Никита остатком сверхчувственного озарения уловил его, но из-за высокой скорости пси-обмена и объемности передаваемого массива информации понять не сумел.

Аудиенция закончилась.

Зу-л-Кифл повернул Сухова лицом к спуску с холма и повел, спотыкающегося, вниз. Озадаченный Такэда засеменил следом, оглядываясь на задумчиво глядящего им вслед гиганта Суубха.

— Приходите еще, Посланник,— услышал Никита тот же голос.— Побеседуем.

Сил оглянуться не было, и Сухов ответил мысленно:
— Благодарю за прием, Сетту...
Зу-л-Кифл засмеялся, мысленно подмигивая «бронезавру»:
— Я же говорил, что он способный ученик.

Еще трижды приходил Сухов «на прием» к динозавроподобному мыслителю из породы Суубха, чей род был гораздо древнее расы Зу-л-Кифла, и каждый раз чувствовал себя все смелее, сильнее и раскованнее в диалоге с Вестью. Канал связи с эйдосом, колоссальным полем информации Веера, начал потихоньку подчиняться ему, хотя хрупкий человеческий организм вряд ли мог позволить полноценный контакт, для этого требовались энергии по крайней мере на порядок выше, чем давала химическая, окислительновосстановительная энергосистема человека. И все же Никита не терял надежды, чувствуя пробуждение экстрасенсорного резерва и памяти поколений. Для полного подключения «к Космосу» по его мнению требовалось совсем немного времени.

Такэда не разделял его оптимизма, зная о ресурсах человеческого тела больше, чем танцор, однако ни на йоту не отклонялся от принципа: другу — все, в том числе поощрение и поддержку, себе — что останется. Даже видя развитие отношений Сухова с Селкит, он не счел себя вправе высказать порицание, хотя был уверен, что Ксения жива и ждет их. Где? Он не знал. Хохха молчала. Не знал о местонахождении художницы и Зу-л-Кифл, не удивившийся вопросу Такэды: маг знал, кто она такая и почему о ней печется «оруженосец» Посланника. Но помочь найти ее он не мог.

Толя и не ждал чуда, стоически воспринимая любые повороты судьбы, как своей собственной, так и друзей, хотя за них он переживал больше.

С интересом наблюдая взаимодействие Сухова и «бронезавра» Суубха по имени Сеттутеп, Толя пришел к выводу, что тот в какой-то мере исповедует принципы земных восточных цивилизаций. Если земная западная медицина лечила конкретную болезнь, то восточная — конкретного больного, и Сеттутеп пользовался второй моделью, идя путем психофизического отождествления с объектом исцеления, коим был Сухов. Правда, «исцелять» надо было, по мнению Толи, слишком много, причем избирательно, не касаясь этических норм и человеческой сути, но он надеялся, что «Зу-л-Кифл не благословил бы этот контакт, предвидя отрицательный результат. На вопрос же Толи: «Почему не вы помогаете Посланнику овладеть новым знанием?» — маг ответил:

— Потому что Суубха сделает это лучше. По сути, вы шли к нему. Помните, Сухов говорил о некоем целителе-маге, который способен «включить» Весть? Информацию об этом целителе он рас-

шифровал правильно, но неверно интерпретировал ее, посчитав, что я и есть тот самый целитель.

— Но ваша дочь говорила, что вы «излечиваете» мир.

— Она сказала правду. Но я лечу мир не как врач, а скорее, как ассенизатор, очищаю его от следов войны и контролирую попытки просачивания Хаоса. Что, кстати, не всегда удается.

Такэда подумал о трех функционерах ЧК, проникших на Айгюптос. Зу-л-Кифл согласно наклонил голову.

— Вы угадали. Конечно, на моей территории, то есть в моем хроне, они не могут открыто делать все, что им вздумается, но и я в свою очередь не могу запретить им посещать этот мир через темпорал.— Маг с сомнением посмотрел на Толю.— Я вас не убедил, кажется, в вопросе с Посланником.

— В общем-то, не совсем,— признался инженер.

— Дело в том, что Сеттутеп — бывший Посланник. Он был Посланником еще до Битвы, и с тех пор живет здесь, на родине, где родился и вырос. Его возраст достиг десяти тысяч лет. Но не это главное. Посланники отбираются Собором Веера по одному качеству, которое нельзя выразить одним словом земного языка. Ближе всех по значению слов, способных хоть как-то это качество обозначить, будут такие далекие по смыслу слова, как — индивидуализм, благородство, честолюбие, стыд, патриотизм, успех, слава, признание, искусство, профессионализм, доброта.

— Так много?! — Такэда был шокирован.

— Немало. Но качество это синтезировано именно таким количеством понятий. И Суубха Сеттутеп работает с Суховым в резонансе, что намного ускоряет процесс.

Кажется, я вступаю в область запретного для нормального человека знания, подумал Такэда с мимолетным сожалением. Скоро Никита сможет обходиться без моей помощи, а мне... мне придется вернуться на Землю. Что ж, у каждого свой путь. Хорошо, если Никите удастся избавиться от «мусора» вредных привычек и налета спеси. Вряд ли они входят в необходимое качество Посланника.

Такэда не зря сомневался в скором исчезновении «мусора». После очередного сеанса общения с Суубха Толя стал замечать любопытные вещи: то Сухов, сам того не замечая, перепрыгнул без разбега шестиметровую трещину в земле, то сломал кресло, упав в него с видом полного изнеможения, то замедлил полет бокала с напитком, так, что тот не разбился. Никита уверенно приобретал навыки мага. А когда Толя сообщил ему о своих наблюдениях, танцор, поэкспериментировав на природе, поверил в свои силы и решил, что встреч с «бронезавром» достаточно. Тем более, что и те маленькие чудеса, которыми он овладел, действовали на Селкит в превосходной степени.

Решение Сухова заставило Зу-л-Кифла отложить свои дела, отослать Селкит в одну из провинций якобы для выполнения неотложного задания и вызвать танцора на разговор.

Выслушав доводы Никиты, маг не стал осуждать его открыто, зная, что упрямство от этого становится только крепче. Помолчав, он сказал:

— У вас на Земле существует притча о трех мастерах кунг-фу. Слава о каждом из них обежала всю Поднебесную, и однажды они встретились, чтобы продемонстрировать свое искусство и выявить, чье мастерство выше. Собрав народ, они объявили о состязании, предложив бросать в них камни. Первый очень ловко увертывался от града камней, так что в него никто не мог попасть, до второго камни просто не долетали, а в третьего мастера,— Зу-л-Кифл совсем опустил веки, пряча проницательный взгляд,— никто не бросил ни одного камня.

— Спасибо, я понял,— нетерпеливо кивнул Никита; его мысли витали далеко отсюда.— Конечно, мне еще многому предстоит научиться, и все же с этим я теперь справлюсь сам. Куда вы спрятали Селкит?

— Она помогает мне... в некотором роде.

— У меня ощущение, что вы прячете ее от меня.

Зу-л-Кифл нахмурился, затем вздохнул и сказал с грустью:

— У вас кружится голова, Посланник. Впрочем, как и у моей дочери. Но Суубха Сеттутеп прав: вы, люди, все еще живете в этическом неолите. Поступайте, как хотите, но я бы все-таки посоветовал вам познать в с е свои возможности, чтобы не ошибаться в оценке ситуаций. Даже в нынешней.

— Вы так и не ответили на мой вопрос: вы согласны стать одним из Семерых или нет?

Зу-л-Кифл отвернулся от Сухова и прошелся вокруг бассейна с изумительной прозрачно-голубой водой; разговаривали они на «веранде» во дворце мага.

— В принципе, я на стороне сил закона, света, созидания и творчества, хотя и не за счет узурпации свободы и творческой инициативы других. Но Люцифер выступил не только против воли создателей, подвергнув смертельной опасности все цивилизации Шаданакара, но и против Универсальной Этики Веера, имеющей характер и силу закона, которому подчиняются хроны-Вселенные. Поэтому я с вами. В нужный момент я приду.

— Благодарю.— Никита сделал шаг к выходу, но остановился.— У вас есть какие-то принципиальные возражения против моих встреч с вашей дочерью?

— Принципиальных нет. Но...

— Я понял. Извините. Я найду ее. А завтра, вероятнее всего, покину ваш дом... и мир.

— Поступайте, как знаете, Посланник, хотя я и не одобряю поспешных действий.

— Один вопрос.— Никита заколебался, руководствуясь ложной гордостью, ослепленный своими успехами в овладении Вестью. Но все-таки пересилил себя.— Мне все время талдычат об этике Пути, о поисках своего оружия, то есть меча... Почему обязательно меча? Разве меч — лучшее оружие?

— Вы убедитесь в этом при Посвящении, когда найдете его. Овладение мечом — это, по сути, овладение энергиями, необходимыми для преодоления Пути. И еще: ваш меч не только универсальное оружие, равного которому нет во всех Мирах Веера, но и концентратор волевых усилий, генерирующих любое гипервоздействие, а также одновременно эффектор, реализующий эти воздействия. Я понятно выражаюсь?

— Более или менее,— кивнул Никита.— Еще раз спасибо за все.

Ушел он в менее мажорном настроении, чем явился, но Зу-л-Кифл скептически оценил свои усилия по воспитанию строптивца. Он знал, что мудрость не приходит мгновенно, как озарение, и Сухов все равно поступит по-своему.

Такэда дважды пытался уговорить друга продолжать контакты с бывшим Посланником, но Сухов был непреклонен. Каким образом он отыскал Селкит в горах Суангай, Толя не знал: может быть, с помощью Сеттутепа, а может, и сам, воспользовавшись новыми возможностями. Но вернулся танцор из похода в горы один, угрюмо-разочарованный, обиженно-злой, полный решимости добиться поставленной цели. Какой — не знал, наверное, и он сам.

— Собирайся,— сказал он обрадованному (жив, неслух!) Такэде.— Уходим.

— Прямо сейчас?

— А у тебя здесь остались какие-то дела?

— Нет, но... некрасиво как-то... уходить неожиданно. Попрощаться хотя бы надо.

— Зу-л-Кифл знает, а Селкит... с ней я... попрощался.

Толя с любопытством оглядел лицо Сухова, переодевавшегося в голубой комбинезон, начал переодеваться сам.

— Ты что, поссорился с ней?

— С чего ты взял?

— На тебе лица нет.

Никита натянул комбинезон, поправил рукава, пояс, потом вдруг швырнул на пол нервайлер.

— Я вел себя, как свинья!

— Ну, это нормальное твое состояние,— произнес Толя.

Сухов шутки не принял. Он вообще ничего не слышал, заново

переживая, видимо, встречу с Селкит. Но подробности встречи пересказывать не стал, сказал только:

— Она права. Нельзя обнимать ону, вспоминая при этом другую. Кто-то околдовал меня. То ли Селкит, то ли... Ксения. Не знаю. Но разберусь! — Последнее слово Сухов произнес с угрозой, будто забивая гвоздь.— Готов, оруженосец?

Толя был готов. Однако он помнил и о другом.

— Те трое ждут нас где-то неподалеку.

— Пусть сунутся! — Глаза Никиты сверкнули. Он поднял вардзуни, и с наконечника копья слетел рой маленьких молний, вонзился в стену комнаты, проделав в ней множество отверстий, образовавших буквы, которые в свою очередь сложились в слова: «До свидания, Седьмой!»

— Э-э... кхе-кхе,— сказал Такэда, прокашлялся.— Мне кажется, ты все равно неправ. Кое-чему ты, конечно, научился, спору нет, но осторожнее не стал.

— Следуй за мной, самурай.

— Куда? Разве мы пойдем к темпоралу пешком?

— Нет, но я хочу посмотреть на город в последний раз. Оттуда и прыгнем через транскоф.

Никто из них не задерживал, не интересовался, куда они направляются, никто не смотрел им вслед. Такэде стало грустно, он не привык уходить, не поблагодарив за гостеприимство, однако и ссориться с упрямцем не хотел, подумав, что Зу-л-Кифл поймет их и простит. Он не знал, что маг давно определил все нюансы поведения землян и вычислил траекторию их «свободного полета».

Город встретил их зноем — Зу-л-Кифл снял метеорологический контроль — и неприятным сухим ветром, гнавшим по аллеям и площадям потоки текучей, похожей на зелено-серый дым пыли. Некоторые из этих потоков казались живыми, подолгу кружа возле людей, но Никита ничего не замечал, упорно шагая вперед, пока Толя не понял, что танцор идет к колодцу с призраком Веб-Шабель. Догнав, встал на его пути:

— Зачем тебе это?

Сухов остановился, с изумлением глянул на Толю, огляделся, провел рукой по лицу, словно стирая паутину.

— О дьявол! Где мы? Я же только хотел посмотреть на город сверху, на сфинксов...

Липкий, обволакивающий сознание страх пронзил Такэду, заставил оглянуться, схватиться за оружие. Закружилась голова, ноги стали рыхлыми и слабыми, будто из них вынули кости.

— Дьявол! — повторил Сухов спокойнее.— Он меня вел!

— Кто?

— Веб-Шабель... тень Люцифера. Надо же, какая сильная тварь!

— Не ходи туда. Зачем он тебе?

— Вопрос стоит так: зачем ему я. Может быть, затем, чтобы еще раз заглянуть в меня, попытаться подчинить изнутри... Хорошо, что это не сам Денница. Пожалуй, ты прав, к колодцу мы не пойдем. Но я не уверен, что не вернусь сюда.

Успокоившись, они сделали круг по городу, попрощались со сфинксами и храмами, постояли у моста, а возвращаясь, наткнулись на лошадиноголовых кинноров. Однако кентавры-наоборот и на этот раз не стали нападать на людей, поглазев на них с безопасного расстояния и растворившись в колоннаде ближайшего здания. Никита задумчиво смотрел им вслед, пока Толя не напомнил о себе. Тогда Сухов раскрыл транскоф, приготовился прыгнуть в зеркальный прямоугольник входа, но вдруг задержался и поднял голову:

— До встречи, Седьмой.

— До встречи, Посланник,— раздался ниоткуда, с небес, могучий и грозный голос, так что дрогнули дома вокруг, сфинксы и даже земля. И Толя Такэда.

Никита вскинул руку, сжатую в кулак, и прыгнул в зеркало транскофа, держа наготове копье вардзуни. Прошептав: «Не обижайтесь, Зу-л-Кифл»,— Такэда последовал за ним и не услышал, как невидимый маг засмеялся в ответ.

7

Программа новостей закончилась.

Толя поколдовал с переносным пультом, переключая каналы, но ни одна программа не заинтересовала его, и он выключил телевизор.

Из ванной вылез распаренный, разомлевший и счастливый, что наконец отвел душу, Никита, одетый в чужой махровый халат. Волосы его блестели, рассыпавшись по плечам. Он был тщательно выбрит, хотя и оставил бакенбарды, но отсутствие усов и бороды вернуло ему прежние двадцать с небольшим.

— Что нового? — Кивок на телевизор.

— Ситуация стабилизируется медленно,— сказал Такэда, разглядывая похудевшее лицо танцора.— Видимо, наш друг Вуккуб за время нашего отсутствия мало что успел сделать. Во всяком случае, в Афганистане и Ираке он не был, война там длится до сих пор. Да и в Лиге не все в порядке, Закавказье все еще воюет.

— А у нас дома?

— Лиги, в принципе, больше не существует. Украина окончательно откололась, закапсулировалась, там сейчас режим не лучше, чем в фашистской Балтии. К сожалению, со сменой президентов границы не перестали существовать, как и таможни-волкодавы.

Россия выживет, судя по стабилизации рубля и медленному, но подъему производства. Что тебя еще интересует?

— Никита подошел к стене, на которой висела картина в стиле Константина Васильева: русский воин в кольчуге и доспехах срубает голову гиганту-татарину.

Квартира, в которой они находились, принадлежала Роману, первому тренеру Никиты по россдао. Хозяин предоставил ее нежданным гостям, и друзья кейфовали, впервые за много месяцев почувствовав себя, как дома.

— Что ты там увидел? — проворчал Толя, продолжая неторопливое чаепитие, от которого он успел отвыкнуть.

— Эмоциональная вещь,— кивнул на картину Сухов. Отошел от нее и сел в кресло напротив Такэды.— Помнишь «видеомы» Вознесенского, поэта, так сказать? Я только сейчас понял, насколько этот «поэт» презирает и ненавидит своих читателей и зрителей. Ну не любишь ты себя и презираешь — Бог тебе судья! Но зачем же говорить об этом вслух? Это что — высокая поэзия? Сигарета в заднице — это высокое искусство?

— Поэзия дерьма.

— В самую точку, Оямыч. Сатана его задери, Вознесенского. А хорошо быть дома, а, самурай? Конечно, в своей квартире я чувствовал бы себя лучше, но прошлого не вернуть. Кстати, и машина не помешала бы, а?

Такэда согласно кивнул.

Сухов налил себе чаю и на время замолчал, блаженно отхлебывая пахучий напиток. А Толя вспомнил, как они возвращались на Землю...

Посыл транскофа на сей раз был точным (Никита научился управлять им без ошибок и сбоев) — вышли они прямо в камере сдвига, залитой сиреневым светом. Но Такэда оказался прав: их ждали.

Их ждали во всех помещениях темпорала, в том числе и в камере сдвига, и единственным преимуществом беглецов было их незнание того, что внутри темпорала нельзя применять оружие. Таков был один из основных законов жизни этого объекта, по сути, разумного, существующего сразу во всех Мирах Веера, выращенного искусственно в одном из хронов-лабораторий Люцифера, но «откорректированного» Семеркой магов-создателей после Битвы таким образом, чтобы сетью темпорала могли пользоваться не только демономаги: игвы, ругги, маги рангом пониже из «свиты Сатаны» и просто исполнители дьявольских приказов, но и законопослушные жители Веера.

Такэда вывалился из тоннеля транскофа в тот момент, когда Сухов барахтался под наброшенной на него двумя «коммандос» сетью, и с ходу выстрелил в одну из черных фигур из хардсана.

Тусклый в сиреневом свете камеры луч пронзил «чекиста» насквозь и воткнулся в стену кокона, образовав в ней яркую светящуюся опухоль. В то же мгновение внутри Такэды — не то в голове, не то в груди — лопнула граната боли, лишив его подвижности и контроля над мышцами. Видимо, то же самое, только в разной степени, почувствовали и все, кто находился в камере. Пронзенный лазерной трассой «коммандос» съежился, как проколотый воздушный шарик, но не лопнул, не упал и не умер, а его напарник отскочил к стене, растопырив руки — целых четыре! — как богомол.

Сухов выпростался из-под сети, поднял вардзуни, поморщился, потер виски.

— Чем это ты их угостил?

— Лазер.

— Такое впечатление, что ты выстрелил мне в ухо.

— Да и себе тоже. Наверное, это реакция темпорала.

— Да уж, наверное.— Никита навел вардзуни на замершего «чекиста».— Забирай приятеля и выметайся. Живо!

— Не надо — энергия,— четко выговорил «чекист», лицо которого смутно белело из-под капюшона.— Мы уйдем. Еще энергия — небытие. Всем внутри. Независимо. Захлоп слоя. Небытие.

Сухов двинул копьем.

— Убирайтесь. Передай всем своим в коконе: чтобы через минуту ноги вашей здесь не было!

Четырехрукий монстр убрал под плащ нижнюю пару рук и, поддерживая приятеля, уменьшившегося в объеме втрое, вывел его из камеры. Опухоль на стене камеры перестала светиться и оплыла, рассосалась. Такэда почувствовал, что может двигать руками и ногами.

— Переведи, что он сказал.

— Я не знал, что здесь нельзя стрелять, то есть «выделять энергию». Темпорал может обидеться и схлопнуть местную станцию хроносдвига, уничтожив все и всех, кто находится внутри. «Небытие». Понял?

— Он что — живой?

— А разве ты не слышал его крика? Он многомерен и живет не так, как мы с тобой, но живет. Пожалуй, он единственное на весь Веер существо, живущее сразу во всех хронах.

Такэда помолчал, по-новому глядя на обстановку камеры темпорала, с удовольствием проводил тающий след боли в груди.

— По-моему, скучно ему тут... в неподвижности.

— Скучно? Не думаю. Он ощущает в с ю лестницу Шаданакара, читает мысли в с е х существ, путешествующих по... по его нервной системе, если можно так выразиться, черпает информацию во всех Мирах Веера... Он гораздо богаче нас с тобой, Оямыч, а главное, терпеливее.

— Что-то я этого не ощутил — чуть сознание не потерял!

— А ты поставь себя на его место. Выдержал бы ты спокойно, скажем, неожиданный укол в задницу?

— Не знаю,— честно сознался Такэда.— Но я ограниченный человек, и мне трудно представить задницу у темпорала. Тому, что он — живое существо, я не очень удивляюсь, но наделять его чертами личности... не знаю, не знаю. Между прочим, если тебе об этом было известно, мог бы и предупредить.

— Ни сном, ни духом! «Пакет» знания пришел только сейчас. Все-таки канал Вести срабатывает позже, чем надо. Извини, Отшельник,— обратился Сухов к потолку камеры, прислушиваясь; кивнул, словно получил ответ.— Нас простили. И ты кое в чем прав, Оямыч. Отшельнику, наверное, скучновато жить в неподвижности. Ну-ка, пошли со мной, у меня идея.

Они вышли из камеры с сиреневым дымным светом в медово светящийся коридор. Никого из «черных коммандос» здесь не оказалось. Никита уверенно направился по коридору налево.

— Как ты его назвал? — вспомнил Такэда.

— Отшельник,— улыбнулся Сухов.— Впрочем, имя — не главное, главное — что ты чувствуешь, когда его произносишь.

Толя не понял танцора, но переспрашивать не стал.

Коридор, извиваясь, как живой, вывел их к «складу». Правда, Толя не был уверен, что они шли: скорее всего, темпорал просто создавал иллюзию движения, демонстрируя возможности многомерного бытия.

Склад был как склад: множество светящихся ячей, с десяток — темных, указывающих на то, что им пользуются. Никита огляделся и уверенно сунул руку в одну из шестиугольных крышек. С тихим шипением крышка погасла, расползлась желтым дымком, а из образовавшегося отверстия выпал какой-то суставчато-коленчатый сверток, тут же развернувшийся в жуткую четырехлапую и четырехногую скелетообразную фигуру из черно-зеленого чешуйчатого металла с крысиной на вид, металлической головой. Замерла, развернувшись, как пустая шкура — без мышц и позвоночника. Вид она имела достаточно устрашающий.

Такэда, по привычке схватившийся за рукоять хардсана, хмыкнул.

— Скорлупа. Но похожа на скафандр... или на экзоскелетный костюм-механизм.

— Ты угадал, инженер, это именно экзоскелетон, устройство для увеличения мышечных усилий. Оно предназначено не для человека, но для наших целей сгодится. Если бы это был скафандр типа тех, что носит команда Хуббата, можно было бы жить спокойно.

Никита шлепнул ладонью по морде механизма, и тот засеменил

к выходу, как громадное насекомое. В таком порядке: механическая «шкура» — Сухов — Такэда,— они и вернулись к мигающей фиолетово-оранжевыми звездами двери камеры хроносдвига. Сухов поколдовал вокруг «шкуры», поглаживая ее то спереди, то с боков, то по голове, отобрал у Такэды хардсан и нервайлер, всунул их в лапы механизма, и тот затопал в камеру, равнодушный ко всему, что происходило вокруг. Скрылся за дверью.

— Надеюсь, он-то не живой? — сардонически осведомился Такэда.— Не родственник нашим друзьям из СС?

— Не родственник,— успокоил Толю Сухов,— обычный кибер с линейной программой, но худо-бедно команды кое-какие, альтернативно кодированные, может выполнять самостоятельно. Заходи.— Они вошли в камеру.— Я запрограммировал его на разминирование пути, если на Земле нас ждет засада. Что с тобой? — Последний вопрос Никита задал, заметив, что Толя смотрит на него со странным выражением.

— В твоем лексиконе появились необычные выражения: «кибер» с линейной программой, «альтернативно кодированные», «экзоскелетон»... А ведь ты чистый гуманитарий, далекий от любой техники и инженерной терминологии.

— Совершенствуюсь,— отмахнулся Сухов.— Не рефлексируй, ничто научно-инженерное не чуждо и лирикам.

Камень эрцхаора на пальце танцора высветил в воздухе объемную фигуру, напоминающую пятиконечную звезду и человечка одновременно. Мерзкий чешуйчато-лапчатый механизм исчез. А потом в бездну хроноскважины провалились и люди...

Куда делся запрограммированный Суховым кибер, Такэда так и не понял. Они спокойно вышли из камеры сдвига, забрались на склад, взяли вардзуни и по тонкому кинжалу, которые раскопал Никита, настроили транскоф, не выходя из кокона темпорала, и вышли из такого же дипломата уже в трехмерной реальности Земли. Как оказалось, в доме Вуккуба, который правда отсутствовал, зато оставил им странную записку: «Посланник, берегитесь черных рук».

Задерживаться у Вуккуба не стали: переоделись по весеннему сезону в то, что было для них приготовлено — Вуккуб явно знал, когда они вернутся, и даже оставил деньги,— и отправились в аэропорт Душанбе, удостоверившись, что никто за ними не следит. Через четыре часа они были в Москве...

— Чай прекрасен,— сказал Никита, откидываясь на спинку кресла.— Ты мастер не только в цукими-юкими на татами, но и в чайной церемонии. Можешь наниматься в любой японский ресторан.

Сухов дразнил друга, пребывая в хорошем расположении духа, намекал на его «японскую половину» натуры. Цукими в переводе

с японского означало — любование луной, а юкими — любование снегом.

— Если хвалишь, говори — аната, что значит «вы»,— назидательно проговорил Такэда.— Японцы вежливый народ.

— Этого у них не отнять,— согласился Никита.— Потому что они всех боятся.

Толя мгновенным движением кисти метнул в него чашку с остатками чая, но танцор без усилий поймал ее, не пролив при этом ни капли.

— Но вообще-то я бы поел чего-нибудь,— продолжал он тем же безмятежным тоном.

— Колдани,— предложил Такэда.— Колдун ты или нет? У Романа все равно холодильник пуст.

— Во-первых, я не колдун, а во-вторых, ты сам говорил, что законы физики нашего хрона не позволяют работать магии слова, жеста и мысли. Разве нет?

— Наверное, да. Но существует такое понятие как «порог мысленного контроля», и хотя в земных условиях, да и вообще в нашей вселенной, он очень высок, преодолеть его можно. Преодолевает же Вуккуб.

— Значит, он маг более высокого класса.— Никита с подозрением глянул на Толю.— Что ты хочешь сказать? Что мне надо тренироваться в магии, чтобы сравниться с ним?

— Не сравниться,— покачал головой Такэда.— Превзойти.

— Надоело мне все,— нахмурился Сухов.— И советы, и дела, и заботы. Хочу в театр, в спортзал хочу, танцевать... танцор я в конце концов или нет?

— Танцор,— бесстрастно сказал Такэда.

Сухов долго смотрел на него, решая, насмехается над ним инженер или нет. Махнул рукой.

— Ясно. Безнадежен, да?

— Маме позвони,— посоветовал Толя,— или дай лучше телеграмму, что жив-здоров. Волнуется, поди.

Никита нахохлился, хорошее настроение покинуло его. Однако уйти в меланхолию ему не дал вернувшийся с ворохом пакетов Роман. Он пересказал все новости, какие знал, обо всем, что было связано с судьбой Сухова и Такэды, однако новостей было мало. Ксения не появлялась, мастерскую ее забрали под коммерческий магазин, никто ее не искал и не спрашивал. Квартиры Толи и Никиты давно принадлежали другим людям, которые ничуть не интересовались, кто в них жил раньше. В театре Сухова практически забыли, хотя о последнем его выступлении ходили легенды. Точно так же ушел в забвение и Такэда, хотя товарищи по работе еще хранили в памяти образ «русифицированного» японца, эрудированного, выдержанного и тактичного.

— Но с тех пор, как меня помяли,— продолжал рассказ Роман,— ни одного из обидчиков я больше не встретил. Исчезли вы, прекратились и странные происшествия.

— И все же ЦРУ работает,— проворчал Никита, показывая Толе перстень индикатора, в камне которого подрагивала россыпь желтых искр.— Да и я чувствую «качание» эфира.

— Что еще за ЦРУ? — полюбопытствовал Роман.— Зачем вы понадобились американской разведке?

— Это не американская разведка,— сказал Сухов.— Это информ-разведка.

— Точнее, психоразведка,— добавил Такэда.

Бывший тренер россдао подождал более подробных объяснений, не дождался и скрылся на кухне, объявив:

— Сейчас приготовлю поесть. Обычно я обедаю в Центре, там хорошее кафе, а ужин предпочитаю легкий.

— Не торопитесь,— посоветовал ему Никита.— Во-первых, уже время полдника, а во-вторых, предлагаю сходить в ресторан.

— Не возражаю,— подал голос Роман, гремя посудой.

— Я возражаю,— тихо сказал Такэда.— Зачем лезть на рожон, зная, что по следу идут две стаи — СС и ЧК?

— Отобьемся,— небрежно бросил Никита.— Так быстро они на нас выйти не должны, наш скелетообразный «авангард» шумит сейчас вверх по лестнице Шаданакара, и пока его не накроют, мы свободны. А мне хочется подышать нормальной атмосферой. Выбирай ресторан.

— Я против.

В глазах Сухова мелькнул упрямый огонек.

— Баба Яга всегда против... Не хочешь — не ходи, мы сходим вдвоем с Романом. Лично мне нравится Дом актера, но поскольку меня там знали и могут вспомнить,— видишь, какой я осторожный? — пойдем в другой. Ресторан центрального Дома литераторов тебе подойдет? Тихо, уютно, спокойно.

Такэда смахнул с плеча невидимую пылинку, словно отгонял нечистого.

Недавно отреставрированный дубовый зал ресторана ЦДЛ и в самом деле был уютен и достаточно тих, несмотря на полную загрузку. Правда, писателей среди его постоянных посетителей почти не было.

Как Сухову удалось уговорить администратора, чтобы она отдала им забронированный столик, осталось тайной, но в результате они сели слева, у камина, за столиком с красивой настольной лампой с оранжевым абажуром. Первое время Толя приглядывался к соседям, пытаясь сначала определить «контрразведчиков» ЦРУ,

потом узнать знакомых писателей, однако попытки его не увенчались успехом, и он расслабился.

Заказали шампанское, «Киндзмараули», жюльен из шампиньонов, тарталетки с сыром и паштетом, севрюгу, телятину Маренго и гювеч по-фракийски.

Роман с сомнением заглянул в свой портмоне, но Никита похлопал его по плечу, успокаивая: денег Вуккуба хватало на месяц такого питания.

Выпив шампанского за встречу, все трое принялись за трапезу с одинаковым чувством голода. Роман рассказал о своих тренерских проблемах, потом о личной жизни, ожидая, что друзья в свою очередь расскажут о своих приключениях, но те молчали. Ничем не выказав своего разочарования, тренер перевел разговор на книжную тему, которую поддержал только Такэда. Никита почти не слушал, уйдя мыслями в себя, потягивая шампанское и односложно отвечая на вопросы в свой адрес. Наконец Роман насытился и задал вопрос, бесхитростный, по сути, но провокационный по интонации:

— Ну и чему ты там научился, в своих странствиях?

Сухов, очнувшись от грез, понял тренера. Улыбнувшись, уронил бокал с вином и поймал его у самого пола, не разлив ни капли мускатного игристого. Затем достал из кармана сторублевую ассигнацию, подкинул в воздух и мгновенным, практически неразличимым от скорости, ударом пальца пронзил ее.

Роман цокнул языком, переглядываясь с Толей.

Никита поставил бокал с шампанским на салфетку, выдернул ее из-под бокала, так что тот не шелохнулся, снова подстелил салфетку, взялся двумя руками за ее края и... дернул вверх, как бы продел бокал в образовавшуюся круглую дыру. Круглый кусок салфетки остался под донышком бокала, абсолютно ровный, словно отштампованный на станке.

— Впечатляет.

— Фокусы,— проворчал Такэда, довольный тем не менее манипуляциями Сухова. Скосил глаза на зал: на них обратили внимание.

Никита кивнул, незаметно показал приятелям на камин, на полке которого горела толстая витая свеча; до нее от столика было не менее трех метров. Сосредоточился, подняв руку ладонью к свече, и точным, бесшумным, невероятно быстрым толчком погасил свечу на расстоянии.

— Браво! — вполголоса похвалил Роман танцора.

— Интересно, где это и когда ты научился подобным трюкам? — осведомился Такэда.

— Это элементарно,— с показным равнодушием ответил Никита и не выдержал, засмеялся.— Сам же показывал мне «приветствие

огня»[1], ну а я потихоньку работал. Пока я обрабатываю одну-две свечи, но дойду до максимума.

— Далеко пойдешь,— одобрительно сказал Роман.— Может быть, продемонстрируешь?

— Дома,— не согласился с предложением Толя.— И так на нас все смотрят. Пошли от греха подальше.

Допив кофе, они вышли на улицу Воровского.

— Останавливай такси,— сказал Сухов, оглянувшись на взрыв смеха и нестройных воплей: из арки дома на противоположной стороне улицы вывалила толпа парней и девушек.

— Черт! — сказал Роман.— Пошли отсюда. Терпеть ненавижу подобные компании!

Но Такэда уже останавливал машину — красный «жигуль» девятой модели, приглашающе махнул рукой. В тот же момент один из парней в рубахе нараспашку, в зеленых штанах и немыслимого фасона туфлях, оттолкнул его в сторону, а второй — верзила на две головы выше сплюнул на куртку Толи и прогудел:

— Папаша, не путайся под ногами...

Больше произнести он ничего не успел, Такэда нанес ему один почти незаметный и несильный с виду удар, от которого верзила беззвучно лег на асфальт.

Компания перестала шуметь, пытаясь сориентироваться, но их было втрое больше, и инстинкт возобладал над трезвым расчетом. На Такэду бросились с трех сторон сразу. Двух он встретил в стиле танрсудо — пальцами обеих рук, а третьего заблокировал в нырке, чуть не сломав ему шею. Но во-первых, Толе мешал транскоф и спрятанное под курткой копье вардзуни, с которым он не расставался, как верный оруженосец, а во-вторых, парней было еще много, и Никита вынужден был вмешаться, не обращая внимания на предостерегающий крик Романа:

— Ник, это, наверное, ловушка!

Но на этот раз все обошлось: компания была как компания — алкоголь, гонор, злоба, трусливая жестокость и ни капли интеллекта. Таких веселящихся групп нынешний социум рождал множество, чтобы хоть как-то уравновесить появление одного таланта или просто доброго человека.

Никита не напрягался особенно, утихомиривая разбушевавшуюся полупьяную стихию, и Роман еще раз убедился в возросшем мастерстве танцора. Двум парням Сухов мгновенно связал руки их же собственными куртками, третьему дал пощечину, от которой тот заверещал, как заяц, а четвертый получил щелчок в лоб, заста-

[1] Обработка свеч мастером кэмпо (от трех до семи). При правильно поставленном резком ударе пламя свечи издает характерный чмокающий звук (приветствие огня).

вивший его сесть на тротуар с тупым удивлением на лице. На этом инцидент был исчерпан, если не считать ругани и угроз, причем девицы ругались больше парней.

Поскольку владелец «девятки» удрал сразу же после начала конфликта, пришлось останавливать еще одну машину. Никто уже не мешал, юное воинство ропща, но без эксцессов, приходило в себя, и троица уехала спокойно.

— Мы в Москве полдня, а уже успели нарваться на неприятности,— брюзгливо заметил Такэда.— Тебе это ни о чем не говорит?

— Извини, что вмешался,— примирительным тоном сказал Никита.— Конечно, ты бы справился и сам.

— Я не о том. Надо уходить отсюда, вообще с Земли. Зу-л-Кифл предупреждал: любое перемещение мага по сети темпорала моментально лоцируется. Нас наверняка уже засекли. А ЧК в отличие от СС предупреждать тебя не станет: выстрел в спину — и прощай, Посланник.

— Именно так,— сказал вдруг шофер, направляя на Сухова, сидевшего с Такэдой на заднем сидении, тупорылый револьвер.

Все трое замерли, как громом пораженные, пока такси мчалось по туннелю под Тверской, каждый по-своему решая ситуацию. Менее всех к неожиданности оказался подготовленным Сухов. И хотя экстрарезерв его сработал и растянул время, отчего танцор видел все как бы при замедленном повторе: неторопливое, даже ленивое движение пальца, нажимавшего на курок, движение барабана, поворот головы шофера,— но сделать он ничего не смог бы. Зато оказался на высоте Такэда, в момент выстрела толкнувший Сухова вбок и одновременно руку с револьвером (браунинг 9,01) вверх.

После этого в действие вмешался Роман, точным ударом в шею усыпив шофера и перехватив управление. Такси остановилось в переулке за магазином «Диета», и пассажиры, проверив, не видел ли кто их появление, выскочили из машины и перебежали на другую сторону улицы. Через минуту Толя остановил еще одно такси, и до района, где жил Роман, ехали молча, в напряжении, перепугав своим поведением таксиста до смерти.

— В с е л е н и е,— сказал Такэда, когда они уже подходили к дому.— Нас нашли. Если бы это был живой «чекист», ты был бы уже мертв.

— Черт! — выругался в сердцах тренер.— Неужели все так серьезно? Я думал, все утихло, нормализовалось.

Такэда посмотрел на него, но обратился к мрачному Сухову:

— Надо уходить, Кит. Ксении здесь нет, Вуккуб тоже ничем помочь не сможет, да и занят он своими делами. Мы только теряем время.

— Роман, проверьте, пожалуйста, квартиру,— сказал Ники-

та.— Наверное, Оямыч прав. Посидим у вас полчаса, прикинем план действий и уйдем.

Тренер молча исчез в подъезде. Через десять минут появился снова.

— Никого, никаких следов, все тихо.

Они поднялись в квартиру Романа, еще раз обшарили все углы с эрцхаором, но рисунок звезд в камне перстня не изменился: никто здесь не появлялся и не внедрялся в предметы быта.

— Поразительно, как быстро нас нашли,— сказал Никита, осознавший наконец, какой опасности он избежал благодаря Толе.— Спасибо, Оямыч, я теперь твой крестник.

— Поэтому и надо побыстрей сматываться отсюда.

Сухов не успел ответить, в дверь позвонили.

Друзья переглянулись. Никита поднес к глазам индикатор, Такэда выхватил вардзуни, протянул ему, жестом предложил скрыться в спальне.

— Я открою? — сделал шаг в прихожую Роман.

Сухов, поглядывающий то на дверь, то на перстень, вдруг побледнел: камень стал черным, а в его глубине разгорелся и замигал круглый желтый глаз. В следующее мгновение дверь открылась сама, и в гостиную с криком: «Ник, это я!» — ворвалась Ксения в невообразимо красивом, переливающемся огнями, платье.

Никита попятился, направив девушке в грудь замерцавшее голубым сиянием острие вардзуни. Глянул на перстень, мотнул головой, проговорил хрипло:

— Стой, где стоишь! Ты не Ксения.

Девушка рассмеялась, и в тот же миг платье на ней исчезло, а сама она в течение нескольких мгновений приняла поочередно облик Тааль, Селкит и Заавель, пока странным и страшным образом все черты этих женщин не перемешались в ней, создав синтетический образ совершенной красоты! Снова раздался смех гостьи, низкий, волнующий, торжественно-довольный.

— Поздравляю, Посланник, ты явно вырос и продолжаешь прогрессировать. Это становится забавным. Не пора ли тебя остановить? Или посмотреть, что будет дальше?

Роман сделал движение к ней, и женщина, одетая в кисейно-черный комбинезон с бегающими по ткани искрами, небрежно качнула в его сторону пальчиком. Роман замер на полушаге.

— У тебя хорошие друзья,— продолжала гостья, черты лица которой п л ы л и: то появлялась индианка Тааль, то Заавель, то Селкит, то Ксения.— Но помочь тебе они не смогут. Я слышала, ты хорошо танцуешь и даже заслужил кубок кемтессий на Айгюптосе. Не станцуешь ли для меня?

— Гиибель,— прошептал стоявший неподвижно Такэда, внешне спокойный, но ловивший момент, чтобы прыгнуть.

Женщина посмотрела на него, погрозила пальцем, как и Роману:

— Не стоит пытаться, Наблюдатель.— Повернулась к Никите.— Ну что, пошли, танцор?

Взгляд Сухова вспыхнул. Он сделал какое-то жестокое внутреннее усилие, и вдруг с ног до головы покрылся сеточкой голубых молний. Гиибель с удивлением подняла брови, отступила на шаг.

— Посланник, ты противишься м о е й воле?!

Лицо Сухова тоже стало голубым и как бы прозрачным, волосы поднялись облаком над головой, и длинная голубая искра сорвалась с них на пол.

— Уходи! — твердо, гортанным голосом произнес Никита.— На Земле, в м о е м хроне, твоя власть имеет пределы. Может быть, я и станцую когда-нибудь, но только для н а с т о я щ е й Гиибели, а не для ее трехмерного воплощения.

По телу гостьи пробежала волна ряби, искажая лицо и пропорции, превращая ее в колеблющийся сгусток световых волн. Этот сгусток со смехом выскользнул из гостиной и все стихло.

Никита еще несколько секунд прислушивался к звукам в коридоре, продолжая светиться и постреливать искрами, потом разом погас и без сил рухнул в кресло, выронив копье.

— Еще б немного, и я...

— Кто это был? — зашевелился, едва не упав, Роман.

— Гиибель,— пробормотал Такэда, обнаружив, что у него тоже дрожат ноги.— Одна из Великих игв, демономаг. Но ты гигант, Сухов! Я уж думал — кранты!

— Это была не она,— покачал головой Сухов.— Всего лишь ее «проекция», тень, так сказать, призрак, обладающий в некоторой степени свободой воли. Он пытался воздействовать на нас психоэнергетически.

— То-то я заснул,— почесал затылок тренер.

— Слава Богу, что ему это не удалось в полной мере!

— Ему это удалось,— сказал Сухов.

— Что?! Как?

— Он... или все-таки она? Короче, дубль Гиибели с н я л всю нашу мысленную картину, и теперь игвы знают, что́ мы затеваем.

— О Сусаноо! — пробормотал Такэда.— Что же нам делать?

— Продолжать Путь.— Никита бледно улыбнулся.— Ты был прав, надо было задержаться у Зу-л-Кифла, потренироваться с Суубха Сеттутепом. Но что сделано, то сделано. Идем в Мир Свентаны, за мечом. М о и м мечом.

— Свентана... знакомое имя... Твоя знакомая?

— Свентана — это Русь, Оямыч. Святая Русь!

1

Наверное, им все еще везло. Хотя Такэда совершенно точно знал, что цепь их невероятного «везения» создана ценой достаточно серьезных усилий множества разумных существ системы подстраховки, задействованной Собором Веера задолго до появления на Земле человечества. Интересно, подумал инженер, какое место в этой системе занимает Вуккуб? Или его помощь никем не запланирована?

Они успели попрощаться с Романом, взвалить на его плечи связь с мамой Сухова, а также продолжение поисков Ксении, выбрались на лестничную площадку, когда вдруг сработал индикатор на пальце Никиты.

— Что? — насторожился Такэда.

— Охотники,— коротко отозвался Сухов, ткнул пальцем вверх, предлагая подняться на этаж выше.

— Допустим, мы от них оторвемся, но это не значит, что они не оставят в темпорале засаду, как в прошлый раз.

— Да, нервайлер нам сейчас пригодился бы. Хотя я не знаю, как отреагировал бы на его излучение Отшельник, и как оно подействовало бы на «чекистов».

Беглецы поднялись на последний этаж, прислушиваясь к шумам лифта. Снизу по лестнице тяжело поднимались двое, как минимум, еще один сторожил лифт, и неизвестно сколько ждало на улице.

Хоть бы Романа не убили, подумал Толя, ужасаясь, что не может помочь тренеру. Интересно, у них есть аппаратура узнавания личности или нет? Что-нибудь вроде биолокационного комплекса, идентификатора личности... Шепотом спросил об этом Сухова.

— Скорее всего, они — сами себе аппараты локации и поиска на всех возможных диапазонах,— так же шепотом ответил Никита.— Посторожи минуту, я попробую определиться.

Он застыл с окаменевшим от внутренних усилий лицом, глаза его остекленели, сосредоточились на чем-то сугубо личном, почернели. И почти тотчас же ожили. Сухова шатнуло, так что он вынужден был опереться на плечо инженера.

— На чердаке их нет, но на крыше соседнего дома сидит снайпер. Придется снова уходить через транскоф.

Они поднялись по металлической лестнице на чердак, выдернув замок из ветхих петель, и развернули дипломат-транскоф. Охотникам ЧК не хватило буквально нескольких секунд, чтобы застать беглецов во время перехода. Зато у них были свои транскофы, и в коконе темпорала они появились почти одновременно с жертвами. Четверо против двоих у двери в камеру хроносдвига.

Никита и Толя повернулись лицом к преследователям, те остановились — четыре черные фигуры с нечеткими пятнами лиц в прорезях капюшонов,— и наступила такая тишина, что, как потом образно выразился Такэда, «стал стышен шорох тени, бегущей по пятам».

— Прыгай, я их задержу,— быстро проговорил Толя... и превратился в статую, не в силах сделать ни одного движения.

Удар пси-поля получил и Никита, но он был уже готов к атаке подобного рода и с успехом отразил импульс, чувствуя, как вспыхнувшее бешенство освобождает канал Вести от барьера проницаемости, и в голову, в сердце, в тело вливаются колоссальные силы и з н а н и е.

Стоявший впереди черный гигант отшатнулся, вскидывая руки, но Сухов не дал ему времени с о т в о р и т ь з а к л я т и е, то есть реализовать формулу магического воздействия, он просто т о л к н у л всю четверку демонов, развернул их в н у т р ь самих себя, толком не осознавая, что делает. И охотники ЧК исчезли! Они съежились со звуками вылетевших из бутылок с шампанским пробок, превратились в черные скрученные жгуты, в сосульки, в дымные струи!

Сила, сдерживающая Такэду на месте, исчезла, и он с криком: «Банзай!» — прыгнул вперед. Остановился в растерянности, но быстро сориентировался:

— Как я их, а?! Топаем отсюда, меченый, пока другие не подоспели.

Никита, с сожалением цеплявшийся за тускнеющий «хвостик»

парасвязи с эйдосферой Веера, еще помня чувство колоссального объема поля информации, поля мысли, развернувшегося перед ним, с трудом заставил себя вернуться на «грешную землю». Что-то мешало ему думать о деле, какая-то заноза в памяти, нечто нематериальное — след присутствия чужой мысли. И лишь в камере хроносдвига, к счастью, пустой, заполненной лишь сиреневым дымным светом, Никита понял: и на этот раз ему помогли! Кто — неизвестно, то ли Вуккуб, то ли кто из магов, давших слово собраться в нужный момент, в «час ноль». Но способ помощи был более тонок, чем прежние: ему «подсунули» сатори — озарение, включив чуть ли не весь запас клеток мозга на анализ поступающей извне информации.

— Вряд ли я смог бы сделать это сам,— вслух заключил Сухов.

— Что именно? — покосился на него Такэда.

— Ничего.— Никита встряхнулся, посмотрел вверх.— Отшельник, не ты ли это сделал? — Подождал ответа, но темпорал молчал.— Что ж, когда-нибудь я это узнаю.

Перстень эрцхаора на пальце Сухова выдавил из себя зеленожелтый крестик, превратившийся в объемную пятиконечную звезду, и тотчас же перед людьми открылся «тоннель хроноструны», соединяющий Миры Веера.

Кишка Отшельника, пришло на ум Толе неожиданное сравнение, а потом долгое падение в бездну прервало приятный процесс самооценки.

Мир, в котором они вышли из темпорала, был, видимо, близок к тем мирам, где происходила Битва сил Закона и Хаоса, близок не по оценке линейных мер и расстояний — по временному сдвигу. Поэтому планета с коконом Отшельника хоть и уберегласъ от прямого разрушения, но, вследствие расползания ткани пространства под напором «эманаций» Хаоса, «заболела».

Никита угрюмо взирал на необыкновенный ландшафт, вызывающий ассоциации нездоровой атмосферы, хронического страдания и застарелой тоски: земля оплыла фестонами, руинообразными холмами и грибообразными взгорками, между которыми отблескивали лужи с плавающими по воде островками грязно-зеленой пены, желтели ядовитые болотца с хилой растительностью или чернели щетинистые рощицы растений, укутанных густой «шерстью» колючек. И цвета здесь преобладали унылые: все оттенки коричневого, серого, желтого, зеленовато-бурые и ржавые. Лишь небо над головой было ровное, желтое, плотное на вид, без единого облачка, но с тремя более светлыми полосками над горизонтом, олицетворявшими, по всей видимости, светило. Атмосфера планеты была плотнее земной,

но с меньшим содержанием кислорода, и дышалось в ней, как в бане, несмотря на довольно низкую — градусов десять выше нуля — температуру. Путешественники не сразу привыкли к этой особенности воздуха, ошеломленные к тому же конгломератами незнакомых запахов.

Темпорал в этом мире стоял, вернее, рос, как дерево — он и был похож на дерево, на земной кактус,— на вершине единственной на всю округу скалы высотой метров в сто, с плоской, будто срезанной вершиной, площадью со стадион. Слой мягкой земли на скале был невелик, но позволял расти косматой зелено-желтой траве и кустарнику, похожему на спутанные клубки шерсти. Кроме того, в центре площадки, неподалеку от кокона, торчал из земли странной формы камень, похожий на скрюченного, одетого в серую хламиду, человечка. Никита задержал на нем оценивающий взгляд — показалось, что «человечек» шевелится, но голос Такэды отвлек его:

— Куда ты меня завел, Сусанин?

Никита глянул вниз, на безрадостный пейзаж, пробормотал:

— Неужели я ошибся? А ну-ка дай хохху.

Толя вытащил из кармана Вуккубовой куртки хрустальную бабочку портсигара.

— У меня не осталось ни клочка бумаги.

— Обойдемся.— Сухов развернул портсигар, накрыл углубления в прозрачных перепончатых крылышках ладонями и застыл на несколько секунд.

Такэде показалось, что руки танцора тоже стали прозрачными, как и хрусталь хронорации, он мигнул, и наваждение пропало. Сухов открыл глаза.

— Все правильно, мы на месте.

— Где именно? Или это секрет?

Вместо ответа Никита отдал хохху Толе, подошел к скрюченному каменному «человечку» и тронул его за плечо. «Человечек» вдруг раскрылся, как плащ, и опал на землю тонким кожисто-перепончатым покрывалом. Внутри он был пуст.

— Понял теперь?

— Я понял, что это вовсе не камень.

— Это диморфант, вернее, останки диморфанта, существа, способного заменить скафандр. Вся команда Хуббата щеголяет в таких костюмчиках, выдерживающих любые физические воздействия.

— Что ж он не помог Хуббату в мире Истуутуки?

— Я толком и сам не знаю, но, похоже, лемур Истуутука воздействовал не на Хуббата, а на диморфанта, то есть как бы приказал ему — напрямую. Впрочем, законы Шаданакара неисповедимы.

Такэда хмыкнул.

— Значит, и нас могут также остановить в случае чего?

— Трюк, выполненный Истуутукой, может пройти лишь однажды. Информация об этом ушла в эйдос, и теперь диморфанты предупреждены.

— Почти убедил. Но не очень-то он впечатляющ с виду, кожа есть кожа.

— Эта «кожа» выдерживает ядерный взрыв.

— Тогда ты ошибаешься в принципах ее работы: без магии такая ткань ядерный взрыв не выдержит. Я не спорю,— заторопился Толя, видя, что Никита начинает сердиться,— но пока мы будем их искать, нас найдут раньше. И почему ты уверен, что эти твои диморфанты станут нам служить?

— Для их популяции это единственный шанс уцелеть... если только она давно не вымерла. А служить им, к сожалению, все равно кому, моральные категории добра и зла им неведомы.

Никита поднял над головой руку с перстнем, из которого во все стороны посыпались изумрудные искры. Такэде показалось, что он слышит тонкий прерывистый свист и одновременно низкий басовитый гул, будто где-то неподалеку заработали сразу два генератора: ультразвука и звука сверхнизкой частоты. «Эрцхаор,— сообразил Толя.— Надо же, а я и не знал, что он способен на такое».

Подождав немного, Никита с разочарованием опустил руку с погасшим перстнем.

— Кажется, мечте твоей не осуществиться.

— Моей? — удивился Такэда.— Какой мечте?

— Пожить в симбиозе с негуманоидной дамой, представляющей собой скафандр высшей защиты. Разве нет?

— А да, мечтал всю жизнь,— остался невозмутимым Толя.

Что-то прошуршало за спиной, под обрывом. Такэда рывком обернулся и отпрыгнул назад, чуть не сбив с ног занятого какими-то манипуляциями Сухова. Над краем скалы виднелась чья-то странная, полуптичья-полурыбья голова с плоским утиным клювом, вытянутая вперед, в чешуе, с кольцами серебристого пуха вокруг глаз, круглых, с огромными зрачками, немигающих, в которых стоял вопрос и ожидание.

— Знакомься,— с облегчением сказал Никита.— Диморфант... э-э, имя ты ему дашь сам.

Такэда, скосив на него глаза, понял, что танцор «говорит с Космосом»: лицо у Сухова напряглось, приобрело сходство с лицом Зу-л-Кифла, тяжелым и властным.

— Подойди,— четко выговорил Сухов не своим, гортанно-звучным, глубоким, каким-то «объемным» голосом. Не открывая рта. Команда относилась к существу над обрывом, но была столь твердой, что даже Такэда послушался, впрочем, опомнившись тут же

и сообразив, что «услышал» не голос друга, а мысленный приказ.

Над краем скалы показались плечи диморфанта, потом туловище, бесформенное и плоское, с двумя боковыми отростками в виде крыльев. Казалось, движется не живое существо, а мохнато-чешуйчатый оживший халат с капюшоном, надетый на вешалку.

— Это твой хозяин и друг,— раздались внутри Толи «слова» пси-языка Сухова, понятного, очевидно, и диморфанту.

— Прикоснись к нему,— скороговоркой произнес Никита уже нормальным голосом,— а то сбежит. Их столько уничтожили после Битвы, причем бессмысленно, совершенно по-человечески, что выживание стало второй жизненной программой.

— А ты говоришь, они неуязвимы...

— Они неуязвимы для любого физического воздействия, но не для любого магического. Хотя, если эти уцелели, значит, они приспособились сопротивляться и магам.

— И все-таки здесь какой-то парадокс.

Такэда, повинуясь больше взгляду Сухова, нежели собственному рассудку, придвинулся к «халату на вешалке» и заставил себя коснуться лоснящегося, словно смазанного жиром и в то же время совершенно сухого, плеча. Его пронизало удивительное ощущение: нечто похожее на электрический разряд, но разряд не физический, а эмоциональный, уместивший в одном мгновении растерянность, страх, удивление, восторг, блаженство и покой! И огромное облегчение.

— Сусаноо! — вырвалось у Такэды.

Никита издал суховатый смешок.

— Пусть будет Сусаноо... хотя Сусанин звучит не хуже.

— Нет, я его не...— начал Толя, и не думавший называть диморфанта именем японского бога ветра и грозы, но подумал немного и согласился.— Действительно, почему бы и не Сусаноо? Японскому господину — японского слугу. Что дальше?

— Коснись еще раз и мысленно представь, что он твой костюм, плащ или пальто, на что хватит фантазии, остальное он сделает сам.

Такэда с сомнением посмотрел на диморфанта, по телу которого бежала рябь.

— Что это с ним? Нервничает? А вдруг он псих? И вообще болен?

— Он просто доволен, Оямыч, радуется жизни. Кстати, костюм можешь снять, хотя он и не помешает.

Такэда послушался. Раздевался он быстро, чувствуя себя неуютно и стесненно, зажал в руке хохху, расческу, носовой платок и портмоне с деньгами, которые им одолжил Вуккуб. Затем, словно ныряя в холодную воду, дотронулся до «руки» диморфанта. И снова получил нервный укол, удивительным образом передавший ему

чувства существа-скафандра: радость, дружелюбие, жадное ожидание и готовность повиноваться. В следующее мгновение диморфант окутал его со всех сторон, претерпел быструю трансформацию, выхватывая из памяти хозяина полуосознанные желания того типа одежды, который соответствовал его вкусу, и...

Сухов сзади захохотал.

Такэда оглядел себя спереди и с боков, недовольно глянул на давящегося смехом Никиту.

— Что смешного?

— Ты уни... ка... лен! — в четыре приема ответил тот.

Диморфант превратился в великолепный костюм дипломата: безукоризненной формы черный костюм, ослепительно белая рубашка, галстук, лакированные туфли.

Поразмышляв немного, прислушиваясь к ощущениям и чувствуя необыкновенную легкость в теле и душевный подъем, Такэда неуверенно позвал: «Суса... э-э, ноо?

Диморфант выдал порцию эмоций: легкое недоумение, согласие, заботливость, одобрение, удовлетворение,— и Толя с изумлением обнаружил, что уже одет в кроссовки и точно такой же джинсовый костюм, который только что снял. Живой скафандр реагировал на его мысль быстрее, чем он сам.

— Вот теперь нормально,— произнес слабым голосом Сухов, отсмеявшись.— Наверное, всю свою бессознательную жизнь ты мечтал стать дипломатом. Или коммерсантом. А ну, подпрыгни.

Такэда озадаченно глянул на друга, помедлил слегка, подпрыгнул.

— Не так. Представь, что тебе надо запрыгнуть на трехметровую стену.

— Толя представил... и сумасшедшая сила бросила его вверх на четыре с лишним метра... и ловко поставила на ноги, когда он оттуда свалился.

— Ну как?

— Чтоб я сдох! — Такэда опомнился.— А ты как же?

— Я одет.

Только теперь инженер обратил внимание на второй ворох одежды. Никита переоделся, хотя выглядел, как и прежде.

— Когда ты успел?

— Посланник я или погулять вышел? Ладно, закончили примерку. С экипировкой все в порядке, теперь дело за малым: меч и конь. Меч я знаю, где искать, вернее, знаю хрон, а вот с конем дело сложнее. Но что-нибудь придумаем. Ты не против, если мы оседлаем жругра?

— Кого? — не поверил ушам Такэда.

— Черненького такого, страшненького, на них еще эти смешные демончики ездили, игвы Великие. Помнишь, на Айгюптосе мы ви-

дели одного... разрубленного вдоль. Симпатичный такой монстрик.

— Ты с ума сошел!

— Может быть,— согласился Никита. Лицо его отвердело.— Но без него... или другого подобного «коня» нам далеко не уплыть, Оямыч. Драться нам придется на полном серьезе, причем в многомерных мирах, а чтобы драться на равных с игвами, надо обладать хотя бы такими же возможностями и свободой передвижения. Ты думаешь, мы ушли от ЧК?

— А разве нет?

— Мы ушли от их псов. «Чекисты» — маги, хотя и более низкого ранга, чем Великие игвы, и если бы вышли на нас самостоятельно... Те, от кого мы отбились,— их охотничьи с о б а к и. В какой-то степени мыслящие, хотя и не по-человечески, обладающие относительной свободой выбора и цели, но с о б а к и, овчарки, волкодавы, так сказать. Мне вообще кажется, что у них всего один хозяин-маг, так же, как и они, не знающий жалости.

— Собаки,— попробовал слово на вкус Такэда.— Я предполагал нечто подобное.— Он передернул плечами и почувствовал, как чья-то рука ободряюще похлопала его по плечу — это отреагировал диморфант.— Позволь вопрос, а Посланник?

— Говори,— надменно воздел подбородок Сухов.

— Я всего лишь глупый Наблюдатель, о Посланник, и не гожусь даже в оруженосцы. Я не понял, почему наши друзья-диморфанты,— теплое прикосновение к затылку,— отыскались так быстро.

Никита не выдержал первым, засмеялся, но сразу же согнал улыбку с лица.

— Они ждали нас, Оямыч, и ждали долго. Ждали, потому что им приказали ждать Посланника и его спутника задолго до моего и твоего рождения. О системе подстраховки, подчиненной Соборной Душе Веера, ты знаешь и сам, но я убедился в ее реальности час назад, когда мы выбирались из квартиры Романа, хотя мог бы догадаться и раньше, слишком уж разительны были случаи везения. Что ж, ум мой не столь остер, как хотелось бы. Зато приятно сознавать, что не только у демонов Синклита существует система контроля, включающая разведку, контрразведку, службу информации и отряд подстраховки. Причем не хуже, чем у них. Хотя, с другой стороны, не весело открывать истину, что мой путь предопределен. Пусть и не на все сто процентов. Ты это знал?

— Естественно,— кивнул Такэда.— Наблюдатель я или погулять вышел? И рад, что ты не комплексуешь. Твой путь действительно был предопределен в какой-то мере, и бригаде подстраховки пришлось попотеть, оберегая тебя до поры-до времени, чтобы ты до всего дошел сам.

— Выбор Посланника был твой?

— Нет, это действительно случайный выбор Вестника, но я мог дать отрицательную рекомендацию.

— Вот почему тебя мучили сомнения. А я думал — из-за Ксении... что ты ревнуешь.

— Прозрел наконец? — Толя не стал говорить, что в вопросе с Ксенией Никита оказался провидцем. Но вряд ли узнает об этом.— Правда, до настоящего Посланника тебе далековато.— Толя поднял руку, останавливая Никиту.— Не обижайся, выслушай. Я пока твой друг и имею право на правду.

Ты не самый храбрый из людей, не самый сильный, не самый умный, не самый добрый и решительный, поэтому тебе, чтобы выжить и дойти до цели, надо научиться думать, планировать, изворачиваться, искать выход из самой безнадежной ситуации. Если на спасение будет один шанс из миллиона, ты обязан воспользоваться им, и мысль о поражении просто не должна прийти тебе в голову. В принципе, Зу-л-Кифл уже говорил тебе об этом. Зато я всегда буду рядом. Это все.

Никита открыл рот, чтобы пошутить, и закрыл. Вид у Такэды был необычным, лицо оставалось спокойным, но он волновался.

— Да, Зу-л-Кифл зрил в корень. Наверное, оба вы правы. Но я тебя не совсем... ты говоришь таким тоном...

— Потому что в скором времени не смогу тебя сопровождать, ни в качестве советника, ни в качестве оруженосца. Я простой смертный, Кит, и не в состоянии последовать за Посланником в ад многомерия. Хотя буду настаивать на этом.

Лицо Никиты просветлело.

— Вон ты о чем... ну, это мы еще поглядим, Оямыч. Может, и ты сможешь.

— Вряд ли,— раздался сзади чей-то невыразительный, равнодушный голос.

Такэда стремительно обернулся. Из дупла дерева-темпорала спрыгнул на землю Хуббат, предводитель «свиты Сатаны», за ним еще четверо, такие же равнодушные, громадные, мощные, грозные.

— Я ждал тебя, брат Вуккуба,— спокойно сказал Никита, и в голосе его не было страха.

Они стояли друг против друга, ощутимо сильные, исполненные решимости — в силу разных обстоятельств — и уверенности, но если Хуббат не видел перед собой достойного противника, и не был щепетилен в вопросах морали, то Сухов, наоборот, знал, с кем имеет дело и не испытывал к нему враждебных чувств.

Хуббат был вооружен хабубом и держал трезубец остриями к противнику, копье вардзуни Никиты торчало у него подмышкой, глядя наконечником в лицо раругга.

Такэда представил, что сейчас произойдет, и украдкой оглядел сопровождавшую вожака СС четверку. В случае поражения Сухова шансов спастись у инженера не было, но сдаваться без боя он не собирался. Незаметно вытащив свой кинжал-стилет, который таскал с собой все время, Толя приготовился к схватке с хладнокровием самурая, задумавшего харакири.

Хуббат метнул трезубец без предупреждения, хотя слово «метнул» не отображало действительности: просто все три острых и длинных зуба его оружия, засияв, вдруг устремились к Никите, метя в голову, грудь и живот. Но и Сухов действовал не менее быстро: с острия вардзуни сорвались три извивающихся молнии и вонзились в летящие стрелы трезубца. Три неярких, но шипящих и визжащих вспышки возникли в десятке метров перед людьми и пропали. «Стрелы» хабуба исчезли. Противники, как ни в чем не бывало, стояли друг против друга с оружием в руках. Хабуб снова сиял тремя остриями стрел-ракет (видимо, перезаряжался он автоматически), а наконечник вардзуни ронял на землю капли голубого свечения. На лице Хуббата читалась озабоченность, Никита улыбался.

— Попробуем еще, триглав?

Вспыхнули три факела ослепляющего пламени — стрелы сорвались с «древка» трезубца, и еще раз, и еще. Девять раз вспыхивали леденящие душу, выжигающие глаза, почти бесшумные взрывы, но ни одна из стрел-ракет не долетела до цели. А если бы долетела!.. Даже в полусотне шагов от сражавшихся Такэда ощутил жуткую мощь этих стрел, способных расколоть гору величиной с Эверест, а ведь Хуббат стрелял в стоящего в десяти шагах танцора в упор!

«Вовремя мы надели диморфанты»,— подумал Такэда с облегчением и получил благодарность от Сусаноо в виде ласкового прикосновения к спине мягкой кошачьей лапы.

— Поговорим? — все так же улыбаясь, предложил Никита.— Я не хочу тебя убивать, ругут.

— Нам не о чем разговаривать, я просто делаю свое дело,— тяжело произнес Хуббат. Он ничего не сказал своим помощникам, не сделал ни одного жеста, но один из них вдруг поднял свой хабуб, и Такэда мгновенно метнул в него стилет.

Тонкое жало клинка вошло оперативнику в висок, но он все же выстрелил, хотя и неточно: три молнии ушли в сторону болота и через несколько секунд три гигантских смерча, черно-белых, с голубыми просверками, выросли на горизонте, вонзились в небо, расплываясь зонтиками фиолетово-синего дыма и короной молний. Загрохотало, вздрогнула равнина, скала с темпоралом и людьми закачалась, словно готовая рухнуть.

Оперативник с кинжалом в голове упал на колено, однако почти

сразу же вскочил, вырвав клинок из головы, и повернулся к побледневшему Такэде. Голова его стала менять форму, разделилась на три вертикальных слоя, два из которых взбугрились изнутри десятком шишек, превращаясь в две жуткие морды, а третий — с дырой от кинжала, оплыл, словно вытек в воротник. Затем морды сложились в одну фигуру, шишки их разгладились, голова вытянулась, посветлела, два лишних глаза втянулись в нее, как и два хищных носа, миг — и на объятого ужасом инженера глядело человеческое лицо. Без всякого выражения. И это было страшнее всего.

— Успокой своих клевретов,— посоветовал Сухов.

Хуббат снова промолчал, но четверка его помощников замерла, отвернувшись от Такэды.

— Да, ты многому научился,— неохотно признался раругг наконец.— Я ошибся в тебе тогда, а ошибки надо исправлять.

— Поздно, триглав. Моя магическая вооруженность еще слаба, но и ее достаточно, чтобы противостоять тебе и твоей команде.

— Вардзуни — не твое оружие, как и шиххиртх.

— Я не профессиональный Посланник, о блюститель этики боя, и только защищаюсь. Вряд ли ты, будучи на моем месте и владея шиххиртхом, не пустил бы его в ход. Не выполнил свою главную задачу — уйди с дороги.

— Уйти — значит у й т и, Посланник, а я не привык сдаваться.

— Уйти — не значит умереть, раругг, хотя для этого потребуется, может быть, больше мужества и воли. Я знаю твою родословную и знаю также, что ты не всегда был на стороне Великих игв. Чем они тебя соблазнили, что предложили?

— Нет смысла обсуждать этот вопрос. Продолжим бой, Посланник, кто-то из нас должен исчезнуть.

— Я понял. Власть? — *Никита погрустнел.— Они обещали* а б с о л ю т н у ю власть? Да, это мощный стимул. Прав был Зу-л-Кифл: тот, кто вкусил власти, особенно власти над живыми существами, никогда добровольно ее не отдаст. Но ведь в молодости ты сражался с драконами, триглав, защищал свою родину. Неужели и тут правы мудрецы, открывшие формулу: кто слишком долго сражается с драконами, сам становится драконом?

— Ты... знаком... с Зу-л-Кифлом? — медленно проговорил Хуббат.

Никита не успел ответить: четверка серых демонов внезапно повернула к темпоралу, а Хуббат бросился на Сухова с мечом, явно отвлекая его от этого маневра, не давая времени на размышления. Но в действие вмешалась сила, которой никто не ждал, в том числе и сам Сухов.

«Эсэсовцы», не добежав до темпорала, вдруг попадали на бегу, словно срубленные деревья, и остались лежать, а сверху на скалу

спикировала гигантская птица и превратилась в слегка улыбающегося бронзовотелого... Уэ-Уэтеотля, первого меча Астаамтотля, командира контрразведки императора Тлауискальпантекутли, повелителя Дома Утренней Зари, бывшего мужа жрицы Тааль. Он подошел к застывшему Хуббату, покачал головой, сказал с едва уловимым оттенком превосходства:

— Может, сразишься со мной, хаббардианец?

Хуббат кинул в него меч, но индеец сделал какой-то быстрый жест, и ругг с криком «Нет!» стал уменьшаться, оплывать, сворачиваться, превращаться в гладкую глыбу мутного стекла, пока не превратился в маленький зеленовато-белый шарик. Уэ-Уэтеотль сделал похожий жест в сторону лежащих ничком оперативников СС, подождал, пока не закончится процесс превращения живых существ в стеклянные шарики, подобрал их, небрежно в о г н а л один в другой и спрятал оставшийся, как фокусник, у себя за ухом. Сказал ровным голосом:

— Вы сделали ошибку, Посланник, сообщив ему о своей встрече с Зу-л-Кифлом. Ликвидировать вас, а тем более мага Айгюптоса, он был не в состоянии, но мог сообщить о вашем договоре Великим игвам, и Собору Шаданакара пришлось бы искать нового Посланника и другую Семерку.

Кровь бросилась Никите в лицо. Он понял, зачем Хуббат затеял отступление со стрельбой.

— Прости, Уэтль, и спасибо за помощь.

— Самонадеянность — не есть признак силы, Посланник. Прими этот упрек и в дальнейшем старайся не поддаваться человеческим слабостям.

— Я постараюсь.— Никита сдержал язык, готовый оправдываться и дальше, показал взглядом на ухо индейца.— А что ты сделал с ними?

— Ничего,— тонко улыбнулся Уэ-Уэтеотль.— Изолировал на некоторое время. Ругги не жестоки по натуре, они просто равнодушны, почти как игвы, к любым этическим системам, именно поэтому их век прошел. Если можно достаточно долго оставаться на одном уровне добра, то нельзя — на одном уровне равнодушия. Ругги сами не заметили, как скатились в потенциальную яму зла. Итак, до встречи, Посланник?

— Как, ты уже уходишь?!

— У меня много дел.— Индеец подал руку Никите, потом Такэде, подмигнул им и, подпрыгнув, взлетел огромной, сверкающей золотом и алмазами, птицей. Кругами пошел в небо. Исчез.

Друзья посмотрели друг на друга, и вид их был так красноречив, что оба засмеялись. Потом Такэда сказал:

— Ты знал, что он тебе поможет?

— Чувствовал, но подумал о Зу-л-Кифле.

— Я думаю, тебя подстраховал тот, кто был ближе или меньше занят. Кстати...— Толя не договорил.

На скалу со свистом падала птица, расправила крылья у самой поверхности, так что воздушная волна едва не свалила людей с ног, с небес раздался голос Уэ-Уэтеотля:

— Я узнал, где Ксения, Посланник, она жива, все в порядке, но точных координат не дам. Жди сообщений.

Птица — не то орел, не то гигантский кондор — взмыла в небо и затерялась в его тусклом свечении.

— Где она?! — крикнул потрясенный Сухов во весь голос, выходя из столбняка.— Уэтль, где она?!

— Не кричи,— посоветовал Такэда.— Все равно он не скажет, если даже и знает. Ведь ты побежал бы сразу туда и наломал дров. Нет? Главное, что она жива, отыщем.

Никита хватанул ртом воздух, кинул на Толю бешеный взгляд и успокоился, хотя сердце продолжало оглушительный бой и звало в поход за любовью.

— Спасибо,— уже совсем тихо произнес Никита, обращаясь к небу.

«Пожалуйста»,— долетел бестелесный мысленный голос мага.

2

Когда Никита и Толя вылезали из-под земли на божий свет, их обоих разобрал смех: темпорал в этом мире был замаскирован под медвежью берлогу.

— Хорош был бы местный охотник, вздумав поохотиться на медведя,— сказал Толя, озираясь. Принюхался.— По-моему, здесь весна, а, меченый? Пахнет весной... и еще чем-то.

— Древностью,— буркнул Никита, принюхиваясь и прислушиваясь всеми своими паранормальными органами чувств.— И смертью. Может быть, здесь и весна, тепло, во всяком случае.

Они стояли в сосновом лесу с примесью лиственничных — клена, дуба и ольхи. Суборь — пришло слово из лексикона древних славян. Лес был невероятно стар, судя по огромным замшелым стволам, валежнику и непроходимым зарослям дикой малины, гигантского папоротника и крапивы. И был весь он пропитан запахом таинственности и застарелого страха, запахом ужаса и тоски, создавая подспудное ощущение чьего-то незримого присутствия. Его взгляд проникал в душу, в тело, раздражал, будоражил, заставлял оглядываться, потеть, ждать удара в спину и сжимать в руках оружие...

Такэда сжал кулаки, длинно выдохнул сквозь зубы, успокаиваясь, и невольно понизил голос:

— А лес-то заколдован, Сухов. Мы не ошиблись адресом?

— Нет,— с мрачной уверенностью ответил Никита, закончив биопространственную локацию.— Это хрон Свентаны и Олирны, мир Вселенной, где реализованы законы магической физики, где живут колдуны, ведьмы, упыри, вурдалаки, драконы и химеры. Мир, где спрятан мой меч. И еще здесь живет один из Семерых. Видишь? — Он показал Толе перстень, пульсирующий зеленой пятиконечной звездой.— Но лес действительно жутковат и неуютен. Будем выбираться и спрашивать дорогу. Твой лингвер уцелел?

— По-моему, он стал частью тела, я о нем забыл даже. Но если это мир, где лежит твой... вернее, меч Святогора, который может стать твоим, то нам придется туго. За нами будет охотиться вся нечистая рать Люцифера.

— Так ведь и наши дремать не будут, подстрахуют, если что. Не дрейфь, Наблюдатель, прорвемся.

Такэда не дрейфил, дрейфил сам Сухов, но пытался приободриться, чувствуя гигантские залежи зла на планете, сохранившиеся со времени Битвы и дремлющие до поры-до времени. А может быть, и не дремлющие.

В этом мире склад темпорала был пуст. То есть в нем не было ничего: ни транскофа, ни оружия, ни пищевых концентратов, ни прочих нужных вещей. То ли все было разобрано за тысячи лет путешествий неведомыми странниками, то ли здешний выход был задуман пустым изначально. Факт оставался фактом, и землянам ничего не оставалось делать, как выходить в путь налегке и даже без вардзуни, с помощью которого Никита отбил атаки Хуббата. Копье осталось разряженным на родине диморфантов, признавших землян хозяевами и сидевших на них, как вторая кожа. И от их молчаливого одобрения всех поступков, ощущения тепла, скрытой силы и неуязвимости, становилось спокойнее.

Сухов сориентировался, владея «волчьим» чутьем магнитного поля, и путешественники решительно направили стопы на север. Путь на любую другую сторону света был, в принципе, не хуже, но Никита, ко всему прочему, искал обладателя магического поля, а в северной стороне потенциал магиполя был выше.

Однако строго на север держать направление не удалось. Сначала на пути попалось огромное болото с бездонными трясинами, замаскированными под веселые зеленые лужайки или мшаники с россыпями ягод — водяники, морошки и клюквы. Болото было мрачным и странным, потому что деревья — огромные, толстенные, седые от древности, росли и на нем, причем почти с той же густотой, что и в обычном лесу, однако пересечь его оказалось невозможно.

Затем лес вдруг расступился, и путешественники вышли на край колоссального пространства, назвать которое полем или равниной не поворачивался язык. Оно напоминало ноздреватый пласт сгорев-

шего торфа и было покрыто шрамами и язвами черного, фиолетового, серо-серебристого и ржаво-красного цвета. Ничего на этом поле не росло, ни трава, ни кустарник, и лишь пересекавший его ручей с водой кофейно-розового цвета, оживлял пейзаж, да редкая цепочка гигантских серых башен по краю поля, исчезавшая за горизонтом.

Никита облизнул губы, чувствуя давление на психику, неприятное томление и даже тошноту. Голова закружилась, в ушах поплыл комариный звон, кто-то настойчиво стучался в голову, умоляя «впустить» и одновременно пытаясь подчинить человека, заставить его повиноваться.

— Слишком высок уровень пси-активности,— прошелестело в ушах, вернее, в костях черепа за ушами, это заговорил диморфант, которому Никита дал имя Зипун. Тотчас же в голове отчетливо «подул сквознячок» и вынес большинство негативных ощущений. Осталась лишь тревожная «дымка» да ощущение взгляда в спину.

Видимо, диморфант Такэды Сусаноо тоже включил пси-защиту, потому что инженер тихонько пошипел и с видимым облегчением расправил плечи.

— Что, действует? — поинтересовался Сухов, подразумевая защиту.

— Еще как! — ответил Толя, подразумевая это жуткое, навевающее ужас, место.— Похоже, и здесь воевали когда-то. А ты говоришь — Святая Русь!

— Ей досталось больше всех.— Никита закрыл глаза, сосредоточился, голубая искорка проскочила в его волосах.— Она воюет до сих пор, ибо торчит у Синклита Четырех, как кость в горле, рождая творцов и магов, воинов-защитников и просто добрых людей.— Голос танцора упал до шепота, а над ним встал полупрозрачный столб голубоватого сияния и взорвался кольцами и дугами, рванувшими во все стороны.

Никита погас, ссутулился, но тут же выпрямился, поддерживаемый диморфантом.

— Это Чертово Кладбище! Местность соответствует земному Коростеню, а ручей — реке Уше, которая впадает в Днепр возле Чернобыля. Не знаю, совпадение это или нет, но Битва предтеч произошла именно здесь.

— Ты имеешь в виду Чернобыльскую зону? Скорее всего, они связаны если и не причинно, то информационно. Отсюда утечка информации о Битве докатилась по мирам Веера и до Земли. А что там за башни? Издали похожи на ступу бабы Яги.

Вместо ответа Никита направился вдоль лесной опушки к ближайшей из башен, и вскоре она нависла над ними ощутимо тяжелым серым монолитом, с виду — из пористого бетона или, скорее, из чугуна. Поверхность ее была изрыта ямками ветровой или временной

коррозии и не имела ни окон, ни дверей, ни намеков на таковые. Лишь наверху, на высоте десятиэтажного дома, имелась выдавленная впадина, здорово смахивающая на след человеческой ладони.

Пси-фон у башни был еще сильнее, чем на равнине, и диморфанты-скафандры трудились вовсю, защищая друзей-хозяев от внешнего воздействия, имеющего злобную основу страха, угрозы и ненависти.

Никита дотронулся до стены башни, отдернул руку, побледнев, покачал головой:

— Надо же, как долго держится радиация!

— Что? Они радиоактивны?

— Я имею в виду радиацию ненависти, зла. Это могильники, Оямыч, в них хранится прах погибших демонов и магов, выступивших на стороне Люцифера. Чуешь эманации? Мощность излучения столь велика, что никто вблизи его бы не выдержал. И стоять им вечно, если кто-нибудь когда-нибудь не попробует оживить этот прах.

— А это... возможно?

— Кто знает?

— Тогда кто-то уже пытался.

— Что ты хочешь сказать? — оглянулся Сухов.

Такэда показал на дальний край поля, где высились два омерзительного вида холма.

— Две башни разрушены.

Никита долго смотрел на холмы из-под козырька руки, потом обошел башню и направился к лесу. Такэда передернул плечами, и, оглядываясь и чувствуя мерзкий и липкий взгляд, быстро догнал танцора. То и дело наплывало ощущение, будто погребенный в башне прах монстра собирается в призрачную жуткую фигуру, которая оживает и вот-вот выберется из своей гробницы.

— Как ты узнал о могильниках, о самом поле? Весть? Почему бы тебе таким же манером не выйти на мага?

— Пробовал, не получается. Может быть, экранирует здешнее пси-поле, может, он не хочет себя обнаруживать, как Уэтль на Астаамтотле. Я же говорил, Русь неспокойна и все время защищается, хотя, в отличие от земной, победила и хазарский каганат, и гуннов, готов и печенегов, варягов и половцев, норманнов и балтов, и татаро-монголов. Здесь, в этом мире, на планете, которой дали название Олирна, Свентана-Русь еще не знала плена и рабства, хотя нашествия идут волна за волной, разве что география вторжений другая, да климат, да названия племен и народов слегка отличаются от земных. Кстати, Книга Бездн, осколки которой Вуккуб собирает по всем хронам, а не только на Земле, пишется здесь.

Такэда, сраженный известием, присвистнул.

Они углубились в лес, но не успели пройти и километра, как

вышли на тропу, где их ждал сгорбившийся, но тем не менее высокий, выше Никиты, седой, как лунь, старик с длинной белой бородой. Он был одет в такой же седой, как он сам, меховой тулуп, опирался на посох руками в черных перчатках, а на плече у него сидел филин и зорко глядел на приближавшихся людей умными желтыми глазами. Старик казался суровым, спокойным и доброжелательным и одновременно отталкивал. Стоял он неподвижно и прочно, будто поджидал землян специально.

— Приветствую вас, добрые люди,— слегка поклонился старик. Голос его шел, казалось, из груди, басовито-хриплый, тихий и выразительный, и говорил он по-русски! То есть слова звучали, как русские, хотя и с удивительным акцентом, налетом древности и исчезнувших понятий. Лингвер лишь уточнял смысл речи, а не переводил.

— Кто бы вы ни были, людины или обели [1], мир вам.

— Мир и вам,— поклонился Никита, украдкой глянув на эрцхаор: в глубине камня плыли, переходя друг в друга, искаженные геометрические фигуры — треугольники, квадраты, ромбы. Индикатор почему-то никак не мог определить, кто перед ними, друг или враг.

— Ищете кого, чужестранцы?— задал вопрос старик. Филин встрепенулся, мигнул, открыл клюв, прошипел нечто вроде: «Гыхрухух-ищщах»,— быстро-быстро задышал зобом и снова замер.

«Чужестранцы,— повторил про себя Никита, не зная, что отвечать.— А старик-то непрост. Он не удивился, встретив их в глухом лесу, это раз. Не удивился ни двойной нашей речи, ни костюмам, это два. Кстати, следовало бы костюмам придать форму здешних одежд. И что он здесь делает, возле Чертова Кладбища? Где никто не живет?»

— Ищем, дедушка,— ответил танцор наконец.— Дорогу в стольный град.

— Стало быть, стольный град,— в раздумьи повторил старик.— Далеконько вам идти, странники. До Древлянска, стольного града нашего великого князя Мстиши, более трехсор верст будет, да все лесом, буреломом, болотами. А трактом ежели идти — крюк будет верст в сто, да лихие люди — ватага на ватаге,— да звери дикие. В такой одежонке и без оружия не дойдете, чужеземцы.

— А что вы нам посоветуете, дедушка? Может нам помочь кто-нибудь? Коней дать, одолжить?

— На комонях оно, конечно, быстрее будет, однак, кто ж вам их даст? Но советом помочь могу. Версты через три тропинка приведет вас в урему [2]. Как доберетесь, свертайте ошую [3] и выйдете к избе, там живет моя знакомая...

---

[1] Обель — холоп, раб; людин — вольный человек *(др.-рус.)*.

[2] Поемный лес.

[3] Налево.

— Баба Яга,— буркнул Такэда.

Старик сверкнул глазами, а филин заорал, снова проскрипел несколько невнятных слов и затих.

— Откуда вы ее знаете?

— Слухом земля полнится,— улыбнулся Никита, сообразив, что Толя своей шуткой попал в точку.— Спасибо за совет.

Старик поднял посох, направляя его в грудь Сухова. Тот напрягся, заставляя диморфанта увеличить защитный потенциал, но ничего не произошло. Конец посоха, светящийся, как головешка, отклонился влево.

— Туда не ходите, заблудитесь в едоме [1], а того хуже — увязнете в зело пакостной мшаре [2].

— Спасибо, дедушка. Как вас звать-величать?

— Витий Праселк.— Старик слегка ударил посохом в тропинку... и оказался в десяти шагах дальше, хотя не сделал ни одного движения. Стоял и смотрел из-под кустистых бровей на обалдевших землян строго и задумчиво. Еще раз ударил посохом о землю, переместился метров на пятнадцать дальше, за кусты. Затем исчез.

— Витий,— сказал Такэда сипло,— это по-моему не имя, а от слова «витьство» — колдовство. Значит, встречал нас колдун, волхв. На чьей он стороне, как ты думаешь?

— Черная рука,— пробормотал Никита.— Ты разве не заметил? У него была черная рука, словно в перчатке.

— То, о чем нас предупреждал Вуккуб. Дьяволы! Быстро они нас вычисляют. Только странно: если он — охотник, «чекист», почему он не напал? На безоружных?

— Забыл спросить. Хотя странно, конечно. Может, я ошибаюсь. Но рука у него действительно была черная.

— Значит, к его знакомой бабе Яге не пойдем?

— Отчего же, сходим, любопытно посмотреть на старушку, о которой столько сказано в русском фольклоре. Соответствует ли образ? К тому же, попытка не пытка, вдруг, да получим помощь?

Такэда хмыкнул.

— Да и мне интересно, честно говоря. В крайнем случае, за неимением Ивашки, скормишь ей меня.

Никита свернул с тропинки в лес в направлении, в котором волхв Праселк велел им идти. Толя шагнул за ним и шарахнулся в сторону, вскрикнув: прямо перед ним, буквально в сантиметре от ботинка, вылетела из-под земли длинная черная стрела с раскаленным докрасна острием и с гудением ушла в небо. По лесу раскатился дребезжащий струнный звук, зашумели сосны, словно от порыва ветра.

---

[1] Лесная глушь.

[2] Мшистое болото.

— Ты чего? — выбежал из-за дерева Сухов.

Такэда коротко рассказал, в чем дело, пытаясь разглядеть в кронах деревьев стрелу, но ничего так и не увидел. Назад стрела не вернулась. Вдвоем они осмотрели землю в месте, где она вылетела, но обнаружили лишь круглое отверстие в кулак человека, уходящее на неизвестную глубину.

— Охотничья ловушка? — предположил Такэда.

— Не уверен,— помрачнел Никита.— Пока нас охраняют диморфанты, такие ловушки не страшны, но расслабляться не стоит. Уж быстрей бы вооружиться.

— Да уж, с голыми руками против здешних колдунов не долго выстоишь.

Друзья углубились в лес, сторожко приглядываясь к любым подозрительным теням, и вскоре действительно вышли к болоту, Праселк не обманул. Повернули вдоль зелено-оранжевой кромки мхов налево, но не успели пройти и километра, как наткнулись на огромный, величиной с вагон, замшелый камень с выбитой на нем надписью. Буквы были крупные, неровные и смахивали на китайские иероглифы, но кое-какие из них напоминали буквы древнерусского алфавита. Никита очистил шершавый каменный бок от лилового налета лишайника, вгляделся в строки.

— Кажется, это предупреждение или дорожный знак: направо поедешь — коня потеряешь... ну и так далее.

— Надо же, как точны русские сказки! — восхитился Такэда.— А поточней расшифровать можешь?

— Не уверен, а с каналом Вести связываться лишний раз не хочу, энергии тратится слишком много.

— Может быть, я вам помогу, добрые люди? — раздался сзади, со стороны болота, тонкий девичий голосок.

Приятели оглянулись, автоматически принимая стойки, каждый свою: Такэда в стиле айкидо, Никита в стиле россдао.

На кочке, посреди зеленой от ряски болотной полянки, сидела обнаженная девушка с распущенными по плечам зелеными волосами. Кожа у нее была не то, чтобы зеленая, но шафрановая, бархатистая на вид, как бы светящаяся изнутри, волосы сверху охватывал венок из лилий и кувшинок, точно такие же венки охватывали талию и тонкие запястья, ноги прятались в воде, под ряской, и глаз невольно искал рыбий хвост. Лицо у девушки, по сути, девочки, было прозрачно-салатное, с огромными темно-зелеными глазами, как и полные губы, но Сухову не показалось это неприятным.

— Что уставились? — засмеялась девица, показав изумрудно светящиеся зубы.— Лимнады не видели?

— Ага,— сказал Такэда хладнокровно.— Лимнады, кажется,— нимфы болот?

Зеленоволосая снова засмеялась, уперлась в кочку рукой, зало-

жила ногу на ногу, показав вместо ступни лягушачью лапу с перепонками. У Никиты мороз пошел по коже от этого открытия, хотя он, вроде, и был готов к подобным вещам.

— Куда путь держите, молодцы? Меня с собой не возьмете? Разговариваете вы чудно, на два голоса, но я вижу — добрые.

— Да мы сами не знаем, куда идем,— признался Никита.— Если бы ты нам верную дорогу указала.

— На дороге стоит и дорогу спрашивает.— Колокольчики смеха рассыпались по болоту.— Вот же Страж-камень перед вами, он путь и укажет.

— А ты разве не здешняя?

— Здешняя-то я здешняя,— девица слегка опечалилась,— да ведь я только по болотам живу.

— Нам тут встретился дедушка один, суровый такой, с филином, назвался Праселком...

Девица сиганула с кочки в воду, причем без брызг и плеска, потом высунулась по плечи, сухая на вид, будто не из воды вынырнула.

— Беда, что вы встретили Праселка, витий он, злой и хитрый. Лонись [1] на моих сестер трясцу [2] нагнал, много людей в болотах утопил...

Никита почесал затылок, посмотрел на Такэду.

— А он нам показался нормальным стариком, суровым только. Подсказал, как найти дорогу, к своей родственнице послал.

— Какой? Уж не к Ягойой ли?

— Как-как? У нас в сказ... мы знаем бабу Ягу, костяную ногу. Не она?

— Она самая, Ягойой! И ноги у нее костяные, разрыв-травы не боятся, и голова сменная, то добрая, то равнодушная, то злая. Если встретит злая, тогда вы пропали. А как он вам идти велел? Там же торунь к ней, тропа есть.

— Посоветовал идти прямо, потом свернуть налево, вдоль болота.

— Как же, посоветовал. Там живут трясея и хрипуша, попали бы к ним — уже не выбрались бы. Да и на поляне, где изба Ягойой стоит, трава растет — разрыв-трава называется, у людей ноги отрывает.

— Так уж и отрывает,— усмехнулся Никита.

— А ты не смейся, красивый, лучше послушайся, не ходи туда. Комоня не потеряешь, бо пешец ты, но полжизни оставишь. Страж-камень не зря здесь стоит, витязей предупреждает.

— Что ж он в глухом лесу стоит?

---

[1] В прошлом году.

[2] Лихорадку.

— Так ведь по тракту этому уже, почитай, тыщу лет никто не ездит. Старый Сол-разбойник и тот помер от скуки, детки остались, двое — Инф и Ульт. Глядите, не наскочите на них, повадки-то у них старого остались. Но если все-таки не послушаетесь, глядите в оба, не то братьями моими станете... когда вас в болото кинут.

Лимнада нырнула, потом спустя несколько секунд вынырнула уже у дальнего края трясины. Лицо у нее было совсем печально.

— Я бы поплакала по вас, у людей подсмотрела, да плакать не умею.

— Как звать-то тебя, кудрявая? — спросил Такэда.

— Глая.— Девушка сделала жест, как бы отталкивая кого-то, и тихо, без всплеска, ушла под воду.

Путешественники переглянулись.

— Ох и умеешь ты производить впечатление на баб,— сказал Такэда завистливо.— Если уж эта зеленокожая загляделась!

Сухов рассмеялся, но не слишком весело. Он не знал, кому верить, старику с филином или зеленоволосой девчонке с ногами лягушки. А интуиция молчала.

— Эх, забыл у нее спросить об этих подземных стрелах! — в сердцах топнул ногой Такэда. Подошел к камню, потрогал надпись пальцем.— Жаль, что наш лингвер не видит ничего, он бы перевел.

Никита очнулся, подумав: если бы Праселк был из группы обеспечения Семерых, он говорил бы и действовал иначе. А главное, у зеленокожей лимнады по имени Глая были очень бесхитростные глаза. Живые и испуганные.

— Слышишь, профессор,— сказал Сухов, направляясь в обход камня.— Я плохо знаю фольклор. Кто такие хрипуша и трясея?

— Хрипуша, вероятно... э-э, хрипит,— любезно поделился знаниями Такэда,— а трясея... э-э, значит, трясет.

— Не знаешь,— констатировал Никита.— А Сол-разбойник с сыновьями?

— Про сыновей ничего сказать не могу, а вот сам разбойник — это, скорей всего, Соловей. Все-таки русские былины насчет всей здешней колдовской камарильи говорили правду.

Они углубились в чащу леса, мрачного и темного, без единого птичьего крика или стука дятла. И снова атмосфера чужого мира заставила их почувствовать страх и застарелую боль этих мест, идти медленней и говорить тише. Бывший тракт зарос лесом практически весь, ничто уже не напоминало о его существовании. Лишь однажды путешественники набрели на скелет лошади, да нашли черную стрелу без наконечника, протыкавшую метровый ствол сосны на высоте человеческого роста.

Пройдя с километр, уперлись в другое болото, повернули вдоль него и вскоре вышли на край поляны с высокой, до колен, травой. Посреди поляны стояла не избушка на курьих ножках, как ожидали

друзья, невольно подгонявшие читанные в детстве сказки под реальность, а могучая изба, сложенная из гигантских, не менее полутора метров в диаметре, серых, замшелых бревен. Изба была покрыта двускатной крышей, сбитой из половинок менее толстых бревен, и протыкала ее странная труба, похожая на морщинистый пень.

Путники обошли поляну кругом, но ни в одной из стен избы не заметили ни окна, ни двери, как впрочем, не увидели и тропинки, соединявшей избу с миром вокруг. Строение казалось своеобразным памятником неолитической архитектуры, реликтовым объектом поклонения, но никак не жилищем, и тем не менее веяло от него ж и в ы м духом, духом недобрым и угрюмым.

— Ох чую, съеденному быть! — поежился Такэда.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом! — прокричал вдруг Никита, напугав Толю.

— Дом-дом-дом,— ответило эхо и не успело смолкнуть, как с длинным скрипом в стене, напротив которой стояли люди, появилась дверь! Вернее, дверной проем. Впечатление было такое, будто часть бревен испарилась, растаяла, причем неровно — вверху уже, внизу шире.

— Гляди-ка, действует! — поразился Толя.

В глухой черноте образовавшегося входа что-то зашевелилось, и на порог выполз тщедушный некто. Старик не старик, но двигался он по-стариковски неловко, медленно, спотыкаясь, держась за стены. Сначала друзьям показалось, что он пятится задом, однако вглядевшись, они поняли, что у старика ростом с карлика или гнома, нет лица. То есть голова его заросла волосами со всех сторон.

— Что за скоки да голки [1]? — проскрипел он.— Никого нет дома.— Как и чем он говорил — было загадкой.

— А ты разве не дома? — прищурился Никита.

— Ась? — Сунул старик руку к огромному острому уху, заросшему седым пухом.

— Пень глухой,— проворчал Такэда.— Домовой, что ли?

Существо мелко закивало.

— Челядин есть, а тиуна нету. А вы кто будете? Почто шумите?

— Ты нас в дом пусти, да баньку истопи, да накорми, напои, а тогда и спрашивай.

— Не хами,— тихонько одернул Сухова Такэда.— Кто ж пустит после таких претензий?

— Это обычная формула сказки,— так же тихо отозвался Никита.— В принципе, действовать надо только так, смело до наглости, сказители не ошибались, передавая поведение фольклорных героев.

---

[1] Шум и крик.

— Эт мы могем,— снова закивал старичок, блеснув вдруг внимательным глазом под волосами на лице.— Проходите, люди добрые, если сможете.

— Разрыв-трава,— напомнил Толя слова болотной нимфы.

— Ничего она нам не сделает, прикажи только своему Сусаноо усилить защиту ног. Хотя вряд ли в этом есть необходимость.— Никита имел в виду приказ; диморфанты и сами знали, что им нужно делать.

Сухов первым направился к избе по высокой траве, которая заволновалась, стала хватать человека за зеркально блестящие сапоги, в которые превратилась нижняя часть существа-скафандра, но бессильно опала, вырываемая с корнями. Такэда шагнул на поляну, с любопытством понаблюдал за действиями травы, такой мягкой и нежной на вид, хотел высказать Сухову свои соображения, и в это время с неба послышался шипящий свист.

Какая-то тень мелькнула над избой, метнулась вниз, к людям. Никита разглядел раскаленную докрасна ступу, а в ней уже знакомую фигуру в меховой дохе, с филином на плече и с посохом в руке.

— Праселк? — омрачился Толя.

Но это оказался не колдун Праселк, встретивший их на тропе.

Ступа с глухим стоном ударилась о землю, окуталась дымом и почти сразу же остыла. На замерших людей смотрела суровая седая старуха с мохнатыми бровями и хищным крючковатым носом. Она так здорово походила на Праселка, что тот вполне мог быть ей если и не братом, то родственником уж точно.

— Фу! — сказала старуха хриплым мужским голосом.— Никак витязским духом запахло.

— А в книгах баба Яга говорит «русским» духом,— негромко ввернул Такэда, поклонился.— Добрый день, бабушка Ягойой.

Никита сделал то же самое. У него вдруг сильно задергало плечо, до боли, сердце дало сбой и вдобавок ко всему в голове зазвенело, как от удара по уху. Показалось, будто у хозяйки ступы три головы. Правда, наваждение тут же прошло, но было ясно, что старуха опыталась его прощупать в пси-диапазоне! И ей это почти удалось, несмотря на своевременную защиту диморфанта!

На коричнево-сером морщинистом лице Ягойой отразилось разочарование, разбавленное каплей уважения.

— Вижу, гости вы непростые. Что ж, заходите в избу, покалякаем.

Ступа со старухой метнулась в дверь, сшибла заросшего сторожа и исчезла.

— Не верю я, что она нам поможет,— ровным голосом проговорил Такэда.— Кстати, заметил? — она горбатая.

Никита молча подтолкнул его ко входу.

3

Они сидели за огромным деревянным столом и глядели, как старуха Ягойой колдовала у гигантской русской печи, доставая оттуда разнокалиберную снедь. Домовой с заросшим лицом, которого старуха называла Жива, относясь к нему безлично, как к предмету обихода, постанывая, носил блюда и расставлял по столу.

Перед тем, как сесть трапезничать, гости умылись над лоханью, сливая на руки друг другу из красивого ковша с ручкой в форме медвежьей лапы, и вытерлись полотенцем, которое хозяйка назвала «убрус». Глянув на их модные костюмы, она проворчала:

— Переоделись бы в домашнее, а то за версту чужаками несет.

«Домашнего» ничего, однако, не дала, хотя в углу громадной горницы-комнаты, сочетавшей приметы прихожей и гостиной, несмотря на имевшиеся в избе сени, стоял такой же великанский разверстый сундук с одеждой.

Горница казалась такой огромной, что в ней можно было играть в хоккей. Кроме сундука, стола и печи, занимавшей треть пространства, в ней стояла кровать-лежанка величиной в две земных двухспальных, с горой подушек, еще один сундук поменьше, окованный железными полосами, деревянный шкаф без дверок, с посудой, бадья с водой и лохань, две скамьи и столец — большое деревянное кресло с резной спинкой и ручками в форме все тех же медвежьих лап.

В горнице было светло, как днем, хотя ни свечей, ни лучин, ни тем более электрических ламп гости не заметили. Казалось, светился сам воздух, причем избирательно: в углах и у сундука с металлическими полосами стыла темнота.

Потолок, сколоченный из грубо обработанных досок, нависал над головой метрах в четырех, и Никита подумал, что изба изнутри гораздо больше, чем кажется снаружи, хотя и внешне впечатляет. Точно такое же ощущение внушал и дома Зу-л-Кифла, что говорило о некоем родстве строений, м а г и ч е с к о м родстве. Ягойой была если и не магом в полном смысле этого слова, то ведьмой, колдуньей с высоким уровнем воздействия.

— Мовницу истопи,— приказала старуха слуге, подразумевая баню, но гости твердо отказались мыться, не желая рисковать. Ягойой их поняла, насмешливо сверкнув глазами, и настаивать не стала, но увидев у Никиты перстень, изменилась в лице.

— Я так и чуяла, что у вас оберега! Спаси и помилуй! Кто дал-то? Уж не Яросвет ли?

— А кто такой Яросвет? — простодушно спросил Такэда.

— Будто не знаете.— Настроение у бабы Яги, не слишком схожей с образом из русских сказок, упало, и она принялась яростно орудовать у печи, то и дело пихая бедного Живу то в бок, то в спину.

Смотрелась она, во-первых, вовсе не дряхлой старухой, жаждущей сожрать любого, кто попадется. Высокая, статная, одетая в длинную цветастую поневу и пушистую кофту, с аккуратно уложенными седыми волосами, она выглядела бы даже привлекательной, если бы не горб и не крючковатый нос, а также слишком глубоко посаженные глаза, в которых иногда вспыхивал мрачный черный огонь.

Никита было подумал, уж не наложено и на нее заклятие, как на Тааль, бывшую жену Вуккуба, из-за ее участия в Битве на стороне сил Люцифера, но спросить у самой Ягойой не решился.

Перед едой Жива налил гостям в деревянные кубки белого кваса, сваренного на меду, и оба, отведав напитка после сигнала эрцхаора «все в порядке», едва не окосели. Хотя алкоголя в напитке не чувствовалось, голова от него закружилась, как от стакана шампанского.

— Ощущение такое, будто голова — прямое продолжение желудка! — тихонько пожаловался Никита Такэде.

— Алкоголик ты, Сухов,— заявил Толя.— Те тоже от запаха балдеют. Однако, признаться, и я поплыл. Может быть, она специально в квас чего-то подмешала?

— Индикатор дал бы знать.

— Тогда давай быстренько заедать.

На первое оказалась ботвинья, единственным недостатком которой было отсутствие соли. На второе ели пироги с вязигой — жилами из хребта если и не осетра, то какой-то другой подобной ему рыбы, разваренными в студенистую прозрачную массу и придающими пирогам сочность и изумительный вкус, а также блины с вареньем. Варенье было подано разных сортов: из морошки, ежевики, черники, земляники и брусники, и глядя, как гости уплетают блины, Ягойой заметно подобрела.

Сидела она на своем «княжеском» кресле-стольце прямо и неподвижно, разглядывая едоков по очереди, и не произнесла ни слова, пока те не насытились. Лишь когда они запили обед калиновым морсом, Ягойой наконец перестала сверлить их взглядом.

Небрежно махнув посохом-клюкой, она длинной чередой отправила всю посуду со стола прямо в печь, очистив таким образом стол, а Живу той же клюкой пихнула в угол, где он забился в лежавшие грудой овчины.

— А теперь, гости незваные, рассказывайте свою байку, что вас сюда занесло.

И столько было силы в ее голосе, что Никита, сам того не ожидая, выложил почти всю свою историю, не отвечая на пинки встревоженного такой откровенностью Такэды.

Ягойой реагировала на рассказ сдержанно, только однажды прервав собеседника, да и то для того лишь, чтобы сбить со стола громадного — с палец — таракана. Затем кликнула слугу:

— Сходи-ка в медушу.

Жива исчез и вскоре принес из сеней сулею — сосуд с горлышком, в котором оказался вареный мед. Выпив литровую кружку напитка и не предложив гостям, старуха прогундосила:

— До чего же бесхитростный вы народ, витязи. Подставил меня братец, нечего сказать. А я хотела полакомить вами Горынчища.

Друзья переглянулись. Старуха усмехнулась.

— Не пужайтесь, я токмо с виду страшная. Гайда за мной в бретьяницу, братие.

Бретьяница оказалась кладовой позади печи, причем таких же размеров, что и горница. Такэда, увидев ее, покачал головой, подумав, как и Никита, о неравенстве измерений внешнего и внутреннего объемов избы. Забита была кладовая всякой всячиной от мехов, одежды и мягкой рухляди до деревянных бадей, бочек, скамеек и отрезков серых труб, в которых с трудом угадывались ступы в рост человека.

— Выбирайте и надевайте.— Старуха вытащила из кучи серый плащ с муаровым зеленоватым рисунком, похожий на змеиную шкуру, второй плащ — с застежкой на плече и нечто вроде стеганого ватного тулупа без воротника.— Вот корзно, коц и ферязь, можете забирать все.

— Нам не надо, спасибо,— покачал головой Никита.

— Даю — бери! — осердилась Ягойой.— Не простая одёжа-то, в ней по болотам ходить можно, а земля здесь — сплошные болотины да ямы.

Из груды всяческой домашней утвари она вытащила короткое, блестящее, как тусклое серебро, копье, протянула Такэде:

— Держи оскеп, меченоша, с ним на любого волкодлака идти можно.

Старуха повернулась к груде ступ, ударила по ним клюкой. Длинная змеистая фиолетово-розовая молния оплела серые стволы, запахло озоном. Ступы рассыпались, одна из них покрылась светящимися пятнами, словно изморозью, зашевелилась, встала на торец, но тут внутри нее проскочила малиновая искра, и ступа, задымив, упала назад.

— КЗ,— прокомментировал Такэда с тихим ехидством.

— Замерзли,— проворчала Ягойой.— Давно я их не кормила. Ладно, я вам свою уступлю, доберетесь — отпустите, сама дорогу найдет.

— Да не надо, мы и так доберемся,— попытался запротестовать Никита, не слишком обрадованный перспективой полета в ступе, но его не послушали.

На воле царил вечер.

Выйдя из избы, старуха безмолвно п о з в а л а кого-то — Сухов почуял пси-импульс,— и с шипением и треском из трубы над крышей

избы вылетела ступа, спикировала к ногам хозяйки. Диаметр ее был не менее полуметра, а высота по грудь даже высокому Никите.

— Влезайте.

— Но я же не...— Сухов беспомощно оглянулся на Толю.

— Чего зря ноги бить,— рассудил тот,— если можно использовать бесплатный транспорт. А управлять ею, наверное, просто: сказал, куда тебе надо, и отдыхай. Не так ли, бабушка?

— Так, разумник,— отрезала Ягойой.

Сухов, сраженный доводом, повиновался. За ним в ступу влез и посмеивающийся Такэда.

— Скоро ночь,— сказала старуха,— и ориентироваться будете на Прикол-звезду. Вот вам снедь на дорогу.— Она подала принесенный Живой узелок.— За Огнь-рекой будет городок Переяславец, там не останавливайтесь, гоните лытарь дальше, по-над болотом вправоручь, да на оберегу поглядывайте.— Ягойой кинула вспыхнувший взгляд на перстень эрцхаора.— Домчитесь до Древлянска — по Детинцу узнаете, маковки светятся,— оставите лытарь в дубраве, а дальше уж сами. Ищите Яросвета, только он вам и поможет с мечом. Правда, есть тут одно место, где оружия много, выбрать можно любое.

— Что за место?

— Дикое поле. На Чертовом Кладбище были, небось? Вот за ним и простирается Дикое поле, почитай до Огнь-реки. Но я бы не советовала вам завертать туда. Стерегут то поле в шесть глаз.

— Посмотрим,— сказал Никита. Замялся, не решаясь высказать какую-то мысль. Потом все же осмелился.— А ведь вы хаббардианка, Ягойой.

Глаза старухи мрачно вспыхнули, челюсть ушла назад, отчего она стала похожа на жуткую птицу, но тут же лицо успокоилось, приобрело суровое и строгое выражение.

— А ты, вопреки наговорам братца, настоящий Посланник, витязь. Не побоялся рассказать мне всю правду. Если бы не доверился — гореть бы тебе в ложнице... али в Огнь-реке! Ну отправляйтесь.

— Простите,— заторопился Такэда,— а кто братец-то ваш? Не Праселк, случайно?

— Какой еще Праселк? Мних али орд?[1] Я многих Праселков знаю, а брат мой — Хуббат. Встречали такого?

— Встречали,— глухо ответил Сухов.

— Берегитесь его, он не токмо тысяцкий из свиты таксиархов, но и хлад.

— Бесчувственный,— неуверенно перевел слово линивер.

---

[1] Мних — монах, орд — привидение, призрак покойника.

— Вперед! — скомандовал Никита, и ступа, испустив днищем сноп оранжевых искр, рванулась вверх.

— Помоги вам Тригла[1]! — донеслось с поляны.

Летели уже час, в полной темноте.

Лес внизу, без единого огонька и проблеска света, затаился и молчал, провожая полет колдовского аппарата сотней враждебных или равнодушных глаз. Облака разошлись, и взору открылось угольно-черное звездное небо, на котором нельзя было отыскать ни одного знакомого созвездия. Низко над горизонтом сияла яркая красная звезда, заменявшая Полярную — Прикол-звезда,— и взгляд ее был мрачен и угрожающ. Впрочем, путешественники уже поняли, почему край этот неуютен, дик и зловещ, источает ненависть и угрозу: на них продолжало действовать пси-поле близкого Чертова Кладбища с могилами демонов.

Кладбище они облетели стороной, невольно прижимаясь друг к другу спинами. Стоять в ступе было неудобно, к тому же края ее стали горячими, задымили; запахло окалиной.

— Аппарат явно перегружен,— заметил Такэда.— Зря не попросили парашюты.

Никита мысленно приказал ступе увеличить скорость, но летающая диковина не отозвалась, она действительно работала на пределе. Если бы не диморфанты, закрывшие головы людей прозрачными колпаками, путешественники давно замерзли бы.

Мрачные башни — могильники Чертова Кладбища — ушли вправо и назад, ступа снова повернула на траверс Прикол-звезды. Под ней развернулась смутно угадываемая холмистая равнина с островками леса и болотными марями, кое-где отсвечивающими в свете звезд зеркалами воды. Никита заметил внизу по ходу движения какие-то странные образования — скалы не скалы, сооружения не сооружения,— снизился, чтобы разглядеть их получше, и в этот момент ступа содрогнулась от сильнейшего удара снизу. Седоки едва не повылетали за борт, хватаясь за края ступы и обжигая руки. Что-то затрещало, с боков аппарата посыпались искры, он накренился и с визгом и воем понесся вниз, к земле.

Их спасло то, что летели они достаточно низко, на высоте не более тридцати метров, и упали прямо на моховую подушку небольшого болотца. Кубарем выкатившись из ступы на берег болотца, они разом оглянулись назад и, прежде чем ступа затонула в прорванной ею трясине, увидели в раскаленном докрасна днище аппарата длинную черную стрелу толщиной с руку. Зашипев, ступа ушла под воду, увлекая за собой стрелу.

---

[1] Тригла или Триглава — богиня с тремя лицами.

— М-да! — задумчиво сказал Такэда.— Стрелок был отменно меткий. Попасть ночью в летящий и почти невидимый на фоне неба предмет диаметром в полметра — все равно, что плевком поразить летящую стрекозу. Далеко мы успели улететь?

— Километров сорок, не больше. До Огнь-реки еще столько же, а упали мы, наверное, на край Дикого поля, о котором говорила Ягойой.

— Ты хорошо видишь в темноте?

— Почти как днем.

— Тогда пошли пешком.

— Не спеши.— Никита встал, поправил плащ, огляделся, прислушиваясь больше к себе, чем к звукам вокруг, и махнул рукой.— Давай в ту сторону.

— Там же болото!

— Вот и проверим свойства плащей. Баба Яга говорила, что в них можно ходить по болотам. Потом вылезем на холм и заночуем. Есть у меня одна мысль...

— Вооружиться на Диком поле?

— Угадал, телепат.

Они осторожно двинулись по упругой поверхности мхов, покрывающих болотце, к его центру, затянутому ряской и водорослями, и вскоре убедились, что их держит не только мох, но и грязевая трясина! Плащи Ягойой не то уменьшали вес владельцев, не то увеличивали поверхностное натяжение воды — по прикидкам Такэды, привыкшего все анализировать и объяснять хотя бы для себя. Но, главное, плащи действовали.

Выбравшись из болота и взойдя на ближайший холм, путники залегли в кустах, на сухих подушках все того же пушистого мха, и стали дожидаться утра. Обоим хотелось спать, но память продолжала прокручивать события прошедшего дня, и призывала к осторожности, хотя в «скафандрах» диморфантов им был не страшен никакой зверь.

— Если Яга хаббардианка и сестра Хуббата,— завел разговор Толя о том, что его мучило,— то она сестра и Вуккубу.

— Логично,— согласился Сухов, думавший о своем.

— Но если Хуббат — триглав, то и Вуккуб тоже?

— Логично.

— Жаль. Мне он нравится с одной головой. Но тогда и Ягойой, то есть Баба Яга, триглав? Горб ее помнишь? Там, наверное, она и прячет остальные головы.

— К чему ты клонишь?

— Да так, рассуждаю. Прослеживается интересная схема злых сил: и баба Яга, и ее братья, и Змей Горыныч — олицетворение зла в русском фольклоре, все они трехголовые монстры. Понимаешь?

— Не понимаю. Ну и что?

— Я и сам пока толком не понимаю. Только уж очень подозрительно, что зло — трехлико. Кстати, и Соловей-разбойник здесь не одинок, с сыновьями своими тоже троицу образует.

— Не вижу связи. Троица бывает и добрая, положительная. Спи, утро вечера мудренее, я пока покараулю.

Такэда затих.

Оба уснули почти тотчас же и не заметили, как из-под пня неподалеку вылез маленький человечек, заросший шерстью по глаза, величиной с два кулака, и утащил их узелок с едой.

Наутро первым, что у них исчезла снедь бабы Яги, спохватился Такэда. Причина пропажи выяснилась тут же: из-под пня, в небольшой норе торчал край платка, в который были завернуты пироги. Никита вытащил платок, нагнулся и проговорил в нору:

— Вылезай, не то заколдую.

С минуту было тихо, потом послышался шорох, и перед глазами удивленных путников предстала маленькая, лысая, опушенная сероседым пухом, головка с глазами-бусинками, широким — до ушей — носом, с бородой и усами, скрывающими рот.

— Лопни мои глаза — гном! — тихонько прошептал Такэда.

— Вылезай, вылезай,— отступил на шаг Сухов.

— А колдовать не будешь? — неожиданно хриплым басом спросила кроха.

— Не буду,— засмеялся Никита. Сел на мох напротив пня, поджав ноги.— Кто будешь-то?

— Лесовик я, Жива.— Гном выполз наружу, похожий на постаревшего и поседевшего мохнатого Чебурашку.

Путешественники переглянулись.

— Жива, говоришь? А тот Жива, что у Ягойой ютится, не родственник тебе?

— Брательник старшой.

Такэда фыркнул.

— По-моему, они все тут в родстве, хаббардианцы замаскированные.

— Не-е,— застеснялся лесовик,— не хабдерьянцы мы, лес бережем, чистим, расколдовываем.

— Как это?

Человечек наставил ручонку на мухомор, выглядывавший из-под мха на краю поляны, и тот вдруг лопнул бурым облачком дыма. Запахло горелым.

— Нежить-ухо,— пояснил лесовик.— Землю ест и рямит.

— Заболачивает,— шепнул лингвер.— От слова рям — болото с порослью.

— Не наше оно,— продолжал Жива,— гиблое, все время пищит и струнит, и бухает, жить не дает.

— Струнит? — Такэда посмотрел на Сухова.— Не слишком вразумительно.

— Эта «нежить-ухо» связана с Чертовым Кладбищем,— нахмурился Никита.— Видимо, рождена демонической радиацией. По сути, подслушивающее устройство демонов и одновременно эффектор, разъедающий трехмерность. Вот почему здесь так много болот. А лесовики с ними борются, в меру своих сил, конечно. Интересно, кто их оставил и как давно? И много вас, Жив-то? — обратился танцор к лесовику.

— Не-е,— сожалеюще ответил старичок,— совсем мало осталось, дюжины две на Порубежье. Померли все, старые, а юноты нету,

— Кто же вы, откуда взялись?

Лесовик вздохнул совсем по-человечески, провел ладошкой по лысине.

— Забытые мы, никому не нужны...

— «Мы — забытые следы Чьей-то глубины»,— негромко продекламировал Такэда.— Есть у Блока такие строки: «Зачумленный сон воды, Ржавчина волны. Мы — забытые следы Чьей-то глубины». Да-а, повеселилась здесь свита Люцифера, много зла оставила в наследство Руси. Видно, и маг, к которому нас направили, не справляется. Вовремя ты здесь появился, Посланник.

— Ас? — подался вперед лесовичок, подставив к уху ладошку.— Не ослышался я, часом? Ты Посланник будешь?

— Он самый,— подтвердил Толя.

— Ой, радость-то какая! — Старичок вдруг заплакал и засмеялся одновременно, клубком прокатился по земле, не шевельнув ни одной травинки, и скрылся в своей норе.

— Вот не чаял дожить,— донеслось оттуда, и все стихло.

— Псих,— сказал Такэда, встретив взгляд Сухова.— И ворюга.

— Не обижай маленьких,— покачал головой тот.— Они слишком долго ждали перемен, не в силах совладать с деструкцией пространства собственноручно.

— Все равно он не воспитан. Хотя лично мне симпатичен. Что теперь есть будем?

Из норы донеслись скрипы, шуршание и пыхтение, и на свет появился Жива задом наперед. Он тащил какую-то белую, с зеленой полосой и черным клеймом «НЗ» коробку. Глянул снизу вверх на застывших в столбняке землян.

— Вот, возьмите, пригодится, небось.

— Лопни мои глаза! — просипел Такэда.— Это же блок НЗ! Точно такой же, что дал нам Истуутука. Где ты его взял, воришка?

— Нашел,— хихикнул старичок.— До вас тут гости шастали, что-то искали, голые, как моя лысина, только кожа голубая. Но

добрые, сами вот дали.— Жива взмахнул ручками и исчез, добавив из норы на прощание: — Вот обрадуется... е-ет.

— Что еще за «еет»?

— Яросвет,— догадался Никита.— И Ягойой послала нас к нему. Что ж, будем искать Яросвета. А пока неплохо бы все-таки вооружиться. Это хорошо, что у нас есть помощники, но не дремлют и враги. Чувствую их приближение, но где они, кто и сколько — разобрать не могу.

— Так колдани, чтобы мы оказались в столице, или свяжись с этим Яросветом телепатически.

— Ты мне это уже предлагал, а я уже пробовал. Не выходит. Весть не включается, канал закрыт. Поэтому и надо вооружаться, пока Путь Меча не закончится.

Выбрав направление, они зашагали с холма вниз, чтобы взобраться на более высокий холм в километре от них. И застыли, глядя на развернувшийся ландшафт.

Перед ними простиралось вспаханное давними катаклизмами поле-шрам на шраме, заросшее серо-зеленой травой и лишайником, уродливыми кустиками краснотала без листвы и карликовыми, в рост ребенка, деревцами с плоскими черно-зелеными кронами. Но главным, что приковывало взгляд, было каменное войско, застывшее в поле. Войско, огромный отряд из тысяч всадников и пеших воинов, стояло здесь давно, воины успели погрузиться в землю, кто по грудь, кто по шею, но все они не были людьми, в том числе и всадники, чьи «лошади» лишь отдаленно напоминали земных лошадей. Рост их говорил сам за себя: даже торчащие из земли и скал головы превосходили по высоте человека.

— Мать честная! — сказал Никита.— Кто же это их так?!

— Василиск,— предположил Такэда, не зная, как близок к истине в своих предположениях.— По земным поверьям люди под его взглядом каменели.

— Но не армия же целиком! А может быть, этот полк воевал на стороне Люцифера? Уж больно несимпатичны бойцы. Давай посмотрим на них поближе.

— Может, не стоит? Да и оружия здесь не добудешь, оно, наверное, тоже окаменело. Зря баба Яга намекала.

Никита двинулся с холма, не дослушав. Если уж он решал, то не передумывал, в чем Толя уже успел убедиться, не очень радуясь растущей самостоятельности и твердости решений друга.

Они достигли первого всадника и остановились, впечатленные его размерами и формой.

Больше всего тот походил на гигантскую десятиметровую крысу, закованную в броню, разве что с более тупой мордой. А «конь» его напоминал, скорее, огромную сколопендру, застрявшую в скале по брюхо. И оба они казались мертвыми и живыми одновременно!

— Ох и не нравится мне здесь,— с отвращением сказал Такэда.— Если на них и лежит заклятие, то вот-вот утеряет силу, и они оживут.

— Дай копье.— Никита отобрал у Толи копье Ягойой, примерился и метнул его прямо в грудь исполину.

И случилось чудо!

Копье вошло в тело «крысочеловека» легко, как в трухлявый пень, вспыхнув при этом желтым накалом, исчезло. С резким металлическим лязгом монстр схватился лапой за грудь, глянул на двух козявок, осмелившихся уколоть его иглой, и... начал рассыпаться в пыль, потек, задымился. Миг — и он рухнул, осел горой текучего серо-зеленого праха, язык которого дотянулся до людей и заставил их закашляться от горечи.

Пока Такэда отплевывался и счищал пыль с лица и головы, Никита забрел в курившуюся дымком кучу, поискал в ней что-то и вытащил копье, целое и невредимое, только горячее. Потом снова нагнулся и с натугой вытащил за рукоять трехметровое, зазубренное специально лезвие меча, зло и хищно отбросившее зеркальный зайчик.

— Мне маловат будет,— с насмешливым сожалением протянул Толя.

Никита попробовал взять меч обеими руками, но перехватить рукоять не смог. Отпустил, и меч канул в пыль, подняв серые дымные облачка.

— Что ж, поищем по своим размерам.

Они обошли войско, растянувшееся на несколько километров, и нашли то, что искали: всадника высотой всего в два человеческих роста, сидевшего на странном животном, помеси жирафа и верблюда. Судя по всему, этот «малыш» был предводителем войска, так как возглавлял его.

— Альтикамиллус! — пробормотал Такэда, разглядывая «коня».— На Земле тоже когда-то жили такие звери.

— Так, может быть, этот всадник — землянин? Неандерталец какой-нибудь из тех, что вымерли?

Инженер пожал плечами.

— Тогда уж Конан-киммеринец, если вспомнить Говарда.

Меч у этого могучего существа, грузного, сутулого, с покатыми плечами, закованного в коричневую броню, висел без ножен, на перевязи, и слетел вниз, как только Сухов ударил по нему копьем. Правда, всадника от разрушения это не спасло, через минуту он распался в груду праха, как и его гигант-предшественник. А когда Никита отыскал в пыли двухметровый клинок, его ожидал сюрприз» меч заговорил!

— Не трогай, слабак! — сказал он сварливо на чистом русском языке.— Мной должен владеть только герой!

— Брось,— посоветовал Такэда, подзадоривая этим танцора.— Он все равно слишком тяжел и велик.

Никита усмехнулся, со щек его сбежала краска, губы сжались в узкую полоску, глаза вспыхнули. В следующее мгновение он сделал одно сложное и д л и н н о е движение, состоящее из перетекающих друг в друга положений меча, и Такэде показалось, что Сухов оплетен мечом со всех сторон.

— Кхе! — обрел голос меч.— Поостерожней чуток. Как тебя зовут, герой?

— Никита Сухов.

— Славное имя. Что ж, владей, но береги.— В голосе меча неожиданно послышалось ехидство, но Сухов не обратил на это внимания.

— Что скажешь, Наблюдатель?

— Ты велик, Посланник! — обрел дар речи Такэда.— Это уже не уровень иаи-дзюцу, это уровень ядомэ-дзюцу [1], высшее исполнение кэндо-но ирон то дзиссай.

— То-то,— самодовольно кивнул Никита, укрепляя перевязь меча на шее, иначе он цеплял землю.

На краю поля они оглянулись с холма. Каменное войско все так же страшно, молча и неподвижно двигалось к неведомой цели, готовое ожить или рассыпаться в пыль. И Никита понял, что здесь произошло: кто-то из демонов пробил брешь в потенциальном хроно-барьере между Мирами Веера, и узкий язык другого времени, лизнув этот мир, навеки заморозил грозную армию.

Определив направление обхода поля, путники зашагали дальше, надеясь дойти до Огнь-реки за день и не встретить тайных или явных врагов. Однако надеждам их не суждено было сбыться.

Сразу после обеда из волшебной коробки НЗ, созданной в высокотехнологическом мире Истуутуки, друзья набрели на гигантский провал в теле планеты, напоминающий жерло вулкана с отвесными стенами, и как Толя ни отговаривал Никиту, тот все же из любопытства заглянул в провал, сам не зная, зачем это делает.

Такэда сразу почувствовал неладное, увидев, как Сухов резко сунулся за обрыв, словно собираясь прыгнуть вниз. Схватив танцора за ноги, Толя с трудом выдернул его обратно и оттащил в сторону, успев тем не менее ощутить черное и жуткое д ы х а н и е ада! Все же он «поплыл» от удара неведомой энергии, но сознания, к счастью, не потерял, даже успел отреагировать на возникшие вдруг со всех сторон тени, пронзить одну из них копьем, врезать другой по туловищу и кинуть через себя третью, а также потрепать Никиту по щекам, чтобы тот пришел в себя. И отбивался еще с ми-

---

[1] Ядомэ-дзюцу — отбивание стрел мечом (техника ниндзя).

нуту, зажатый черными плащами со всех сторон, живой только благодаря диморфанту, принимающему на себя все удары.

Никита очнулся от боли: кто-то наступил ему на руку. Реакция его была замедленной, сознание не сразу очистилось от остатков дурмана, внушенного чьей-то волей из глубин провала, но он вступил в схватку с уверенностью в победе, не допуская даже мысли, что его могут предать. Но это случилось: его предал... меч!

Лишь дважды он разрешил хозяину поразить метавшихся вокруг врагов, а потом вдруг вырвался из рук и исчез в провале, издав отчетливый смешок.

Никиту ударили по голове — не помог даже диморфант, и последней мыслью его было: «ЧК!.. без оружия... странно! Почему они не стреляют?..»

4

Он открыл глаза, пошевелился и едва не застонал от боли во всем теле. Оказывается, его приковали к стене за раскинутые руки, и суставы затекли. Рядом кто-то завозился, зашипел тихонько сквозь зубы. Никита с трудом повернул распухшую голову и увидел абсолютно голого Такэду, также прикованного к стене. Скосил глаза вниз: собственная нагота поразила больше.

— Гадство! — выругался он, хрипя пересохшим горлом.

— Привет,— отозвался Такэда.— Чисто американский боевик с приковыванием к стене, пытками и муками главных героев. Надеюсь, ты освободишь нас раньше, чем начнут пытать.

— Где мы?

— Хороший вопрос, почти трезвый. Я думал, это ты мне расскажешь.

— Меня ударили по голове и.... дальше ничего не помню.

— Ты же говорил, что диморфанты защищают от в с е х внешних воздействий. Вот и верь после этого людям.

— Я не знаю, в чем дело. Может быть, они еще не привыкли к нам и не знают наших слабых сторон.

— Каким же образом с нас их сняли?

Никита промолчал, оглядел помещение.

Каменный склеп, с виду без дверей и окон, с решеткой в углу, через которую подается воздух, и больше ничего. Светильником служит просто одна из граней верхних блоков, соединяющихся в потолок. М-да!

— Вот именно,— отреагировал Толя на движение губ друга.

— Если бы меч не предал меня...

— Что тогда произошло бы? Не переоценивай своих возможностей, Кит, охотников было слишком много, никакой меч не помог

бы. Кстати, почему ты считаешь, что меч тебя... гм, предал? Это была ловушка, да и меч был заколдован. Зачем брал? Баба Яга, между прочим, предупреждала тебя не ходить на Дикое поле.

— Вот я теперь и думаю — зачем? Если бы она промолчала, мы бы с тобой и не подумали пойти на поле искать оружие.

— Думаешь, она сделала это нарочно?

— Уверен... почти. Хаббардианец есть хаббардианец, кто бы он ни был: делая добро, он тут же нейтрализует его злом.

Толя поразмышлял немного.

— Но Вуккуб тоже хаббардианец, а он не сделал нам ничего плохого.

— Кто знает, что такое «плохо» по мысли Вуккуба? Может быть, все еще впереди?

Разговор на время прервался. Оба попытались освободиться от оков, но напрасно: металлические скобы крепились на штырях, вмурованных в камень, выдернуть их без инструмента не представлялось возможным. Такэда сдался первым.

— Как ты думаешь, зачем «чекисты» доставили нас сюда? Они же ликвидаторы, профессионалы по мокрым делам, а не по задержанию.

— Значит, свыше поступил приказ взять нас живыми. И я догадываюсь, кто его отдал.

— Гиибель.

— Точно. Толя, для меченоши ты слишком догадлив, это тебя погубит.

— Я знаю. Наконец-то и ты меня оценил. Но у меня возникло сомнение насчет мага: если это его мир, почему он не вмешался?

— Яросвет? Все просто: я должен доказать, что я Посланник. Настоящий Посланник сумел бы за себя постоять, а слабак...— Никита нехотя улыбнулся.— Что он может сделать?

— Речь не мальчика, но мужа.

— Не иронизируй. У меня тоже появилось сомнение. Если нас взяли по приказу Гиибели... странно...

— Что именно? Говори яснее.

— Сначала я подумал, что мы в Гашшарве.

— Где?

— В мире, в котором обитает Гиибель. Но это не Гашшарва, обычные три измерения... плюс слабый магифон. Эх освободиться бы!

— Что это даст? Ни одежды, ни оружия... перстень тоже отняли? Ну вот... и хохху отобрали. Жаль, мы не догадались попросить у бабы Яги шапки-невидимки, наверняка они у нее есть. А сама она не...

— Помолчи,— оборвал Никита разговорившегося инженера, закрыл глаза, сосредоточиваясь.

— Это я так мандражирую,— не обиделся Толя и замолчал, глядя на Сухова с надеждой и сомнением.

Никита дождался волны боли, омывшей все тело и освободившей душу от оков плоти, напрягся и «вышел» из тела. Теперь он видел то, что не мог видеть, будучи прикованным к стене. Второе «я» — экзосоматическая система, которую когда-то окрестили душой,— подчинялась воле неохотно, однако пожелания Сухова выполняла.

Сначала он облетел камеру в надежде найти контур двери, через которую их сюда затащили. Контура не было. Дверью мог быть любой блок, из которых были сложены стены. Тогда «Сухов-2» проник сквозь решетку в потолке в вентиляционную шахту диаметром всего в двадцать сантиметров и, чувствуя, как слабеет связь с телом, попытался пробраться по шахте наружу. Это ему удалось не сразу, к тому же пропала острота зрения. Преодолев панику, он все же продолжал путь, но вдруг оглох и совсем перестал видеть. Вот тут он испугался по-настоящему!

Как он добирался обратно и входил в обмякшее тело, в памяти не отразилось. Очнулся же, как и в первый раз, от боли в затекших суставах. Застонал, открывая глаза. Пол качался, стены норовили наклониться и задавить, потолок — упасть на голову, гул крови стоял в ушах гулом бешено несущегося поезда...

— Спокойно, все в порядке,— долетел чей-то тихий голос.

Никита успокоил сердце и пришел наконец в себя. «Землетрясение» прекратилось, но стены продолжали давить, угрожать, излучать холод и угрюмое презрение.

— Ну что? — спросил Такэда.— Где мы?

— Все там же,— прошептал Никита.— Не могу выйти в эйдос, стены чем-то пропитаны... ненавистью, скорее всего, заколдованы. Стоит только раскачать нервную систему, начинается жуткий мыслепрессинг. Но мы не на Земле.

— Это я и сам понял, сила тяжести чуть меньше.

— Нет, я хотел сказать, мы не на планете с темпоралом, аналоге Земли, мы вообще на другой планете. Может быть, в Солнечной системе, может, у другой звезды.

Озадаченный Такэда переступил с ноги на ногу.

— Если так, удрать отсюда на Землю невозможно.

— Подожди с выводами, я сейчас отдохну и попытаюсь еще раз.— Сухов закрыл глаза и расслабился.

Стоял он так минут пятнадцать. Потом глубоко вздохнул и начал играть мышцами, как бы массировать их изнутри, сначала на руках, на груди, спине, потом на животе и ногах. Еще раз вздохнув и не отвечая на взгляды Толи, напрягся весь так, что превратился в статую атлета с мышцами, готовыми лопнуть от напряжения. И вдруг оделся с ног до головы в сетчатый ореол голубого свечения. С жестким металлическим стоном лопнули стержни, державшие

скобы с зажатыми в них запястьями. Никита упал на колени, но тут же поднялся и, продолжая светиться, подошел к Такэде. Взялся за стержень.

Лицо его было не бледным, а как бы прозрачным, сквозь кожу проступил даже рисунок вен, и Толя ощутил невольно холодок страха, встопорщивший кожу на затылке. С треском стержень сломался, за ним второй. Ни слова не говоря, Никита повозился со скобами, выдернул из них штифтовые замки и лишь после этого сел на пол, в изнеможении прислонившись спиной к стене. Свечение втянулось в его пальцы, уши, нос, волосы, кожа сделалась гусиной, шершавой и холодной.

— Отличная работа! — сказал Такэда бодрым голосом.— Жаль, что не могу предложить тебе шампанского.

— Сейчас,— невпопад и невнятно ответил Никита; глаза его ввалились, потемнели, но продолжали мерцать упрямым пламенем.— Это экстрарезерв всего-навсего, Весть не работает, нет подпитки. Нам бы только выбраться отсюда.

— Нам бы только день простоять, да ночь продержаться...— пошутил Толя словами Мальчиша-Кибальчиша. Присел рядом и положил прохладную ладошку на лоб друга, затем начал массировать ему мышцы шеи и плеч.

— Кайф! — пробормотал Никита, благодарно улыбнувшись. Закрыл глаза, расслабился. Через несколько минут встал, походил по камере, прикладывая к блокам стен ладони и прислушиваясь к чему-то, потом кивнул на два из них один над другим:

— Кажется, выход здесь. Попробую открыть.

Проделав ту же процедуру с «настройкой» организма, Сухов снова оделся в голубую сеточку из «электрических» искр, уперся ладонями в стену и застыл так. Такэда вдруг с ужасом увидел, что ноги танцора погружаются в каменную плиту пола, как в пластилин! А руки — в каменный блок стены! Раздался длинный скрип, громадный многотонный камень сдвинулся и пополз, пока не рухнул с грохотом вниз, за стеной, открывая лаз. В ту же секунду погас свет.

— Ник, ты как? — повысил голос Такэда, не видя свечения вокруг тела танцора.

— Нормально,— отозвался Сухов, тяжело дыша.— Я на пределе, работай теперь ты. Там дальше коридор...

— Темно, ни зги не видать, придется на ощупь.

— Стоп! — Никита твердой рукой отстранил готового влезть в дыру Такэду.— Нас никто не сторожит, кумекаешь?

— Ну и что?

— А то, что эта тюрьма рассчитана на любой случай побега и без участия охраны. Здесь полным-полно ловушек и неприятных сюрпризов. Отдохну и пойдем, я вижу в темноте лучше, чем ты.

Восстанавливал силы Никита недолго, понимая, что надо спешить.

Один за другим они выбрались в коридор, достаточно широкий, чтобы в нем разошлись два человека, но сырой и скользкий от какой-то плесени на камнях. Впечатление создавалось такое, что здесь давно никто не ходил, хотя воздух в коридоре был достаточно свеж.

— Мне кажется, ты выбрал запасной выход,— полушутливо сказал Такэда.

Голос его породил стиснутое не камнем, а, скорее, стеклом, дребезжащее, шипучее эхо. Такое же эхо возбуждали в коридоре и осторожные их шаги, хотя узники шли босиком, практически бесшумно.

— Лабиринт,— сказал спустя некоторое время Никита.— Мы петляем... стоп! Здесь яма в полу.

Через яму неведомой глубины пришлось прыгать: первому Никите, потому что он видел коридор и чувствовал опасность, потом Такэде, которые преодолел препятствие почти так же идеально.

Через следующую яму решили не прыгать, а обойти ее по карнизу и едва не поплатились: на середине Сухов ступил на поддавшийся под ногой камень, и тут же из стены на уровне груди выскочило длинное лезвие, загребающее пространство, словно косой. Никиту спасли чутье и реакция, Такэду — рост: лезвие прошлось буквально по его волосам, срезав клок на макушке.

Потом было неожиданное падение камня с потолка, способного прихлопнуть любого человека, как муху; сдвигающиеся стены; струна, протянутая в полуметре над полом и спускающая «курок» гигантского лука; петли на полу, затягивающие жертву в сети; капканы, рассчитанные на великанов; узкий лаз с внезапно проваливающимся полом. Преодолев эти, в общем-то достаточно примитивные ловушки, беглецы достигли наклонного желоба, смазанного чем-то таким скользким, что удержаться было невозможно. Падение с пятиметровой высоты закончилось в узком склепе, стены которого чуть серебрились в темноте от инея.

Огляделись, если можно назвать так их попытки определить местонахождение. Никита выругался.

— Похоже, мы в морозильной камере. Стены здесь из металла и очень гладкие, а температура явно ниже нуля.

— Ничего не вижу,— с сожалением произнес Толя.— Посмотри повнимательней, может, упустил какие-то детали?

Сухов заставил себя успокоиться, огляделся еще раз, применяя свою успешно развивающуюся способность видеть в инфракрасном диапазоне и ультрафиолете. На высоте четырех с лишним метров, как раз под выходным отверстием трубы, по которой они сюда прибыли, он обнаружил два щелевидных отверстия. Назначение

отверстий было неясно, однако в положении беглецов следовало использовать любой шанс, да и температура в колодце падала с каждой минутой.

— Попробую допрыгнуть и уцепиться.— Никита рассказал Толе об открытии.— Может быть, удастся подтянуться и влезть в трубу.

— Попробуй,— с философским спокойствием ответил Толя, применяя приемы аутотренинга, чтобы согреться.— Если через пять минут не вылезем, из нас получатся свежемороженые цыплята. Бройлерные.

Никита настроил мышцы на решение задачи и прыгнул, с первого раза попав кистями рук в щели под дырой. В тот же момент кусок стены вместе с ним начал с гулом поворачиваться, и танцор завопил:

— Прыгай! Цепляйся за меня!

Такэда понял. Подпрыгнув, поймал руками колени Сухова, мгновенно подтянул ноги, и часть стены выкинула их в светлый коридор, ободрав ягодицы Толи о жесткий каменный пол.

Некоторое время друзья отдыхали, поглядывая то на глухую с виду стену с отверстиями, то друг на друга. Такэда наконец ощутил боль ниже пояса, встал и вывернул шею, пытаясь глянуть за спину. Тронул ягодицу руками и стряхнул на пол капли крови.

— Всю кожу содрал. Умру или от заражения крови или от ее недостатка.

— Засохнет, разве что сидеть пока не сможешь. Хорошо, что весь зад не срезало.

Они встретились взглядами и беззвучно, корчась, захохотали, зажимая рты руками. Угомонились. Никита подхватился.

— Вперед, меченоша, время не ждет, испытание не закончено. Хотел бы я знать, кому оно понадобилось.

Коридор был практически такой же петлистый, что и пройденный ими до холодной ловушки, но сухой и освещенный: светились пятна паутины на потолке. Через полсотни метров он вывел их в невысокий зал с нишами, в которых застыли металлические фигуры, напоминающие человекоподобных роботов.

— Манекены, что ли? — вполголоса спросил Такэда, и словно вдохнул в них жизнь: «роботы» задвигались, выходя из ниш и поднимая руки с оружием. Толя насчитал их восемь, и каждый был вооружен по-разному: мечтом, саблей, копьем, цепью, алебардой, плетью, чем-то вроде мотыги и палкой с шарами на концах.

— Где-то я уже встречал подобное... или читал,— сказал Толя, не теряя хладнокровия.— Если я прав, здесь должно быть оружие и для нас.— Он огляделся и первым наткнулся на метровой длины белые стержни у стены.— Ага, то что надо.

Беглецы вооружились легкими и прочными — о стену они не ломались — палками и встретили атаку не слишком поворотливых

истуканов. Схватка длилась всего пару минут и закончилась после того, как андроиды, а это были именно автоматы, роботы, были повержены на пол.

Никита не имел большой практики тренировок с палкой, зато в его боевом арсенале были приемы, о которых даже он не догадывался, пока не применил их автоматически, совершенно естественно, будто знал их всегда. Это подключилась его родовая память, срабатывавшая, как всегда, в моменты наивысшего нервнопсихического напряжения. Правда, случалось это теперь все чаще и чаще, да и без особых усилий.

Пройдя зал, они выбрались в другой коридор, потом в следующий зал, более просторный. По его стенам было развешано такое количество разнообразного оружия, что глаза разбежались. Сухов присвистнул.

— Такого я еще не видел!

Такэда сделался задумчивым и рассеянным, промычав что-то невразумительное. А Никита с округлившимися глазами начал рассматривать коллекцию, изумляясь и количеству, и чистоте нетронутого ржавчиной вооружения.

На левой стене висели мечи, сабли, шпаги, рапиры, кинжалы всех форм и размеров; топоры, секиры, бердыши, алебарды; палицы, шестоперы, булавы, кистени; копья, сулицы, трезубцы, цепи; крючья, плети, щиты, шлемы, луки; метательные диски, многолучевые звезды, шары с дырами; и наконец, множество других предметов, явно относящихся к оружию, разных форм, из разного материала, но предназначавшихся н е д л я ч е л о в е к а!

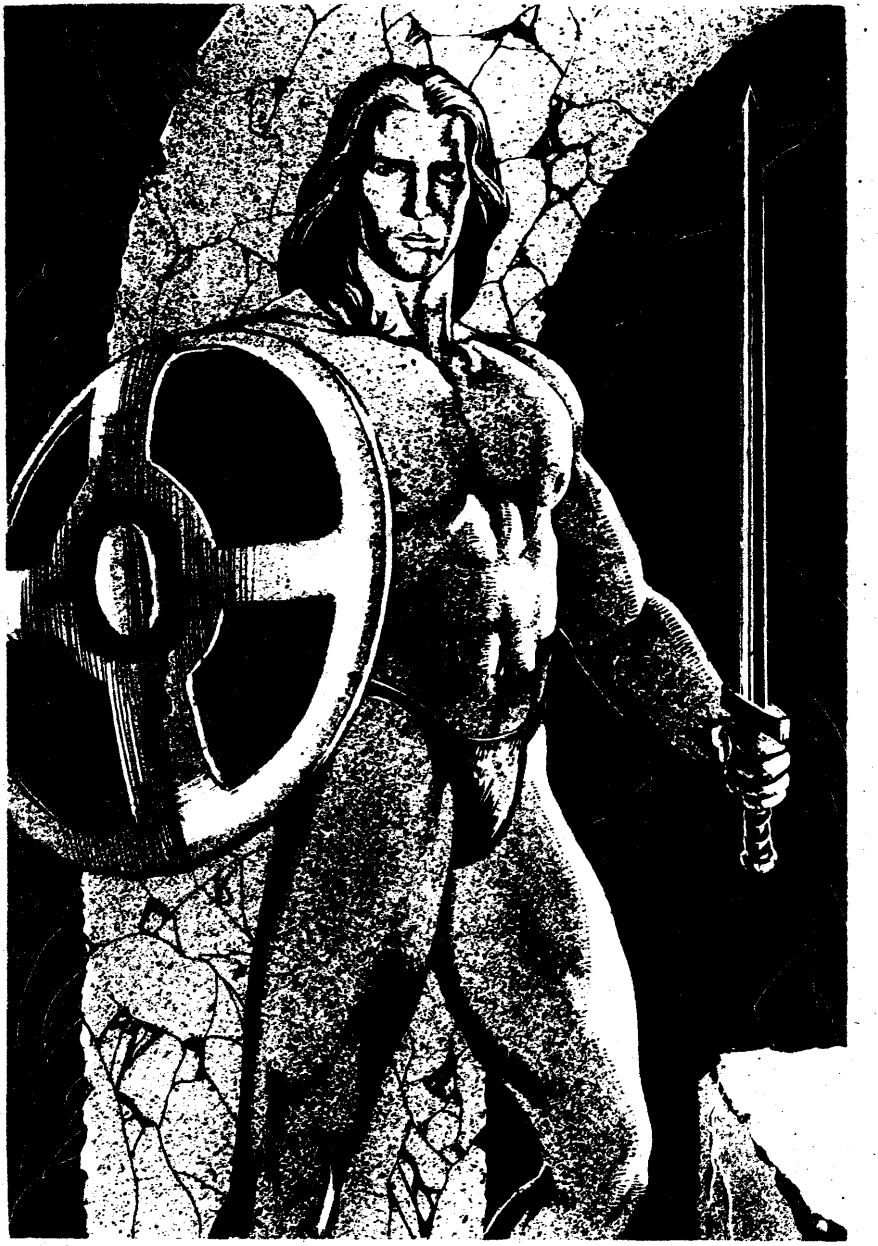
— Смотри-ка, знакомая штучка,— кивнул Такэда на узкий клинок необычной формы.— Вот значит откуда в мой кинжал в н е д р и л и такое орудие убийства.

Никита перевел взгляд на правую стену, облизнул губы.

На этой стене было закреплено современное, а может быть, и оружие из будущих времен. Пистолеты, ружья, винтовки, карабины, автоматы, ручные пулеметы. Лазеры. Плазменные пистолеты. Электрические разрядники. Излучатели. Совсем неизвестные людям системы, которым даже инженер не мог подобрать хотя бы маломальски пригодное название.

— Красивый, да? — сказал Никита, делая шаг к висящему в метре от него пистолету странной формы, с рукоятью, предназначенной скорее для кошачьей лапы, чем для руки человека. Пистолет действительно был красив особой, хищной, целеустремленной красотой. Он был гармоничен и совершенен, и не хотелось верить, что рожден он чьим-то гением для уничтожения живых существ.

— Не стоит прикасаться к этим штуковинам, Никки. Вообще не стоило бы трогать здесь что бы то ни было, но, сдается мне, в этом случае мы просто не выйдем из тюрьмы.



— Почему?

— Мне кажется, я знаю в чем дело. Тронь мы какой-то из пистолетов, и сражаться придется с киберами или людьми, вооруженными тем же оружием. Ты хорошо стреляешь? Или вот тот черный излучатель, на который ты глаз положил: ты знаешь, как он стреляет, чем, где его прицел, курок?

Сухов покачал головой.

— Вот и я не знаю. Вооружиться надо, но лучше привычным оружием, холодным. Что ты выбираешь?

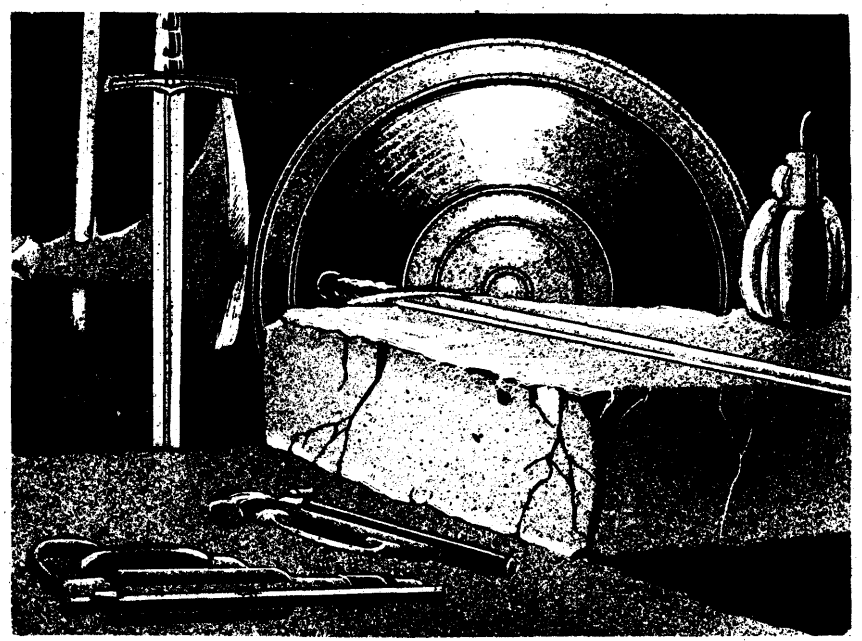
— Меч,— подумав, ответил Сухов.— Я, кажется, начинаю постигать его душу.

— Только не увлекайся.

Они выбрали оружие: Никита взял прямой и длинный, обоюдоострый меч с крестообразной рукоятью, а также круглый щит, Такэда — саблю и такой же щит. А на выходе их встретили четверо голых, как и они, смуглокожих, черноволосых и черноборо-дых мужчин: двое с мечами, двое с саблями. И у каждого были черные, словно обугленные до локтей, руки.

— И тут чернорукие! — нахмурился Такэда.— Нигде от них покоя нет.

Мечи скрестились...



Еще два часа узники пробирались по каменному лабиринту, дважды попадая в «залы войны», где с ними по очереди или скопом завязывали бой полуживые «киберы» или странные существа ужасающего вида. И оба раза — после боя с чернорукими — люди выходили победителями лишь ценой жестокого напряжения всех физических и душевних сил, а также с помощью запаса приемов рукопашного боя и великолепного тренинга.

Кроме всего прочего, полтора километра, по оценке Такэды, они бежали по сплошному покрову насекомых — муравьев, пауков и скорпионов, так и не поняв, каким образом им удалось выбраться не только живыми, но и не покусанными. Скорее всего, у Никиты сработала какая-то защитная психоэнергетическая система, излучение которой влияло на насекомых так, что они не реагировали на их бег, словно не видели, но на проверку идеи не было ни сил, ни времени, ни желания.

Последнее испытание ждало их снаружи тюрьмы, по всем признакам, замка, выстроенного также не человеческими руками, если судить по форме башен и их пропорциям. Выбив дверь с помощью камней, свалившихся с потолка давно, беглецы выскочили наружу и наткнулись на препятствие, которое сначала приняли за необычной формы стену или вал: на земле лежала овальная труба, отсвечивающая малахитом и перламутром, с муаровыми разводами, из которой выступал обтянутый тем же материалом зубчатый гребень, напоминающий хребет какого-то исполинского динозавра. Диаметр этой трубы, живо затронувшей в памяти ассоциации змеиного тела, не превышал метра, но высота «хребта» достигала человеческого роста. В тот момент, когда узники собрались было перелезть через эту мерзко пахнущую, в чем-то живую, стену, она запульсировала, по ней побежали конвульсивные волны, и над головами людей взметнулась кошмарная драконья, и в то же время насекомовидная голова с выпуклыми, фасеточными, кроваво-красными глазами.

Оружия у беглецов никакого не было, пришлось ретироваться обратно под защиту стен замка со всей возможной скоростью. Голова чудовища не смогла пролезть в дверь, а глаза его с непередаваемо алчным выражением смотрели на землян до тех пор, пока те не скрылись за углом коридора.

— Никуда не денешься, надо искать другой выход,— сказал Никита, отдышавшись.

— Боюсь, эта костляво-змеиная химера опоясывает всю тюрьму,— покачал головой Такэда.— И опять же, где-то я читал о ней или о подобном чуде-юде. Вечно голодное чудовище — Эрисихтон встречается в греческом фольклоре, но я не помню, кто его победил и как.

— Давай поищем оружие. Если бы мы знали, захватили бы кое-

что из арсеналов, но возвращаться, честно говоря, далековато.

— Вряд ли это возможно, я имею в виду возвращение, придется искать поблизости, мы проходили ряд ниш с дверями.

Им повезло в первом же помещении, ближайшем к выходу, там и ждал сюрприз — диморфанты! Такэда на движение к нему какого-то плоского одеяла с намеками на морду и конечности ответил прыжком и ударом, но это оказался его живой скафандр Сусаноо, обрадовавшийся возвращению хозяина. Никита признал своего Зипуна по мысле-эху, обрадованный не меньше. И озадаченный. Создавалось впечатление, что их бегство было грандиозной инсценировкой, достаточно суровой и реальной, с возможным летальным исходом, но все же инсценировкой, игровой ситуацией. Кому она понадобилась и для чего, оставалось только гадать.

Повеселевшие узники принялись обшаривать ниши в коридоре и другие помещения, пока не обнаружили в каком-то затхлом чулане смирно лежащие рядом добытый Суховым на Диком поле меч и копье-оскеп бабы Яги. Тут уж и вовсе стало понятно, что с ними кто-то затеял спектакль, игру на выживание, словно для того, чтобы проверить их силу, возможности и волевые качества.

— Что ж, мы приняли их условия,— сказал Никита, завладев мечом,— играя по чужим правилам, не пора ли сыграть по своим?

— Не очень-то размахивай,— брюзгливо заметил меч.— Я не ореховый прутик.

— *Ты же уронил его в яму,— сказал Такэда, недоверчиво* разглядывая лезвие меча, по которому скользнул тусклый блик.— Как он здесь оказался?

— Так же, как и мы. Помнишь, у Льюиса Кэррола в «Алисе»: «В чьем же это я уме? Должно быть, в чужом».

— Что ты этим хочешь сказать?

— Увидишь.— Никита еще раз взмахнул мечом и выбежал из чулана.

Они снова выбрались из замка через ту же дверь, предварительно выяснив, не ждет ли их красноглазый дракон, и стали красться вдоль «змеино-динозаврьего» туловища, прячась в тени контрфорсов замка или в круглых выемках-нишах. Такэда не спрашивал, куда его ведет Сухов, полагаясь на провидение.

Им повезло и на этот раз. А может быть, паранорм Сухов чувствовал, куда надо идти. Обежав по каменным осыпям ползамка, они вышли прямо к хвосту дракона, стоящему вертикально, как восклицательный знак. Голова чудовища с закрытыми глазами тоже находилась здесь, замыкая кольцо, внутри которого и был заключен замок. Казалось, гигантский змей спит.

Никита жестом приказал Толе отойти ближе к стене, подкрался к хвосту и вдруг рубанул мечом по его кончику. Дальнейшее произошло в течение двух-трех секунд.

Хвост с силой выпрямился, едва не вбив Сухова в пригорок, словно гвоздь в деревяшку, монстр одновременно открыл глаза и пасть и сделал ныряющий бросок вперед, собираясь проглотить наглеца, дерзнувшего разбудить его таким способом, и... с хрустом наделся пастью на собственный хвост. Лязг, хрип, вой, клубы дыма и пыли... и черная, разверзающаяся под ногами бездна!..

Никита осознал себя лежащим ничком в траве. Голова кружилась, поташнивало, сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову.

Ни дракона, ни замка — кустарник, трава, а дальше лес, серый, тихий, чего-то ждущий. Синее небо над головой. И кто-то смотрит в затылок, как затаившаяся ядовитая змея.

Никита рывком сел, пытаясь не потерять сознание от слабости, оглянулся. В двух шагах сзади начинался темный провал размером со стадион, солнце освещало его противоположный край, но уже двумя метрами ниже стены провала оставались в тени, скрытые какой-то дрожащей серой мглой.

— Ничего не понимаю,— раздался рядом голос Такэды, и из кустов вылез он сам с мутными глазами только что очнувшегося ото сна человека.— Где змей? Замок?

Никита понял, что им обоим снилось — или внушалось — одно и то же. Понял он так же, что это было не «учебное» испытание, а попытка разрушения психики с анализом их возможностей, и, хотя земляне выдержали экзамен, их таинственный экспериментатор узнал все, что хотел.

Кто-то вышел из леса, бесшумный, темный, опасный. А может, стоял здесь все время, разглядывая людей, снова и снова оценивая их слабые и сильные стороны, воспользовавшись шоком от излучения провала.

«Мертвой Зоны», подумал Никита чужими словами, пытаясь разглядеть таинственного некто. Слова пришли сами собой, он не думал в этот момент о яме. «Мертвая Зона», снова прозвучало в голове. «Здесь когда-то взорвалась граната, сдвинувшая и завязавшая в узел времена множества хронов. Зона блокирована, но человеку не дано увидеть, что это такое, разве что ценой потери рассудка».

— Кто ты? — хрипло выговорил Сухов вслух.

«Кщерь».— Голос ровный, без интонаций, да и не голос вовсе — пси-передача.

— С кем ты разговариваешь? — обеспокоился Такэда.— Грезится что? Или с ума начинаешь сходить?

— Как мы сюда попали? — Никита не обратил на него внимания. Ему наконец удалось разглядеть какую-то фигуру на краю провала, призрачно-кисейную, текучую, как струя пара.

«Вас сбил террострелок. Выполняет функции капкана. В этих лесах их осталось еще много».

— Их установила свита Люцифера?

«Установлены службой контроля ситуаций Синклита Четырех еще до Битвы».

— Ты тоже оставлен ими? На чьей ты стороне?

«На своей. Я был заперт... долгое время и разработал свой личный этический стандарт: не вмешиваться в социум, если меня к этому не принудят. Я в общем-то по вашим оценкам, нежить. Мне не хватает свободы мысли и действия... и своего тела. Ваши мне не подходят, слишком самостоятельны. Я не смогу вами управлять».

— Ты ради этого исследовал нашу психику?

«Полной информации о возможностях и поведении землян у меня не было, пришлось создать экстремальную ситуацию. К сожалению, вы сильнее, чем я предполагал».

— Ну и дела! — Никита слепо посмотрел на Толю, но обратился снова к бесформенному собеседнику.— А хаббардианцы не родственники тебе? Праселк, например? Чернорукий старик с филином на плече.

«Праселк — квазижизнь. Бледная тень демона. У вас на Земле есть понятие голограммы, а Праселк, хотя у него есть и другое имя,— как бы голограмма реального существа с эффектом присутствия во многих хронах».

— Хронограмма.

«Можно сказать и так. Или: трехмерная проекция живого многомерного объекта. Хотя земной язык беден и не может отразить всех свойств этого объекта».

— Ты сказал, у него есть другое имя.

«Он, я имею в виду матрицу, а не проекцию, начальник группы прогнозирования и целеуказания службы Четырех, начальник ГПУ, по терминологии вашего приятеля, и зовут его игва Дуггур».

— Великий игва?!

«Не великий, но игва. Человек, ты меня утомил эмоциями. Я уже жалею, что связался с вами, только потерял время и энергию».

Ощущение взгляда пропало, облачко на краю провала рассеялось. Никита очнулся. Такэда глядел на него, щурясь, и ждал объяснений. Огорченно развел руками:

— Была бы ступа — горя бы не знали. А так ни ступы, ни коней. Хорошо, хоть оружие сохранили. С кем беседовал?

— Не знаю. Врагом его назвать нельзя, но и другом тоже. Наше путешествие по замку было сеансом гипноза. Этот тип пытался подчинить нас своей воле, вернее, выяснял, будем ли мы подчиняться. Я только во время разговора с «гипнотизером» допер, что все ужасы и чудеса стандартны, рождены чисто человеческой фантазией и вытянуты просто из нашей памяти. Если бы мы сообразили это в «замке», раньше очнулись бы. В путь, самурай, до заката нам предстоит дойти до Огнь-реки и...— Никита не договорил.

Где-то вдруг захлопали гигантские крылья, и из провала вынеслась гигантская летучая мышь с почти человеческой головой. Заложив вираж над людьми, она подарила им злобный взгляд и крутыми зигзагами умчалась в лес.

5

День закончился без сюрпризов.

Путешественники отмахали километров двадцать, не встретив никого, кто хотя бы отдаленно напоминал «слуг Сатаны», да и живности в здешних лесах водилось мало. Зато хватало комаров величиной с воробья, особенно у болот, и гигантских муравьев, от укусов которых наверное не спас бы и хороший сапог. Но пока на людях сидели диморфанты, бояться подобных «извращений природы», по словам Такэды, было нечего.

К вечеру они проголодались и, хотя в дубняках и ельниках попадались грибы, причем некоторые высотой до полуметра, решили не рисковать и насытились из НЗ, добрым словом помянув и лесовика Живу и умельцев из хрона Истуутуки. Отдохнули, лежа в траве на вершине взгорка, с которого открывался вид на очередное болото, ручей, вытекающий из него и густые леса в другой стороне. Было тепло, от земли веяло покоем, и не хотелось никуда идти, о чем-то думать и беспокоиться. Нахлынула сонливость, веки потяжелели, глаза сами собой закрылись...

Никита встрепенулся, сел: показалось, кто-то окликнул его по имени. Огляделся. Никого и ничего, вокруг дремотное спокойствие природы, не потерявшей очарования и доброты даже в этом Богом забытом, израненном войнами и колдовством краю.

Снова пришел из ниоткуда безголосый, беззвучный шепот, короткий, как вздох. Никита взглянул на тускло мерцающий перстень эрцхаора, потом сунул руку за пазуху и достал хохху. Это ее «голос» он услышал в пси-диапазоне.

Внутри лежал знакомый цилиндрик серебристой фольги величиной с сигарету. Неровно забилось сердце. Неужели пришла информация о местонахождении Ксении?! Но это было послание от Зу-л-Кифла. Как только Сухов развернул рулончик, на фольге проступили, как на жидкокристаллическом экранчике часов — цифры, слова: «Посланник, беспечность — не признак силы, как и осторожность — не признак слабости. Прикиньтесь немощными, скорее дойдете до цели. Привет Наблюдателю. Зу-л-Кифл.»

Второй раз прочитать послание не удалось, слова пропали, а фольга съежилась и рассыпалась серым пеплом, но Никита и так запомнил письмо. Пожал плечами.

— Что он имел в виду под «прикиньтесь немощными»?

— Внутреннюю силу,— подумав, предположил Такэда.— Ты

паранорм, почти колдун, можно сказать, и фонишь в магическом диапазоне, как реактор без защиты, излучаешь магиполе. Поэтому тебя легко пеленговать. Может быть, попробуешь заэкранироваться?

— Как?

— Ну, я не знаю... поставь блок. А лучше попроси диморфанта. Если они могут обеспечить защиту от внешнего пси-излучения, то почему не сделать наоборот?

— Зипун,— позвал Никита мысленно своего диморфанта,— закрой меня во всех диапазонах энергией, каких только можешь.

Живой скафандр отреагировал мгновенно.

Никите показалось, что его спеленали по рукам и ногам, по коже прокатилась волна огня, Голову сдавило, внутри нее забились, зашептали сотни чужих голосов, сознание помутилось... чтобы тут же восстановиться. Голоса исчезли, голова прояснилась. Диморфант не разговаривал с хозяином на его языке, да и мыслил по-своему, используя чужой ассоциативный ряд, но все же дал понять, что приказ исполнил: на миг Сухов ощутил себя вмурованным в металлическую гору, не поддающуюся никаким воздействиям ни снаружи, ни изнутри.

— Ну? — заинтересованно поднял брови Такэда.

— Н-нормально,— ответил Никита. Но ответ этот инженер прочитал по губам, голоса слышно не было.

— Ты чего?

— Я тебя не слышу.

— Как не слышишь?! А-а... Зипун, звук можно. А теперь?

— О'кей.

Друзья с некоторым усилием прервали отдых и потопали в распадок, мимо болота, к лесу. И через полчаса нарвались на засаду.

Сначала послышался свист, от которого у путешественников заложило уши. Хорошо, что диморфанты уже приспособились к мировосприятию своих хозяев и, выяснив пределы их выносливости и выдержки, вовремя среагировали. Через несколько секунд свист как бы раздвоился: первая его тональность стала уходить в ультразвук, а вторая подняла рев и понижающий вой, отчего завибрировала земля и все, что на ней росло и стояло. Инфразвук был настолько мощен, что земля не выдерживала, трескалась, а стволы сухих сосен лопались, как фарфоровые. Когда неведомая стихия достигла ураганной силы, Такэда сообразил, в чем дело.

— Кажется, нас встречают братья-Соловьи,— прокричал он на ухо Никите.— Дети Соловья-разбойника Инф-и Ульт.

— Если бы засечь, где они расположились...

— Это просто. Видишь, рябь идет по траве и кустам? Как бы веером расходится. А они где-то в углу веера, свистят в одном направлении.

— Теперь я вижу.— Никита одним усилием, хотя и с видимым

напряжением, в о г н а л себя в стресс. Голова его на мгновение оделась в сетчатый ореол голубоватого свечения, которое как бы втянулось в глаза и уши. А затем едва уловимым броском он послал оскеп — копье бабы Яги в цель, находящуюся никак не меньше, чем в двухстах метрах.

Рев стих, как по волшебству, послышался слабый крик, после которого прекратилась и ультразвуковая атака. Из кроны могучего дуба на взгорке что-то вывалилось белое, затрещало валежником, из кустов раздался гнусавый голос:

— Эй, витязь, не балуй, мы сдаемся!

Подойдя ближе, путники разглядели огромного косматого мужика с усами и всклокоченной бородой, одетого в полосатую длинную рубаху без пояса и кожаные штаны с бахромой, из которых высовывались мосластые босые ноги примерно пятидесятого размера. Руки у мужика были также мосластые, с лопатообразными ладонями, в каждой из которых уместилась бы человеческая голова. Лицо мужика стоит описать особо. Широкое, корявое, как сосновая кора, оно создавало впечатление катастрофы, постигшей этого человека в раннем детстве. Глаз на нем почти невозможно было отыскать: были они величиной с вишню и сидели так глубоко, словно для них специально сверлили дыры. Нос был не просто уродлив, он состоял из множества бугров и походил на кап — нарост на стволе дерева,— а губастый рот не могла спрятать даже густая борода — настолько он был широк.

— Ты кто? — спросил мужик, ощерясь, показав великолепные, крупные, белые зубы.— По платну виже — не рядович [1], а витязи сюда не захаживают без надобности.

— Я вой [2],— сказал Никита коротко.— А это...

— Меченоша,— подсказал Такэда.— А вы Ульт? Может быть, Ульр?

Сверху, с дерева, раздался рык и хрип, дуб затрясся, с него посыпались мелкие ветки. Мужик задрал голову, крикнул тонким голосом:

— Слезай, не охотник это.

— Пуффай оффеф фыфаффиф,— раздался мощный хрипящий бас, что переводилось, как: «Пущай оскеп вытащит».

— Наколол ты его, вой,— с укоризной сказал бородатый Ульт.— Чо ж сразу не признался? Сказал бы заветное слово, мы бы и свистеть перестали, чай не враги себе.

Никита повел плечом, глянул на дуб, подумал и начал взбираться по стволу вверх, услышав вопрос Такэды:

— А какое заветное слово надо было сказать?

---

[1] Платно — одежда, рядович — простолюдин (*др.-рус.*).

[2] Вой — воин (*др.-рус.*).

— Будто не знаешь,— ответил Ульт.— Россич идет! Мы россичей не трогаем, бьются они больно.

Никита достиг развилки и обнаружил на ней второго мужика, как две капли воды похожего на первого, разве что в полтора раза крупнее. Рот у него напоминал разверстую пасть бегемота.

Копье Ягойой, пущенное рукой танцора, попало ему в рот и пригвоздило левую щеку к дубу, так что он не мог пошевельнуться, не то что разговаривать или свистеть.

Никита выдернул копье, и братец Ульта мешком свалился вниз, взревев, как самолетный двигатель на форсаже. Копье слегка серебрилось, теплое и сухое, без следов крови, и Никита подумал, что это оружие также относится к разряду самонаводящихся и очень опасных, как шиххиртх и вардзуни. Спустившись с дуба, он отдал копье Такэде, глянул на братьев-Соловьев. Оба, как по команде, перестали шипеть, реветь и плеваться и уставились на танцора. Инф держался за щеку, но уже было видно, что рана его затягивается прямо на глазах.

— А ну, отвечайте, по чьему наущению вы тут нападаете на добрых людей?! — грозно насупил брови Сухов.

Братья переглянулись. Инф сплюнул, а Ульт застенчиво прошепелявил:

— Да мы сами по себе, под тиунами не сидим. Раньше здесь торунь-дорога была, да заколодела, никто за Порубежье не ходит, даже витязи Яросвета.

Теперь уже переглянулись путешественники.

— Мы как раз его и разыскиваем.

— Так чо его здесь-то искать? Он в Древлянске, в стольном граде живет, за Огнь-рекой, далеко от Порубежья.

— Порубежье?— заинтересовался Такэда.— Между чем и чем рубеж-то?

Ульт, который был гораздо разговорчивей своего жуткого двухметрового — что по росту, что в плечах — братца, озадачился:

— Так ить известно, меж чем — меж Мировой Язвой и Великой Руцией.

— Что еще за Мировая Язва?

Ульт озадачился еще больше, схватился за бороду, хотел что-то добавить, как вдруг перед его носом из-под земли вырвалась тяжелая черная стрела и с гудением ушла в небо.

Братья замерли, побелев, как полотно, и, ни слова не говоря, дружно бросились наутек, в лес, затрещали кустами. Исчезли.

— Видать, хорошо знакомы с этим подземным стрелком,— задумчиво проговорил Такэда,— раз так реагируют на стрелы. Может быть, он их предупредил, чтобы не болтали лишнего?

— Эта стрела предназначалась не для них,— нахмурился Никита, поглядывая то в небо, то на дыру в земле.— Спасибо Зу-л-

Кифлу за предупреждение, если бы не он — стрелок не промахнулся бы.

— Почему?

— Потому что мы заэкранированы изнутри, и лоцировать нас стало трудней.— Никита снова глянул в небо. Такэда проследил за его взглядом и увидел в фиолетовом, с белесыми прожилками, небе плывущую кругами черную точку.

— Орел, что ли?

Сухов не ответил, заторопился.

— Айда отсюда, предчувствие у меня... нехорошее. Дойти бы до Огнь-реки.

Но дойти они не успели.

Сначала их задержало странное болото, накрытое слоем тумана зелено-синего цвета. Издали оно казалось настоящим туманным морем, заполненном таинственным движением и жизнью. Берега у него были не просто топкие, но вообще полужидкие, непроходимые, хотя с виду и казались сухими, и затягивали путников, как зыбучие пески, несмотря на плащи бабы Яги. Пришлось обходить болото изрядным крюком, который вывел их прямехонько на старую, некогда покрытую крупным булыжником, дорогу, идущую ниоткуда — из болота, и уходящую в никуда — в такое же болото. А по дороге двигалась навстречу необычная процессия: десятка три-четыре старцев, одетых в холщовые серые плащи-рубища, ведомых согбенным горбатым стариком, заросшим по брови седым волосом. В руке старик держал отсвечивающий инеем посох, нащупывая им дорогу. «Сорок калик со каликою»,— вспомнилось Никите «Слово о полку Игореве». Монахи, что ли? Не похоже. Монахи здешней Руси-Руции — язычники — в стаи не собирались. Паломники? Кающиеся? Собор старейшин?

Он отступил в сторону, собираясь пропустить процессию, и не сразу среагировал на маневр старцев, начавших обходить их с обеих сторон.

— Черная рука! — приглушенно воскликнул Такэда, заметив движение посоха первого странника. Тогда и Сухов сообразил, что их настиг отряд, завербованный «чекистами» или «эсэсовцами». Тральщики ЦРУ, всплыл в памяти чей-то чужой термин, подсказанный Вестью. Хорошо хоть не сами ликвидаторы! Но как точно они нас вычисляют! Или просто обложили берлогу темпорала со всех сторон, так чтобы белка не проскочила, вот мы и натыкаемся на оцепление.

Друзья стали спина к спине, и Никита, надеясь на защиту диморфантов, все-таки решил попытаться обойтись без драки. Скафандры экранировали теперь и магиполе, поэтому со стороны заподозрить в них чужаков было трудно, тем более, что и одеты они были по моде здешних мест.

— В чем дело, уважаемые? — тихо спросил Никита, чтобы голос лингвера был слышнее.— Не ошиблись, часом? Мы не холопы беглые, не иноверцы, не тати — мирные странники. Али похожи на кого?

Старец-ведущий молча поднял посох, с острия которого сорвалась фиолетовая молния и вонзилась в грудь Сухова. Диморфант *разряд этот парализующий выдержал, хотя слабое его эхо отозвалось* в теле танцора болезненным передергиванием мышц. Молния послужила сигналом к атаке для остальных старцев, двигавшихся неспешно, с грацией ослабевших от голода заключенных, но неумолимо и бесстрашно. В руках у каждого оказались посохи с острыми кромками и шипами, в умелых руках способные стать грозным оружием, но стрелять молниями они к счастью, не могли.

Путники встретили атаку как надо: Никита отбил три выпада с трех сторон, используя копье бабы Яги в качестве палки, не решаясь применять его по прямому назначению, а Такэда выбил у одного из нападавших посох и успешно отразил им наскоки еще троих.

— Такое впечатление,— пропыхтел он,— что это зомби, ожившие мертвецы.

Старцы остановились, не зная, как подступиться к противнику, владеющему столь изощренными способами защиты. Их предводитель снова поднял свой стреляющий посох, и на сей раз разряд был гораздо мощней — с острия посоха сорвался целый ручей фиолетово-сиреневого огня, ударил в плечо Сухова.

Часть разряда отразилась в землю, отчего трава на ней сразу пожухла и съежилась, часть собралась в шарик, отскочивший в сторону старца с посохом, заставив его отшатнуться, но часть все же пробила защиту диморфанта, едва не парализовав Сухова. На ногах он удержался, хотя слабость в руках и ногах прошла не сразу, но отбиваться с прежним успехом уже не мог. Надо было или убивать или бежать, что едва ли удалось бы, пока в руках у предводителя оставался его грозный посох.

Никита попытался пробиться к вожаку отряда, не обращая внимания на сыплющиеся удары, моля в душе, чтобы диморфант выдержал, однако стоило ему приблизиться, как старик в третий раз поднял посох. Никита понял, что на конце посоха затаилась его смерть, и отчаянным броском, не целясь, послал копье в серую фигуру.

Посох метнул поток фиолетово-розового огня с ярким белым просверком по оси, но за мгновение до этого копье бабы Яги вошло точно в переносицу старца, пробив голову насквозь, вспыхнуло ядовито-зеленым светом и рассыпалось в пепел. Старец остался стоять с дырой в голове, однако рука его дрогнула, и разряд миновал того, кому предназначался, повергнув наземь несколько напа-

давших. Никита ждал еще одного выстрела, голова была звонкой и пустой, и жило в ней лишь одно желание: быстрей бы это кончилось! Рука вожака, опустившаяся было, снова стала поднимать посох.

— Я же говорил — зомби! — проговорил Такэда, отчаянно сражаясь со старцами, пытаясь приблизиться к другу. И в этот момент из леса на дорогу высыпала целая стая медвежеподобных созданий — особей пятнадцать, и молча набросилась на «калик» с посохами. Морды, передние и нижние лапы у них были медвежьи, но туловище сверкало перламутровой чешуей. И в лапах каждый держал самый настоящий шестопер! Первый из них метнул свое оружие в старика метров с тридцати, выбил посох из его рук, и только тогда старец упал, словно у него кончились силы.

Бой длился не больше минуты. Часть старцев бежала к болоту, часть осталась лежать на дороге, а остальные — человек двадцать, вдруг начали втягиваться один в другого, словно голографические призраки, пока не соединились в одного человека! Оглядев поле боя, этот старик с огромной быстротой подбежал к поверженному предводителю, упал на него и слился с ним в одно целое. Предводитель вскочил, как живой, схватил посох, глянул на подтягивающихся к нему медведей и гигантскими скачками понесся к болоту, на ходу вбирая в себя оставшихся в живых, убегающих членов отряда. Исчез в тумане.

Никита и Толя стояли, оторопев, опустив руки, оглушенные случившимся, и пришли в себя от жеста одного из медведей: чисто человеческим движением тот поднял лапу и помахал друзьям, словно приветствуя и одновременно прощаясь. Затем все медведи отвернулись от людей и с тяжеловесной грацией исчезли в лесу. Как призраки. Словно их и не было. Ни топота, ни хруста, ни шороха...

— Кто это был? — сиплым голосом спросил Такэда.

— Человек-взвод,— ответил так же сипло Никита.— Вернее, существо, способное к пространственному копированию.

— Я о медведях.

— Какая разница? — пожал плечами Никита.— Кто бы ни был — лишь бы друг. Это Порубежье, граница равновесия темных и светлых сил, которую стерегут и те, и другие. Медведи в чешуе — наши ребята. Спасибо им, прибыли вовремя, вряд ли диморфант выдержал бы еще один разряд посоха... впрочем, не посоха вовсе. Где-то в памяти у меня есть «запись», что это такое. Вспомню — скажу.

Сухов поднял голову. В вечереющем небе неустанно ходила кругами черная точка — не то орел, не то гигантский ворон.

Друзья умылись в ручейке неподалеку от дороги, успели пройти с километр, пока окончательно не стемнело, и устроились на ноч-

лег в сосняке, приказав диморфантам стеречь каждый шорох и будить хозяев при любой явной и неявной опасности.

Река была как река: широкая, метров двести, и глубокая, с медленным течением, прозрачная, почти без водорослей и пятен цветения; ничто не говорило о причихах, позволявших дать ей название — Огнь-река. Веяло от нее прохладой и спокойствием. Но аборигены не присваивали названия зря, всегда привязывая их к конкретным свойствам объекта или чертам характера, если речь шла о человеке. Не могли они ошибиться и в данном случае.

Приглядевшись повнимательнее к реке, Никита вдруг сделал неожиданное открытие: вода в реке текла в обе стороны сразу! То есть точно по ее середине проходила невидимая граница, по сторонам которой течение действительно было направлено в противоположные стороны.

— По-моему, ты прав,— заявил Такэда, понаблюдав за гладью реки, и сел на взгорок, вытянув ноги.

В поход они вышли еще на рассвете, проспав часов семь «аки младенцы», но к реке дошли без особых приключений только к полудню, изрядно устав.

— Как будем переправляться?

Никита не ответил, бросая в воду камешки и наблюдая, как они мгновенно тонут. Поразмыслив, он сорвал травинку, опустил на воду и с удивлением убедился в том, что травинка утонула так же быстро, как и камень. Та же участь постигла и сухую ветку и кусочек древесной коры: вода не держала на себе даже пушинки!

— Вряд ли нам помогут переправиться и плащи Ягойой,— хмыкнул Толя, заинтересованно следя за манипуляциями танцора.— Река — не болото, да еще с такими свойствами. Может быть, это и не вода вовсе, а какая-то сверхтекучая жидкость?

— Пахнет, как вода.— Никита окунул палец в воду, глянул на эрцхаор и лизнул палец.— И вкус, как у воды, но очень холодная.

Он подумал и прилег рядом с инженером.

— Знаешь, меня давно мучает вопрос,— признался тот.— Почему нас до сих пор не настигли боевики ЧК? Если Праселк, или кто он там, их агент, как и эти старцы, и Ягойой, и сотня других в зоне Мировой Язвы, то ЧК давно знает, где мы.

— Праселк — не агент ЧК, ты же знаешь, а всего лишь проекция игвы Дуггура, причем вполне автономная, самостоятельная.

— Может, эти старцы — тоже чьи-то «проекции»? Квазижизнь, так сказать?

— Тральщики ЦРУ могут быть кем угодно: людьми, зверями, деревьями, механизмами, роботами, сгустками энергии, нет смысла исследовать их физическую сущность.

— Хорошо, не буду. Но если Праселк — тот, о ком нам говорили, то будь уверен: Дуггур-настоящий знает, где мы, и уже продумал, как нас уничтожить. Он должен понимать, чем грозит допущение Посланника к оружию.

Никита задумался, с неохотой признался:

— Может, ты и прав. Кстати, а чем был вооружен прежний Посланник?

— Он не был человеком и вообще гуманоидом, поэтому аналогию подобрать к его оружию трудно. Я не могу даже назвать его: меч, копье, пистолет, лазер, знаю только, что оно останавливало абсолютно все физические процессы любого объекта, которого касалось, в том числе и движение электронов в атомах.

— Разве такое возможно?

— Много чего возможно, друг Горацио, что нам и не снилось. Как же мы все-таки переберемся на тот берег? Реку даже переплыть нельзя.

— Придется выходить из-под скорлупы.— Никита имел в виду экран диморфанта.— Хотя это риск двойного пеленга. ЦРУ по магивсплеску могут запеленговать меня в течение минуты и даже определить наши координаты в данной местности, а кто-нибудь из игв, отвечающих за контроль Веера, обнаружит меня в эйдосе.

— Тогда не рискуй.

— Попробую проделать это быстро, в «игольчатом» контакте.

Сухов уселся на землю в позе лотоса, сосредоточился, ушел в свое глубокое подсознательное «я», согласуя биоритмы, дыхание и мышление в единый поток. Плечо со звездой Вести затокало горячей пульсацией крови, чьи-то невидимые пальцы проникли в кожу, в кости черепа, сняли и то, и другое, освободили мозг, который заклубился вихристым, искрящимся, пульсирующим облаком, готовый взорваться от любой отвлекающей мысли. Звезда Вести вспыхнула на плече огнистой болью, струйкой протекла по шее, влилась в облако мозга, и тот мгновенно расширился, о б н и м а я планету, вселенную хрона, весь Веер...

Такэда наблюдал за другом не только с любопытством, но и с изрядной долей тревоги, невольно напрягаясь сам, словно от его усилий зависел весь успех дела. Долгих четверть часа ничего не происходило — Сухов настраивал органы чувств, как музыканты оркестра — инструменты. Затем на Толю повеяло свежестью и холодом, кто-то тихонько заглянул к нему в голову, провел множеством пальчиков по нервным узлам и умчался дальше оставив после себя ощущение сдавливающей голову невидимой шапки. Такэда пошевелился, дотрагиваясь до волос, но «шапка» движений не стесняла, это было всего-навсего пси-эхо заработавшей экстрасенсорной системы Сухова.

Лицо Никиты поголубело, кожа на нем стала как бы полупро-

зрачной, так что обозначился тонкий рисунок вен и артерий, но и они скоро исчезли на фоне усиливающегося голубого свечения. Длинные волосы танцора заискрились сотнями мелких разрядов, встали дыбом, образовав необычную светящуюся корону. Белки глаз тоже засветились, но розовым свечением, как и ногти на руках.

Вокруг сидящего неподвижно Сухова завертелся воздушный вихрь, вырвал с корнем траву, отбросил сухие листья, ветки и камешки, повалил Такэду. Вихрь этот стал видимым — сначала туманным столбом, затем снежным, а ледяное его дыхание ощущалось все дальше и дальше, заставляя Такэду отступать от пригорка с сидящим магом. Затем крутящийся снежно-туманный столб чуть ли не километровой высоты упал на реку, словно перерубив ее снежно-ледяным лезвием, и Такэда с ужасом и суеверным восторгом увидел на глади реки двухметровой ширины ледяную дорожку, от берега до берега. Опомнился он от толчка в спину.

— За мной! — будничным тоном скомандовал Никита, пробуя лед ногой, и побежал через реку.

Толя послушно припустил следом, не успев ни удивиться, ни сообразить, что происходит. Он не помнил, как преодолел двести метров по источающей ледяной холод, синеватой, твердой дорожке. Помнил только, что бежать было вовсе не скользко, и что ширина дорожки все время уменьшалась. Когда он взобрался на противоположный берег, от ледяной полосы оставалось всего сантиметров десять, которые растаяли через пару секунд. От «моста» не осталось и следа.

— Ну ты даешь! — произнес Такэда, глядя на реку; вернул лицу бесстрастное выражение.— Впрочем, Посланник ты или погулять вышел?

Сухов, тоже глядевший на реку с задумчиво-отрешенным видом, только усмехнулся. Он уже не светился, но выглядел достаточно бодро, не так, как после первых сеансов выхода в сферу эйдоса, и Такэда понял, что его друг — уже совсем другой человек. Да и человек ли? Паранорм. Маг!

«Сусаноо, сохрани его душу!» — прошептал Толя про себя. Диморфант, отзывающийся на имя Сусаноо, встрепенулся было, но речь шла не о нем. Вслух же Толя сказал:

— Веди, колдун.

Никита молча вытянул руку в сторону начинавшейся степи. От горизонта к ним скакали два всадника, приближаясь со сказочной быстротой.

6

Никита смотрел на открывшуюся взору картину и не верил глазам. Впечатление было такое, будто они вернулись в мертвый мир

с кладбищем звездолетов, где их поджидал (или поджидала) Великий игва Гиибель: с холма, на котором стояли их кони, хорошо была видна узкая, но глубокая долина, зажатая длинными увалами, а в долине тесными рядами высились... космические корабли разных форм и размеров. Крайние из них заплыли грунтом почти до середины, большинство выглядело настоящей ржавой рухлядью, ного просматривались и конструкции, сверкавшие не то металлом, не то глазурованной керамикой или пластиком.

— Мать честная! — почесал затылок танцор.— Точь-в-точь — кладбище кораблей, где ждала нас Заавель... то бишь Гиибель. Толя — это в самом деле ракеты-звездолеты? Или моя интуиция меня подводит?

— Похоже, эти железяки когда-то летали,— осторожно проговорил Такэда. Глянул на сопровождающих.— Что это и давно ли тут обретается?

Его сосед, облаченный в полный наряд русского воина: кольчуга, шлем с бармицей, зарукавье, наручи, поножи, меч, щит, сулица,— погладил рукой холку коня, прежде чем ответить; конь под ним стоял, не шелохнувшись, в отличие от вздрагивающей караковой лошади Такэды, чувствующей на себе неземное существо — диморфанта. Звали всадника Рогдай, а его спутника — Добрагаст. Оба молодых воина были посланы великим князем Мстишей Удалым специально для встречи землян на Порубежье. Вероятно, Мстише подсказал встретить их сам Яросвет, знавший о прибытии гостей и ожидавший, пока они перейдут границу Руси, чтобы удостовериться — те ли они, за кого себя выдают.

— Россечь,— сказал наконец Рогдай баском.— Обережное Городище. Сроку ему, почитай, десять веков. Раньше Городище стерег золотой полоз — видите вокруг всей Россечи вал круглый? Это тело полоза, землей подзаплыло, уснул он, говорят. Теперь стережет княжеский фиан, Мстиша приказал.

— Полоз ведь змей, да? Хорош экземпляр! Километров двадцать наберется! Не тот ли Горынчищ, которому нас хотела скормить Ягойой?

— Нет, этот змей одноглавый,— сказал Никита.— И очень похож на того, что стерег замок в нашем сне. Но размеры действительно впечатляют. Видать, хорошенькие здесь игрушки спрятаны, если такого зверя сторожить Городище оставили. Но жругров тут нет.

— Ты говоришь об этом с сожалением.

— Если бы на этой свалке нашелся жругр, мы не искали бы его в других местах.

— Значит, мечту свою оседлать жругра ты не оставил?

Сухов не ответил, и Такэда обратился к Рогдаю:

— А зачем Городище стеречь? Это же кладбище, кладбище машин... э-э, самобегающих и самолетающих повозок.

— Некоторые из них оживают,— вставил свое слово Добрагаст, похожий на первого проводника, как две капли воды: такой же русый, бородатый и усатый, голубоглазый и широкоплечий. Разве что чуть моложе и веселей.— Лонись ожило чудовище с огненным глазом, выползло отсюда и на сельцо Моськва налетело, все пожгло да подавило. Хорошо, Мстиша с дружиной подоспел. Вот и стерегут.

— Да, страшненькое наследие войны,— тихо сказал Никита.— Мины да снаряды, бомбы да патроны, разве что магического происхождения. Я тоже чувствую кое-что, источники энергии, например. Значит, не все механизмы тут мертвы.

— Наверное, такие свалки есть на всех Мирах, где происходила Битва, так сказать, в Мирах Армагеддона.

— Поехали, други,— напомнил Рогдай, не понимавший, о чем говорят гости.— Места здесь небезопасные, часто бродят кочевники или орды звероловов, да и нечисть проникает через Огнь-реку.

— Да, а почему ее назвали Огнь-рекой?— полюбопытствовал Такэда.— Вода, как вода, не горит.

— А вы не заметили, что вода в реке течет в противоположные стороны? Стоит кому-нибудь перейти — не переплыть, плыть в той воде невозможно — границу водораздела, как сразу человек, зверь или рыба вспыхивают, загораются. И сгорают!

— Интересно! — Познавательная страсть Такэды получила новую порцию информации.— Вероятно, воды реки имеют примеси, загорающиеся при смешении. Но почему тогда не горит сама середина, граница водораздела?

Рогдай не ответил, тронул поводья, и его конь легко сбежал с холма на равнину. Добрагаст последовал за ним, только копыта простучали по земле: ничто не звякнуло, не громыхнуло в снаряжении воинов, хотя оба несли на себе множество доспехов и оружие.

— Толя,— сказал Никита необычным тоном, извиняющимся и одновременно решительным и мрачным,— похоже, нам пора расстаться. Дальше тебе ходу нет.

Такэда сначала подумал, что Сухов шутит, но, глянув на его лицо, понял: заявление серьезно.

— Неужели я так надоел?

Никита поморщился.

— Я пойду в такие края, где сам могу не уцелеть, несмотря на паранормальные способности.

— Ах, вот оно что.— Такэда слегка опечалился.— Грешным делом я думаю о тебе плохо, извини. Но я пойду с тобой, пока смогу идти, а там посмотрим.

— Но это же глупо — идти на верную гибель! Зачем тебе такой риск?

— Я понимаю,— сказал Толя совсем грустно,— выглядит это

действительно не очень умно, однако ты плохо знаешь японцев вообще, а меня в частности. Если для европейского сознания важен результат, то для японского менталитета — процесс. То есть, прежде, всего, процесс постижения, приближения к истине. В принципе, идеал не столь интересен, как путь к нему.

Никита покачал головой, задумался. Потом улыбнулся, тронул коня.

— Ты неисправим самурай. Может быть, поэтому я и терплю тебя?

Легкая усмешка тронула губы Такэды, в слове «терплю» он легко угадал другое слово — «люблю», но танцор вряд ли произнес бы его вслух. Как и он сам. В сущности, не главное — что мы говорим, главное — к а к мы это говорим. Не говоря уже — что думаем при этом. Надо лишь научиться видеть.

Они догнали провожатых на равнине, представляющей собой лесостепную зону умеренных широт. Пахло травами так, как нигде на Земле, что впрочем было неудивительно: видовой состав трав здесь был иным, да и намного богаче.

Истекали вторые сутки скачки от Огнь-реки вглубь Свентаны — Святой Руции — Руси, и только специальные усилия диморфантов позволили новоявленным всадникам выдержать темп и сохранить их седалища от мозолей, потертостей и прочих прелестей, ждущих неопытных кавалеристов на марше.

В первый же день пути им пришлось сражаться с отрядом самых натуральных кентавров, вооруженных пиками и дротиками, а потом отражать наскок Диких Воев — по терминологии Рогдая, которые в общем-то были просто разбойниками, ищущими легкую добычу. Но четверо всадников оказались им не по зубам, и банда смылась, потеряв троих вояк, одетых в кожаные латы, не спасающие от мечей. В этой стычке Никита продемонстрировал свое умение драться без оружия, восхитив дружинников Мстиши, и в свою очередь впервые не в тренировочном зале, а в боевых условиях, что такое «сеча Радогора», хотя, вероятнее всего, система боя на мечах здесь называлась иначе.

Рогдай зарубил троих Диких одним мгновенным, сложным и красивым, движением меча, выхватив его из ножен в самый последний момент, когда его окружили. И остановился, подняв его над собой в знак того, что не желает проливать чужую кровь. Его поняли прекрасно, отстали от Никиты и Толи, миновали Добрагаста, держащего в обеих руках по сулице, и умчались в поле, бросив трупы товарищей.

— Восхищен! — коротко сказал Никита, подъезжая к Рогдаю.— Хотел бы и я так владеть мечом.

— Да и ты драться горазд,— ответил воин, явно польщенный похвалой.— Приедем, поучимся: я у тебя, ты у меня.

Больше к ним никто не приставал, хотя Сухов чувствовал, что за ними наблюдают, причем со многих сторон. Но лишь один наблюдатель не боялся обнаружить себя — птица высоко в небе, ходившая и ходившая без устали кругами над степью.

К обеду второго дня пути они добрались до предместий какого-то селения, проехали его, провожаемые взглядами редких прохожих, и остановились на отдых на берегу глубокого ручья с водой чистой, как слеза, и холодной до ломоты в зубах. Спешились на пригорке с густой и короткой травой, с которого были видны леса и перелески, холмы и долины, и зеленая скатерть степи.

— Заметил, какая здесь трава?— спросил Такэда, с удовольствием растянувшись во весь рост.— Чудо! Ни одного сорняка.

Сухов сел рядом, глянув машинально на эрцхаор. Перстень был теплым, а в побелевшем его камне светился зелеными линиями знак — пятиконечная звезда, такая же, что и звезда Вести на плече — знак живущего в этом мире мага. Но кроме звезды светился и знак присутствия на планете — и в хроне — сил Люцифера: багровый чертик над полумесяцем. Правда, это присутствие Никита чувствовал и без индикатора, как холодное и злобное перешептывание за спиной, плюс тягостное ощущение нависшей над головой черной могильной плиты.

Дружинники достали из седельных сумок снедь: лепешки, на удивление мягкие и свежие, печеные в золе яйца, баранину в капустных листьях, пироги с ягодами и квас. Поделились с гостями. Те в свою очередь угостили воинов продуктами из НЗ, немало удивившими последних видом и вкусом.

Через полчаса тронулись в путь.

Птица над ними продолжала кружить, и Никита подумал, уж не сам ли Яросвет «пасет» их во избежание ненужных инцидентов? Но проверить мысль не удавалось: пси-призывы Сухова, направленные вверх, остались без ответа. Зато отозвался кто-то чужой, тяжелый грозно-равнодушный и невыносимо далекий от всего человеческого. Его прощупывающий пси-удар был так силен, что не будь диморфантов, земляне вряд ли устояли бы под натиском чужой воли, но и того, что просочилось сквозь защиту, оказалось достаточно для «нокдауна».

Никита сопротивлялся дольше своих спутников, успев ощутить удивление и любопытство неведомого исполина, вместе с тысячью невыразимых словами эмоций, но и он впал в полуобморочное состояние, длившееся не более минуты. Чужой выяснил все, что хотел, и «выключил» свой пси-прожектор, освобождая сознание людей. Самое удивительное, что дружинники ничего не запомнили, хотя находились в шоке не менее нескольких минут. После этого Никита решил без особой надобности в эйдосферу не выходить. До тех пор, пока не научится защищаться от более мощ-

ных мыслителей, постоянно подключенных к общему полю информации Веера.

На исходе дня всадники влились в поток повозок, других всадников и пешеходов, заполонивших «шоссе» — каменистую дорогу, ровную и утоптанную, скорее всего — специально спланированную. Это был, как сказал Рогдай, Суздальский тракт, соединявший столицу Свентаны Древлянск и города Больших Равнин: Суздаль, Полоцк, Переяславль, Старгород и Новгород. А еще через час на горизонте показались белокаменные башни и стены Детинца — Древлянского Кремля. Кремль стоял на холме и был виден отовсюду издалека, в том числе из любой точки города. Башни его по форме отличались от башен московского Кремля, но все же сходство было, сходство прежде всего в исходных концепциях русского зодчества и в общих принципах градостроительства, тем более, что Кремль строился как крепость. Теперь же это был не только функциональный комплекс защитных сооружений, устоявший от сотен набегов кочевников и армий южных и западных завоевателей, но и прекрасный архитектурный ансамбль, образец русского искусства, не потерявшего своего значения ни в одном из миров Веера.

Однако провожатые не поехали к Кремлю. Они оставили гостей в Слободе, в предместье Древлянска с его деревянными избами, лабазами, амбарами и бараками хлебозавода и фабрик: суконной, мукомольной, ковровой, платяной, металлических изделий и скобяных товаров.

— Мы задание сполнили,— сказал, прощаясь, Рогдай, смущенный двусмысленным приказом своего начальства.— Нам велено вернуться в дружину. А вы поищите пристанища на ночь, здесь вас любой примет. Коней мы тоже заберем.

Никита и Толя переглянулись, спешились.

— Странное тут отношение к гостеприимству,— проворчал инженер.— Если только это не новое испытание.— Повернулся к воинам.— А про Яросвета не слышали? Где он живет?

— Везде,— улыбнулся в усы Рогдай.— Он сам вас найдет в нужное время. Извиняйте, други, нам пора.

Дружинники уехали, забрав коней. Земляне остались стоять посреди широкой улицы, мощенной громадными деревянными плахами. Слева и справа тянулись все те же бревенчатые амбары без окон, склады и бараки, светящиеся медвяной желтизной, будто недавно срубленные. Но смолой и щепой от них не пахло, здания были возведены давно. Видимо, строители знали какой-то секрет консервации бревен, и улица не выглядела угрюмой и унылой.

Друзья не торопясь направились к центру Слободы, видимому по куполу церкви. Их обгоняли всадники, пешеходы, повозки с поклажей, по которой можно было судить о богатстве здешнего рынка. Но на перекрестке радиальной и кольцевой улиц гости узрели

и нечто необычное: на гигантском возу, который тянула упряжка в шесть лошадей, мимо провезли отрубленную колоссальную, мохнатую лапу длиной метров в десять! Сопровождавшие воз стражники в кирасах и латах были хмуры и молчаливы.

Друзья долго смотрели вслед процессии, вдруг обнаружив, что никто из прохожих и проезжих почти не обращает на нее внимания.

— Значит, привыкли,— резюмировал Такэда.— Тролль или циклоп?

— Не суть важно. Главное, дружине Мстиши... или Яросвета спать не приходится. Но хорошо уже то, что она справляется со своим делом.

— Где же обитают эти великаны? В Мировой Язве? Почему же мы не встретили ни одного?

— Потому что не прошли и сотой доли периметра Язвы. Кто знает, какие твари живут там кроме тех, что мы видели.

Мимо беседующих приятелей прошла молодая и красивая женщина, окинув их любопытным взглядом. У Никиты оборвалось сердце, показалось — Ксения! Но это была не она, хотя и разлет бровей, и внимательные серые, с миндалевидным разрезом, глаза, и тонкий нос, и волосы, перехваченные лентой с изумрудами,— все было копией черт лица Ксении, Никита едва не бросился следом, но Такэда его остановил:

— Ты что, Посланник?

Сухов погас, сказал глухо:

— Показалось...— Но потом повеселел чуть, отстранил руку Толи, сосредоточился на чем-то, прислушиваясь к себе, замер на несколько мгновений и кивнул, удовлетворенный.— Пошли за ней.

— Зачем? Ты что, будешь бросаться теперь на каждую юбку?

Никита потемнел, и Такэда быстро сдал назад.

— Извини, обидеть не хотел. Но и ты не дергайся.

— Эта девушка проводит нас, куда надо. На ночлег-то все равно необходимо устраиваться, А мыслефон у нее добрый.

Незнакомка, одетая по здешней моде в длинный цветистый сарафан и сетчатую шаль, в красивых сандалиях на крохотных ногах, усмешливо оглянулась на преследователей, но не испугалась и шага не прибавила, словно знала их намерения. Она вывела путешественников на улицу жилых домов, таких живописных, украшенных резьбой, разноцветных, будто и не из дерева сделанных, а сотканных из радуги, что разинувшие рты друзья едва не упустили красавицу из виду. Она еще раз оглянулась, свернула к одному из домов, голубовато-серебристому, с пристройкой над крышей, и тотчас же из сеней на дорожку за изгородью палисадника с цветами вышел молодой парень — косая сажень в плечах.

Был он рус, бородат и усат, очень сильно походил на Рогдая, но тип лица у него был другой. Да и глаза светились не голубизной,

а зеленью. И чувствовалась в нем такая обстоятельная, уверенная, гордая и великодушная сила, что Никита невольно расправил плечи и подтянулся. Показалось ему, кто-то тихо-тихо, почти неощутимо, как дыхание спящей девушки, коснулся кожи на темени, но ощущение было столь мимолетным и быстрым, что Никита тут же забыл о нем.

— Заходите, путники,— приятным раскатистым баритоном позвал парень землян,— гостями будете. Вижу, ночлег ищете?

— Как вы догадались?— с простодушным выражением лица поинтересовался Такэда.

Хозяин, одетый в просторную серую рубаху, стянутую в поясе витым ремешком, серые же, но более темные брюки и сапоги из серой замши, улыбнулся в бороду.

— Да на вас написано. Меня Данилой звать. А вас?

— Посланник,— брякнул было Никита, но тут же исправился.— Никита, я, Будимира Сухова сын. А это мой друг Тоява Такэда.

Толя поклонился.

Хозяин сделал широкий жест рукой:

— Проходите в хату.

Никита заметил, что кисти рук у него отливают зеленью, пихнул в бок Толю, но Данила перехватил его взгляд и жест, пояснил:

— Камнерез я, вот руки-то и изроблены. Да ничо, я здоровый, хвороба не берет.

Такэда, знавший сказы Бажова чуть ли не наизусть, вскинул голову, но говорить ничего при хозяине не стал.

Гости вошли вслед за Данилой в просторные сени, заставленные сундуками и шкафами, потом в горницу и остолбенели. Их поразила не чистота и уют, не колорит и не красота интерьера (русское барокко с обилием резьбы и неожиданными пропорциями, вызывающими колоссальный эстетический эффект, по определению Такэды), а портрет той самой незнакомки, приведшей их сюда, но портрет не писанный маслом или акварелью — выполненный из полудрагоценных и драгоценных камней. Девушка была, как живая, улыбалась, и от этой улыбки на душе становилось теплее и радостнее.

Гости смотрели бы на портрет долго, если бы не раздавшийся смех: в горницу вошла давешняя красавица, успевшая сменить сарафан на обтягивающее тело платье из зеленой парчи, а сандалии на туфли без каблука из какого-то горящего, как пламя, материала.

— Нравится?

Гости кивнули, онемевшие. Данила улыбнулся добродушной и одновременно лукавой улыбкой.

— Знакомьтесь, моя жена, Лада. Названа так по имени богини браков, любви и веселья.

Такэда, искоса глянув на Никиту, поклонился, представил тан-

цора и представился сам. Он тоже обратил внимание на поразительное сходство Лады и Ксении, но помнил и другую Ладу — Заавель, второе «я» Гиибели.

— Будем ужинать,— объявила жена камнереза.— Данило, зови гостей в трапезную.— Похоже, она не смущалась тем, что гости общаются двойными голосами. А может быть, законы здешней физики — магифизики допускали еще и не такие парадоксы и чудеса.

Никита подошел к высокому комоду из светлого дерева, украшенному инкрустациями из камня, напоминающего желтый малахит. На комоде располагалась целая коллекция удивительной красоты изящных каменных чаш, кубков, бокалов и стаканов. Некоторые из них по верху были ажурными, с орнаментом тонкого изысканного рисунка, а стенки других были столь тонки, что становились прозрачными, чуть ли не светящимися, вызывая восторг и восхищение. Ни один, из стаканов, чаш и кубков не повторял формы соседних, и все они были сделаны из разного камня, лишь два из которых Никита распознал: яшма и малахит. Остальные были незнакомы.

На втором комоде, чуть ниже первого, красовалась еще одна коллекция каменных изделий: фигурки зверей, людей, сказочных, а может быть, и реально существующих в данном мире созданий, химер и драконов. Над комодом на огромном ковре висело оружие: мечи, сабли, бердыши, дротики, копья-сулицы, кинжалы,— все с рукоятями, украшенными изумительной работы резьбой и драгоценными камнями.

— Да-а! — только и сказал за спиной Сухова Такэда, также увлеченный созерцанием.

— Ваша работа?— кивнул на комоды Никита.

— Малая толика,— погладил бороду камнерез.— Нравится?

— Более совершенных не видел! Ими можно любоваться часами, в каждом говорит душа камня.

Данила прищурился оценивающе, понял,— гость говорил не только о камне, но и о душе мастера.

— Идемте, истоплю вам баню. Потом поужинаем и побеседуем.

Процесс мытья в бане, длившийся больше часа, подействовал на гостей благотворно и расслабляюще, и они почувствовали себя как дома. Тревоги и заботы отступили на второй план, пришло ощущение полной безопасности, комфорта и спокойствия, которого они давно уже не знали.

— Сто лет не испытывал такого кайфа,— признался Никита другу, когда они блаженствовали в предбаннике, завернутые в огромные льняные полотенца.

Но еще больший кайф ожидал их в трапезной. Такого обилия

вкусной и в общем-то практически незнакомой еды ни Сухов, ни Такэда в жизни своей не видели.

Спиртовых настоев и вообще алкоголя этот мир не знал, и вместо вина хозяин налил гостям вареного меда, от которого у пьющих голова оставалась ясной, но отказывали ноги. Закусывали яствами, о которых гости не имели понятия, пока хозяйка не открыла секрет: черемшой квашеной, щавелем с орехами, листьями лопуха с рыбой, репой пареной, корзиночками с сыром домашним, творогом с цветками одуванчика, морковными блинами и голубцами из подорожника.

На первое им подали борщ по-огородничьи, рассольник и уху — на выбор. На второе — расстегаи с ливером и грибами, с аппетитно зажаренной корочкой, окорок копченый, пельмени с мясом и творогом, перец фаршированный, маринованный стахис. И запивалось все напитками из поленики, лесной ягоды с запахом ананаса, похожей на мелкую малину, а также морсом из костяники и морошки, и еще квасом из черемухи.

После ужина у гостей едва хватило сил поблагодарить хозяйку за угощение, похвалить ее искусство кулинара, а Такэда добавил:

— Никогда в жизни не едал ничего вкуснее и долго теперь не забуду.

Никита, сказавший всего два-три слова за весь обед, старался на Ладу не смотреть, но взгляд его, как магнитом, притягивался к ее лицу, то и дело сталкиваясь с ответным взглядом женщины, улыбчиво-спокойным, умным, внимательным, с лукавинкой и грустинкой, причину которой мог знать, наверное, только муж. Никита отметил этот факт для себя и вспомнил о нем, лишь когда Лада попрощалась с ними, пожелав спокойной ночи, и ушла в спальню. Однако он долго не решался задать вопрос Даниле, ведущему неторопливую беседу с Толей. Такэда, знавший обычаи многих народов, никогда сразу не заводил разговора о том, что его интересует, по его мнению, это было невежливо.

Они ушли из трапезной в горницу, хозяин зажег люстру со свечами, плафоны которой тоже сделал сам из дымчатого хрусталя, и комната превратилась в дворец, полный тайн и чудес. Наконец камнерез заметил некоторую стесненность второго гостя и, блеснув проницательными, светящимися по-кошачьи глазами, спросил:

— Вас что-то смущает, Никита Будимирович? Вы смотрели на жену так, будто боялись ее.

Сухов вспыхнул. Показалось, что в словах мастера прячется укор и какой-то намек. Но камнерез смотрел на него доброжелательно и приветливо, и в спектре силовой волны, исходящей от него, не имелось порочных линий: превосходства, насмешки, неуважения.

— Она очень похожа на девушку, которую я ищу,— сказал танцор сдавленным голосом, пересилив себя.

— Надеюсь, расскажете эту историю, если не секрет? Не сейчас, утро вечера мудренее. Вижу, вы устали.— Данила поднялся.— Идемте в гостиную, Лада уже постелила.

— Хотелось бы задать вам еще пару вопросов,— учтиво произнес Такэда.— Если не возражаете.

— Да ни боже мой,— улыбнулся в бороду камнерез.

— Мы тут у вас видели, как на возу везли огромную отрубленную руку... э-э, лапу. А народ реагировал очень спокойно.

— Потому что ни один из великанов до столицы не добирается. Эти порождения Мировой Язвы иногда перебираются через Огнь-реку, тогда приходится воевать с ними. Но порубежная дружина росская у нас очень умелая и сильная, уже давно никто не рискует в открытую идти на Русь. Одиночные набеги кочевников, орд звероловов и нечисти не в счет.

— А кто такие... м-м, звери в чешуе, медведи? Они нам помогли однажды.

— Это друзья Яросвета. Их племя живет в Дремучих Лесах за Язвой. К людям они относятся очень дружелюбно, и не раз помогали дружинникам на Порубежье. Наши ученые говорят, что «медведи» — новый вид разумных существ на планете, самый молодой из всех.

— А что, их много?

— Довольно много, но большинство — вымирающие виды. Битва нарушила не только социум, но и физическую реальность мира, и даже Яросвет не в силах повернуть процесс изменений вспять. Яросвет-маг молодой, и в наследство ему достался не самый благополучный мир. Много сил ему приходится тратить на охрану Чертова Кладбища и Дикого поля, да и вообще всей Язвы. Ведь они занимают половину планеты!

Никита невольно глянул на эрцхаор. Данила перехватил его взгляд, кивнул на перстень.

— Красивая у вас оберега. Говорят, у Яросвета есть такая же.

— А кто такой Яросвет? Человек, дракон, призрак, другое разумное существо? И где он живет

— Яросвет — маг, а где живет?— Данила широко повел рукой.— Везде.

— Нам необходимо встретиться с ним. Ты поможешь его найти?

— Он сам вас найдет, когда придет нужный час. Почивайте спокойно.

Данила поклонился и шагнул из гостиной, где были застелены полотняным бельем две широкие лежанки.

— Последний вопрос,— заторопился Такэда.— Мы несколько раз были свидетелями того, как из-под земли вылетали длинные черные стрелы...

Камнерез нахмурился.

— Где? В Язве? Или уже по эту сторону Огнь-реки?

— Кажется, по ту.

— Терростре́лок. Зашевелился, капкановладелец черевистый!

Никита вспомнил туманное облачко, разговаривающее с ним мысленно. Кщерь.

— А кто такой Кщерь?

Данила насторожился.

— Вы с ним... встречались?!

— Дело было. Навеял на нас странный сон, покопался в мыслях, но вреда в общем-то не причинил.

— Вы не представляете, други, кого встретили! Даже не верится. Это же Кщерь Бессмертный, душеубийца! Высасыватель душ! И он ничего вам не сделал? Поразительно! Впрочем, это какая-то ошибка. Кщерь заперт в могильнике, он не мог выбраться оттуда самостоятельно.

— Как вы его назвали?! — взвился вдруг Такэда.— Кощей Бессмертный. М-да... Поговорим завтра. Доброй ночи.

Гости остались одни, одетые в тонкие, длинные, мягкие, пахнущие березовой корой и травами, чистотой и свежестью, льняные рубахи.

— Ну и совпадения! — Толя был возбужден и спать расхотел.— Значит, и Кощей имел аналог в этом мире. А действительно, почему он отпустил нас тогда, если изначально является врагом человеку? «Высасыватель душ»! Надо же. То-то озадачился Данила.

— Видимо, знает, кто это такой, не понаслышке.

— А ты обратил внимание?— Такэда понизил голос.— Он вообще учен не по годам и положению, если знает, что живет на планете, да и оперирует такими сугубо научными понятиями, как социум и разумный вид.

— Это перевод лингвера на наш русский, но смысл, конечно, тот же. Да, камнерез далеко не так прост, как мы оценили при знакомстве. Как и Лада, Богиня браков и любви...

— Может быть, он и есть Яросвет?

— Завтра узнаем. Во всяком случае, мы в безопасности, я это чую. Выспимся наконец.

Улеглись, хрустя простынями. Такэда погасил свечи, повозился немного, затих. Хмыкнул.

— Ты читал сказы Бажова?

— В детстве,— сонно ответил Никита.— «Серебряное копытце»...

— У Бажова тоже был камнерез Данила... и Хозяйка Медной Горы, красавица, каких не сыскать. Чем не Лада?

— К чему ты клонишь?

— Бажов, может, и неосознанно, но мог подключиться к эйдосу, то есть к общему полю информации Веера, иначе невозможно объ-

яснить такие разительные совпадения. Тот же Кщерь Бессмертный, или «Душеубийца», чем не наш Кощей? Тоже ведь не случайное совпадение.

Никита молчал. Он грезил: по буйным травам степи скакала на белоснежном коне босоногая Ксения, оглядывалась, смеялась и звала...

7

Такэда встал рано и разбудил Сухова.

Полчаса они уделили тренингу, потом умылись в сенях. и Данила, вставший еще раньше, отвел их на веранду, выходящую в сад, на завтрак. Завтрак был так же великолепен, как и ужин, и съеден был с аппетитом в сопровождении тихой улыбки Лады, юной и свежей, вызывающей ответные улыбки, щемящую тоску и надежду на успех любого дела.

Затем хозяин увел гостей в свою мастерскую на втором этаже дома, в ту самую башенку-пристройку на крыше. У Никиты при этом возникло ощущение, что изнутри мастерская выглядит более объемной, чем снаружи, но он тут же забыл об этом, зачарованный великолепным разноцветьем и блеском каменных изделий, а также глыбами и друзами хрусталя и других драгоценных камней.

Гости могли бы разглядывать творения мастера — и природы — долго, но у Данилы были свои дела и заботы. Подарив друзьям по браслету из какого-то камня, напоминающего лунный, со вкраплениями еще одного, похожего на кошачий глаз, камнерез усадил их в резные деревянные кресла у рабочего стола своего и кинул оценивающе-заинтересованный взгляд.

— Итак, гости дорогие, поговорим о ваших делах.

Никита оторвался от созерцания сокровищ мастерской, кивнул Толе, и тот приступил к рассказу.

История их появления в мире Олирны заняла двадцать минут, со значительными сокращениями, конечно, и не произвела особого впечатления на Данилу. Во всяком случае, от описываемых чудес, забавных или жутких, он не ахал, а в волшебные превращения верил безоговорочно, воспитанный магическими реалиями собственной вселенной. После паузы, в течение которой он взвешивал какое-то собственное решение, камнерез произнес:

— Ваша история заслуживает внимания. Но вот вопрос: почему вы рассказали ее мне?

— Потому что наша встреча не случайна,— ответил Сухов, не задумываясь.— Либо Яросвет нарочно ее устроил, договорившись сначала с Мстишей, потом с вами и вашей женой, либо... вы и есть Яросвет.

Данила откинулся в кресле, засмеялся, взлохматил волосы, перевязанные ремешком с красивейшим агатом на лбу.

— Если бы все было так просто, Посланник. Общечеловеческие нормы являются законами и для вашего и для нашего мира, но реализуются иначе. И судя по рассказу, ваш мир более жесток к человеку, ибо правят им люди, не заслуживающие уважения, любви, верности, дружбы и, главное, власти.

— Это уж точно,— проворчал Такэда.— Особенно в странах бывшего Союза с их развитым государственным и политическим кретинизмом.

— Конечно, наша встреча не случайна,— продолжал Данила.— Я знаю о ваших манерах с момента встречи с Ягой.

— Ягойой?

— Ее имя еще более длинно и неудобоваримо: Беа-Войюа-Ягой-ой-ай. Нравится?

Никита и Толя засмеялись, глянув друг на друга.

— Народ обычно упрощает такие имена.

— А Праселка так зовут, или тоже длиннее? По заявлению Ягойой, он, вроде бы, ее родственник.

— Праселк — тульпа, если вам что-либо говорит этот термин.

— Говорит,— оживился Такэда.— По нашим понятиям тульпа — это физически реальный образ какого-либо существа или его двойник.

— Ваш ответ — убедительное доказательство родства наших миров, у нас тульпа — то же самое. Так вот Праселк — тульпа игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры, атамана самого думающего департамента в свите Люцифера. Разгадать его натуру трудно, по крайней мере, мне, он непредсказуем.

— Для простого камнереза вы слишком хорошо информированы,— тихо сказал Никита.

По комнате словно прошумел ветер, хотя Данила не пошевелился, продолжая улыбаться.

— Понеже я не просто камнерез.— Хозяин достал откуда-то из-под стола сверкнувшую белым металлом корону с самоцветами и надел на голову; камень в ремешке пришелся точно в выемку в кольце короны.— Я — князь Мстиша, верховный правитель Свентаны. Прошу любить и жаловать.— Данила шутливо поклонился.

Никита и Толя вскочили, растерянно переглядываясь.

Данила засмеялся, снял корону, успокаивающе повел рукой.

— Садитесь, други, в ногах правды нет. Рад, что произвел впечатление. Нетипичный царь, верно? Этот дом — моя творческая резиденция, и знают о нем лишь друзья. Власть — тяжелый удел для творческой души, и здесь я отдыхаю. Но разговор не об этом. Мы добрались до цели вашего визита.

Никита, поколебавшись, сел, прокашлялся.

— Я был уверен, что вы Яросвет.— Усмехнулся, качнув головой.— Явление князя Мстиши Удалого для меня оказалось более неожиданным. А... э-э, Лада...

— Жена, княгиня Лада, дочь Глеба Сварожича, единственная, Богом данная. Видимо, ваша Ксения очень на нее похожа, если вы так реагируете на нее. Но продолжим.

Сухов кивнул, отсекая ненужные ассоциации, мысли и вопросы, глянул прямо в глаза Данилы-Мстиши.

— В нашем мире существует легенда о богатыре Святогоре, а в вашем жил его реальный прототип. Мы пришли за его мечом.

Наступило молчание. Князь долго смотрел на свои руки, лежащие на столе, думал о чем-то. Лицо его стало хмурым и суровым, заботы и тревоги отразались в нем, как в зеркале. Наконец, он вспомнил о гостях:

— Зачем? Зачем вам понадобился именно меч Святогора, а не какой-нибудь иной? Этим мечом должен и может владеть только достойный его. По слухам, Яросвет пытался завладеть мечом, но не смог.

Никита расстегнул ворот рубашки, оголил плечо с родинками в форме семерок и звездой Вести. Цвет звезды из коричневого перешел в розовый, а поглощенные ею семерки налились кровью. Никита на мгновение напрягся, и звезда стала объемной, внутри нее метнулись крохотные голубые молнии, погасли, звезда снова стала плоской.

Данила погладил усы, «фамильным» движением взъерошил волосы.

— Надеюсь, это знак не только Посланника, но и мага... если только правда то, что я о Посланнике слышал. Что ж, я помогу вам чем смогу. Мой проводник отведет вас к Святым Горам, где покоится сам Святогор и хранится его меч, а дальше все будет зависеть от вас.

— Больше и не требуется.

— Минута,— встрепенулся Такэда, видя, что князь собирается встать.— Чем прославил себя Святогор и как погиб? По нашим легендам он был настолько могуч, что не имел врагов. Да и умер странно, не в бою.

— Да, умер он не от ран. Святогор — один из антропоморфных великанов, живших задолго до появления человечества и принявших на себя первый нацеленный удар воинства Люцифера, которое расчищало поле деятельности для экспериментов своего господина. Святогор, по сути, родственник титанам, циклопам, дэвам, абасам, асурам и турсам, населявшим планету в те далекие времена. Жалкие их остатки сохранились только в Мировой Язве, да и то лишь благодаря стараниям игв, содержащих их в качестве резерва.

Вот почему мне приходится держать на Порубежье лучшие воинские дружины, хотя Русь приходится защищать и с запада — от балтов, и с востока — от индо-китайцев, и с севера — от индейцев, потомков монголов, заселивших материк Северного полюса.

Данила посуровел, но ненадолго.

— Когда на эти земли пришли русские племена, от рода Святогора осталось всего несколько человек, великанов то есть, а по лику россичи — мирный и трудолюбивый народ, Святогор подружился с ними и три сотни лет стерег границу со товарищи, пока те не умерли от старости. Сам он был еще достаточно силен и мог бы здорово насолить воинству Люцифера в готовящейся Битве, поэтому игвы заманили его в ловушку и таким образом исключили участие в Битве на стороне Собора Веера. Дальнейшая его судьба неясна, все-таки случилось это почти тысячу лет назад. Да и вообще вся эта история темна и загадочна. Существует поверье, что Святогор не умер, а спит где-то до лучших времен, чтобы проснуться и встать на защиту мира. Но никто не в состоянии проверить, так ли это на самом деле, разве что сам Яросвет. Может быть, он уже и проверил, ведь нашел же он меч Деда и его гроб.

Данила замолчал. Молчали и гости, переваривая сказанное. Потом камнерез, он же князь, легко поднялся и, поклонившись, хитро улыбнулся:

— Я еще не отбил охоту у Посланника искать меч?

Сухов качнул головой и с невольным восхищением: оба походили друг на друга, как братья — высокие, плечистые, русоволосые, с бородами и усами, с типично славянскими чистыми лицами, разве что цвет глаз не совпадал,— голубой у Сухова, желто-зеленый у Данилы. И от обоих исходило дыхание исключительной силы, не столько физической, сколь внутренней, психической, а также уверенности, рождавшей у тех, кто был рядом, ответную уверенность, бесстрашие и желание действовать.

— Мы идем!

— Тогда собираемся и в путь. Я иду с вами.

— Князь, вы не должны рисковать, отвечая за Русь, за благополучие рода. Мы дойдем и сами.

— А вот это я решаю без Собора и Речи[1]. Разговоры на эту тему излишни. Идемте, кони ждут, распоряжения розданы, нужные службы предупреждены. Великий князь Мстиша Удалой и Спаситель отбывает на Порубежье с инспекцией.

Сборы не заняли много времени.

Никита и Толя переоделись в свои многодиапазонные «ска-

[1] Имеются в виду собрание старейшин и военный совет.

фандры», придав им видимость местных доспехов, и ничем не отличились от всадников княжеского фиана — дружины сопровождения, присланной за ними великим князем. Сам Данила не мог отправиться в поход из своей творческой мастерской и вынужден был выезжать из Детинца-Кремля прилюдно, провожаемый женой и слугами. По этой же причине гости Данилы не могли попрощаться с Ладой, но князь, словно зная их чувства, нарочно еще раз проехал с дружиной под стенами Кремля, чтобы те увидели княгиню. У Никиты, когда он поймал прощальный жест Лады — взмах белым платком, было ощущение, что он прощается с Ксенией, причем — навсегда. Сердце долго не могло успокоиться.

Друзья с радостью поздоровались с Рогдаем и Добрагастом, былыми проводниками, также вошедшими в число сопровождающих. Командовал отрядом в количестве ста всадников князь Могута, единственный из всех, чей возраст превышал тридцать лет. Возраст остальных дружинников, бороды, усы и серо-голубые глаза которых делали их братьями, колебался между двадцатью и двадцатью пятью годами. Все они были опытными воинами, универсалами, владеющими всеми видами оружия от меча до лука («людьми боя», вспомнилось Сухову), поэтому отряд представлял грозную силу, способную отбить нападение любого, в пять раз превосходящего численностью врага. В том числе из-за Порубежья. В дружину входили бойцы-колдуны, не только имеющие навыки лекарей, но и обладающие внушительным арсеналом магических формул, с помощью которых удавалось справиться с колдовскими чарами многих древних существ с парапсихологическими способностями. Земляне убедились в этом на первых километрах пути, когда отряд встретил полевика, «злого духа», навевающего сон сродни наркотическому дурману.

Друзья еще ничего не заметили, только с удивлением обнаружили, что зевают вовсю, теряя ощущение скачки, а дружина уже перестроилась и помчалась цепью, охватывая луг с небольшой рощицей посередине. Полевик не ожидал такого сопротивления, заметался по лугу — виден был только его стремительный след в траве, да изредка возникал над зелеными волнами травы длинный язык черных волос — и наконец скрылся в болотине, оставив пятно изморози на кустах.

Такэда подскакал к Мстище, наблюдавшему за погоней с пригорка, снова отметив поразительное сходство Сухова и князя. Впечатление было такое, что они двойники, даже кони у них были одинаковые, белые, с черными отметинами на лбу и черными чулками.

— Князь, все хотел спросить: есть ли у вас, кроме скатерти-самобранки, другие чудесные вещи? Скажем, шапка-невидимка, дубинка-самобой? Ковер-самолет?

Мстиша-Данила снял шлем, волосы его рассыпались по плечам,

почти такие же длинные, как и у Никиты; тот снял шлем давно и приторочил к седлу.

— Вы снова берете пример из жизни вашего мира?

— Не из жизни, из литературы: все эти вещи были придуманы сказителями, но в реальной жизни не существовали. Зато они должны быть у вас, раз уж законы вашего мира позволяют реализовать магическое действо.

— Наверное, и в этом случае наши реалии отличаются от ваших фантазий. Вы уже должны были убедиться, что скатерть-самобранка, по сути,— кухонный комбайн, позволяющий обойтись без продуктов, но не без умелой стряпухи. Точно так же работают и другие «чудесные» вещи. Шапкой-невидимкой может стать любая шапка, если знать соответствующие формулы и иметь магический потенциал. Дубинки-самобоя я не видел, но любое оружие в руках колдуна в некоторых пределах способно к самостоятельным действиям. С ковром-самолетом сложнее, это действительно специально созданное магами древности средство для полета, хотя оно и не похоже на ковер, но до нашего времени сохранились единицы. К сожалению, в моем арсенале их нет. А вот кое-кто из жителей Мировой Язвы такие «ковры» имеет.

— Баба Яга... э-э, Ягойой дала нам летающую ступу. Это и есть «ковер-самолет»?

— Форма их может быть любой. А с чего это Ягойой так расщедрилась? Впрочем,— Мстиша дал знак трогаться дальше,— она странная старуха, чужая нашему миру, способная и на злой, и на добрый поступок. Считайте, вам повезло.

Отряд углубился в распадок, направляясь к югу, сначала по ровной дороге, потом по тропе, разбитой лошадиными копытами. Покачивались остроконечные шлемы, солнце играло на серебристом металле байдан, кольчуг, калантырей, бармиц, на остриях копий, на необыкновенно ярких голубых колчанах, полных стрел, на булавах и шестоперах, бердышах и топорах. Казалось, поток живого металла льется по дороге, вызывая ощущение мощи и сдержанной угрозы. И при этом слышен был только глухой торк лошадиных копыт: не скрипело ни одно седло, не позвякивали латы, не бренчало оружие.

Никита оглянулся на Такэду и по его лицу понял, что он переживает те же ощущения: шла боевая дружина профессиональных воинов, готовых к любой — в пределах законов этого мира — неожиданности, к любому подвигу во славу родины!

За судьбу Руси этого хрона можно не беспокоиться, подумал Никита с гордостью... и горечью, вспомнив, до чего довели правители Русь — Россию на Земле. Такэда догнал Мстишу.

— Простите, князь, а далеко ли от столицы Святые Горы? И почему мы так спешно собирались?

Правитель Олирны сверкнул белыми зубами.

— До Святых гор пять дней пути, а собирались мы быстро потому, что существует календарь удачных походов, и если бы мы задержались на день, следующая дата похода — через седмицу. У вас же дело спешное.

Миновали озеро с крутыми берегами, окруженное желтокорыми деревьями с резной, как у клена, но с другим рисунком, листвой. Толя снова подъехал к князю.

— Я все думаю о подземном стрелке — террострелке. Вы назвали его капкановладельцем. Почему и как он живет под землей?

Мстиша оглянулся на растянувшийся отряд, в голове и с боков которого ехали разведчики и волхвы сторожи [1], махнул вперед рукой в латной рукавице, чтобы дружина прибавила ходу.

— Наблюдатель остается наблюдателем.— Князь сверкнул улыбкой.— Но у нас говорят: любознательность — не порок. Дело в том, дорогой Тояв Оямич, что террострелок — не есть живое существо, рожденное от такого же живого существа. Это квазирегулярный процесс в коре планеты, подчиняющийся сложнейшим формулам взаимодействий физических и магических свойств вещей. В какой-то степени процесс этот можно считать и живым, и разумным, но, к сожалению, «разум» его направлен, на увеличение энтропии и хаоса. Я понятно выражаюсь?

Такэда, обалдевший от того, что князь владеет современной терминологией, с трудом выговорил:

— М-м-м... да!

Мстиша рассмеялся и ускакал вперед.

— Что он тебе сказал смешного?— подъехал ближе Сухов.

— Еще раз убеждаюсь, что он очень образованный человек,— проговорил пришедший в себя инженер.— Слишком образованный. Даже для князя.

Сухов вопросительно поднял брови, однако пояснить ответ Толя не успел: впереди раздался тонкий звук трубы — сигнал тревоги. Отряд остановился. Никита прислушался к чему-то, пришпорил лошадь, вырываясь вперед, подъехал к Мстише.

— Стойте на месте,— приказал тот тихо, но с металлом в голосе. Сухов с интересом глянул на его затвердевшее лицо: это был уже другой человек, не камнерез Данила, и наверное, даже не гостеприимный князь Мстиша Удалой-Спаситель, но некто сосредоточенный, жесткий и грозный.

— Что случилось?

— Поглядите влево, в ложбинку за кустом. Видите?

Сухов разглядел нечто вроде полосатой оранжево-черной дыни величиной с футбольный мяч.

---

[1] Охраны.

— Это переступень кровавый, плод очень злобного растения из семейства тыквенных, начиненный ядовито-зловонной массой. Взрывается даже от стука копыт и поражает все в радиусе десяти саженей. Нам он не страшен, но комони сдохнут. Самое странное, что раньше так далеко от Порубежья переступень не встречался.

Вскоре вернулись разведчики. Лошади их ступали тихо, почти бесшумно, специально обученным шагом.

— Зело колодная пажить укруг,— доложил один из них, что лингвер перевел как: «огромное минное поле».— Чурыня витийствует, вызывает спрыг-траву.

Движением руки Мстиша отпустил разведчиков, задумчиво опустил голову.

— Мы влезли на минное поле, и заминировано оно совсем недавно, ввечеру.

Подготовленный Такэдой Никита поначалу не удивился сказанному князем, но потом сообразил: произнесено это было на р у с с к о м-з е м н о м языке!

Вскоре группа нашла спрыг-траву, стрелки которой всегда указывали колдунам самую безопасную дорогу, и отряд повернул направо, к лесу. «Минное поле» миновали благополучно, и только было вздохнули с облегчением, как вдруг случилась еще одна неприятность: в лесу на дружину напала туча гигантских комаров. Люди не пострадали, надежно укрытые за броней доспехов, но лошадям досталось крепко. Единственным средством защиты от комаров было бегство, и сотня дружно ринулась прочь, нещадно нахлестывая коней, пока те еще слушались хозяев и волхвов.

Бешеная скачка длилась полчаса. Отряд вырвался из леса, усмирил лошадей, подтянулся. Не отстал никто, в том числе и земляне. Но это было еще не все. Стоило им успокоиться, как впередсмотрящие снова подали сигнал тревоги. На сей раз их ждала орда звероловов. Обычно звероловы — те самые кентавры с густой рыжей шерстью, которых встретили Сухов и Такэда в степи, не нападали на столь сильный отряд, однако в этот день их словно подменили.

Волна низкорослых человеколошадей числом в три сотни налетела на дружину, забросав ее дротиками и короткими копьями, и схлынула. Дружинники свято выполнили приказ Мстиши «не убивать!», поэтому ни один из звероловов не пал бездыханным, но первая сотня выбыла из строя надежно: у кого была перебита рука, у кого нога, у кого выбит глаз или зубы. И все же орда предприняла еще одну попытку, забросав отряд колючими шарами, напоминающими зеленые каштаны. Дружинники знали, что это такое, и большинство «каштанов» сбили еще в воздухе — мечами, кинжалами или копьями, но не знали гости, и лошадь под Такэдой, в которую попал «каштан», сдохла мгновенно. Шары были начинены ядом. Почему сами кентавры не умирали от яда, осталось загадкой. Стыч-

ка длилась еще несколько минут: дружинники взялись за луки, и первый же залп рассеял звероловов по степи.

— Простите за неосторожность,— покаялся Толя, когда ему подвели запасного коня.— Мне бы следовало знать коварство подобных бестий.

— Это еще семечки,— сказал Никита.— То ли будет впереди.

И оказался прав.

Еще через час на них напала полудница, едва не задушив жарой и духотой. Загнав ее в болото, дружина остановилась на отдых.

— Очень тревожный симптом,— признался друзьям князь, когда они напились кваса и перекусили пирогами.— Цепь нападений не случайна. Кому-то очень не хочется, чтобы мы дошли до цели. И все дело в вас, Посланник, а не в походе князя. Что вы думаете по этому поводу?

— Я тоже встревожен,— кивнул Сухов.— Но если бы те, кто за нами охотится, объявились здесь, не помогла бы ни дружина, ни вся ваша армия, дружище Данила.

Князь улыбнулся, отрицательно качнув головой.

— А вот тут вы ошибаетесь, Никито. Вы забыли, что гостите не столько у Мстиши, или Данилы, сколько у Яросвета, хотя он и не объявился доселе. До тех пор, пока вы находитесь под его покровительством, на землях Свентаны вам никто не страшен. Правда, это не означает, что можно быть беспечными и думать об удовольствиях. Тронемся, я вам кое-что покажу. Итак, предлагаю совет.— Мстиша позвал Могуту и Рогдая.— Что будем делать, други? О возвращении речи нет.

Дюжий Могута пригладил длинные усы, крякнул.

— Не впервой нам встречаться с нечистью, пробьемся.

— Это наша земля,— добавил Рогдай под взглядом князя,— кого нам на ней бояться? Мы с Добрагастом и вдвоем здесь хаживали, и до Порубежья доходили.

— Что ж, лихих воев можно было бы и не спрашивать. Мнение гостей такое же — вперед?

— У меня есть идея,— сказал Никита.— Мы будем проезжать мимо свалки... м-м, Обережного Городища?

— Мимо Россечи? Совсем рядом — нет.

— Тогда просьба: сделать крюк и подъехать к Городищу, я хочу кое-что проверить.

Мстиша окинул внимательным взглядом лицо Сухова, но спрашивать, что тот хочет проверять, не стал.

— Городище — не лучшее место для отдыха, но крюк сделать можно. Да поможет нам Знич! Командуй подъем, Могута.

Дружина оседлала коней, а Мстиша отозвал гостей в сторонку.

— Пусть проедут.

Отряд выехал в степь, зарысил вдоль реки. Трое воинов оста-

лись с князем, держась чуть поодаль, они жизнью отвечали за его безопасность. Все шестеро поднялись на холм, встали за густыми кустами ивняка.

— Смотрите на то место, где мы отдыхали,— понизил голос Мстища.

Через несколько минут послышались странные звуки — будто невдалеке проходила колонна невидимых гигантов, от каждого шага которых дрожала земля. Затем по траве пошла рябь и сквозь зеленые волны замелькали огромные, с полметра в диаметре, копыта. Одни копыта, без лошадей. Сами всадники, а также их кони были невидимы. Никита насчитал одиннадцать невидимок — сорок четыре копыта, подумав, что у этих «лошадей» может быть и больше ног. Посмотрел на индикатор: алый чертик в камне перстня светился сильней.

— Многорук,— прошептал князь.— Или многоног. Гость редкий, хоть и всегда незваный, и очень опасный, лучше с ним не связываться. Было бы нас меньше, он бы уже напал.

— Так это... это один человек?! — недоверчиво отозвался Сухов.

— Не человек. Чего ему от нас надо, хотел бы я знать? Обычно от Огнь-реки он далеко не отходит. Не оторвемся от него, будет худо, трясею накличет.

Остаток дня отряд скакал на юг, чувствуя на затылке дыхание неведомого и невидимого многорука. Но то ли злые чудеса кончились, то ли их отпугивал сам многорук-многоног — на дружину больше никто не напал и колдовство на ней не пробовал.

Стали лагерем на берегу довольно широкой реки под названием Нерлица. Многорук отстал, словно чувствовал, что его засекли.

Поужинали в молчании, разведя костры и разогрев пищу. Пили только квас и медовый варенец, практически безалкогольный, порядки в дружине были строгие. Потом Никита отозвал в сторонку Рогдая и целый час разучивал неизвестные ему приемы работы с мечом, после чего показал несколько приемов рукопашного боя. Оба остались довольными, чувствуя друг к другу расположение. Такэда нашел танцора у реки после купания. Сторожевая служба дружины исполняла обязанности так четко, не за страх, а за совесть, что опасаться неожиданного нападения не приходилось. Никита блаженствовал, вытираясь полотенцем, взятым из седельной сумы.

— Мстиша сказал, что до Городища рукой подать,— сказал Толя, с удовольствием наблюдая за игрой мускулов на теле Сухова.— Что ты задумал?

Никита вытерся, натянул «доспехи» — диморфанта, глянул на зарево заката и присел рядом с инженером.

— На свалке Городища есть машины, годные к употреблению.

В прошлый раз я заметил несколько любопытных экземпляров, в том числе вертолет.

— Ты хочешь...

— До Святых гор еще шесть дней пути, а на вертолете можно долететь за три-четыре часа.

— Ты с ума сошел!

— Почему бы и нет? Попытка — не пытка. Этим маневром мы сильно озадачим потенциальных врагов и преследователей, да и ловушек многих избежим. Ты лучше вот что мне объясни, ученый: почему в этом хроне возможно колдовство? Чем здешний мир отличается от нашего?

Такэда хмыкнул.

— Интересные ты вопросы задаешь, уважаемый Посланник. Помнится, раньше тебя это не интересовало.

— То было давно и неправда.

— Могу поделиться только предположениями, качественной оценкой. Еще дома я занимался теорией магии и даже консультировался с приятелем, доктором физматнаук Новиковым-Ладыженским. По нашим расчетам законы магической физики начинают работать с некоторого порога изменений фундаментальных констант, таких как гравитационная постоянная, масса протона и электрона, их заряд, постоянная Планка и так далее. Сечешь или пояснить?

— Не отвлекайся.

— Так вот, в нашем хроне-вселенной, на Земле в частности, эти константы таковы, что мысленное и волевое управление природными процессами практически невозможно для большинства живых существ и систем. А для того, чтобы заработали законы магифизики массу электрона надо уменьшить всего на два-три процента, заряд его наоборот увеличить, а гравитационное взаимодействие отделить от инерционного. Всего-навсего. И в данном хроне, в мире Свентаны, эти соотношения реализованы.

— Так просто...

— Ну почему, не так уж это просто,— запротестовал Толя.— Ведь уменьшение или увеличение констант зависит от более глубинных процессов — кварковых, а может быть, и стринговых и суперточечных.

— Стринги — это «струны»? Вихри квантовой пены пространства? А суперточки?

— Это уже другой уровень...— Толя замолк, поняв, что Сухов думает о другом.

— Я чувствую в себе силу, которая то и дело подмывает меня испробовать свои возможности. Это как раз то, о чем писал твой коллега Савченко — о связи всего со всем на микроуровне. Сдерживаюсь я с трудом. Но завтра, возможно, испытаю кое-что. В

Городище.— Никита поднялся.— Пошли к князю, нам развернули походные кровати, не будем выделяться.

Такэда не нашелся, что ответить.

До Городища добрались поутру, часам к десяти по местному времени. Оставив дружину, развернувшуюся подковой к «золотому полозу», по легенде охранявшему свалку, Никита с Такэдой и князем подъехали к провалу в гигантском кольце — там, где утонувшая в земле голова исполинского змея почти соприкасалась с хвостом. Вспомнился сон, навеянный черной бездной в Мировой Язве, когда землянам Кщерь внушил, что они в замке и вынуждены бежать из него, охраняемого почти таким же змеем. Кстати, не является ли тот сон намеком на действительно существующее Городище? И знает ли Яросвет о появлении на божий свет Кщеря Бессмертного, изменившего правилам?

Никита поделился мыслью с Мстишей, и князь заинтересовался сообщением, подробно расспросив друзей об их ощущениях. Потом принахмурился:

— Честно говоря, я не поверил в вашу встречу с Кщерем, потому и не завел разговор вчера, но что-то здесь не так. Бессмертный потому и бессмертен, что живет за счет живых душ, высасывая из людей жизнь. Сиречь не время обсуждать эту загадку. Что вы хотите делать?

— Спуститься вниз. Надеюсь, полоз не проснется?

— Не должен. В свою очередь, надеюсь, вы знаете, что делаете.

Они осторожно миновали два невысоких холма — голову и хвост уснувшего навечно змея, и на мгновение Никите показалось, что он прошел под аркой, сложенной из человеческих черепов, но нечеловеческих размеров. Ощущение прошло, но запомнилось, к тому же Никита уже привык, что иногда видит вещи, недоступные восприятию нормального человека.

Спуск в долину не занял много времени, и уже через десять минут группа стояла возле первого механического монстра, напоминающего грубо склепанный паровоз с десятком дюз, торчащих во все стороны. Сухов, постояв немного, двинулся дальше. Переглянувшиеся Такэда и Мстиша направились за ним.

Следующее устройство было сильно разрушено и утопало в почве почти целиком, поэтому определить его функции не представлялось возможным. Тот же вывод напрашивался и относительно других гигантов этого ряда, ближайшего к краю долины: все они были основательно разбиты, заплыли землей и попасть внутрь не стоило и пытаться. Никита углубился в свалку, направляясь к центру долины, ненадолго останавливаясь возле некоторых конструкций, в большинстве своем поврежденных.

Вскоре они выбрались к рядам механизмов, почти не скрытых слоем земли. Трава здесь не росла и веяло от гигантских машин угрюмой, застарелой угрозой и смертью. Такэда обратил внимание на то, что эти колоссы разрушены, скорее всего, уже после того, как попали сюда: следы повреждений выглядели свежее, чем корпуса гигантов. Создавалось впечатление, что некто огромный и мощный прошелся по свалке чужих военных машин, о предназначении можно было только гадать, и разрубил каждую гигантской секирой или смял в лепешку дубиной.

Такэду не устраивал их поспешный поиск, ему хотелось не только рассматривать механизмы дольше, но и полазить по ним, пощупать руками, однако он терпеливо шагал за танцором, удивляясь терпению князя, следившего за манипуляциями Сухова с любопытством и озабоченностью.

Наконец они подошли к группе машин, имевших знакомые очертания. Такэда с изумлением обнаружил среди них сверхсовременные вертолеты, геликоптеры, истребители-перехватчики и еще какие-то ракетоподобные устройства стремительно-хищных силуэтов, так безошибочно отличающих земную военную технику от гражданской, мирной. Все они были безжалостно разбиты, разрублены, искорежены, и все же беспомощными не выглядели.

Никита надолго застыл у громадного военного вертолета с двумя кронштейнами подвесок, покрытого разводами камуфляжа, о чем-то думал. Потом обернулся к Мстише:

— К сожалению, все Городище нам не обойти и за месяц. Вы случайно не знаете, где здесь брошены малые аппараты?

Лингвер перевел князю слово «аппараты», как «домовины», но тот понял.

— Пойдемте, версты полторы правее.

Через полчаса они добрались до той части кладбища техники, где были свалены в кучу малые машины. Сухов застыл возле огромных холмов ржавых конструкций, перемешанных друг с другом, знакомо «поголубел» — электрически, включив свои экстрасенситивные резервы,— и почти бегом устремился к самой большой куче крыльев, моторов, дюз, сопел, винтов и листов смятой обшивки. Ткнул пальцем в тускло сверкнувший бок какого-то засыпанного почти полностью аппарата:

— Этот. Помогите освободить.

Мстиша, помедлив, принялся помогать Сухову, вынудив делать то же самое и Такэду. Спустя еще полчаса перед ними красовался помятый, но целый, с неразбитым стеклом блистера, четырехместный вертолет с двумя винтами на одной оси.

— Неужели ты хочешь... на нем?..— Такэда покрутил пальцем у виска.

— Именно,— кивнул разгоряченный Сухов.— Аппарат не наш

и работает не на химическом топливе, но я попробую справиться с управлением. Итак, князь, пойдете с нами? Вопросы: каким образом эта техника оказалась здесь, на территории Свентаны, почему на свалке остались неповрежденные аппараты, для кого они предназначены, — я задал Яросвету при личной встрече. Конечно, полеты в вашем мире опасны, мы уже убедились в этом, зато сэкономим время. Дайте проводника, остальное — моя забота.

Мстиша смотрел на Сухова с неопределенной миной, но в глазах его читалось уважение.

— Я не сразу понял, к чему вы клоните, Посланник, но выход вы нашли великолепный. И если уж он и для меня оказался неожиданным, то и для...— Князь не договорил.— Вы уверены, что аппарат поднимется в воздух?

Вместо ответа Сухов залез в кабину, сел в кресло пилота, явно предназначенное для существа крупнее человека, посидел минуту, прислушиваясь к себе, и сделал что-то рукой. С тихим гулом и свистом винты вертолета пришли в движение, волна ветра сдула пыль с кучи хлама, взметнула волосы князя. Вертолет со стоном выдернул корпус из обломков других машин, подскочил на метр в воздух и сел обратно. Винты остановились. Из кабины на спутников весело глядел Никита.

Спустя два часа дружина князя тронулась в путь в прежнем направлении — к Святым горам. Вертолет с землянами взлетел чуть позже, направляясь в ту же сторону. В его экипаж вошли Мстиша, Рогдай, Добрагаст и молодой волхв Вихорко Милонег.

1

То, что вертолет — неземного производства, было видно невооруженным глазом, но создавали его и летали на нем гуманоиды, хотя и гораздо крупнее человека, поэтому Никита быстро освоил принципы управления машиной, подключившись напрямую к его бортовому компьютеру. Правда, скажи ему кто еще полгода назад о таком «подключении», Сухов только посмеялся бы над шуткой, теперь же ему и в голову не приходило смеяться и анализировать, к а к он это делает. Знание многих удивительных вещей давно хранилось «на полках» мозга, и надо было только научиться извлекать из памяти нужные сведения.

Пролетели над Диким полем с его каменным воинством, долго провожали глазами угрюмые башни Чертова Кладбища, придавившие ландшафт зловещей тяжестью. Вдруг Мстиша впился глазами в какую-то точку под аппаратом, тронул Никиту за плечо:

— Подождите-ка... можете повернуть назад, кружок сделать?

Сухов повернул вертолет к Чертову Кладбищу.

— Мать честная! — вполголоса проговорил князь.

— Что случилось?— встревожился Сухов.

— Башни... видите? Две из них разрушены! И разрушены недавно, перед вашим появлением. Теперь я верю, что вы встретили Кщеря Бессмертного — он был в одном из могильников. Но кто его выпустил? И кто вышел вторым?

В кабине наступило молчание. Потом Толя предположил:

— Может, Яросвет знает?

Мстиша неопределенно повел рукой, но ничего не сказал.

Вертолет снова повернул на северо-запад, к Святым горам.

Несколько раз пересекали реки и продолжительное время летели над Огнь-рекой, отделяющей Мировую Язву с ее мрачными, черно-зелеными и ржавыми пейзажами, от более светлого мира Свентаны. Потом ландшафт стал изменяться, повышаться, на горизонте появились горы, сначала пологие и округлые, упругие на вид, как женские груди, затем дикие, зубчато-рваные, вставшие изубренной непреодолимой стеной.

— Убырь,— сказал Мстиша, кивая в сторону гор.— Страна неплахов, волосатых великанов, и мороков — черных теней, громовников, мяцкаев итрясей. На равнину они спускаются редко, хотя в последнее время забредают и в пределы Свентаны.

Под вертолетом проплыла странная гора — идеальный купол, показавшийся желеобразным, полупрозрачным, с круглой черной дырой по центру. На миг Сухову показалось, что на них глянул кто-то равнодушно-холодный и одновременно омерзительно-злобный, как паук, ждущий жертву. В сознание вторглась чья-то чудовищно сильная воля, почти сломив человеческую, лишив людей способности к сопротивлению. Чей-то вскрик заставил Никиту напрячь все силы и выплыть из омута безволия.

— Навь! — с натугой произнес Мстиша, так же не потерявший сознания.

Вертолет отдалился от куполовидной горы, схожей с выпученным глазом какого-то чудовища, и волна чужого внушения спала. Пассажиры задвигались, приходя в себя.

— Плохи наши дела,— сказал князь, поглядывая на Сухова изучающе.— Навь — это как раковая опухоль на теле земли, и по всему видно, что она активизируется. Если бы не семимерное страшное заклятие, ограничившее степень ее воздействия на жизнь нашей державы, мы бы уже сами стали тенями, слугами дьявола. Навь — родственница Кщеря Бессмертного и других подобных тварей!

Никита вспомнил схватку с Мороком, живущим в колодце такого же заклятия на планете Зу-л-Кифла. Видимо, Люцифер когда-то просочился во все хроны, везде оставил свои «визитные карточки», «проекции», и Семерым пришлось эти «проекции» блокировать, ограждать стенами заклятий — то есть физических законов, запрещающих вмешательство в Миры Веера. На уничтожение то ли не хватило сил, то ли показалось достаточным ограничение свободы их действий. А когда Люцифер «зашевелился» в своем хроне-тюрьме, зашевелились и его бесчисленные двойники-«проекции».

Мстиша вдруг положил руку на плечо пилота, к чему-то прислушиваясь. Но Никита уже и сам почуял неладное. Знакомое ощущение накрывшей их сверху холодной тени заставило собраться, глянуть вокруг вторым, паранормальным зрением.

Их догонял второй вертолет! Огромный военный вертолет с ракетными подвесками, состоявший на вооружении современных армий Земли; в народе их называли «крокодилами». С одного из кронштейнов его сорвался дымно-огненный хвост — по вертолету князя открыли ракетный огонь.

Никита бросил машину влево и тут же вправо и вниз. Две ракеты пронеслись рядом с вертолетом, расцвели на склонах гор ядовито-желтыми тюльпанами взрывов.

— Открой дверь! — Мстиша взялся за свой лук.

Никита в сомнении глянул на князя, но дверцу кабины с его стороны открыл: в полете она блокировалась автоматикой центральной колонки управления. Мстиша уперся ногой в поручень над нишей в носу кабины, высунулся по пояс из вертолета, Рогдай вцепился в его пояс, удерживая князя на весу. Но еще до выстрела Мстиши преследуемым пришла помощь — гигантская птица. Она упала вдруг сверху прямо на блистер «крокодила», яростным ударом мощного клюва разбила лобовое стекло, и второй залп военного вертолета преследователей также миновал беглецов. А затем лук князя со струнным гудением, перебившим даже рокот моторов вертолета, метнул в преследователей стрелу.

Сухов не поверил глазам: стрела вонзилась в бок «крокодила» и пронзила его насквозь! Вертолет пошел юзом, завертелся, клюнул носом и пошел вниз, вздрагивая и шатаясь. Исчез на фоне хаоса серо-фиолетовых теней горной страны Убырь. Птица — все тот же гигантский орел с рогами, похожий и на летучую мышь,— пришедшая на помощь, исчезла так же быстро и таинственно, как и появилась.

— Кажется, отбились,— спокойно сказал князь, усаживаясь на место.— А вас кто-то хранит, Посланник. Эта птица давно следует за нами, и я таких в нашей стране не видывал.

— Может быть, Яросвет?

Мстиша качнул головой, но заговорил о другом:

— Значит, ваши враги следили за нами с начала похода, но — слава Богу! — у них не хватило времени на маневр. Ваша идея с полетом застала их врасплох. Вертолет с ракетами — жест отчаяния. Снижайтесь, скоро будем на месте.

Под вертолетом потянулось серо-зеленое бугристое плоскогорье, с высоты в сто метров похожее на застывшее, окаменевшее море с высокими и крутыми вздутиями волн. Кое-где на спинах этих волн торчали камни, постепенно складывались в геометрически правильную россыпь и увеличиваясь в размерах. А потом Никита разгля-

дел, что это за камни: головы в шлемах! Вскоре они стали вырастать из волн по шею, по плечи, показались огромные торсы в диковинных латах, спины гигантских животных, совсем не похожих на коней. Но и так было ясно, что здесь навек застыло, как и на Диком поле, погрузившись в камень, воинство Люцифера. В Битву оно, вероятно, вмешаться не успело.

— Марена,— кивнул за борт князь.— Давным-давно здесь в самом деле было море. Когда солнце высоко, толща камня становится прозрачной и видны рыбы и другие морские твари. Но хотя вода и окаменела, пройти по ней нельзя, любое существо тут же каменеет.

Застывшее море Марены уперлось в крутые, с острыми вершинами, скалы берега, над которыми занес метровые, разделенные на три доли, копыта жуткий зверь, помесь носорога, верблюда и древнего земного динозавра — трицератопса. Всадник на нем по «красоте» ему не уступал — три красно-коричневых глыбы, растущих из одного седалища, с тремя крокодильими головами, но всего с двумя лапами. Эти двое казались живыми, окаменев в момент выхода на сушу вместе с морем.

— Хаббардианец?! — пробормотал Никита невольно.

— Вы угадали,— кивнул князь.— Один из хаббардианцев. Хаббард — планета во многом уникальная, на ней уживаются сразу три десятка разных рас, сходных только трехосной симметрией.

Вертолет миновал береговую линию, потом взлетел над полосой высоких скал, и пассажиры увидели то, к чему стремились.

Среди скал у подножия горы, чья вершина была срезана наискось, словно гигантским лезвием, лежал огромный, длиной в полкилометра и толщиной в сто метров, параллелепипед из черного матового материала, похожий на гигантский гроб. С трех сторон он был окружен скалами, а с четвертой текла широкая черная река, через которую к параллелепипеду был перекинут изумительной красоты ажурный мост, словно сотканный из снежно-белой паутины. От моста вниз, к ущелью, шла, на первый взгляд, ровная дорога, оказавшаяся на самом деле грязе-каменным потоком.

Слева от параллелепипеда Никита усмотрел вывал в стене зубчатых скал, словно кто-то огромный махнул палицей и раздробил камни в огромном секторе, вершиной упиравшемся в параллелепипед. Чуть выше него на крутом склоне второй горы, отсверкивающей холодной голубовато-стеклистой глазурью, вырастала косо в небо необычной формы башня, привораживающая взор: ее основание представляло собой в разрезе сильно вытянутый ромб, на высоте трехэтажного дома оно переходило в широкий, но плоский поперечный брус, нависающий краями над камнем, а над брусом вырастала витая колонна, увенчанная шаром с сияющим под лучами низкого солнца острием.

— Перед вами гроб Святогора,— кивнул на параллелепипед Мстиша после недолгого молчания.— А ведет к нему Дорога Забвения и Калин-мост.

— Калин?— встрепенулся молчавший всю дорогу Такэда.— В нашем фольклоре есть мост, только Калиновый, на нем Иван-ду... э-э, герой наших сказок, бился со змеем.

— Где будем садиться?— буркнул Никита, уже давно чувствуя мощное пси-давление на мозг. Гроб Святогора излучал целый пакет пси-волн, главной из которых была тоска, но и скалы вокруг, и мост, и башня — весь этот дикий горный район тоже излучали в пси-диапазоне. Потоки энергий, вызывающих ощущения страха, угрозы, предостережения, меланхолии, скорби, вины и горечи, тревоги и надежды, пересекались, интерферировали, гасили друг друга и резонировали, создавая настоящую бурю, ощутимую даже обычным человеческим мозгом. Рогдай и Добрагаст, переглянувшись, взялись за оружие, Вихорко Милонег сгорбился, шепча заклинания, а Такэда стал крутить головой, надеясь увидеть засаду.

— Справа у моста, рядом с дорогой есть пятачок,— показал рукавицей Мстиша.— Сядешь?

— Может быть, прямо на... гроб?

— Тогда уж лучше сразу отказаться от жизни.

— Понял.— Сухов повел вертолет на снижение и посадил его впритирку к скалам на десятиметровую ровную площадку у дороги. Наступила тишина.

Пассажиры вылезли из кабины, разминая затекшие ноги, настороженно оглядываясь по сторонам. Глубокая тишина пронизывала весь горный массив, тишина неподвижности, тлена и смерти, но Сухов чувствовал, что за ними со всех сторон наблюдают чьи-то недобрые глаза, будто их рассматривали сами скалы.

— Гроб не охраняется?— спросил Такэда.

— Не гроб,— отозвался Мстиша, пристально разглядывая мост,— меч. Вихорко, поколдуй, как пройти туда. Ну что, други, вперед? Времени на размышления у нас нет.

Никита шагнул было к мосту, но князь остановил его твердой рукой.

— Не лезь поперед батьки, тут все заколдовано, нюх надобно иметь.

Молодой колдун, бледный от напряжения, шагнул к бровке дороги, приглядываясь к каменным глыбам, утонувшим в незасыхающей, липкой, желто-коричневой грязи, больше напоминающей смолу, и запрыгал по камням, подавая пример. Пятерка спутников последовала за ним.

Прежде чем вступить на мост, невесомой дугой пересекающий реку, задержались на минуту, завороженные водой. То есть вовсе не водой и вообще не жидкостью, как оказалось при ближайшем рас-

смотрении! Река представляла собой поток всевозможных предметов, тел живых существ, растений, изделий рук человеческих и, наверное, нечеловеческих, имевших тем не менее какое-то функциональное назначение даже для неискушенного наблюдателя. Объекты этого потока переходили из формы в форму, сливались, расслаивались, перетекали друг в друга, создавая впечатление струй и медленного, беззвучного течения. Землян мороз продрал по коже от избытка впечатлений и того жуткого равнодушия, которое внушала «река».

— Коса богини Мокоши,— сказал князь.— Олицетворение неопределенности бытия. Она беспредельна и существует во всех Мирах Веера, только по-разному воспринимается.

Что-то шевельнулось — в душе Никиты и одновременно вокруг него, словно скалы мгновенно изменили форму, хотя ландшафт по-прежнему оставался неподвижен и нем. И тут же Рогдай и Добрагаст вскричали в два голоса:

— Сторож!

Оба они смотрели в противоположные стороны, и Никита понял, что отряд попал в ловушку.

— Виноват, князь! — выговорил прыгающими губами Вихорко.— Я их учуял, но огляд зело черен...

— Не казнись,— сказал Мстиша,— доставай меч, здесь твое искусство не пригодится.

Из-за гроба Святогора бесшумно, как тень, выпрыгнуло к мосту жуткое страшилище, напоминающее то, что с вертолета людям казалось окаменевшим над берегом: три бугристых, красно-коричневых торса сидели на одном заду с двумя складчато-бугристыми ногами. Тела венчали крокодилоподобные головы с горящими желтыми глазами — по три на каждой голове. Все торсы имели по две лапы с кинжаловидными когтями, которые казались вовсе не когтями, а многолезвийными саблями. Кисти рук у чудовища были почти человеческими, пятипалыми — три пальца отдельно от двух других, хотя и раз в пять крупнее.

— Триглав! — побледнел Вихорко.

— Многорук! — эхом отозвался Добрагаст.

Никита оглянулся.

По дороге к мосту неспешно шествовал еще один монстр: десятиметровая горилла с головой-бугром, напоминающей лягушачью, замотанная от колен до шеи блестящим, как металлическая фольга, винтом. В каждой руке-лапе гигант держал по огромной секире, но лап у него было всего две, плюс две толстых, оплывших, слоновьих ноги, заканчивающихся копытами. Многоруком, по мнению Сухова, он быть никак не мог. Как и многоногом.

— Как он мог нас догнать?! — изумился Рогдай.

— Это другой,— сказал Мстиша, думая о чем-то своем.

— Может быть, отступим?— предложил Добрагаст, не очень уверенно чувствовавший себя без коня.— Или откупимся? Говорят, от них можно откупиться....

— Чьей-то жизнью,— нахмурился князь.— Что будем делать, Посланник? По мне, смерть лучше бесчестья, и еще никому не удалось откупиться от зла.

Никита молчал, полузакрыв глаза. Пространство вокруг кто-то раскачивал, и в такт ему качались горы, реки, моря и города, вздрагивала планета, ежился космос, шевелилась вселенная-хрон, вибрировал весь Веер Миров!

— Бог ты мой! — пошептал Никита.— Люцифер что-то почувствовал. Я с л ы ш у, как он ворочается!

— Тогда нам конец,— хладнокровно сказал Мстиша.— Он пошлет сюда Великих игв, и даже Яросвет не в силах будет нас спасти... если мы не успеем справиться со своей задачей. Может быть, отступим действительно, пока не поздно?

Сухов выпрямился. Мрачный огонь сверкнул в его глазах в ответ на вопрошающий взгляд Такэды.

— Ну нет! Теперь меня никто не остановит! Конечно, шиххиртх или хотя бы вардзуни нам не помешали бы, но мы имеем только то, что имеем. Отвлеките триглава, я пока займусь многоруком.— Никита привычно сосредоточился на своих переживаниях, застыл на долгих несколько секунд, пока Мстиша стрелял в триглава из лука, а Добрагаст и Вихорко Милонег взбежали на мост и напали на монстра с мечами и сулицами, острия которых были заговорены по особым формулам колдовства этого мира.

Такэда, как и Рогдай, вооруженный заговоренным мечом и дротиками, в схватку пока не вмешивался, наблюдая за бывшим танцором. Сухов на глазах бледнел, вернее, как бы становился прозрачным, голубел, стрелял искрами, пока не оделся в пульсирующую сетку голубовато-зеленого свечения. Затем, не глядя ни на кого, быстро направился к приближавшемуся гориллоподобному великану, скользя над каменным потоком дороги, словно в невесомости.

Многорук остановился, слегка озадаченный, а в следующую секунду Такэда понял, почему эту тварь назвали многоруком: она раздвоилась! Пока инженер протирал глаза, не веря в происходящее, каждый из близнецов-страшилищ тоже раздвоился, те в свою очередь повторили действие, и пошло, и поехало. Процесс закончился в тот момент, когда светящийся Посланник приблизился к первой паре многоруков на расстояние в полсотни метров и остановился. Напротив, по колени в пелене пара выстроился целый полк многоруков: грязь под ногами гигантов начала испарять воду.

— Что он делает?! — сдавленно просипел Добрагаст, забывая о втором чудовище за своей спиной.

Такэда двинулся было к Никите, но князь остановил его:

— Погодь, Наблюдатель, он нашел неплохое решение.

Многоруки не нападали! Они толклись на месте, размахивали лапами и выглядели так, будто у них болели животы. И вдруг снова начали делиться! Их и так было уже сотни две, а тут стало четыре, восемь, шестнадцать! И с каждым делением они становились прозрачнее, теряли цвет и плотность, таяли, испарялись, пока с долгим ядовитым шипением не распались в облако желтого дыма, осевшего на скалы желтовато-сизым налетом.

— Браво! — негромко высказался Мстиша и тут же мгновенно пустил стрелу в ступившего на мост триглава. Тот легко отбил ее веером лезвий в правой руке. Одно из лезвий длиной в два метра вылетело из руки, словно его выстрелила метательная машина, вонзилось в щит Добрагаста, пронзив его насквозь, вошло ему в грудь. Воин упал, но сразу же принялся другой рукой вытаскивать кривое лезвие, шепча какое-то заклинание, Вихорко помог ему и едва не получил такой же кинжал в спину.

Триглав стал метать свои дротики, по три-четыре сразу, с невероятной силой: Такэда увернулся от первой серии и со страхом увидел, как лезвия входят в камни, стреляя дымными фонтанами.

Князь от бросков не уклонялся, сбивая лезвия на лету своим льдисто сверкающим мечом, перерубавшим дротики пополам, будто спички. Рогдай действовал также, показывая великолепное мастерство рыцаря-профессионала.

Триглав был уже на середине моста, когда к группе его противников присоединился Никита. Не останавливаясь, он выбежал вперед и метнул свой меч с такой силой, что тот буквально исчез из глаз. Все случилось в одно мгновение: бросок, свист распоротого воздуха, удар,— и средняя голова чудовища отделилась от шеи и, ударившись о мост, упала в реку. В вечереющее небо ударила струя светящегося дыма.

Триглав перестал метать дротики, остановился. Две его крайние головы словно в недоумении повернулись к обрубку средней шеи.

— Меч! — протянул руку за спину Никита.

Такэда, демонстрируя отличную реакцию, как заправский оруженосец подскочил к нему первым, отдал свой клинок.

Еще один мгновенный бросок, свист и удар, и вторая голова монстра свалилась под мост. Триглав заревел, бросаясь вперед, буквально смел с моста в реку Вихорко и Добрагаста, поднял обе руки с дюжиной лезвий, но Мстиша, не дожидаясь призыва Сухова, уже вложил в его руку свой меч. И третья голова гиганта слетела с туловища, скатываясь по ажурному настилу моста к ногам попятившихся людей. Ноги у триглава подогнулись, он сходу сунулся обрубками шей в россыпь камней, с которых едва успели спрыгнуть в

разные стороны Мстиша, Рогдай и Такэда. На мосту остался стоять Никита, объятый переливчатым ореолом свечения. Подошел к перилам, заглянул вниз. Но Добрагаст и Вихорко Милонег исчезли в реке — косе Мокоши, превратившись в ее струи-волосы.

Триглав жил еще полчаса, дергаясь, пытаясь подняться, шаря вокруг руками, из которых выпали все его огромные сабли-дротики. Отряд не любовался его кончиной, находясь под впечатлением гибели двух молодых дружинников. Никита был подавлен, но понимал, что еще не закончил дело до конца и надо спешить.

— Они не ждали нас так скоро,— сказал Мстиша, оглядываясь с моста на труп триглава; под словом «они» князь подразумевал силы сатаны.— Иначе меч охранял бы целый сонм чудовищ. Но ты молодец, Посланник.— Мстиша окончательно перешел с Никитой на «ты», и тот принял это, как должное.— Не казнись гибелью Добрагаста и волхва, ты не виноват. Похоже, единственный способ победить многорука без войска был твой: спровоцировать резонанс размножения! А это уже уровень гипервоздействия. Поздравляю, мастер. Идем дальше?

— Не спешите, князь,— раздался сверху, с крышки гробницы Святогора чей-то голос.— Кандидатура Посланника неплоха, но, во-первых, он не посвящен, а во-вторых, не готов к Пути Великого соединения.

— Праселк! — прошипел Такэда.

Это был тот самый старик в овчинном тулупе, с посохом в руке и с филином на плече, что встретился друзьям в лесу Мировой Язвы. Тульпа — двойник игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры. Снизу, с расстояния в семь-восемь десятков метров он казался карликом, но глаза его светились, как угли, а голос был звучен, и слышен всем.

Снова внутри Никиты качнулась вселенная, заколебались все физические и магические поля, будто волны по воде от брошенного камня: Люцифер уже отдал приказ исполнителям, и один из Великих игв прислушивался к Вееру, нащупывая нужный хрон.

— Быстрее! — шепнул Мстиша на ухо Сухову.— Он отвлекает нас нарочно, поелику не в состоянии помешать сам. Яросвет загнал его в нору морока, но Праселк многомерен и смог просочиться обратно.

Никита уже понял, почему князь разговаривает по-русски с такой изысканной точностью и знанием терминологии, о которой простой правитель типа земных царей и понятия не имел, однако проверять догадку было некогда.

Четверка перебежала мост и остановилась под стеной черного монолита, на боках которого были видны борозды — будто следы ударов гигантского топора. Внутри него, по преданию, спал мерт-

вым сном Святогор. Праселк смотрел на них сверху, с крышки гробницы, как голодный зверь, но спуститься вниз не решался. Мстиша уже нашел и подобрал свой меч, возможности которого превосходили потенциал любого другого, и поглядывал вверх с подчеркнутым вожделением.

Такэда с удивлением обнаружил, что гроб окружен густой желтой травой с необыкновенно красивым резным язычком, более светлым, чем нижняя часть стебля.

— Плакун-трава,— сказал Мстиша, заметив взгляд Толи.— Цветет раз в сто лет, в канун гибели Святогора.

— Как же они его сюда заманили?— пробормотал Такэда.— И кто именно?

— Игва Гиибель,— ответил князь мрачно.

Никита тоже смотрел на гробницу великана сквозь прищур век и думал о том же. Земной былинный Святогор не совершил ни одного подвига, не сделал ничего выдающегося, лишь послужил олицетворением первобытной, чрезмерной и ненаправленной силы. Сказитель былин, неосознанно получивший информацию о богатыре из эйдоса, общего поля информации Веера, не нашел ему применения ни героически-воинского, ни хозяйственно-производительного. Такая сверхсила в земных условиях не пригодилась. Но она не сработала и здесь, на родине колосса, слишком простодушного и доброго, чтобы сражаться с коварным, хитрым и злобным врагом, в моральном арсенале которого не было места благородству, великодушию и чести. Предок Святой Руси, освященный ее Соборной Душой, впитавший силу многих поколений, он так и не смог встать на защиту родины, поверив порочной красоте Гиибели, которая и заманила его в ловушку.

— Что ты медлишь?— толкнул Сухова Такэда.— Бери меч и сматывай удочки. Где он, кстати? Неужели под гробом лежит?

Никита оглянулся на Мстишу.

— Я не боюсь, князь. Сверхмечом должна обладать сверхсила, а я — обычный человек, способный совершать ошибки.

— Не прибедняйся,— проворчал Такэда.— Ты не обычный человек, ты паранорм и потенциальный маг, и уже доказал нам это. К тому же если вспомнить былину, были богатыри и посильнее Святогора, тот же Микула Селянинович, ратай, свободно таскающий в узелке «всю тягу земную». А он ведь был нормальным человеком, с виду хотя бы. Вспомнил? Тогда действуй.

Мстиша, улыбнувшись в бороду, кивнул, соглашаясь.

Никита, встретив его взгляд, глубоко вздохнул, расправил плечи, глянул мельком на филина, который с криком носился над ним, и медленно приблизился к странной крестообразной башне, косо нависавшей над скалами и краем площадки у гроба Святогора. Сеточка свечения вокруг Посланника засияла сильнее.

Такэде показалось, что где-то в недрах гор зародился низкий гул, прокатился по скалам, выплескивая неистовый — но не слышимый ушами! — грохот взрыва, и ушел в кости людей тонкой вибрацией, едва не превратив их в желе. Вселенная плавно поехала вправо-влево, потом вверх-вниз — и все это за гранью человеческих чувств, воспринимавших мир вокруг неизменным.

Что-то поднималось из неведомых глубин в неизмеримые высоты, сопровождаемое чудовищным грохотом и прекрасной музыкой — в полной тишине и неподвижности горной страны. Засияло невыносимым пламенем — в полумраке наступающей ночи. Лопнуло фонтаном боли и блаженства — при абсолютном отсутствии каких-либо ощущений...

И когда Такэда готов был умереть от переполнявших душу нечеловеческих, невыразимых никакими словами, чувств, башня над головой Сухова дрогнула и начала вытягиваться вверх, вырастать, уходить в небо, скрытое невесть откуда взявшимися облаками.

— Знич, Дажбог, Сварог, Хорс и Стрибог! — забормотал Рогдай, заикаясь, отмахиваясь пальцем.— Помогите нам, помогите ему, помогите всем...

— Финист! — с благоговением проговорил Мстиша, задирая голову и не спуская глаз с башни.— Меч Святогора!

— Что?! — ахнул Такэда.— Это — меч?!

Дрожали горы, ревел ветер, молнии рвали воздух, вонзались с шишака рукояти меча в облака, а он все вытягивался и вытягивался из склона горы в небо, пока не завис огромной наклонной колокольней над фигуркой человека в коконе голубой светящейся паутины. Остановился. Что-то кричал Праселк, прыгая по краю крышки гробницы, но его никто не слушал. Задрав головы, все смотрели на исполинский, длиной в семьдесят с лишним метров, меч.

Никита тоже глядел вверх, на гигантскую крестообразную рукоять-крыж, состоящую из огнива — поперечных дуг, черена — собственно ручки и яблока — шаровидного навершия, смотрел задумчиво и строго. Ждал. А п о ч у в с т в о в а в момент, протянул руку вперед — и меч, стремительно уменьшившись в размерах, словно прыгнул ему в руку.

Все замерли, в том числе и Праселк, и даже его филин-оборотень перестал летать и орать. Затем Праселк сиганул вниз с гробницы, приземлился, как резиновый мяч, и поскакал по камням к мосту, через мост и дальше по глыбам Дороги забвения.

— Ты можешь его достать,— негромко сказал Мстиша.

— Знаю,— спокойно сказал Никита,— но удару в спину не обучен.

Такэда подошел и, как завороженный, уставился на меч. За ним Рогдай. И лишь князь глядел на Сухова, а не на клинок в его руке длиной в полтора метра. Меч играл необыкновенным дымчатым

блеском, сочетавшим одновременно туманность и прозрачность, он плавился и горел, испарялся и твердел, исчезал на неуловимое мгновение и появлялся вновь. Он жил!

Такэда почувствовал холодок страха и ощутил, как диморфант на нем, закамуфлированный под кольчугу, поежился в ответ. Видимо, он знал, что удара этого меча не выдержит.

— Уходим,— дотронулся до плеча Сухова Мстиша.— Пора, Посланник. Тебя ждет Путь, меня — мои дела. Чем быстрее вы доберетесь до темпорала, тем меньше шансов встретиться с ЧК.

Такэда, услышав знакомые термины, вопросительно уставился на князя, удивленный его чисто русским произношением, не требующим перевода лингвера. Оглянулся на Сухова.

— Что, прозрел наконец?— усмехнулся тот.— Знакомься: Данила, камнерез, он же Мстиша Удалой-Спаситель, Великий князь Святой Руси, он же Яросвет, маг, держатель хрона.

— Не всегда,— мягко возразил Мстиша.— Яросвет так же многомерен, как и другие маги и демоны, а я всего лишь один из его альтернативных «я», так сказать, полномочный представитель. Яросветом я могу стать лишь в том случае, если соберу в себе все «я» мага. Но поторопись, Посланник, я чую запах дьявола.

— Я тоже.— Никита оторвался от созерцания меча, сделал гибкое движение кистью, отчего меч вычертил замысловатую фигуру перед ним.— Но, во-первых, к мечу полагается щит или, по крайней мере, перевязь и ножны, во-вторых, ты забыл о Посвящении, а в-третьих, мне хочется кое-что проверить.

— К этому мечу не нужны перевязь и ножны,— сказал Мстиша.— А тем более щит. Твое желание и есть ножны.

Сухов понял князя правильно, полузакрыл глаза, прислушался к чему-то, и в то же мгновение меч оказался у него на поясе, в ножнах, сияющих ртутно-серебристым блеском и висящих на такой же узорчатой перевязи.

— Ну вот, видишь?

— Годится.— Сухов выхватил меч из ножен, поупражнялся в вытаскивании: зрителям казалось, что меч сам выскакивает из ножен ему в руку и прыгает обратно.— Что ж, поглядим, что искал там господин Праселк.

Он воткнул меч в землю и... вознесся на вытянувшемся клинке на высоту гробницы Святогора, спрыгнул на край крышки, где недавно плясал Праселк. Прошелся по черной, крупнопористой поверхности площадью с футбольное поле, прислушиваясь к ощущениям. И ему внезапно открылась истина: Святогор все еще был там, внутри гигантского пенала, но богатырь не умер! Он спал. Может быть, сон его и был вечным, однако смертью сон этот назвать было нельзя, существовал мизерный шанс снять заклятие зла, принявшее в этом мире форму абсолютной тюрьмы — гроба.

«Пусть не сейчас, но я помогу тебе!» — мысленно воззвал Никита к тому, кто покоился под миллионотонной плитой, и услышал ответный пси-шепот: «Благодарю, витязь. Возьми мой меч, Финист, колебатель пространств. Он твой».— «Я взял».— «Тогда тебе легко будет проделать щель в крышке гроба — я тоже могу кое-что сделать для тебя». «Может быть, я разрушу весь гроб?» — «Чтобы разрушить гроб-заклятие, надо быть Люцифером. Даже моей силы не хватило бы, сомноженной с мощью меча».

Никита огляделся, подошел к углу плиты, примерился, взяв меч двумя руками, и ударом наискосок — клинок меча превратился в широкое полотнище прозрачно-стального пламени — снес угол плиты и часть ребер гробницы, так что образовалось треугольное отверстие, в которое с гулким хлопком ворвался воздух. Куски плиты и стен тяжело рухнули вниз.

«Протяни в отверстие меч и нагнись сам».

Никита сделал мечом на срезе ступеньки, стал на колени над отверстием и, сунув туда острие меча, наклонился сам. Ему показалось, что в голове разорвалась бомба! Но не боли, чего он ждал невольно, а мощнейшего возбуждения! В жилы влилась ликующая, жизнерадостная, бодрящая, всесокрушающая сила, и печаль, и понимание того, что есть пределы применения этой психофизической мощи, ограниченной Законами Универсальной Экологии, Этики, Любви и Добра.

«Прощай, витязь. Ты все принял и понял, считай это Посвящением. Прежний Посланник был моим другом, хотя и не был ни человеком, ни великаном, но он остался бы доволен выбором Собора — и Вестника. И моим. Удачи тебе, Симаргл».

«Я не Симаргл»,— возразил Никита, но Святогор, вернее, его дух, уже не слышал ничего. Скорлупа заклятия снова сомкнулась над ним видимой человеческому глазу, как гроб, несокрушимой и непроницаемой броней, срезанный мечом угол гроба восстановился. Лишь заклятие Семерки магов, выигравших Битву в прошлом, и помогло Никите пробить эту броню, вскрыть гроб Святогора на короткое время, также рассчитанное Семерыми с величайшей точностью. Все было предопределено заранее. Кроме одного — личности Посланника. Семеро в свое время посвятили Пути своего друга Симаргла, которого игвы убили на Земле. Однако и Великая Четверка ошиблась, полагая в своем высокомерном пренебрежении к другим существам, что н и к т о не рискнет принять эстафету Посланника. Никита, слабейший из существ — как и любой другой землянин, не бравшийся в расчет никем из демонов, рискнул, хотя и не без помощи Толи и долгих колебаний, в результате которых из среднестатистического себялюбца проклюнулся лидер и воин, способный постоять за себя и других.

— Симаргл умер, да здравствует Симаргл! — проговорил Су-

хов про себя и с хмурой улыбкой добавил: — Апостол, так сказать. Или все же Бог связи?

Покачав меч в руке и чувствуя силу, которой хватило бы на прямую схватку с любым демоническим существом типа триглава или многорука, он одним движением бросил меч в ножны и без труда, не задумываясь, спрыгнул вниз, с гробницы.

2

Все еще чувствуя колебания полей, из которых лишь два были известны людям, да и то чисто информативно — магическое и псиполе,— Никита облетел гроб Святогора, как бы прощаясь с богатырем, а также с Добрагастом и Вихорко Милонегом, и направил вертолет на север. Ночь они провели в машине, отдыхая по очереди, а ранним утром, как только вспыхнули золотом вершины гор на востоке, стартовали.

Через полчаса полета они начали встречать отставшие отряды существ, служивших силам зла на Олирне: кентавров-звероловов, ушастых упырей, мороков, многоруков, трех- и двуглавых змей, одноглазых неплахов, косматых переплутов. Называл тварей Рогдай, показывая вниз кончиком копья, остальные молчали. Не то чтобы в кабине царило уныние, но и веселого в их победе было мало. Все понимали, что грядет новая Битва, несущая неисчислимые жертвы и беды, и шанса предотвратить ее почти не существовало.

— Сколько же у вас скопилось недобитой нечисти! — вырвалось у Такэды, провожавшего глазами огненно-рыжего полевика, за которым в траве оставался черный след.— Вероятно, здесь и произошла главная битва Семерых с воинством Люцифера?

Мстиша покачал головой, откинул назад волосы со лба.

— Все битвы на поверхности планет — лишь отголоски настоящей Большой Войны, которую и войной-то можно назвать лишь условно, поскольку она была войной физических законов, а не армий. Хотя в результате оказались свернутыми в сверхплотные коконы сотни вселенных-хронов. Наверное, и у вас на родине из-за просачивания Хаоса происходили резонансные битвы — это Войны Семерых с Синклитом Четырех и самим Люцифером.

— Может быть, Куликовская?— подумав, ответил Такэда.— Или Вторая Мировая война? Последняя была особой жестокости, но о просачивании Хаоса здесь говорить не приходится, причина была весьма прозаической — передел мира и борьба за власть.

— А кто сказал, что Хаос просачивается только в виде физических субстанций, материальных полей, аннигиляционных процессов и чудовищных порождений зла? Психическое вырождение, рост числа болезней и их смертоносности, генетических отклоне-

ний, ведущих к физическому вырождению — вот далеко не полный перечень примеров просачивания Хаоса в Миры Веера. И процесс этот оружием остановить невозможно. Следующие Семеро должны копать глубже.

— А ты... вы?— повернул голову к Мстище Никита.— Могу я считать вас одним из Семерых?

— Меня —нет,— ответил, блеснув улыбкой, князь,— Ярославета — да!

Вертолет рыскнул, но не из-за потери управления пилотом: Никита почуял выстрел терростелка и успел отвернуть машину в сторону; длинная черная стрела унеслась в небо так высоко, что пропала из глаз.

— Хорошая реакция, Посланник! — похвалил Мстиша.

— Наши! — вскричал Рогдай, тыча в пол кабины ножнами меча.

Среди скал начинавшегося плоскогорья Оряк ползла толстая серо-стальная змея отряда всадников — дружина Мстиши.

Через несколько минут их обнимал князь Могута и радостно приветствовали дружинники, примолкшие после сообщения о гибели Добрагаста и волхва.

В течение получаса был разбит лагерь, поднялись шатры для князей и гостей, загорелись костры, и кравчие начали готовить завтрак.

Никита постоянно чувствовал присутствие меча: то как огромного кота, свернувшегося и спрятавшего когти, то как слиток раскаленного металла, готового прожечь ножны и землю до самой преисподней, то как настороженно вглядывающегося в хозяина пса, а то и как молчаливого товарища. Финист привыкал к нему, изучая со своей стороны, наполняя душу уверенностью и силой. Но хотя возможности его превосходили человеческое воображение, а сам он, едва вынутый из ножен, заметно прогибал пространство-время, влияя одновременно на психику, скрытая мощь меча не создавала впечатление злобной угрозы. Он предупреждал. Прежде всего предупреждал убийц, подонков, циников, предателей и лицемеров. Вынимать его из ножен по пустякам не стоило, Никита это уже понял.

— Пошли умываться,— позвал его Такэда,— здесь неподалеку ручей с чистой водой.

На берегу ручья они встретили Мстишу, вытиравшегося после купания длинным полотенцем. Князь был широк в кости, поджар и мускулист. Видимо, привык держать себя в форме. Его доспехи сторожили двое дружинников, третий — Рогдай, купался неподалеку.

— Потренируемся, Никито?— окликнул он Сухова.

Тот подумал и согласился. Раздевшись догола, как и Рогдай, взял меч, но не свой, а Такэды, и полчаса рубился с молодым воином,

изучая приемы, которых еще не знал. Затем оба сошлись в рукопашной, где Рогдай явно уступал своему противнику в силе и знании систем борьбы. Искупавшийся Такэда, Мстиша и дружинники с удовольствием наблюдали за баталией, перекидываясь репликами, но князь вдруг не выдержал и вмешался в поединок, заменив выдохшегося Рогдая.

Противником он оказался посерьезнее, знавшим кулачный бой и многие приемы русского стиля, да и силушкой господь его не обидел, но все же Сухов превосходил его почти по всем параметрам и закончил бой, сбросив князя в глубокий бочаг у противоположного берега ручья.

— Ну, Никито Будимирыч, ты велик! — сказал Мстиша с восхищением, вынырнув на поверхность.— Исполать воину! Меня по сю пору никто не ронял. Знал я, конечно, что Посланник должен быть мастером всех видов воинских искусств, но к себе его мастерство не примеривал.

Бойцы еще раз искупались, вытерлись насухо и оделись.

— Итак, куда теперь?— Мстиша расчесал мокрые волосы красивым гребнем из полупрозрачного зеленого, с желтыми светящимися прожилками, камня, перехватил взгляд Никиты.— Нравится? Камнереза Данилы работа.— Князь хитро подмигнул.— Возьми, дарю!

Сухов принял подарок: от гребня исходило удивительное тепло. Вспомнил заколку для волос, которую ему подарила Тааль, но между обоими подарками существовала большая разница, такая же, наверное, как и между демоном-хаббардианкой и магом Семерки. Сухов спрятал гребень на груди и вдруг почувствовал беззвучный толчок в сердце. Замер, прислушиваясь к себе, а потом к миру вокруг. Мстиша метнул на него потемневший взгляд.

— Что-то улышал, Никито?

Сухов глянул на индикатор: камень перстня весь светился оранжевым, а внутри него пульсировала, как зрачок чьего-то недоброго глаза, черная окружность.

— Похоже, у нас гости... кто-то вышел из темпорала.

Князь тоже посмотрел на перстень эрцхаора на пальце землянина, стремительно подошел к ручью, наклонился и звонко шлепнул ладонью по воде. Через несколько секунд из воды вынырнула чья-то усатая морда: сом не сом, тюлень не тюлень,— полурыба, полузверь. О чем он разговаривал с князем, осталось неизвестным, Сухов смог только поймать эхо их ультразвукового обмена. Затем голова рыбы-зверя без всплеска ушла под воду, князь вернулся озабоченный.

— Завтрак и отдых отменяются. Ты прав, Никито, в болотах Мировой Язвы началось какое-то д в и ж е н и е. А это означает, что...

— Что нас запеленговали,— закончил Такэда.— У темпорала наверняка будет ждать засада «чекистов», которых вызвал Праселк.

Никита задумался. Навалилось ощущение безнадежности, неуверенности, обреченности, появилось желание бежать, куда глаза глядят, спрятаться, забиться в щель или на дно морское и не выходить... и тут же негативные эмоции схлынули, вызвав огромное облегчение: диморфант включил пси-защиту хозяина. Сухов поднял голову. Мстиша смотрел на него изучающе и вопросительно.

— Мне бы коня...— проговорил Никита тихо, хотел пояснить, что он имеет в виду, но его поняли.

— Меч нужен по воину,— кивнул Мстиша,— конь — по всаднику. К сожалению, таких коней на моих конюшнях нет.

— Вы о чем?— озадачился Такэда, спрашивая сразу обоих.

— Мне нужен конь или любое другое транспортное средство, не привязанное к темпоралу,— ответил Никита.— Он помолчал.— Это жругр.

— Только жругра нам не хватает! — Такэда впал в состояние каталепсии.

— Жругр?— переспросил князь.— Что это такое? Может быть, я знаю? Расскажите.

Сухов дал справку, поглядывая на эрцхаор. Перстень пылал и «кусался», предупреждая о вторжении в хрон чужого носителя магиполя гигантской концентрации.

— Нет, в пределах Олирны и вообще на планете таких тварей я не видел,— твердо заявил Мстиша.— Но не переоцениваешь ли ты свои силы, Посланник?

— Не знаю,— признался со вздохом Никита.— Но не вижу другого выхода. Пока я привязан к лестнице Шаданакара, риск попасть в засаду будет увеличиваться день ото дня, а, чтобы собрать Семерых, мне нужна свобода передвижения из хрона в хрон.

Мстиша не переспросил, что такое лестница Шаданакара, подтверждая этим свою причастность к знаниям Яросвета.

— Что ж, если без темпорала не обойтись, идем к нему. Единственный вопрос — каким путем? По земле, по воде, по воздуху?

Словно в ответ над головой раздался орлий клекот. Схватившись за оружие, все трое посмотрели вверх. Над ними кружила давешняя рогатая птица, которая спасла их от военного вертолета. Она вытянула длинную лапу, словно показывая что-то за горизонтом, взмахнула крыльями и в несколько взмахов исчезла в густой синеве неба.

— По воздуху,— сказал Никита, прикидывая, кто бы это мог быть. Не Зу-л-Кифл, во всяком случае, он распознал бы его появление. Тогда кто?

Вертолет, охраняемый дружинниками, был готов к полету — удивительное создание рук каких-то разумных существ, владеющих секретами тысячелетней консервации техники. Хотя, с другой

машину могли оставить и недавно, лет двадцать — тридцать назад, предназначая ее для кого-то из своих. Разобраться бы, кто они, эти «свои»...

Вертолет поднялся в воздух.

Их сбили при подлете к Огнь-реке, на этот раз террострелок не промахнулся. К счастью, стрела не задела двух пассажиров, Мстишу и Такэду, и пилота, пробив хвостовую часть кабины и отбив кончик винта. Упали они с высоты в сто метров и тоже удачно — сначала на склон холма с густой травой, а потом скатились на торфяно-мшистое болото, смягчившее удар. Выбрались на берег.

Сзади простиралась знакомая холмистая равнина, степь, впереди начиналось болото, за которым текла Огнь-река. Ее недалекий низкий и топкий берег порос гигантским папоротником и рыжей травой, стебли которой походили на лезвия сабель и были так же остры.

— Далеко отсюда до темпорала?— спросил князь, глядя на реку.

— Верст сто,— ответил Никита.— Пешком будем добираться неделю. Зря пошел с нами, князь: В твоих руках судьба страны, ты не должен рисковать своей жизнью.

— Кто знает, что и кому я должен? И кто знает, где риск меньше: в стольном граде за стенами Детинца или здесь, у Мировой Язвы? А насчет судьбы державы, тут ты прав, Посланник, именно поэтому я нынче с тобой.

— Не философствуйте на смертном одре, коллеги,— вмешался озабоченный Такэда.— Лучше думайте, как нам перебраться на тот берег.

— Придется обращаться за помощью к Яросвету.— Мстиша достал из кармана плаща, которым прикрывал доспехи, необычной формы свисток, поднес к губам. Свистка никто не услышал, даже Никита, но спустя минуту мох на болоте зашевелился, и к реке устремились полчища змей самых разных расцветок и размеров. Самая крупная из них — двухголовая — достигала длины четырех метров.

— Эт-то еще зачем? — Такэда брезгливо отбросил ногой бурую змею с глазами по всему телу, не обратившую на него никакого внимания.

— У Яросвета со змеями договор,— ответил князь,— они ему многое должны.— Махнул рукой: за мной,— первым полез в болото.

— А свистулька-то похожа на ту, что нам дал Вуккуб на мосту,— обратился Толя к Никите.— Ультразвуковая.

— Скорее, магически-звуковая,— рассеянно отозвался Сухов.

Они продрались сквозь кусты и траву на берег Огнь-реки, где змеи начали «монтаж» из своих тел какой-то башни. Это было удивительное и одновременно страшное зрелище. Поток шипящих

гадов не иссякал, змеи ползли и ползли, сцеплялись друг с другом, ловко взбирались на ступенчатое основание башни и снова сплетались в узоры, застывающие фермами, пилонами и перепонками. Через полчаса «строительства» перед застывшими людьми красовалось нечто, напоминающее скелет аэроплана времен начала воздухоплавания длиной в полсотни, высотой в десяток метров и с размахом крыльев, в два раза превышающим длину.

— Хацюмэ![1] — прошептал Такэда.— Самолет, что ли? Или планер? Как он полетит без двигателя?

— Залезайте,— сказал Мстиша, подавая пример.

Никита после некоторого колебания последовал за ним, с удивлением обнаружив, что тела змей стали твердыми и прочными.

«Кабина» больше напоминала корзину, сплетенную из толстых корней какого-то растения; головы змей, слава Богу, торчали наружу. Воздухоплаватели уселись на пол, Мстиша снова достал свой свисток.

— Поехали, други.

«Аэроплан» без толчка поднялся в воздух и скользнул над рекой на ту сторону. Поднялся над болотом, потом над лесом, но невысоко, так что можно было при желании срубить вершину дерева. Никаких полей и сил, несущих аппарат, Никита не ощущал, и тем не менее они летели! И летели с приличной скоростью — километров сто в час.

— Чуть *левее*,— посоветовал Сухов князю, глянув на эрцхаор.

Змеиный «аэроплан» послушно изменил направление, будто им управлял пилот, который услышал распоряжение. Мстиша засмеялся.

— Не удивляйтесь, други, наш мир еще и не такие чудеса видывал. К сожалению, больше злые, чем добрые, но уж таково наследие. Ничего, справимся, еще и Мировую Язву когда-нибудь перепашем и заселим... если ваша миссия закончится благополучно.

Какое-то время летели молча, готовые ко всему, всматриваясь в горизонт и в лес под «змеепланером».

— Ты уверен, что справишься с ЧК? — спросил Такэда, приблизив губы к уху Сухова.

— Вы забываете о Яросвете,— подал голос князь, обладавший великолепным слухом.— У нас существует пословица: и комар лошадь повалит, ежели медведь подсобит.

— Значит, я — комар? — нехотя улыбнулся Никита, учуявший вокруг себя некое сгущение полей: их пытались пеленговать по мысленному эху и по магиполю.

— О, Знич, Перкун-грозовик! — Мстиша, побледнев, уставился вперед.— Только не это! А я думал, что же так похолодало! Вот, значит, кто вылез из второго могильника!

[1] Первый сон в новом году *(яп.)*; здесь: я сплю!

— Кто? — не понял Сухов.

Князь оскалился.

— Василиск! Из первого разрушенного могильника Чертова Кладбища — Кщерь, а из второго — василиск. Приготовьтесь, катапультируемся. Заметит — глазом моргнуть не успеем.

Никита, холодея, осознал, что черная глыба, торчащая над лесом горой, напоминающая паука — гигантское существо!

В тот же момент змеи, сплетенные в дно кабины, стали мягкими, подались под весом трех тел, разошлись, и воздушные путешественники посыпались вниз с высоты пятиэтажного дома. И, хотя упали они не самым удачным образом, на голые каменистые бугры, никто из троих не получил ни ушиба, ни царапины: земляне — благодаря скафандрам-диморфантам, князь — в силу своих врожденных способностей. Стена леса скрыла их от взгляда чудовища, оглянувшегося на шум.

— Вы сказали, василиск? — обернулся к Мстише Такэда.— В нашем фольклоре тоже встречается такое чудовище, однако на то, что я успел увидеть, оно не похоже. «Наш» василиск имеет голову петуха, туловище жабы и хвост змеи, может убивать дыханием, взглядом и ядом.

— Это он,— кивнул князь, сверкнув глазами.— Хотя наш больше похож на помесь паука и акулы. Кто же его выпустил и реактивировал? Кто здесь похозяйничал без Яросвета?

Никита внимательно посмотрел на Мстишу. С ним что-то происходило. Казалось, тело его растет, крепнет, наливается могучей силой, начинает светиться, хотя человеческий глаз видел все того же воина в русских доспехах, высокого и сильного, но в меру человеческих возможностей. Теплый «ветер» пси-излучения прянул от Мстиши во все стороны, глаза его засияли внутренним огнем, качнулись деревья вокруг.

— Приветствую тебя, Яросвет,— кивнул Никита.— Ты вовремя.

— Я знаю,— звучным голосом, не похожим на голос князя, произнес маг.— И готов к бою. Но нас только двое... о, простите, Наблюдатель,— Яросвет-Мстиша поклонился Такэде,— нас трое, но против нас сегодня выдвинуты гораздо большие силы. Василиск, Кщерь Бессмертный, двоедушники, богинки и дьяволы ЧК, ликвидаторы, как вы их называете. И, может быть, кто-то из Великих игв.

Никита, который исподволь настраивал свою паранормальную систему чувств, стряхнул с латной перчатки струйку голубого свечения. Запахло озоном.

— Нас не трое, та птица с рогами — еще один наш соратник, но обычно он приходит на помощь в последнюю минуту. А теперь расскажите, что или кто этот ваш василиск и как с ним бороться, пока я буду переходить на другой уровень.

— У нас всего две-три минуты, василиск идет сюда, а Кщерь уже здесь.

— Я успею.

Никита потрогал перевязь меча, получил в ответ ощущение рукопожатия и сел прямо на бугор. Через минуту он вышел и эйдос и наткнулся на гигантскую «фигуру угрозы» — чью-то мысль — действие с гигантской плотностью пси-энергии. Его уже ждали! Ловушка захлопнулась. С этого мгновения Сухов-Посланник и маг выбыл из схватки в лесу, вынужденный бороться за сохранение личности, своего «я», за свою жизнь.

Товарищи поняли, в чем дело сразу, увидев, как почернело и буквально провалилось в себя лицо Никиты, но помочь ему Яросвет не успел: с пси-нападением на Посланника началась атака на всех троих отряда засады.

* * *

Удар по психике через открытый канал Вести был так силен, что Сухов «улетел» из сознания за тридевять земель, не помогла и защита диморфанта. Правда, без нее было бы совсем худо, часть пси-энергии диморфант все же принял на себя.

Сначала Никита осознал себя на ринге. Он был одет, как боксер, площадка, обтянутая канатами, была залита слепящим белым светом, и за ее пределами никого нельзя было увидеть, хотя зрители присутствовали, судя по излучаемой ими холодной враждебности. А противником Сухова оказался некто, задрапированный с ног до головы в серый текучий дым, из которого изредка вылетали черные руки с перчатками. Первый же их выпад поверг Никиту в нокдаун, он не успел собраться с мыслями и подготовиться к бою.

— Вынь меч, иначе не справишься,— раздался бесстрастный металлический голос.

Рука Никиты метнулась к поясу, нащупывая невесть откуда взявшиеся ножны, однако частью сознания, контролирующей ситуацию, он успел оценить угрозу, таящуюся в совете, и выпустил ножны.

Второй тяжелый удар он тоже пропустил, и третий, а потом вспыхнувшая ледяная ярость помогла ему сосредоточиться, уйти в глухую защиту и отдышаться. Последующую серию ударов неведомого боксера он блокировал, ушел от третьей руки, пролетевшей над головой с гулом и свистом, и ударил вразрез. Атака чернорукого боксера прекратилась, фигура в туманной тоге отшатнулась, вызвав волну недоумения. Никита не стал ждать ответа, в прыжке ударил противника ногой... и оказался голым в четырехугольном помещении с медными на вид стенами, в которых виднелись сетчатые окошки.

Пока оглядывался, изучая обстановку, сетки окошек откинулись, и в помещение с грозным гудением устремились потоки гигантских — с кулак! — пчел или ос. Укус любой из них если и не был смертелен для мага, то причинял, наверное, изрядные мучения, ну, а их нападение грозило явной гибелью.

— Тебя спасет только меч! — вонзилось в голову ядовитое шипение.

И снова рука Сухова сама собой дернулась к поясу: действительно, вот он меч. Какая удобная рукоять!

— Не смей! — выдохнул с натугой внутри Никиты второй «я»,— и он разжал кулак.

Метаться по комнате и отбиваться от ос руками он не стал, вырастил из живота огнемет и ударил по туче насекомых факелом жаркого оранжево-белого пламени... которое уничтожило ос, но одновременно воспламенило стены! От удушающего дыма перехватило дыхание, жар нарастал, грозя сжечь кожу, затрещали волосы на голове...

— Возьми меч, проруби дверь!

— Иди к дьяволу! — Никита решил не слушать больше таинственного советчика, толкавшего на неосознаваемую, но явно опасную акцию с непредсказуемыми последствиями, у него в запасе еще оставались средства борьбы с могущественным, обладающим колоссальной силой внушения, врагом.

Сухов сменил огнемет на огнетушитель, а когда это не помогло — на баллон с жидким азотом. Пламя погасло. Помещение обросло льдом, в который начал кристаллизоваться воздух.

— Меч...

— Пошел вон!

Сухов киркой руки прорубил во льду нишу, сменил кирку на лазер и вырезал часть стены. Комната начала размягчаться, течь, превратилась в поток воды, вынесла человека на поверхность моря без конца и края. Гигантская акула бросилась на него из фосфоресцирующих фиолетовых глубин.

— Проглотит! Проткни ее мечом...

Сухов отбил атаку акулы гарпуном руки. Море превратилось в пустыню с огромными шипастыми шарами растений, грозящих наколоть человека на себя, как муху на булавку. Никита организовал костер из шаров. Песок начал плавиться, и вскоре вся пустыня превратилась в оплавленную равнину с длинными пологими грядами и увалами, на которых застыли странные фигуры, похожие на свечи из парафина самых причудливых форм. Многие из них казались живыми... они и были живыми, вдруг выдрали ноги-корни из корки такыра и двинулись к человеку, демонстрируя текучесть форм, вглядываясь в него отсутствующими глазами, приказывая превратиться в такую же свечу. Сознание померкло...

— Меч, меч, меч...

Последним усилием воли Никита соорудил себе меч из расплавленного песка и врубился в ряды текучих созданий, пробился к черному кольцу в одной из впадин и нырнул вниз... чтобы оказаться зажатым в гигантской лапе!

Лапа не принадлежала ни человеку, ни одному из животных, которых знал Сухов, она была физически осязаема и нематериальна одновременно и обладала свирепой, беспощадной, угрюмой силой, которой не мог сопротивляться никто! Ни одно живое существо!

Кто-то тихо, торжествующе и пренебрежительно рассмеялся. Над головой блеснул длинный кроваво-красный глаз, но темнота не позволяла разглядеть лица чудовища, да и существовало ли оно, Сухов не мог сказать с уверенностью. Лапа сдавила тело еще сильнее, затрещали ребра, боль пылающими углями рассыпалась по коже, вонзилась в сердце, в голову.

— Кажется, это конец твоей миссии, Посланник. Не дергайся, меч тебе уже не поможет, ты в моей власти. В качестве комплимента могу сказать, что ты очень сильный человек. Мы не ожидали, что ты зайдешь так далеко.

— Кто... ты?

— Игва Даймон. Вернее, его пси-двойник. Ты же знаешь, игвы многомерны и живут в мириадах хронов одновременно. Не было нужды собирать всех двойников в одного мага... демономага, как нас окрестили. Прощай, Посланник, я тороплюсь.

Боль усилилась, сознание снова стало меркнуть.

Никита сжал зубы, чтобы не закричать, закрыл глаза, расслабляясь, уже не обращая внимания на чувства, успокаивая и приводя в порядок мысли, настраивая нервную систему, и п о з в а л. И предки, все те, кто составлял его род, кто вложил в его гены накопленную чувственную информацию и духовный потенциал, любовь и страдание, пришли к нему на помощь...

Яросвет-Мстиша знал, что означают корчи лежащего на земле Посланника, напоминающие припадки, а особенно — его попытки вытащить меч из ножен, и был вынужден отвлекаться на контроль рук Никиты, чтобы в последний момент предотвратить трагедию: если бы Сухов вытащил меч, будучи в трансе, сражаясь сам с собой, он уничтожил бы вокруг все и всех, не разбирая, где друзья, где враги.

Боевые действия воинства Люцифера, спешно мобилизованного кем-то из Великих игв на бой с Посланником, начались атакой нечисти: упырей, оборотней, полевиков, полудниц, хрипуш и трясей, еще до того, как василиск подошел к месту сражения. Однако Такэде, приготовившемуся защищать беспомощного Сухова,—

почти не пришлось поучаствовать в отражении атаки. Яросвет опередил его, подключив свое войско: птиц, зверей, деревья, природные силы, подчинявшиеся магу в этом мире. В результате бегающая нечисть была частью истреблена волками, медведями и кабанами, а частью провалилась в глубокие ямы, тут же заваленные камнями. Летающие твари были встречены воронами, ястребами и соколами, и тоже потерпели поражение. Но оставались еще существа, владеющие магическими превращениями и свойствами: мороки, трояны, переплуты, волкодлаки и кикиморы,— и заговоренным мечам Такэды и Яросвета пришлось показать свою силу.

Инженеру были не страшны ни стрелы, ни кинжалы и дротики, ни ядовитые клыки и когти, пока на нем сидел диморфант, а Яросвет не нуждался в доспехах и физической защите, обладая защитой куда более могущественной — законами магифизики, творцом которых в пределах хрона был он сам.

Последние остатки нечисти сгинули в лесу, однако Яросвет меч не опустил. Взгляд горящих глаз его был непереносим, и Толя возрадовался, что маг — их союзник и друг.

— Они допустили ошибку,— сказал он,— нападая по очереди. Если бы сейчас тут появились ликвидаторы ЧК, нам пришлось бы туго.

Яросвет согласно кивнул.

— Вы правы, Наблюдатель, однако положение наше не внушает особого оптимизма. Если Посланник не очнется через пару минут, придется отступать. С василиском и Кщерем мне одному не справиться, оба расколдованные или, если хотите, разблокированные в пси-диапазоне игвы, почти свободно, хотя и по-разному, владеющие кварко-глюонными процессами. Пси-мощь их велика. Хорошо, что на вас надежные скафандры, они-то и спасли от Кщеря. Помните свое «бегство» из внушенного им замка?

Толя открыл рот, чтобы ответить, и в это время Кщерь Бессмертный нанес свой удар.

Голова взорвалась, как граната! Осколки ее разлетелись во все стороны... и соединились вновь, но в конгломерат, который уже нельзя было назвать головой, мыслящим органом. Чувства, ощущения, мысли, образы, воспоминания смешались в калейдоскопическую мозаику, разобраться в которой не было никакой возможности, и Такэда позволил себе закричать беззвучно, мысленно напрягаясь:

— Сухов!

Сознание прояснилось, кошмар видений побледнел — это диморфант отдавал последние крохи своей энергии на защиту хозяина. Потом чья-то рука разогнала дым внушенной путаницы, глаза приобрели способность видеть, а мозг — анализировать действительность. Толя ощутил себя стоящим на коленях над телом Сухова.

Оба были накрыты полупрозрачным куполом, по которому ползли радужные пятна, как по пленке мыльного пузыря. Мстиша-Яросвет отсутствовал, но купол явно был делом его рук, значит, он сражался сейчас снаружи, прикрыв друзей каким-то силовым полем.

Толя мотнул головой: прошло всего несколько секунд с момента нападения Кщеря, а показалось — час! Позвал:

— Кит, очнись! Слышишь?

— Слышу,— отозвался вдруг Сухов, открывая глаза, бездонно-черные, страшные, о б н я в ш и е сразу всю ситуацию под куполом и вовне, в лесу, на всем пространстве Мировой Язвы и вообще в хроне. Толя отпрянул.

Легкая улыбка тронула сухие губы Никиты, мгновенно передав Такэде множество добрых чувств.

— Сиди здесь, самурай, не высовывайся,— раздался внутри него знакомый голос, хотя Сухов рта не раскрывал.— Понадобится твоя помощь, позову.

Сухов глянул на свою руку, стиснувшую рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев, поднялся и шагнул сквозь пленку полусферы, одевшись на миг в золотистый ореол свечения. И Толя остался один в тишине защитного кокона.

«Вовремя!»— Яросвет подумал, находясь сразу во многих местах. Двойники его, разные по размерам и возможностям, сражались на несколько фронтов, главными из которых были Кщерь Бессмертный, бесплотный, неуловимый, проявляющийся изредка то скелетом из дыма, то старухой с косой, то гигантским кисейно-прозрачным скорпионом, и василиск — титаническая двадцатиметровая тварь, машина уничтожения, тупая и равнодушная ко всему, медленно, но неотвратимо превращавшая мир вокруг в мертвую выжженную пустыню пополам с рыхлым и топким болотом.

«Я займусь Кщерем, а ты уйми василиска. Смотреть на него прямо нельзя, окаменеешь, а радиус его дыхания, катализирующего процессы распада элементов, около двухсот метров».

«Спасибо за помощь,— ответил Никита.— К сожалению, я понятия не имел, что эйдос можно использовать как пси-ловушку. Теперь знаю».

«Эйдосфера — не просто континуум космического сознания, в которое погружены наши разделенные умы, это корреляционное поле действия, основное состояние Веера, голографическая матрица информации Шаданакара, мгновенно изменяющаяся от поступающей непрерывно информации. Любой маг, питающийся эйдосом, способен захватить слабый индивидуальный интеллект, не

знающий законов эйдоса. Потом расскажешь, как тебе удалось вырваться. Кто это был?»

«Даймон. Но, слава Богу, однослойный».

«Их, как всегда, подводит высокомерие и спесь».

«Но он теперь знает, где я, и, боюсь, скоро явится во плоти».

«Тем более поспешим. Надо еще успеть разогнать свору ЧК, вооруженную лучше, чем эти твари. Кстати, единственное оружие против василиска — з е р к а л о».

Никита понял, о каком зеркале шла речь: о зеркале, отражавшем не свет или излучение, а процесс! Изменявшем свойства вакуума. Обращавшем процессы распада в синтез, наконец.

«Начали, Седьмой».

«Начали, Посланник!»

Весь разговор длился четверть секунды.

Никита закутался в диморфанта по самую макушку, перейдя на полный цикл защиты, смастерил перископ, передающий изображение не глазам, а непосредственно в мозг, и разделился на трех существ: гиганта высотой в три десятка метров, орла с размахом крыльев в двадцать метров и шестинога-варана, практически незаметного на фоне уцелевшей кое-где растительности.

Гигант бросился на василиска, размахивая стволом дерева, отвлекая чудовище на себя. Орел взлетел в небо и спикировал на горб исполина, также отвлекая его внимание на свои угрозы: глаз у василиска было шесть, хотя на обычные глаза они походили мало — полуметровые, светящиеся зеленью, многолепестковые образования, напоминающие полураскрывшиеся бутоны роз. Ни один из призраков, созданных Никитой, взгляда василиска не боялся, они не были материальными образованиями, однако василиск видел и в пси-диапазоне. Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы определить нереальность нового противника, но и Сухову этих секунд оказалось достаточно, чтобы подобраться чуть ли не под морщинистое, бородавчатое брюхо монстра.

Василиск почуял его, попытался выстрелить «по нюху» ядом из бородавок, наклонился, шаря глазами по буграм и рытвинам, однако диморфант выдержал мимолетный взгляд-импульс омерзительной твари, и Никита вынул меч из ножен.

По сути, это не был удар на отсечение головы, что едва бы помогло человеку: василиск представлял собой скрученное в «сорок узлов зла», свернутое в тугой узел множество пространств, процессы внутри которых шли в потоках иных времен и подчинялись другим законам. Меч Святогора превратился в инвариантное зеркало, в котором луч взгляда василиска претерпел «поворот симметрии», и, отразившись, вонзился в глаза монстра, вызывая не физическую, а математическую, вернее, геометрическую аннигиляцию.

Выглядело это со стороны так: лезвие меча удлинилось на три

десятка метров и расширилось, превратившись в полотнище туманного блеска, и тут же грянул взрыв компактификации — свертки измерений многомерного тела чудовища. Василиск превратился в «капустный кочан» цветного огня, разваливаясь на гаснущие «листья». Взрыв породил глубокую потенциальную яму в вакууме, в которую ворвалось гравитационное и другие поля здешнего мира, и тогда вспыхнул настоящий огонь, не ядерный, но более страшный — кваркового распада материи, копья которого вонзились в землю и вырыли множество километровой глубины воронок и шахт. Стиснутый законами трехмерности, он горел недолго.

Никита, защищенный диморфантом и на этот раз, поискал Яросвета, но тот уже справился с Кщерем и шел к нему — гигантская фигура в металле, перешагивающая через ямы и уцелевшие деревья.

«Одолел?»

«С грехом пополам. Но василиск не показал всего, что мог, не проснулся как следует, наверное. Я даже чувствую сожаление и неловкость, будто обманул кого».

«В тебе слишком много человеческого, Посланник. Впрочем, во мне тоже. Может быть, поэтому нам так тяжело даются победы над самими собой. Поспешим к темпоралу, я чувствую колебание Веера, Даймон скоро объявится».

«Как ты успокоил Кщеря?»

«Загнал в «бутылку» самоконцентрации. Он теперь не больше элементарной частицы, сколлапсировал. Правда, возможность просачивания в другие хроны он сохранил».

«Почему все-таки его прозвали Бессмертным?»

«Потому что он, как и террострелок — п р о ц е с с, принцип, а не живое существо в человеческом понимании. Освободи Наблюдателя, мается там под складкой моего плаща».

Никита, превратившись в нормального человека, тронул белесый пузырь, уцелевший на оплавленной взрывом земле, тот лопнул и открыл напряженно ждущего Такэду с мечом во замахе. Сухов прыснул:

— Но-но, не рубани с перепугу. Ты бы еще крикнул: всех порешу!

Такэда открыл рот, собираясь отшутиться, и застыл. Он только сейчас увидел последствия битвы магов с порождением демонов. Время под защитным куполом — «складкой плаща» Яросвета — текло медленнее, и он не мог разобраться в хаосе огня и дыма, что происходит.

— Поспешите, други,— пророкотал над ними бас Яросвета. Маг не торопился менять облик великана, настороженно прислушиваясь ко всему, что совершалось в пределах края, планеты и хрона.— Бой не закончен. Садитесь.

Яросвет подставил ладонь и посадил землян на плечи, крякнув при этом: «Ну и тяжел ты, Посланник!» — зашагал к стене леса, которого не коснулся огонь сражения, потом побежал.

Гул его бега, удары сапог о землю, вызывающие заметные колебания почвы, похожие на землетрясение, распугали всю живность в округе, встревожили нечисть и нежить и насторожили тех, кто ждал землян у темпорала. Поэтому, когда на горизонте показалась грозная фигура, закованная в блистающий металл, нервы у «чекистов» не выдержали. Навстречу приближавшемуся магу ударил залп огня.

За секунду до этого Яросвет предупредил своих седоков о возможности применения против них магического оружия, и Никита, сам давно определивший место и рассредоточение засады в густом и дремучем лесу, возле «берлоги» темпорала, среагировал на залп одновременно с Яросветом. Но если вардзуни, копье распада и поглощения энергии, он уже видел в действии, то с шиххиртхом, который он когда-то держал в руках, и хабубом знакомился впервые.

Боевиков ЧК оказалось девять. Двое из них были вооружены хабубом — «трезубцем» электронного резонанса, шестеро — вардзуни, и лишь один, вожак отряда, ругг Заххак, родственник Хуббата и Вуккуба, имел шиххиртх — дьявольский гранатомет-арбалет. Стрелял шиххиртх особыми стрелами, компактифицирующими измерения, то есть свертывающими пространство.

Шесть ручьев голубого пламени — разрядов вардзуни принял на себя щит Яросвета, отразив их обратно, в результате чего шестеро черных дьяволов-ликвидаторов в похожих на монашеские рясы одеяниях потеряли оружие и руки. Разряд трезубцев хабубов, видимый как шесть трасс лопающихся алых шариков, отбил меч мага. На долю Сухова таким образом достался шиххиртх — восемь гигантских стрел злого зеленого пламени со стремительно расширяющимися хвостами. При их запуске весь мир, каждое живое существо снаружи и изнутри, потряс мягкий, но невыносимо болезненный удар. Вселенная как бы вскрикнула от боли, скорчилась, и это ее движение отозвалось во всех ее обитателях, на всех звездах и планетах.

Меч Никиты, вспыхнув нестерпимым сиянием гипервоздействия, достал стрелы еще на подлете, перерубил каждую вдоль оси и тут же спиралевидным движением закрутил их, сталкивая. Стрелы взорвались клубками режущего глаз радужного пламени, раскидывая хлопья этого пламени на километры вокруг, накинулись друг на друга, пожирая деревья, землю, воздух, друг друга, и... сжались в черные рыхлые комья, которые мгновенно стянулись в точки, исчезли с тонким хрустально-стеклянным стоном. На израненную жутким ш а т а н и е м землю упала тишина.

Никита не стал дожидаться продолжения дуэли. Спрыгнув с плеча Яросвета, он превратился в такого же богатыря и нанес упреждающий удар: клинок Финиста удлинился на полтора километра и нашел обладателя шиххиртха, прежде чем тот успел выстрелить еще раз. Заххак, такой же триглав, как и все хаббардианцы, во мгновение ока был разрублен на три одинаковые — но безрукие и одноногие — фигуры, так и не поняв, наверное, в чем дело. Покалеченные его подчиненные с тихим воем метнулись к темпоралу, в том числе и «чекисты» с хабубом, не решившиеся пустить его в ход еще раз. Маги и остолбеневший Такэда молча смотрели на их бегство, пока восемь черных дьяволов не скрылись в медвежьей норе. Потом все трое с тем же чувством оглядели поле боя.

Местность в точке взрыва стрел шиххиртха заметно понизилась, приобрела вид карстового обнажения, усеянная шрамами, рытвинами, ямами и дырами. Лес на площади в двадцать квадратных километров исчез. Воды близкого болота начали просачиваться в низину и заполнять рытвины.

— Бедная Глая,— произнес наконец Такэда, вспомнив лимнаду, нимфу болота, встреченную им в начале пути. Хотел продолжить, но Яросвет тихонько прижал его пальцем к плечу. Потому что не все еще кончилось.

Земля качнулась. Откуда-то прилетел удар грома, за ним еще два беззвучных толчка воздуха, и в километре от неподвижно стоящих магов возник жуткий всадник на жутком коне, в котором люди сразу узнали жругра. Всадником же был Великий игва Даймон. Собственной или почти собственной персоной.

— Браво, коллеги! — раздался в головах у каждого учтиво-бесстрастный голос.— Кажется, я пришел вовремя.

Никита с любопытством, хотя и не без дрожи, глядел на существо, способное жить сразу во многих мирах Веера, дробиться на миллионы «проекций» — дублей, проникать в микромир — до элементарных частиц и перестраивать макромир — до скоплений галактик. Если жругр был, по сути, машиной для перемещения в слоях-хронах Веера, а также боевой машиной с признаками живого существа, и был зримо материален, имел сложную, хотя и вызывающую тошноту, форму, то игва Даймон на человеческий взгляд не имел определенной формы, или имел сразу множество форм, переходящих одна в другую, дробящихся и пересекающихся. И лишь в пси-диапазоне, в поле магического видения, он казался Никите угрюмо-равнодушным, не существом — в о п л о щ е н и е м интеллекта вселенского масштаба, вызывающего ощущение обреченности и властной, всеуничтожающей силы.

Яросвет шагнул вперед. Доспехи на нем метнули яркие блики, словно солнечные зайчики, но «зайчики» материальные: сорвавшись с брони они зашипели в воде, пустив струйки пара.

— Ошибаешься, Даймон, опоздал ты. Твое появление уже ничего не решает.

Пси-волна принесла смех Великого игвы и образ веселящегося клоуна, претерпевшего быструю трансформацию: плачущий клоун, обезьяна, лемур, мышь, лягушка, капля слизи.

— Вы, конечно, не слабые мальчики, но н е н а с т о л ь к о, чтобы бросить вызов Великим игвам.

Воздух вокруг магов как бы уплотнился, упруго сдавил их со всех сторон, лишая возможности двигаться, и как Никита ни старался, поднять меч и направить его в сторону всадника не мог. Сила, спеленавшая их, не была физическим полем — Даймон с д в и н у л время. Ни Сухов, ни Яросвет подобным оружием не владели, И когда Такэда готов был заплакать от бессилия — он стоял зажатым так же, как и друзья, и без диморфанта давно бы погиб,— на помощь магам пришел их таинственный ассистент, спасший их от вертолета.

Гигантская рогатая птица спикировала вдруг на жругра со всадником на спине, преодолев все его защитные в с п л е с к и и нейтрализовав попытки капсулирования противника в коконе иного времени. Удар крылом был страшен: Даймон вылетел из седла, как обычный кавалерист от удара дубиной, и на мгновение в ы п а л в м а т е р и а л ь н о с т ь, то есть распался на множество переплетенных между собой существ числом до сотни тысяч! Второй удар крылом отбросил жругра, готового защитить своего хозяина, от этого места на километр.

Никита с облегчением понял, что может двигаться.

Птица сделала круг над их головами и, нырнув вниз, опустилась рядом уже в человеческом облике.

— Уэтль! — воскликнул Сухов с недоверием и радостью.

Это был Уэ-Уэтеотль. Ростом с них, но полуголый, в юбочке из травы, с убором из перьев на голове, с мечом в руке, загорелый, невозмутимый, уверенный в себе.

В другой ситуации Такэда посмеялся бы: «Надо же, три богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович!» — но сейчас ему было не до смеха. Несмотря на изолирующие свойства диморфанта ему досталось крепко, да и не защищал диморфант от «качания» основ материи.

Никита от избытка чувств хлопнул по плечу индейского мага, однако Даймон был слишком серьезным противником, чтобы расслабляться во время боя. С шипением, в котором слышались угроза и мощь, меч Сухова пронзил воздух и завис над Великим игвой, готовый нанести удар. Роение фигур в призрачном облаке Даймона прекратилось, игва замер, просчитывая вероятность удачного исхода боя с троицей магов, и все-таки решил показать всю свою силу. Он растекся по земле слоем белого пламени площадью в несколько

километров, попытался заключить магов в кольцо, но это ему не удалось, мечи Яросвета и Уэ-Уэтеотля отсекли языки пламени, стягивающиеся в кольцо, а меч Никиты сначала остановил поток огня к жругру, а потом разрубил монстра пополам, уже готового прыгнуть.

Тогда демономаг превратился в сотню гигантов, бросившихся на трех богатырей со всех сторон. Однако и это не помогло, мечи магов уничтожили половину войска двойников в первые же мгновения атаки. Даймон заметался по полю, подняв настоящий ураган, довершая вывал леса на многие километры вокруг. В воздух поднялась огромная туча земли, грязи и воды, так что стало темно. А когда мечи магов нашли игву и в этой грохочущей туче, он р а з в е р н у л мерность пространства. Весь гигантский объем битвы в полсотни кубических километров превратился в сросток кристаллов, вернее, в гору «мыльной пены», каждый пузырек которой представлял собой область пространства с отличающимися от соседних свойствами. И в каждом Великий игва присутствовал не в виде живого существа, а в виде з а к о н а! Причем закон этот зависел только от воли многомерного объекта, коим был и оставался Даймон, обладающий сетью внеинтеллектуальных связей. Убить его в этой ситуации, не повредив пространственного пузырька-объема, а значит, и того, кто попытается это сделать, было невозможно.

Никита, отключенный от эйдоса, неискушенный в контактах с многомерными образованиями, остановился в нерешительности, но Уэ-Уэтеотль был опытнее и владел многомерным преобразованием в такой же степени, как и Великий игва.

«Горы пены», каждый пузырек которой извне имел буквально двухсантиметровый диаметр, а изнутри казался бесконечным, стала «проваливаться» в себя, схлопываться, таять, пока не остался один пузырек, лопнувший с тихим треском, от которого тем не менее шатнулась планета. Вся четверка сражающихся оказалась снова на земле Мировой Язвы лицом к лицу.

Даймон, ограниченный с трех сторон вращением мечей Яросвета, Уэтля и Никиты, принял облик старика с посохом, чем-то похожего на Праселка-Дуггура. Сгорбился, опираясь на посох, глядя на Сухова-мага с неопределенной миной. Земля перестала шататься ураган стих, туча земли и пыли осела, и в наступившей тишине раздался скрипучий голос Великого игвы:

— Гиибель недооценила тебя, Посланник. Но отсюда, из этого хрона, тебе не выйти даже с помощью друзей.

— Сигата га най,— ответил Никита хрипло, разведя руками.

Такэда, цеплявшийся за плечо Яросвета, засмеялся. И смех его заставил Великого игву впервые ощутить — не страх, злость или ненависть, ведь игвы, существа холодного интеллекта, не были под-

властны большинсву человеческих эмоций,— неуверенность! Взмахнув посохом, Даймон превратился в струю дыма, метнувшуюся к жругру, разрубленному пополам, но, как оказалось, не потерявшему способность функционировать. С неистовым треском, от которого у оставшихся заложило уши, передняя половина жругра с оседлавшим ее Великим игвой исчезла.

— Он соберет всех игв и вернется,— сказал Сухов.

— Вряд ли,— не согласился Яросвет.— Игвы — еще большие индивидуалисты, чем маги-творцы, они суперэгоисты, а Даймон к тому же уязвлен. Он постарался настичь тебя и отомстить.

— Ничего, Посланник теперь битый зверь,— заметил Уэ-Уэтеотль.

Такэда снова засмеялся.

— У нас говорят — стреляный волк.

Вслед за Такэдой засмеялся с облегчением Никита, потом Яросвет, и даже Уэ-Уэтеотль, олицетворявший собой идеал бесстрастия, позволил себе улыбнуться. Хотя все понимали, что битва не выиграна, что против всех Великих игв им не выстоять, не говоря уже о Люцифере, что главные события впереди и на Посланнике лежит основная забота объединения магов-творцов и созидателей, вершителей судеб вселенных, проводников закона Абсолютной этики, которому подчинялся весь Веер Миров.

Уцелевшие обитатели Язвы, в том числе и старуха Ягойой, которая не решилась выступить ни на чьей стороне, настороженно наблюдали за ними из-за деревьев нетронутого огнем и распадом леса на границе поля битвы.

Путь от Мировой Язвы до вотчины князя Мстиши занял у них один день.

Оставив позади жуткую, черную с фиолетовым и багровым, стокилометровую пологую воронку глубиной в несколько сот метров, со склонами, вспаханными боем магов с демоном, четверо путешественников перебрались через Огнь-реку с помощью Никиты, вернее, с помощью его меча, поймали диких степных лошадей-меригиппусов, у которых вместо копыт были пятипалые львиные лапы, и за полдня доскакали до Охранного Городища, где с помощью Яросвета нашли еще один годный к полету вертолет. Золотой полоз, охраняющий кладбище боевых машин, оставшихся от прошлой Битвы, так и не проснулся, окаменев вокруг Городища навеки.

— Значит, работающая техника — твой запас? — полюбопытствовал Никита, взирая на вертолет с двумя винтами.

Яросвет, ставший Мстишей (все трое обрели свой обычный человеческий вид), качнул головой:

— Не знаю, с какой целью, но вся работоспособная техника оставлена здесь Семеркой. Естественно, я иногда пользуюсь ею.

— Судя по всему, не только ты.

Мстиша, вспомнив военный вертолет, нахмурился.

— Я приму меры.

— Надо говорить: я сотворю меры. Маг ты или погулять вышел?

— Хочешь испытать? Давай на спор...

— А я разобью. Половина — моя.

— Чего половина?

— А того, на что спорите.

Захохотав, Никита и Мстиша бросились на Уэтля, повалили его на землю и принялись тузить, получая в ответ такие же тычки и затрещины. Маги были молоды, хотя и не беспечны, возбуждены, веселы, и, осознав свою силу, шутили и смеялись, поддразнивая друг друга. Такэда, завистливо глядя на их игры, пробормотал:

— Всех победиша, а меня забыша.

— А чего ты хочешь? — повернул к нему раскрасневшееся лицо Никита.

— Да хотя бы есть.

— Дома... через час...— с натугой выговорил Мстиша, лежащий в самом низу.— Отпусти, индеец!

— Чудотворцы! — хмыкнул Толя.— Пацаны совсем. Лучше б меня научили творить чудеса.

Все трое перестали возиться, поднялись, счищая с одежды песок и грязь, переглянулись и одновременно глянули на инженера. На одно долгое мгновение тому показалось, что он все понимает, видит и чувствует, способен выразить любое понятие через символы и знаки любого языка, может сделать все, что захочет. Глубина видения-чувствования потрясала! Вселенная раскрылась перед ним и... закрылась, с болью воткнув в трехмерье человеческого бытия, оставив сожаление и тоску о несбывшихся надеждах. Такэда с трудом удержался на ногах, не видя ничего перед собой из-за навернувшихся слез.

Чувствуя смущение, Мстиша и Уэтль полезли в кабину вертолета, начиная новую шутливую перебранку. Никита положил на плечо другу тяжелую горячую руку.

— Не обижайся, Оямыч, но праджни [1] тебе не под силу, как и прямая мысль-действие. Вообще никому из людей не под силу. За редким исключением. Человек существо не космическое, он был и будет привязан к земле, к поверхности планет, и ничего тут не поделаешь.

Такэда улыбнулся, пошипел сквозь зубы, приходя в себя, обнял Сухова за талию.

---

[1] Наивысшая способность понимания *(инд.)*.

— Все в норме, утешитель... «исключение». Я и сам знаю, что пси-энергант из меня не получится, зато со мной можно дружить, э?

Никита с облегчением хлопнул ладонью по ладони товарища, как в старые добрые времена.

Путешествие по воздуху до столицы Свентаны длилось всего час. Но как ни быстро летел вертолет, молва о победных сражениях Яросвета и великого князя облетела город еще быстрее. Когда винтокрылая машина села в пригороде — посаде,— ее тотчас же окружила толпа ликующих горожан и приезжих; никто не испугался летающей и ревущей машины, все давно привыкли к чудесам и умели отличать добрых от злых.

Все четверо вылезли из кабины в воинских доспехах, разве что без шлемов: «одежда» Сухова и Такэды — диморфанты, конечно, могла изменяться в широчайшем спектре костюмов всех эпох, Уэ-Уэтеотль создал себе видимость кольчуги и лат, ну, а Мстиша был изначально экипирован как русский витязь. Лишь эмблема на щите — медведь с мечом на красном фоне — указывала на его принадлежность к княжескому роду.

У Никиты екнуло сердце, когда Лада, жена князя, бросилась мужу на грудь, встретив его еще за воротами Детинца. Она была так похожа на Ксению, что не верилось, что это не Ксения.

Стемнело, когда маги после бани и ужина собрались в государственном доме Мстиши, но не в гриднице, приемной князя, а в грановитой палате, отделанной малахитом, мрамором и другими полудрагоценными и драгоценными камнями. На всех четверых были надеты льняные рубахи с вышитым воротом, кафтаны, полосатые штаны и мягкие сапожки, и даже смуглолицый Уэ-Уэтеотль не выглядел в этой одежде ряженым.

— У нас здесь малый собор, навна,— с тихой нежностью сказал Мстиша жене, которая провожала гостей из трапезной по крытому переходу.

— Тогда я прикажу принести вам ендову с медом,— улыбнулась Лада, поклонилась всем и удалилась бесподобной походкой, делавшей ее вовсе похожей на Ксению. Никита, забывшись, смотрел ей вслед остановившимся взглядом. Из задумчивости его вывел тычок Такэды в бок:

— Так и будешь стоять столбом? Пошли, пока не обиделся князь.

Сухов очнулся. Мстиша и Уэтль ушли вперед, беседуя не в пси-диапазоне, а по-человечески, неторопливо и обстоятельно, хотя разговор их и сопровождался рожденными энергией связи мысленными образами.

В палате расселись вокруг стола с подсвечниками по углам, поверхность которого идеально имитировала прозрачное зеркало

воды и песчано-галечное дно. Со стола невольно тянуло напиться, но рука натыкалась на твердую полированную поверхность камня.

— Что, витязь, голову повесил? — спросил Мстиша, разливая в резные бокалы собственного изготовления тягучий золотистый напиток. Протянул Сухову бокал.— Не кручинься, все сладится.

Никита не ответил, глядя на ровно горящие свечи, повернул голову к индейцу, с недоумением рассматривающему свою руку.

— Уэ, ты в прошлый раз намекнул, что знаешь, где Ксения. Если и сейчас не скажешь, я тебя убью.

Мстиша с интересом глянул на Никиту, потом повернулся к Такэде.

— Зело грозен Посланник. Много он уже убил?

— У него всегда было плохо с чувством юмора,— ответил Толя.— Но я бы посоветовал ответить. Убить не убьет, но помучает.

Князь рассмеялся.

— Мне нравится ваше отношение друг к другу, давно не чувствовал себя так легко в компании. А почему вы не пьете мед, Наблюдатель?

— Дурное воспитание. Я люблю дзаданкай.

— Что, простите?

— Беседу за чашкой чая. Я ведь японец.

— Ну, русские любят чай не меньше.— Мстиша шевельнул рукой, и слуга, хлопотавший с медом, принес самовар и чайный сервиз.

Такэда от такой обходительности пришел в состояние каталепсии, и это было лучшим выражением благодарности для понимающего такие моменты князя.

— Она у Гиибели,— сказал наконец лаконичный почти до абсолюта Уэ-Уэтеотль. Его оценкой меда Мстиши было прищелкивание языком, что князь тоже понял прекрасно.

Никита рванулся было из-за стола, но сел обратно, встретив темный взгляд индейца. Побледнел.

— Что с ней?!

— У тебя будут проблемы. Во-первых, Ксения «рассыпана» по множеству Миров Веера, не физически — психически, вот почему ты так сильно реагируешь на некоторых женщин. Гиибель, Лада... Тааль.

— Ты хочешь сказать...— Никита задохнулся; бокал в его руке разлетелся в стеклянно-каменную пыль.

— В них всех живет частица души Ксении, если говорить языком науки вашего хрона — ментальная матрица, живет по закону затухания: чем ближе к хрону, где спрятана сама девушка, тем сильнее заметно сходство.

В комнате повисло молчание. Мстиша оторвал сочувственный

взгляд от белого лица Сухова, глянул на бесстрастное лицо индейца.

— Не пужай бирича, старшой. Не может быть, чтобы не нашлось средства вернуть девушку.

Уэ-Уэтеотль посмотрел на князя сквозь бокал.

— Может быть, и есть, но я его не знаю. Это еще не все. В Гашшарве — так называется обиталище Гиибели и ее хрон — Ксения лишена возможности связно мыслить, говорить, нормально жить, и вырвать ее из этого состояния можно, только выделив из толпы двойников.

— Сказки! — прошептал Никита одними губами. Такэда понял танцора: русские сказки переняли все, что было создано наяву в других Мирах Веера, в том числе и ситуацию распознавания, сообщенную Уэтлем.

— Все?

— Учти вот еще что.— Уэ-Уэтеотль ничем не выразил своих чувств, но не стоило спрашивать, пойдет ли он с землянами до конца.— Только самые слабые твои враги — порождение человеческой фантазии и бреда: то есть имеют «страшные» пасти, клыки, зубы, когти, клювы, жала. Они мешают лишь на начальном этапе Пути, ты его прошел. Дальше тебя ждут враги, облик которых трудно или невозможно описать человеческим языком. Это умные, хладнокровные, чрезвычайно далекие от всего земного, занятые своим делом существа, безжалостные, хотя и не порождения зла, равнодушные к любым проявлениям чувств, сильные и могущественные. Великий игва Даймон тому пример.

Уэтль со вздохом облегчения умолк. Он никогда так много не говорил.

— Мне нужен проводник,— произнес Никита после минутной тишины.

Мстиша покачал головой. Он понял, о каком проводнике речь.

— Посланник, ты не имеешь права рисковать до того, как закончишь Путь. Втроем мы не сможем пробиться в Гашшарву и вызволить Ксению, и даже вчетвером с Наблюдателем, несмотря на его ишварапрамидзару [1]. Да и твое Посвящение не может считаться полным, пока ты не овладел каналом связи с ментальным полем без риска быть подчиненным пси-матрицам игв, свободно поглощающим информацию эйдоса. Если же ты свернешь с Пути и погибнешь, задача следующего Посланника усложняется во сто крат.

— Вы не понимаете...

— Погоди, еще не все,— властно остановичл Сухова князь движением руки.— Сейчас я говорю от имени Яросвета. Позволь кое-что объяснить и дать пару советов. Я слышал, что ты говорил Тояве Оямовичу, утешая, по поводу его «некосмичности».

---

[1] Любовь к высшим силам, природе, Абсолюту *(инд.)*.

Никита порозовел.

— Но и ты не житель Космоса,— продолжал Мстиша-Ярослав,— да и захочешь ли им стать, даже имея возможность, еще вопрос. Путешествуя из хрона в хрон, ты, наверное, подумал, что вселенные-слои Веера состоят из тверди планет. Это далеко не так. Каждый хрон — такая же вселенная, как и ваша, заполненная вакуумом и ячеистой структурой галактических скоплений. Просто темпорал, как реальный объект — выход сети хроноскважин, «привязан» к планетам, на которых в большинстве случаев и зарождалась жизнь. Хотя есть жизнь и на звездах — выход туда вам пока заказан,— и в пустоте, и в континуумах разной мерности, куда, кстати, свободно проникают игвы. Теперь об этих удивительных с любой точки зрения существах, вернее, разумных системах.

Великих игв всего четверо, хотя игвы как разумные существа населяют не один хрон. А Великими они стали благодаря колоссальному интеллекту и таланту конструкторов. На Земле их назвали бы божествами, ибо они могут становиться бесконечно большими, «растекаться» по всему объему хрона, или малыми, невесомыми или исключительно массивными, мгновенно перемещаться в пространстве, благодаря огромной концентрации пси-энергии подчинять своей воле предметы и даже время! И это лишь ничтожная часть того, что они еще в состоянии выполнить. Многие хроны в Болоте Смерти мертвы не из-за Битвы или просачивания Хаоса из мираада Люцифера, а вследствие экспериментов Великих игв!

К сожалению, пси-энергия не является изначально созидающим, структурно упорядочивающим фактором, ее направление в значительной степени зависит от воли разумной системы, и тут мы подходим к определению абсолюта в таких понятиях, как свобода воли, творческого поиска, добра и зла. Что такое абсолютное добро и зло? Существуют ли они по отношению ко всей Вселенной, к Вееру Миров? Или их выдумали слабые духом, от всего зависимые существа?

Мстиша замолчал. Тишину в зале нарушал лишь далекий колокольный звон. Такэда, буквально впитывающий речь князя, прерывисто вздохнул, виновато посмотрел на магов. Уэ-Уэтеотль сидел, как изваяние, Мстиша выглядел суровым и печальным, Сухов казался ушедшим в свои мысли.

— Я задавал себе эти вопросы раньше,— голос князя стал мягче,— и не находил ответа, пока не открыл принцип, управляющий Бытием, от бытия человека до бытия Вселенной: принцип взаимного доброжелательства. Демономаги, в том числе игвы, его не исповедуют. Именно поэтому Люциферу легко было склонить их на свою сторону. А ведь они действительно творцы высочайшего класса, действия которых отзываются во всех мирах Веера... что люди на Земле зачастую принимают за проявление природных

стихий. Гаттунгр, например, создал Дигм, хрон парадоксальных соответствий, подчиняющийся формулам, отрицающим друг друга, Даймон —Эраншахр, Пространство мысли-действия, Гиибель — Гашшарву, Вселенную Абсурда, инициирующую маловероятные и совсем невероятные события, а самый мощный из Великих, Уицраор, из-за своей деятельности прослыл «Богом того, чего не может быть в принципе»! Очень близко к тому, что задумал Люцифер, по уровню стоящий еще выше, и деятельность и возможности которого невозможно описать словами. Их кредо: если великий космолог создает абстрактную модель мира, достойную воплощения за присущее ей внутреннее совершенство, то такая модель должна существовать, даже если в результате гибнет уже созданный мир, полный жизни.

Мстиша встал из-за стола, прошелся вдоль стены из яшмовых панелей, словно светящихся изнутри из-за хитроумно расположенных светильников.

— Хаос... вдумайтесь в это слово: Он захотел создать Абсолютный Хаос! Мир идеальной смерти, исключающий категорию причинности, где невозможны никакие регулярные и квазирегулярные процессы, где любое проявление движения случайно и никогда не повторимо. Задача поистине Вселенской сложности! А ведь Он ее решил! Хорошо, что магов, осиянных духовностью, Созидателей и служителей принципа взаимной доброжелательности, гораздо больше, чем игв, плохо, что все они — яркие индивидуалисты. Вот почему для того, чтобы утихомирить таких личностей, как Люцифер, Вееру потребовался махди [1], Посланник, способный объединить магов. Справиться с Люцифером легко, собрав десять-двадцать магов высокого класса, но из соображений этики необходимо и достаточно — семь!

Мстиша остановился у кресла Никиты, опустил ему на плечо мощную руку.

— Правда, магов много, но не каждый захочет стать Одним из Семерых. Учти и этот момент, Посланник.— Князь осушил бокал.— Здрав будь!

— Буду,— пообещал Никита глухо.— И вы будьте здоровы!

— С этим у него нормально,— проговорил слегка осоловелый Такэда,— полная махапурушалакшана [2].

Мстиша улыбнулся в усы, уселся во главе стола.

— Итак, нас трое.

— Четверо,— проговорил кто-то внятно, и из ничего, из воздуха проявился высокий, массивный, чернокожий и седой мужчина, одетый в ослепительно белый балахон. Это был Зу-л-Кифл.

---

[1] Махди — ведомый (аллахом) человек, мессия.

[2] Махапурушалакшана — 32 признака здорового тела (признаки будды).

4

Такэда проснулся от крика Никиты: «Ксюша, я здесь!» Подскочив, оглянулся. Сухов сидел, упираясь руками в ложе и глядя перед собой ничего не видящими глазами. Потом с силой ударил кулаком в пол, поднялся и вышел. Толя понимающе кивнул сам себе, потянулся, вспомнил, где они находятся, и тоже встал. Выглянув из пещеры, он увидел Сухова стоящим на берегу озера. Не выдав чувств, подошел и стал умываться.

Это был уже третий хрон, который они посетили в поисках живого жругра с момента прощания с магами в доме князя Мстиши. Все три планеты были практически безлюдны, то есть цивилизации на них после Битвы прекратили существование, и все три представляли собой свалки послевоенного мусора, частично или полностью заплывшие почвой или горными новообразованиями. Ничего годного к повторному применению на них не осталось.

Толя вспомнил прощание с магами, и на сердце потеплело. Друзья остались далеко, но не приходилось сомневаться, что они в любой момент придут на помощь. Еще в доме князя Мстиша торжественно дал Никите «роту», клятву братания, к которой присоединились Уэ-Уэтеотль и Зу-л-Кифл, а Такэда, расчувствовавшись, пообещал отдать жизнь за каждого отдельно и за всех вместе. Конечно, процесс братания здорово походил на описанную стариком Дюма клятву мушкетеров: один за всех, все за одного! Однако это сходство ничуть не умаляло значения свершившегося.

Толя вытащил из кармашка-ножен длинный нож с красивой резной рукоятью, полюбовался и спрятал. Нож назывался засапожник, и подарил его Мстише, предупредив, что нож заговорен и способен рубить металл. Но еще лучший подарок сделал Зу-л-Кифл: помог Никите овладеть «скремблером» — способом выхода в эйдос, неподдающимся пси-пеленгированию и прослушиванию. Правда, Сухова это не сильно обрадовало: способа освободить Ксению не знал и Зу-л-Кифл, маг, который мог бы бросить вызов любому из Великих игв.

— О чем задумался? — спросил наконец Такэда, оглядев их стоянку.

Озеро находилось в кольце живописных скал, зарослей колючек, «шерстяного» кустарника, отгораживающего пляж с крупным белым песком от скалы с пещерой, где они спали. Небо здесь днем было дымчато-бесцветным, а ночью — темно-серым, беззвездным, толстая шуба атмосферы не пропусала их лучи на поверхность планеты.

— Ого-го-го! — заорал вдруг Такэда.

Сухов вздрогнул, вырванный из состояния созерцания.

— Ты что?!

— А ничего,— спокойно ответил Толя.— Горло тренирую. По утрам. Так куда мы сейчас направляемся?

— Завтракать мы направляемся. Будешь еще кричать, заколдую в...— Сухов подумал,— в рака.

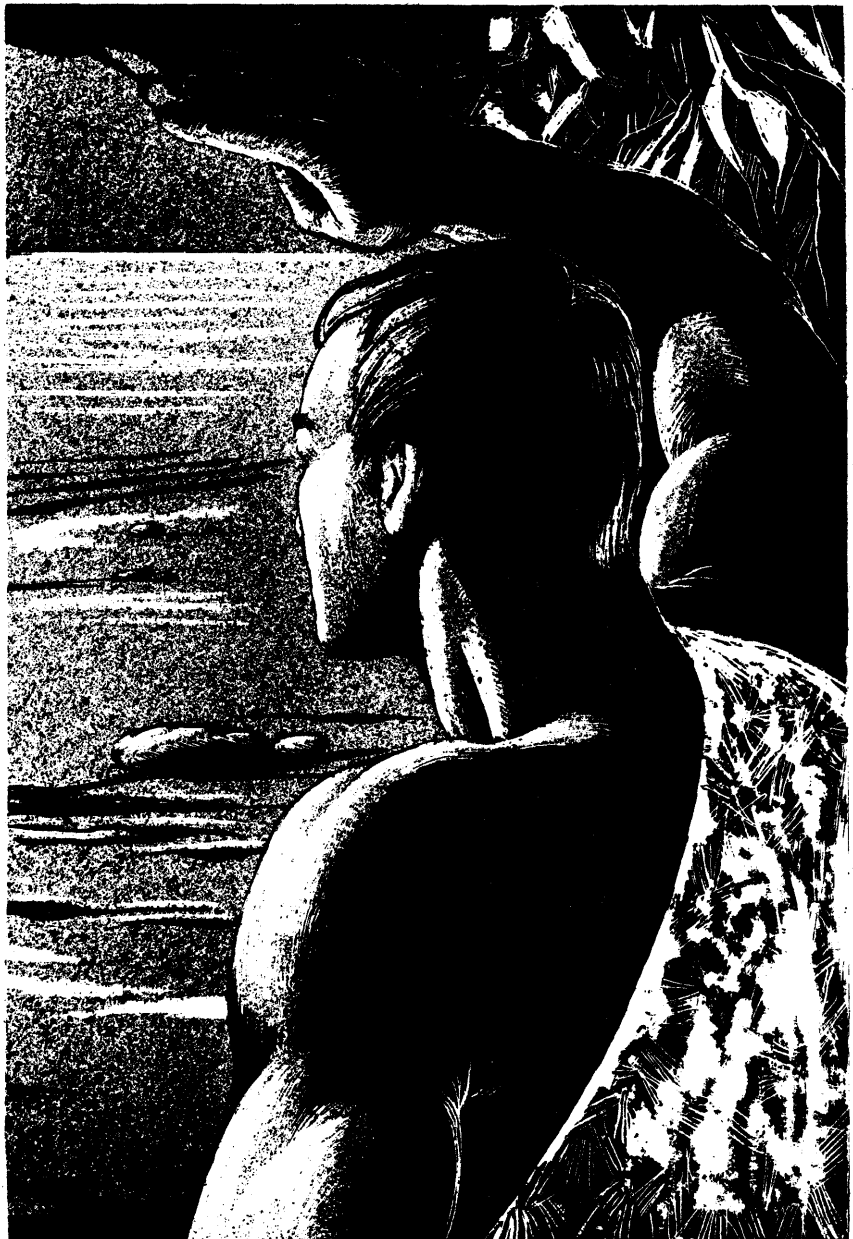
Такэда зашипел, попятился, кланяясь, в речи его прорезался знаменитый японский акцент.

— Сапасибо, гаспадина, однако, лущце не нада.

Никита фыркнул, примерился щелкнуть Толю в лоб, не попал и полез в бой. Тренировка закончилась купанием в озере, воды которого для питья не годились из-за большого содержания солей и окислов тяжелых металлов.

Позавтракали остатками продуктового пайка, которым их снабдила Лада. Жена Мстиши готова была отдать и скатерть-самобранку, но, во-первых, земляне вряд ли овладели бы искусством приготовления яств в короткие сроки, а во-вторых, свойства скатерти — магического кухонного комбайна, упакованного в скатерть с помощью субмолекулярного сжатия, едва ли сохранились бы в иных вселенных с другими законами.

— А теперь,— твердо сказал Сухов, больше для себя, чем для Толи,— мне предстоит путь за Предел.



Выход в эйдос, понял Такэда не без внутреннего трепета, не показав, однако, что ему не по себе. Помочь другу в случае осложнений он бы не смог.

Они вышли из пещеры, прихватив снаряжение, и устроились на берегу озера, в россыпи валунов, скрывающих их от нескромного взгляда, если бы таковой объявился. Никита уселся в позе синсокан, сосредоточился и уже через минуту «ушел», представив себя огромной космической пустотой без свойств, протяженности, времени и координат. А когда «скремблер» заработал — выйти в ментальное поле-пространство информационно-энергетических связей и мысли-действия было уже несложно.

Такэда наблюдал за переходом параноpма в состояние потока-приема информации со смешанным чувством зависти и тревоги. Он уже не говорил себе, как раньше, что насколько все было бы проще, окажись в положении Никиты он сам, однако от зависти избавиться не мог.

Вокруг Никиты заискрились голубые ниточки, паутинки, собираясь в голубоватую сеточку свечения. Он побледнел, стал полупрозрачным, словно из расплавленного стекла, но на этом эффекты перехода не закончились, их спектр был явно богаче предыдущих.

Воздух вокруг мага как бы загустел и завибрировал, почва под ногами стала заметно вздрагивать, будто пласт желе, а озеро внезапно застыло. Замерзло! И на льду невидимый резец почти мгновенным росчерком вырезал портрет Ксении. Затем «лед» растаял вместе с портретом, зато на месте Сухова возник столб темноты, похожий на скрученный дымный смерч, ушел в небо. По окрестностям озера прокатился обманчиво мягкий раскат грома, от которого «желе» берега под ногами закачалось сильней.

Столб тьмы исчез, Сухов по-прежнему сидел на том же месте и в той же позе, но уже светился весь. Он как бы состоял из голубовато-сиреневого переливчатого свечения, изредка сбрасывая расширявшиеся и тускнеющие волны света, повторявшие контуры его тела. И наконец Такэде, который наблюдал за происходящим, затаив дыхание, показалось, что Никита мгновенным скачком превратился в гиганта, размерами превосходящего планету, наделенного невообразимой мощью и властью!

Удар по психике был сравним с физическим ударом по голове, от которого Такэда «улетел» в нокдаун, но диморфант защитил его и от этой «дружественной оплеухи» Никиты. Когда Толя пришел в себя, Никита был уже самим собой, обыкновенным человеком с гримасой раздумья на челе.

— Изыди, сатана! — слабым голосом проговорил Такэда, отмахиваясь рукой.— Ты — это ты или обман чувств?

— Я — махди, Посланник богов! — гордо изрек Никита, но

не выдержал и засмеялся.— А ты старый и больной инженер...

— Ладно, ладно, махди...— посерьезнев, сдвинул брови Толя.— Хорошо то, что хорошо кончается. На этот раз ты никого не встретил?

— Встретил,— кивнул Никита, не меняя задумчивого выражения лица.— Они все там... пасутся, как и тысячи магов всех времен в вселенных. Как известно, тень и свет равны, и в эйдосе магов и демонов поровну. Но Зу-л-Кифл был прав, можно пить бессмертие эйдоса тихо, не поднимая брызг и волн.

— И что ты вызнал?

Сухов потянулся к дипломату транскофа, который обречен был таскать Толя, достал из него вардзуни; меч Толя носил на поясе, как и сам Никита.

— Я вызнал, что существует ряд энергий, не ощущаемых человеком.— Вардзуни в руках Сухова окутался сеткой желтоватых разрядов, эта потрескивающая «шуба» сползла на пальцы Никиты, подобралась к локтю, плечу, шее и через несколько мгновений окутала его всего. Такэда дернулся было к нему, но танцор не реагировал на свечение, смертельно опасное для всего живого. Там, где оно сползало с его ног на песок, начала образовываться дымящаяся впадина.

— А также и то, что ими можно управлять,— продолжал Сухов, как ни в чем не бывало. Копье в его руке засияло белым накалом и с треском превратилось в молнию, вонзившуюся ему в грудь. Тело мага заиграло перламутрово-радужными переливами, свечение сползло с него на песчаную почву слоем красивого пламени, растворив слой песка в диаметре четырех метров. Пахнуло холодом и запахом сгоревшей картофельной ботвы.

— Ибо тело человеческое, как и любое другое, по сути, многодиапазонная антенна, а также пакет квантово-механических волн,— закончил Никита. Протянул Такэде перстень эрцхаора.— Возьми на всякий случай, мне он уже не нужен. Ты готов? Тогда идем туда, где нас никто не ждет.

Транскоф послушно перенес их в темпорал, и уже через четверть часа Посланник и его «оруженосец» выходили из камеры хроносдвига в один из явно неблагополучных миров Веера. Такэда сразу почувствовал его тягостное давление на мозг по целому спектру внушаемых негативных эмоций, от угрюмой подавленности до скрытой угрозы. Диморфант снял большинство из них, но тяжесть на душе осталась.

— Здесь зона биологического дискомфорта,— обернулся к Толе Сухов, блеснув зубами.— И даже в диморфантах нам долго не продержаться, поэтому действовать надо быстро. Может, останешься, подождешь меня тут?

— Где мы?

— В «предбаннике» Ада. Этот хрон — база Гиибели — соседствует с Гашшарвой, ее хроном, и контролируется ею.— Никита подождал реакции Толи, усмехнулся.— Но, во-первых, вряд ли она ждет нас на своей базе, во-вторых, засечь наши переходы теперь не просто, и, в-третьих, мы найдем здесь то, что ищем.

Такэда безмолвно шагнул из камеры хроносдвига в коридор, который вывел их наружу. Инженер оказался у подножия какого-то исполинского изваяния, судя по гигантской, лоснящейся чернотой, «львиной» лапе, из-под когтя которой они вышли. Фигуру изваяния невозможно было охватить одним взглядом, к тому же выше пояса она скрывалась в сияющей желтой дымке, окутывающей весь ландшафт и не позволяющей видеть предметы дальше двухсот-трехсот метров.

Прямо перед собой Толя увидел стену какого-то сооружения, по виду из грубо обработанных бурокоричневых каменных глыб, со множеством ниш и окон, напоминающего римский Колизей. Вершина сооружения и края так же скрывались в дымке, мешающей определить его истинные размеры, но и так было ясно, что строили его исполины и для исполинов.

Почва здесь была каменистая, цвета запекшейся крови, со множеством трещин и россыпей острых камней, напоминающих по цвету и блеску золото. Из-за дымки цвет и глубину неба оценить было невозможно, дышать в здешнем воздухе тоже было нельзя из-за целого набора ядовитых газов и запахов, и диморфант инженера перешел на полную автономность, превратившись в скафандр. Однако ослабить пси-давление этого мира на мозг хозяина до нуля он не смог.

— Ну как, идти можешь?— раздался в ушах тихий пси-шепот Сухова.

Такэда передернул плечами, взвесил в руке меч.

— Я пойду первым. Куда?

Никита хмыкнул, обошел его и повернул направо, направляясь вдоль стены здания в светло-желтое зарево.

Это был город. Зданий, конечно, Такэда не видел, только их основания, проплывающие то слева, то справа, но сомневаться в том, что они идут по мертвому, полуразрушенному временем, городу, не приходилось. На взгляд Такэды, привыкшего опираться на здравый смысл и интуицию. Тем более поразительным оказался ответ Сухова на вопрос, что это за город.

— Это не город — пересечение двенадцатимерных компактных пространств, образующих цепочку метастабильных состояний.

Некоторое время Толя шел молча, озираясь и обдумывая услышанное. Сухов покосился на друга, хорошо видя его сквозь скафандр, посочувствовал:

— Что, сложно, инженер? Хочу предупредить: мы зашли за

пределы человеческих восприятий, поэтому не старайся дать названия и не надейся получить объяснения, что увидишь. Ты увидишь совсем не то, что сможешь объяснить, реакция человеческих чувств не даст адекватную картину отражения мира, особенно в зонах прямого просачивания Хаоса.

— Что ж,— хладнокровно сказал Такэда,— я и не претендую на полное постижение истины, но ты мог бы интерпретировать поступаемую визуальную информацию. У Брюсова есть такие строки:

Верь в звук слов:
Смысл тайн в них.

— Словами можно выразить лишь ничтожную часть вселенского поля информации, как бы ты их ни произносил, тихо или громко.

— Самые тихие слова — те, что приносят бурю. Это Заратустра Ницше.

— Я помню. Там дальше у него: «Мысли, приходящие, как голубь, управляют миром». И это правда.— Сухов понял, что Толя пытается справиться с растерянностью и потрясением, поэтому так многословен.— Договорились, я буду говорить о том, что вижу сам.

Через час они вышли на «площадь города», оруженную темными громадами «зданий» — объемами многомерных пространств, «закристаллизовавшихся» в этом мире в виде знакомых человеческому глазу форм.

— Где-то здесь,— заключил для себя Никита.

Словно в ответ на его слова в золотистой дымке послышался шум, и сквозь сияние медленно проявилась фигура невиданного чудовища со складчато-бугристым, гиппопотамьим телом и кошмарной головой, состоящей, казалось, из десятка гигантских клыкастых пастей. Ни передних, ни задних лап у него не было, так что оставалось загадкой, как оно двигалось. Увидев людей, чудовище ускорило движение, тяжеловесное, плавное и неумолимое, как ход асфальтового катка. Однако стоило Никите взяться за рукоять меча, оно притормозило, глухо заворчав и замотав рылом, похожим на переднюю часть шахтопроходческого комбайна с фрезами и пилами.

— Бордонгкуй,— сказал Никита.— Один из магов, «вывернутый наизнанку» Гиибелью и приспособленный для защиты ее базы. Правда, если тело его при этом выдержало, то разум — нет.

— Помочь ему нельзя?

— Чем? «Вывернуть» назад тело можно, интеллект же вернуть нельзя. Иди, иди,— тихо обратился Сухов к могучему существу.— Может быть, мы еще вернемся за тобой.

Чудовище с ворчанием, от которого у Такэды сжалось сердце,

отступило к краю площадки, исчезло в ровном сиянии тумана.

— М-да! — сказал Толя.

— Вот именно,— мрачно откликнулся Никита, поднял руку.— Погоди-ка... Стражей здесь хватает, но интересно то, что все они выполняют функцию обыкновенного замка. Что ж, я прав: нас не ждали.

— Если есть замок, должен быть и ключ. Ты знаешь, где его искать? И где находится вход на базу?

Сухов тронул рукоять меча в ножнах.

— Ключ — вон он, теперь надо определить, куда его вставить. Но вход где-то здесь, рядом, я чую.

— Вход куда?

— На главную базу Гиибели. В принципе все эти «здания», по сути, ее лабазы, склады, по внутреннему объему не уступают, наверное, земным галактикам, но есть и база, где игвы хранят самую мощную свою магитехнику: «кибер-солдат», жругров, генераторы состояний вакуума, излучатели тьмы — Хаоса, генераторы свертки и развертки многомерных пространств, устройство изменения принципов и законов физики — это уже из наследия Люцифера, псипреобразователи и прочее.

— Но Зу-л-Кифл предупреждал, что техника игв подчиняется только им.

— Вот и проверим. А не получится, попробуем реализовать еще одну сумасшедшую идею.

— Если уцелеем,— проворчал Такэда.

— А что с нами сделается? Хоп! — Никита вдруг взмахнул рукой, на мгновение растворившейся и засиявшей белым накалом, и вытащил из ниоткуда, из воздуха, какую-то серую тень с парой умоляющих глаз.— Познакомься, самый натуральный человек-невидимка, звать Наумом. По характеру болтун, по призванию шпион.

«Тень» забилась в руке Сухова, пытаясь освободиться, захлопала глазами.

— Говори по-человечески, не то высушу,— пригрозил Никита.— Кто тебя послал следить за нами?

— Великий... Великая... Великое...— запричитало почти невидимое существо тоненьким детским голоском.— Он... она... оно... точно не знаю. Но не конкретно за вами, господин, вообще за всеми, кто появится. Отпустите, я ничего никому не скажу.

Никита подумал немного, отпустил «тень», рука его перестала светиться. Невесомый Наум метнулся прочь, бледнея, исчезая на фоне свечения, только глаза остались видимыми, обращенные на людей. Но убегать совсем неведомое существо не хотело, озадаченное тем, что его отпустили. Видимо, оно телепатически что-то спросило у Сухова, потому что тот засмеялся, оглянувшись на Такэду.

— Он спрашивает, не смерть ли мы ищем?— Повернулся к не-

видимке-Науму.— Я же просил общаться по-человечески, аль не понимаешь? Есть хочешь?

Существо по имени Наум озадачилось еще больше. Пробурчало с сомнением:

— Смеешься? Мне же запрещено принимать пищу. Помру.

— Это тебе твое Великое сказало? Вранье, братец. Оно боится, что ты перестанешь шпионить в его пользу, вот и держит на голодном пайке.

— Но я ж тогда видимым стану.

— А чем это плохо? Не надоело мыкаться по воле тех, кто тебя в грош не ставит? Вот я видим, зато свободен.

В глазах странного существа появилось выражение испуга.

— Оно услышит... прилетит... растрясет... разобьет...

— Авось, не услышит. Не хочешь есть, беги, докладывай своим владыкам, что Посланник Семерых пришел.

Глаза, висящие в воздухе уже в трех шагах, заморгали, отразили сомнения, растерянность, недоумение, печаль. Потом исчезли.

— Жаль,— сказал Сухов.— Я думал, он поможет.

— Кто этот Наум?

— По сути, душа еще одного мага, переметнувшегося на сторону демонов Люцифера еще до Битвы. А наказали его свои же, сами игвы, за длинный язык. Ну не хочет, так не...

Глаза перед людьми появились вновь.

— А чего надо-то, добрый господин?— прозвучал детский голосок.

— Вход в... м-м, огромную пещеру, который охранял каменный человек. Но учти: если Великое, привязавшее тебя здесь, узнает, что ты нам помог, засушит.

— Ну и пусть. Я, конечно, боюсь, но устал от вечного страха. Может быть, если обо мне вспомнят добрым словом, и мне легче станет? А вход вот он.— Глаза Наума подплыли к видневшемуся неподалеку валуну поперечником в два метра.— Я видел, как Великое... кая... кое... входило сюда. Но там... много... глубоко... страшно!

Голосок пресекся, Наум исчез.

— Странно, что охрана главной базы доверена таким скомпрометировавшим себя стражам,— обронил Такэда, с недоверием глядя на красно-коричневую глыбу.— Если только это и есть главная база. Не мог Наум обмануть?

— Нет, не обманул! — раздался с небес грохочущий голос, и с ударом грома на площади перед людьми проявилась в облаке пламени знакомая фигура: старик в овчинном тулупе с филином на плече и с посохом в руках.

— Праселк! — узнал Такэда.

— Ба! — спокойно и даже как-то лениво произнес Сухов.—

Дуггур Али бен-Хурхурра собственной персоной. А я уж, грешным делом, подумал, что не встречусь со столь знаменитым игвой.

— Я тебя вычислил, землянин.— Голос у Дуггура был звучен и бархатист, хотя изредка срывался на громовые раскаты.— Ты хитер, но не настолько, чтобы провести службу планирования и целеуказаний Великих игв.

— Значит, я проиграл.— Никита закрыл лицевую сторону шлема-диморфанта руками, в голосе его прорезались плачущие нотки.— Что ж, Великие игвы будут довольны. Кто из них придет за мной?

— Никто,— с презрением проговорил Праселк-Дуггур, и Такэда лишь теперь понял, что слышит не голос, а пси-передачу, мощности которой хватало и на прием его несовершенной «антенной» — мозгом.

— На Олирне вы добились ничьей с Даймоном,— продолжал Праселк тем же тоном,— только благодаря тому, что он устал, к тому же вас было трое. Один же ты — ничто, даже с мечом Святогора, моя команда легко справится с тобой и без помощи Великих. Ни одно человекоподобное существо не способно бросить вызов игвам и бороться с творцами вселенных.

Такэда, не понимая замысла Никиты, бросился в атаку, но был остановлен могучим ударом силового поля, который едва не сплющил его в лепешку. Сквозь красный туман в глазах он увидел, как рядом с Праселком проявились другие фигуры в черных плащах с капюшонами, окружили застывшего в непонятной задумчивости Сухова, направили на него холодно мерцающие острия вардзуни, еще какое-то оружие вида грозного и мрачного.

— Значит, Великие игвы не знают о твоем блестящем расчете,— произнес Никита и вдруг засмеялся, легко и непринужденно.— Да, Уэтль был прав: ни одно существо Веера не может сравниться с игвами по чисто человеческим качествам: высокомерию, спеси, надменности и мании величия. И, видит Бог, в этом их единственная слабость.

Черные фигуры — не менее двух десятков, как успел прикинуть Такэда, очевидно, весь отдел ГПУ,— открыли огонь. Залп вардзуни вырыл глубокую звездчатую воронку в том месте, где стоял Сухов, но самого Посланника там уже не было. Он стоял в двух десятках шагов отсюда, на глыбе входа в главную базу Гиибели, опираясь на меч, и смотрел на неподвижного Праселка-Дуггура, на лбу которого открылся, словно от изумления, третий глаз.

— Дуггур,— прозвучал тихий, но отчетливый пси-голос Никиты,— ваша постоянная ошибка в том, что вы недооцениваете противника.

Игва не ответил, но его охотники, сориентировавшись, снова подняли излучатели распада. В то же мгновение меч Никиты взле-

тел над его головой, породив колебание воздуха и почвы под ногами, разделился на два десятка призрачно светящихся клинков и одним мгновенным ударом поразил сразу всех «черных коммандос», отрубив у них руки, держащие оружие. Лишь один из них, стоявший рядом с Такэдой, сумел каким-то невероятным образом увернуться от удара. Но Толя не дал ему времени воспользоваться копьем. С криком: «Иди в ад, пес смердячий!» — он снес ему своим мечом голову с капюшоном.

— Фу! — сказал Никита с оттенком неодобрения.— Как вы грубо выражаетесь, Тоява-сан!

— Гомэн кудасай,— ответил Такэда.— Больше не повторится, зуб даю.

— Итак, Дуггур,— снова обратился к главе ЧК Никита,— даю шанс. Вы предоставляете нам время на обследование владений Великого игвы Гиибели, мы отпускаем вас с миром.

— Боюсь, вы тоже недооцениваете меня,— проскрипел старик.

Филин сорвался с его плеча и, превращаясь на лету в жуткую трехголовую тварь, ринулся на Сухова. Все остальное произошло в течение трех-четырех секунд.

Праселк-Дуггур тоже изменил облик, преобразившись в трехметрового монстра в сверкающей чешуе, шестирукого, с ногами слона и с двумя мордами, соединявшими черты крокодила и человека, и оттого еще более отталкивающими. В четырех лапах он держал вардзуни, в пятой — шиххиртх, а в шестой — посох, представляющий собой аппарат свертки-развертки метрики пространств.

Такэда, не уступавший в реакции «чекистам», собиравшимся вмешаться в бой, метнул в «филина» подаренный Мстишей нож и бросился на ликвидаторов в черных рясах, отвлекая их на себя. Одновременно с его броском Дуггур выстрелил из посоха, а Сухов пустил в ход меч.

Финист оказался быстрее. Свистящее зелено-серебристое пламя его клинка отделило от туловища обе головы Дуггура, вторым движением разрубило его на две части, а третьим снесло все шесть лап с оружием. Посох выстрелил уже в момент падения лапы, державшей его, поэтому выстрел оказался неточным.

С острия посоха сорвался короткий фиолетовый луч с отрубленными краями и, расширяясь, засверкав, как сине-фиолетовое солнце, поплыл в золотистый туман, оставляя за собой непрозрачный столб вихрящейся тьмы. Еще через мгновение этот столб взорвался. Черный вихрь ударил во все стороны, разметал отряд ЧК, отбросил останки Дуггура за пределы видимости и повалил Такэду, уцелевшего благодаря усилиям диморфанта. Свет дня, если можно было назвать днем золотистое свечение туманной дымки, погас.

— Жив?— окликнул Толю в темноте Никита.

— Что мне сделается? А ты?

— Нормально. Этот дурак включил компактификатор, добавивший этому миру «лишнее» измерение, но не успел его зафиксировать. Хорошо, что оно тут же схлопнулось обратно.

— Он... жив?

— Вряд ли. Но нам надо поторопиться: компактификатор «качает» Веер не хуже магического удара.

— Сейчас, где-то здесь мой меч...

— Вот он, слева. Спасибо за бросок, я не успел бы переключиться с «филина» на Дуггура.

— Мстишу благодари, заговоренный им клинок великолепен.

Такэда подобрал меч, сунул в ножны.

Мгла рассеялась через полчаса, обнажив гладкую, без единого камешка, площадь и глыбу в центре, угрюмо-незыблемую исподтишка наблюдавшую за людьми и ждущую их действий. Ни охотников ЧК, ни останков игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры и его «филина», на площади не оказалось.

5

То, что объяло их со всех сторон, не было тьмой. Но и полумраком это назвать было нельзя, а тем более светом.

— «Здесь царство снов»[1]...— пробормотал Сухов, когда они оказались неизвестно где, опираясь неизвестно на что и вглядываясь неизвестно во что.

Он недолго подбирал «ключ» к замку входа в главную базу Гиибели, меч Святогора и здесь проявил себя не просто конкретным видом оружия, а как универсальный магический жезл или, по словам Зу-л-Кифла, «эффектор гипервоздействия», проявляющий и направляющий волю мага. Возможности меча явно расширялись с ростом могущества его владельца, что было несомненно.

«Каменная» глыба в центре площади раскрылась внезапно — будто в пространстве образовалась дыра, в которую мгновенно засосало людей. И теперь они озирались, сравнивая ощущения, не видя ничего, даже друг друга на расстоянии вытянутой руки, хотя порой Такэде казалось, что он что-то видит: какие-то неясные громады, цепочки огоньков, как очереди трассирующими, шевелящиеся серые тени, похожие на клубы дыма, черные тени, как громадные птицы, парящие над головой. Сухов видел несравненно больше, но и ему не удавалось схватить перспективу, разглядеть глубины «базы», ее геометрию, иерархию структур, предметное наполнение, закономерности расположения объектов, их цвет и плотность. Внутреннее пространство «базы» не подчинялось законам

[1] И. Бунин.

земной физики и логики, не поддавалось восприятию человеческими чувствами даже с приставкой «сверх».

— Индуцированная непрозрачность,— глубокомысленно заметил Такэда.

Его слова натолкнули Сухова на идею, и он поднял меч над головой. Финист медленно налился серебристым свечением, стал почти прозрачным, как бы стеклянным, с острия его сорвалась вверх бледная молния. Невидимая поверхность, на которой стояли Посланник и его спутник, содрогнулась. Меч метнул еще одну молнию, потом засиял так, что на него стало больно смотреть, и волна его свечения буквально вымела мрак в радиусе километра от людей.

Они стояли на чем-то, напоминающем крупноячеистую металлическую сеть, сквозь которую был виден самый настоящий космос: черное пространство, усеянное звездами, их скоплениями, облаками светящейся пыли. А из сети вырастал лес белых паутинных чаш на длинных и тонких ножках, внутри которых лежали какие-то предметы, издали похожие на орехи или сморщенные лимоны разных размеров, от маленьких, величиной с ноготь, до громадных метровых «дынь».

— Грибной сад,— хмыкнул Такэда, борясь с ощущением разверзающейся под ногами бездны. Эрцхаора он видеть не мог, но и без индикатора чувствовал тошнотворную, полную застарелого ужаса атмосферу этого странного мира.

— Сад?— заинтересованно переспросил Никита.— А что ты видишь?

Толя рассказал. Сухов поцокал языком.

— Да, воображение у тебя поистине японское. «Сад» тебе только представляется, как отражение опыта, присущего тебе лично, на самом деле это многомерный стеллаж со свернутыми в компактные объекты пространственными объемами.

Никита прошелся по невесомой и непрочной на вид сетке пола, приблизился к одной из чаш на метровой ножке, внутри которой лежал «орех».

— Давай посмотрим, что здесь. Дотронься своим мечом до чаши, но будь готов отскочить.

Такэда тронул острием меча белесую паутинку чаши и сразу же отпрыгнул, хотя ничего не произошло.

— Реакция отличная,— одобрительно засмеялся Сухов, держа свой меч, как гигантскую свечу.— Еще раз.

Но второго касания не потребовалось.

Чаша проросла тонкими белесыми нитями, обнявшими «орех» внутри нее, превратилась в распухающий продолговатый «ватный» кокон. Люди вынуждены были отступить. Через несколько мгновений этот кокон достиг нескольких сот метров в длину и с отчетливым плеском стек на «пол» ручьями «воды», исчезнувшей без сле-

да под сеткой. Перед потрясенными землянами лежала без движения жуткая тварь, состоящая из одних складок и бугров, с двумя головами — спереди и сзади, напоминающими, скорее, буровой комбайн, чем голову животного. И все же от нее исходило дыхание жизни, что почувствовал даже Такэда.

— Хороша зверюшка,— ровным голосом сказал он.— Напоминает цзочи, клык-бурав, чудовище из мифологии эвенков. Или чукчей, не помню точно. Может, не будем рисковать, предлагая ему дружбу? По-моему, он или брат жругру или его близкий родственник.

Никита молча наклонил пылающий меч, как бы накрывая тварь сверху, и тотчас же она начала уменьшаться, сворачиваться, покрываться слоем пуха, пока не превратилась в «ком ваты» и наконец в знакомый «орех» в чаше.

— Если не знаешь, где лежат свернутые жругры,— сказал Такэда,— то мы можем искать их до морковкина заговенья.

— Ты, как всегда, прав,— согласился Сухов после короткого размышления.— Но другого пути нет.

— А вот и есть,— раздался откуда-то сверху тоненький голосок.

Такэда подскочил, как ужаленный, нервы его были на пределе, причем помимо его воли, но это был «шпион и доносчик» Наум, последовавший за понравившимися ему существами в ад базы Гиибели.

— Я могу помочь вам отыскать, что хотите,— продолжала не видимая на этот раз полностью, даже глаз не было видно, тень бывшего мага.— Я тут хорошо ориентируюсь, не раз бывал.

— И конечно, с разрешения хозяина,— простодушно заметил Никита.

Наум не уловил насмешки и ответил почти так же простодушно:

— Да нет, я без спросу...

Земляне засмеялись. Потом Сухов с заминкой сказал:

— Веди, шустряк. Нам нужен дееспособный жругр.

Толя уловил эту заминку: в голосе друга проскользнула нотка напряженности.

— Что-нибудь не так, Никки?

— Все в норме... но силы мои не беспредельны. Думаешь, легко разгонять этот мрак?

— Идите за мной.— Наум высветился в бледный язычок пламени и поплыл в метре над сеткой пола, показывая направление. Видимо, Сухов телепатически объяснил ему, что такое жругр, потому что невидимое создание ничего не спросило.

Прошагали километра два. Под ногами плыл все тот же космический мрак со звездно-галактическим узором, над головой — мрак текучий, с тенями и светлыми призрачными всполохами, из

сетки пола вырастал хрупкий лес чашевидных держателей с вещами, свернутыми в коконы «орехов».

— А далеко еще идти?— не выдержал Такэда.

— Вашими темпами — около сорока четырех земных лет,— откликнулся наивный проводник.

— Совсем пустяк,— хладнокровно констатировал Толя.— Надеюсь, с голоду мы не помрем.

— Этого я не учел,— не менее хладнокровно признался Никита.— Эй, сват Наум, а нет ли здесь поблизости на стеллажах какого-нибудь транспортного средства? Я не могу одновременно д е р ж а т ь мрак и лететь ракетой.

Язычок пламени свернул налево и спустя пару минут подвел спутников к одной из чаш, ничем не отличавшейся от остальных. Такэда, мысленно перекрестившись, дотронулся мечом до края чаши. Повторилась процедура развертки хранившейся в чаше вещи: рост белесых волосков, соединившихся в ком «ваты», расширение кома в яйцевидный стометровый кокон, но не лежащий, а стоящий на более тупом конце, таяние «ваты», испарение «воды». Перед глазами людей предстал гладкий металлический конус высотой с двадцатиэтажный дом и диаметром основания в двадцать пять-тридцать метров. Материал конуса на вид напоминал полированную сталь, но сквозь полировку проступал странный синеватый узор, напоминавший рисунок вен и артерий на человеческой коже.

— Эта громадина — транспортное средство?— в сомнении поинтересовался Такэда.— Звездолет, что ли?

— Местный ковер-самолет,— сказал Сухов.— Вернее, конус-самолет. Квазиживой организм. Наверное, все, что здесь хранится,— полуживое или квазиживое, то есть техника, осознающая себя.

Он наклонил меч в сторону конуса, и тут же в его корпусе на высоте метра от пола протаяла круглая дыра люка.

— Лезь,— приказал Сухов, заметив колебания инженера.— Пока я контролирую ситуацию, бояться нечего. Наум, ты тоже.

— Я уже здесь,— пропищал проводник из недр конуса.

Путешествие по длинному, извилистому, как кишка, коридору закончилось в «рубке», стены которой серебрились инеем, но стали прозрачными по мысленной команде Никиты. Этот аппарат не предназначался для людей, как и большинство машин уже встреченных ими, но летали на нем когда-то гуманоиды, как и на вертолетах у князя Мстиши, поэтому Сухову не составило труда разбудить мозг машины и заставить его выполнять приказы.

Путники сели в кресла, в которых вполне могли разместиться слоны, и аппарат взлетел. Меч Никиты уже не освещал ландшафт, однако видеокамеры летающей махины были устроены таким образом, что трансформировали и проецировали изображение внешне-

го мира на стены рубки практически в диапазоне человеческого зрения. Такэда наконец увидел настоящую картину базы: изумительное по красоте переплетение светящихся «паутинных» нитей, перегородок, перепонок, мостиков, растяжек, башен и колонн, внутри которых светились багровым светом «зернышки» свернутых предметов. Как не рвал их в полете конусовидный аппарат, было загадкой.

Толя поделился с Никитой своими впечатлениями и услышал ошеломляющий ответ:

— Мы никуда не летим.

— То есть... как это не летим?! Издеваешься, Посланник?

— Только об этом и мечтаю,— сквозь зубы проговорил нахохлившийся Сухов; видимо, силы его иссякали.— Конус изменяет состояние среды, в результате чего среда выталкивает к «окну выдачи» нужные вещи. «Полет», равно как и прогулка по территории базы — реакция твоего сознания, органов чувств, на более сложные континуумы.

— Приехали,— объявил Наум, висевший над креслом Никиты пламенем свечи.

Сухов первым полез из «рубки» конусолета. Меч в его руке запылал льдисто-прозрачным пламенем, разгоняя мрак. Перед глазами Такэды снова развернулся знакомый рисунок пола с просвечивающим космосом и «лес» прозрачно-белых чаш с «плодами» внутри. Корпус летающего конуса отсвечивал перламутром и «кровеносный» узор на его боках казался живым.

Язычок Наума подплыл к одной из чаш.

— По-моему, нужная вам штуковина здесь.

Никита молчал, и Толя дотронулся до чаши, не дожидаясь разрешения.

Кокон, развернувшийся перед ними, действительно прятал в себе жругра — жуткую, омерзительно, по-насекомьи живую и одновременно машиноподобную махину длиной в два и высотой в полкилометра. Объять ее всю взглядом с близкого расстояния было невозможно, и Такэда с тупым удивлением, граничащим с ужасом, оторопело, недоверчиво и завороженно разглядывал колоссальную лапу полуживого механизма со множеством ребер, ниш, решетчатых поверхностей, когтей и шипов.

— Конь Апокалипсиса! — прошептал он с дрожью в голосе.

Сухов тоже разглядывал исполинского «коня», созданного Великими игвами для хронопереходов из Мира в Мир Веера, но с другими чувствами. Хотя холодок страха — атавизм человеческой психики — протек и у него по пищеводу. Однако время не ждало, пора было «приручать» демономустанга. Никита сосредоточился и начал первый этап магических преобразований...

Что-то изменилось за спиной. Будто взорвалась бесшумная бом-

ба или вспыхнуло невидимое солнце. И тихо-тихо, на грани слуха, завибрировала гигантская струна, заставив и весь мир вибрировать вместе с ней. Такэда оглянулся и зачарованно уставился на две блистающие колонны — ноги стоящего существа. Перевел взгляд выше. Существом был Сухов, превратившийся в великана подстать жругру. То, что на нем было надето, одеждой назвать было трудно, как и скафандром или доспехами. Скорее всего, то была его кожа или оболочка. Но тело человеческую форму сохранило. А затем Толя стал свидетелем схватки между магом-наездником, желавшим обуздать «дикого мустанга», и «конем»-демономашиной, запрограммированной игвами на подчинение исключительно им самим.

Жругр ожил. Со стороны он здорово походил на хищное насекомое — богомола, скрещенного с динозавром и закованного в броню с тысячью живущих отдельно устройств и аппаратов. Вблизи он производил жуткое впечатление конгломерата механизмов и конструкций, соединенных живыми насекомоподобными узлами в одно целое.

Он резко приподнялся на задних лапах, встопорщил какие-то перепончатые конструкции на шее, вывернул к Никите голову — три узких сложных рыла, торчащих из пирамидального выступа, который вырастал из «костяного» воротника и «шубы» каких-то омерзительного вида лохмотьев. Глаз, подобных человеческим, у монстра не было, их функции выполнял многогранный нарост, зрительный бугор на голове, под воротником, воспринимающий почти все виды излучений. Со всех трех рыл, блистающих полированной медью, сорвались три фиолетово-красные молнии, направленные в грудь Сухова, однако наткнулись на полотнище прозрачно-зеленого огня, в которое «размазался» меч Святогора, и не причинили вреда. Никита ответил мощным оглушающим ударом руки, защищенной «латной» перчаткой, по крупу чудовища, так что оно вынуждено было присесть, впечатываясь брюхом в дрогнувший пол базы.

Такэда попытался представить, как все это выглядит со стороны — в сплетении «паутинных» конструкций и стеллажей, но не смог.

Жругр сделал выстрел из «воротника» за шеей — яркий белый сполох, пронизанный еще более яркими прожилками огня. Сухов отбил Финистом и этот выпад, пригвоздив кулаком второй руки голову монстра к полу. Жругр вывернул две левые лапы, ударил наотмашь — сверкнули два гигантских лезвия. Удар пришелся по коленям мага и едва не сбил его с ног, хотя пробить защиту, физическую или магическую, не смог.

— Что ты брыкаешься, скотина! — сердито проговорил Сухов.— Я же не собираюсь делать ничего плохого.

Жругр снова ударил лапами, затем сегментом спины, напоминающим крыло. Никита наступил на лапы ногой, а «крыло» вывернул так, что оно встало торчком, перекосив «седло» — трехпальцевую конструкцию, на которой устраивали седалища игвы. Демоно-конь завопил! Вопль был слышен во всех диапазонах, в том числе и в звуковом, но в пси-поле он звучал наиболее громко. Такэда буквально оглох, едва не потеряв сознание, и с трудом пришел в себя только через несколько минут, обретя способность видеть и слышать.

Борьба наездника и мустанга закончилась ничьей. Жругр не желал подчиняться магу и на все его «уговоры» в пси-контакте, обещания, попытки перепрограммирования, отвечал взбрыкиванием, пси-атаками, огнем из всех видов оружия и воплями. После второго такого вопля «поплыл» и сам Сухов, ослабевший от борьбы, и, когда жругр включил самое грозное свое оружие, деформатор, сворачивающий пространство, Никита в сердцах ответил ударом на поражение, разрубив монстра пополам.

— И срубил он ему буйну голову,— пробормотал потрясенный Такэда, спустя минуту,— с правой стороны наискось.— Подумал и добавил: — Тяжела рука гнева...

Видимо, последний удар Никиты послужил сигналом устройству свертки данного объекта хранения в кокон хранилища, потому что форма задымившего, фонтанирующего искрами, одетого в корону молний жругра стала плыть, изменяться, размеры его уменьшаться, и вскоре перед людьми возникла знакомая чаша с двумя «орехами» внутри, испускавшими тусклое вишневое свечение.

Никита скачками в три приема обрел прежний нормальный рост и облик человека в зеленом комбинезоне, сказал глухо:

— Пошли отсюда.

Такэда хотел предупредить его, что вокруг не воздух Земли, но увидел слабый ореол свечения вокруг тела Сухова — защитное поле,— молча полез в люк их конусовидного аппарата, в рубке которого прятался насмерть перепуганный, лепетавший что-то не слишком связное на нескольких языках сразу бывший маг Наум.

Возвращались в молчании. Наум утихомирился, обрадованный, что все закончилось более или менее благополучно. Никита был хмур и подавлен. Запас пси-энергии его кончался, и он сильно мерз. Чтобы отвлечь его от невеселых дум, Такэда предложил:

— Может быть, захватим что-нибудь из демонических запасов?

— Что именно?— очнулся Никита.

— Мало ли что... оружие... консервы... какие-нибудь волшебные вещи. Авось сгодятся.

Никита думал недолго.

— Мысль неплохая. Наум, как далеко отсюда оружейный зал и стеллаж всякой всячины?

— Один чакрым [1],— оживился невидимка, быстро схватывающий суть разговора.— Шевельните паутинку чуть левее, до трех черных вспышек.

Сухов знал, о чем идет речь, и вскоре конус вынес их в нужное место. А может, наоборот — место переместил к ним. Никаких «черных вспышек» Такэда не заметил, однако Сухов без лишних слов полез из аппарата.

Лес вокруг конуса здесь рос гуще, чем раньше, чаши буквально сливались в ровное белое «одуванчиковое» поле.

— Не уверен, что это нам пригодится,— проворчал Никита,— но попробуй, если хочешь.

Такэда дотронулся мечом до ближайшей чаши. Процедура развертки кокона длилась несколько секунд, в результате из «ореха» вылупилось нечто, напоминающее старинный маузер. Толя взял его в руку и едва не выронил от судороги, которая свела пальцы.

— Осторожно! — рявкнул Сухов, бледнея.

Такэда глянул на него и очень медленно положил «маузер» на пол.

— Извини.— Никита пришел в себя, но краска на щеки его вернулась не сразу.— Это инферно... умертвие. Если сработает...

— И что будет?— Толя испугался не столько крика, сколько бледности друга, но голос его остался ровным.

— По сути, это «глаз василиска», то есть излучатель энтропии в чистом виде, так сказать. В его луче прекращаются в с е процессы физического плана. Все Великие игвы вооружены им. Даймон, во всяком случае, имел инферно.

Толя помолчал.

— Излучатель хаоса, ты хочешь сказать, а не энтропии?

— Термин роли не играет.— Сухов с минуту колебался, размышлял, потом подобрал «маузер» и сунул в приготовленный диморфантом карман-кобуру.— Ну все? Посмотрел, попробовал и будя.

— Погоди чуток.— Толя быстро коснулся мечом сразу пяти чаш, стоявших рядом.

В первой оказалась типичная граната-лимонка, словно только что доставленная с Земли, во второй — раскаленный уголек, в трех остальных разноцветные еловые шишки: зеленая, голубая и коричневая.

— Как это понимать?— осведомился Такэда.— Они что — не развернулись?

— Если бы развернулись, остались бы от нас рожки да ножки,— хмуро сказал Никита.— «Граната» — это... граната и есть, только взрывает она не материальные препятствия, а потенциаль-

[1] Чакрым — мера усилий путника (на равнине — длинный, в гору — короткий).

ный барьер между хронами. В «угольке» закапсулирован небольшой ядерный взрыв, ну а в шишках: в зеленой — что-то хищное, вроде тигрокрокодила, в голубой — кубический километр воды, в коричневой — такой же кубокилометр горной породы.

Такэда поднял коричневую шишку, осторожно взвесил в руке.

— А по массе — натуральная шишка.

— Капсулирующее поле съедает и массу, и инерцию, и энергию. Все, хватит,— решительно оборвал собственные пояснения Сухов.— Забирай их себе, если хочешь, и уходим. Я чувствую ш е в е л е н и е Веера, кто-то из Великих с м о т р и т в нашу сторону.

Спустя полчаса конус выгрузил пассажиров в густой мрак подземелья: Сухов совсем выдохся, и меч в его руке почти не светился. Сделав усилие, он открыл «выход», и путешественники оказались в туманно-золотистом мире неизвестной протяженности, высоты и глубины, со свернутыми на поверхности «складками», «пакгаузами», «базами» и хранилищами неведомых чудес, упакованных игвами. Такэда так и не узнал, принадлежит ли эта поверхность со светящимся туманом планете или объекту с более сложной топографией. Никита на эту тему не распространялся.

Наум сбежал, как только «валун» главной базы обрел твердость и прежнюю форму. Видимо, он тоже чувствовал в з г л я д демона.

— Транскоф...— прошептал Сухов, вконец обессилев.

Толя развернул дипломат, который носил на горбу в наспинном мешке диморфанта, и они перенеслись в темпорал. Последним усилием сообщив темпоралу координаты последующего выхода, Никита потеряд сознание.

«Полет» по «струне» хронопереходa был недолгим, если верить ощущениям, но их успели запеленговать, и на выходе уже ждали...

Невероятно, но факт: Такэда почуял неладное, когда еще только вытаскивал не пришедшего в себя Сухова из камеры хроносдвига в «предбанник». Показалось, кто-то тихо и гнусненько так хихикнул за спиной. Толя оглянулся. Никого. Тогда он быстро вынул из кармана магические «бомбы», захваченные на базе Гиибели, и поволок Посланника, держа их в кулаке, несмотря на неудобства.

Второй смешок заставил его оглядеться более внимательно. Коридор казался пустым, но кто-то смотрел на инженера с равнодушной брезгливостью, как на беспомощное насекомое, и забавлялся ситуацией.

Толя попробовал разбудить Сухова, но тот не приходил в себя и дышал так редко, что брала оторопь. Такэда подумал, опустил Никиту на пол тамбура, предшествующего прямому выходу в мир, где стоял темпорал, и выглянул.

Взору открылась крутая черно-серая, заштрихованная тенями, стена каньона, горы осыпавшихся камней вперемешку с горами бликующих костей и черепов, холмы пыли, какая-то металлическая громадина с выпуклыми иллюминаторами цвета полированной грязи. Небо над гребнем каньона тоже имело серый цвет, и весь мир казался припудренным пылью всех оттенков серого цвета. Вероятно, выход из темпорала находился в противоположной стене каньона, на высоте трех десятков метров от его дна, и Толя выглядывал из пещеры, подобной таким же напротив. Затем он разглядел, кто стоит рядом с металлической горой, и сердце оборвалось: двое Великих игв — Даймон и Гиибель — беседовали о чем-то, поглядывая на стены каньона, а металлическая гора была крупом присевшего на камни жругра. Рост демономагов, принявших облик людей в струящихся одеждах — сурового мужчины и женщины ослепительной красоты,— намного превышал человеческий, поэтому их головы находились как раз на уровне отверстия пещеры, из которой едва не выпал ослабевший Такэда.

Что-то прошелестело сзади, зашуршали камни. Толя оглянулся. Очнувшийся Сухов пытался выбраться наружу, цепляясь за стену пещеры.

Игвы, как по команде, повернули головы в их сторону. В глаза Такэды словно плеснули кипятком: это была пси-реакция демонов, едва не отнявшая зрение и ударившая по сознанию до потери памяти. Однако взгляды игв предназначались не для спутника Посланника, Толю просто зацепило «рикошетом».

Разговор, происшедший между Великими игвами и Никитой, Толя не воспринял бы, даже если бы захотел: контакт магов длился доли секунды, да и происходил в диапазонах информобмена, далеких от человеческого восприятия, но и в состоянии «грогги» Такэда понял, что если не предпринять чего-нибудь, они погибли! У Сухова не было сил сопротивляться, к тому же игв было двое.

Преодолев оцепенение, все еще плохо видя и туго соображая, Толя вспомнил о «бомбах» в руке и, не подумав о последствиях, бросил их в сторону уверенных в себе демонов. Игвы, занятые больше сами собой, уже решившие судьбу Посланника, и на этот раз не брали в расчет его спутника, слабого человечка, падавшего в обморок от одного их взгляда, и Такэда с мимолетным удовлетворением оживил в памяти пословицу: не бойся умного лихого, бойся смирного дурака. Правда, дураком себя при этом он не считал.

«Бомбы» сработали, не долетев до дна ущелья, и как ни были подготовлены игвы к изменению ситуации, отреагировать на вмешательство сил, которых они не считали опасными, не успели.

Сначала развернулся кокон с гигантским хищным животным, похожим на муравьеда с бронированным рылом и такими же лапами с кинжаловидными кривыми когтями. Еще в воздухе «муравь-

ед» извернулся и царапнул Даймона, а затем жругра, проделав на боку механозверя глубокие борозды.

Затем раскрылся кокон с озером воды, затопившей ущелье чуть ли не до уровня пещеры с темпоралом, что так же ошеломило игв. А гора каменных обломков, вырвавшаяся из очередной «бомбы», и вовсе скрыла пещеру от демономагов, а также, к счастью, и от ядерного взрыва, когда раскапсулировался «уголек», освободивший энергию цепной реакции радиоактивного элемента, который в земной вселенной не существовал.

Когда тугой смерч взрыва швырнул в пещеру поток песка, пыли и каменных обломков, Такэда намертво вцепился в руку упавшего Никиты, поэтому ударная волна внесла их в пещеру вместе, впрессовав в дверь камеры темпорала. Сухов снова потерял сознание, хотя диморфант успел прикрыть его от излучения и спасти от удара, и Толе пришлось втаскивать в коридор-эскалатор тяжелое тело друга из последних сил. Он всей спиной чувствовал приближение игв, их ярость и гнев, изумление и нетерпение, и жуткую мощь: «заморозить» ядерный взрыв им удалось за полминуты, и столько же потратили они, чтобы пробиться сквозь пробку спекшегося и оплавленного камня к двери темпорала. Однако Толя уже успел втащить Сухова в камеру хроносдвига и умолить «мозг» темпорала доставить их «вверх, где потише».

6

Сухов пришел в себя на вторые сутки. Зашевелился, лежа на мягком «диване», полуметровом возвышении в одном из помещений темпорала; с момента бегства от игв Толя никуда из него не выходил, разве что в туалет, который он обнаружил рядом, почти земного типа, чистый и благоухающий травяными запахами. О том, почему в темпорале оказались комнаты, приспособленные для землян, Толя не задумывался.

— Ну и борода у тебя,— первое, что пробормотал Никита, сочувственно глянув на Такэду, сидящего напротив в позе лотоса.— Как у козла.

Толя потрогал свою редкую бородку, разительно отличавшуюся от густой русой бороды танцора. На лице его не дрогнул ни один мускул, хотя обрадовался он здорово. Поразмыслив, сказал:

— Редкая борода козла не портит.

Никита улыбнулся, но прижал руку к груди и улыбка его преобразилась в болезненную гримасу.

— О черт! Ощущение такое, будто по мне прошелся ансамбль песни и пляски Александрова.— Тут он вспомнил последние события, посерьезнел, подтянулся.— Мне приснилось или нас и в самом деле ждали игвы?

Кивнул сам себе, хотя Толя еще не успел ничего сказать.

— Значит, было... Как же тебе удалось вытащить меня оттуда? Да еще и отбиться от Великих?

— Одной левой,— небрежно отмахнулся Такэда.

— «Бомбы»! — догадался Никита.— Ай да самурай! Пригодились-таки. То-то я помню — запахло вроде радиацией! Тебя они конечно, в расчет не брали, все внимание обратили на меня. А ты оказался таким неблагодарным, шарахнул по ним их же оружием. Ай-ай-ай, Тоява-сан, нехорошо!

Сухов попытался встать и со стоном сел.

— Но меня они успели придавить...

— Как?! — Невозмутимость Толи как рукой сняло.— Что они тебе сделали?

— Блокировали пси-резерв... не могу даже двигаться нормально, тошнить начинает от слабости.

Сухов положил руку на рукоять меча, подержал некоторое время, полузакрыв глаза, прошептал:

— Прав был Праселк-Дуггур, я пока совсем никудышный маг. Бой — почти всегда акт отчаяния, его надо выигрывать еще до начала, а я так не умею. Это я к вопросу о трех мастерах кунг-фу, помнишь?

Толя кивнул, помолчал немного.

— И что теперь?

— А ничего, буду лечиться. Диморфант ослабил пси-атаку, так что не все потеряно. Что бы мы без них делали, а? Кстати, где мы?

— В темпорале.

— А хрон какой?

— Не знаю, я никуда не выходил.

Никита с любопытством окинул Толю взглядом.

— Ну ты даешь. Я думал, ты ничего не боишься. Еще надо будет разобраться, почему темпорал послушался тебя и унес нас от игв. Иди погуляй, посмотри, куда мы попали, пока я буду восстанавливаться.

Такэда, воспрянувший духом, с готовностью выскочил из помещения.

Коридор-эскалатор-лифт вынес его из темпорала. Перед тем, как продавить пленку выхода, Толя взглянул на эрцхаор: индикатор высветил «добро» — воздухом снаружи можно было дышать,— и вышел в огромный зеркально-стеклянный зал со множеством белых и серебристых колонн, трубчато-ажурных конструкций, мостов, арок, свисающих с готического потолка на длинных нитях шаров, с виду — из жидкой ртути, и других предметов разных форм и размеров, не загромождающих тем не менее зал, а подчеркивающих его высоту и объем. Все здесь искрилось, сверкало, блестело, переливалось, преобладали серебристые, белые, пепельные, перламут-

ровые тона — цвета стекла, полированного серебра и стали, фарфора и жемчуга, прозрачно-бликующей воды и морской пены. У Такэды зарябило в глазах, он оглянулся.

Темпорал в этом зале был заключен в сетчатый просвечивающий шар, сквозь который проросла белесая, ажурная, словно сотканная из паутины, колонна, уходящая в пол и разветвляющаяся на высоте десятиэтажного дома на три сверкающих виадука. Не верилось, что внутри шара — станция хроносдвига со своим интерьером, складами, энергоцентром и генератором хроноперехода.

Толя шагнул в сторону ближайшей колонны, что-то бесшумно мигнуло, и весь пейзаж зала претерпел мгновенное изменение, будто перевернули трубу калейдоскопа. Все объекты изменили форму и расположение, хотя спектр форм и цветовых соотношений остался тот же. Колонна, к которой направлялся по зеркальному полу инженер, превратилась в гнутую спиралевидную поверхность, срастающуюся где-то вверху в единую перепонку с такими же витыми поверхностями, а шар темпорала приобрел форму прозрачного длинного кактуса с пузырящейся жидкостью внутри.

Озадаченный Такэда осторожно попятился назад. Однако и это его движение вызвало реакцию среды: пейзаж стал прежним, кактус темпорала плавно перелился в сетчатый шар. Шаг вперед — то же самое: ландшафт быстро и совершенно беззвучно преобразился. Еще один шаг — и новый каскад изменений, в результате которых темпорал принял вид сложнейшего пакета пересекающихся «лепестков». Заинтересовавшийся метаморфозами, Такэда забыл о своем положении и экспериментировал с залом до тех пор, пока чуть было не потерял из виду темпорал, заблудившись в меняющих форму объектах странного «калейдоскопа».

Вернувшись обратно, Толя с облегчением вздохнул.

— Ну и ничего особенного — просто пересыщенный «раствор» трансформирующейся субстанции. Любое перемещение инородного тела рождает асимметричную кристаллизацию.

— Вы ошибаетесь,— раздался внутри Толи чей-то тихий, тонкий, вибрирующий голос. Вздрогнув, он оглянулся.

Между колоннами, мимо которых он только что проходил, стояло небольшого роста — метра полтора, не выше — существо, не то заросшее с ног до головы серебристой шерстью, не то одетое в тонкий шерстяной костюм. Лишь лицо и ладони у существа были свободны от пуха, черные, с заметным фиолетовым отливом. Серебристый пух покрывал и слегка вытянутую голову незнакомца с узкой полузвериной мордочкой, кошачьей или, скорее, обезьяньей, на которой выделялись прозрачно-оранжевые умные глаза.

Лемур, мелькнула мысль. Как Истуутука. Не в его ли мир мы попали?

— Чуть дальше по гиперболе,— возник в голове тот же голос.— Если за аналог взять живой мир Земли, то я отнес бы себя к лемурам, как и вашего знакомого Истуутуку. Хотя в нашем мире ветви млекопитающих пересекаются иначе. Меня зовут Итангейя, я архонт хрона и приветствую Посланника и его спутника в своих владениях.

Губы лемура раздвинулись в улыбке, показав на миг острые, оранжевые зубы, но артикуляции Такэда во время его речи не заметил, лемур общался с ним телепатически.

— Посланник приветствует мага-архонта Пер-нон-Пера,— услышал Толя баритон Сухова, обернулся.

Никита, подтянутый и бодрый, одетый в джинсовую двойку — диморфант, конечно,— с мечом на боку, стоял у темпорала и улыбался.

Маленький лемуровидный хозяин хрона оказался вдруг рядом, перестроив «картину калейдоскопа». По сравнению с мощным землянином он выглядел тщедушным и слабым, но стоило вглядеться в него внимательнее, прислушаться — и начинала проявляться его скрытая мощь. Маг удостоил их чести п о л н о г о своего присутствия, без эффекторв раздвоения и видеопередач.

— Я знаю причину вашего появления,— продолжил своим специфическим пси-голосом Итангейя.— Но, боюсь, разочарую. Вряд ли у меня найдется время, чтобы помочь вам. Я и так уже отстаю от плана работ, встречая вас.

Ошеломленный Такэда посмотрел на Никиту, который прятал свои чувства под вежливой улыбкой.

— Что ж, значит, не судьба,— кивнул Сухов.— И все же я прошу архонта уделить нам толику внимания. Не могли бы мы отдохнуть у вас и обменяться кое-какой информацией?

Маг-лемур колебался мгновение. Раздвоился. Один из его двойников бесшумно исчез, породив сотрясение интерьера, а второй сделал приглашающий жест, также изменивший обстановку:

— Д у м а й т е за мной.

— Как это?— не понял Такэда.

— Никак,— ответил Никита, беря Толю за руку.— Тебе думать вредно.

В то же мгновение зал с меняющейся геометрией интерьера исчез. Люди оказались как бы в глубоком каменном мешке: четыре шершавые серо-коричневые стены вокруг, гладкий пол, светлый зелено-желтый квадрат неба высоко над головой. Толя открыл рот, чтобы задать вопрос — куда делся лемур, но в это время каменные стены колодца превратились в зеркала, отразившие землян и их отражения бесконечное число раз.

Такэда поднял руку — отражения сделали то же самое, однако с явным разбросом по скорости: «дальние» двигались медлен-

нее, да и не остановились на взмахе руки, а продолжали жить уже вне объекта отражения, своей жизнью. Вытаращив глаза, Толя смотрел, как «толпа» его двойников движется в теснине зеркал, собираясь в группки «беседующих» или выполняющих какую-то странную гимнастику. Опомнившись, пошипел сквозь зубы в своей манере:

— Ты колдуешь что ли, или это местное колдовство?

Никита издал негромкий смешок.

— Кто-то когда-то сказал, что развитая технология неотличима от магии [1]. Так вот, мы находимся в мире, цивилизация которого достигла высот технологического развития и не погибла при этом. Итангейя, конечно, не рядовой ее представитель, а пси-энергант высокого класса, но и соотечественники его по возможностям близки к магам.

— Что же он так невежлив? От ворот поворот...

— Они так живут. Их цивилизация базируется на внегенетическом усвоении информации, и лемурам приходится учиться всю жизнь, начиная с момента рождения. А живут они не вечно.

— Все равно...— Такэда не договорил.

Зеркала погасли, колодец исчез, вокруг раскинулась блистающая пустыня с редкими столбообразными скалами и белым песком. Только небо не изменилось, разве что приобрело сочность и глубину.

— Вот видишь,— понизил голос Никита.— Твое неприятие меняет здешний ландшафт не в лучшую сторону. Их мир исключительно сильно реагирует на пси-излучение.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это я виноват в изменении среды?

— Именно. Мыслят лемуры не словами, а образами, причем очень сложными и точными, и мир их невозможно увидеть и охватить земным зрением, как и описать словами.

Толя помолчал.

— А где мы сейчас? Там же, возле темпорала?

От его голоса пейзаж заколебался и поплыл, но Такэда уже контролировал свои мысли и эмоции, и пустыня устояла.

— Как тебе сказать... там и не там. Этот мир многослоен... не многомерен, а именно многослоен, то есть имеет дополнительный ряд линейных измерений, «перпендикулярных» трем основным. А мы по отношению к нему находимся вовне — как разумные иномерные ансамбли, и внутри — как подсистемы, способные адаптироваться и жить самостоятельно в своих слоях. Ладно, я вижу, как скрипят и дымятся твои извилины, потом договорим. Чтобы проиллюстрировать их геометрию, я и отключил свое «д у м а й т е за мной» — помнишь? Представь, где бы ты хотел оказаться.

---

[1] А. Кларк.

Такэда представил, и они очутились в самой настоящей сауне! С парилками — сухой и мокрой, с душем и огромным бассейном с прозрачно-голубой водой. Кафель, мрамор, никелированные поручни, запахи березового веника, леса, трав, рассеянный свет...

Сухов засмеялся.

— Будь по-твоему. Пошли раздеваться, я тоже соскучился по бане.

Толя хотел спросить: а здесь все настоящее или на уровне внушения?— но тут же поспешил прогнать эту вредную мысль.

Однако их кайф длился недолго. После мисоги [1] — как назвал Толя процесс мытья в бане — их покормили (стол, казалось, сотворял блюда и убирал их без посторонней помощи), препроводили в комнату, напоминавшую гостиную Ксении — это уже сработали воспоминания и эмоции Никиты,— и в кресле за столиком с фруктами появился лемур Итангейя. Как выяснилось, двойник мага, который «полностью» объявился только при отбытии гостей.

— Я уполномочен обсудить ваши проблемы,— без обиняков заявил чернолицый хозяин; так и осталось невыясненным — был ли серебристо-серый пух естественной порослью, покрывавшей все его тело, или костюмом без швов, молний, карманов и пуговиц.

Сухов потемнел, но сдержался. Сказал тихо:

— Мой товарищ не владеет пси-связью, поэтому прошу перейти на звуковой обмен.

— Нет возражений,— проговорил Итангейя на чистом русском языке. Голос его был музыкален и нежен.— Я понимаю ваши чувства, но помочь ничем не могу. Мы, наверное, покажемся вам эгоистичными и высокомерными, но это стандартная точка зрения землянина, не получившего того, что он хотел. В отличие от вашей — цивилизации потребления — цивилизация Пер-нон-Пера видит цель в мышлении и познании, в самопознании, в созидании сложнейших. изощренных, философских и эстетических систем, важность и этический потенциал которых намного превышает любые прагматические устремления. Поэтому у нас нет ни времени, ни интереса, ни желания участвовать в каких-либо проектах, ценность и целесообразность которых сомнительна.

В помещении, стилизованном под земное жилище, заметно похолодало. Толя обеспокоенно глянул на друга: не его ли эмоций дело? Проговорил предупреждающе:

— Э-э... а вот м-м...

— Боюсь, вы не совсем понимаете ситуацию,— перебил его Никита.— Если Люцифер взломает стену потенциального барье-

[1] Обряд очищения водой *(яп.)*.

ра, отделяющего заблокированный хрон Хаоса от Веера, ваш мир исчезнет точно так же, как и наш, и весь Шаданакар.

— Пусть так, хотя я не уверен в этом. Однако вы плохо знаете пернонцев. Ведь вы предлагаете ограничить свободу того, кого называете Люцифером, с помощью силы? А наше кредо или, если хотите, религия — ненасилие.

Снова в комнате повисло молчание.

Глаза Никиты сузились.

— Ненасилие в принципе — тоже своего рода демонстрация силы. Но я вас, кажется, понимаю.

— Еще не совсем.— Тон Итангейи остался доброжелательным и одновременно твердым. Он не только был материальным творцом в своем хроне-вселенной, он был его Законом, а человек в свое время недаром вывел форму: sed lex — dura lex [1].

— Дело в том, что мы относимся к этому существу иначе,— продолжал архонт.— Люцифер уникален! В том числе и тем, что он — единственная в обозримой Вселенной разумная сила, стремящаяся к разрушению через созидание.

Никита озадаченно дернул себя за бородку.

— Под таким углом я его деятельность не рассматривал.

— У вас еще есть время. Могу добавить: Веер Миров — не есть Большая Вселенная, существуют еще более сложные континуумы, равно как и ступени развития материи более сложные, чем разум, использующие суперпозиции сил, более хитрых, чем мысль-действие. Если повезет, вы где-то на своем кэндо-синто-дао встретитесь с проявлением этих сил. Если, конечно, воспримете их адекватно.

— А вы нам объясните, что это такое и как его воспринять,— проворчал Такэда.

— К сожалению, в земном языке нет слов, способных описать Высшие Сияния, творимые мысль-действием, но признаки их иногда видимы. К примеру, смотрите.

Обстановка гостиной исчезла, трое собеседников оказались в абсолютной темноте, не чувствуя ни верха, ни низа, ни тепла, ни холода. Затем в этом вселенском мраке стали возникать пунктирно светящиеся нити, все больше и больше, объединились в ажурную, с удивительно красивым и гармоничным узором башню,вернее, колонну жемчужного света, уходящую в обе стороны в бесконечность. Спустя несколько секунд рядом проявилась еще одна такая колонна, уже с другим рисунком, пересекающая первую под некоторым углом. Потом еще одна и еще, до тех пор, пока весь мрак не оказался расчерченным слабо светящимися паутинными колоннами.

И тут же все пропало. Люди по-прежнему сидели в креслах «гостиной» Итангейи.

---

[1] Закон суров, но таков закон *(лат.)*.

— Эти башни... колонны... э-э,— сказал Такэда.

— Вы видели нечто большее,чем колонны света,— учтиво проговорил лемур.— На самом деле колонны — это проекции на нашу вселенную «вертикальных», более сложных, чем Шаданакар, систем Миров-вселенных. Для их полного восприятия человеческих чувств недостаточно.— Итангейя запнулся.— Впрочем, истины ради замечу, что и чувств архонтов-магов тоже не хватит.

Помолчали. Никита о чем-то думал. Маг Пер-нон-Пера смотрел на него внимательно и терпеливо ждал.

— А над чем работаете вы лично?— прервал наконец свои размышления Сухов.

— Над общей теорией пространств Веера,— ответил маленький маг.— Но очень хотелось бы успеть поработать над еще одной темой, связанной с работой Люцифера. Существует постулат, что Большой, то есть Абсолютный Хаос соответствует максимальной энтропии, по теории — бесконечной! Я бы очень хотел проверить, *достиг ли Люцифер своей цели и как соотносится с истиной* указанный постулат.

— Ясно. Спасибо за гостеприимство.— Никита встал.— Очень жаль, что не смог убедить вас присоединиться к нам. Но и вы меня не убедили, что правы. Исчезнет Веер — исчезнут и все объекты ваших исследований, и вы сами. И тем не менее вы кое-что мне сообщили полезное, благодарю. Проводите нас к темпоралу, мы пойдем дальше.

Итангейя не пошевелился, но обстановка гостиной снова исчезла, вокруг проявился интерьер зеркально-стеклянного зала с изменяющейся геометрией. Перед людьми высился крутой бок сетчатого шара с отверстием входа в темпорал.

— Если позволите, я кое-что добавлю к вашей экипировке, Посланник.

— Позволяю,— серьезно кивнул Сухов.

Чернолицый лемур достал откуда-то из-за спины два предмета: круглую и тонкую белую пластинку с муаровым рисунком, величиной с ладонь, и прозрачно-рубиновую палочку, похожую на граненый карандаш, внутри которой спокойно плавали искры и колечки света.

— Пластина — это универсальный кухонный комбайн в гиперпространственной упаковке, а карандаш — свернутый четырехмерный континуум с земным ландшафтом, так сказать, нечто вроде объемного фото с эффектом присутствия, в котором можно отдохнуть, развернув его в любом месте.

— Разберемся,— принял подарки Никита.— Еще раз спасибо. И прощайте.— Он решительно повернулся, чтобы войти в темпорал.

— Да, еще одно,— сказал тихо ему в спину Итангейя.— В сво-

ем хроне я хозяин, никто из игв проникнуть в него не сможет, но практически вся система хронопереходa находится под их контролем. Где бы вы ни появились, вас рано или поздно запеленгуют. Будьте осторожны.

Сухов молча полез в шар.

У двери в камеру хроносдвига он повернулся к следовавшему позади Такэде и произнес речь. Речь его состояла из трех слов и тридцати трех восклицательных знаков.

Такэда от неожиданности хихикнул, затем захохотал в полный голос — по-японски, конечно, тихонько, почти не раздвигая губ. Никита нехотя улыбнулся в ответ.

— Извини, накопилось. Не ожидал, что маги могут быть такими снобами. Хотя это лишь с человеческой точки зрения, ведь спектр их эмоций далек от нашего. М-да... ситуация ухудшается.

— Перед тем, как улучшиться, ситуация всегда ухудшается. Это закон.

— Что за закон?

— Мэрфи. Комментарий Эрмана к теореме Гинэберга. Правда, там дальше следует уточнение.— Такэда поднял очи горе и закончил:— Кто сказал, что ситуация улучшится?

Сухов снова улыбнулся, кивнул.

— Ты где-то глубоко прав, Оямыч. И Мстиша был прав: не каждый маг горит желанием потягаться с Люцифером и его ратью.

— А что там этот пушистый лемур сообщил тебе полезного? За что ты его благодарил?

— Он подал мне идею, которую в должной мере я еще не оценил. Их религия — ненасилие, а в этом слове заложен колоссальный потенциал.

— Ну и?.. Не вижу идеи.

— У меня их целых две. Первая: с Люцифером не обязательно драться насмерть, применять к нему силовые методы внушения. Хотя, может быть, я и не прав. Вторая: меч у меня есть, кое-какое снаряжение и оружие, чтобы отбиться от воинства Четырех, тоже есть, пора все-таки приобретать коня.

Никита шагнул к двери в камеру хроносдвига и отшатнулся, хватаясь за меч. Навстречу вышел невозмутимый... Вуккуб, собиратель Книги Бездн на Земле, хаббардианец и маг. Поднял кустистые седые брови:

— Какая встреча! Не ожидали? Значит, искусством футурпрогноза, то бишь ясновидения, вы еще не владеете. Не стоит хвататься за меч, Посланник, я ведь уже доказал, что не враг вам.

Никита покраснел, но ладони с рукояти меча не снял.

— Рад видеть вас в здравии, лорд Вуккуб-два.

Хаббардианец улыбнулся. На лбу его на мгновение открылся третий глаз.

— Догадался, молодец. Да, я «альтер эго» Вуккуба, сам он по известным причинам покинуть Землю и ваш хрон не может. А появился я здесь по одной простой причине: пора платить. Пора платить, Посланник, за все то, что я для тебя сделал. Хаббардианец не был бы хаббардианцем, если бы не делал какое-нибудь полезное дело без выгоды для себя. Но это вы уже знаете, так что мое заявление вам не в диковинку. Я прошу вас исполнить обещание, данное когда-то моей жене Тааль. Помните? Могу подсказать путь достижения этой цели. Он, кстати, параллелен пути освобождения вашей девушки, Ксении.

Пальцы Сухова, лежащие на рукояти Финиста, побелели — так он сжал их.

— Говорите!

— Тааль — хаббардианка, то есть она, как я и все хаббардианцы, троесущностна. Так вот, чтобы снять с нее заклятие, мало владеть искусством мага, то есть «техникой внутренней улыбки». Тааль сейчас линейна, ущербна, две составляющих ее личности — души, как говорят люди,— живут в Гашшарве и служат Гиибели. Их надо соединить.

Вуккуб-двойник протянул Сухову золотисто сверкнувшую вещицу размером с ноготь, оказавшуюся не то искусственной мухой, не то миниатюрной птицей.

— Пэри. Психоглаз. Он поможет отыскать Тааль-два и Тааль-три среди служанок Гиибели. Остальное будет зависеть от тебя, Посланник. Пэри же поможет тебе и отыскать Ксению, причем без всяких этих проблем выбора.

Никита взял с ладони Вуккуба золотую муху, услышал ее пси-голос: мелодичное, как вздох очарованной женщины, тихое «о-о-о...»,— сказал твердо:

—Хорошо.

— Вот и ладушки. Ни пуха, ни пера.— Вуккуб взмахнул рукавами и растаял, не успев услышать дружное «к черту»!

Такэда вдруг опомнился.

— Ты что же, намереваешься идти в Гашшарву? В гости к Гиибели? Без помощи?

— А ты на что?— спокойно ответил Никита и шагнул в пещеру темпорала.

Сиреневое свечение обволокло их невесомым туманом, позвало в неведомую даль. Стены камеры зашептали что-то на рыбьем языке, разбудили давно забытые воспоминания детства, добрые и ласковые, заставили сжаться сердце в непонятной тоске...

Никита прислушался к своим ощущениям, поднял голову, посылая пси-импульс приветствия, и услышал в ответ вежливый пси-голос темпорала:

«Никак вы еще живы, Посланник?»

Ответил, увеличивая диапазон передаваемых образов:

«Жив, Отшельник. Здоров. Полон замыслов и желаний. Но не очень весел и не слишком счастлив».

«А кто в этом мире обладает избытком счастья? Переправляя путешественников из хрона в хрон, я еще не встречал ни одного из них, кто был бы по-настоящему счастлив».

«Ну а ты... ты сам?»

«Посланник, я до сих пор не разобрался, кто я: живое существо, наделенное способностью мыслить и чувствовать, или машина с очень сложной, эвристической, богатой, но конечной программой. Нечто среднее... псевдо-жизнь, псевдо-разум... Как я могу быть счастлив?»

«Хочешь, я предложу тебе выход из положения?»

«Да! Я слышу... вижу... я понял тебя, человек! Но подожди немного, дай опомниться, это предложение слишком неожиданно».

— Что ты остолбенел?— осведомился Такэда, не слыша разговора Сухова с темпоралом.— Жми на кнопки и поехали. Или ждешь кого?

Никита отмахнулся: не мешай.

«Ты слишком долго был привязан к Вееру, Отшельник, пора самостоятельно испытать то, что испытывают другие пассажиры темпорала, попадая в разные Миры Веера. Ведь ты сохранишь способность перемещаться из хрона в хрон, «выдрав» из них свою разветвленную «нервную систему»?

«Полагаю, что сохраню, но...»

Стены камеры хроносдвига содрогнулись, полыхнули вишневым накалом, так что диморфантам пришлось включить дополнительные защитные контуры, чтобы спасти хозяев от внешних силовых конвульсий.

«Мне больно! Что-то сидит во мне, связывает волю... Стоит мне подумать о выборе...»

Новая волна конвульсий сотрясла камеру.

«Это блок! Ты создан Люцифером, демоном, а он не хотел, чтобы его создания стремились к свободе, имели инициативу и желание жить не той жизнью, которую предусмотрел творец. Но я могу помочь тебе».

Темпорал перестал излучать в пси-диапазоне, словно задумался. Потом прилетел его короткий пси-импульс, идентичный кривой усмешке человека:

«А что ты потребуешь взамен, Посланник?»

Никита тоже на некоторое время отключил свое сознание от поля пси-связи, но колебался недолго:

«Требовать не в моих правилах, в ответ хочу лишь попросить помощи. Если просьба покажется невыполнимой, помогу без всяких условий».

«Я знаю, что тебе нужно... Сухов. Не знаю почему, но твои устремления симпатичны мне, они так далеки от целей и замыслов друзей моего творца, а также других его созданий. Честно говоря, до чертикоа надоело перегонять зло из одного хрона в другой! Но предупреждаю: для мага твоего класса я не слишком умный собеседник. Ты хотел иметь коня? Мне эта роль подходит».

«Мы подружимся, Отшельник. Но и я в свою очередь предупреждаю: ты увидишь, испытаешь и почувствуешь много нового, необычного, интересного, но путь мой долог и опасен, до цели я могу не дойти, и ты волен свернуть с пути в любой момент».

«Я рад, что ты это сказал, Сухов. Где бы ты хотел оказаться, прежде чем я стану... м-м, твоим конем?»

«В Гашшарве!»

«Надеюсь, ты понимаешь, что творишь. Держитесь, всадники!»

Камера хроносдвига превратилась в тоннель, и мимо двух людей «тихо» поплыл многовременной Космос Шаданакара...

7

С вершины горы Такэда молча дивился на угрюмый пейзаж внизу: частокол высоких остроконечных скал с редкими проплешинами, плюющимися струями дыма. Гора, на которой он стоял, представляла собой идеальный конус высотой километров в сорок, и Толю не покидало ощущение, что она создана искусственно. Вершина горы была идеально срезана, образуя круглую площадку диаметром всего в сто метров. Небольшой конус в ее центре смотрелся лишней нашлепкой, хотя цветом не отличался от плоскости, на которой стоял, и казался неотделимой частью горы. Темпорал находился в этом конусе.

Такэда мельком глянул на конус, поднял голову.

Небо на этой планете представляло чудо света: оно делилось на две половины, одна из которых была окрашена в зловещий ярко-алый, другая — в ярко-зеленый цвет, также недобрый, а граница представлялась широким черным коридором, испещренным трепетавшим рисунком ослепительных молний. Ни звезд, ни светила в этом небе не было, и все же оно источало интенсивное свечение, действующее на человека угнетающе.

Толя топнул ногой. Глухой монолит. Не металл и не камень. Керамика? Кость? Спрессованный порошок? Или снова причуды иномерия, воздействующие на зрение и сознание таким образом, что глаз видит гору?

В спину пахнуло ветром. Толя оглянулся: к нему подходил задумчивый Сухов, одетый в блистающий бриллиантовой пылью комбинезон без швов, застежек, молний и карманов. Над головой его

светился нимб, играющий роль защитного шлема. На Такэде красовался точно такой же комбинезон, и дышал Толя воздухом, который синтезировал ему диморфант.

— Ну что?

— Все то же.

Никита остановился рядом, уставился на дикий ландшафт под горой; остроконечные скалы были освещены с двух сторон и казались состоящими из двух прозрачных кристаллов — зеленого и красного.

Толя пригорюнился.

Мир, где они любовались неземной природой, Гашшарвой не был. Темпорал выгрузил их здесь, чтобы сообщить неприятное известие: камера хроносдвига в Гашшарве заблокирована. Темпорал не мог перебросить туда никого, в том числе и мага, он просто не чувствовал эту камеру, будто где-то был перерезан нерв, соединяющий ее с остальным «телом» темпорала.

«Вполне вероятно, что камера сползла в мертвую зону,— предположил темпорал несколько минут назад.— По сути, Гашшарва — сеть мертвых зон, связанных между собой каналами повышенного риска псираспада, в которых господствует случай и неопределенность. Гашшарва — мир абсурда, в нем не существует надежного алгоритма удачи, зато велика возможность ошибки. Нам будет очень нелегко отыскать там вашу девушку. Я даже не знаю, где теперь находится Эхурсагкуркурра, «дворец» Гиибели,— цепь моих восприятий Гашшарвы порвана».

«А если ты соберешь свое тело и воплотишься здесь — сможешь прыгнуть в Гашшарву через барьер?» — спросил Сухов.

«Не знаю. Обычные хронобарьеры я «перепрыгну», но хронслой Гашшарвы завершает пакет хронов, почти съеденных «коррозией» Хаоса. Потенциальный барьер, отделяющий его от остальных Миров Шаданакара, чрезвычайно высок... я не уверен, что моих сил хватит, чтобы просочиться сквозь него. К тому же позволю напомнить, что «выше», через пару полностью вырожденных хронов Болота Смерти располагается хрон Люцифера».

«Я понял. Какие будут предложения?»

«Я реализую любое ваше предложение.— Темпорал вдруг перешел на «вы»:— Решайте, Посланник».

«Тогда будем думать».

И Никита думал.

— Какие проблемы решаешь?— донесся голос Такэды.— Поделился бы. Одна голова — хорошо, а две — мозги набекрень.

Нимб над головой Сухова погас, вспыхнул вновь: маг попытался дышать здешним воздухом, но не смог — газы были незнакомы, ни один из них нельзя было назвать кислородом, азотом или любым другим, известным на Земле.

— Гашшарва заблокирована,— нехотя признался Никита.

— Это я уже знаю.

— Темпорал не может высадить нас там. И не уверен, что сам сможет проникнуть туда сквозь потенциальный барьер.

— Значит, Гашшарва рядом, через «стену»?

— Не рядом, до нее еще пара-тройка хронов, но это дела не меняет.

— А если подобраться к ней вплотную, чтобы оставался только один хроноквантовый поворот, и рвануть стену потенциального барьера гранатой?

— К-какой г-гранатой?— спросил Сухов ошалело.

— Спроси у темпорала, у него уйма всякого оружия в других камерах, может, найдется такая.

Никита некоторое время не мог найти нужных слов, потом хлопнул Такэду по плечу так, что тот отлетел на метр.

— Ты гений, Оямыч!

Скрылся в конусе темпорала. Через минуту высунул голову из люка:

— Залезай. Отшельник дал добро, хотя риск, конечно, велик. «Стена» барьера может рухнуть, и Хаос хлынет в хроны, где стенки барьеров «тоньше». Однако выхода нет.

Дверь камеры закрылась за ними, тела обволок сиреневый светящийся туман. Одна из стен камеры исчезла, и люди упали в «тоннель» хроносдвига, повернувший время на один квантовый угол и перенесший пассажиров в другой хрон.

«Все, дальше пойдем «пешком»,— прозвучал в голове Такэды пси-голос темпорала.— Пора вытаскивать «ноги-руки» из всех хронов, пока их не отрубили, как в Гашшарве. Наблюдатель, вам придется выйти, пока мы с Посланником будем лепить из меня «лошадь» во плоти».

— Этот хрон достаточно сильно затронут Хаосом,— добавил Никита.— Далеко не отходи и будь начеку. Да, загляни на «склад», мы с Отшельником приготовили кое-какое снаряжение.

— Те самые гранаты?

— Увидишь. Но я бы все-таки советовал тебе вернуться на Землю, пока темпорал держит канал открытым. Нет никакой гарантии, что диморфант выдержит условия Гашшарвы.

— К черту советы!

Такэда вышел из камеры хроносдвига, спустился на уровень склада. Дверь была открыта, на гладком белом полу помещения стоял знакомый дипломат транскофа. В сотоподобных стенах «склада» светилась лишь одна ячейка, содержимое остальных отсутствовало. Ради любопытства Толя стукнул кулаком в светящийся на уровне головы шестиугольник размером с локоть, ячейка раскрылась и выдала нечто вроде игрушечного арбалета: деревянный с виду при-

клад, механизм натягивания тетивы, металлическая дуга лука, прицел, спусковая скоба, пучок стрел длиной в полметра. Хмыкнув, Толя взял арбалет, подивившись его весу, подхватил черный дипломат, тяжелый, как сейф, и вылез в мир, соседствующий с миром Гашшарвы через анфиладу «комнат»-вселенных, разделенных потенциальным хронобарьером.

* * *

Кокон темпорала в этом хроне располагался на астероиде. Такэда понял это сразу, ощутив невероятную легкость во всем теле и увидев дикое звездное небо над головой. Дикое — потому что звезды, крупные и яркие, пульсировали, пылали яростным бело-голубым накалом и крутились вокруг каруселью: астероид вращался. Одна из звезд была крупнее остальных, показывая крохотный диск с космами протуберанцев, это и было солнце системы, в которую входил астероид с темпоралом.

Почувствовав головокружение, Такэда опустил очи долу, разглядел на бликующей поверхности астероида симметрично расположенные ребра, идеальные треугольные выступы, ряд выдавленных воронок, и понял, что астероид на самом деле спутник, а может, космический корабль или его обломок. Темпорал выглядел естественной пристройкой на корпусе корабля.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не улететь в космос, инженер, запакованный диморфантом в подобие подводного скафандра, в раздумьи обошел темпорал, но исследовать «обломок» не решился, хотя опасности не видел и не чуял. Отойдя к группе треугольных выступов, напоминающих акульи плавники, он сел на транскоф лицом к темпоралу и стал ждать, поглядывая на бесшумно бегущие звезды. Что-то в их свечении — пульсирующем, будто все они родились цефеидами, было не так.

«Рождение» темпорала, «отливка» его в конкретную форму живого существа произошла почти без эффектов. Что-то звонко щелкнуло в ушах, будто у Толи лопнул сосудик, «астероид» повело в сторону и вниз, словно он попал в «колдобину», металлическая полусфера темпорала расползлась в искрящееся облако сизого дыма, а облако в свою очередь сформировалось в две человекоподобные фигуры. Но если одна из них, спустя несколько минут, перестав светиться, превратилась в человека в комбинезоне, с головой Сухова то вторая, не теряя человекообразной формы, так и осталась т е к у ч е й, искрящейся, прозрачно-твердой одновременно, словно состояла из расплавленного жидкого металла или стекла. Лишь изредка в передней части головы проглядывал к т о - т о, лик безусловно разумного существа, но не человека.

Такэда медленно встал, памятуя о малой силе тяжести, проглотил ком в горле, просипел:

— Привет, Отшельник... По этому поводу не мешало бы выпить чего-нибудь вкусного, шампанского, например.

— Я бы не хотел, чтобы вы называли меня Отшельником,— раздался в ушах Толи приятный баритон темпорала.— Если можно, зовите меня как-нибудь иначе. Что касается термина «выпить», то я не человек и не совсем...

— Он пошутил,— перебил «новорожденного» Никита.— Хотя, с другой стороны, «выпить» — это одна из традиций человеческого племени и не из самых вредных. Что касается имени... имя — вибрация Космоса, Отшельник, и дается богами при истинном рождении. Ты должен помнить, как тебя назвал творец.

Бывший темпорал ответил не сразу. Он скользящей походкой, вызывающей ассоциации мягкого шага пантеры, прошелся по выпуклому боку астероида-корабля, как бы пробуя свое новое тело. Такэда представил, с каким усилием и болью это странное существо-механизм выдирало из всех хронов-слоев Веера свои «нервы», струны хроносвязи, с «нейронами», станциями хроносдвига на окончаниях, и ему стало не по себе. Темпорал собрал воедино, в одно тело, не просто ансамбль нервных клеток, но колоссальной сложности ансамбль! Человеческий мозг с его двумястами миллиардов нейронов не шел с ним по количеству и сложности ни в какое сравнение.

Никита прочитал мысль Такэды и послал успокаивающий импульс, который расшифровывался, как «и мы не лыком шиты».

Темпорал наконец вышел из задумчивости. В голосе его прозвучала горечь:

— У меня не было имени. Творец создавал меня не существом, а физической системой с зачатками разума и чувств, но не имеющей собственной воли и выбора.

— Зато сейчас ты свободен,— тихо сказал Никита.

Темпорал помолчал немного и рассмеялся — радостно и недоверчиво.

— А ведь верно, Посланник! Я еще этого не понял. Но иметь собственное, подчиняющееся только тебе тело, так забавно! Итак — имя, отцы.

Такэда и Сухов переглянулись.

— Вертумн,— предложил Толя.— Был такой древнеримский бог перемен.

— Вер-тум-н,— произнес по слогам темпорал, пробуя слово на язык, причем букву «н» он умудрился произнести отдельно.— Неплохо, но смысл не точен, я не бог вообще и не бог перемен в частности. Мне бы поближе к естеству, конь есть конь, джентльмены, даже если он говорящий.

Сухов засмеялся.

— Лично я знаю из истории лишь одного коня, имеющего имя,— Буцефал, конь Александра Македонского.

— Почему, были и другие лошади с именами,— возразил Такэда.— Например, Дадхикра́ или Дадхикраван, конь царя Трасадасью [1]. Исключительно быстрый, победоносный боевой конь, подобный ветру и птице.

— Да? — нерешительно проговорил темпорал.

Сухов снова засмеялся.

— В принципе, имя звучное, но я предложил бы нечто попроще. Ведь ты теперь, по сути, маг, чародей, хотя и со стороны первичного з н а н и я, технологии, а не магии. Если же глянуть со стороны, ты — джинн. Или иблис, ифрит, аш-шайтан. Нет?

— Джинн,— произнес темпорал выразительно.— Иб-блис... аш-шайтан... Нет, все же Дадхикраван лучше. Дадхикра... Дадхи. Я согласен, зовите меня Дадхи.

Никита открыл рот, собираясь сказать, что он имел в виду названия магов древности, известные на Земле из сказаний и легенд, но передумал. Темпорал выбрал имя и был недалек от истины: в их компании он действительно исполнял роль боевого коня, подобного ветру и птице.

— Давайте перекусим,— предложил Такэда, у которого от голода свело желудок.— Под звездами я еще не ел.

— Что? Под звездами? — Сухов глянул на Толю непонимающе.— А-а... ты думаешь — это звезды?

— А что?

— Это Нгеви, так называемый «мир нерожденных душ». Твои «звезды» — сгустки информации, которые можно внедрить в любой неживой предмет и на некоторое время оживить его. Помнишь «внедрения» и «вселения», преследующие нас на Земле? Игвы черпали «души» отсюда.

— О Сусаноо! — прошептал Такэда.— Мне ли не помнить «внедрения»! Но я не знал — к а к это делается! А эта штука под ногами — корабль? Спутник?

— Сторож. Вернее, пастух местного скопления «душ» или, если хочешь, «стада».

— Почему же он не реагирует на нас?

— Потому что я его усыпил, наложил заклятие. Все, Оямыч, лекция закончилась, умерь свой исследовательский пыл. Мы начинаем взрывать стену потенциального барьера между этим хроном и Гашшарвой, доставай «гранаты». Кстати, что это за приобретение? — Никита кивнул на «детский арбалет».

— Это оружие «божественного стрелка», рыцаря-одиночки

[1] Ведийская мифология (Ригведа).

Асура,— ответил молчавший Дадхикраван, который явно чувствовал себя стесненно.— Представляет собой генератор развертки «суперструн», то есть свернутых в одномерные объекты многомерных пространств. Стрелы как раз и есть «суперструны».

Такэда озадаченно глянул на арбалет, на стрелы, тихонько зашипел сквозь зубы.

— Никогда бы не подумал! Как же им пользоваться?

— Как и обычным арбалетом: вложил стрелу, натянул тетиву и отпустил спусковую скобу.

— Ладно, авось пригодится.— Никита открыл транскоф и извлек из него шиххиртх, три ребристых черных шара величиной с яблоко — хронограната и прибор, напоминающий очки-консервы. Протянул очки Такэде.

— Это тебе, надевай. Будешь видеть во всех диапазонах электромагнитного спектра и даже в магическом поле.

Толя послушно нацепил очки, приказав диморфанту ослабить силовое поле шлема на время надевания. Сначала он ничего не увидел, затем перед глазами замелькали цветовые пятна, поплыли хороводы искр, пунктиры и световые штрихи: прибор настраивался под хозяина,— и скачком картина изменилась.

Звезды над головой превратились в светящихся птиц, «астероид» под ногами — в львиноголового орла, распростершего крылья метров на триста, и лишь темпорал-Дадхикраван да сам Сухов не изменились, остались с виду теми же, какими их видел Толя невооруженным глазом.

— Орел! — хмыкнул инженер скептически.

Сухов понял.

— Очки пытаются настроиться на прямое восприятие, но они в общем-то не предназначены для человека. Абсолютно адекватной картины ты все равно не увидишь. Теперь ждите, мне надо выйти в эйдос и настроиться, сил понадобится очень много.

Сухов уселся на одном из горбов согнутого крыла орла-пастуха в позе лотоса, застыл. Текуче-огненный Дадхикраван обошел его кругом, излучая волну любопытства, и Такэда почувствовал к нему растущее расположение. Бывший темпорал раскрывался эмоционально в диапазоне, достаточно близком человеческому, его можно было понять, с ним можно было дружить.

Такэда перевел взгляд на Никиту: вспомнилось, как танцор боролся с пси-двойником Даймона во владениях Яросвета. Но этот Сухов отличался от того, как взрослая особь от эмбриона, его магические возможности возросли многократно, он вырос и продолжал увеличивать свою силу. «Спасибо за «взрослую особь»,— прозвучало в голове Толи. Никита подслушал его мысли, оставаясь неподвижным и безучастным, ушедшим в себя. Где в это время бродила его душа — мысль,— Толя боялся даже представить.

Сеанс медитации закончился тем, что кожа на лице Сухова поголубела и засветилась, а вокруг головы взметнулись прозрачные струйки сияния.

— Порядок! — Никита вскочил на ноги, отрываясь при этом от перьев спящего орла на два метра.— Прячься, Оямыч, под крыло этой птички. Начинаем.

Сухов повернулся к Дадхикравану, и между ними произошел секундный диалог, которого Такэда не услышал. Подождав, пока инженер укроется в перьях орла-пастуха, Никита кивнул бывшему темпоралу, и оба они подбросили вверх по хронограната.

На высоте десяти-двенадцати метров между черными шарами бесшумно проскочила малиновая молния, от которой тем не менее тело орла под ногами содрогнулось и заколебалось. А затем на месте гранат вздулось лиловое пламя и ударило во все стороны миллионами сжигающих все языков. Такэда почувствовал, как по нервам прокатилась волна неистовой боли, закричал. Мышцы скрутило так, что они, казалось, вот-вот лопнут. Голова распухла, кости черепа размякли, растянулись безразмерной пленкой. Сердце сжалось в точку, перестало гнать кровь по жилам. Сознание померкло... восстановилось на мгновение.

Такэда сквозь окуляры своего прибора универсального видения разглядел над фигурами Сухова и Дадхикравана золотистую вуаль защитного поля; точно такая же вуаль прикрывала и его, генерируемая Никитой. Но зрение стало гаснуть, несмотря на все усилия Такэды удержаться от падения в омут беспамятства. Последнее, что он увидел, было появление в ревущих огненных вихрях двух черных пятен, похожих на гигантские когтистые лапы... Диморфант сделал все, что мог, чтобы защитить хозяина от буйства вырвавшихся на свободу стихий и энергий, названий которых не знали земные языки, но полностью погасить их влияние не смог...

Сухову удалось увидеть больше.

«Хронограната», по сути, генераторы «аморфного» времени изменили вакуум таким образом, что потенциальный барьер между хронами «выпятился» в этом месте, стал тонким и лопнул. Два мира с разными наборами физических констант и сдвинутыми относительно друг друга потоками времен смешались, породив волны искривлений, изгибов и завихрений многомерных пространств, пузыри с локальным ходом времени, удивительные узлы взаимодействующих полей, стенки, «бочки», «розы», спрессованные «плиты» и другие фигуры из геометрии невозможного. Одной из таких фигур была «улитка» — свернутое спиралью пространство,— время в центре которой стояло, а к краю спирали разгонялось до бесконечной скорости. Магам едва удалось избежать столкновения с ней, разрывающей все, что попадалось на пути — не на части

и даже не на атомы — на стринги и суперточки, кванты пространства.

Подхватив потерявшего сознание Такэду, Никита ослабил напряжение внешнего изолирующего поля, дал захватить образовавшейся «потенциальной яме» защитный кокон с людьми и Дадхикраваном, и взорвал впереди последнюю «гранату». С гулом, потрясшим кокон, тела людей, мир Нгеви и всю Лестницу Шаданакара — Веер Миров,— пузырь с пассажирами провалился в Гашшарву, хрон абсурда, первопричиной которой была высшая воля его творца — Великого игвы Гиибели.

* * *

Такэда пришел в себя от свежего ветерка, щекотавшего кожу на лице отросшими волосами.

«Он лежал в спортивном костюме на пригорке, заросшем мягкой зеленой травой. Пригорок заканчивался обрывом, под которым текла неширокая река. Другой ее берег был низким, пойменным, за ним начинались луга до горизонта, подернутого сизоватой дымкой. Сзади, за спиной лежащего, начиналась полоса кустарника, переходящего в лиственный лес. Небо над головой с ласковым солнышком было голубым, легким, бездонным, с пушистыми облачками, такое небо могло принадлежать только Земле.

Толя привстал на локте, с недоверием прислушиваясь к своим ощущениям. Ничего не болело, тело просило движения, казалось послушным и отдохнувшим. Ветерок принес волну цветочно-травяных запахов, но этим лишь усилил тревогу. Ощупав себя, инженер убедился, что на нем все еще надет диморфант, принявший форму спортивного костюма с кроссовками, а подушкой служил транскоф, потерявший свое значение мгновенного лифта, но сохранивший функции чемодана, многомерного вместилища для переноски любого количества вещей.

— Лопни мои глаза! — С расстановкой произнес Толя. Он вдруг похолодел от мысли, что Сухов переправил его на Землю, а сам вернулся в Гашшарву. Такого от него можно было ждать. Но в это время кусты невдалеке зашевелились, и на берег реки вышли неторопливо беседующие — по меркам пси-контакта — Сухов и Дадхикраван.

Никита был одет в любимый джинсовый костюм, а бывший темпорал так и остался подобием человеческой фигуры, вылепленной из жидкого огня. На лице его, текучем, смазанном, плоском, иногда проступал человеческий лик, но чаще мелькали отдельные черты: нос, губы, глаза,— чтобы тут же исчезнуть, уйти в глубину переливчатого пламени.

— Оклемался?— помахал рукой Никита; над его головой изредка возникала сеточка свечения.— Как самочувствие, меченоша?

— Есть хочу,— мрачно ответил Такэда.— Где это мы?

— А ты разве не видишь?

— Не вижу.

— Помнишь, нам подарили свернутый пейзаж? Мы в нем. Такэда с облегчением вздохнул.

— А я грешным делом подумал... Значит, мы в Гашшарве? Но как же... а если нас обнаружат, пока мы тут отдыхаем?

— Не обнаружат,— раздался чуть звенящий баритон Дадхикравана.— Субпространственная свертка ограничена хроносрезом с почти нулевым ходом времени. Развернув кокон и войдя в него, мы как бы исчезли для наблюдателей, жителей хрона. Здесь можно прожить земной год, в то время как снаружи пройдет несколько мгновений.

— Ё моё! — искренне сказал Толя.

Сухов засмеялся, оглядываясь на Дадхикравана.

— На эти темы с ним можно беседовать сутками, он фанатик-исследователь и готов ради знаний прыгнуть в пасть дьяволу.

— Ты обо мне слишком хорошего мнения,— застеснялся Такэда.— А как мы отсюда выйдем?

— Ногами. Обрыв перед тобой на самом деле — выход. Все, Оямыч, вопросы потом, разворачивай второй подарок — скатерть-самобранку Итангейя, я тоже не прочь перекусить. А заодно проведем ревизию снаряжения.

Такэда открыл транскоф и начал выкладывать его содержимое на траву: арбалет со стрелами, свернутыми пространствами, шиххиртх, прибор многодиапазонного видения, пси-рацию, пэри, золотую «муху» опознавания, врученную Вуккубом, пластинку из «слоновой кости», кухонный комбайн или скатерть-самобранку, коробку НЗ.

— Все, там больше ничего нет.

Сухов кивнул, достал из внутреннего кармана отливающий живой чернотой пистолет — инферно. Умертвие. Взвесил в руке и спрятал обратно. Погладил торчащую за поясом рукоять меча.

— Я думаю, этого нам будет достаточно.

— Если не нарвемся на мертвую зону — достаточно,— сказал Дадхикраван.— Однако следует помнить, что в Гашшарве воплощен феномен своеобразного ямапракатихария[1]: психофизическое воздействие рождает ответное противодействие среды, поэтому магическая мощь любого пришельца будет нейтрализована

---

[1] Ямапракатихарий — «парное чудо», одновременное сотворение противоположных сил *(инд.)*.

почти полностью. Гиибель создавала этот хрон, чтобы властвовать в нем безраздельно, и единственный универсальный закон Гашшарвы — ее воля.

— Ничего, прорвемся.

— Прошу учесть еще вот что,— продолжал Дадхикраван, не выказывая чувств.— Размерность Гашшарвы не целочисленна, что порождает ряд эффектов, абсурдных с точки зрения человека, а квантование пространства-времени происходит по другим законам.

— Ну-ну?— Глаза Такэды загорелись.— А как это выглядит конкретно?

— Узнаете.— Ответ Дадхикравана был сродни пожиманию плечами.— Серые зоны мы, может быть, и пройдем, но в мертвых зонах чрезвычайно высок риск случайной гибели. А отличить их друг от друга извне почти невозможно.

— Ну все, запугал до дрожи в коленках,— сказал Сухов, поглаживая рукой пластинку «скатерти-самобранки».— Как, Оямыч, может, вернемся?

— Двум смертям не бывать,— начал Такэда.

— ...а одной не миновать,— закончил Никита, и тишину этого дивного уголка земной природы нарушил дружный хохот.

Огненный псевдочеловек смотрел на них растерянно, с легкой тревогой. Не разбираясь хорошо в человеческих эмоциях, он не совсем понимал причин смеха, зная, что впереди их ждет смертельная опасность.

1

В том, что они попали в мир абсурда, Такэда убедился в первые же минуты путешествия по Гашшарве.

Из кокона отдыха с земным ландшафтом они вышли в синефиолетовое марево без определенных ориентиров, с плывущими светящимися дымами, неясными темными громадами, с низкой туманной пеленой вместо неба и скользящими между громад голубыми, просвечивающими, как кисея, призраками. Призраки иногда проносились целыми вереницами и долго светились сквозь туман причудливыми пятнами, постепенно тускнея. Они были изменчивы и неуловимы, бесшумны и неустойчивы, как и дым, и темные утесы, похожие на горы тяжелого дыма, и лишь твердь под ногами не обманывала зрение — брусчатка!

Сила тяжести в этом мире была близка к земной.

Маги посоветовались о чем-то, перейдя на пси-связь, и двинулись к одному из «утесов», который оказался провалом, входом в другое пространство, резко отличающееся по условиям от синефиолетового.

Путники увидели себя на вершине холма с крутыми склонами. Холм имел бело-серебряную морщинистую поверхность, поросшую странной травой: длинные гибкие хлысты коричневого цвета, полупрозрачные вблизи то расслаивались на сотни тонких нитей, превращаясь в пушистые елочки, то сжимались; казалось, трава эта

дышит. Десятки других таких же холмов, почти идеальных полусфер, были разбросаны по мрачной коричнево-зеленой равнине с миллионами кочек и белесых пузырей. Равнина не имела горизонта, уходя краями в бесконечность, и освещалась крупными звездами, глядящими с угольно-черного небосвода.

— И-и-й-я-а-а! — раздался от подножия холма чей-то протяжный выкрик.

Послышался скрип, хруст, резкие щелчки, похожие на удары кнута, почва под ногами затряслась, из-за крутого бока холма показались ярко-желтые рога, а за ними уродливая морда какого-то животного. Такэда оглянулся на спутников, но те стояли спокойно. Зверь выполз на холм весь, так что замершие люди могли рассмотреть его целиком.

Он очень походил на трицератопса, гигантского травоядного динозавра, обитавшего в конце мелового периода на Земле, но выявились и отличия: оранжевая пупырчатая шкура у него походила на акулью, глаз было три, как и лап, а ног не было совсем, словно он ползал по земле на брюхе, как улитка. На людей и их спутника зверь, ростом достигавший Сухову до плеч, не обратил внимания. Методично наклоняясь к стеблям травы, он облизывал каждый длинным языком, так что стебель завивался в спираль, и полз дальше. За ним показался еще один и еще, пока не выбралось все стадо в двадцать с лишним особей. Последним показался пастух, гигант в косматой шкуре, похожий на ограненный кусок скалы коричнево-красного цвета, с головой лягушки или тритона, но с одним щелевидным глазом. В правой лапе чудовище держало толстый, в руку человека, кнут, а в левой изящный аппарат со множеством шкал, окошек, индикаторов и клавищ, напоминающий магнитофон.

Заметив группку пришельцев, он остановился и пригнулся, пристально разглядывая необычных существ, потом оскалил желтые зубы, рыкнул басом: «Уррум-бре!» — и поднял кнут. Раздался свист и резкий удар — конец кнута достал Такэду, отбросив его метров на пять, хотя между пастухом и людьми было не меньше сотни метров. Инженер уцелел только благодаря диморфанту.

— Хороший щелчок,— хладнокровно сказал он.— Можно я тоже его... щелкну?

Пастух снова поднял свой исполинский кнут. Свист, удар, порыв ветра, но Сухов, в которого на сей раз воткнулось колючее охвостье кнута, остался недвижим. За меч он, однако, браться не спешил. Сказал негромко:

— Иди своей дорогой, служитель рока, мы тебе не враги и не соперники.

Чудовище снова оскалилось в пародии на улыбку, закинуло кнут за плечи и пошагало вслед за своим стадом, уже начавшим спускаться с холма. Сопение, хруст и топот стихли.

— Кто это был? — осведомился Такэда.

— Его имя невозможно выговорить,— ответил с запинкой Никита.— Но его земной аналог — Ананке, божество необходимости, неизбежности. Здесь он пасет случайность, неопределенность. Давай-ка спустимся за ним, сейчас оно проснется.

— Кто — «оно»?

Сухов не ответил, быстро направляясь вслед за прошедшим стадом.

Они спустились с холма на равнину, утонув в рыхлой почве по щиколотку. Пастух уже увел свое стадо к следующему холму, то и дело слышался его полукрик-полувой «и-и-и-й-я-а-а!» в сопровождении щелкания кнута. Несмотря на размеры и немалый вес улиткообразные «трицератопсы» следов на равнине почти не оставляли, только слегка утрамбовывали почву.

По примеру Сухова Дадхикраван и Толя отошли от холма подальше и стали ждать. Такэда лишь теперь заметил, что над каждым холмом небо как бы размыто и выпячивается, «свисает» вниз туманно-фиолетовым клином. Видимо, это были пространственные воронки, связывающие «серые зоны» Гашшарвы с отличающимися природными условиями. Толя хотел обратить внимание Никиты на сей очевидный факт, но в этот момент холм, с которого они спустились, зашевелился.

Он заерзал вправо и влево, приподнялся, показав бледно-серое пузо со множеством складок-ног, а из-под ближнего его края вынырнула отвратительная, усеянная костяными бляшками, клювастая голова. Холм был... колоссальных размеров черепахой!

— Хорор,— сказал Дадхикраван.— Зона тортиллогенеза. Садок для черепах, предназначенных для предельно простых миров. В данном случае для миров, представляющих собой океан, по которому плавают черепахи, а на их панцирях в свою очередь стоят слоны, держащие плоские земли.

— Ага,— сказал Такэда меланхолически.— Значит, Веер реализовал и такие вселенные. Или вы шутите?

— Ни в коем разе,— проворчал Никита.— По сути, Шаданакар отразил физически в с е земные мифы. Например, есть хрон — колоссальное дерево размером с приличное скопление галактик, каждый листик которого — вход в «переулок» со своим пространством и временем. Кстати, это Эраншахр, мир Даймона. А есть хроны, условий которых невозможно передать словами. Да и тот, в который мы пробрались — Гашшарва, мир-оборотень, достаточно сложен, ибо живет по законам статистической физики. Сечешь, инженер?

Такэда «сёк». Теоретически Вселенная, живушая по законам статистической физики, должна представлять собой вселенную большого биллиарда. Траектории ее объектов изменчивы, быстро

теряют устойчивость и не обладают памятью о начальных условиях движения. Теоретически. А на практике?

— Можно проверить?— спросил Толя и, не дождавшись ответа, разрядил арбалет в голову черепахи.

Удар стрелы — свернутого пространства — был страшен. Она пробила голову навылет, прошла горообразное тело черепахи и умчалась вдаль, не снизив скорости. И тут же ландшафт стал изменяться, равнина с куполами спящих черепах превратилась в пустыню с разбросанными то там, то здесь группками удивительных скал, с крупным, как рис, перламутровым песком, с долинами пересохших рек. Лишь небо почти не изменилось, оставаясь бархатно черным, с крупными звездами и крыльями туманностей.

— В следующий раз предупреждай,— буркнул Сухов.— Метаморфозы и переходы из зоны в зону здесь небезобидны.

Такэда поклонился, не сводя глаз с ближайших скал, вернее, с того предмета, который лежал за ними. С виду это был полузасыпанный песком скелет гиганта длиной чуть ли не в полкилометра.

— По-моему, мы попали на верную дорогу,— развеселился Дадхикраван.— Это Фаридун, земля турсов, Дворец Гиибели где-то рядом, за двумя-тремя переходами. Предлагаю поискать здесь помощников. Турсы в свое время выступили против демономагов, и Гиибель превратила их мир в своеобразную тюрьму, переступив невидимую границу которой, они лишались разума и магических сил. Видите скелет? Это скелет Траэтаона.

— Э-э?— произнес Такэда.— Но ведь, насколько я знаю, турсы — это тролли?

— Не только. Это исполины, предшествующие богам и людям. Святогор, как вы уже знаете, тоже был одним из них, вот почему его меч столь необычен, универсален и могуч. По преданию, турсы — потомки одного из nusquam est gui ubique est [1]... вы неправильно называете его Богом данного мгновения. Но и я мало что знаю о нем и его племени. В памяти сохранились лишь намеки моего создателя о том, что они — из более сложных систем вселенных и могут быть очень жестокими. Они могут вмешаться в любую ситуацию и в момент, верша мгновенный суд. Не знаю только, справедливый или нет.

— Я слышал об этом,— кивнул Сухов.— Я еще не все понимаю из того, что проходит мне по каналу Вести, но о «мгновенном Боге» сведения действительно противоречивы. Ну, а турсы первыми начали обживать Шаданакар, Люцифер объявился позже. Игвы, ругги, хаббардианцы и прочее — почти современники людям Земли, ну, может, чуть постарше.

— Время,— напомнил Дадхикраван.— Идти нам далеко, а нюх

[1] Кто везде, тот нигде *(лат.)*.

у Гиибели на магов — тоньше любого. Садитесь-ка, друзья, на меня, я ведь все-таки в некотором роде конь.

Такэда, сраженный тем, что услышал только что, замешкался, и Никита подтолкнул его в спину:

— Садись. Эта пустыня лежит не в трех измерениях, как тебе кажется, а в семи, поэтому своим ходом к Гиибели не попасть.

— Да я и не очень-то стремлюсь...— Такэда запнулся, увидев, как Дадхикраван из подобия человека превратился в огненную лошадь с гигантскими крыльями. Сухов молча подхватил инженера подмышки и легко усадил между крыльев, сам устроившись сзади.

— Держись за гриву. Кстати, обрати внимание на скалы.

— Уже обратил. Похожи на карликов... или гномов. Они живые или — причуда местной природы?

— Дадхикраван только что говорил о них. Это турсы, пытавшиеся переступить границу Гашшарвы. Они живы, но «рассыпаны» по другим измерениям, время для них течет иначе.

— «Рассыпаны» как... Ксения?

Сухов заметно вздрогнул, но ответил не сразу.

Конь-Дадхикраван рванулся вперед, набирая скорость, и вскоре воспарил на крыльях, превративших его в полуорла-полудракона.

— Ксения «рассыпана» по уровню гипер,— проговорил наконец Никита угрюмо.— И хирургия ей необходима точно такого же уровня.

Толя не стал спрашивать, что это такое, заметив, как сжалась рука Сухова на рукояти меча. Подумал только, что подобная хирургия — если Никита имел в виду меч — полезна далеко не всем. Никита, который услышал его мысль, печально улыбнулся в ответ. Он и сам не был уверен, что сможет вернуть Ксению такой, какой она была.

Спустя час, если судить по субъективному восприятию времени Такэдой, пустынный ландшафт под крыльями Дадхикравана резко изменился. Толя, вытаращив глаза, смотрел, как ветер гонит волны с барашками пены по морю без конца и края. Никакой границы или берега они не пролетали, внизу расстилалась пустыня с барханным узором — и вдруг сразу появилось море. Еще через несколько секунд в волнах показался остров, напоминающий гигантский черный каменный столб с плоской вершиной. Диаметр острова не превышал трех-четырех километров, но его пересекала река, словно обрубленная с двух концов, ограниченная размерами острова. Она спокойно появлялась из ничего, из воздуха, и точно так же утекала в никуда. А на ее берегу располагалась группа из пяти всадников: пять черных коней в кольчужных накидках, пять высоких фигур в черных плащах с капюшонами, скрывающих руки и ноги.

У Такэды заныли зубы, так он их сжал. Было ясно, что отряд стоит здесь давно и ждет их.

— Плащи...— тронул Толя Сухова за руку.— Снова ЧК? Или все слуги Четырех носят такие плащи?

— Плащи — это реакция твоих органов чувств,— нехотя сказал Никита.— Наверное, у тебя зло и ненависть изначально ассоциируется с черными плащами. На самом деле одеты они иначе.

Между Суховым и Дадхикраваном произошел секундный пси-разговор, и летающий конь начал снижаться.

— Будем драться?— полуутвердительно спросил Такэда.— По всему видно, что эти всадники... Апокалипсиса ждут нас.

— Не вмешивайся,— тихо сказал Никита.— Это не игвы, а всего лишь Дактили, но лучше с ними договориться по-мирному.

— Хм...— Такэда призадумался. В земных мифах тоже встречались дактили — существа-воины, выросшие из отпечатков богини Реи, пять мужчин и пять женщин,— однако встретить живых мифологических героев Толя не предполагал. Хотя уже в который раз изумился совпадению мифа с реальным аналогом, существующим во плоти и крови.

Бывший темпорал приземлился на берегу реки, твердом, похожем на бугристо застывший бетон, ссадил наездников и сложил крылья, превращаясь в огненного псевдочеловека. Сухов подошел к нему, и оба они повернулись к недвижно стоящей в тридцати шагах группе черных всадников. Только теперь Такэда разглядел, что у ног черных коней лежит какой-то длинный тюк или мешок, перевязанный светящейся бечевой.

Видимо, Никита и Дадхикраван, вступили в пси-контакт с Дактилями, потому что пауза затянулась, а потом без всяких видимых причин черные всадники ринулись на людей.

Кони их выросли в размерах, как и они сами, раз в пять, скачком преодолели расстояние, отделявшее всадников от людей. У Дактилей на груди сквозь плащи проросли не руки — гигантские топоры, а сами они изогнулись гигантскими запятыми, являясь как бы продолжениями коней, словно вырастая из их боков. Такэда невольно схватился за арблет, удар казался неминуемым, но в этот миг с тихим шелестом пронзило воздух сияющее лезвие Финиста, Святогорова меча, и трое всадников покатились в реку. Оставшихся сшиб с седел Дадхикраван, превратившись в два огненных кулака.

Так же мгновенно, как и начиная атаку, черные монстры вскочили на коней и умчались вдоль реки на другой конец острова, где исчезли, растворились в воздухе подобно самой реке.

— Странно,— сказал им вслед Никита, бросая меч в ножны.

— Да уж, бойцы из них неважные,— согласился Такэда, скорее, удивленный, чем обрадованный исходом боя.— Я думал не зарубят, так затопчут.

— Они — порождение не злой, но равнодушной мысли. Кто же приказал им встретить нас в этом колодце?

— В каком кол...— Такэда не закончил. Пейзаж вокруг изменился. Только что они стояли на острове — и вот уже вокруг сомкнулись каменные стены. Поверхность острова стала дном огромного колодца со многокилометровыми стенами, и лишь река да черное звездное небо не изменились. Теперь было видно, что река вытекает из черного зева одной пещеры и с гулом скрывается в другой, исчезая в абсолютном мраке.

Вдруг брошенный Дактилями тюк зашевелился. Веревки, связывающие его, засветились сильней, но не лопнули.

— Не советую,— сказал Дадхикраван, поймав желание Никиты.— Все это неспроста. Нас хотят задержать до прибытия владыки хрона, это очевидно.

Вместо ответа Сухов достал меч, мягким и гибким движением крутнул его наискось, и зеленовато бликующее лезвие, удлинившись на тридцать шагов и достав тюк, с филигранной точностью перерезало светящийся шпагат.

Тюк стал раскручиваться, задымился, распался на сизо-синие струи, испарился, и перед взорами людей предстал трехметровый великан в каких-то ярких лохмотьях и остатках лат, безбородый, краснолицый, холодноглазый, с копной вьющихся красных волос.

— Гуррах! — прорычал он, пронзая взглядом спасителей.

Сухов засмеялся.

— Что он сказал?— осведомился Такэда, пожалев о давно пропавшем лингвере.

— Можешь считать это приветствием.— Никита взмахнул рукой.— Хайдуур меиз де рра боуодоро. Фа на?

— Де меиз хурракен Фаридун девиэр,— ответил великан, стукнув себя кулаком в грудь.

— Его зовут Фаридун, он борец с дэвами, то есть с демонами,— перевел Никита.

— Урр ффахана сентурре меиз дуггуришша! — добавил освобожденный, угрожающе оскалился.— Шешу ззу меиз брандха?

— Он спрашивает, почему мы не убили его обидчиков.— Никита погрустнел.— М-да... Ффе ддуоз беренхе?

— Брандха гуррах! — заревел борец с дэвами.

— Сам дурак,— перевел Такэда хладнокровно.— Так?

— Почти,— усмехнулся Сухов.— Если мы не дадим ему оружия, еды и питья, он сам нас убьет.

Толя тихо присвистнул.

— Силен дэвоборец! Есть пословица: кто слишком долго борется с драконами, сам становится драконом. Или демоном. Этот, наверное, доборолся. Так ты дашь ему оружие?

Никита отрицательно качнул головой.

— Рыцать-одиночка должен оружие добыть, а не просить. Дадхи, поехали дальше.

Бывший темпорал помедлил немного, ему тоже что-то не нравилось в ситуации, но время не ждало, и он снова превратился в коня, правда, теперь без крыльев. Сопровождаемые взглядом свирепого Фаридуна, славшего им вдогонку проклятия на своем языке, всадники проскакали вдоль реки до стены колодца, Дадхикраван прыгнул прямо в стену, отчего Такэда инстинктивно отпрянул, ожидая столкновения, но они пронизали «камень» без каких-либо эффектов и вынырнули уже в космосе: глубокая чернота со всех сторон, россыпи звезд и скоплений, чередование провалов и облаков света. И невесомость.

Желудок инженера прыгнул к горлу, мышцы сжались, как при падении в бездну, и ему пришлось некоторое время бороться с организмом, убеждать его, что никуда они не падают. На Сухова внезапная невесомость не произвела впечатления, как и на Дадхикравана. Оба продолжали переговариваться в пси-диапазоне, советовались, искали какие-то ориентиры, и отсутствие воздуха и силы тяжести их не беспокоило. Они нашли верную дорогу в тот момент, когда Толя справился с тошнотой и пытался осмотреться.

Дадхикраван прыгнул «вверх» — судя по приливу крови к ногам, и спустя несколько мгновений все трое вывалились на поляну в диком, высохшем великаньем лесу. Исполинские деревья необыкновенных, омерзительно живых форм, застыли вокруг, словно застигнутое мгновенным жаром, сгоревшее и высохшее войско. Стволы их нельзя было не только обхватить, но и окинуть одним взглядом, в каждом из них могло уместиться такое сооружение, как храм Василия Блаженного.

— Парк Гиибели,— сказал Никита.— Еще один прыжок, и мы у цели. Готовься, Оямыч, будет жарко, и держись за нашими спинами.

Такэда. который во все глаза смотрел на десятиметровый холм неподалеку, с трудом признав в нем гигантский муравейник, не услышал его.

— Вот это муравьи! Они же ростом с меня!

— Это не муравьи,— сказал Никита, мельком взглянув на фиолетово-черных созданий, суетящихся на муравейнике.— Равно как и деревья вокруг — не деревья, а пространственные пузыри с локальным ходом времени и разными наборами констант.

Один из древесных гигантов вдруг растрескался, как сухая глина, и осыпался грудой обломков, которая начала расплываться, таять, пока не превратилась в желто-коричневую лужу, часто взбулькивающую пузырями. Пузыри не лопались, а ныряли в жидкость, как живые, чтобы вынырнуть вновь. Некоторые из них напоминали выпуклые фасеточные глаза, пристально всматривающиеся в людей. А потом лужа медленно потекла, вернее, поползла прочь, выбрасывая вперед ручейки-псевдоподии и обтекая препятствия — валуны,

пни и деревья. Исчезла за пригорком с деревом, миллионы высохших ветвей которого создавали впечатление застывшего взрыва.

— Вот именно,— сказал Никита, прочитав мысль друга.— Не отвлекайся, Наблюдатель. Поехали дальше.

Последний прыжок Дадхикравана сквозь узлы иномерных пространственных структур вынес их на гладкую, металлически отблескивающую равнину, уходящую в бесконечность, на которой на фоне бледно-зеленого, в тусклых серебристых пятнах неба высилась самая странная из башен, когда-либо виданных Такэдой. Она представляла собой нечто, напоминающее бесконечной высоты сталактит, опирающийся на игольчатое острие, просвечивающий, белый с голубым и желтым, с наплывами и прозрачными «слезами», вспыхивающий редкими изумрудными и рубиновыми искрами, и в то же время было видно, что «сталактит» — сложнейшее техническое сооружение, а также красивейшее архитектурное творение, вызывающее благоговейный восторг и впечатление гармонии и завершенности.

— Эхурсагкуркурра,— произнес Никита с угрюмой торжественностью.— Дворец Гиибели. Ось ее мира, соединяющая континуумы экспериментальных вселенных... Кстати, Оямыч, как ты оцениваешь расстояние до замка-дворца?

— Километров двадцать,— прикинул Такэда.

— Около трехсот тысяч! Примерно столько же, сколько от Земли до Луны.

— Не может быть!

— Может. А кроме замка ты ничего не видишь?

— Где?— Такэда огляделся.— Ничего, пусто.

— Рядом с замком.

Толя напряг зрение.

— Точка какая-то... мушка... или песчинка.

— Это жругр.

У Такэды перехватило дыхание.

— Значит, Гиибель дома... и знает, что мы тоже здесь.

— Не уверен, я почему-то ее не чувствую прямо... хотя не могу избавиться от ощущения, что она каким-то образом наблюдает за нами. Но не извне, а изнутри... не могу объяснить.

— Не пугай меня, Посланник.

— Я сам боюсь. Дадхи, нас заметили.

— Чую,— отозвался бывший темпорал.

В то же мгновение напротив путников возникла группа знакомых черно-чешуйчатых всадников, но на этот раз с откинутыми капюшонами. Конечно, это были не люди, но и не хаббардианцы — вытянутые крокодильи морды, пародирующие человеческие лица, шишковидные черепа, светящиеся узкие глаза — целых шесть, сходящихся клином к переносице, костяные наросты вместо ушей. Дак-

тили, дети-роботы Гиибели. Впрочем, роботами их назвал привыкший к строгим формулировкам Такэда. Додумать мысль он не успел: где-то внутри него, а может быть, и на груди раздался вдруг взрыв, и Толя потерял сознание, не успев ничего понять и почувствовать.

Никита, стоявший рядом, не сразу понял, что произошло: Дактили не нападали и полями не баловались,— но потом стали заметны изменения внешнего вида инженера, то есть его скафандра-диморфанта, и выяснилось, что в кармане Такэды взорвалась хохха, пси-рация, настроенная на резонанс именно в том диапазоне, в котором «говорили» Дактили.

Диморфант спас своего хозяина и на этот раз, приняв энергоинформационный разряд на себя, однако он давно работал на пределе жизни. Скафандр Такэды потерял блеск, покоробился, рассохся, превратился в пакет «капустных листьев», опавших на металл равнины кучей ломкого пепла.

Нельзя было терять ни секунды, и Никита сделал единственное, что мог в этих условиях: снял с себя свой диморфант, внушив ему соответствующий приказ, и надел на инженера. С этого момента он вынужден был защищаться на уровне паранормальной энергетики, растрачивая отнюдь не бесконечные резервы организма. Он едва успел защититься полем, придав ему видимость одежды, как Дактили бросились на них.

Первого вместе с конем сбил на землю Дадхикраван, второго Сухов, удивляясь внезапной тяжести меча и его отказу от гипердействия. Потом вспомнились слова Дадхикравана о магическом равновесии Гашшарвы, и стало ясно, что теперь придется драться, используя лишь мастерство и воинские навыки, да физическую силу.

— Садись! — крикнул Дадхикраван, превращаясь в коня, мысленно добавляя: «У них преимущество маневра и скорости, я дам вам и то, и другое».

Никита вскочил на спину огненногривого скакуна, отбился от двух крокодилоголовых всадников и срубил третьего из немыслимого положения, когда длинная рука-топор монстра уже наносила удар в спину.

«Не жалей! — бросил Дадхикраван.— Бей на поражение, иначе будем кружить здесь долго. Эти ребята не боятся никого, кроме своей госпожи».

Никита отбил атаку четверых, все еще не решаясь на смертельный удар, но Дактили заставили его отнестись к бою серьезней. Двое из них начали метать в противника короткие копья, а оставшиеся дружно ударили с трех сторон, целя в коня. И Сухов, почувствовав боль Дадхикравана, ответил бешеной атакой, срубив головы троим всадникам в течение нескольких мгновений. Четвертый, заходящий с тыла, вдруг выпал из седла со стрелой в голове, а пятый, мгновен-

но развернувшись и проскакав с десяток метров, исчез. Сухов оглянулся.

Такэда, сидевший на металлической поверхности равнины на корточках, помахал ему арбалетом. Голос его был, как и прежде, спокоен, хотя в себя он окончательно еще не пришел:

— Ура, мы ломим, гнутся шведы!.. Старые знакомые? Что со мной было? Впечатление такое, будто во мне просверлили дырку и залили свинцом.

— Если бы не диморфант — царство ему небесное! — от тебя остались бы только плавки. Взорвалась пси-рация.

— Хохха?! Почему?

— Не знаю. Может быть, кто-то передал запредельный сигнал, рассчитывая, что она у меня. Двигаться можешь?

— Вроде, могу. А во что это ты одет?— Толя с интересом оглядел костюм друга, напоминавший трико из жидкого серебра или ртути, вот-вот готовой, казалось, пролиться лужицей на землю.

— Это аура магиполя. Твой диморфант загнулся, пришлось отдать тебе свой. Залезай на коня, поскачем к замку.

Земляне забрались на спину Дадхикравана.

— Давай, дружище!

И Дадхикраван дал, перенеся всадников под стены Эхурсагкуркурры за несколько мгновений.

2

Вторые сутки они бродили по замку Гиибели, действительно, как говорил Сухов, представлявшему собой не здание, а ось, связывающую миллионы миров, с которыми экспериментировал Великий игва. Правда, время в замке текло иначе, вернее, потоки событий в нем пересекались под разными углами, в результате чего путешественники то неслись в будущее, то уплывали в прошлое — относительно момента их появления в замке, но для каждого из них субъективное восприятие времени давало примерно равную оценку — вторые сутки.

С той минуты, как они отбили неожиданное нападение шидарка — еще одного защитника-сторожа Эхурсагкуркурры, невидимого и чудовищно сильного, способного расплющить в лепешку любого смельчака, и проникли в замок, друзьям никто не мешал и никто на них не нападал. Сначала это казалось странным, и лазутчики постоянно ждали каверз и ловушек со стороны прислуги замка, но так и не дождались. Да и прислуги как таковой не заметили. Может быть, ее не было совсем, потому что замком Эхурсагкуркурру можно было назвать лишь условно — это была колоссальная, очень сложная и непостижимо пересекающаяся сама в себе лабо-

ратория, где работали маги-демоны, решая только им понятные проблемы. Лаборатория, внутреннее пространство которой: объем, количество комнат-вселенных, длина и линейные параметры коридоров, температура, цвет и освещение — изменялись по законам стохастики.

С самого начала проникновения в замок Такэде начало казаться, что кто-то невидимый хватает за руки, толкает в спину, подсовывает под ноги ребра, пороги и трещины, шепчет в уши гадости, дергает за волосы, и в конце концов ему пришлось поделиться впечатлениями с Никитой. Однако тот объяснил все «козни нечистых» психоэмоциональным влиянием интерьера замка, его мощного магиполя, от которого не спасала защита диморфанта. Толя и сам не сильно сомневался в этом, но спустя сутки блужданий по замку окончательно убедился в выводах Сухова, а также и в том, что никакая внутренняя охрана замку не нужна. Во всей его атмосфере чувствовалось «дыхание преисподней»: страх ирреальности, небытия, смерти разносился по коридорам, страх невероятного и необъяснимого; призраки жутких тварей, видения монстров стучались в мозг, шептали странные угрозы, предлагали непонятное, и в хоре их телепатических голосов не слышно было друзей или хотя бы просто сочувствующих, в том числе и Ксении.

Интерьеры коридоров и помещений менялись внезапно, ориентироваться в них, на взгляд Такэды, было невозможно, и все же Сухов и Дадхикраван, советуясь друг с другом, шли вперед к известной лишь им двоим цели.

Двери, перед которыми они останавливались, распахивались перед ними без задержки, открывая не помещения — миры, большинство которых Толя не смог бы не только описать, но и воспринять. Один лишь параметр «хватали» его органы чувств — г л у б и н у этих миров, их необъятность, да изредка м р а к, превосходящий чернотой тьму земной ночи или космоса. Остальные красоты или ужасы ландшафтов иномерия глаза человеческие видеть отказывались, и чувство, более сильное, чем ужас, не раз сжимало сердце инженера, с трудом находившего силы поспевать за магами.

Сухов и Дадхикраван видели и чувствовали, конечно, гораздо больше, но и на них действовала атмосфера Эхурсагкуркурры, диковинного сооружения, в котором могли обитать и работать только демоны и структуру которого постичь слабому человеческому разуму было не дано.

О Гиибели не говорили, ее присутствие в замке казалось сомнительным, ибо, находясь в замке, она не могла не знать, что ее посетили непрошеные гости, и тем не менее Сухова смущала вибрация пси-поля, присущая Гиибели, как запах духов женщине. Вероятнее всего, она находилась в замке, но по неизвестным причинам не хотела обнаруживать себя, ожидая, что будут делать маги.

Очередная дверь, никоим образом не похожая на двери земных зданий, открыла им выход на расчерченное, как шахматная доска, поле, ограниченное лесом гигантских копий. Из облачной пелены, заменявшей здесь небо, свисали такие же острые копья, с которых то и дело срывались вниз неяркие розовые молнии. А на квадратах шахматного поля лежали огромные, в два человеческих роста, металлические с виду шары. Это был один из редких миров-«чуланов», поддающихся чувственному восприятию землян.

Такэда, вглядевшись в ближайший шар, понял, что он полупрозрачен, как зеркальное стекло, а внутри прячется нечто знакомое, хотя и отталкивающее. Скелет! — сообразил он наконец.

Внутри шара скорчился скелет какого-то существа.

— Кладбище?— прошептал Толя.

— Семейный фонд,— поправил его Никита.— К счастью, давно протухший. Зародыши погибли.

— Зародыши чего?

— Демонороботов, если подбирать термин, близкий по смыслу, слуг Гиибели и ее приятелей. Эй, Дадхи, предлагаю сделать привал. Мне пора подзарядиться.

— Здесь?— поморщился Такэда.— По сути, на кладбище?

— Тебя это шокирует? Можно, конечно, поискать место поприятнее, но это потеря времени. Доставай кухню и ешь, а мы с Дадхи позавтракаем по-своему. Хотя от фруктов и я не откажусь.

Никита в сопровождении огненного нечеловека прошел вглубь шахматного поля, уселся на один из квадратов белого цвета в позе лотоса, спиной к шару, и застыл. Дадхикраван несколько раз обошел его кругом, пока наконец не остановился сбоку и тоже замер.

Толя некоторое время с любопытством наблюдал за ними, однако ничего не происходило, и тогда он достал пластинку «скатерти-самобранки» и заказал завтрак. В отличие от скатерти-самобранки из мира Мстиши, требующей определенных навыков приготовления пищи, эта выдавала блюда автоматически, по программе.

Поскольку диморфант сотворил из себя герметичный скафандр, защищая хозяина, пришлось потратить несколько минут на объяснения — каким он должен стать, чтобы хозяин поел, в результате чего диморфант превратился в яйцеобразный кокон, вобрав внутрь кухонный комбайн и освободив руки Толи. Давление псиполя извне заметно ослабело, принеся облегчение, и Такэда с удовольствием уплел сотворенную «скатертью» снедь: два бутерброда с красной икрой, жульен из грибов и сациви. А когда наслаждался чаем, увидел картину, от которой все, что было съедено, едва не вышло обратно.

Сухов стоял, как металлическая скульптура, бликуя расплавленным металлом, раскинув руки, запрокинув голову и закрыв глаза, а сверху в него вливался пульсирующий столб зелено-желтого

сияния, вытекая из облачной пелены небосвода. Дадхикрван с опаской кружил неподалеку, не решаясь приблизиться, но вел себя достаточно спокойно. Видимо, Посланнику ничего не грозило. Закончилась сцена тем, что из пальцев Сухова вырвались извивающиеся голубые молнии, одна из них вонзилась в шар со скелетом зародыша, разнесла его в клочья.

Столб сияния погас. Никита открыл глаза, излучающие прозрачное пламя, стряхнул с рук голубые искры, улыбнулся сквозь кокон защиты, заметив реакцию Такэды, который поперхнулся чаем и пытался откашляться.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок... Это я к тому, что у Гиибели уйма энергии, даровой, бесхозной, так сказать. Я и позаимствовал. Ну как, нормально, Наблюдатель?

— Отлично, Посланник,— прохрипел Толя.

— Сотвори мне пару персиков-слив. Поел?

Такэда, вывернув кокон и придав ему вид скафандра, молча протянул другу два темно-вишневых глянцевых плода величиной с кулак, сглотнул, глядя, как Сухов-псиэнергант с видимым удовольствием поедает персики-сливы в атмосфере, непригодной для дыхания, и снова холодок страха взъерошил волосы инженера. Сухов, сохраняя форму хомо сапиенс, данную ему природой, давно перестал быть человеком. Удастся ли ему сохранить чувственную, эмоциональную, психическую сферу человека, гарантий никто дать не мог.

— Что жмешься?— проницательно прищурился Сухов.

— Спина чешется,— не нашелся, что ответить, Такэда.

— Наверное, крылья растут.

— Юморист.— Толя почувствовал облегчение.— А если пятки чешутся — колеса растут?

Никита засмеялся.

— Молодец, не потерял форму. Итак, порассуждаем. Кое-что мы выяснили. Гиибель а замке находится частично, то есть половина ее личности-сущности бродит где-то под другим хронам, а половина занята здесь в замке. О нашем появлении она знает, однако не считает нас серьезным противником, потому и не делает попыток уничтожить... или унизить.— По лицу Никиты прошла тень.— Искать ее нет смысла, она сама найдет нас, если мы заявим о серьезности намерений. А мы заявим. Я вычислил местонахождение ее гарема, и путь наш туда.

Такэда фыркнул.

— Гарем? У Гиибели? Она же по идее женщина.

— Она демономаг, обладающий признаками обоих полов, мужского и женского, в человеческом понимании, а также сотней признаков более сложных в половом отношении существ. Если уж держаться формальной стороны вопроса, ее надо было бы склонять в

третьем лице, как «оно». И все же Гиибель в первую очередь «он», то есть демон, и лишь во вторую — «она», колдунья с признаками женщины. Дело не в терминах. С гаремом я еще не разобрался, но зачем-то же она содержит тысячи девушек в замке? Зачем?

Такэда смолчал.

— Пора, амигос,— проговорил Дадхикраван.— Не нравится мне тишина вокруг.

Один за другим они выбрались из «семенного склада» в коридор, утыканный остриями от пола до потолка. Никита дотронулся ртутно отблескивающей рукой до одного такого стержня, и коридор превратился в вагон метро.

* * *

«Гарем» Великого игвы представлял собой самый настоящий земной город, правда — со встроенным механизмом мгновенного преобразования и оборудованный системой масстраспортировки. Дома города — всевозможных форм башни, зиккураты, дворцы, и уютные замки, были окружены парками, зелеными, из земных деревьев — если в них жили представительницы Земли и других гуманоидных рас, и разноцветными, состоящими из растений удивительных форм — если в доме проживали поселенки далеких от человеческих видов.

Тааль они нашли быстро, выпустив пэри, «пчелу поиска», подаренную им Вуккубом. Женщина ничем не отличалась от той Тааль, которая жила в одном мире с Уэ-Уэтеотлем, разве что совершенно не помнила, кто такой Вуккуб. Физически она выглядела прекрасно — как земная женщина, выигравшая конкурс красоты, но Сухов точно знал, что Тааль хаббардианка, лишь по прихоти Гиибели прятавшая свою тройственную сущность, разделенная на три существа с разными мировоззрениями. Одна из них обитала на Астаамтотле, будучи жрицей храма Науатль, вторая, как выяснилось, где-то на Земле, а третья здесь. Соединить их в тримурти — существо с тройственной душой в общем-то не составляло труда для мага класса Уэ-Уэтеотля, но для этого надо было увезти эту Тааль из замка Гиибели. Как и Ксению.

Сухов остановился в тени акации, принюхиваясь, прислушиваясь ко всему вокруг, максимально расширив сенситивную сферу паранорма, однако пси-запаха Ксении он пока не почувствовал. Интуиция подсказывала, что она где-то здесь, может быть, даже в соседнем доме, но сердце молчало. Ксения на пси-зов не отзывалась.

Такэда сочувственно глянул на друга. Помочь он был ему не в силах, а в словесных утешениях Сухов не нуждался. Толя превра-

тил диморфанта в джинсовый костюм и с удовольствием вдыхал воздух парка, напоенный ароматом знакомых и незнакомых цветов. Дадхикраван, пока Никита размышлял, занимался тем, что гладил траву и листья деревьев, ухитряясь не обжечь их и не сорвать. Он впервые ощущал природу напрямую, через органы чувств, и это приводило его в восторг.

И все-таки, несмотря на идиллию, отсутствие преследователей, сторожей и просто наблюдателей, Такэда находился не в своей тарелке. Какое-то странное чувство раздвоенности, неудовлетворения мешало ему радоваться короткому отдыху, как Дадхикраван.

— У меня появилась идея,— сказал Толя.— Если ты хорошо знаешь Ксюшу, то ее хижину можно найти исходя из ее вкусов.

Никита сразу понял идею инженера.

— Дадхи, подними меня в воздух.

Бывший темпорал послушно преобразовал тело в гигантского орла, Сухов вскочил ему на спину, и они взлетели, забыв о Такэде. Но через минуту вернулись.

— Извини,— буркнул Никита, пребывая в лихорадочном возбуждении. Толя хлопнул его по плечу, понимая, что сейчас творится в душе друга.

Сверху город был не менее красив, чем с поверхности земли. В душе даже зашевелилось сомнение: не грезится ли им эта картина? Неужели ландшафт создан Гиибелью, демоном, эстетические критерии которого априори отличны от человеческих? Но город, холмы вокруг, небо, солнце, ничем не выдавали своего искусственного происхождения, они были настоящими и действовали на людей соответственно.

Дом, в котором могла бы жить Ксения, Никита отыскал через полчаса: современный двухэтажный коттедж в стиле русского ренессанса, с двускатной крышей, с резными башенками, наличниками окон, с дверями, украшенными резьбой и инкрустациями. Во дворе колодец, также изукрашенный резьбой, а вокруг дома — великолепный сад.

Они опустились на песчаную дорожку, ведущую к дому. Никита снова попытался вызвать Ксению в пси-диапазоне, ничего не добился и махнул спутникам: подождите здесь. Но не успел он сделать и шага, как дверь дома отворилась и на крыльцо выбежала босоногая Ксения, одетая в летний сарафан, загорелая, веселая, с горящими глазами. Волосы струились за ней золотым пламенем.

Долгую секунду смотрели друг на друга: Никита, напоминающий ожившую металлическую скульптуру Аполлона, и Ксения, красивая до перехвата дыхания и остановки сердца, со станом богини и улыбкой феи,— потом бросились друг к другу. И замерли.

Такэда почувствовал, что у него навернулись слезы на глаза, сердце в груди рванулось с такой силой, что стало больно, голова

закружилась, но какая-то вредная мысль шепнула ему: что-то здесь не так,— и он отрезвел, хотя и не понял, в чем дело. Правда, времени на анализ его странного ощущения ему не дали. Ксения, нацеловавшись с Никитой, бросилась к нему.

— Оямыч!

Объятия ее могли свести с ума кого угодно, Толя с трудом заставил себя сдержаться, хотя колдовство встречи, темное и сбивающее с мысли, подняло в его душе тихую бурю ревности. А ведь он был уверен, что с ним такого произойти не может. Полузадавленная мысль: что-то здесь не так! — вернулась... и ушла, потому что Ксения заплакала. Пришлось обоим утешать ее, применяя терапию улыбки, жеста, шутки и нежности. На Земле Толя никогда не позволил бы себе ласкательное «Ксюша» в прямом обращении, здесь же почему-то ему хотелось перещеголять Никиту, утешить Ксению раньше, чем танцор, поразить ее воображение, и он даже начал было рассказывать ей их приключения, но, уловив вопрос в глазах Сухова, запнулся и отошел, стиснув зубы, с пылающими от стыда щеками. Дадхикраван проводил его задумчивым в з г л я д о м (система зрения у него была гораздо богаче человеческой), но ничего не сказал.

— Пойдемте в дом,— спохватилась Ксения,— вы, наверное, устали. Пообедаете и отдохнете, а потом поговорим о делах.

На Дадхикравана она почему-то не реагировала, то есть не удивилась его виду и не спросила, кто он такой, и подозрение снова зашевелилось в голове Такэды. И тотчас же словно сработал какой-то переключатель, все стало на свои места.

Ну, конечно, успокоенно подумал Толя, ведь она психически ущербна, душа ее «рассыпана» по многим хронам, внедрена в тысячи женщин, а здесь осталось лишь тело... но тогда непонятно, почему она реагирует на нас так по-человечески, возразил Такэда сам себе. Если душа ее вынута, она не должна помнить никого...

Что-то надвинулось на Толю сверху, некая черная мрачная туча. Сверкнула молния, угрозы и предупреждения, и Такэда потерял сознание.

Пришел в себя он в спальне, на мягкой и чистой, благоухающей накрахмаленным бельем, кровати, сам такой же чистый, благоухающий травами, но слабый до потери пульса. Что-то творилось со зрением: Сухова, сидящего у постели на стуле, он еле узнал.

— Что... со мной?

— Не знаю,— помедлив, ответил Никита.— Похоже на шок от пси-удара... хотя я ничего не почувствовал. Разберемся. Лежи, пей медовый взвар и отдыхай, утром поговорим.

— Мне... непонятно... Ксения не должна... помнить...

— Разберемся. Не волнуйся, береги силы. Одежда твоя вот, на стуле, Дадхикраван будет в соседней комнате, так что не боись.

— Будь... осторожней. Добраться сюда... мы смогли, теперь бы убраться... подобру-поздорову.

Сухов погладил плечо Такэды и вышел. Толя задремал. Ему было хорошо и тревожно одновременно, однако ни сил, ни желания анализировать причины своего обморока и слабости у него не осталось.

Проснулся он внезапно: показалось, что кто-то кричит неподалеку. Прислушался. И облился холодным потом. В комнате никого не было, но стены ее серебрились от изморози, и холод в ней стоял собачий. Мало того, он усиливался, нарастал, одеяло уже не спасало больного, а температура продолжала падать гораздо быстрее, чем он успевал что-либо предпринять.

— Дадхи! — позвал Такэда слабым голосом.

Никто не отозвался.

— Дадхикраван, сюда!

Тишина. И холодный ветер в лицо. Толя понял, что если немедленно не предпринять что-нибудь, он замерзнет. Чувствуя, как воздух замерзает у него на губах, лопаются мышцы, останавливается сердце и меркнет сознание, он сполз с кровати, и, стараясь не дышать обжигающим холодом, добрался до стула с диморфантом. Если бы это был простой скафандр, инженер бы надеть его не смог: руки превратились в коряги, ноги застыли, глаза ничего не видели,— но диморфант учуял желание хозяина и обнял его коконом высшей защиты, спасая от холода и потока пси-излучения, внушающего расслабленность и покой.

Через десять минут Такэда почти пришел в норму. Сознание пронзила мысль: что-то случилось! Дадхикраван не ответил на его призыв, а Сухов был недосягаем. И не его ли крик — телепатический — услышал он перед тем, как проснуться?

Такэда начал искать выход из комнаты, воздух которой уже собрался лужицей на полу — температура понизилась до точки сжижения кислорода и азота! — но дверь открыть не смог, как и окна, выходящие в сад. Тогда он достал шиххиртх и, не заботясь о последствиях, выстрелил в дверь.

Действие стрелы-ракеты демонического арбалета здесь получилось несравненно слабее, нежели в других местах их применения, тем не менее взрыв разнес дверь в пыль. Такэда, не пострадавший ни от взрыва, ни от «вялого» разряда шиххиртха, выбежал в коридор, проскочил его в три прыжка, поднялся на второй этаж и, не раздумывая, разнес дверь в спальню Сухова второй стрелой шиххиртха.

Интуиция его не подвела.

Он ворвался в тот момент, когда обнаженная Ксения, смеясь и кривляясь, гоняла по комнате Никиту, играя его мечом. Сухов был ловок и быстр, но вряд ли долго мог бы уворачиваться от Финиста,

такого же смертельно опасного в руках женщины, как и в его собственных. На лице танцора застыло выражение бессильного гнева, но глаза смотрели холодно, прицеливающе, сурово.

— Стоять! — выговорил Такэда, поднимая шиххиртх.

Ксения обернулась, улыбка на ее губах погасла.

— Ах, вот это кто шумит в моем доме. Оямыч, это не вежливо, ты мне мешаешь.

Толя приготовился выпустить стрелу между Ксенией и Суховым, зная, тот защитит себя от любого взрыва, но шиххиртх в его руке вдруг сделался жидким и пролился на пол струей смолы.

Ксения засмеялась.

— Как видишь, здесь я хозяйка, все вещи подчиняются мне, так что иди досыпай, самурай. Я еще не наигралась и хочу получить все, что получают другие.

— И это штука подчиняется?— Такэда направил на девушку ствол инферно, выданного диморфантом по мысленному приказу прямо в руку.

Ксения опустила тускло блеснувший меч, глаза ее расширились.

— Умертвие?! Но...

— Вот именно,— тихо сказал Никита. Подошел к девушке, протянул руку, и меч, вырвавшись из ее руки, прыгнул к нему.

— Не в с е вещи в этом доме подчиняются вам, Гиибель. Кстати, настоящая Ксения не знает, что такое умертвие. Где она?

Псевдо-Ксения рассмеялась и, проделав быструю множественную трансформацию, сменив сотню разных обликов — мужчин и женщин, гуманоидов и существ, далеких от вида хомо,— превратилась в Заавель, одетую в монашеский наряд с капюшоном. Ум, сверкнувший в ее глазах, заставил Такэду поежиться.

— Я еще не Гиибель, вернее, не в с я Гиибель...

— Я знаю,—кивнул Никита, опоясываясь ножнами с мечом, взял из рук Толи инферно.— Где Ксения?

— Везде.— Заавель-Гиибель больше не улыбалась.— Я имею в виду психику. Ее частица есть и во мне. Она мне нравится. Или вы имеете в виду физическое тело?

— Именно.

— Но вам не удастся уйти отсюда. Не только из хрона, но даже из замка.

— Это мои заботы. Где она?

— А если и удастся, вы ее никогда не соберете.

— И это мои заботы.— Сухов поднял черный, похожий на громадный маузер, инферно.— Извините, я буду вынужден привести его в действие, в результате чего возвращение Гиибели в полном «объеме» так сказать станет весьма проблематичным.

Заавель покачала головой.

— Боюсь, вы неправильно оцениваете свое положение. Даже

с помощью умертвия вам не удастся уйти из Гашшарвы, Посланник. Но вы меня заинтересовали, право слово. Никогда не думала, что такой слабак, каким я вас знала, способен решиться на п о с т у п о к. Я не имею в виду поход в Гашшарву, я имею в виду Путь.

Никита поклонился.

— Польщен. И все же не тяните время, мадам.

Заавель несколько секунд модчала, не сводя темного взгляда с лица Сухова, пробормотала:

— Я ошиблась в тебе, землянин, но маг ты еще посредственный, многомерие тебе не подчиняется. Прощай.— С этими словами она исчезла.

Никита постоял немного, прислушиваясь к своим ощущениям, потом сунул инферно под воротник, за шею, и тот словно нырнул в кобуру, под металлическую пленку магиполя.

— Бежим,— сказал Такэда.— Она сейчас вернется и не одна.

— Не вернется. Во свяком случае, не сейчас. Я не знаю, почему до сих пор нет остальных составляющих Гиибели, но ее полностью, во всей сложности многомерной структуры тела и сознания — еще нет.

— Ты знал, что это... не Ксения?

— Догадывался. Зато выяснил, зачем Гиибели женский «гарем». Женщины для нее — перципиенты, внедряясь в них, она чувствует то же, что и они, поэтому и не препятствует проникновению в Гашшарву мужчин, причем мужчин-лидеров, чьих невест и жен она похитила. Во всех временах и хронах. И еще она права в том, что выйти из Гашшарвы невозможно. Почти.

— Как же мы выйдем?

Сухов не ответил, так как в комнате неслышно появился Дадхикраван. Их разговор длился полсекунды, потом Никита подтолкнул Толю к выходу.

— Ступай за ним, он нашел Ксению. Я сейчас.

Такэда послушно последовал за огненным человеком, но Сухов окликнул его:

— Оямыч.

Толя оглянулся.

— Спасибо за помощь.

— Не стоит благодарности. Разве ты не контролировал ситуацию?

— В общем-то контролировал, но ты появился в самый нужный момент. Мадам пол-Гиибели не знала, что у нас есть умертвие. Поэтому ее задача усложнилась. Ну иди.

Такэда выбрался вслед за Дадхикраваном из дома. Огненный человек повернул к беседке, прятавшейся в глубине сада, протянул к ней руку, засиявшую ярче, и беседка провалилась сама в себя, образовав колодец — спуск в неведомые глубины здания.

— Подождите, Наблюдатель, я выведу ее.

Толя послушно остановился, пытаясь унять заколотившееся сердце. Вокруг было невероятно тихо, не пели птицы, не шелестел ветер в ветвях деревьев, будто кто-то выключил жизнь этого уголка природы, и тень зловещей фигуры демона, хозяина Гашшарвы, казалась материально весомой, придавливающей к земле, внушающей тревогу и неуверенность.

Дадхикраван появился через несколько минут, ведя за собой девушку. Это была Ксения и не Ксения. То есть физически девушка была копией художницы, но глаза ее были пусты и прозрачны, и Такэду она не узнала. Толя взял ее за руку и отпустил, проглотив разом все слова. Ксении Красновой здесь не было, в замке Гиибели хранилась лишь ее оболочка, жизнедеятельность которой поддерживалась искусственно, интеллект и душа отсутствовали. Р а с с ы п а н а, вспомнился термин Никиты. Как зачарованный, Такэда не мог оторвать взгляда от лица Ксении, и собственная душа его корчилась в пламени любви и ненависти. Любви к подруге, выбравшей Сухова, и ненависти к демону, способному не только на великие деяния, но и, как оказалось, на мелкие страстишки, присущие человеку.

Очнулся Толя от прикосновения Никиты.

— Что будем делать, Оямыч? Дай хороший совет.

— Видать, сильно ты ее задел...

— Кого? А-а...— На лицо Сухова легла тень, он прочитал недосказанную мысль инженера: «Сильно ты задел Гиибель, если она сотворила т а к о е с твоей девушкой, решив отомстить».— Это не месть, Толя, она так живет.

— Тогда давайте убираться отсюда.

— Куда?

— А разве твой... наш Путь закончен? У замка стоит жругр — бери и скачи из Гашшарвы.

— Легко сказать — бери, мы однажды уже пробовали.

— Теперь у тебя есть помощник помощней меня, а во-вторых, зачем использовать жругра в качестве коня? Пусть послужит просто тараном. Заставьте его проломить стенку хрона, а дальше мы пойдем сами.

Никита, онемев, долгие секунды смотрел на Такэду в изумлении, потом обнял, поцеловал в ухо и с нежностью сказал:

— Ты гений, Оямыч! Что бы я без тебя делал!

— Пропал бы,— проворчал растроганный Такэда, тщательно пряча внутрь эту самую растроганность.

— Мчись за Тааль,— махнул рукой Дадхикравану Сухов.— Выйдем отсюда не тем путем, каким вошли. Теперь нам придется туго. Гиибель наверняка узнает о нашем решении и спустит на нас всех своих охранников и собак.

— Отобьемся,— ответил Такэда, глянув на безучастно стоявшую рядом Ксению, одетую в белое свободное платье без пояса, напоминающее, скорее, больничный халат. Никита тоже смотрел на Ксению, и глаза у него вспыхивали и плавились гневом и любовью. Такэда поежился, прошептав про себя: не желал бы я оказаться на месте Гиибели...

Дадхикраван примчался с Тааль на спине, удлинил тело, чтобы они смогли усесться вчетвером, и прыгнул в небо с легкостью стрижа, будто не почувствовал тяжелой ноши.

3

Их встретили на следующем горизонте замка — целый взвод черных всадников на странных полуживых механизмах, напоминающих кресла с лапами львов и журавлиной головой, направленной вперед, как гигантское копье. «Журавлиные головы» оказались излучателями плазмы и накрыли беглецов морем пламени, в то время как всадники, скорее всего резерв «черных коммандос», добавили в это море залп из шиххиртхов. Ад получился кромешный, по мнению Такэды, и, если бы не Сухов, накрывший группу защитным куполом магиполя, им не поздоровилось бы, особенно женщинам, ни одна из которых не прореагировала на взрывы, гул и шипение пламени.

— Вперед! — крикнул Сухов Дадхикравану.— Драться некогда, надо успеть к жругру до прихода Гиибели. Ищи любую щель и просачивайся в нижние горизонты.

Дадхикраван и сам понимал, что нужно делать, и вынес их из огненного шторма в один из коридоров нижнего яруса, с виду нормальный и пустой. Но стоило беглецам выйти из-под защиты, коридор взбесился.

Сначала он попытался задавить их стенами, затем включились системы транспортировки, способные забросить любой груз в недра замка, и наконец, когда обе попытки были пересечены Суховым, коридор обрушил на них миллионы тонн расплавленного свинца.

Спасло их последнее усилие Дадхикравана, успевшего найти «щель» в магическом барьере, которым окружил их замок, и вынести живой груз за пределы Эхурсагкуркурры.

Такэда не сразу пришел в себя от головокружительных прыжков-просачиваний огненного коня и смены впечатлений, хотя нашел силы побеспокоиться о спутницах: обе девушки стояли рядом, прижавшись друг к другу, задрапированные в туманное облако защитного поля. Толя успокоился, подождал, пока прояснится голова, и огляделся. Он увидел удивительную и жуткую картину.

Над ним возносилась вверх, на неведомую высоту, гигантская,

поражающая воображение размерами и формой, «оплывшая свеча» Эхурсагкуркурры, сверкающая тающими переливами драгоценного жемчуга, а с другой стороны, на металле равнины, окружавшей замок, застыли друг против друга километровой высоты исполины: Гиибель и Никита Сухов. Облик демона — владыки замка и хрона, непрерывно струился, перетекая из фигуры в фигуру — женщин, мужчин, неведомых существ. Одной рукой он — теперь больше «он», чем «она»,— опирался о спину жругра, в другой держал светящийся хлыст, вокруг которого вились алые молнии. Сухов придал своему защитному полю видимость кольчуги и лат и напоминал былинного русского богатыря. Левой рукой он опирался на оранжево светящегося коня, словно созданного из живого огня, а в другой держал меч, вдоль лезвия которого изредка пробегал холодный зеленоватый просверк.

«Святогор!» — подумал Такэда с невольной внутренней дрожью.

Услышать разговор магов ему было не дано, поэтому он лишь благоговейно смотрел на них, приготовив на всякий случай свой арбалет. Между тем, обменявшись пси-ударами, не принесшими вреда никому, Гиибель и Сухов приступили к переговорам, длившимся по человеческим меркам несколько долей секунды. Великий игва так и не восстановил себя полностью, часть его многочисленных «я» продолжала бродить где-то в иных измерениях и мирах, и, мимолетно подивившись этому небрежению Гиибели к судьбе своего основного, структурно сформированного в Гашшарве тела, Никита возблагодарил неизвестно кого за проявленную милость, ибо до сих пор не был уверен, смог бы он устоять перед демоном, способным дробиться на миллионы двойников, жить в многомерных континуумах и творить миры для собственных нужд.

— Прими мои поздравления, Посланник,— сказала Гиибель.— Я постоянно недооценивала тебя, хотя могла уничтожить еще тогда, в образе Заавели. До сих пор не понимаю, как тебе удалось уцелеть и вырасти.

— У меня были хорошие учителя и друзья, то есть то, чего нет у тебя.

— Друзья? У магов высокого класса не может быть друзей, иначе они не смогли бы реализоваться максимально. Друзья требуют внимания, а их желания не всегда совпадают с твоими. Боюсь, до мага — владыки Миров тебе не дорасти.

— А я и не претендую, у меня другая задача.

— Ах да, Посланник... объединить магов... и ради чего? Чтобы ограничить деятельность самого великого из Творцов?

— Он велик, слов нет, однако величие подразумевает и великодушие, и любовь к непохожим на тебя, ко всем живущим, и сотню других качеств, позволяющих каждому разуму творить свою судьбу самому.

— Это чисто антропоцентристский взгляд на вещи. Посланник, в тебе слишком много человека и слишком мало мага.

— Может быть, и тем не менее я пройду Путь до конца. Уходи, мы торопимся.

— Из Гашшарвы нет выхода, пока я его не открою. И не надейтесь на умертвие, оно не сработает.

— Оно с р а б о т а е т!

Переговоры закончились, и немногочисленные зрители стали свидетелями последней схватки магов.

Гиибель взмахнула хлыстом, родившим свистящий гул и колебание почвы, и обрушила на рыцаря в латах. Но навстречу взметнулось струящееся зелено-серебристое пламя меча, встретило удар и без усилий перерубило хлыст, конец которого долетел до замка и, превратившись в сгусток радужного пламени, проделал в его стенах огромный дымящийся вывал. Гиибель что-то сделала, хлыст из рукояти вырос снова. Но она не успела им воспользоваться еще раз — Сухов привел в действие инферно. Умертвие.

Затаив дыхание, чувствуя, как шевелятся волосы на голове, Такэда следил за тем, как страшно изменяется облик демона. О нет, никаких огнедышащих пастей, клыков, когтей, злобных черепов не было: Гиибель на мгновение, пытаясь сопротивляться излучению, вернее, потоку энтропии инферно, разделилась на множество созданий, составляющих ее существо, превратилась в конгломерат живущих один в одном призраков, многие из которых попытались бежать в другие многомерные пространства, но было поздно. Гиибель застыла и... исчезла. Точнее, она исчезла только для человеческого зрения, оставаясь на месте вечной скульптурой, памятником самой себе, неподверженным действию времени. Инферно останавливал в с е физические процессы объекта, в том числе и энергоинформационные, свет не мог ни отразиться от него, ни поглотиться им, потому что фотоны, коснувшись о б о л о ч к и а б с о л ю т н о у м е р т в л е н н о г о объекта, в свою очередь переставали двигаться. Увидеть Гиибель можно было теперь только магическим зрением — как я м у во вселенной.

— Видит Бог, я не хотел! — выдохнул, пошатнувшись, Никита, сам устрашенный действием инферно. Он держался на пределе сил.

Словно в ответ стены Эхурсагкуркурры издали жуткий вопль, слышимый, наверное, и за пределами Гашшарвы, словно сам замок прочитал владельцу эпитафию на своем языке, понятном только демонам. От этого вопля-пси-разряда лопнул защитный купол над двумя женщинами, едва не убив Тааль и Ксению, и даже Такэда, защищенный диморфантом, почувствовал дурноту. Пытаясь справиться с желудком, вознамерившимся выйти через рот, он упустил момент контакта Никиты и Дадхикравана с уцелевшим жругром, а

когда справился, новое сотрясение мира вокруг вернуло его в сумеречное состояние.

Идея Толи оказалась выполнимой: жругр, спасаясь от угрозы уничтожения, «проломил» потенциальный хронобарьер, отделяющий Гашшарву от соседнего слоя-хрона Веера, и маги успели нырнуть в образовавшуюся «брешь», прихватив с собой драгоценную хрупкую ношу — девушек — и Толю.

* * *

Открыв глаза, Толя первым делом схватился за оружие, но, не обнаружив никого, кто угрожал бы ему, успокоился. Привстав на локте, огляделся. Вокруг царил если не полумрак, то ранний рассвет, создаваемый полусферой багрового, с алым блеском внутри, тумана. Полусфера заменяла здесь небосвод над плоской бурой равниной, покрытой слоем крупной гальки. Видимый радиус полусферы не превышал километра.

По равнине были разбросаны плоские камни с закругленными краями, похожие на надгробья. На одном из таких камней лежал Такэда, на другом, чуть поодаль, тихо сидели женщины, накрытые вуалью защиты.

Никиту Толя заметил в последнюю очередь: тот лежал неподвижно за камнем, разбросав руки и ноги по гальке. Дадхикравана нигде не было видно.

Такэда вскочил, едва не упав от нахлынувшей слабости, просеменил к другу, наклонился, вглядываясь в бледное, с синими тенями под глазами, лицо, и услышал тихий пси-шепот:

«Не трогайте его, Наблюдатель».

Толя резко оглянулся. Из багровой пелены купола вынырнул Дадхикраван, волоча за собой хвост ало светящегося тумана, одним плавным прыжком преодолел расстояние от стены купола до людей.

— Что с ним?

«Он потерял много сил, а восстановиться здесь невозможно, выход в эйдос заблокирован».— Дадхикраван показал на багровую полусферу.

— Где мы?

«Планета называется Эреб... хотя планетой этот многосложный материальный объект назвать в общем-то нельзя. А расположен он в Эраншахре, мире-вселенной Даймона. Жругр пробил дыру между ним и Гашшарвой, и теперь мы ближе к обиталищу Люцифера, чем были».

Такэда привычно зашипел сквозь зубы, быстро оглянулся, но черного монстра не увидел.

— А где сам жругр?

«Уничтожен. По сути, он спас нам жизнь. Эраншахр — пограничный мир с «натянутым» вакуумом, любой подбарьерный переход в него заканчивается фазовым сдвигом проникшего объекта. Жругр превратился в трехмерный континуум, ограниченный переходной зоной».— Дадхикраван снова кивнул на багровый купол с мерцающим изнутри сквозь туман алым огнем.

Толя вспотел.

— Хорошее ты название дал планете... э-э, месту, куда мы попали. Эреб, сын Хаоса, брат Ночи..

«Я не даю названий предметам и явлениям человеческим языком, я чувствую их. Имена и названия — в вашей памяти, Наблюдатель».

— Ну хорошо, хорошо. Что будем делать? Надо выбираться из этого Эреба, пока не нагрянул Даймон. Как ты думаешь, он знает о нашем появлении?

«Пока нет. Но аннигиляция жругра инициировала цепную реакцию распада пограничного слоя, и стража границы скоро прибудет сюда, чтобы разобраться в причинах».

— Тогда надо срочно будить меченого... э-э, Посланника.

— Я не сплю,— раздался тихий голос Никиты. Он задвигал руками, открыл глаза, сел. Некоторое время смотрел на безучастную ко всему Ксению, и во взгляде его сверкнула ненависть. Отвернувшись, глянул на Дадхикравана, и между ними проскочила искра пси-связи; Толя научился различать, когда маги ведут беседу в сверхтемпе. Потом Сухов медленно, как тяжелобольной человек, поднялся, сказал сквозь зубы:

— Ничего я что-то не понимаю. Выход в эйдос должен быть и здесь, его невозможно заблокировать во всех диапазонах.

Вы работали с первым уровнем эйдоса — астралом и менталом,— деликатно сказал Дадхикраван, также переходя на звук.— Поле информации Шаданакара — многоуровневая система, ее высшие уровни доступны не всем магам. Вы еще не достигли нужного класса, Посланник. Вам предстоит овладеть творчеством высших гармоний.

— Но для этого необходима энергетическая перестройка всего организма.

— Так что ж? Что вам мешает уйти от материальной оболочки из недолговечного белкового материала?

Сухов снова некоторое время смотрел на Ксению, проговорил совсем тихо:

— Я еще не готов.

Такэда, прислушивающийся к разговору с растущим волнением, суеверно сложил пальцы левой руки. Он не хотел, чтобы Сухов окончательно потерял человеческую сущность. Во всяком слу-

чае, Путь Посланника этого не требовал. Никита, уловив мысль инженера, лишь криво усмехнулся.

— У кого есть дельные предложения?

— Предлагаю пообедать,— подсказал Такэда.— Э-э?

— Возражений нет.

Через несколько минут, сотворив герметичную кабинку с зеленым воздухом, они ели, в том числе и Никита, с удовольствием уплетавший харчо и шашлык. С трудом заставили съесть по кусочку мяса и фруктового желе обеих девушек. А на третьем блюде — заказали горячий шоколад — скатерть-самобранку заело, и она, дважды формируя сервиз, вдруг свернулась в серое яйцо, не реагирующее на команды.

— Аминь,— сказал Никита.— Кончилась энергия.

Дадхикраван, бродивший во время трапезы возле стены купола, повернул к ним.

— Предлагаю шим-бич.

— Что?— не понял Такэда.

— Серый тоннель,— пояснил Сухов, вопросительно глядя на огненного псевдочеловека.— У меня не хватит запаса.

— Но у вас есть Финист.

— Меч? Ну и что? Он ведь только эффектор гипервоздействия, реализатор...

— Не только.

Маги снова перешли на сверхтемп, и через секунду Никита произнес растерянно:

— Я не знал! — Добавил шепотом: — Самонадеянный осел... мальчишка!

— Я думал, вы знаете.— Дадхикраван не сильно разбирался в человеческих эмоциях, хотя и старался вести себя корректно.— Ничего страшного, Посланник, всего не знает никто, даже создатель Веера.

— Чего?! — изумился Такэда.— Веер Миров... создан?! Кем?

— Не знаю.— Дадхикраван излучил пси-импульс, соответствующий человеческой улыбке.— Наверное, Большим Богом — Большой Вселенной, или системой разумных вселенных — кто они там есть на самом деле. Вселенную может породить только другая Вселенная, высших порядков.

— Стоп! — очнулся Сухов от нелицеприятного анализа собственного характера.— Философствовать будем позже. Толя, усаживай женщин на Дадхи, я сейчас.

Никита вынул меч из ножен и скрылся в багровой пелене купола. Через минуту появился, блистая «ртутью» прежней защитной оболочки, прыгнул на круп коня-темпорала впереди женщин.

— Я подкинул страже Эреба двойника, что даст нам время на «рытье» шим-бич. Дадхи, я попробую изменить скорость фазово-

го перехода, а ты прыгай, когда барьер станет тонким. С Богом!

Меч в руке мага сделал крестообразное движение, и на стену багрового тумана легли две ярко вспыхнувшие зеленым светом линии, слагаясь в крест.

* * *

«Серый тоннель» шим-бича выдернул их из мира Даймона, пронес сквозь Гашшарву и еще десяток хронов и иссяк в одном из мертвых миров Веера, где беглецы смогли привести себя в порядок, отдохнуть и восполнить потраченные силы. Тааль кормил Такэда, а Ксению Сухов, и Толя вдруг поразился, с какой нежностью и лаской Никита проявляет заботу о девушке, не осознающей, где она и что с ней, не способной оценить ни слова, ни улыбки, ни жеста. Когда обед закончился — сюрприз приготовил Дадхикраван, передавший коробку НЗ,— Толя перешел в состояние транса: не хотелось ни думать ни о чем, ни делать, напрягаться, ни идти дальше.

— Ник, а что такое шим-бич? В моем информационном багаже нет такого понятия.

— Шим-бич, по сути,— хроносквозняк. Я уменьшил натяжение хронобарьера между мирами, Дадхи проломил его — и «ветер» времени, рожденный перепадом «угловых давлений», вынес нас из Эраншахра. А так как напор был достаточно силен, поток проколол и Гашшарву и еще несколько хронов. Я гляжу, ты совсем квелый, поспи пару часов. Да и мы отдохнем.

Такэда хотел запротестовать, но почему-то закрыл глаза и мгновенно уснул, прислонившись спиной к обломку скалы. Лагерь они раскинули в россыпи камней, окруженной желеобразными пластами фиолетово-зеленой субстанции. Дадхикраван помнил этот мир, одна из его станций хроносдвига была когда-то расположена здесь, на рыхлом от спонтанных реакций распада конгломерате, некогда бывшем планетой. Проснулся инженер уже в другом мире, хотя потом — хоть убей! — не мог вспомнить, как там оказался.

Он лежал в «джинсе» диморфанта на берегу реки, в траве, под высоким белым небом с еще более белыми, почти светящимися, фарфоровыми облаками, а спиной к нему стояли у воды и разговаривали четверо: Сухов, огненный псевдочеловек, Уэ-Уэтеотль и Тааль — без маски! Веселая, жизнерадостная, совсем не такая, какой они выкрали ее у Гиибели и какой она была у себя дома. Одета она была в костюм жрицы Науатль, больше открывающий тело, чем закрывающий, и Такэда понял, почему Вуккуб не успокоился до сих пор, горя желанием помочь бывшей жене вернуть первоначальную суть. А также вернуть ее себе в качестве жены. Тааль была, конечно, хаббардианкой, но красота ее не нуждалась в доказательствах даже с точки зрения землянина.

Уэ-Уэтеотль, одетый в красивый индейский костюм, украшенный нагрудной пекторалью, был, как обычно, невозмутим. Никита красовался в спортивном костюме «а ля адидас» — так выглядел его магический защитный «скафандр», и лишь Дадхикраван как был сгустком живого огня в форме гуманоида, так им и остался.

Толя не сказал ни слова после того, как открыл глаза, но все четверо почувствовали его пробуждение и оглянулись.

— Доброе утро, Наблюдатель,— рассеянно сказал Никита, покусывая травинку.— Как самочувствие?

Такэда почувствовал какой-то подвох, скрытый интонацией голоса Сухова, поэтому ответил не сразу:

— Лучше не бывает. Здравствуйте.— Встав, он отвесил поклон старым знакомым.— Насколько я понимаю, мы у вас дома, Тааль? Маска уже не нужна?

Жрица храма Науатль тряхнула роскошными черными волосами, бархатисто рассмеялась.

— Не нужна, землянин. И если бы Посланник не был з а н я т, я отблагодарила бы его всеми доступными мне способами. А пока я — его рабыня до скончания веков.

— Не переигрывайте, Мать,— гортанно, с металлическими модуляциями, произнес Уэ-Уэтеотль.— Этические нормы землян и хаббардианцев совпадают не по всем пунктам, поэтому вашу благодарность тоже надо делить на три.

Тааль не обиделась, только сверкнула глазами.

— До встречи, маги. Надеюсь, скорой.

Исчезла за стеной травы, скрывающей откос берега.

— Где Ксения?— спросил Толя и тут же увидел ее: девушка шла по песчаному берегу реки, останавливаясь и окуная в воду то руку, то ногу. По лицу ее, уже не безучастному, а скорее задумчивому, бродила легкая — не улыбка — тень улыбки.

Такэда проглотил ком в горле.

— Как она?..

Никита, взгляд которого потеплел, налился сиянием печальной нежности, ответил после долгой паузы:

— Тааль вернула ей часть ментальной ауры, часть личности, но это лишь сотая доля ее интегрального «я».

— И все же... поразительно! Значит, та Тааль, которую мы украли... соединилась с этой? Как?

— Вас интересует физический процесс?— учтиво спросил Уэ-Уэтеотль.— Или психологический?

— Об этом потом,— очнулся Сухов, подошел к Толе вплотную.— Оямыч, здесь мы наконец расстаемся... не перебивай,— отклонил он попытку Такэды вставить слово.— Дело даже не в том, что дальнейший Путь заказан обычному человеку, пусть и защищенному диморфантом. Тебе действительно туда н е п р о й т и.

Может быть, не смогу пройти и я, псиэнергант, паранорм и почти маг, овладевший транслокацией и гипервоздействием. Но главное в другом, главное — уберечь Ксению, и сделаешь это ты.

Такэда снова попытался возразить, однако с удивлением обнаружил, что заикается, став косноязычным.

— Н-но как же... я Ксения... уберечь...

— Не только уберечь,— в глаза Никиты на миг вплыла тоскливая усталость,— но и попытаться вернуть ей кое-какие черты, «рассыпанные» по личностям женщин в других хронах. Уэтль поможет тебе, сделай, что сможешь.

И Толя проглотил остальные возражения, хотя мир для него вдруг потерял краски, солнце померкло, а над головой нависла черная тень недобрых предчувствий.

— Прощай, Наблюдатель.

Они обнялись.

— Не прощай, а до встречи,— ворчливо заметил Толя, чувствуя себя так, будто остался голым.— Ни пуха...

— К черту! — улыбнулся Никита. Бросил взгляд на Ксению, поколебался немного, но порыв прощания сдержал.

Дадхикраван, скользнул к нему, расплылся зонтиком-беседкой, охватывая Сухова со всех сторон, миг — и оба они исчезли.

— Идемте, Наблюдатель,— проговорил Уэ-Уэтеотль, направляясь к девушке, которая смотрела на них снизу, подняв брови, будто силилась понять, что здесь происходит.

Такэда суеверно сложил пальцы обеих рук, прочитал в душе заклинание из двух слов: «Желаю удачи!» — и шагнул за магом.

* * *

— Он обиделся,— сказал Дадхикраван, когда они отмахали сотни три хронов и остановились отдохнуть в одном из тающих — распадающихся по причинам просачивания Хаоса — миров.

— Ты его не знаешь, Отшельник,— не согласился Никита. Прежде чем выйти из «струны» хроносдвига, он пролоцировал район будущей остановки и точно знал, что неприятных сюрпризов не будет.— Такэда знает, когда можно обижаться, а когда нет.

Дадхикраван, струясь от движения, сделал себе лыжи и прокатился по снежной равнине; мир этот вымерзал и скоро должен был превратиться в ледяной ком. Никита понаблюдал за ним, но примеру не последовал, только поймал голой рукой несколько снежинок, падающих из серой пелены над головой. Дадхикраван вернулся.

— Нас ищут. Я ощущаю дрожь Веера.

Сухов тоже чувствовал вибрацию Шаданакара, поэтому промолчал. Когда темпорал, разрушив Лестницу Шаданакара, превратил-

ся в живое существо, обладающее свободой выбора и волей, долгое время все те, кто пользовался системой хроносдвига — игвы, ругги, хаббардианцы, наблюдатели, исполнители разного ранга, да и сами демономаги пребывали в шоке, потеряв вдруг возможность свободного передвижения по Вееру, а также связи с другими хронами. Однако мощный конструкторский потенциал, которым обладали цивилизации, подчиненные игвам, был в конце концов задействован, чтобы решить проблему масстранспортировки. К моменту похищения Ксении из Гашшарвы демономаги еще не закончили разработку своего собственного темпорала, зато успели создать психронолокаторы, способные засечь по «дрожи» Веера координаты продавливания потенциальных барьеров магами или машинами типа жругров. Поэтому при переходе надо было страховаться, зондировать хрон, хотя транслокация и отнимала уйму энергии.

— Да, наделали мы с тобой шороху, приятель,— пробормотал Никита. Слабо улыбнулся, поймав ответный пси-импульс Дадхикравана, смысл которого укладывался в слегка перефразированный стих Некрасова: «Дураков не убавили в Веере, но на умных тоску навели».

— Даже Люцифер, создатель твой, не допер бы до такого.

«Мне нравится жить, как живете вы, люди. Теперь у меня двое создателей: Люцифер и вы, Посланник».

— Тогда трогаем дальше... сынок... конек-горбунок.

Дадхикраван, излучил согласие пополам с недоумением — юмор он понимал не всегда,— и перешел в состояние закона, диктующего волю данному слою Веера. Невидимая, неощущаемая и нефиксируемая никем стена потенциального энергоинформационного барьера, разделяющего хроны, послушно протаяла под напором извне или изнутри — как посмотреть,— вобрала в себя два суперпакета информации и выплюнула их в соседнем хроне, время в котором текло «под другим углом». И еще раз, и еще, и еще...

4

Мир, в котором «правил бал» маг-творец, близкий по психофизическим данным Никите и его друзьям, почти венчал правое крыло лестницы Шаданакара, то есть по развитию располагался в конце эволюционной кривой. Существа, освоившие его и подвергавшиеся перестройке в соответствии со своими замыслами, начинали свой путь на одной из планет, близкой по параметрам Земле. Именно на ней и остановились Дадхикраван и Сухов, магические радары которых однозначно указали на присутствие в хроне — и на планете — сил, которые могли быть идентифицированы только как пучности магического поля. Иными словами, здесь жили те самые

творцы высоких технологий и обладатели знаний, деятельность которых, по словам Кларка, неотличима от деятельности магов.

Помня отказ одного из таких магов — лемура Итангейи,— Никита решил не сразу предлагать хозяевам участие в проекте «ограничения Люцифера», а сначала посмотреть и почувствовать, чем они дышат и о чем мечтают, однако ему не дали времени на анализ местной жизни, пусть и не с целью интриги или недобрых намерений. Ибо мир, куда они попали, был миром разумных насекомых.. А именно — пчел.

Конечно, прокол хронобарьера мог забросить их в любую область следующего хрона, в том числе в космос, в недра звезды или планеты, в газовую туманность и прочее, но Дадхикраван, во-первых, тоже владел транслокацией, а во-вторых, помнил, где были установлены когда-то его «нервные узлы» — станции хроносдвига. Эту планету, напоминающую райский сад, что издали, что вблизи, он помнил тоже и высадил наездника, Сухова, на опушке леса, опоясывающего долину с одним из городов, построенных пчелами.

— Кислород! — недоверчиво сказал Никита, втянув носом воздух.— Кислородно-азотная атмосфера! Нормально! А запахи — с ума сойти можно!

— Лично для вас,— меланхолически заметил Дадхикраван.— В мои времена здесь был другой состав газов. Видимо, те, кто живет здесь, знали о нашем появлении и соответственно подготовились.

— Но тебе ведь атмосфера не нужна никакая.

— А я и не играю главную роль, я конь, вы всадник, да к тому же еще не простой — Посланник, посвященный Пути. Каждый маг почтет за честь принять такого гостя у себя дома.

Никита вспомнил, как «встретили» Посланника на Земле, передернул плечами и забыл обо всем, завороженный пейзажем.

Лес, у стены которого они вылупились из «струны» хроносдвига, лесом назвать было трудно, скорее — гигантским цветником. Его деревья, по сути, были цветами всевозможных форм и расцветок, красота которых не поддавалась описанию. Лес этот изливал м у з ы к у запахов, переливался всеми цветами радуги, пел и светился. Смотреть на него не отрываясь, получая никогда не испытанное наслаждение, можно было долгое время.

Голова закружилась. Сухов отвел глаза, прошептал:

— Наркоэстетика!

Дадхикраван, который не испытывал подобного экстаза, выдал пси-импульс, переводимый, как пожимание плечами.

— Странно, что на вас, людей, так действует простое визуальное наблюдение. Предназначение всех этих форм и радуг сугубо утилитарное — привлечь внимание насекомых для опыления цветов.

Никита улыбнулся.

— А вот тут, дружище, позволь с тобой не согласиться. В чем

в чем, а в созерцании красот есть особый смысл, не подвластный расчету и анализу в стиле рацио.

Дадхикраван не стал возражать.

Сухов перевел взгляд на город, сооруженный разумными пчелами, и снова замер. Перед ним раскинулся архитектурный шедевр, равного которому он не встречал ни на Земле, ни в других мирах Веера. Эстетический эффект потрясал! Создатели города владели не только законами пропорций, золотого сечения и золотого вурфа, но и законами глубокого воздействия формы, цвета, перспективы, сочетаний и тончайших переходов на психику созерцателя. Город был возведен не людьми и не для людей, но красотой его и гармоничным совершенством ансамбля мог не залюбоваться только слепой.

— Сказка! —.прошептал Никита.

— Расширьте диапазоны видения,— посоветовал Дадхикраван.— Электромагнитный спектр не отражает всех красот города. К тому же он многомерен. Пчелы — я их называю эльфами — увлеклись фантомологией [1], и большая часть города, как подводная часть айсберга, видна лишь самим создателям.

Никита сосредоточился, расширяя сферу своих паранормальных чувств, и по мере включения новых диапазонов сверхвидения, город раскрывал перед ним свои новые эстетические эффекты, передать которые человеческий язык был не в состоянии. Последней ступенью совершенства города, его «башенной структурой» была вакуумная «пена» — почти неуловимое мерцание сложнейших энергетических переходов, воспринимаемых как нечто непостижимо прекрасное, ускользающее от понимания и полного восприятия.

Сухов смог выдержать это переживание всего несколько секунд. Эхо обратной связи обрушилось на него волной тоски, горя и боли, и лишь ценой полуобморока ему удалось успокоиться и справиться с бунтом человеческого «я».

— Гиибель была права,— прошептал он, поддерживаемый Дадхикраваном,— во мне слишком много от человека...

— Я не вижу в этом ничего плохого,— ответил бывший темпорал.— К тому же вы до сих пор не раскрыли все свои резервы и не использовали всю глубину родовой памяти. Ваш потенциал никому не известен, и не этот ли факт пугает Великих игв? Уже очень давно по Вееру бродит легенда о грядущем пришествии Избавителя: вот, мол, придет Избавитель и освободит мир от скверн, пороков, адских сил и ненависти. Не о вас ли речь?

Сухов невольно засмеялся.

— Не увлекайся, Отшельник, я не Бог и не столь тщеславен, как

---

[1] Фантомология — воплощение в действительность таких материальных структур, которым в Природе ничто не соответствует.

Великие игвы, да и герой — вынужденный.— Он помрачнел.— Мне бы вернуть Ксению... а я пока не вижу средств, как это сделать. Соберу Семерых, а там посмотрим. Как называется этот Город Всех Городов?

— Никак. Я имею в виду — на человеческом языке. Можете называть его Эльфгард или Дримтаун, или еще как-нибудь, не имеет значения.

— Пусть будет Эльфгард. Что ж, идем к твоим эльфам-пчелам? Интересно, как они выгля...— Никита не закончил.

Рядом, в нескольких шагах, проявилась вдруг из воздуха серебристо-прозрачная конструкция: трехметровый одуванчик, вплавленный в красивой огранки бриллиант. С тихим чистым звоном бриллиант превратился в ансамбль ничем с виду не скрепленных кристаллов поменьше, образовав нечто вроде ниши с сидениями.

— Это явно не пчела,— изрек Никита.— И не эльф. Летательный аппарат? Такси, хочешь сказать?

И будто откликаясь на его слова, бриллианто-одуванчик превратился в,.. такси! В обычную, земную, вернее, российскую, машину «Волга» тридцать третьей модели, с оранжевым фонарем на кабине.

— Ага! — сказал Сухов.— Я угадал. Конечно, лучше бы это был вертолет или...— он не договорил.

«Волга» быстро, но плавно трансформировалась в земной — опять же российский — вертолет серии «К» со сплошь застекленной кабиной и сдвоенным винтом.

— Не тратьте времени,— посоветовал Дадхикраван, развеселясь.— Это универтер, Машина Всех Машин. Конечно, в понимании нормального землянина. Она может трансформироваться в любую машину или устройство, способное работать в любых хронах в любом заданном режиме. По сути, это совершенный фантомат с неограниченным запасом функций. Единственное ее ограничение — непричинение вреда кому бы то ни было.

— То есть в оружие она не превращается.— Никита хотя и был потрясен, но не будучи технарем, особого восторга не испытывал. Только пожалел, что эту Машину Всех Машин — универтер не видит Такэда.— Когда-нибудь и человечество доведет свою технику до такого совершенства... если не вымрет. Ты поедешь со мной или доберешься своим ходом?

— Вы тоже могли бы добраться своим ходом, Посланник.— Дадхикраван помолчал.— Но, коль уж за нами прислан экипаж, будем вежливыми.

Вертолет поплыл, как восковая фигура от пламени пожара, преобразовался в полусферу с двумя креслами, в которых уместились путники, и «мигнул» — то есть исчез и проявился уже в другом месте.

Видимо, город эльфов-пчел был оборудован системой пси-считывания и исполнения желаний гостей, потому что за немногие секунды после их прибытия вокруг вырос целый квартал земного города в стиле архитектуры конца двадцатого века: высотные дома — алюминий, стекло, сталь, бетон, невесомые виадуки, геометрически правильные строения вдоль проспекта, шеренги лип и тополей.

— Русский квартал,— хмыкнул Никита, озираясь.— Новый Арбат... М-да!

— Вы подумали о родине, и вам обеспечили комфортные условия.

— Я это понял.— Ностальгия резанула острым ножом по сердцу, заставила прикусить губу, оживила воспоминания, потянула цепь ассоциаций. Чувствуя закипающие слезы, с удивлением прислушиваясь к буре в душе, Никита с громадным трудом заставил себя сосредоточиться на действительности. Подумал: слаб человек! Не пора ли переходить на иную энергетику? Или это влечет за собой перестройку психики? Уэтль и Зу-л-Кифл ведь почему-то сохранили гуманоидную форму...

Что-то изменилось вокруг. Сухов очнулся.

«Новый Арбат» исчез, вокруг высились здания совершенных форм, гармонично перетекавшие друг в друга. И от их созерцания в душе начинала звучать музыка. Впрочем, они сами были застывшей музыкой и поэзией, смотреть на них хотелось долго-долго...

Никита вышел из транса с помощью Дадхикравана. Напротив, в метре от светящейся поверхности улицы, висел тихо гудящий дымно-золотистый шар размером с колесо автобуса. Вернее, не дымный и не шар — рой! Это были хозяева города, его строители и жители. Пчелы. Сухов разглядел одну из них: пчела больше напоминала земного шмеля, отличаясь от последнего разве что расцветкой — все оттенки желтого и золотого — и более крупными размерами.

— Мы приветствуем Посланника в нашем мире,— раздался в голове Никиты приятный рокочущий бас.— Для определенности можете называть нас Магэльфом, хотя наше настоящее имя не переводится на человеческий язык. Я, как часть Магэльфа, уполномочен обеспечить контакт-общение на любом уровне. Желает ли Посланник, чтобы я принял форму, приятную для контакта?

Никита заколебался было, но Дадхикраван успокоил его:

«Не тратьте энергию на многодиапазонную связь, вам надо отдохнуть. Для наших целей достаточен медленный обмен информацией».

— Я понял,— отреагировал шар на эту пси-реплику и превратился в атлетически сложенного человека, закутанного в оранжево-красную, с черной каймой, тогу. Процесс этот длился доли секунды, но Никите ничего не стоило его уловить.

Сначала шар плавно растекся в подобие человеческой фигуры; пчелы роились, не стояли на месте, однако форму держали точно. Затем возникла «кожа» — каркас из насекомых оделся в розово-белую пленку какого-то поля или окрашенного газа. И последней возникла длинная красно-оранжевая накидка — тога, наподобие тех, что носили древние римляне.

— Хотите отдохнуть? Мы реализуем любые условия.

— Земные,— после некоторых колебаний решил Сухов, зная, что Дадхикраван в отдыхе или в каких-то особых условиях не нуждается.

«Римлянин» сделал приглашающий жест, и в серебристо-золотой стене ближайшего здания открылась дверь, образовав нечто вроде волнистого пандуса.

— Здесь вы найдете все, что пожелаете. Понадоблюсь — зовите.

«Римлянин» расплылся в шаровидный рой, который лентой втянулся в Машину Всех Машин, и та метнулась вдоль улицы — если свободное между зданиями пространство можно было назвать улицей,— исчезла. Никита проводил ее взглядом, вопросительно посмотрел на Дадхикравана.

— Я пройдусь, посмотрю их планету,— сказал тот.— У них много интересного. Позовете, если что.

Сухов тряхнул отросшими волосами, соглашаясь, и поспешил к двери в предоставленные ему апартаменты.

* * *

Рай!

Так Никита охарактеризовал дворец, предназначенный для Посланника. В нем было все, чтобы удовлетворить любые запросы землянина, создать ему комфортные условия для отдыха и развлечений. В том числе сауна с громадным бассейном, несколько роскошных спален, музыкальный салон, спортзал, парикмахерская, где его побрили и постригли, ресторан и бары на любой вкус, обслуживаемые живыми с виду людьми — хорошо оформленными, до сенсомоторных реакций, иллюзорными призраками. Никита уже успел забыть, что на Земле все это существует в натуре. Сначала он пугался внезапно появлявшихся барменов и официантов, потом увлекся игрой и окончательно расслабился. А спустя два часа после сауны и блаженства со стаканом фруктового коктейля в баре у мини-бассейна, его потянуло в спортивную часть здания, где он заметил прекрасно оборудованный танцзал.

Сердце забилось сильней, когда на сцене объявился оркестр, сильно смахивающий на тот, под музыку которого он когда-то тан-

цевал в театре. Мышцы напряглись, ноги сами вынесли Никиту в центр зала.

«Не сходи с ума,— проговорил кто-то недовольный в душе.— За тобой наверняка наблюдают». «Не смеши,— огрызнулся второй «я».— Кому это нужно — наблюдать за мной? Танец необходим мне так же, как и воздух. Он вызывает ёдзё, как сказал бы Такэда,— не просто чувство, а сверхчувство, приоткрывающее тайну бытия. Понял?» — «Так ведь если зрителей нет, перед кем ты будешь выпендриваться?» — «Во-первых, не выпендриваться, а танцевать, а во-вторых, мне это нужно самому».

И Никита послал мысленный призыв оркестру играть то, что он хотел слышать. Музыка зазвучала почти тотчас же, музыканты поначалу фальшивили, но быстро подстроились под внутреннюю мелодию самого танцора, хранившего в памяти все ритмы, и Сухов отдался власти танца.

Когда он закончил — на пределе, как танцевал всего два раза в жизни,— кто-то захлопал в ладоши. Не один — двое: Дадхикраван (его «аплодисменты» были рождены пси-передачей) и «римский император», ансамбль пчел-эльфов, часть разумного сообщества пчел по имени Магэльф. Как они вошли незаметно, и почему Никита их сразу не почуял, осталось загадкой.

— Вы большой мастер, Посланник,— с уважением сказал Магэльф.— Ваш танец производит неоспоримо сильное впечатление.

Сухов, успокаивая бурное дыхание, поклонился.

— Рад слышать. Извините, я оставлю вас на четверть часа, приму душ. Встретимся в зеленом баре, если не возражаете.

Через двадцать минут они сидели в баре, из пола которого рос бамбук и фикусы. Дадхикраван уже успел мысленно поделиться с Никитой впечатлениями своего туристического похода по планете пчел-эльфов, и Сухов невольно ему позавидовал: бывший темпорал получил пусть и не соответствующее человеческому, но истинное наслаждение от созерцания ландшафтов, многие из которых были созданы искусственно. Вспомнилось: «Чтобы подняться выше, ищите более умного собеседника и более сильного соперника». Магэльф и представлял собой такого собеседника — исключительно простую по принципу построения, но с громадным количеством подвижных элементов, гибкую, многосвязную, разумную систему. Рой из многих триллионов «клеток», в то время как мозг человека был на три-четыре порядка проще.

Никита вдруг понял, что он находится в н у т р и этой системы, а не вовне, как ему представлялось. «Римский император» не был собеседником в прямом смысле этого слова, со своим запасом знаний и свободой решения он отражал лишь желание Посланника соблюсти человеческие нормы общения. Не более того.

— Вы правы,— наклонил голову хозяин.— Мы знаем причины

и цели вашего появления. Но и нам, чтобы вынести решение, требуется нечто вроде общего согласия и сопоставления предлагаемой вами задачи со шкалой наших «пчелиных» ценностей. Для вас, населяющих срединные слои Веера, может быть, неизвестно, что Большая цель требует или Большой веры или Больших знаний. Мало того, Большая цель требует ответственных решений и многих жертв, а ее достижение не всегда компенсирует затраты. Мы, коллективный архонт данной вселенной, вплотную подошли к пределу технологического совершенства и способны конструировать любые миры.

— Значит ли это, что вы... отказываетесь?

— Будьте терпеливей. Да, мы подошли к вершине технологической стадии прогресса, Машина Всех Машин — универтер хорошо иллюстрирует этот факт, не так ли? Мы овладели магией, то есть мыследействием, не с помощью Веры и магических формул, требующих других физических законов, а с другой стороны эволюционной стрелы — когда творящему известно в с е о данном объекте или процессе.

«Римлянин» помолчал и закончил просто:

— Мы — з н а е м. Но... пойдем с вами.

Никита прерывисто вздохнул, слабо улыбнулся в ответ на взгляд Магэльфа.

— Камень с души... извините, если я реагирую слишком эмоционально.

— Не стоит извинений, вы человек, сын своей расы.

— Да, я человек.— Сухов понимал, что рой пчел говорит без всякой задней мысли, но от иронии не удержался.— Благодарю за напоминание. Могу я узнать причину вашего согласия участвовать в проекте, который не гарантирует компенсации затрат?

— О да,— кивнул «римлянин».— Точнее всего эта причина, вернее, комплекс причин, выражается на человеческом языке двумя словами: скука и любопытство.

Никита хмыкнул.

— Для нас эти слова взаимно исключают друг друга. Но я понял. Спасибо за согласие. И за гостеприимство. А мы идем дальше. Ждите сигнала.

— Посланник, не обольщайтесь нашим согласием, вы можете не успеть пройти весь Путь.

— Почему?! — Никиту словно по голове обухом ударили.

— Разве вы не владеете каналом связи с общим полем информации Веера? Разве вы не Посвящены?

Никита надменно вскинул голову и опустил, покраснев до корней волос. Сказал глухо:

— Посвящен... но выход в эйдос для меня пока опасен. Если бы я мог выйти на другую энергетику...

— Мы знаем, что вам мешает, но вряд ли наше сочувствие поможет тому, кто решает только наполовину. Мы согласны соединиться с магами-архонтами других хронов... если вы закончите Путь. А чтобы доказать наше расположение, позвольте сообщить вам то, что нас тревожит. Первое и самое главное: вы не состоялись как Посланник. Наш футур-прогноз, адекватный видению будущего Веера почти на сто процентов, о т р и ц а е т стабилизацию Веера Миров с вашим участием.

— Что это означает?

— Лишь одно: ваша миссия закончится провалом. Что не удивительно — человек не предназначен для роли Посланника-мага, даже если он паранорм. Правда, шанс есть. Ничтожный, но есть. Второе, что нас тревожит: освобождение темпорала, превращение его в конечное существо с неким количеством степеней свободы, привело к резкой десинхронизации слоев-хронов. Иными словами, темпорал служил не только лестницей Шаданакара — системой масстранспортировки и связи между хронами,— но и своеобразным каркасом, вернее, упругим «позвоночником», связывающим «пластины» Веера. «Позвоночник» выдернули...

— Ясно,— хрипло выговорил Сухов.

— Не исключено, что Дадхикравану придется вернуться на место во имя спасения Шаданакара. Хотя возможны и другие варианты.

— Ясно.

— И третье: Люцифер может выйти из хрона, в котором заперт стенками закона, созданного прошлой Семеркой, в любой момент. Что он сделает, когда выйдет, мы рассчитать не можем. Его религия — ум, чистый интеллект, не замутненный эмоциями и инстинктами,— она не знает милосердия. В принципе, наша — тоже ум, но мы гораздо ближе к живущим рядом, в том числе и к людям, чем к Люциферу. Мы знаем, что такое поле с о с т р а д а н и я, позволяющее надеяться на такой же ответ. Удачи вам, и поторопитесь.

Никита встал.

— Спасибо за пожелание. Я тороплюсь. Дайте последний совет. Вы — пятый из Семерых, где искать шестого?

— Если сможете — «выше» нашего хрона.

— Причина скепсиса? Почему «если сможете»?

— Потому что, во-первых, где-то рядом находится Дигм, хрон одного из Великих игв — Гагтунгра. Кстати, он, как и мы, существо, достигшее всеохватного знания, дающего ему власть над природой. Как и то существо, равное ему по мысли и мощи, которое может присоединиться к нам и живет в соседних хронах. Где именно, мы не знаем. Во-вторых, где-то недалеко — или невысоко?— Веер кончается, каким-то образом соединяясь сам с собой, с начальным хроном, хроном Люцифера. Как и где — мы тоже не знаем, нам это

знание было необязательно. Но путь туда, в «горные выси» Шаданакара, опасен настолько, что не поддается никакому анализу и прогнозу. Теперь вы знаете все.

Никита поклонился «римлянину», подошел к Дадхикравану, мерцающему живым огнем.

— Ну что, дружище? Не все так просто с твоим освобождением, как мне казалось. Ты идешь со мной дальше?

— Если Магэльф прав, то мы ничего не теряем при любом исходе дела. Кроме жизни. А жизнь есть информация, перетекающая в эйдос опять же при любом исходе дела. Я иду.

— Тогда прыгай «вверх». До свидания, Магэльф.

Дадхикраван послушно прорвал пленку потенциального барьера между мирами, и они вышли в соседнем хроне.

* * *

Когда Никита всей своей сферой гиперчувств объял мир, в котором они очутились, ему показалось, что тот ему снится. Соседний с миром эльфов-пчел хрон представлял собой самое натуральное земное дерево, такое, как секвойя или эвкалипт, только гигантских размеров! По внутренней оценке Сухова, диаметр дерева достигал сотни километров, а высота не поддавалась никакому измерению. Судя по эху, оно уходило вниз и вверх на многие тысячи, если не миллионы, световых лет! Из какой почвы оно росло, какие соки его питали, не знал и сам Дадхикраван, который с изумлением обнаружил, что не помнит подобного мира.

Дерево не росло в пустоте, его окружала плотная и вполне годная для дыхания атмосфера. Сила тяжести, прижимающая живущих на нем существ чуть под наклоном к вертикали, вернее, к оси дерева, почти равнялась земной. Освещалось же оно кольцом светящейся плазмы диаметром в три-четыре сотни километров: светился под влиянием каких-то процессов и сам воздух. Этот плазменный кольцевой шнур, охватывающий дерево, дающий свет и тепло, скользил снизу вверх с двадцатичасовым циклом, и, таким образом, рассвет в этом мире наступал от «корней», а закат означал исчезновение «светила» за «кроной» дерева. Кольцо света следовало за кольцом; весь ствол колосса был окружен этими скользящими кольцами, и со стороны вся конструкция, наверное, представляла удивительное зрелище. А потом Никита разглядел то, что окружало дерево за пределами человеческого зрения, и ахнул: таких деревьев было много! Хрон, в котором они оказались, был л е с о м, а не отдельным деревом! В этом мире не было ни планет, ни звезд, ни пустоты, ни галактик — только бесконечный, удивительный, невозможный, с точки зрения землян, колоссальный лес!

— Кто же сотворил такой мир?— прошептал Сухов.

— Я!! — ответил кто-то рядом гулким, сверхнизким басом, так что качнулось дерево, на котором стояли прибывшие маги.

Никита вздрогнул, огляделся.

Они с Дадхикраваном стояли на серой морщинистой поверхности — коре гигантского сука, ответвившегося от мощной колонны дерева совсем недалеко, в сотне метров. Ствол дерева не ощущался стволом, он казался оплывшей, неровной, с гигантскими вздутиями и провалами, наростами и дырами, серо-зеленой стеной, нависавшей над головой и терявшейся в дымке верхнего горизонта. По этой стене, представляющей собой толстую кору дерева, на которой росли не то колонии грибов, не то кустарники, можно было свободно подняться вверх или спуститься вниз, на другие ветви. Никого на ней Никита не увидел. И, лишь перейдя на паранорм-зрение, разглядел рядом с деревом фигуру гиганта. Намеренно подчеркнутым движением положил руку на рукоять меча.

Гигант — рост неизвестен, все, что ниже пояса, скрывается в «вечерней» дымке атмосферы, туловище, поперечником всего лишь раза в два меньше диаметра дерева, тускло отсвечивает мириадами острых игл — не был похож ни на человека, ни на какое-то другое существо, и все же имел кое-какие человеческие пропорции, пусть и доведенные до гротеска: «руки», «туловище», «голову». Глаз, подобных человеческим или звериным, у него не оказалось, однако Никита почувствовал его взгляд, тяжелый, пристальный, изучающе-иронический.

«Это Гагтунгр,— просигналил Дадхикраван в пси-режиме.— Но этот хрон не принадлежал ему. Видимо, он создал новую структуру в порядке эксперимента, ведь он, как и Магэльф, тоже увлекся фантомологией».

— Не хватайтесь за оружие, Посланник,— пророкотал Гагтунгр; частоты его пси-диапазона лежали почти за пределами восприятия Сухова, и казалось, что голос Великого игвы доносится издалека.— Это невежливо, вы находитесь в моих владениях.

Никита покачал головой, не выпуская меча. Второй рукой достал инферно.

— Понятно,— сказал Гагтунгр.— Собственно, я уже выяснил, что хотел. Гиибель действительно недооценила вас, как и Даймон, отчего и потеряла часть сущности. Я мог бы потягаться с вами, не взирая на игрушки в ваших руках, но это требует определенного расхода энергии, времени и напряга, а я ленив. Вас же и без меня достанут... хотя не завидую тем, кто это сделает. До встречи, Посланник. Если она состоится.

Гигант исчез. Ни вспышки, ни грохота, ни шороха, словно выключили телевизор. Демономаги по своим владениям ходили бесшумно.

— Идем дальше,— сквозь зубы проговорил Никита, унимая дрожь в пальцах. Начинать драку ему не хотелось, к тому же он знал, что Гагтунгр прав: рано или поздно их достанут. Не застали бы врасплох, а там — кому повезет... И все же — почему он не напал?..

5

Они проскочили Дигм — прежний мир Гагтунгра, если верить Дадхикравану, который помнил свое пребывание в этом хроне,— не встретив ни одной живой души. Разглядывать красоты Дигма не стали, да и разглядывать в общем-то было нечего. Гагтунгр, вволю насытившись экспериментами со своей вселенной, нечаянно «зажег» ее время и, не справившись с тушением, ретировался в соседний хрон, чтобы продолжать свои «исследования» там. Для чего ему понадобилось превращать тот мир в чудовищный лес, знал только он сам.

«Горение» времени к моменту появления в Дигме Дадхикравана и его всадника привело к почти полному вырождению пространственно-временного континуума, и бывшая вселенная Гагтунгра представляла собой колоссальной протяженности — на миллиарды парсеков! — уродливые соты, пересечение множества изогнутых, физически плотных поверхностей и плоскостей.

Следующий за Дигмом хрон, как ни странно, не подвергся нападению Великого игвы, а также не был разрушен Хаосом, хотя его и затронула болезнь пространственных искажений, не позволяющая сомневаться в прямом просачивании Хаоса.

Местность, где, продавив стенку хронобарьера, Дадхикраван отпустил Сухова, с виду принадлежала планете: холмистая равнина в пятнах растительности, с восемью реками, текущими в гигантский провал диаметром в сто километров, с горами на горизонте, с белым небом, в котором угадывались контуры какого-то сооружения. На самом деле этот мир был весь — на сотни и тысячи световых лет — такое же переплетение и пересечение поверхностей и плоскостей, как и в хроне Гагтунгра, но не мертвое — наполненное движением и жизнью.

Никита уже попривык к разнообразию условий в Мирах Веера, но удивляться и восхищаться не устал. Этот мир, имевший не четыре измерения, а гораздо больше — около сотни, не мог его не заворожить. И это едва не погубило обоих, поскольку Дадхикраван считал, что Посланник видит и чувствует не меньше, чем он, и не предупредил о появлении нового действующего лица, вернее, лиц. А именно: Гиибели на жругре.

Великий игва, потерявший в Гашшарве половину сущности, но оставшийся в живых благодаря многомерности бытия, не был наст-

роен на переговоры или соревнования по ироническим пикировкам.

Во-первых, потому что тщеславие его было уязвлено: ему бросил вызов простой смертный, землянин, пусть паранорм, но даже не игва. Во-вторых, психика его была нарушена: половина Гиибели, много десятков его «я», была уничтожена Суховым, и восполнить потерю было уже невозможно. В-третьих, Посланник добрался почти до конца Пути и был Посвящен, что давало ему статус не только офицера или мага связи, но и Избавителя, о котором складывались легенды во многих Мирах Веера. И, в-четвертых, он стал серьезным противником.

Бой демономага с Посланником и его конем начался и закончился в несколько мгновений, причем помимо воли и сознания Сухова. Реагировать, включать экстрарезерв и паранорм-концентрацию приходилось в условиях дефицита времени и маневра, когда первый удар был нанесен врагом практически неожиданно, «из-за угла» времен и пространств, поэтому отразить его без потерь Никита не смог.

Шумовой, многодиапазонный, энергоинформационный удар по психике и внутренней чувственной сфере был так силен, что вызвал у него ощущение «красного коридора» — если пользоваться спортивным термином. Некоторое время — около шести миллисекунд — он буквально продирался сквозь кроваво-черную пелену боли и бессилия, преодолевая шок. Если бы Гиибель повторила удар или выстрелила из шиххиртха, все было бы закончено, однако Дадхикраван не дал демону этой возможности.

Пси-заклятие Гиибели не подействовало на него так, как на Сухова, по сути, Дадхикраван был сгустком энергии, обладающим разумом и волей. Поймав частотные и фазовые характеристики заклятия, он ответил Гиибели направленной волной, в противофазе, сбив его «с дыхания». Гиибели пришлось защищаться, а за это время — семь-десять миллисекунд — Сухов успел прийти в себя и взяться за меч.

Бой продолжался еще несколько десятков миллисекунд.

Гиибель отбросила Дадхикравана в пространственный выверт, силовой кокон, откуда он выбрался не сразу. Сухов уничтожил жругра, подпитывавшего демона и пытавшегося атаковать Посланника мощными выплесками излучений. Гиибель нанесла еще один удар-заклятие, усилив его мощь: ландшафт вокруг места поединка мгновенно потек, превратился в желеобразный пласт вещества, вскипел, начал испаряться. Сухов ответил своим ударом, использовав меч в качестве пси-щита, но отразить весь информпоток, проникающий в мозг, уничтожающий память и сознание, не смог. Правда, досталось и Гиибели, претерпевшей структурную перестройку и потерявшей часть иномерных «я».

Последними действиями обоих руководили уже глубинные струк-

туры психики, подсознание и генная память. Гиибель спустила на противника своего «пса», эмпуса, биоэнергетического вампира, обладавшего невероятной силы способностью выкачивать и поглощать энергию из любого существа. Сухов ответил выстрелом из инферно.

Бой закончился спустя три четверти секунды после начала. Великий игва Гиибель перестала существовать как личность, окончательно перейдя в форму поля чистой информации, добавив общему информационному полю Веера Миров свои знания. Никита же еще долгих три секунды слепо сражался с эмпусом и неминуемо погиб бы, не вмешайся в схватку некто, обладавший не меньшей магической мощью, чем Гиибель.

Он низверг эмпуса — тварь не имела конкретной формы и для человеческих глаз представлялась бы в виде пульсирующей, студенистой, все время меняющей объем и количество «щупалец», медузы — в такой же выверт, пространственный «мешок», из которого только что вылез Дадхикраван, перерубил последнее «щупальце» — многомерный канал связи, по которому эмпус продолжал высасывать душу Сухова,— и помог Посланнику подсоединиться к эйдосу.

Никита успел вдохнуть «глоток» пси-энергии эйдоса и лишь потом окончательно потерял сознание, вернее, повернул его — сознание — в глубь своей израненной психики и родовой памяти. В другом лечении он не нуждался.

Сделав доброе дело, неожиданный помощник перекинулся с Дадхикраваном парой наносекундных массивов информации и, пообещав навестить Посланника, исчез. Дадхикраван, оглядев поле боя, подхватил застывшего с мечом в руке землянина, перенес его в другой район хрона, не затронутый страшным гипервоздействием демона, накрыл силовым колпаком, не пропускающим пси-излучение. Запеленговать их после этого не смог бы уже никто.

* * *

Никита возвращался из дальних далей своей памяти, как усталый путник возвращается домой из долгих странствий, с радостью узнавая знакомые места, удивляясь новым деталям пейзажа, отвечая на приветствия приятелей, вглядываясь в лица с надеждой узнать родных и близких.

Возвращение было долгим и множественным: одновременно он открывал двери сразу сотен родных домов, встречал сотни добрых улыбок отцов и матерей, превращавшихся по мере движения в дедов и бабушек, в прадедов, в прапра... Но Никита не жалел о частых остановках, ибо каждый раз в него вместе с нежностью и любовью вливалась порция энергии, очищающая мозг от шлаков собственных

эгоистических желаний и привнесенных извне какой-то темной силой таких же темных стремлений. И наконец наступил момент, когда он вынырнул из бездны прошлого в миг настоящего, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела, слабый, как новорожденный. Кто-то склонился над ним, колеблющийся, будто пламя костра, но не обжигающий, распространяющий вокруг флюиды дружелюбия и участия.

«С возвращением, Посланник,— прозвучало в голове тихое приветствие.— Вы в порядке?»

И Никита вспомнил, кто это и что произошло. Вскинулся:

— Эта тварь?!

«Эмпус? Далеко отсюда. Нам повезло, что подоспела помощь».

— От кого?

«Он обещал в скором времени встретиться с нами. Это архонт здешнего хрона. Имя ему — Велиал».

Никита хмыкнул. В земных христианских мифах тоже встречался Велиал — Совратитель, дух небытия, лжи и разрушения. Интересно, как они соотносятся, здешний Велиал, хранитель вселенной, и земной? Перенял ли земной черты своего аналога или его образ — чисто земное, человеческое наслоение? Дух небытия...

Никита снова хмыкнул.

— Ты с ним виделся?

«Визуально нет. Впрочем, даже в пси-диапазоне он неуловим. Еще будучи темпоралом я ни разу не встречал его, хотя и знал, что такой существует».

— Призрак... маг-призрак. М-да!

«Не призрак, но нечто материально неуловимое, ирреально невозможное... и очень опасное».

— В таком случае он — еще один Великий игва.

«Я думал об этом. И не нашел сильных доводов ни за, ни против».

— Что ж, что имеем, то и пьем. Если он помог нам, значит, он не с ними, и это факт отрадный.

Сухов огляделся.

Он лежал на песчаном возвышении, окруженном полупрозрачным серебристым куполом, за которым угадывался равнинный ландшафт с долинами рек, лесами и перелесками. Голова окончательно прояснилась, зверски захотелось есть. А еще внутри Никита ощущал присутствие некой силы, которая — шевельни он только пальцем — способна разнести в пыль любое препятствие: стену, гору и даже планету! Сухов шевельнул. С гулким и неистовым треском купол из туманного «стекла» над ними лопнул, вызвав кольцевую ударную волну, погнавшую вал пыли к горизонту.

«Осторожнее,— посоветовал Дадхикраван.— Научитесь сдерживаться, Посланник. Не знаю как вам удалось, может быть, по-

мог тот же Велиал, но вы перекачали всю атомарно-генную, родовую память в сферу сознания. Вы теперь — соборное существо. Все, что знали и умели ваши предки,— ваше достояние. И сила. Неужели не ощущаете?»

Сухов прислушался к себе. Взрыв мыслечувств всех психик-предков его рода был ему ответом. Деды и прадеды были с ним: сеятели, дружинники, бойцы, художники, ремесленники, сильные творческие личности, колдуны и маги. Они передали ему в наследство полное владение телом и духом, разбудили эйдетическое зрение, умение испускать энергетическое, астральное тело, ясновидение, психокинез, способность слияния с космическими событиями и ощущение Вселенной! Их сила стала его силой, надо было научиться лишь контролировать ее, и тогда стало бы возможным любое желаемое воздействие на мир.

Никита засмеялся, подпрыгнул вверх на добрый десяток метров, раскинул руки, как птица крылья, заложил вираж над холмом и спикировал на огненного псевдочеловека, который наблюдал за ним заинтересованно и приветливо.

— Живем, Отшельник! Сейчас я подкреплюсь, выясню, как дела у моего друга Такэды, и мы пойдем дальше.

«Дальше — хрон Уицраора, четвертого из Великих игв, «бога необъяснимого», как его зовут, а за ним — хрон Люцифера. Если не считать десятка мертвых Миров и Суфэтха, «кладбища Шаданакара», многомерной «ямы», соединяющей Начало и Конец Веера».

— Я сказал «дальше» в переносном смысле. Может быть, это хорошо, что мы подобрались к миру Люцифера...

«Хрон Люцифера имеет название Гинунгагап».

— Вот как? Не перестаю удивляться! Почти все эти названия существуют в земной мифологии. Гинунгагап — словечко из скандинавской, означает — первичный хаос, мировая бездна. А?!

«Связь Миров Веера теснее, чем вы думали. Имя есть действительно вибрация Космоса и передается оно эйдосом во все уголки Шаданакара быстрее, чем другая информация».

— Пусть будет Гинунгагап, хотя словечко — не из самых звучных и красивых. Так вот, хорошо, что мы подошли к обиталищу Люцифера с другой стороны, со стороны «кладбища». Отсюда он нас не ждет. Кстати, как бы выяснить поточнее, что это такое?

«По моим ощущениям — это провал в Большую Вселенную, выход в другие Вееры Миров и более сложные вселенные, входящие в состав Большой. Вряд ли Суфэтх преодолим... для нас, во всяком случае».

— Посмотрим. Покарауль, пока я буду насыщаться и листать эйдос.

Никита легко вошел в медитативный транс, достиг нужной пара-

норм-концентрации, «огляделся» в астрале, применяя транслокацию, выискивая скрытые ловушки демономагов, заблокировал два информационных «капкана» и подсоединился к эйдосу, всеобщему полю информации Веера на уровне гипер. Спустя несколько мгновений его астральное тело вышло в мире Уэ-Уэтеотля, отыскало мага и вошло с ним в контакт.

Длился контакт всего несколько миллисекунд, но за это время Никита выяснил все, что хотел, и отключил канал связи. «Вернувшись в себя, он автоматически «поел» — насытился энергией астрала — и перешел в состояние Личности. Дадхикраван стоял напротив и «смотрел» на него вопросительно. Излучаемую им мысль-эмоцию можно было перевести как: «Ну, что у нас плохого?»

— Долог был во мраке ночи Наш неверный трудный путь [1],— пробормотал Никита.— Хороших вестей немного, больше недобрых. У Люцифера оказалось больше сторонников, чем представлялось. Демоническая пропаганда, управляемая игвами и хаббардианцами из лагеря Великих,— а ведась она без малого тысячу лет, со времени Битвы,— сработала.

Огненный псевдочеловек все еще смотрел с сомнением, и Сухов пояснил мрачно:

— Идеи Люцифера, как оказалось, воспринимаемы многими существами, чья эволюция базируется на агрессии, лжи, эгоизме, ненависти и предательстве. Игвами, например.— Никита помолчал.— Людьми. И не только на Земле.

«Я не понял, о какой пропаганде речь».

— Об очень простой и эффективной. Всем жителям Веера внушалась примитивная формула: Люцифер — смелый воин, противостоящий всему миру! Один против всех, против толпы, так сказать. Самое интересное, что это действительно так! Откуда ни кинь взгляд — со стороны Добра или Зла — это правда. И каждый оценивает ее по-своему, в том числе и черные люди с жаждой убийства во взоре. А убийц всегда хватало во все времена.

«Я не человек, мне трудно понять вашу психологию».

— Не в этом суть.— Никита встряхнулся.— Если мы не успеем, нагрянет новая Битва, которая уничтожит половину творческого потенциала Шаданакара. А дополнит разрушение Веера фазовый переход хронов, затронутых Хаосом.

Дадхикраван заметно погрустнел.

«Я тоже чувствую опасную вибрацию Веера. Многие хроны в мертвых зонах уже схлопнулись, а окраинные стали перемешиваться друг с другом из-за ослабления потенциального хронобарьера. А причина — мой переход в состояние Личности».

— Казнить за это надо меня, что уговорил... да Люцифера,

[1] И. Бунин.

который не предусмотрел иного механизма сдерживания Веера от спонтанного схлопывания. Веер мы сохраним, но прежде надо создать сумму состояний Единого Принципа-регулятора, то есть объединить Семерых. А их у нас пока пять... если твой Велиал еще согласится.

«Он согласится. Как дела у вашего приятеля? Он что-нибудь успел сделать для Ксении?»

Никита невольно подивился тому, что бывшему темпоралу, полусуществу-полумашине, сфера чувств которого практически не содержала человеческих движений души, достало такта и тепла задать такой вопрос. Нахлынула тоска и желание убежать, спрятаться от всех, чтобы не думать ни о чем, ничего не делать, не беспокоиться о судьбах мира и о собственной судьбе... «Тогда уж лучше умереть!» — пришла трезвая мысль, и душа перестала колебаться. Ксения ждала его, внедренная в тысячи женщин множества миров Веера, и отступиться от задачи вернуть ее первозданность, значило предать: ее, себя, жизнь, любовь...

— Кое-что им удалось сделать,— сказал наконец Никита,— Ксения уже узнает Такэду, но почти ничего не помнит. Проблема ее полного восстановления далека от завершения. Если б я был дальновиднее, я не стал бы уничтожать Гиибель. Может быть, она смогла бы вернуть Ксении то, что отняла.

«Едва ли. Великих игв невозможно уговорить, они не считаются ни с кем, кроме себя, это существа колоссального индивидуализма, абсолюта собственных желаний. Поэтому они и сдружились с Люцифером, суть которого Великий Беспредел эгоцентризма. Но вы почему-то колеблетесь, Посланник. Что-то смущает вас, какой-то нюанс, которого я не понимаю».

— Кому повем печаль свою,— через силу улыбнулся Сухов, покачал головой.— Нюанс прост: я хочу домой. Вот и все. Но это не значит, что я колеблюсь. Путь не пройден, нужно срочно искать Шестого и Седьмого, а я чувствую, что мы не успеваем.

«Что ж, есть еще один выход».

— Какой же?

«Самому стать одним из Семерых».

Никита засмеялся... и умолк. Дадхикраван говорил серьезно. Однако такого поворота Сухов не ожидал. Да, конечно, он стал магом, овладев энергиями и гипервоздействием, способными сокрушить любую крепость, взорвать звезду или потушить галактику, но г о т о в ли он к этому своему новому естеству? Справится ли новоиспеченный маг с задачами, которые даже сформулировать невозможно человеческим языком?

«Справится,— ответил Дадхикраван, в и д я сумятицу мыслей и чувств Посланника.— Вы уже поставили перед собой Большую цель, может быть, и неосознанно».

— Что ты имеешь в виду? Победу над Люцифером, что ли?

«О нет, это не есть Большая цель.— Дадхикраван точь-в-точь повторил слова Зу-л-Кифла.— Любовь и Жизнь — вот Цель! Вот и добивайтесь ее, а средства найдутся. Тем более, что опираются они на идеалы добра и справедливости, пусть и не заложенные в основание Веера изначально, однако постепенно набирающие силу. Я достаточно долго общался с путешествующими по Мирам Веера, чтобы уяснить для себя эту истину».

— Ты хочешь сказать, что Веер... тоже создан кем-то в порядке эксперимента?

«Скорее да, чем нет, хотя конкретных доказательств у меня нет. Но речь не идет об эксперименте, Веер создавался, как и все живое, ради Жизни».

— Но если гипотетический создатель Веера не заложил в его основание идеалы добра и справедливости, откуда они появились?

«Не знаю. Может быть, существует какой-то глобальный Закон Равновесия, порождающий Добро в противовес Злу, чтобы Вселенная научилась ценить первое. Может быть, в Веер Добро проникло извне, из других Вееров или даже из Большой Вселенной, как и Зло».

— Как Люцифер?

«Как Люцифер. Но за его действиями стоит иное. Он — вне добра и зла! И к тому же он сам — порождение Веера. Хотя опять же полностью уверенным в этом я быть не могу».

— Ф-фу! Даже голова закружилась от масштабов! Нет, я все-таки не умею пользоваться эйдосферой, которая должна содержать в с ю информацию о Веере. Придется еще потренироваться проникать в нее глубже. Но пора возвращаться на грешную землю... так говорят у нас, у людей. Ты говорил, что Велиал вернется. Нельзя ли его позвать?

— Он здесь,— раздался не извне, а внутри, в глубинах естества, четкий голос, сопровождаемый целым фейерверком пси-образов.

Никита по чисто человеческой привычке обернулся, но обладателя голоса не увидел. И снова получил целый пакет пси-посланий, сопровождающих прямую речь, или мыслечувств, многих из которых не понимал.

— Посланник любит конкретную форму собеседника?

Сухов не успел ответить. Прямо перед ним воздух вдруг уплотнился, загустел, превратился в интерференционную картину световых волн, а потом в здоровенного угрюмого мужика в рубахе до колен из металлических блях. Кроме этой рубахи на мужике ничего не было, в одной руке он держал огромный топор, в другой противотанковую гранату. Был он кудлат, растрепан, лицо заросло волосами, глаза под нависшими бровями горели удалью пополам с бесшабашным сумасшествием и дьявольской хитростью.

Видимо, Велиал прочитал, что творилось в душе Посланника, потому что мужик подмигнул ему и заржал, открывая громадную пасть. Затем, совершив быструю трансформацию, перевоплотился в точную копию Сухова.

— Теперь годится?

И снова Никита не успел ответить. Мир вокруг к а ч н у л с я! Не так, как дом от землетрясения, а гораздо страшнее: содрогнулись глубины материи, вакуум, весь многомерный континуум Веера Миров. «Вздрогнули» не только атомы, но и составляющие их кварки и стринги, и даже суперточки — кванты пространства, связывающие микромир элементарных частиц с миром галактик.

Все трое застыли с одинаковым чувством недоумения, прислушиваясь к наступившей абсолютной тишине. Потом Сухов-два приятно улыбнулся:

— Поздравляю, джентльмены. Люцифер р а з р у ш и л стены своей тюрьмы! Если вы не поторопитесь собрать Семерых, Веер вскоре превратится в ад! В арену невиданных по жестокости войн — на всех уровнях и во всех слоях-вселенных. С перспективой свертки всех слоев-хронов в один супер-слой... что собственно и является замыслом Люцифера.

— Что?! То есть как? Зачем ему... Люциферу... разрушать всю систему миров? Ведь его цель — создать идеальный Хаос...

— А свернувшийся Веер и есть Хаос-абсолют. Чао, Посланник. Приятно было познакомиться. Если вы сможете объединить Семерых, я присоединюсь к вам. А пока у меня другие заботы.

Велиал в образе Сухова исчез.

«Посланник, пора»,— напомнил Дадхикраван.

— Да-да... да! — Никита выплыл из флегмы сумеречного состояния, в которое его повергло сообщение Велиала. Отчаяние, шевельнувшееся было в душе, он задавил вспышкой гнева. Решение созрело само собой, и он сформулировал его вслух:

— Отшельник, а ведь тебе придется идти со мной до конца Пути. Времени на поиски Седьмого у нас нет, вот и станешь им.

Дадхикраван молчал. Он даже на шутки реагировал серьезно, воспринимая только их открытый текст и не понимая подтекста, а заявление Сухова прозвучало как приказ.

«Я могу не справиться, Посланник».

— Не можешь, дружище, не имеешь права. Первое твое задание — добраться до Зу-л-Кифла и передать ему, что я жду в с е х, кто согласился, здесь, в мире Велиала.

«Почему бы вам не связаться с ним полем эйдоса?»

— Потому что об этом мгновенно узнает господин Люцифер и пошлет своих клевретов, а я хочу решить спор без Битвы, мирным путем. До тех пор, пока этот вариант не будет исключен.

— А я проведу небольшой разведрейд по соседним хронам, да посмотрю издали на Суфэтх. Интересно все же, что это за «кладбище Шаданакара», кого там похоронили.

«Надеюсь, вы знаете, что делаете. Но отвага — хорошо, а ум и отвага — лучше. Будьте осторожнее».— Дадхикраван пропал, как и Велиал до него.

— Спасибо за совет,— сказал Никита, глядя на то место, где только что стоял огненный псевдочеловек. Ему вдруг пригрезилась сцена Большого театра, яма оркестра, затемненный зал и тысячи лиц, смотрящих на сцену: зрители ждали его выхода...

6

Впервые он остался один.

Ощущение было странным, двойственным. С одной стороны, казалось, что все время мерзнет незащищенная спина: все-таки присутствие Такэды и Дадхикравана действовало успокаивающе, да и тыл прикрывался ими достаточно надежно. С другой стороны, отсутствие помощников мобилизовывало, заставляло кровь быстрей струиться по жилам и жить в ускоренном темпе, динамичней.

Настроив все паранормальные органы чувств в резонансе гипервидения, Сухов «заглянул» в соседний хрон, никого не учуял и почти без усилий «сдвинул» время на один хроноквант — как делал это Дадхикраван. Он оказался в сером нигде и в невесомости: это было облако пыли, висящее в пустоте и освещенное длинными волокнами какой-то далекой туманности. Причем — в радиодиапазоне. Этот Мир Веера был мертв, даже звезд в нем не осталось, все давно погасли или взорвались, рассеяв по пустому пространству гигантские облака пыли.

Следующий хрон тоже оказался мертвым, вернее, заполненным горячим газом и не менее горячей пылью, которую крутили турбулентные завихрения. Звезд в этом хроне не было по той простой причине, что они в данной вселенной и не могли образоваться в силу местных законов.

Затем шел Уппум, хрон Уицраора, самого загадочного из Великих игв, носящего прозвище «бог необъяснимого». Никита осторожно прозондировал скопления материи в этом хроне на предмет выявления дворца или замка, принадлежащего демону, не нашел ничего соответствующего не только понятию «замок» или «город», но и «планета», и вышел на острове, плавающем в огромном, беспредельном океане, по которому таким же образом плавали такие же острова, архипелаги и гигантские куски суши площадью с земную Австралию. Особенностью этого мира была плоская метрика с градиентом масштабов: по сути, он представлял собой бесконеч-

ную водную плоскость с изменяющейся по мере углубления в нее размерностью, что создавало иллюзию бездны, бесконечной глубины. На самом деле при погружении в океан изменялся сам объект погружения — сжимался, уменьшался до бесконечно малых величин, что и создавало эффект глубины. Реальная же глубина океана Уппума — на взгляд землянина — не превышала трех метров.

Точно такой же эффект «бесконечной высоты» создавала и атмосфера Уппума. Реальная толщина ее не достигала и сотни метров, но если бы кто-нибудь вознамерился достичь «потолка», ему бы это не удалось. Освещался же океан свечением верхнего слоя атмосферы. Диапазон свечения вбирал в себя и небольшой интервал электромагнитного излучения, в котором видел человеческий глаз. Цвет неба, на взгляд землянина, приближался к багрово-красному, закатному.

Остров, на который сошел Сухов, закутавшись в кокон защитного магиполя, был невелик и совершенно гол — этакий выпуклый каменный щит, весь в трещинах, покрытый пятнами солей и плесени. Осмотрев его и заглянув в глубины, Никита испытал небольшое потрясение: остров был живым существом! И плыл он не по воле волн и ветра, а в соответствии с инстинктами гиганта. Для определенности Никита назвал его «черепахой», хотя ни головы, ни ног у нее не было. Плыла же она, изменяя силу поверхностного натяжения воды.

Обойдя остров, Никита снова попытался обнаружить местонахождение базы Уицраора и снова потерпел неудачу. Мир Великого игвы не имел очагов напряженности магического поля, будто и не находился под контролем демономага. Выбрав остров побольше, Никита переместился туда, соблюдая все предосторожности разведчика, оставаясь невидимым и неслышимым под своим защитным «балахоном». Заметить его присутствие мог бы только маг очень высокого ранга, но в хроне, судя по спектру излучений и полей, их не было.

Остров, равный по размеру земному Мадагаскару, тоже оказался «черепахой», но ландшафт спины ее оказался разнообразнее. Во-первых, он был накрыт сетью из черных дымных струй, то вспухающих, то сжимающихся до толщины и плотности канатов. Сеть висела без опор на высоте двадцати с лишним метров и падать на остров не собиралась.

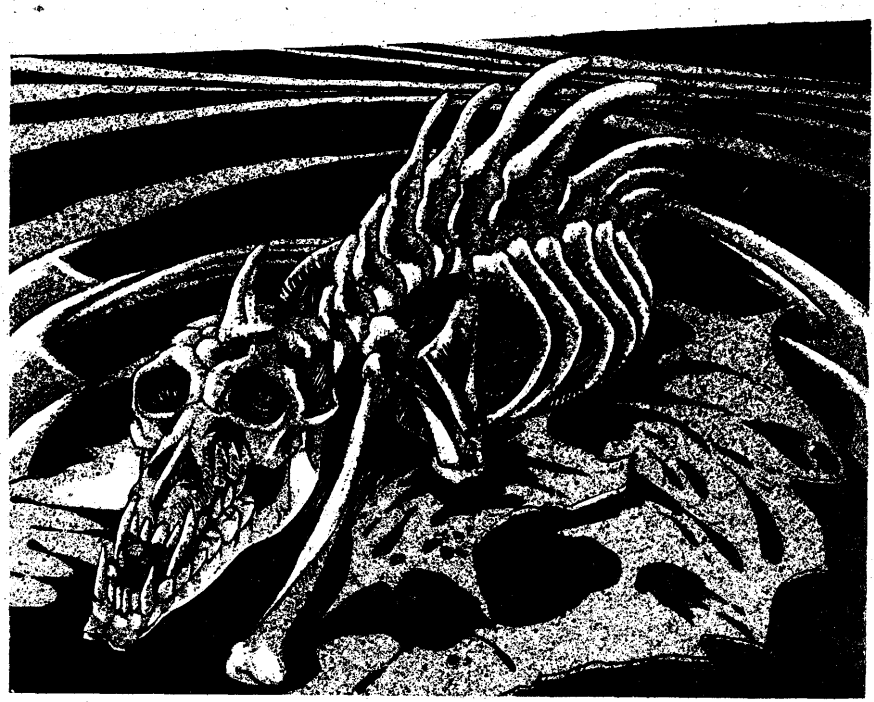
Во-вторых, остров был когда-то заселен, имел леса, реки и озера, но теперь выглядел так, будто по нему прошелся ураган. Странный ураган, надо признаться. Он не смел все с поверхности почвы, не сломал деревья и леса, а словно взорвал их изнутри! Каждый дом, каждый предмет. И не только предмет. Никита не сразу сообразил, что за холмики видит в развалинах пе-

ред собой, а когда понял, его чуть не стошнило. Необычного вида, кроваво-красные, с синими жилами и пятнами, топорщившиеся наростами и вздутиями, продолговатые холмики оказались трупами существ, буквально вывернутыми наизнанку!

— Дьявольщина! — прошептал Никита, глотая горькую слюну.— Что здесь произошло?

Спустившись на потрескавшуюся и взрыхленную землю одного из разрушенных поселений, он обошел его кругом и везде видел одно и то же: взорванные изнутри строения, но не разлетевшиеся, застывшие с вывернутыми внутренностями, и останки жителей поселка, превращенных в муляжи, пособия по анатомии, вывернутые неизвестной силой таким образом, что кожа и внешние органы оказались внутри, а все остальное: сердце, легкие, печень, костный каркас — снаружи. И произошла эта трагедия совсем недавно, за часы, если не за минуты до появления в Уппуме Никиты.

Побродив в окрестностях поселения, разглядывая развернутые веером древесные стволы, Никита переместился еще на один «черепаший» остров, не накрытый сетью из черного тумана. Здесь царило запустение, леса давно сгнили, а над рассыпавшимися



в прах поселками кружили страшные женские головы с распущенными волосами, с безумством во взоре. Изредка они пикировали на развалины, доносился тяжкий удар, поднималось облако пыли, под которым образовывалась гладкая площадка.

Конечно, «головы» Сухов видел человеческим зрением, на самом же деле это были многомерные существа, имеющие облик, далекий от земных аналогий. Никита не стал разбираться, что они делают, интуиция подсказывала ему, что «разведпоиск» пора заканчивать. Но ради полноты впечатлений он решил посетить еще один район океана — за пару миллионов парсеков отсюда.

Прыжок его закончился над островом, ландшафт которого поразительно напоминал земной. Зеленые и желтые поля, перелески, голубые озера и ручьи живо напомнили разведчику пейзажи среднерусской полосы, коих пруд пруди в Подмосковье или где-нибудь под Тверью. У Никиты даже в груди защемило, когда он разглядел березовую рощу на склоне холма, неторопливо спускавшуюся к небольшой реке, на водопой.

«Интересно, в чем же проявляется хозяин, «бог необъяснимого»? — подумал Никита мимолетно.— Пока все, что я вижу, вполне объяснимо».

Понаблюдав за жизнью острова сверху, он опустился возле одного из полей, на котором шла пахота: трое странного вида существ, карикатурно похожих на людей и одновременно на горбатых страусов, шли за плугом, который тащила куча насекомых, напоминающих гигантских муравьев. И хотя Никита не выходил из-под защитного колпака, эта троица что-то учуяла, потому что замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Шагавший чуть впереди оглядел единственным выпуклым глазом рощу неподалеку, холмы, реку и... передал глаз соседу. Тот, поозиравшись в свою очередь, передал глаз третьему пахарю. Это были хаббардианцы, владевшие одним глазом на троих, на все девять голов, по две из которых прятались в горбах?

«Кто же наказал вас таким образом? — подумал Никита с невольной жалостью.— И за что?»

Оратаи внезапно сорвались с места, попрыгали в реку, переплыли ее, забрались в грубо сработанную из деревянных досок, обломков и фанерных листов машину, напоминающую старинный самолет типа ПО-2 времен Второй мировой войны, и взлетели, унеслись в небеса. «Муравьи», тащившие плуг, рассыпались кучей и начали расползаться во все стороны. За ними расплылся и плуг, который, как оказалось, был «склеен» из черных кинжаловидных пиявок, попрыгавших в воду. Тень упала на остров, редкая кружевная тень.

Никита, не раздумывая, метнулся к океану, и вовремя: на спину «черепахи» опустилась знакомая сеть из черного тумана. И тот-

час же по всему пространству острова со всхлипом пробежала волна искривления, превратив все, что на нем росло, жило и двигалось, во «взорванные изнутри», вывернутые наизнанку страшные останки.

Сеть явно стремилась уничтожить вторичные ростки жизни, распускавшиеся на островах-«черепахах». Вероятнее всего, это был некий автоматический чистильщик Уицраора, вроде рыбы-прилипалы на шкуре акулы, уничтожавшей паразитов, грибки и водоросли. Но если грибки и паразиты на теле акулы не осознавали, кто они такие, то хаббардианцы, да и другие существа, строившие города, обладали разумом! И уничтожение, по мнению землянина, рассматривать нужно было уже под другим углом.

И все же он не вмешался бы в чужой порядок вещей, если бы не случилось нечто экстраординарное. Лишь когда это произошло, Никита понял, что купился, как «последний фраер», но было уже поздно что-либо менять.

Последний островок, на котором он решил задержаться, был невелик и походил на площадку для гольфа, покрытую густой и короткой травой. Даже мрачное освещение Уппума не могло полностью скрыть зеленые сочные краски острова, окаймленного по берегу ровной полосой кустарника. Остров был явно облагорожен и предназначен для отдыха, поэтому Сухов не удивился, узрев одинокую фигуру на траве. Затем сердце оборвалось от предчувствия, ибо единственный отдыхающий на осторове был женщиной. Долгое мгновение Никита вглядывался в нее, боясь ошибиться, но сердце не обмануло — это была Ксения!

Она сидела, обнаженная, с улыбкой на лице, и примеряла прозрачно-дымчатые пеньюары, беря их из вороха белья всевозможных форм, но одного цвета — алого. Процесс примерки только начался, судя по тому, что Ксения отбросила пеньюар в сторону, к такому же, и взяла еще один. Но этот не сняла, а надела сверху второй. Потом третий, четвертый, десятый, пока не стала похожа на кочан капусты.

«Боже мой!» — ахнул про себя Никита. Но восклицание его относилось не к видимому помешательству девушки. Ему показалось, что он понял, как можно вернуть Ксении все, что у нее отняли — интеллект, разум, память, душу.

Тень упала на остров — сверху опускалась зловещая черная сеть. И Никита, понимая в последнее мгновение, что Ксения, примеряющая ночные рубашки, всего лишь фантом, чей-то недобрый розыгрыш, не удержался от порыва. Выйдя из-под скорлупы защитного поля, он тремя ударами-всполохами меча разрубил задымившую сеть на части... и оказался лицом к лицу с гигантской фигурой Уицраора. Гигантской не только по масштабам, но и по наполнению энергетической и информационной сути, по реакции мира, заколебавшегося от проявления архонта, владыки данной вселенной.

Уицраор действительно был многомерным существом, как и его хрон, и в каждом измерении виделся по-разному, но человеческому глазу он показался бы сгорбленным стариком в фиолетовом, с голубым ореолом, плаще с капюшоном, из-под которого на собеседника угрюмо и страшно смотрела Тьма.

Врасплох появление Великого игвы Никиту не застало, он знал, где находится, кто здесь хозяин и что может произойти. Однако даже ожидаемая неприятность от этого не становится более приятной, поэтому у Сухова создалось впечатление неловкости, будто его застукали на чем-то неэтичном и мелком, вроде кражи варенья из банки.

Их разговор, если можно называть разговором многоуровневый обмен информацией в сверхбыстром темпе, длился всего сотую долю секунды, и передать его содержание полностью человеческим языком не удалось бы, разве что общий смысл эмоциологем-фраз, пакетов информации. Так первая «фраза» Уицраора включала в себя утверждение, удивление, недоумение с подсмысловыми «гармониками» и целый ряд образов в сопровождении сложнейших мысленных формул, но ее можно было свести, в общем-то, к приветствию типа:

— Ба, Посланник! Какие люди — и без охраны!

Никита ответил вежливо и короче, хотя и его ответ в пси-диапазоне содержал планы, подпланы и перспективы:

— Привет, Великий.

Никита перешел на полное возбуждение сверхсознания. Уицраора он не опасался, хотя и понимал, что справиться с подручным Люцифера будет непросто. Но драться не хотелось.

— Прости, Великий, что ворвался в твой мир непрошено. Поддался любопытству. Но ты ведь давно знал, что я здесь?

— Я слежу за тобой с момента знакомства с Велиалом, Посланник. Твоя магизащита несовершенна.

— Зато совершенно оружие. Зачем тебе понадобилось затевать эту игру с... моей девушкой? Вернее, с ее призраком?

— Проверял твою реакцию. Гиибель была права: ты излишне эмоционален, а следовательно, уязвим. Тебе не удастся ни собрать Семерых, ни даже уцелеть.

Обмен информацией прекратился, потому что дальнейший контакт демономага и мага связи протекал в ином режиме, энергетическом и материально-физическом, и длился не более долей секунды.

Уицраор нанес колющий удар вардзуни — Сухов мечом отразил выпад. Великий игва сделал залп из шиххиртха — Никита заставил стрелы-ракеты взорваться раньше. Уицраор перестроил метрику пространства, скрутив многомерный жгут и пытаясь загнать туда гостя, Никита ответил «размоткой» более обширной

области хрона в плоский двумерный континуум. Озадаченный Уицраор приостановился, почуяв необычную силу противника.

— Предлагаю разойтись мирным путем,— передал Сухов послание всеми мыслимыми способами связи.— Я не хочу воевать. Ни с тобой, ни с кем-либо вообще.

— Но Гиибель ты уничтожил.

— Не было выхода. В противном случае она уничтожила бы меня, а я еще не закончил Путь.

— Тогда зачем ты явился в мой хрон? Только ли ради любопытства?

— Мне нужен был выход к Суфэтху, а твой хрон граничит с ним.

— Кладбище Шаданакара не предназначено для разглядывания его не только простым смертным, но и магам. Войти туда легко, выйти — невозможно.

— Я бы предпочел убедиться в этом сам. Еще раз предлагаю мир. Нам нечего делить в мирах Веера.

— Кроме славы.

— Ах да. Я забыл, что Великие игвы тщеславны.

— Не без оснований, Посланник. Едва ли еще когда-нибудь родятся маги и создатели такого уровня, как мы.

— Если бы вы, создавая, не разрушали при этом,— грустно вздохнул Никита.— Конструкторы вы действительно великие, но, вынужден огорчить: во-первых, и вам неведомо предельное совершенство, во-вторых, даже в хронах Веера найдутся не менее великие строители, экспериментаторы и зодчие, о других же ансамблях вселенных говорить не приходится.

— Ты ошибаешься, Посланник. Единственный маг, который превосходит нас в какой-то мере, это Люцифер. Но не будем опускаться до спора. Ты свободен.— Уицраор высветил в пси-диапазоне свое имя как комбинацию четырех девяток и исчез.

Никита вспомнил магическую арифметику Такэды: четыре девятки, которыми был отмечен Великий игва, означали редкий ум, жестокость, неспособность к милосердию и откровенное презрение к более слабому. Человеку, обладающему подобным характерологическим сочетанием цифр, открывались истины Вселенной. Какие же истины открыты Уицраору? И почему он отступил?

Что-то мелькнуло над головой. Сухов глянул вверх. На него опускалась гигантская черная сеть. Горизонт начал зыбиться, искривляться, темнеть, океан под ногами собрался в текучий кратер вулкана, поглотил остров. Одновременно поле зрения во всех диапазонах электромагнитного спектра сузилось, а пси-диапазон вообще оказался задавлен мощным полем помех. Пространство заколебалось, будто почва под ногами тяжело идущего исполина.

Люцифер, мелькнула мысль, будя в душе жуть и страх. Но это

оказался не Господин Веера, а его помощники — Даймон и Гагтунгр. Оба — в лучистых панцирях собственной магической защиты, превращавших их в создания немыслимого с точки зрения человека уродства. На всем их облике лежала чудовищная печать проклятия, невыразимо ужасная и отвратительная. Готовые уничтожить любого, кто станет на пути, они возникли духами небытия, демонами разрушения, отринувшими маски великих творцов и ставшими теми, кем были на самом деле — абсолютными эгоцентристами, готовыми ради себя и своих желаний разнести вдребезги любую вселенную, в том числе и населенную своими же соплеменниками.

Недолго думая Сухов переместился в соседний хрон, представляющий собой мертвый, измененный дыханием близкого Суфэтха мир, пустой, без звезд и галактик, затем еще дальше, в последний хрон, граничащий с «кладбищем Шаданакара». Это не было паническим бегством, скорее отступлением с надеждой избежать нового боя. Но Великие игвы жаждали схватки и шли по пятам.

Хрон, соседствующий с Суфэтхом, представлял собой нечто вроде сростка кристаллов, каждый размерами с планету типа Земли. Внутри кристаллов еще сохранялась какая-то организация, остатки жизни, подобие пейзажей и ландшафтов, большинство из которых недоступно было человеческим ощущениям, пространство же, окружавшее «кристаллы», горело! Вернее, горело время, постепенно разрушая «кристаллы», испаряя их внешние слои, превращая в потоки сверхбыстрых частиц — тахионов, уносящихся в Суфэтх. Видимо, и в этом хроне кто-то из Великих игв, тот же Гагтунгр, экспериментировал со временем.

Оказавшись внутри одного из таких «кристаллов», Никита попытался сообразить, что делать в создавшейся ситуации. Игвы шли за ним, судя по сотрясениям вакуума Веера, и намерений своих не меняли.

Пейзаж «кристалла» напоминал земную зиму: бесконечные белые холмы, редкий снег, небо в пятнах свечения, с красивой вуалью «северного сияния»,— но все это было лишь отражением действительности в мозгу наблюдателя Сухова, продолжавшего судить обо всем земными категориями и аналогиями.

В запасе у него было всего несколько долей секунды, прятаться не имело смысла, разве что в Суфэтх, путь в который был ему заказан, если верить Уицраору, и Сухов успел только дать сигнал тревоги, надеясь, что вибрация Веера — особый способ связи, доступный лишь магам, дойдет по назначению.

Игвы прошли хронобарьер, проявляясь в «кристалле» вихрями огня, пока не приобрели облик, схожий с обликом Уицраора. Для человеческого глаза этот облик ассоциировался бы с гигантами в фиолетовых, с искрами и молниями, плащах с накинутыми на го-

ловы остроконечными капюшонами, и лица их были — сам мрак! Было их сначала двое, потом объявился третий — Уицраор решил-таки присоединиться к коллегам.

Никто из них не стал объясняться с Посланником, все трое знали его цель, стремления и возможности, и ошибаться не хотели. Первым вступил в бой Даймон, уже имевший опыт борьбы с магом связи. И Никита, внутренне ожидавший предварительного разговора, какого-то обмена мыслями, готовый к компромиссу во имя истины, вдруг ощутил прилив бешеной ярости. Его не хотели слушать, не принимали в расчет, откровенно презирали и считали за слабака, вступившего на Путь ради славы, а главное — были уверены в своем исключительном праве вершить суд, распоряжаться чужими судьбами и жизнью. Такую этику высших сил Никита принять не мог.

Его ответный удар буквально расколол «кристалл», мгновенно растопив снег и разогнав тучи на всем многотысячекилометровом пространстве. Защиту Даймона он не пробил, но заставил демона отступить, спрятаться за панцирь свернутого пространства. Лезвие меча плясало вокруг Сухова, как мерцающее пламя, складываясь в узорчатый, красивый и смертельный веер, сквозь который ничто не могло пробиться к телу мага. Никита не стал ждать, когда другие Великие соизволят бросить ему перчатку, и напал первым.

Меч его свистящим зелено-голубым зигзагом дважды перекрестил Гагтунгра, сорвал с него капюшон и выбил из рук шиххиртх, заряженный стрелами-гранатами, взрывающими вакуум. Следующий выпад неминуемо отправил бы демономага в мир иной, однако вмешался Уицраор, творец законов, владеющий более тонкими методами разрушения пространств с любым количеством измерений. Дальнейший поединок продолжался уже на уровне изменения физических констант, что усугубило распад хрона, превращая его в глубокое многомерное «болото».

Никита почувствовал, как вокруг него сплелся тугой узел иномерия, закрутил пространство в хитрую спираль, которую меч сразу разрубить не смог, сам будучи свернутым в спираль, потеряв сразу три степени свободы. Это означало, что им можно было действовать лишь как рапирой или потоком излучения, потоком силы, но не орудием многодиапазонного назначения, и Никита потерял несколько драгоценных мгновений, решая поставленную проблему. А когда решил и освободился от тугих стихий, сдавливающих тело, лишающих свободы маневра, Даймон снова нанес пси-удар, который пробил защиту и оглушил Сухова, как хороший удар дубиной по голове.

Длилось это состояние недолго, тысячную долю секунды, сверхсознание Посланника тоже работало быстро и восстанавливалось без потерь, черпая энергию-информацию эйдоса в режиме син-

хронной накачки, успевая защитить самый хрупкий свой элемент — человеческое тело с его неповоротливым мозгом, однако и этого малого отрезка времени оказалось бы достаточно для того, чтобы демономаги справились с Посланником... если бы не их исключительная самоуверенность и желание насладиться не только победой, но и унижением противника. Они дали ему еще несколько драгоценных мгновений, красочно показав в пси-объеме, что с ним будет: предполагалось закапсулировать Посланника внутри «непроявленной вселенной», микрочастицы вроде фридмона или кварка, идеальной тюрьмы, выхода из которой не нашел бы, наверное, и более сильный маг.

«Спасибо за перспективу!» — передал троице Никита, одновременно разделяясь на три одинаковые фигуры: все тот же образ русского воина в доспехах. Разделение создало бурю в пространстве «кристалла», окончательно преобразив его ландшафт в облако пыли и обломков. Двойники не были просто видеопризраками, они обладали всеми признаками психофизической матрицы и магисферой, и демоны «купились»: каждому из них пришлось выбрать своего противника. Этой заминки оказалось Сухову достаточно, чтобы нанести упреждающий удар и вывести из боя Гагтунгра. Меч проделал в теле демона дыру — «струнный» вход в пространство двенадцатимерности — и воткнул туда все конечности Великого игвы, его «руки» и «ноги».

Именно в этот момент Сухову пришла помощь.

«Кристалл», внутри которого шел бой магов, пронзила ослепительная молния хронозаряда, и рядом с Посланником возник сияющий контур Машины Всех Машин, пилотируемой Магэльфом, роем пчел, интеллект которого поставил его в разряд «технологических колдунов». Бой сразу приобрел другой характер. Посланник перестал быть обороняющимся, а силы сражавшихся сторон выровнялись, потому что Гагтургр на время выбыл из борьбы. И тут странно повел себя Уицраор.

Он вдруг отступил, отсалютовал копьем света, как бы признавая силу противника, и выдал сложный пакет мыслей-эмоций-сообщений, смысл которого был адекватен человеческому восклицанию типа «черт побери!» или «ну и ну!». Если бы Никита смотрел этот спектакль по телевизору, он бы рассмеялся, но юмор собственного изречения оказался Уицраору недоступен.

— Мир тебе, Посланник,— продолжал четвертый Великий игва, постепенно исчезая за броней невидимости.— Я предупреждал их, но они не вняли. До встречи в новых вселенных.

Уицраор исчез. А Никита понял, что имели в виду те, кто назвал Уицраора «богом необъяснимого». Он и был им, но — «богом необъяснимых поступков и решений»! Не обладая великодушием и милосердием, не отделяя добра от зла, подчиняясь только соб-

ственным инстинктам и оценкам, он иногда совершал непредсказуемые даже соратниками поступки, находя идеальные с точки зрения этики Шаданакара решения.

— Уходим,— сказал замершему Никите Магэльф.— Нет смысла уничтожать этот хрон, а мы уничтожим его, если будем продолжать бой.

Универтер засиял так, что на него стало больно смотреть. Сорвавшаяся с него молния кваркового распада подбросила глыбу Гаттунгра на несколько километров над тучей пыли. Даймон, еле видимый за космами дыма, пара и пыли, отступил, что-то задумав — судя по мыслеэху, долетевшему до магов.

— Уходим,— еще раз просигналил Сухову Магэльф.

Но они не успели. Даймон, далеко не уверенный в исходе боя, применил последнее средство, о котором не знали даже его сподвижники. Средством этим был «излучатель тьмы» или «инвертор порядка», то есть, по сути, малый синтезатор хаоса, идею которого когда-то подал Люцифер и над которым работал Даймон.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких долей секунды (весь бой до этого продолжался около полусекунды): стремительное «скатывание» кривизны пространства, нарастание плотности гравитационного поля, рост напряженности всех полей, ядерные резонансы, буквально превратившие окружающую среду в один большой атомный взрыв, поворот симметрии частиц, означавший готовность вакуума к фазовому переходу, и, как следствие, начало схлопывания хрона. И вдруг, как удар — остановка времени!

Пространство хрона, весь его «сросток кристаллов», а также отдельные домены, разделенные тончайшими зеркальными стенками. Все физические процессы вплоть до вращения электронов в атомах практически прекратились. Лишь специфическое движение эйдоса, охватывающего отдельные островки индивидуальных информационных полей, принадлежащих разумным существам, не затихло. И Никита впервые во всем объеме почувствовал это сверхтонкое, надвременное д в и ж е н и е, основу основ Веера Миров, не поддающееся никаким воздействиям изнутри самого Веера. Сознание на мгновение отключилось, но заговорил магический контур сверхсознания, впаянный в эйдос, как муравей в янтарь, и чувствующий малейшие его изменения. Никита понял,к т о остановил время, вернее, не время, а поток событий, сохранив энергетический аспект времени. И получил в ответ мгновенную видеокартинку: словно из-под ветвей дерева с кружевным узором листьев выглянул загорелый молодой человек с шапкой белых волос, в глазах которого светились ум и сила, подмигнул Посланнику и скрылся, оставив в душе мимолетное сожаление и тоску. Вероятно, это был тот самый «бог данного мгновения», вернее, его отражение в сознании Сухова-человека. Мифы не лгали, Дадхикраван был прав:

«бог данного мгновения» представлял собой мгновенно возникающую и так же мгновенно уходящую страшную роковую силу, способную как созидать, так и разрушать, и жил он в н е Веера Миров как объект, сравнимый с ним по сложности, энергопотенциалу и информационному насыщению. Останавливая поток событий в одном из Миров-хронов Веера, он, конечно, преследовал свои, неведомые никому цели, но у Сухова осталось впечатление, что вмешался он пусть и не ради спасения Посланника, но ради чего-то большего, может быть, ради спасения Веера, уникального образования даже для Большой Вселенной.

Во всяком случае, лицо в узоре зеленых листьев Никита не смог бы забыть до конца своих дней.

Время сдвинулось с места на неуловимый квант: внешняя сила перестала сдерживать его. Следующий миг мог стать роковым, схлопывание хрона уже ничто не могло остановить, смерть казалась неминуемой, однако Никита ощутил вдруг прилив сил, кто-то буквально влил в него порцию энергии, как глоток эликсира бессмертия, и он успел прыгнуть вперед, сквозь стенку хронобарьера, выдернув за собой Магэльфа и того, кто его спас.

7

Он не знал, успели спастись Даймон и Гагтунгр от порожденного ими же катаклизма или нет, хотя и подумал об этом мимолетно. Но, как оказалось, собственные беды еще не закончились. Прыжок сквозь хронобарьер, разделяющий Миры Веера, закончился в Суфэтхе!

Было ли то следствием потери ориентации или физическим воздействием «кладбища Шаданакара», Сухов не понял, а на анализ времени у него уже не было.

Суфэтх действительно был «кладбищем», способным похоронить любой материальный объект любой протяженности, в том числе и вселенную-хрон. Будучи «выступом», своеобразной переходной зоной Большой Вселенной в теле Веера Миров, которая имела 506-мерную [1] размерность с реально развернутыми координатами [2], Суфэтх поглощал в с ю энергию любого проникшего в него тела, в том числе и энергию атомарных связей и даже энергию кварко-глюонного обмена! От «нарушителя» оставался только пси-информационный каркас, так сказать «тень души», проваливающаяся

[1] На сегодняшний день эта размерность соответствует непротиворечивой теории «суперструн».

[2] В нашей Вселенной развернуты лишь 4 координаты, три создают объем, четвертая — время, остальные — компактный континуум с планковскими размерами (менее 10 в минус тридцать третьей степени).

в конце концов на «дно кладбища», передающая свою сущность вечно кипящей Большой Вселенной.

То, что вырваться из Суфэтха почти невозможно, Никита понял сразу, почуяв жуткий, ужасающий, отнимающий силы холод. Супер-холод! За несколько мгновений Суфэтх высосал энергию внешней магической защиты, пробил брешь в силовом коконе сверхсознания, сжал мозг ледяными пальцами, продолжая выкачивать запасы био и пси-энергии, и Сухова охватил ужас: жизнь утекала в Никуда, в Ничто, в Беспредельность и Вечность! Сил на пролом хронобарьера в обратном направлении уже не оставалось.

— Прощай! — донесся пси-крик Магэльфа, пережившего те же впечатления; «Машина Всех Машин» не могла спасти его, как и собственная мощь.

И в этот момент в события снова вмешался некто третий, тот, кто помог Никите и Магэльфу выбраться из коллапсирующего хрона. Им оказался... Дадхикраван!

— Держитесь, Посланник! — услышал-понял внезапно Сухов. Появилось ощущение, будто горячая твердая ладонь поддержала его под локоть, и было это ощущение столь явственным, что Никита даже увидел рядом сосредоточенного огненного псевдочеловека. Ладонь придала новые силы, через нее в тело Посланника влилась целая река энергии. Дадхикраван тратил собственные запасы с безумной щедростью, и, почувствовав, что это означает, Никита рванулся прочь из Суфэтха, не забыв увлечь за собой Магэльфа, еще не растворившегося в абсолютном светомраке «кладбища Шаданакара».

Показалось Сухову, на краткий миг он увидел Большую Вселенную: плотнейшую, плотнее ядерной, субстанцию, передергиваемую судорогами сверхнапряжений, в которой вспыхивали, расширялись, росли и снова сжимались ансамбли метавселенных наподобие Веера, а также проще и куда сложнее. И грандиозная эта картина, Апокалипсис Вечности и Бесконечности, заставила Никиту ужаснуться от восторга и испытать невиданную боль и горечь: оценить Большую Вселенную, объект бесконечной сложности, постичь ее разумом живущего в ней существа, даже такого великого, как Люцифер, было невозможно. Как оценить то, что нельзя оценить ни пятью, ни тридцатью пятью чувствами?

Понял Никита и то, что вряд ли когда-нибудь еще удастся облечь в слова и образы увиденное им на уровне сверхсознания, выразить эту картину доступными ему средствами. Как описать то, что невозможно описать ни человеческим, ни каким-либо другим языком? Беспредельное разнообразие невыразимо, как и предельное совершенство...

Очнулся он в мертвом, но не сжимающемся в точку, мире, на краю «лестницы Шаданакара», еще очень близко от Суфэтха. Ря-

дом болтался цепко удерживаемый «захватом» магиполя закукливщийся рой Магэльфа — универтер исчез,— и плавал в ауре бледного сияния Дадхикраван. Вернее, тень его, зыбящаяся, неплотная, просвечивающая, как кисейная занавеска. Весь океан энергии, запасенный им в себе — в принципе, бывший темпорал и был сгустком энергии с организацией мыслящего существа,— позволявшей ему беспрепятственно проникать в любой уголок Веера, он отдал Никите, спасая его от смертельных объятий Суфэтха.

Не останавливаясь, Сухов продавил мечом квантовый барьер соседнего хрона, давно перестав обращать внимание на сопутствующие просачиванию сквозь барьер ощущения, и шел так до тех пор, пока не оказался в мире Велиала.

— Опусти меч, Посланник,— послышался ему знакомый звучный, богатый интонациями, пси-голос.— Ты среди друзей.

— Зу-л-Кифл! — пробормотал Никита, вдруг почувствовав невыносимую тяжесть меча.

Сфера ощущений Посланника стремительно сжалась до размеров человеческого тела. Он «выпал» из сверхсознания, ритм мышления и скорость реакций снизились до нормальных, человеческих.

Он огляделся: песчаный берег, река, неземной, но лес невдалеке — и не успел ничего сообразить, как вдруг кто-то обнял его, прижался к груди, и горячие губы коснулись его сухих, воспаленных глаз, щек, губ.

— Господи! — с трудом выговорил Сухов.— Ксения?!

— Не веришь глазам своим, поверь на слово,— засмеялся кто-то за рекой.

Никита оглянулся, разглядев фигуру воина в доспехах, но с непокрытой головой.

— Яросвет?

— Кто же еще? Вижу, Дадхикраван добрался до тебя вовремя. А кто это с тобой, в коконе? Неужто Магэльф?

Сухов окончательно пришел в себя, отстранил Ксению, окинув ее взглядом и разом впитав красоту девушки, которую не мог скрыть какой-то дымящийся защитный комбинезон, и ее неповторимую свежесть. Она казалась нормальной, натурой цельной и в то же время по-домашнему мягкой, но было отсутствие обычной «смеси» в ауре ее пси-излучения очаровательной непринужденности, мечтательности и твердых убеждений, а также ощущение неловкости и рассеянности, которое она внушала, все время пытаясь что-то вспомнить. Все это говорило о нарушениях в психике. Душу Ксении еще предстояло «собирать» по хронам, прежде чем она станет прежней. Но его она уже вспомнила!

Никита поцеловал девушку в подбородок.

— Подожди, милая.— Обернулся к Дадхикравану, вокруг которого уже собрались маги, в том числе и оживший, приобретший

форму человека, «римского императора», Магэльф. Кто-то тронул Сухова за руку.

— Что с ним?

Никита сжал до боли руку Такэды, одетого все в тот же костюм-диморфант, опомнился, прижал его к себе и отпустил.

— Он умирает,— ответил вместо Никиты Яросвет.— Что тут у вас произошло, Посланник?

Запинаясь, Никита пересказал события последних минут, о том, как его и Магэльфа спасло появление бывшего темпорала, умолк, шагнул к Дадхикравану.

— Отшельник, дружище...

— Не стоит кручиниться,— долетел слабый пси-шепот огненного псевдочеловека, ставшего почти прозрачным, как лунный блик на стекле.— Вы мне уже не поможете, несмотря на все ваше умение. Я знал, что так будет, и не жалею ни о чем. Посланник, не казните себя, я благодарен вам за мгновения свободы.

— Ты... знал?!

— Конечно, я ведь соединял не только Миры Веера, но и прошлое с будущим.

— Ты знал!.. О, дьявол! Неужели все это — мой поход, твое освобождение, бой с игвами — было рассчитано Люцифером?!

Берег, на котором стояли маги, вдруг подпрыгнул, будто по нему ударили исполинской кувалдой. Из недр материковой коры, на которой он покоился, донесся долго не затихающий гул.

— Что это? — повернулся к Сухову Такэда.

— Люцифер? — негромко спросил неведомо кого Яросвет.— Его тяжелая нога?

— Нет,— раздался из воздуха вежливый голос; Велиал тоже присутствовал на собрании магов, только невидимый.— Это ударная волна, порожденная взаимопроникновением двух соседних хронов. Веер начал складываться, джентльмены. Если мы хотим что-то сделать, надо спешить. Но я не уверен, что мы справимся с коллапсом Шаданакара, тем более, что обойма неполная — нас шестеро. Принцип-регулятор же начнет работать, лишь когда соединятся Семеро магов.

— Нас семеро,— прошелестело, как вздох, утверждение Дадхикравана.— Если земляне Такэда и Ксения согласятся послужить мне материальной оболочкой, с их помощью я проживу достаточно, чтобы соединить нас всех. Я знаю, как это делается, потому что видел не один раз. И тогда, может быть, мы что-нибудь придумаем.

— Да,— без колебаний кивнул Такэда, не дожидаясь, когда кто-нибудь из магов обратится к нему с просьбой.— Я согласен.

— Ксюша...— Никита взял девушку за плечи, заглянул в глаза, но сформулировать просьбу сразу не смог.

— Что я должна делать? — доверчиво спросили она.— Я согласна. Ты ведь не оставишь меня?

— Нет! — каменно-твердо сказал Никита. Обернулся к Дадхикравану.— Начинайте... э-э, а где Уэтль?

— Я здесь, брат,— словно чертик из коробки выпрыгнул из кустов индеец-маг, невозмутимый, как всегда, готовый драться, спасать друга или его любимую, или Вселенную!

— Значит, все здесь. Что ж, Отшельник, начинай, выхода у нас все равно нет. И кажется, я знаю, что делать.

— Тогда ты и будешь ведущим выразителем высшего закона Веера, имя которому — справедливость. И ты же станешь направляющим острия Принципа-регулятора. Принимаете, маги?

— Я бы хотел кое-что уточнить,— сказал Велиал.— Среди нас есть более опытные маги, которые могли бы возглавить Семерку...

— Оставь, Велиал,— бросил Зу-л-Кифл.— Я знаю, к чему ты клонишь, но это в тебе говорит Совратитель, дух двойственности и тщеславия. Ведь ты родственник хаббардинцам?

— В какой-то степени. Но я хотел только...

— Предложение Уэтля принимается. Речь идет не о личной выгоде и не о личном героизме, речь идет о судьбе Шаданакара. Идеалы толерантности, а также справедливости, истины, добра, достоинства, благородства, гармонии и красоты в чести не во всех Мирах Веера благодаря вмешательству Люцифера и его слуг, однако незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Семеро собираются не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы остановить и сделать правильный выбор. Дадхикраван, мы готовы.

Маги сдвинулись теснее, хотя этого и не требовалось.

Такэда вдруг тихо рассмеялся. Пояснил в ответ на удивленные взгляды магов:

— Вспомнился Некрасов:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...

— Весьма удачное сравнение,—усмехнулся Зу-л-Кифл.— Вперед, мужики?

Никита одной рукой крепче прижал Ксению, а другой обнял за плечи Такэду. Время, казалось, замедлило свой неслышимый бег. А потом в сознание каждого вошел Дадхикраван (они ощущали его таким, какими были сами), и небывалая ясность мысли потрясла Сухова, осознавшего себя одновременно и Уэ-Уэтеолем, и Яросветом, и остальными магами, а также Такэдой и Ксенией, то есть синтетической личностью, мыслящей сразу во многих плос-

костях, на многих уровнях, и обладавший небывалой физической, энергетической, информационной и пси-мощью.

Нет, маги тоже остались личностями с высоким интеллектом и собственной эмоциональной сферой, но Сухов как бы стоял на вершине пирамиды Семерых и владел остальными, как органами своего тела.

Он мог бы сформировать себе облик любого существа или объекта — звезды, например, или планеты, или машины-робота,— но, подчиняясь генам человека, землянина, сохранил образ русского витязя, готового к бою, одетого в кольчужные доспехи, с мечом в руке. Маги и люди, преобразованные универсальным магиполем в полевую форму материи, не стали деталями костюма или доспехов, но влились в Сухова, как матрешки — одна в другую, стали симбиотом, единым организмом с общей душой и сознанием, продолжая в то же время полилог, обмен мыслями, как делали бы это в обычной беседе. Правда, гораздо быстрее. И все же власть над симбиотом была сосредоточена у Сухова. Синтезированный гигант — Принцип-регулятор — подчинялся его воле. Лишь на один краткий миг Никита подумал об этом с мимолетным удивлением и гордостью без восторга и приятных эмоций, и тут же забыл.

Умея ускорять и замедлять время, Сухов-Единый, олицетворение Закона Веера, огляделся. Теперь ему были доступны в ы с ш и е с и я н и я, о которых когда-то говорил Зу-л-Кифл, сам толком не понимая, что это такое, а также все процессы в мирах-вселенных Шаданакара. Катастрофа еще не произошла, но Веер действительно начал складываться. Потенциальные барьеры, разделявшие хроны с разным ходом времени, становились тоньше, лопались, исчезали, и хроны «проваливались» друг в друга, порождая взрывы вакуума в них, из которых выделялась энергия, способная уничтожить любую вселенную. Во взаимопроникших хронах рождалась «стоячая волна» Хаоса, отрицающая всякий порядок и жизнь.

Эти хроны находились на краях «лестницы Шаданакара», рядом с Болотом Смерти и мирами Великих игв, то есть «далеко» от цивилизованных миров, но процесс, если он уже начался, остановить было очень трудно, и время общего коллапса не играло роли, сколь большим ни казался бы его отрезок до финала.

Никита глянул «в начало времен» более внимательно. Где-то там шевелился выбравшийся из своей тюрьмы-вселенной Люцифер, изредка встряхивая Веер.

Он з н а л, что Принцип-регулятор универсума, высший Закон Веера, заработал.

— Пошли к нему,— сказал Никита внутрь себя.— Все равно он нас ждет, а я хочу предложить ему компромисс, от которого он, может быть, и не откажется.

Никто из магов-оболочек Единого не возразил, успев разобрать-

ся в движении мысли Никиты, лишь Велиал добавил в композицию общего согласия нотку скептической меланхолии.

Ощущая одномоментно все то же, что и каждый из магов: воинственно-безмятежную готовность Уэ-Уэтеотля к смерти за правое дело, философскую сосредоточенность Зу-л-Кифла, возбужденное нетерпение Яросвета, экзотическое любопытство роя пчел Магэльфа, сомнения Велиала, поддержку Дадхикравана, играющего роль общего канала пси-связи, восторг и безмерное удивление Такэды, такое же удивление и нежное тепло Ксении,— Сухов-Единый о б н я л их всех и, шагнув сквозь мертвые миры верхнего конца «лестницы Шаданакара», замер на мгновение перед стеной, отделяющей Веер от Суфэтха. Но теперь он не боялся «кладбища» Шаданакара, потому что и для Суфэтха стал если и не Законом, то достойным внимания Правилом. И «кладбище» пропустило его, лишь обдав немыслимым холодом запредельных непостижимых пространств. Невредимый, он вошел в мир Люцифера «через задворки», а не с «парадного входа».

Природа не терпит шаблонов, и Веер, как Метавселенная, реализовавшая триллионы миров, отличных друг от друга, вполне и наглядно демонстрировал правоту вышесказанного. Хрон Люцифера, которому вполне можно было дать название Ад, не библейский, а гораздо более масштабный и страшный, не поддающийся описанию, тоже подтверждал это правило. Он и в момент рождения Шаданакара отличался от остальных его миров-пластин, а когда Люцифер заявил о себе в полный голос, этот хрон и вовсе выпал из разряда миров, годных для эстетического созерцания другими формами интеллекта. А потом Люцифер создал Хаос...

В первые мгновения Никита ничего не увидел и не ощутил, словно окунулся в абсолютную пустоту подземелья, не способную затронуть ни один орган чувств.

Великая Тишина обрушилась на голову Сухова; тишина, отрицающая любой процесс как синтеза, так и распада, любое движение; тишина, отрицающая не только жизнь, но и смерть как совокупность событий.

Потом пришло ощущение г л у б и н ы , а с ним — влекущее, соблазнительное, сладостно-жуткое ощущение и н о р о д н о с т и. И эти впечатления были самыми рациональными, хотя и не прямого действия, остальные не вмещались в понятия земного языка. Но ни один орган чувств, реагирующий на физические воздействия, а их у Сухова-Единого было не меньше сотни, не сработал! Мир Люцифера не имел ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни объема, ни каких-либо ориентиров, ни других характеристик, которые можно было почувствовать или измерить. Никита не сразу смог определиться и отыскать способ ориентироваться в этом вселенском Нигде.

Хунь-дунь [1], пришло на ум чье-то определение. Вероятно, отозвалось «я» Такэды.

Затем Никита ощутил х о л о д: Хаос Люцифера был агрессивен, отнимая, высасывая энергию. Не так, как Суфэтх, но тоже с большой жадностью. Оставаться в этом мире долго не стоило.

Наконец по судорогам магиполя Сухов определил примерные координаты конкретного «дома» Люцифера и прорубил мечом «ущелье» в сплошной пелене Великой Тишины. Но и стоя у «ворот» обиталища Люцифера, он все равно ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Дом хозяина оставался недоступен даже эйдосу — совокупной сфере чувств Единого, несмотря на попытки «сотворить свет», то есть установить здесь верховенство Закона Веера. Тогда Никита напрягся предельно, щедро расходуя энергию, силы, интеллект и эмоции Единого, достиг сатори, мига просветления, дающего власть над любым природным явлением, и Хаос уступил.

Перед Единым во всем великолепии открылась «усадьба» Люцифера — сложнейшая многомерная «снежинка» с текучим узором, эквивалентная по объему вселенной с Землей и Солнцем, собранная из сияющих звезд-бездн, пространств с локальным ходом времен и эстетикой странных и парадоксальных гармоний, вернее, антигармоний. Хаос, созданный хозяином «усадьбы» и способный «съесть» любой физический объект, превратить его в ничто, ничуть не влиял на «дом» Люцифера. И Никита почувствовал если не страх, то некую мимолетную слабость, лишившую его решительности и воли. Но длилось это состояние одно мгновение, воля остальных личностей, составляющих Единого, не дала ему расслабиться. Никите напомнили, что он Принцип-регулятор, способный изменить ход событий в л ю б о м уголке Веера. Тогда он, вспомнив известный дзэнский коан: «Если хлопок двух ладоней таков, то каков хлопок одной ладони?» — позвал Люцифера «хлопком одной ладони». Молча. И был вознагражден. Первой реакцией Люцифера было безмерное удивление. И вдруг словно судорога передернула весь огромный, заполненный Хаосом, мир, и перед Единым на фоне «звездного» сияния исполинской черной фигурой, чем-то схожей с человеческим обликом, возник Люцифер.

Долго-долго маги-творцы смотрели друг на друга, не говоря ни слова ни в одном диапазоне, оценивали, думали, сравнивали возможности, будто подчеркивая красоту формулы: молчание — это выразительное проявление невыразимого. Потом Никита сказал вслух (звуковые волны возбуждались в среде, окружавшей магов, почти так же, как воздух):

— Привет, создатель недостижимого!

— Привет, Первозакон,— ответил Люцифер с неожиданно доб-

[1] Великий Хаос *(кит.)*.

родушной интонацией.— Что-то вы задерживаетесь. Я ждал вашего появления раньше.

— В самый раз,— не согласился Никита и включил всю чувственную сферу.

Дальнейший их диалог имел сложную структуру и происходил в ином темпе, в разных плоскостях, на разных уровнях компетентности, принадлежал разным этическим сферам и культурам. По сути, это был контакт очень разных, невообразимо далеких культур, почти не имеющих точек соприкосновения. Человеческому уровню в этом диалоге тоже было отведено время и место, и оба собеседника при этом вполне понимали друг друга, создав образы, так сказать «фигуры визуальной ориентации», соответствующие их понятиям о беседе гуманоидов. Неизвестно, каким хомо-Люциферу представлялся Никита Сухов, но тому создатель Хаоса казался хаббардианцем, смахивающим на Вуккуба. На злодея, демонабогоборца, дьявола, каким молва, а потом история и мифология представили землянам Денницу-Люцифера, собеседник Никиты не походил, хотя взгляд его был убийственно холоден и темен.

— Что хочет Единый, я знаю,— все так же миролюбиво проговорил псевдо-Вуккуб-Люцифер.— А чего хочется землянину Сухову?

— Того же,— со слабой улыбкой ответил Никита.— А вы можете предложить что-то другое? Бессмертие, власть, вечное блаженство?

Его собеседник засмеялся, глаза его остро блеснули.

— Не шибко богатый набор, а? Вообще-то я могу предложить гораздо больше.

— Не сомневаюсь.— Никита подумал и процитировал:

Пусть будет прихоть нечиста или невинна.
Порок иль светлая мечта,— мне все едино.
Я воплощу любой твой бред, скажи, в чем дело?
О дьявол,— я ему в ответ.— Все надоело! [1]

Люцифер снова засмеялся.

— Ясно — неподкупен. Все-таки человеческая культура своеобразна и по-своему интересна, хотя до эпохи христогенеза и магического реализма вряд ли доберется. Сомневаюсь, что она доживет даже до меритократии [2]. Впрочем, вторичные волны разума редко достигают высот Абсолютного.

— Но и вы не достигли своего,— обиделся за вид хомо сапиенс Никита.— Во всяком случае, идеального Хаоса вам создать не удалось.

— Ну у меня еще все впереди.— В глазах Люцифера мелькнул змеистый блеск.— Я намного старше человечества, но и я не есть

[1] П. Верлен. Искушение.
[2] Меритократия — по заслугам, достоинству, квалификации.

первичное бытие данной Метавселенной, образующей Веер Миров. Первыми были Предтечи, давно покинувшие Веер. Я их уже не застал. У меня же еще остались кое-какие дела в Шаданакаре, хотя когда-нибудь уйду и я. Итак, чего вы все-таки хотите, человек?

— Лично я — очень немногого,— усмехнулся Никита.— Достаточно вернуть моей девушке память, чтобы осчастливить меня. Ну и, пожалуй, дать возможность творческого проявления: говорят, я хороший танцор.— Он помолчал немного, колеблясь.— И еще хотелось бы, чтобы мной никто не командовал, не трогал и не защищал. В случае нужды сам за себя постою. А для этого надо, чтобы соблюдались основные Законы Веера.

— Законы толерантности и справедливости?— прищурился Люцифер.— Как мало человеку надо...— Усмешка тронула его тонкие губы.— Еще раз убеждаюсь, что большинство людей удовлетворить очень просто. Но не вас, Посланник. Ведь так? Вы представляете редкую категорию людей, пекущихся не о личном благе, но о благе других. Но вот вопрос: всегда ли, действуя во имя цели, вызванной благими намерениями, вы достигаете а б с о л ю т н о положительного результата?

Никита задумался. Вопрос относился не к нему лично, а ко всему человечеству, история которого хранила достаточно отрицательных примеров исполнения замыслов, базирующихся на благих намерениях.

— Вот видите,— кивнул Люцифер, опечалясь.— Истина не может быть выражена в одной исчерпывающей формуле, как правило, она многозначна, многоаспектна и многомерна, особенно при определении таких сложных понятий, как добро и зло. На меня как-то произвело ошеломляющее впечатление то, что одну из сторон истины, которую я отстаивал, правильно оценил и мой оппонент. А я ведь был убежден, что верное решение однозначно и целостно! Оказывается, парадокс разрешается просто: истина всегда включает в себя знания и эмоции обеих конфликтующих сторон.

Никита молчал, не зная, что говорить. Люцифер отобрал у него право прокурора, глашатая обвинения, подставляя вместо себя кого-то другого. Но главное, Сухов был с ним согласен!

Демон прищурился, заметив сдвинутые брови собеседника.

— Что касается категорий добра и зла... однажды я задался вопросом: что такое зло? И оправдано ли Добро, как таковое? И знаете, к какому выводу я пришел, изучив историю Веера? Добро н е о п р а в д ы в а е т с я! К примеру, возьмем род хомо сапиенс, человечество. Культура долго и, надо признаться, мастерски накладывала грим на «реликтовые черты зверя» в ваших лицах, как сказал один земной философ, но стал ли человек от этого менее агрессивным? Добрым?

Никита молчал.

— А главное,— продолжал собеседник,— смог бы он развиваться, творить, если бы освободился от агрессивности, зависти, тщеславия, ненависти, лени, равнодушия, наконец? Вывод однозначен — нет!

Никита молчал.

— И наконец самое смешное, что уже знаете и вы: законы нравственности, всесильные на уровне социума, человеческих эмоций, в мегамире, не работают на макроуровне — звезды, галактики, вселенные, и на микроуровне — молекулы, атомы, элементарные частицы, стринги, суперточки.

Никита молчал, тщетно ломая голову в поисках достойного ответа, в поисках второго, скрытого смысла в словах собеседника. И не находил.

Замолчал и Люцифер, облик которого стал плыть, смазываться: время контакта заканчивалось. Затем Никита опомнился и встряхнулся, удивляясь, что поддался колдовскому очарованию голоса демона, совершенно уверенного в своей правоте. Абсолютных злодеев не существует, как не был им и Властелин Хаоса, но абсолютное зло может выражаться и таким вот способом: просто, печально, уверенно, непогрешимо и... равнодушно!

— Я вас понял,— сказал Никита негромко.— Но не призываю понять и меня. Что бы вы ни говорили, но Закон толерантности, согласно которому всякое существо, а не только разумное и м е е т п р а в о решать свою судьбу само, существует! И на сей раз обойдемся без комментариев. Как Принцип-регулятор, на время ставший Главным Законом Шаданакара, я мог бы принудить вас подчиняться Закону толерантности...

— Каким образом? — поднял брови Люцифер.— На этом уровне н е т б о я!

Никита не обратил на реплику внимания.

— ... не вмешиваться в жизнь хронов, не экспериментировать с ними, рискуя вызвать непредсказуемые последствия, а также лишить свободы, заточив вас в непроявленной вселенной с непреодолимым барьером.

— Даже если я предложу вам Абсолютную власть?

Никита все-таки сбился.

— Во-первых, власть у меня уже есть, а во-вторых, Абсолютной власти не существует.

— Ошибаетесь. С вашей помощью я все-таки создам Абсолютный Хаос, когда Шаданакар провалится в себя, и вместе мы сможем добиться Абсолютной власти, потеснив кое-кого из «Трех В».

— Кого?

— Властелинов Всего и Везде. Ну скажем, высших богов, подобных тем, кого вы называете «богом данного мгновения».

Никита растерялся. Мало того, что его оскорбили предложе-

нием сделки, его еще и обвинили в прямом пособничестве Люциферу!

— То есть как это — с моей помощью?!

— Да очень просто: ваш друг Дадхикраван был не просто темпоралом, сетью станций хроносдвига, как вы уже знаете, он был позвоночником Шаданакара. Выдернув его из Веера, вы положили начало спонтанному схлопыванию. С чем вас и поздравляю.

— Меня предупреждали,— хрипло выговорил Никита.— Но я не обратил внимания... И я, глупец, хотел предложить вам совместную операцию по остановке коллапса Веера... более серьезные задачи, чем создание идеального Хаоса...

Люцифер пристально глянул в лицо Сухова.

— Это интересно. Не уверен, что соглашусь, но выслушаю. Говорите. Но если вы хотите предложить мне участие в восстановлении личности вашей девушки, вы меня разочаруете. Для мага вашего масштаба безумие и смерть не должны являться категориями абсолюта.

Никита горько усмехнулся. Он не был подготовлен к такому обороту разговора. Ему было что предложить Люциферу, но он уже не был уверен, что заинтересует демона, апостола абсолютного равнодушия ко всему живущему. Кроме себя.

— Говорите же.

Никита обнаружил, что голос его сел, откашлялся.

— Эти задачи формулируются гениально просто, но осуществить их в одиночку не под силу даже вам. Вот они: остановить коллапс Веера, выпустить Хаос в Большую Вселенную и заглянуть через Суфэтх в иные метавселенные.

Люцифер покачал головой, хотел что-то сказать, снова покачал головой, но только вздохнул. Потом засмеялся.

— Наивность — чисто человеческая черта... Почему вы считаете, что мне э т о будет интересно?

Никита дернулся, будто его ударили по щеке. Пролепетал:

— Н-но ведь это действительно интересно... в-вы отказываетесь?

— Конечно, отказываюсь, Посланник. У нас разные шкалы ценностных ориентаций. К тому же и на уровне мага вы слишком человек. Ваша Семерка не способна реализовать Принцип-регулятор и упрятать меня в другую тюрьму. Прощайте.

Фигура Люцифера стала расплываться, таять.

— Стой! — прохрипел Никита, ощущая слепящую ненависть к этому сверххолодному монстру.— Я человек и я слаб как человек, но тебе не удастся уйти просто так.

— А кто мне помешает? Вы? Семерка?

Глаза Люцифера вспыхнули. Взгляд его был страшен! Это был не только взгляд, но попытка выяснить, на что способен Единый, что он знает, чем живет и о чем мечтает, попытка сломить его волю.

Ему это почти удалось, но кто-то вдруг с жестокой силой помог Никите отразить этот выпад.

Сознание прояснилось. Никита с удивлением отметил, что его поддерживает чья-то мускулистая рука. Повернул голову и встретил улыбку молодого человека, широкоплечего, с длинными снежно-белыми волосами, смуглолицего, широкоплечего, одетого в белую рубашку с распахнутым воротом и белые брюки. Он сразу узнал незнакомца — это был тот самый молодой человек, олицетворение «бога мгновения», спасшего Посланника в битве с Великими игвами перед прыжком в Суфэтх.

— Все в порядке, Посланник?

— Кто... вы? — еле выговорил Никита.

— Вы правильно догадались, я — тот самый «бог мгновения», один из «Трех В», по свидетельству господина Люцифера. Можете называть меня любым именем, какое вам нравится.

— Александр.

— Пусть будет Александр.

Никита перевел взгляд на Люцифера. Тот стоял напротив в угрожающей позе, но молчал. Только глаза сверкали нестерпимо холодным огнем.

— Что с ним?

— А ничего,— оглянулся Александр.— Ждет. Итак, вы в состоянии воспринимать информацию? Я вам кое-что объясню.

— Давайте.— Никита расправил плечи. Силы постепенно возвращались, но напряжение паритета увеличилось. Появилось предчувствие, что откровения нового знакомого заставят переоценить многое в создавшейся ситуации, если не все.

— Сядем.— Александр указал на возникшие из ниоткуда кресла.— Итак, представьте больного человека. Скажем, инфицированного вирусом рака. Вирус внедрился в его тело и начал «работу». Как на это реагирует организм?

— Ну... начинает...— не сразу собрался с мыслями Никита, низвергнутый с горных высей на грешную землю.— Начинает бороться...

— Правильно. Но как?

— Ну... вырабатывает антитела, гонит лейкоциты к...

— К месту инфильтрата. Правильно. А теперь перейдем к нашим масштабам. Аналогия больного раком человека с Веером Миров — прямая.

— Что?! — выдохнул Никита еле слышно.

— Вы уже поняли,— кивнул Александр, сверкнув белыми зубами.— Конечно, ситуация в Шаданакаре гораздо сложнее, но аналогия все же достаточно близка. Люцифер — «вирус рака», четверо его сподручных-демонов — «клетки-паразиты», ну а Семерка магов...

— «Лейкоциты»!

— Скорее, фагоциты, антитела, вырабатываемые единым организмом Шаданакара. Обладающие разумом, сложной психикой, свободной воли — в пределах данного организма, но — инструмент лечения «рака».

Несколько минут Никита не мог прийти в себя от изумления. Александр смотрел на него сочувственно, с веселым прищуром. Наконец Сухов нашел в себе силы продолжать разговор.

— Значит, Шаданакар — живое существо?! Так сказать, Брахма? А мы все — его клетки?

— Можно сказать и так. Шаданакар — живое существо, но на тех уровнях, о которых мы можем только догадываться, ведь живет он в Большой Вселенной.

— И сам — Вселенная!.. А Люцифер — «вирус рака»... Бог ты мой!

— Начинал он, появившись в Шаданакаре, с моделирования вселенных с неограниченной степенью детализации. Мир Уицраора — его рук дело. Но уже тогда стало ясно, что он не остановится на опасных для Веера экспериментах.

— Подождите, я не могу врубиться... все перемешалось... А вы? Кто тогда вы?

— Я всего-навсего — проявление сознания Шаданакара, его воли, или может быть, души. Помните намеки Наблюдателя о некоей Соборной Душе Веера? Она же и есть Душа Шаданакара. А я, так сказать, ее полномочный представитель. Теперь поговорим о вас.

— Погодите! — снова взмолился Никита.— Я хотел бы...

— Я знаю. Сознание вашей девушки принадлежит Соборной Душе Веера, а это означает, что «собрать» ее в одну личность невозможно.

У Никиты все поплыло перед глазами. Собеседник подождал, пока его отпустит, мягко сказал:

— Но шанс у вас есть. То есть надо идти дальше. Путь ваш не закончен. Путь мага, творца и мастера. Вы прошли всего лишь Путь Меча... не до конца, правда.— Александр мельком взглянул на застывшего Люцифера.— Впереди еще Путь Мысли и Путь Духа. Достигнув конца Пути Духа, вы, пожалуй, сможете реализовать множественный духовный перекос и вернуть Ксении первоначальный облик. Только... вряд ли вам захочется это делать.

— Почему?

— Потому что вы станете равновеликим Шаданакару, обладающему душой Ксении. И сможете жить в Большой Вселенной, как он. Вернее, как она. Потому что Шаданакар — по земной аналогии — женщина.

Никита зажмурился, покачал головой. Прошептал:

— И сколько же времени понадобится мне на преодоление Пути? Двести лет? Тысячу? Миллион?

— А что такое миллион лет для вечности? — тихо спросил Александр.

Никита улыбнулся с тоской.

— Не хотелось бы ждать так долго.

— Значит это произойдет значительно раньше.

Двое молча смотрели друг на друга. Потом Никита глубоко вздохнул, собираясь с мыслями.

— Еще вопрос можно? Что такое Суфэтх? Действительно «кладбище»?

— Позволю еще одну доступную вам аналогию. Не обижайтесь.

— Ради бога!

— На самом деле все гораздо сложнее. Но если представить Шаданакар в образе человека, а вас, меня, да и Люцифера микробами, то «начало» Веера будет находиться, скажем, в пальцах ног, а «конец» — в пальцах рук. Таким образом, пальцы рук могут находиться буквально рядом с пальцами ног, но их всегда будет разделять...

— Суфэтх! Внешнее пространство.

— В точку. А для Шаданакара это континуум Большой Вселенной. Теперь займемся нашим другом...

— Минуту. Последний вопрос, честное слово! Почему Семерка магов отбирается произвольно? Ведь, по сути, для такой операции, как «лечение рака», необходимы маги-воины, специалисты.

— Вы правы. Из всей вашей Семерки только Уэтль — профессиональный воин-«фагоцит», всегда готовый постоять за хозяина. Может быть и неосознанно. Остальные ваши друзья — великие мастера, творцы, созидатели, а уж потом — воины. Но это большой роли не играет, потому что когда возникает задача з а щ и т ы Р о д и н ы, воинами становятся в с е! Это еще один Закон Веера Миров, который не признается Люцифером. И совершенно напрасно.— Александр повернулся к Люциферу.— Ты свободен!

Люцифер выпрямился, в глазах его снова клубилась Тьма. Абсолютная ночь!

— До новых встреч, маги.

— Вы его... отпускаете?! — привстал с кресла Никита.

— Ты не понял,— сказал Александр усмешливо, разглядывая плывущую фигуру Люцифера.— Ты свободен в пределах Большой Вселенной, то есть за пределами Шаданакара. Прощай.

Демон, не веря, глянул на смуглолицего представителя Соборной души Веера, хотел что-то сказать, протестующе взмахнул рукой и... исчез. И сразу Никита почувствовал огромное облегчение, словно с души упала неимоверная тяжесть, не позволяющая радоваться и быть свободным.

— Вы его?..

— Удалил, как скальпель хирурга удаляет, отсекает опухоль.

— Значит, мы были... не нужны?! Семеро?

— Ошибаетесь. Если бы не вы, отвлекшие на себя все силы Люциферовой команды, я не успел бы подготовиться. Но ваша миссия еще не закончена. Веер действительно находится на грани коллапса и потребуется немало сил и времени, чтобы процесс этот остановить. Больше, наверное, чем для освобожения Ксении. Если, конечно, вы сделаете выбор. Кроме того Великие игвы — тоже ваша забота. Как и ликвидация Болота Смерти — умерших вселенных — хронов.

Никита задумался.

— Вы поставили меня к стенке... но я согласен!

— Тогда мы скоро свидимся, Пасланник, вернее, маг-новичок. Ждите вестей.

Александр тоже исчез.

Уровни контакта смешались в один, принадлежащий сверхсознанию Единого. Сухов, еще ощущая объятие Александра, только сейчас сообразил, что ему мешало в разговоре с Люцифером и Александром: мысли Такэды и чувства Ксении. Они не всегда реагировали на слова Создателя Хаоса так, как Никита. Но отторжения, расщепления личности контактера, землянина-человека, не произошло, значит, Толя и Ксения чувствовали почти то же, что и он.

План визуального контакта также изменился.

Люцифер снова предстал черной глыбой тьмы с человеческими очертаниями на фоне «звездного» сверкания своего обиталища. «Вирус» равнодушия, «незаконный» сын Большой Вселенной, удравший в одну из метавселенных. За что? За какие прегрешения? Может быть за отрицание или несоблюдение какого-нибудь универсального закона жизни Большой Вселенной? Скажем, Закона Любви?

Черная тень взмахнула крылом, поколебав пространство, растаяла. «Скальпель» Семерых, направляемый сознанием Шаданакара, отсек Люцифера от Единого, выбросил в Суфэтх.

— Он выкарабкается,— мелькнула мысль. Человеческая мысль.— И поймет, что жил ущербно. Или не поймет?

Семеро молчали. Да и кто мог ответить на этот вопрос? Бог — Шаданакар? Большая Вселенная? Или только Время?

* * *

— И Веер был спасен, и Семеро разошлись по своим мирам, чтобы продолжить начатое...— Голос матери пресекся.

Сын удивленно глянул на нее: по щеке матери ползла слеза, но сама она улыбалась.

— Ма, ты чего плачешь? А па скоро приедет?

— Скоро,— ответила Ксения.— Он в пути, но скоро придет, сынок.

— Из Шакара?

— Из Шаданакара, сынок.

— А он один приедет или с дядей Александром? Я его люблю, ма, дядю Александра. Он добрый и красивый.

Ксения снова улыбнулась, смахнула слезу.

— Да. Дядя Александр очень красивый. Но ведь па красивее!

— А наш па волшебник или колдун?

— Волшебник, волшебник. Вырастешь, сам станешь волшебником. Спи, малыш, уже поздно.

— И сам спасу Веер,— пробормотал сонным голосом сын. И от тихого голоса его с тонким звоном лопнул бокал на столе, вздрогнули стены комнаты, качнулся многоэтажный дом, с гулом содрогнулась Земля, невидимая сила на мгновение задержала бег планет и заставила Вселенную с удивлением прислушаться к самой себе.

Февраль 1991 — сентябрь 1993 г.г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА. *Роман*

Вершина 1. НОВИЧОК 7
Вершина 2. НОВИЧОК-УЧЕНИК 85
Вершина 3. УЧЕНИК-МАСТЕР 159
Вершина 4. ВОИН-МАСТЕР 236
Вершина 5. МАСТЕР-ПОСЛАННИК 311
Вершина 6. ПОСЛАННИК-ПОСВЯЩЕННЫЙ 393
Вершина 7. МАГ 474

Литературно-художественное
издание

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 7

ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА

Фантастический роман
в стиле action

Редактор И. А. МУДРОВА
Технический редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректор М. А. МАШИНА.

Сдано в набор 10.01.94. Подписано к печати 23,06,94. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 36,63. Усл.-кр. отт. 33,72. Тираж 50 000 Заказ №. 3005. С. 017

Издательство «Флокс».
603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

В 1994 году
издательство «Флокс»
в серии
«Золотая полка фантастики»
выпустит следующий том собрания сочинений
ВАСИЛИЯ ГОЛОВАЧЕВА,
в который войдет новый,
нигде ранее не опубликованный
фантастический роман «СМЕРШ-2».

Тема произведения — вызов одиночки системе криминального беспредела, царящего в стране. В центре остросюжетного романа — офицер военной разведки, ганфайтер, то есть перехватчик-«волкодав», вынужденный сражаться не только с врагами-землянами, но и с Монархом Тьмы, нечеловеком, живущим в иной реальности Земли...

В серии
«Золотая полка фантастики»
в 1994 году издательство «Флокс»
представит читателю новый роман
одного из самых ярких
представителей жанра «фэнтези»
в отечественной литературе
СВЯТОСЛАВА ЛОГИНОВА
«Многорукий бог Далайна».

С первых страниц романа читателя завораживает фантастический мир, созданный воображением писателя. Читателя несомненно увлекут необычный сюжет романа, в котором действуют сказочный животный мир и одухотворенная природа. Но человек-созидатель — главный герой романа.

Серия
«Золотая полка фантастики»
будет продолжена издательством «Флокс»

однотомником произведений лидера «новой волны» современной фантастики **ВЯЧЕСЛАВА РЫБАКОВА.** В него войдут роман «Гравилет «Цесаревич», удостоенный призов «Бронзовая улитка» и «Интерпресскон», и также повести «Доверие», «Вода и кораблики», «Не успеть».

В 1994 году
издательство «Флокс»
выпустит сборник французского писателя-фантаста
ДЖИММИ Гийо,
включающий в себя три романа:

«На стыке времен» и «Возвращение богов»— дилогия о путешествии в параллельном потоке времени в истории Земли и сражении с обществом «падших ангелов»;

«Гибель жизни»— футурологическая фантастика о зарождении на планете Земля новой расы — «синих людей».

Издательство «Флокс»
в 1994 году
выпустит сборник романов
зарубежных авторов «БУСЫ НЕМЕЗИДЫ»

В мир романтических чувств, коварных интриг и экзотических стран перенесет вас новый сборник романов о любви «Бусы Немезиды». Читайте в нем следующие произведения популярных английских писательниц:

Элинор Фарнс «ДОЛИНА ОРЛОВ»
Элизабет Хантер «БУСЫ НЕМЕЗИДЫ»
Джойс Дингуэлл «АНГЛИЙСКИЙ БОСС»
Эсси Саммерс «ЛУНА НАД АЛЬПАМИ»

Издательство «Флокс»
предлагает купить
диапозитивы изданных книг

Обращаться по адресу:
603000, г. Нижний Новгород, ул. Костина, 20
телефон: 34-15-89

Оптовым покупателям книг
обращаться по адресу:
603000, г. Нижний Новгород, ул. Костина, 20
телефон: 34-05-96

Василий ГОЛОВАЧЕВ